ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1958

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

10

ПРЕДИСЛОВИЕ

В десятый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса входят статьи, написанные ими с января 1854 по январь 1855 г. включительно. Подавляющее большинство этих статей было опубликовано в американской прогрессивной газете «New-York Daily Tribune». Некоторые из статей, направленных в «Tribune», Маркс одновременно печатал в чартистской газете «People's Paper», иногда перерабатывая их, чтобы сделать доступными для английского рабочего читателя. С января 1855 г. Маркс начал также сотрудничать в немецкой буржуазно-демократической газете «Neue Oder-Zeitung», используя для этого материалы своих статей и статей Энгельса, посланных в «Tribune». Сотрудничество в «Neue Oder-Zeitung» давало Марксу возможность освещать для немецких читателей важнейшие проблемы международной политики, экономического развития и внутреннего положения различных капиталистических стран, а также вопросы буржуазно-демократического и рабочего движения.

Публицистические произведения Маркса и Энгельса составляют значительную часть той огромной и разносторонней научной и политической работы, которую вели основоположники марксизма в это время. Придавая первостепенное значение дальнейшему развитию теории научного социализма, Маркс продолжал свои исследования в области политической экономии. Главными предметами исследовательской работы Энгельса были история и теория военного дела, а также лингвистика. Многие выводы и обобщения, сделанные Марксом и Энгельсом в процессе их исследовательской работы, находили

отражение в статьях, написанных для «Tribune» и других газет. Эти статьи основоположников марксизма, посвященные большей частью текущим событиям, политической и экономической жизни важнейших стран Европы и Азии, представляют собой яркий образец применения материалистической диалектики к анализу основных проблем современности.

Свои газетные статьи, как и свою переписку с деятелями рабочего движения разных стран, Маркс и Энгельс стремились использовать для обоснования позиции пролетариата в важнейших вопросах международной жизни, а также внутренней политики европейских государств. Определяя программу действий пролетариата в условиях, когда в большинстве стран рабочее движение еще не выделилось из общедемократического потока, основоположники марксизма конкретизировали свое учение о передовой роли пролетариата применительно к основным задачам эпохи и к своеобразным условиям той или иной страны. Не имея возможности выступать с развернутым и открытым обоснованием тактики пролетариата, как это было сделано ими в свое время в ряде документов Союза коммунистов и на страницах «Neue Rheinische Zeitung», Маркс и Энгельс вынуждены были теперь формулировать свои тактические положения в отдельных статьях, написанных от случая к случаю, в связи с анализом конкретных событий, прибегая порою к иносказательной форме.

В 1854—1855 гг. в связи с Крымской войной в центре внимания Маркса и Энгельса стояли международные отношения и ход военных действий на различных театрах войны. Этим двум основныv темам посвящена значительная часть вошедших в десятый том статей. Особое место в томе занимают статьи, содержащие характеристику экономического развития и политической жизни капиталистических стран, в первую очередь Англии, а также английского рабочего движения. Большая группа статей касается революционных событий в Испании в 1854 году. К ним примыкает серия статей К. Маркса «Революционная Испания», освещающая историю испанских буржуазных революций начала XIX века.

При рассмотрении внешней политики различных европейских государств во время Крымской войны, этапов дипломатических переговоров и хода военных действий Маркс и Энгельс к анализу каждого из этих вопросов подходили с точки зрения перспектив дальнейшего развития рабочего, революционно-демократического и национально-освободительного движений, с точки зрения интересов революции.

Как и в 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс считали царизм главным оплотом феодально-абсолютистской реакции в Европе. Они видели в крушении царизма, в устранении его реакционного влияния на Европу необходимое условие для победы пролетарской революции в Англии и во Франции, для демократического разрешения коренных вопросов исторического развития Германии, Италии, Польши, Венгрии и других стран Европы — вопросов, которые оказались неразрешенными в ходе революций 1848—1849 годов.

В то же время Маркс и Энгельс ясно видели, что правящие классы Англии и Франции, кровно заинтересованные в сохранении царизма как контрреволюционной силы, не хотели его полного разгрома, опасаясь революционных последствий этого разгрома для Европы, усматривая в этом угрозу своему собственному господству. Планы английской олигархии и французского бонапартистского правительства, доказывали в своих статьях Маркс и Энгельс, сводились лишь к устранению России как соперника в борьбе за гегемонию на Ближнем Востоке, к установлению своего господства на Балканах и в районе Черного моря, к ослаблению военной мощи царской России. Соответственно этим планам главные усилия правительств Англии и Франции направлялись на то, чтобы по возможности локализовать войну, ограничить сферу военных действий теми районами, которые были объектом их захватнических стремлений. Этому плану локализованной войны, ведущейся в корыстных интересах господствующих классов Англии и Франции, Маркс и Энгельс противопоставляли лозунг революционной войны европейских народов против царского самодержавия.

Намечая тактику пролетариата во время Крымской войны, Маркс и Энгельс исходили из того, что война против царизма, если бы она приняла европейский характер, могла бы вызвать новый революционный подъем в странах Европы, привести к падению антинародных, деспотических режимов в этих странах и к освобождению угнетенных национальностей в Европе; в этих условиях начавшаяся война превратилась бы в революционную войну народов против царизма. Эта война могла бы ускорить вызревание революционной ситуации и в самой России, приблизить революцию, направленную против самодержавия и крепостничества.

Таким образом, выдвинутый Марксом и Энгельсом лозунг революционной войны против царизма должен был развязать революционное движение в Европе, поднять народные массы всех европейских стран против своих правительств. Именно

в этом заключалось принципиальное отличие позиции Маркса и Энгельса от националистической позиции тех представителей европейской буржуазной демократии, которые выступили с поддержкой контрреволюционных правительств Англии и Франции, расценивая их войну против России как «войну между свободой и деспотизмом» (см. настоящий том, стр. 263).

Тактика Маркса и Энгельса в период Крымской войны была продолжением их тактики в 1848—1849 гг., когда они на страницах «Neue Rheinische Zeitung» призывали к революционной войне против царизма. Эта тактика, как указывал В. И. Ленин, диктовалась объективными историческими условиями эпохи 1789—1871 гг., когда на первый план выступала задача окончательного уничтожения абсолютизма и феодализма. «До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 272).

Призыв к революционной войне против царизма и к революционному преобразованию Европы ясно сформулирован в статье Ф. Энгельса «Европейская война», которой открывается настоящий том. Эта статья была написана в связи с появлением в январе 1854 г. англо-французского флота в Черном море. В своей статье Энгельс отмечает коренное различие между той войной, которую намеревались вести правящие классы Англии и Франции против России, и подлинно революционной войной против царизма, которая должна была бы вестись в интересах демократического преобразования Европы. Энгельс выражает убеждение, что изменение в обстановке, в условиях и характере войны произойдет тогда, когда на сцену выступит шестая держава — революция, которая заявит о своем главенстве над всеми пятью так называемыми «великими» державами и заставит дрожать каждую из них. В статье высказывается мысль, что начавшиеся военные действия, независимо от желания правительств Англии и Франции, могут послужить толчком для европейской революции, почва для которой подготовлена экономическим и политическим развитием Европы, ростом классовых противоречий, усилением брожения среди рабочих и трудящихся масс. Эта же мысль сформулирована в статье Ф. Энгельса «Война», в статье К. Маркса и Ф. Энгельса «Развитие военных действий», она лежит в основе и других их статей, посвященных войне.

Наметив тактику пролетариата в период Крымской войны, основоположники марксизма развивали и конкретизировали

ее применительно к специфическим условиям той или иной страны. Особое внимание они уделяли Англии — главной в то время стране капитализма, перспективам революционного развития которой Маркс и Энгельс придавали первостепенное значение. Анализируя экономическое и политическое положение Англии, отношение различных классов английского общества и их политических партий к Крымской войне, основоположники марксизма в своих статьях неустанно разоблачали внутреннюю и внешнюю политику господствующих классов Англии и их партий — вигов и тори. Маркс и Энгельс доказывали, что своей внутренней политикой господствующие классы Англии препятствуют прогрессивному развитию английского народа, а во внешней политике, руководствуясь своими корыстными классовыми интересами, стремятся лишь ослабить царизм, сохранив этот оплот реакции в Европе. Разоблачение всей английской политической системы и позиций буржуазных партий, острая критика английской дипломатии и методов ведения войны, — таково основное содержание статей Маркса и Энгельса, посвященных анализу политики правящих классов Англии.

В своих статьях Маркс показывает, что политика буржуазно-аристократической олигархии в восточном вопросе отличалась тем же вероломством, которое вообще было свойственно английской дипломатии и составляло ее традиционную черту. В статьях «Документы о разделе Турции» и «Секретная дипломатическая переписка» Маркс на основании тщательного анализа многочисленных дипломатических документов разоблачает попытки ряда английских государственных деятелей в период, предшествующий войне, договориться с царским правительством о разделе Турции, обеспечив себе решающие позиции на Ближнем Востоке. Маркс приходит к выводу, что если бы раздел Турции между царской Россией и Англией не был чреват неизбежной войной с Францией, а война с Францией не грозила европейской революцией, то правительство Англии с одинаковой охотой проглотило бы и Турцию и Россию (см. настоящий том, стр. 162).

В многочисленных военных обзорах, написанных Энгельсом по просьбе Маркса и опубликованных в «New-York Daily Tribune» в качестве передовых статей, содержится критика методов, ведения войны английским правительством. Маркс и Энгельс рассматривали эту критику как важную составную часть своей деятельности по разоблачению английской олигархии. Публикуя часть этих обзоров также и в чартистском органе

«People's Paper», Маркс и Энгельс видели в этом одно из средств агитации среди английских рабочих против политики господствующих классов.

В своих военных статьях Энгельс выступает как крупный военный специалист, как глубокий знаток военного дела. В ряде статей — «Война», «Современное состояние английской армии, ее тактика, обмундирование, интендантство и т. д.», «Британская катастрофа в Крыму» и других — он раскрывает консерватизм английской военной системы, ее рутинный характер и отсталость военного дела в Англии по сравнению с ее общим капиталистическим развитием. В статьях «Вопрос о войне в Европе», «Отступление русских от Калафата», «Положение армий в Турции» и многих других Энгельс рассматривает ход военной кампании, характеризует состояние сил воюющих держав, разбирает отдельные военные операции. Значительный интерес представляет публикуемая впервые рукопись Энгельса «Кронштадтская крепость». В статьях «Инкерманское сражение», «Война», «Кампания в Крыму» Энгельс, высоко оценивая героизм русских солдат, в то же время подвергает резкой критике отсталость военного дела в помещичьей России, бездарность значительной части генералитета и «плацпарадную муштру» солдат, применявшуюся в царской армии.

Большая группа статей Энгельса посвящена осаде Севастополя, которую он рассматривал как новый этап военной кампании (статьи: «Наступление на Севастополь», «Осада Севастополя», «К критике осады Севастополя» и др.). В статьях, написанных в октябре — ноябре 1854 г., Энгельс, исходя из численного перевеса союзников и отмечая слабость укреплений Севастополя, считал возможным падение города в ближайшее время. Однако героизм защитников Севастополя, проявленное ими мужество и самоотверженность дали возможность подготовить не защищенный до этого с суши Севастополь к длительной обороне. Это заставило Энгельса уже в конце декабря 1854 г. — начале января 1855 г. отметить, что «открытый город уже превратился в первоклассный укрепленный лагерь» (см. настоящий том, стр. 588), что благодаря рвению русских Севастополь укреплен лучше, чем когда-либо, и что возможность взять его штурмом совершенно исключена (см. настоящий том, стр. 626).

Статьи Энгельса о Крымской войне, публикуемые в настоящем томе, а также в томах 9 и 11 настоящего издания, содержат ценные материалы и теоретические выводы в области истории военного искусства, военной теории, стратегии и тактики. Эти

статьи отражают важный этап в формировании марксистской военной мысли, в обобщении Энгельсом опыта современных ему войн на основе исторического материализма. При чтении военных статей Энгельса следует, однако, учитывать, что, располагая часто только тенденциозной информацией буржуазной западноевропейской прессы и не имея времени и возможности для проверки сообщений о ходе военных действий, поскольку военные обзоры писались по горячим следам событий, Энгельс иногда допускал одностороннюю оценку некоторых военных операций, как, например, синопского сражения или взятия Бомарсунда.

Разоблачение внешней политики английской олигархии сочеталось у Маркса и Энгельса с раскрытием антинародной сущности всего политического строя буржуазно-аристократической Англии. В ряде статей о парламентских дебатах Маркс дает блестящую критику действующей в Англии двухпартийной системы. Он подчеркивает, что борьба между вигами и тори по вопросам внешней политики носит только показной характер, так как каждая партия «предпочитает не губить политическую «репутацию» своего противника,.. чтобы не подорвать основу господства правящих классов» (см. настоящий том, стр. 56). Ряд печатных выступлений Маркса был направлен против конкретных лиц — современных ему государственных деятелей Англии. Маркс продолжает начатое им еще раньше разоблачение политики таких видных представителей английской олигархии как Пальмерстон, Рассел, Абердин, Гладстон и другие.

Касаясь позиции различных политических партий и группировок в английском парламенте в годы войны, Маркс показывает ту неприглядную роль, которую играла в политической жизни страны фракция либеральных ирландских депутатов в парламенте (так называемая ирландская бригада). Представители этой фракции, отмечает Маркс, по существу предавали национальное движение ирландского народа. Поддерживая то. ту, то другую английскую партию, ирландская бригада добивалась у них отдельных уступок, удовлетворения своих корыстных интересов, отнюдь не препятствуя английским колонизаторам угнетать Ирландию; она «ни разу не предотвратила ни одной подлости по отношению к Ирландии, ни одной несправедливости по отношению к английскому народу» (см. настоящий том, стр. 60).

Значительное число статей — «Парламентские дебаты», «Война. — Парламентские дебаты», «Дебаты о войне в парла-

менте» и другие — посвящено анализу выступлений в парламенте различных депутатов по вопросам, связанным с ведением войны, с бюджетом, проектами отдельных реформ и т. д. На некоторых из этих заседаний палаты общин Маркс присутствовал лично. На конкретных примерах он беспощадно критикует капиталистическое общество, обнажает его пороки и язвы, обличает господствующие политические порядки, раскрывает классовую сущность английского парламентаризма, лицемерие и фальшь, присущие буржуазным парламентариям. Анализируя военный бюджет, представленный министром финансов Гладстоном, Маркс в статье «Британские финансы» подчеркивает, что в конечном итоге расплачиваться за войну приходится народным массам. Многие статьи Маркса содержат острую критику английской буржуазной прессы.

В ряде статей Маркс резко критикует выступления представителей фритредерских кругов промышленной буржуазии Англии, которые группировались вокруг так называемой манчестерской школы, провозглашавшей себя «сторонницей мира» и выступавшей против войны с Россией. Маркс показывает, что эта позиция фритредеров вытекала отнюдь не из искреннего миролюбия, а из убеждения, что Англия в силах установить свою монополию на мировых рынках мирными средствами, без расходов на ведение войны. Исходя из роста экспорта английских товаров на русские рынки, фритредеры доказывали общность интересов капиталистической Англии и помещичьей России. Маркс подчеркивает, что выступление фритредерских лидеров Кобдена и Брайта в роли «защитников мира» на деле означало защиту ими того режима, который был установлен в Европе в 1815 г. в интересах реакционных правящих кругов великих держав и вопреки жизненным интересам народов. Таким образом, прикрываясь пацифистскими лозунгами, промышленная буржуазия Англии на деле выступала, подобно английской аристократической олигархии, как враг демократии и национально-освободительного движения. Фальшивое миролюбие Кобденов и Брайтов, скрывавшее их ненависть к революции и стремление сохранить такую реакционную силу как царизм, обнаруживало, отмечает Маркс, «низкую и подлую душу европейской буржуазии» (см. настоящий том, стр. 39).

Критику позиции английских фритредеров по вопросам внешней политики Маркс дополняет острой и бичующей критикой их внутренней политики, их показных выступлений в роли «защитников» народных масс. В статьях «Торгово-промышлен-

ный кризис» и «Торгово-промышленный кризис в Англии» Маркс разоблачает фритредеров как злейших врагов рабочего класса. Кобдены и Брайты, пишет он, фарисейски сетуют по поводу «взаимного истребления христиан» в войне, но в то же время выступают как сторонники безудержной эксплуатации рабочих, всеми мерами добиваясь отмены законодательства, ограничивающего рабочий день женщин и детей. Маркс вскрывает порочность попыток фритредеров объяснить нарастание экономического кризиса в Англии случайными причинами, в частности влиянием войны. Фритредеры пытались спасти свою догму, согласно которой отмена хлебных законов и принятие принципов свободной торговли являются панацеей против торгово-промышленных кризисов.

В ряде своих статей, посвященных экономическому развитию капиталистических стран, в первую очередь Англии, Маркс опровергает концепции фритредеров и других буржуазных экономистов. При этом он опирается на богатый статистический материал, на повседневное изучение и обобщение текущих экономических данных, что являлось частью гигантской подготовительной работы Маркса к его главному экономическому труду — будущему «Капиталу». Доказывая несостоятельность буржуазной политической экономии, Маркс опирается на открытые им общие закономерности развития капитализма. Он подчеркивает, что кризисные явления, обнаруживающиеся в Англии, органически присущи капиталистическому способу производства с его антагонистическими противоречиями. Эти кризисные явления обнаружились несмотря на то, что война в известной степени способствовала развитию отдельных отраслей производства, позволив использовать для военных целей часть свободного капитала. Маркс отмечает проявившуюся в то время такую специфическую черту экономики Англии, как ее тесную связь с мировым рынком; в результате растущего экспорта английских товаров в другие страны усиливалось влияние английской промышленности, а также переживаемых ею потрясений, на мировую экономику в целом.

Исследуя циклическое развитие капиталистической экономики, Маркс приходит к выводу, что период экономического процветания в Англии, начавшийся с 1849 г., не может продолжаться непрерывно и что кризисные явления, наблюдавшиеся в английской экономике в течение 1853—1854 гг., перерастут в глубокий экономический кризис, что и произошло в 1857 году. С наступлением очередного кризиса Маркс

связывал возможность нового подъема рабочего и революционного движения в Европе.

Особое место в томе занимают статьи, посвященные рабочему движению в Англии: «Открытие Рабочего парламента. — Военный бюджет Англии», «Письмо Рабочему парламенту», «Рабочий парламент» и другие. Маркс и Энгельс на протяжении многих лет были теснейшим образом связаны с чартистским движением, принимали в нем непосредственное участие. В первой половине 50-х годов они оказывали помощь революционным чартистам в их борьбе за возрождение чартизма на новой, социалистической основе. В своих статьях Маркс популяризировал материал, печатавшийся в чартистской печати, пропагандировал речи лидера революционных чартистов Э. Джонса, помогал чартистам вскрывать перед трудящимися массами классовый характер английского парламента. В статье «Укрепление Константинополя. — Датский нейтралитет. — Состав английского парламента. — Неурожай в Европе» Маркс, анализируя социальный состав парламента и действующую избирательную систему, показывает, что самый многочисленный класс английского общества — пролетариат — по существу лишен права и возможности участвовать в политической жизни страны. Основоположники марксизма настойчиво выдвигали перед английским пролетариатом задачу создания своей массовой политической подлинно революционной партии. В приветственном письме Рабочему парламенту Маркс ставит перед ним великую и славную цель — «организацию рабочего класса в национальном масштабе» (см. настоящий том, стр. 123). В другой статье Маркс подчеркивает, что только организовавшись в партию в национальном масштабе, пролетариат Англии приобретет социальную и политическую силу и станет способным бороться против «привилегий современных правящих классов и рабства рабочего класса» (см. настоящий том, стр. 115).

Значительное место в статьях, входящих в данный том, уделено Франции, ее внутренней и внешней политике, ее позиции в Крымской войне. При оценке этой позиции Маркс и Энгельс исходили из того положения, что сама природа бонапартистского режима — режима буржуазной диктатуры, опирающейся на армию, — неизбежно толкала Наполеона III на военные авантюры. «Революция внутри страны или внешняя война — иного выхода у него не осталось», — пишет Маркс (см. настоящий том, стр. 99). Он неоднократно подчеркивает, что бонапартистская Франция сыграла роль одного из главных зачинщиков Крымской войны. «Истинным источником тепереш-

него восточного кризиса, — указывает Маркс, — является бонапартистская узурпация» (см. настоящий том, стр. 64).

Маркс и Энгельс отмечали, что Наполеон III и его клика не менее, чем английская олигархия, боятся европейской революции и поэтому тоже стоят за локализованную войну. Подобно британскому коалиционному министерству бонапартистское правительство Франции преследовало в войне своекорыстные, захватнические цели, что находило свое отражение в военных планах и действиях французского командования. В своих статьях Маркс систематически раскрывал тайные замыслы французского правительства, боролся против лживых бонапартистских лозунгов, разжигавших в массах шовинистический угар. Он решительно выступал против попыток некоторых буржуазных демократов выдать Луи Бонапарта за защитника демократии, за «представителя свободы» (см. настоящий том, стр. 263). Маркс разоблачал антидемократическую, антинародную политику Наполеона III и клеймил кровавые методы «цивилизации декабрьского переворота» (см. настоящий том, стр. 525). В статье «Реорганизация английского военного ведомства. — Австрийские требования. — Экономическое положение Англии. — Сент-Арно» в блестящей памфлетной форме показан облик одного из тех, кому «вверяется спасение цивилизации», типичного представителя правящих кругов бонапартистской Франции, маршала Сент-Арно — продажного карьериста, циничного приспешника Луи Бонапарта.

В условиях, когда во Франции рабочее движение было разгромлено, Маркс и Энгельс с особым вниманием и сочувствием следили за судьбой французских пролетарских революционеров, в первую очередь Огюста Бланки, которого считали выдающимся вождем французского рабочего класса. Большой интерес в этой связи представляет та часть публикуемой впервые на русском языке статьи «Севастопольская мистификация. — Общее обозрение», в которой О. Бланки противопоставляется А. Барбесу, оказавшемуся в период Крымской войны в плену буржуазно-националистических настроений.

Ряд статей Маркса, входящих в настоящий том, содержит острый критический анализ внутренней и внешней политики Пруссии, ее позиции во время Крымской войны. Этому посвящены статьи «Декларация прусского кабинета. — Планы Бонапарта. — Политика Пруссии», «Россия и немецкие Державы. — Цены на хлеб», «Бомбардировка Одессы. — Греция. — Воззвание черногорского князя Данилы. — Речь Мантёйфеля», «Договор между Австрией и Пруссией. — Парла-

ментские дебаты 29 мая» и другие. Вопрос о позиции, которую должна занять Пруссия в войне, Маркс рассматривал с точки зрения разрешения основной исторической задачи Германии, не решенной в революции 1848—1849 гг.,—задачи создания единой демократической германской республики. Маркс считал, что участие Пруссии в войне против царской России может послужить непосредственным толчком для нового подъема демократического движения в Германии, в котором решающую роль должен сыграть рабочий класс. Выступление народных масс привело бы к свержению в Пруссии и других германских государствах существовавших там монархий и к созданию единого демократического германского государства. Маркс разоблачал политику реакционных прусских правящих кругов, проникнутую страхом перед народными массами, в частности, их намерение арестовать всех наиболее известных демократов и отправить их в крепости Восточной Пруссии, чтобы таким образом лишить их возможности организовать народное движение (см. настоящий том, стр. 74—76).

Особое внимание Маркс уделяет в своих статьях анализу позиции Австрии в Крымской войне. Маркс и Энгельс придавали большое значение вступлению Австрии в войну, считая, что перенесение военных действий в центральную часть Европы вызвало бы там новый подъем национально-освободительного движения, который мог бы привести к победе буржуазно-демократической революции. В этом случае неизбежно изменился бы и характер самой войны. «Пока война ограничивается борьбой между западными державами и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой, — писал Энгельс, — она не может стать европейской войной, подобной той, какую мы видели после 1792 года» (см. настоящий том, стр. 5).

Вступление Австрии в войну могло бы повести за собой крушение Австрийской империи — тюрьмы народов, — образование порабощенными Австрией народами самостоятельных национальных государств и демократическое переустройство и ряде европейских стран. «Кроме немцев, —указывал Маркс,— наиболее непосредственно заинтересованы в исходе восточных осложнений венгры и итальянцы» (см. настоящий том, стр. 198).

На основании тщательного анализа положения Австрийской империи в статьях «Русская дипломатия. — Синяя книга по восточному вопросу. — Черногория», «Подробности Мадридского восстания. — Австро-прусские требования. — Новый заем в Австрии. — Валахия», «Отход русских войск», «Восточная война» Маркс и Энгельс приходят к выводу, что политика

нейтралитета, которой придерживалось австрийское правительство в восточном кризисе, была обусловлена непрочностью реакционного режима империи Габсбургов, внешнеполитическими, а также внутренними затруднениями этой империи. Австрийское правительство находилось как бы между двух огней. Оно не могло допустить разгрома царской России, так как Габсбурги «лишились бы единственного друга, который может помочь им выбраться из ближайшего революционного водоворота» (см. настоящий том, стр. 291). С другой стороны, австрийское правительство не желало усиления России и опасалось, что продвижение русских войск на Балканы вызовет волнения среди угнетенных Австрийской империей славянских народов и пробудит в них «сознание собственной силы и того унижения, которому они подвергаются под властью немцев» (см. настоящий том, стр. 31). Поэтому Австрия потребовала удаления вооруженных сил России из Дунайских княжеств. К тому же, австрийское правительство надеялось с помощью западных держав выйти из финансовых затруднений, достигших, как показал Маркс в статьях «Восточная война», «Банкротство Австрии» и других, большой остроты. Эти причины, пишет Маркс, и определили колеблющуюся и неопределенную позицию австрийского правительства.

Анализируя внутреннее положение Австрийской империи, Маркс показывает, что политика австрийского правительства, разжигавшего национальную рознь между народами, угнетавшимися Австрией, находила благоприятную почву в националистической позиции буржуазно-либеральных представителей этих народов, в частности в позиции итальянских либералов. «Секрет долговечности Австрийской империи, — пишет Маркс, — именно и таится в этом провинциальном эгоизме, который заставляет каждый народ тешить себя иллюзией, будто он может завоевать себе свободу, пожертвовав независимостью другого народа» (см. настоящий том, стр. 199).

Как судьбу народов, угнетаемых Австрией, так и судьбу славянских и других народов, входивших в состав феодальной Оттоманской (Османской) империи, Маркс и Энгельс связывали с революционно-демократическими преобразованиями в Европе, С революционной войной, которая должна была привести к крушению этой империи и к образованию независимых демократических государств на Балканах. В противовес мнению многих западноевропейских политических деятелей, в частности английского публициста Д. Уркарта, выступавшего за сохранение в неприкосновенности реакционного турецкого государства, Маркс и

Энгельс считали феодальную Турецкую империю величайшим тормозом для исторического прогресса и поддерживали требование национальной независимости славянских и других народов, находившихся под властью турецких завоевателей.

Кроме статей, посвященных Крымской войне, анализу хода военных действий и связанных с этой войной перспектив революционного движения в Европе, значительное место в томе занимают статьи Маркса, посвященные начавшейся в 1854 году буржуазной революции в Испании: «Восстание в Мадриде. — Австро-турецкий договор. — Молдавия и Валахия», «Венское совещание. — Австрийский заем. —Воззвания Дульсе и О'Доннеля. — Министерский кризис в Англии», «Испанская революция. — Турция и Греция», «Реакция в Испании» и другие. Маркс и Энгельс, внимательно следившие за всеми проявлениями революционного движения на европейском континенте, придавали большое значение революционным событиям в Испании. Они горячо приветствовали выступление испанского народа против абсолютизма, рассматривая это выступление как возможный пролог к революции в Европе.

Для того, чтобы лучше уяснить себе особенности нараставшей в Испании буржуазной революции и расстановку классовых сил в ней, Маркс тщательно изучает историю предыдущих испанских революций, знакомится с трудами испанских, французских, английских и немецких авторов. Результатом исторических исследований Маркса явилась напечатанная в «New-York Daily Tribune» в сентябре — декабре 1854 г. серия статей «Революционная Испания», дающая глубокий анализ борьбы испанского народа со времени наполеоновского нашествия и до революции 1820—1823 годов. Важным дополнением к этой работе является впервые публикуемый рукописный отрывок статьи Маркса из этой же серии, отосланной им в «New-York Daily Tribune», но не появившейся в газете.

Статьи Маркса, посвященные Испании, представляют собой огромную научную ценность. Содержащиеся в этих работах обобщения не только проливают свет на важнейшие события испанской истории — борьба испанцев с маврами, восстание против абсолютизма Карла V в защиту средневековых вольностей, национально-освободительная война против Наполеона, буржуазные революции первой половины XIX в., карлистская война и другие, — но и облегчают понимание ряда общих проблем всемирной истории.

Во всех статьях, посвященных истории испанских революций, Маркс прежде всего выделяет роль народных масс, чью

революционную энергию не могли задушить ни деспотический режим абсолютизма, ни «святая инквизиция», ни наполеоновские армии. Каким бы мертвым ни казалось на первый взгляд испанское государство, под его покровом дремали живые силы испанского народа, и Наполеон **I**, считавший Испанию безжизненным трупом, был «весьма неприятно поражен, убедившись, что если испанское государство мертво, то испанское общество полно жизни, и в каждой его части бьют через край силы сопротивления» (см. настоящий том, стр. 433).

Высоко оценивая борьбу против французских интервентов, развернувшуюся в Испании, Маркс диалектически вскрывает и противоречивые черты этой борьбы: противоречие между целями боровшегося за свое освобождение народа и стремлениями реакционных правящих кругов Испании восстановить абсолютизм и сохранить свои привилегии. Маркс отмечает, что это явление присуще в той или иной степени всем тем войнам за независимость, которые велись против наполеоновского нашествия. В связи с этим Маркс высказывает важную мысль о необходимости сочетания национально-освободительной борьбы с глубокими внутренними социальными и политическими преобразованиями.

На примере испанских революций XIX в. Маркс раскрыл ряд закономерностей, присущих всем прежним буржуазным революциям. Он показал роль народных масс как движущей силы этих революций и в то же время вскрыл половинчатость, классовую ограниченность чуждых интересам народа либерально-буржуазных руководителей этих революций, что накладывало отпечаток на все развитие революционной борьбы. Политическая незрелость и предрассудки масс, отмечал Маркс, неизменно использовались по существу враждебными революции либеральными элементами, стремящимися удержать движение в конституционных рамках. Отличительной чертой буржуазных революций является то, писал Маркс в статье «Эспартеро», «что именно тогда, когда народ, кажется, стоит на пороге великих начинаний, когда ему предстоит открыть новую эру, он дает увлечь себя иллюзиями прошлого и добровольно уступает всю свою с таким трудом завоеванную власть, все свое влияние представителям — подлинным или мнимым — народного движения минувшей эпохи» (см. настоящий том, стр. 373). Глубокая критика Марксом испанских либеральных деятелей дополняет содержащуюся в его более ранних работах характеристику либерализма как господствующего в XIX в. среди буржуазии политического и идеологического течения. В частности

весьма типичной для буржуазных либералов являлась отмеченная Марксом шовинистическая позиция руководителей испанских революций в колониальном вопросе, их стремление во что бы то ни стало сохранить под властью Испании ее латиноамериканские владения.

Анализируя историю Испании, Маркс наряду с общими закономерностями общественного развития выявляет и специфические особенности этой истории, в частности, то влияние, которое оказали на ход исторического развития национальные черты и вековые традиции испанского народа. Так, на примере Испании Маркс показывает, что абсолютная монархия не везде играла прогрессивную роль в период разложения феодализма и возникновения национальных государств. Если в больших государствах Европы абсолютная монархия в это время «выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества» (см. настоящий том, стр. 431), то в Испании, в силу ряда исторических причин, она не только не выполнила централизаторских функций, но и прямо тормозила исторический прогресс. Маркс приходит к выводу, что «абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления. Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе» (см. настоящий том, стр. 432). Анализируя особенности исторического развития Испании начала XIX в., Маркс отмечает, что в силу испанских традиций борьба капитализма и феодализма, «борьба двух общественных систем должна была принять форму борьбы противоположных династических интересов» (см. настоящий том, стр. 634).

Рукописный отрывок неопубликованной статьи Маркса из серии «Революционная Испания» содержит важные теоретические выводы, как бы подводящие итог содержанию всех статей этой серии и дающие ключ к пониманию изложенных в них событий. Маркс высказывает здесь глубокую мысль об основной причине поражения буржуазной революции в Испании 1820— 1823 гг., которая заключалась в отрыве буржуазных революционеров, представлявших интересы городских слоев, от крестьянских масс. Революционная партия, подчеркивает Маркс, не сумела связать интересы крестьянства с интересами городского населения, оттолкнув тем самым крестьянские массы от революции и сделав возможным использование их контрреволюционными силами. Это сужение социальной базы движения и связанная с этим зависимость революционных горожан от

армии, представлявшей собой «орудие, опасное для тех, кто им пользовался» (см. настоящий том, стр. 633), и послужили основной причиной поражения революции.

Статьи Маркса об Испании являются ярким образцом применения исторического материализма к изучению истории отдельных народов.

* * *

В настоящий том включены две неопубликованные рукописи — отрывок из серии статей «Революционная Испания» К. Маркса и «Кронштадтская крепость» Ф. Энгельса. Кроме того в томе печатаются 25 статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений и впервые публикуемых на русском языке. При выявлении новых статей использована хранящаяся в Архиве Института марксизма-ленинизма записная книжка Маркса за 1850—1854 гг., в которой, наряду о другими материалами, содержатся записи Маркса и его жены о статьях, посланных в «New-York Daily Tribune». Эта записная книжка и другие источники позволили уточнить авторство и даты написания произведений, входящих в настоящий том.

Как неоднократно отмечали в своих письмах Маркс и Энгельс, редакция «New-York Daily Tribune» произвольно обращалась с текстом их статей, в особенности тех, которые печатались без подписи, в качестве передовых. Ряду статей, преимущественно военным обзорам, написанным Энгельсом, редакция стремилась придать характер статей, написанных в Нью-Йорке, и с этой целью делала редакционные вставки; к некоторым из статей Маркса и Энгельса были добавлены целые абзацы; в настоящем издании явные добавления, сделанные редакцией, отмечены в примечаниях к соответствующему месту статьи.

При изучении конкретно-исторического, материала, приводимого в статьях, публикуемых в настоящем томе, надо иметь ввиду, что для значительного числа статей, посвященных текущим событиям, Маркс и Энгельс могли использовать в качестве источников главным образом информацию, появлявшуюся в буржуазной прессе, — в газетах: «Times», «Moniteur universel», «Indépendance belge», в журнале «Economist» и других. Отсюда они брали данные о ходе военных действий, о численности армий воюющих стран, о состоянии финансов различных государств и т. д. В некоторых случаях эти данные

расходятся с данными, установленными последующими исследованиями.

Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune» и других газет опечатки в именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и т. д. исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс.

В отличие от первого издания Сочинений, где многие статьи Маркса и Энгельса были разделены на части и сгруппированы в соответствии с их тематикой, причем иногда опускались целые отрывки, в настоящем издании все статьи Маркса и Энгельса печатаются в том виде, в каком они в свое время появились в газете. В тех случаях, когда заглавие статьи, отсутствующее в газете, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

январь 1854—январь 1855

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА [1]

Наконец-то так долго ожидавший решения турецкий вопрос достиг, по-видимому, той стадии, когда дипломатия, с ее вечными увертками, подлыми и безрезультатными, не может уже дольше удерживать его в своих руках. Французский и английский флоты вошли в Черное море, чтобы воспрепятствовать нападению русского военного флота на турецкий флот или на турецкое побережье. Царь Николай давно уже заявил, что подобный шаг будет для него сигналом к объявлению войны. Оставит ли он теперь этот факт без внимания?

Нельзя ожидать, чтобы соединенные флоты сейчас же атаковали и уничтожили русскую эскадру или укрепления и военные верфи в Севастополе. Наоборот, мы можем быть уверены, что инструкции, которыми дипломаты снабдили обоих адмиралов[*], составлены таким образом, чтобы всеми возможными способами избежать каких-либо столкновений. Но после того, как приказ о них отдан, военные передвижения на море и на суше подчиняются уже не желаниям и планам дипломатов, а своим собственным законам, которых нельзя нарушить, не подвергая опасности всю экспедицию. В намерения дипломатов никак не входило, чтобы русские были разбиты при Олтенице; но когда Омер-паше предоставили некоторую свободу и начались, военные операции, действия командующих обеих враждующих сторон перешли в такую сферу, которая в значительной степени была вне контроля послов, находившихся в Константинополе.

[*] — Дандаса и Гамелена. *Ред.*

Поэтому раз уж корабли снялись со своих якорных стоянок на рейде Бейкоза, никто не может сказать, как скоро они окажутся в таком положении, из которого их не смогут вывести ни заклинания лорда Абердина о мире, ни тайный сговор лорда Пальмерстона с Россией и в котором им придется выбирать между позорным отступлением и решительным боем. Узкое, замкнутое море, подобное Черному морю, где вражеские корабли едва ли могут скрыться друг от друга, как раз представляет собой место, где при данных обстоятельствах конфликт может оказаться неминуемым в любой день. И нельзя ожидать, чтобы царь Николай позволил без сопротивления блокировать свой флот в Севастополе.

Если же за этим шагом должна последовать европейская война, то вероятнее всего, это будет война между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией и Турцией, с другой. Вероятность такого события достаточно велика, чтобы побудить нас в меру своих возможностей сопоставить шансы на успех и сравнить активные боевые силы обеих сторон.

Но окажется ли Россия в одиночестве? На чью сторону станут во всеобщей войне Австрия, Пруссия и зависимые от них немецкие и итальянские государства? Говорят, будто Луи Бонапарт дал понять австрийскому правительству, что если в случае конфликта с Россией Австрия примкнет к ней, то французское правительство использует революционное брожение в Венгрии и Италии, нуждающееся только в искре, чтобы снова превратиться во всепожирающий пожар, и Франция попытается восстановить итальянскую и венгерскую нации. Подобная угроза может оказать влияние на позицию Австрии, она может способствовать сохранению австрийского нейтралитета на возможно более длительный срок, но нельзя рассчитывать, что Австрии удастся долго оставаться в стороне от этой борьбы, если она возникнет. Уже самый факт подобной угрозы может вызвать в Италии частичные восстания, которые неизбежно сделали бы Австрию еще более зависимым и еще более послушным вассалом России. И, наконец, разве не была уже однажды сыграна эта наполеоновская игра?[2] Можно ли ожидать, чтобы человек, который снова посадил папу на его светский престол и имеет уже готового кандидата на неаполитанский трон[3], дал итальянцам то, к чему они не меньше стремятся, чем к независимости от Австрии, — единство Италии? Можно ли ожидать, чтобы итальянский народ очертя голову бросился в подобную западню? Несомненно, итальянцы жестоко страдают от австрийского гнета. Но едва ли у них появится большое желание способствовать укреплению престижа империи, которая уже теряет

почву под ногами в самой Франции, и славе человека, который первым выступил против итальянской революции. Все это известно австрийскому правительству, и поэтому можно предполагать, что Австрия будет действовать больше под влиянием собственных финансовых затруднений, чем под влиянием бонапартовских угроз; можно также быть уверенным, что в решающий момент влияние царя возьмет верх в Вене и перетянет Австрию на сторону России.

Пруссия пытается повторить ту игру, которую она сыграла в 1780, 1800 и 1805 годах[4]. В ее планы входит образование союза нейтральных балтийских или северогерманских государств, во главе которых она могла бы играть немаловажную роль и примкнуть к той стороне, которая посулит ей наибольшие выгоды. Как показывает история, все подобные попытки с почти комическим однообразием всегда заканчивались тем, что алчное, нерешительное и трусливое прусское правительство бросалось в объятия России. Едва ли на этот раз Пруссия избежит своей обычной участи. Она протянет во все стороны щупальца, будет открыто продавать себя с аукциона, интриговать в обоих лагерях, глотать верблюдов и отцеживать комаров[5], теряя и те остатки престижа, какие у нее еще, быть может, сохранились, будет получать колотушки и в конце концов достанется тому, кто даст меньше всего, т. е. в данном случае, как и во всех других, — России. Для России Пруссия будет не союзницей, а обузой, ибо сочтет за должное для собственной пользы и удовлетворения заранее дать разбить свою армию.

Пока хотя бы одна из немецких держав не втянута в европейскую войну, борьба может свирепствовать только в Турции, на Черном и на Балтийском морях. В течение этого периода наибольшее значение будет иметь борьба на море. Без сомнения, союзный флот способен разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично. Если предположить, что на это уйдет первый месяц активных операций, то уже в следующем месяце пароходы соединенных флотов, оставив позади медленно идущие парусные суда, могут оказаться в Ла-Манше. Ибо то, что оставалось бы сделать в Черном море, легко могло бы быть выполнено турецким флотом. Для того, чтобы запастись в Ла-Манше углем, и для других приготовлений, потребовалось бы еще две недели. И после присоединения этих пароходов к французской и английской эскадрам в Атлантическом

океане и Ла-Манше союзный флот мог бы еще до конца мая появиться на кронштадтском рейде в таком количестве, которое обеспечило бы успех нападения.

То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море. Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии воссоединения этой области со Швецией. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт. Правда, эта крепость занимает очень сильную позицию. Фарватер, ведущий к рейду, едва может пропустить два военных судна, идущие рядом, последние при этом вынуждены подставить свои борты под огонь батарей, расположенных не только на главном острове, но и на небольших скалах, на отмелях и прилегающих островках. Некоторые жертвы не только людьми, но и судами неизбежны. Но если это будет учтено при составлении плана атаки, если будет решено пожертвовать тем или иным кораблем и если план будет осуществляться неуклонно и настойчиво, то Кронштадт должен будет пасть. Каменная кладка его укреплений не сможет долго противостоять концентрированному огню тяжелых пушек Пексана[6], этих наиболее разрушительных из всех орудий, применяемых против каменных стен. Большие винтовые пароходы с полным комплектом этих орудий очень скоро оказали бы неотразимое действие, хотя при этом, разумеется, они рисковали бы своим собственным существованием. Но что значат три или четыре линейных винтовых корабля в сравнении с Кронштадтом, этим ключом к Российской империи, овладение которым оставило бы Петербург без защиты?

Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич. Если бы морские державы Европы действовали с такой решимостью и энергией, то Пруссия и Австрия могли бы настолько освободиться от русского контроля, чтобы даже примкнуть к союзникам. Ибо обе немецкие державы, чувствуй они себя в безопасности в своем собственном доме, охотно воспользовались бы затруднительным поло-

жением России. Но нечего рассчитывать на то, что лорд Абердин и Друэн де Люис пойдут на столь решительные мероприятия. Власти предержащие не намерены наносить решающих ударов, у, если разразится всеобщая война, инициатива военачальников будет настолько ограничена, что они окажутся совершенно парализованными. Если же все-таки будут одержаны решительные победы, то позаботятся о том, чтобы, приписав их случаю, сделать их последствия по возможности безвредными для врага. Войне на азиатском побережье Черного моря мог бы быть положен немедленный конец действиями флотов; но на европейском побережье она продолжалась бы без значительных перерывов. Русские, изгнанные с Черного моря, лишенные Одессы и Севастополя, не смогли бы переправиться через Дунай, не подвергаясь большому риску (разве лишь по направлению к Сербии, чтобы поднять там восстание), но они вполне могли бы удерживать Дунайские княжества, пока их не заставили бы уйти из Валахии превосходящие силы противника и угроза высадки крупных войсковых масс у них в тылу и с фланга. Молдавию русские могли бы не эвакуировать, пока нет общих военных действий; ведь демонстрация сил в тылу и на фланге имела бы мало значения, поскольку Хотин и Кишинев обеспечивали бы им безопасную связь с Россией.

Но пока война ограничивается борьбой между западными державами и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой, она не может стать европейской войной, подобной той, какую мы видели после 1792 года. Однако пусть только война начнется: бездеятельность западных держав и активность России скоро вынудят Австрию и Пруссию стать на сторону самодержца. Пруссию, вероятно, можно будет не принимать особенно в расчет, так как более чем вероятно, что ее армия, каковы бы ни были ее качества, получит из-за своей самонадеянности вторую Йену[7]. Напротив, Австрия, несмотря на свое положение, граничащее с банкротством, несмотря на возможность восстаний в Италии и Венгрии, будет противником, с которым придется считаться. Сама Россия, вынужденная держать свои войска в Дунайских княжествах и на кавказской границе, оккупировать Польшу, иметь армию для защиты Балтийского побережья и, в особенности, Петербурга и Финляндии, будет располагать весьма малым количеством войск для наступательных операций. Если Австрия, Россия и Пруссия (в том случае, если последняя еще не будет окончательно разбита) смогут сконцентрировать на Рейне и в Альпах от пятисот до шестисот тысяч человек, то это больше, чем можно, здраво рассуждая, ожидать. А с этой пятисоттысячной союзной армией могут

справиться одни французы при условии, что во главе их будут стоять генералы, не уступающие по своим качествам генералам противников; из последних одни только австрийцы имеют полководцев, действительно заслуживающих этого названия. Русские генералы не страшны, а у пруссаков вообще нет генералов; их офицеры — прирожденные прапорщики.

Но не следует забывать, что в Европе существует шестая держава, которая в определенные моменты заявляет о своем главенстве над всеми пятью так называемыми «великими» державами и заставляет дрожать каждую из них. Держава эта — Революция. Она долго молчала и отступала, но теперь торговый кризис и голод снова зовут ее на поле битвы. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Пешта — всюду чувствуется ее присутствие, всюду поднимает она голову и пробуждается от дремоты. Многообразны симптомы того, что она вновь возрождается к жизни; они проявляются повсюду в волнениях и беспокойстве, охвативших пролетариат. Достаточно будет одного сигнала, чтобы эта шестая и величайшая из европейских держав выступила вперед в блестящих доспехах и с мечом в руке, подобно Минерве, выходящей из головы Олимпийца. Этот сигнал будет дан надвигающейся европейской войной, и тогда все расчеты на равновесие держав будут сорваны появлением нового фактора, который своим вечно жизнеутверждающим и юношеским порывом опрокинет планы старых европейских держав и их генералов, как это было в 1792—1800 годах.

Написано Ф. Энгельсом 8 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3992, 2 февраля 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ

Лондон, вторник, 10 января 1854 г.

Обвинение, брошенное г-ну Семере в том, что он раскрыл местонахождение спрятанной венгерской короны[8], было первоначально выдвинуто венским «Soldatenfreund», открыто признанным органом австрийской полиции, и этого вполне достаточно, чтобы доказать лживость подобного обвинения.

Не в обычаях полиции без достаточных оснований выдавать собственных сообщников, зато один из ее обычных приемов заключается в том, чтобы навлечь подозрение на невинного для сокрытия виновного. Едва ли можно предположить, что австрийская полиция пожертвовала бы столь видным и влиятельным человеком, как г-н Семере, раз уж ей удалось бы заручиться его сотрудничеством. Если секрет не был выболтан кем-нибудь из агентов Кошута (в чем нет ничего невероятного), то мне остается только заподозрить в этом предательстве графа К. Баттяни, ныне проживающего в Париже. Он был в числе очень немногих лиц, осведомленных о местонахождении спрятанной регалии, и он, единственный из них, обратился к венскому суду с просьбой об *амнистии.* Последний факт, как я полагаю, он отрицать не будет.

Британского главнокомандующего лорда Хардинга убедили взять назад свою отставку. Что касается герцога Норфолка, то, по словам корреспондента «Dublin Evening Mail»,

«стало известно кое-что из придворных сплетен. Некий благородный герцог, временно занимающий некий пост при дворе и носящий самое высокое наследственное феодальное звание в государстве, якобы злоупотребил шампанским за столом королевы, в результате чего благороднейшим образом потерял равновесие, находясь в столовой, и вовлек в катастрофу Даже персону ее величества. Последствием этого досадного происшествия

явилась отставка благородного герцога и назначение графа Спенсера на пост лорда-стюарда двора ее величества».

Г-н Садлер, маклер ирландской бригады, снова подал заявление об уходе с занимаемого им министерского поста, и лорд Абердин на этот раз принял его отставку. Положение г-на Садлера стало весьма затруднительным после сделанных перед ирландским судом разоблачений относительно скандальных махинаций, при помощи которых он умудрился пройти в парламент. Влияние «кабинета всех талантов»[9] на ирландскую бригаду едва ли усилится после этого неприятного события.

Хлебные бунты, которые происходили в пятницу и субботу в Кредитоне в Девоншире[10], были своего рода народным ответом на те яркие описания процветания, которыми правительственные и фритредерские газеты сочли нужным развлекать своих читателей по случаю проводов 1853 года.

Как сообщают из Трапезунда газете «Patrie»[11], когда русский поверенный в делах в Тегеране потребовал отставки двух пользовавшихся наибольшей популярностью министров персидского шаха, в народе начались волнения и командующий гвардией заявил, что не сможет отвечать за общественное спокойствие, если требование будет удовлетворено. Согласно этому сообщению, именно страх перед взрывом народного негодования против России заставил шаха возобновить сношения с английским поверенным в делах.

К огромному множеству уже преданных гласности дипломатических документов прибавилась еще *нота, четырех держав* от 12 декабря[12], врученная Порте сообща соответствующими послами в Константинополе, а также новый циркуляр г-на Друэн де Люиса, подписанный в Париже 30 декабря, к французским дипломатическим агентам. Внимательно вчитавшись в ноту четырех держав, можно понять, почему в Константинополе начались такие волнения, когда стало известно, что нота принята Портой, почему 21 декабря возникло повстанческое движение и почему турецкому министерству пришлось торжественно заявить, что возобновление мирных переговоров не повлечет за собой ни прекращения военных действий, ни их приостановки. В самом деле, ровно через девять дней после того, как сообщение о вероломной и трусливой синопской бойне достигло Константинополя и было встречено во всей Оттоманской империи единым воплем о мщении, четыре державы хладнокровно призывают — а послы Великобритании и Франции даже принуждают — Порту вступить в переговоры с царем на следующей основе: *все прежние договоры будут возобновлены;* фирманы, касающиеся религиозных привилегий, дарованные султаном

его христианским подданным, будут дополнены новыми гарантиями, предоставленными каждой из держав, а следовательно и царю; Порта назначит уполномоченного для заключения перемирия; она разрешит России построить в Иерусалиме церковь и больницу и обяжется перед державами (а следовательно, и перед царем) улучшить свою внутреннюю административную систему. Порта не только не получит никакого возмещения за тяжелый ущерб, причиненный ей пиратскими действиями московитов, но, наоборот, цепи, которые Россия заставляла Турцию носить в течение четверти века, будут выкованы заново, а узник — закован еще прочнее, чем прежде. Порта должна сдаться на милость самодержца, смиренно гарантируя ему фирманы о религиозных привилегиях своих христианских подданных и торжественно ручаясь за свою внутреннюю административную систему. Таким образом, она должна подчиниться одновременно протекторату царя в религиозных вопросах и его диктату в вопросах гражданского управления. В качестве возмещения за подобную капитуляцию Порте обещают «возможно скорее эвакуировать Дунайские княжества», захват которых лорд Кланрикард назвал «актом пиратства», а также заверяют ее в том, что преамбула договора от 13 июля 1841 г.[13], оказавшаяся столь «надежной гарантией» против России, будет формально подтверждена.

Хотя в своей неслыханной подлости презренные «державы» достигли высшего предела, принуждая Порту, через несколько дней после Синопа, вести переговоры на такой основе, все же они не отделаются таким гнусным путем от своих затруднений. Царь уже зашел слишком далеко, он не потерпит ни малейшего посягательства со стороны какой-либо из европейских держав на отстаиваемое им право протектората над христианскими подданными Турции.

«Австрия», — сообщает венский корреспондент «Times»[14], — «уже запросила, будет ли российский двор возражать против протектората какой-либо из европейских держав над христианами в Турции. На это последовал самый решительный ответ, что Россия не позволит никакой другой державе вмешиваться в дела православной церкви. Россия, дескать, заключила договор с Портой и разрешит этот вопрос только с ней».

Мы также читаем в «Standard»[15], что

«Николай не намерен принимать никаких предложений, не исходящих непосредственно от самого турецкого монарха; он тем самым отвергает какое-либо право европейских держав на посредничество или вмешательство и наносит этим державам оскорбление, которое нельзя считать незаслуженным».

Единственным важным местом в циркуляре г-на Друэн де Люиса является сообщение о том, что соединенные эскадры

вошли в Черное море, рассчитывая «комбинировать свои действия таким образом, чтобы не допустить какого-либо нового нападения со стороны морских сил России на территорию Турции или на ее флот». Non bis in idem*. La moutarde apres la viande**. Во вчерашнем номере «Morning Chronicle»[16] помещена телеграмма собственного корреспондента в Константинополе от 30 декабря, сообщающая, что союзная эскадра вошла в Черное море.

«Флоты», — пишет «Daily News»[17], — «вероятно, входят в Черное море лишь с тем, чтобы делать то, что они делали в Босфоре, т. е. ничего».

По сообщению «Press»[18],

«уже отдан приказ одному кораблю английского и одному кораблю французского флотов войти в Черное море и направиться в Севастополь под белым флагом. По прибытии туда они должны сообщить русскому адмиралу, что, если он выйдет из севастопольского порта, то будет немедленно обстрелян».

Правда, русский флот в это не очень благоприятное время года и после своего славного подвига у Синопа не имеет особых оснований выходить в Черное море, однако, царь не позволит Англии и Франции хотя бы временно вытеснить его из тех вод, из которых он сам успешно вытеснил их еще в 1833 году[19]. Он утратит свой престиж, если не ответит на это сообщение объявлением войны.

«Объявление Россией войны Франции и Англии», — заявляет «Neue Preusische Zeitung»[20], — «более вероятно, нежели скорое заключение мира между Россией и Турцией».

В Ньюри (Ольстер) состоялся большой митинг, посвященный вопросу о ничем не вызванном нападении России на Турцию. Я рад, что могу благодаря любезности г-на Уркарта, приславшего мне отчет о ньюрийском митинге, ознакомить ваших читателей с наиболее интересными местами из речи этого джентльмена. Так как я уже неоднократно излагал свою точку зрения на восточный вопрос, то считаю излишним подчеркивать те пункты, в которых я вынужден не согласиться с г-ном Уркартом[21]. Я позволю себе лишь заметить, что его точка зрения находит подтверждение в следующем сообщении:

«Крестьяне Малой Валахии, при поддержке валашских солдат, восстали против русских. Вся местность вокруг Калафата и вдоль левого берега Дуная пришла в движение. Русские чиновники покинули Турмаль».

После нескольких вступительных замечаний г-н Уркарт сказал:

* — За одно преступление дважды не судят. *Ред.*

** — После ужина горчица. *Ред.*

«В вопросах, касающихся наших важнейших интересов и наших сношений с другими государствами, нет ни принудительной силы закона, ни систематического руководства, ни ответственности перед нацией, ни наказания за неисполнение той или иной обязанности или за совершение того или иного преступления. Тут вы совершенно лишаетесь всех конституционных средств воздействия, так как вас либо держат в неведении, либо неправильно информируют. Эта система, следовательно, рассчитана на то, чтобы развращать народ, подкупать правительство и подвергать опасности государство. Между тем вы враждебны этому наиболее ловкому и последовательному, наиболее воинствующему и беззастенчивому правительству, которое проложило себе путь к всемогуществу, представляющему угрозу для всего мира, при помощи тех самых правительств, которые оно стремится свергнуть. И особенность нашего положения заключается в том, как это было раньше в Афинах, что Россия нашла или создала главные орудия своей силы в недрах того государства, чьи представительные органы более всего чужды ее политике. Основная причина этого состоит в том, что Англия крайне невежественна в подобных вопросах. В Соединенных Штатах существует президент, пользующийся прерогативами, присущими королевской власти. Там имеется сенат, контролирующий исполнительную власть и заранее осведомляемый об ее актах. (Внимание! Внимание! Аплодисменты.) Во Франции неоднократно назначались парламентские комиссии для расследования государственных дел; эти комиссии требуют представления документов и вызывают министра иностранных дел для объяснений. К тому же народ там настороже и, во всяком случае, внимательно относится к получаемым сведениям; подобным же образом относится к ним и правительство, ибо от этого зависит судьба министерств и династий. В Австрии есть, по крайней мере, монарх, знающий о действиях своих слуг. В Турции и России вы видите следующее: в одной из этих стран настроение народа сдерживает правительство, а в другой правительство выражает волю нации. Только в Англии корона не имеет власти, правительство не имеет системы, парламент не осуществляет контроля, а нация пребывает в неведении. (Внимание! Внимание!) Возвращаясь теперь к современному положению, к тем фактам, свидетелями которых мы являемся, я должен, прежде всего, сказать — и это очень важный вопрос, — что Россия не имеет силы для осуществления своих угроз, что она рассчитывала лишь на возможность нагнать на вас необоснованный страх, что она отнюдь не намеревалась воевать с Турцией, что у нее нет для этого средств, что она даже не подготовилась к этому, рассчитывая на то, что вы удержите Турцию и этим дадите ей возможность оккупировать ее владения; и сейчас Россия рассчитывает на то, что вы заставите Турцию выполнить ее наглые требования, целью которых является разрушение Оттоманской империи. (Внимание! Внимание!) С помощью вашего посла в Константинополе, с помощью вашей эскадры в Босфоре Россия сможет осуществить свои цели. И тут я должен обратить ваше внимание на заявление моего благородного друга, полковника Чесни, в одновременно восполнить сделанное им упущение. Он заявил, что при том положении, какое было до перехода через Прут, Турция была сильнее России, но он не ознакомил вас с той высокой оценкой, которую он дает и давал военным качествам турок. Он заявил, что даже в настоящий момент, несмотря на все огромные преимущества, которые благодаря вам оказались на стороне России, он еще сомневается, действительно ли Турция слабее России. Я нисколько не сомневаюсь в том, что она не окажется слабее, но при двух условиях, о которых я скажу с вашего разрешения: во-первых, ваш посол и ваша эскадра должны быть отозваны; во-вторых, Турция должна перестать обессиливать себя надеждами на иностранцев. Но после

этого последовало новое, сделанное не без колебания заявление, которое, исходя от столь высокого авторитета, — а более крупного авторитета по этим вопросам не существует, — может получить не то значение или может быть неправильно истолковано. Полковник Чесни заявил, что настоящий момент может оказаться благоприятным для России, так как Дунай замерз и это дает ей возможность перебросить свои войска в Болгарию. Однако какими силами располагает она, чтобы двинуть их в Болгарию? Европа в течение многих месяцев прислушивалась к преувеличенным сообщениям. Нас усердно информировали об огромном скоплении русских войск, готовых к военным действиям. Полагали, что число их доходило до 150000 человек, и люди готовы были поверить, что 150000 человек достаточно для завоевания Турции. Я недавно получил официальное сообщение, согласно которому общее количество войск, перешедших Прут, составляло всего 80000 человек, из коих 20000—30000 человек уже погибли от болезней или находятся в госпиталях. Я послал это сообщение в одну из газет, но оно не было напечатано, так как его сочли неправдоподобным. Россия сейчас сама опубликовала сообщение, в котором общее количество войск уже сократилось до 70000. (Аплодисменты.) Если оставить в стороне соотношение сил обеих империй в том случае, если бы они выставили все свои войска, нам должно быть ясно, что Россия не намеревалась воевать при таком количестве войск. Какую же силу могла противопоставить Турция? В то время у нее было не менее чем 180000 человек между Балканами и Дунаем, теперь эта цифра возросла до 200000, размещенных на сильных, укрепленных позициях, тогда как численность русских войск сократилась до 50000 человек в лучшем случае, да и те деморализованы поражением и дезертирством. Относительно качества турецких войск и их превосходства над русскими вы слышали свидетельство генерала Бема, вы имеете также живого свидетеля в лице полковника Чесни, слова которого подтверждены событиями, вызвавшими во всей Европе изумление и восхищение. Заметьте, нас сейчас интересует вопрос не о соотношении сил обеих империй, а о намерениях и образе действий одной из них — России. Я считаю, что она не собиралась воевать; ведь, с одной стороны, у нее не было наготове необходимых сил, а с другой стороны, она могла рассчитывать на английский кабинет. У России не было намерения воевать — она не имеет этого намерения и теперь. Еще до начала военных действий я говорил: она вторгнется в Дунайские княжества и займет их с помощью Англии. Почему я мог предвидеть это? Разумеется, не потому, что я знал намерения России, о которых тысячи знают так же, как и я, или даже лучше меня, а потому, что я знал, что собой представляет Англия. Однако давайте рассмотрим снова этот вопрос — он слишком важен, чтобы нам пройти мимо него. Полковник Чесни заявил, что все дело в резерве, которым Россия располагала по ту сторону Прута. Относительно этого резерва он за последнее время слышал много. Так, говорили, что Остен-Сакен со своими 50000 солдат в полном походном порядке идет на Дунай, чтобы отомстить за поражение при Олтенице. Затем оказалось, что 50000 превратились в 18000, а самое любопытное заключается в том, что даже эти 18000 не прибыли на место. (Смех и аплодисменты.) Если мы возьмем цифру полковника Чесни — 75000 — и сократим ее, принимая во внимание убитых и больных, до 50000, а затем прибавим сюда 18000 солдат из этого резерва, обладающего способностью находиться одновременно повсюду, то в конце концов получится всего лишь 70000 человек, которые должны действовать против 200000, основательно окопавшихся, да к тому же в гористой местности и в такое время года, когда русские до сих пор неизменно избегали сражения.

Теперь разрешите мне напомнить о событиях предыдущей войны 1828—1829 годов. Турция тогда переживала внутренние потрясения. Мусульманин обратил свой меч против мусульманина; провинции взбунтовались, восстала Греция, прежние военные силы были уничтожены, новых рекрутов, слабо дисциплинированных, было всего 33000 человек. Господство на Черном море было вырвано у Турции залпами британских пушек в Наваринской гавани; и тогда Россия, поддержанная Англией и Францией, набросилась на Турцию одним рывком и достигла центра ее европейских владений, прежде чем Турция узнала о том, что объявлена война. А как вы думаете — какое количество солдат сочла она тогда нужным использовать? 216000. (Аплодисменты.) И все же лишь путем обмана и под влиянием английского посла, который, к несчастью, вернулся, Турция была вынуждена подписать вырванный у нее внезапным нападением Адрианопольский договор. (Слушайте! Слушайте!) Взгляните на современную Турцию, с ее единодушием, с ее героизмом, внушенным любовью к родине и ненавистью к насилию, с централизованной властью и обильными ресурсами; она может собрать 300000 добровольцев, самых воинственных, каких только видел свет, у нее 250000 дисциплинированных солдат, одерживающих победы в Азии, у нее господство на Черном море, отнюдь не утраченное, как я сейчас докажу, при Синопе, у нее паровой флот, который может без потерь в людях или времени перевезти ее войска на арену военных действий из самых отдаленных частей империи; от снежных вершин Кавказа до бесплодных пустынь Аравии, от просторов Африки до Персидского залива — всюду царит дух возмущения, дух воспрянувшего мужества. (Слушайте! Слушайте! Аплодисменты.) Да, но подобно тому как в прежнюю войну Наваринский бой привел казаков на Балканы, так и теперь гребные винты Англии могут даже без войны привести старые русские суда в Дарданеллы. Но я говорю о намерениях России. Суть именно в этом. Нынешняя победа должна быть одержана на Даунинг-стрит, а не на Востоке. Между тем, разве вы не потерпели ущерба? Разве найдется среди присутствующих человек, который существенно не пострадал? Есть ли хоть один человек,который не платит дороже за хлеб, у кого не сократилась возможность найти работу или применять свой капитал? (Слушайте! Слушайте!) Чьи налоги не увеличились? Разве Чейнж-алли* не треплет лихорадка? Разве мы не были свидетелями вызванного этим наступлением русских войск расстройства денежного рынка, на две трети равного расстройству 1847 года? И все же Россия вовсе не намеревалась воевать. Разве мы не были свидетелями падения европейских правительств и возникновения предпосылок для восстаний и потрясений? И все же Россия вовсе не имела намерения воевать. Разве мы не видели, как Оттоманская империя разорялась на содержание огромной армии в полмиллиона солдат из-за того, что Россия передвинула войско в 70000 человек, которое должно кормиться за счет Турции и за счет рабочих Великобритании? И все это имеет место потому, что вы поверили легковерным людям, по мнению которых Россия так сильна, что ей никто не сможет сопротивляться, а Турция так слаба, что ей не поможет никакая поддержка. Мы положительно живем в эпоху сновидений и басен; мы способны поверить не только этому, — мы также способны поверить, что Россия более могущественна, чем все державы мира, объединенные против нее. «Times» пренебрежительно отзывается о мусульманской армии; он также недооценивает французскую армию и английский военный флот и торжественно сообщает нам, что вся Европа с Турцией в придачу так же мало способны не допустить русских в Константинополь, как помешать северным

* — улица в Лондоне, где расположена биржа. *Ред.*

ветрам дуть в сарматских равнинах... Сказанное об Европе столь же верно, как и сказанное о Турции, но Турция погибнет, если вы будете продолжать действовать по-прежнему. Россия двинула 70000 человек, и, в результате, Турция охвачена страхом и негодованием, Англия содрогается от страха и паники, а Россия, также, содрогается от... хохота. (Смех и продолжительные аплодисменты.) Я обещал вернуться к сражению при Синопе, или, какого правильно называют, малому Наварину. Я не упоминаю об этом неприятном событии в связи с нашим поведением,—мы в данном случае поступили не более позорно, чем в остальных случаях, — я упоминаю о нем, лишь поскольку оно показывает соотношение сил обеих сторон. С этой точки зрения оно ничего не прибавило к силе России и ничем но ослабило Турцию, а наоборот: оно чрезвычайно ярко показало, что русские имеют все основания бояться храбрости турок. Мы видим здесь факт, не имеющий себе подобного даже в наших военно-морских летописях: фрегаты, становящиеся в ряд с линейными боевыми кораблями, командиры, бросающие факел в пороховой погреб и приносящие себя в жертву на алтарь отечества. Чего только не сделаешь против правительства, которое на каждом шагу и особенно в данном случае является предметом ненависти и отвращения для всякого человека. Заметьте, что морские силы Турции остались нетронутыми: ни один линейный корабль, ни одно паровое судно не погибли. Теперь Турция вдвойне обеспечит себе господство на Черном море, если дипломаты будут отозваны; ведь именно они — и только они — привели к так называемой катастрофе при Синопе. Но катастрофа была подготовлена для другой цели; она должна была послужить той палкой и кнутом, при помощи которых нужно было подгонять отстававших вьючных животных в Париже и Лондоне и заставить их навязать воюющим сторонам условия соглашения. Перед тем как прийти на это собрание, я слышал, как один из членов комиссии заявил, что Англия и Франция поступили совершенно правильно, выступив в качестве посредников, если они надеялись таким путем обеспечить мир. Я знаю, что сказанное им представляет собой общее впечатление, сложившееся у всех в Англии, но, тем не менее, я слушал его с ужасом. Кто дал вам право ходить по свету и навязывать мир силой оружия? Одно дело сопротивляться нападению, другое — совершать нападение. (Слушайте! Слушайте!) Ведь вы не можете вмешаться даже для того, чтобы спасти Турцию, иначе, как объявив войну России. Ваше посредничество, однако, было бы на руку России, оно произошло бы под ее диктовку и привело бы к тому, что Турции навязали бы условия, которые привели бы ее к гибели... Во время переговоров вы предложили бы Турции отказаться от ее прежних договоров с Россией в расчете на общеевропейское соглашение. Этот довод уже действительно был выдвинут и был встречен с восторгом нацией, которая всегда готова восторгаться всяким извращением. Боже милосердный! Европейское соглашение! Вот на что Турция должна рассчитывать! Но ведь ваш Венский трактат конечно тоже был европейским соглашением, а каковы его результаты? Это соглашение было важно постольку, поскольку оно создало Польшу; а что произошло с Польшей? Когда Польша пала, что вам говорил ваш министр об этом договоре? Да он сказал вот что: «Англии предоставлено право высказать мнение относительно событий в Польше». Заявив далее, что он протестовал по этому поводу до того, как событие свершилось, он сказал: «Однако Россия стала в данном случае на другую точку зрения». То же самое произойдет с вашим нынешним соглашением: она снова станет на другую точку зрения. (Шумные аплодисменты.) Эти слова были сказаны в палате общин, их произнес тот самый министр» (лорд Пальмерстон), «который держит сейчас в своих руках судьбу Турции так же, как он держал судьбу Польши. Но теперь вы пре-

дупреждены, а тогда вы были в полном неведении... Разрешите мне сослаться на данные, опубликованные на днях в «Times». Там сообщается, что у нашего посланника в Персии были разногласия с правительством шаха, которое уже готово было уступить, как вдруг вмешался российский посланник с целью обострить спор. Вы видите, стало быть, как в одно и то же время Россия вытесняет Англию из Персии, а Англия навязывает Турции господство России. В том же сообщении упоминается о посольстве, прибывшем в Тегеран; сообщается и о том, что афганцы чрезвычайно возбуждены и что заклятый враг России Дост-Мухаммед весьма заинтересован в успехе своего посольства, которое должно побудить Персию оказать поддержку Турции. А вы, вероятно, помните, что шестнадцать лет тому назад Англия объявила войну афганцам с целью низложения Дост-Мухаммеда ввиду того, что он был врагом Англии и верным союзником России. Что же, может быть, ваше правительство верило этому? Но если так, то чрезвычайно странно, что оно воевало не против России, а против афганцев, т. е. прямо бросило их в объятия России. Однако ваше правительство не питало такой уверенности; оно тогда великолепно знало, что Дост-Мухаммед, как это видно теперь, заклятый враг России, и, именно по этой причине оно напало на него. Этот факт был установлен, а в палате общин было доказано, что документы, в которых Дост-Мухаммед неправильно изображался союзником России, были целиком подделаны. Английский посланник сам отправил оригинал на родину для опубликования. (Позор!) Все это — лишь естественный результат того, что действия правительства держатся в тайне, а нация — в неведении, о чем я уже говорил. Я не вижу на нашем собрании ни одного человека, который не был бы молчаливым соучастником этого преступления, который не опустился бы вследствие безразличия к делам и чести своей страны до положения раба, хотя он и мнит себя свободным. (Слушайте! Слушайте!) Разрешите мне рассказать вам кое-что из того, что думают о вас иностранцы. Вы недавно много слышали о влиянии немцев при дворе. Не хотите ли послушать мнение немецких кузенов королевы? Тогда позвольте мне сказать вам, что если Германия подпала под русское влияние, то это дело рук Англии. Вслушайтесь только в следующие слова:

«Если Англия и Франция не вмешаются в дела Турции, она победит. Если же, наоборот, западные державы, ослепленные раболепством, не смогут удержаться от «посредничества», т. е. от вмешательства в восточные дела, то Турция обречена, и московские казаки скоро станут вершителями судеб всего мира! И все же, каким благородством отличалось до сих пор поведение несчастной Турции, несмотря на все преступления дипломатов и хотя она ошибочно приняла шайку убийц за своих друзей. Грустные дела, что и говорить! Я с часу на час ожидал, что союзные эскадры станут бомбардировать столицу Турции, чтобы сломить ее героический дух и принудить ее к позорной капитуляции. Турки, действительно, могут сказать: «Longa est injuria, longae ambages, sed summa sequor fastigia rerum!»* Какой контраст между их нынешним поведением и поведением Англии в аналогичных случаях! Они воюют — Англия занимается пиратством. Вспомните только «декларацию в Лиме» и вторжение в Афганистан, бомбардировку Копенгагена и Наваринский бой, а затем подумайте о Турции и ее нынешнем положении. Ее унижают и ей грозят, даже вторгаются на ее территорию и ее провоцирует «цивилизованный мир», а она, среди всех этих испытаний, остается спокойной и благоразумной, твердой, решительной и невозмутимой».

* — «Долго длится несправедливость, долго длится неизвестность, но я стремлюсь к крайним вершинам вещей!» *Ред.*

Из всего этого вы можете заключить, что люди, занимающие самое высокое положение, могут тщетно вздыхать о той привилегии, которую вы любезно предоставляете мне, позволяя дать выход моему негодованию и предупредить о грядущих событиях. Позвольте же мне изобразить то положение, в котором вы находитесь. Британия отличается двумя особенностями: она — идиот в своей стране и маньяк за границей, вооруженный маньяк, подвергающий опасности свою собственную жизнь и жизнь других. Каждый из вас в отдельности не таков, но таковы вы в совокупности. Пусть же проснется в вас ваша индивидуальная проницательность и обуздает коллективного маньяка, пока вы еще можете лечить больной мозг — этот орган, являющийся причиной всех зол». (Громкие и продолжительные аплодисменты.)

Я могу прибавить к речи г-на Уркарта, что последний coup d'eclat* лорда Пальмерстона и приобретенное им расположение народа сделали его если не официальным, то подлинным премьер-министром[22].

Написано К. Марксом 10 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3988, 28 января 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — подвиг. *Ред.*

К. МАРКС

* ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА [23]

Лондон, 14 января 1854 г.

Наконец-то так долго ожидавший решения восточный вопрос достиг, по-видимому, той остроты, когда дипломатия теряет над ним власть и уже не может использовать его для своих изменчивых и вечно безрезультатных действий. 3 января французский и английский флоты вошли в Черное море с тем, чтобы воспрепятствовать нападению русского флота на турецкий флот или на турецкое побережье. Царь Николай однажды заявил, что подобный шаг он будет расценивать как сигнал для объявления войны. Оставит ли он теперь этот факт без внимания? Сегодня получено сообщение, что соединенные силы французского и английского флотов совместно с первым дивизионом турецкого флота перебрасывают 17 тысяч турок к Батуму. Если это верно, то это является таким же актом войны, каким явилось бы непосредственное нападение на Севастополь, и царю остается лишь немедленно объявить войну.

Но окажется ли Россия в одиночестве? На чью сторону станут во всеобщей войне Австрия и Пруссия?

Говорят, будто Луи Бонапарт дал понять австрийскому правительству, что если в случае конфликта с Россией Австрия примкнет к ней, то французское правительство использует революционное брожение в Италии и в Польше, нуждающееся только в искре, чтобы снова превратиться во всепожирающий пожар, и Франция попытается восстановить польскую и итальянскую нации. Можно, однако, с уверенностью предполагать, что на австрийское правительство большее влияние окажут его собственные финансовые затруднения, чем угрозы Бонапарта.

О состоянии австрийской казны можно судить по возросшему за последнее время количеству обесцененных бумажных денег, находящихся в обращении, и по экстренной мере, недавно проведенной правительством, которое узаконило снижение стоимости бумажных денег, выпущенных им же, на 15%. Эта затея, в результате которой обесцениваются собственные деньги, является, быть может, верхом изобретательности по части налогообложения, поскольку она устанавливает налог на уплату налогов. Согласно сообщениям немецких газет, австрийский бюджет на 1854 г. будет сведен с дефицитом в 45000000 флоринов в своей обычной части и в 50000000 — в чрезвычайной. В сотый раз Австрия решается на заем, который, однако, не обещает быть удачным. В данном случае предполагается заключить заем в 50000000 флоринов с очевидной целью уплатить проценты по срочным обязательствам и по некоторым другим неотложным требованиям.

Когда известие о предстоящем вступлении союзной эскадры в Черное море достигло Вены, банкирам пришлось много поработать, обменивая бумажные деньги на серебро. Владельцы билетов в 100 и 200 флоринов толпились в их конторах, стремясь спасти свои поставленные под угрозу накопления, и тем не менее в решительный момент влияние С.-Петербурга на Вену возобладает, и Австрия будет вовлечена в надвигающийся конфликт на стороне России. Что касается Пруссии, то она намерена сыграть ту же игру, что и в 1780, 1800 и 1805 гг., а именно: образовать союз нейтральных балтийских или северогерманских государств, стоя во главе которого она сможет играть значительную роль, и примкнуть к той стороне, которая посулит ей наибольшие выгоды.

Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт.

Все будет зависеть от того, будут ли европейские морские державы действовать решительно и энергично.

«Neue Preusische Zeitung» от 29 декабря подтверждает сведения о том, что русский император издал указ, предписывающий привести все войска в империи в боевую готовность. Он не только изъял свои вклады из английских и французских банков, но распорядился организовать сбор добровольных пожертвований среди дворянства и приостановить постройку железных дорог, чтобы употребить высвободившиеся рабочие руки и деньги на нужды войны.

С другой стороны, Франция вооружается более энергично, чем прежде; призвана вторая половина 800-тысячного контингента 1852 года. Во Франции также давно уже подумывают о займе в 200000000 франков (около 8000000 фунтов стерлингов), однако дороговизна продовольствия, неурожай винограда и недобор шелка-сырца, общий застой в торговле и промышленности, серьезные опасения относительно предстоящих в конце февраля платежей, тенденция к понижению государственных ценных бумаг и железнодорожных акций — все эти обстоятельства никак не способствовали облегчению подобной операции.

Британское правительство, судя по сообщению газеты «Times», намеревается увеличить число войск морской пехоты и матросов военного флота в текущем году до 53000 человек, что составляет увеличение приблизительно на 8000 человек против числа, принятого парламентом в прошлом году, и на 5000 по сравнению с тем, что было мобилизовано в период министерства лорда Дерби. Можно поэтому считать, что увеличение личного состава военного флота с 1852 г. составит около 13000 человек. В состав военно-морских сил войдет 38000 матросов и юнг и 15000 солдат морской пехоты.

Наконец-то тайна, окутывавшая синопское сражение, рассеялась. Судя по опубликованным сообщениям о соотношении сил России и Турции при Синопе, у русских по сравнению с турецкими силами было больше на 3 паровых двухпалубных судна, одно трехпалубное и 680 орудий. Синопские события, таким образом, ничего не прибавили к могуществу России и ничего не убавили от могущества Турции; скорее имело место обратное. Здесь мы видим факт, который не имеет прецедента даже в истории английского флота: фрегаты становятся в ряд с линейными боевыми кораблями и командиры бросают факелы в пороховые погреба, принося себя в жертву на алтарь отечества. Основные морские силы Турции остались нетронутыми; она не потеряла ни одного линейного корабля, ни одного парохода. Мало того. Согласно последним известиям, одно из лучших трехпалубных судов русского флота, «Ростислав», со 120-ю орудиями, потоплен турками. Эта потеря, до сих пор замалчивавшаяся под

тем благовидным предлогом, что «Ростислав» затонул не во время боя, а непосредственно после него, и теперь открыто признанная русскими, значительно уравновешивает потери турецкого флота[24]. Если действительно пошло ко дну трехпалубное судно, то можно полагать, что и другие русские суда получили во время боя весьма серьезные повреждения и что в конце концов победа при Синопе больше обессилила русский флот, чем турецкий. Как только египетский паша узнал о синопской катастрофе, он немедленно отдал приказ о вооружении 6 фрегатов, 5 корветов и 3 бригов с тем, чтобы возместить потери материальной части турецкого флота.

Египетский паровой фрегат «Перваз Бахри», выведенный из строя и захваченный после пятичасового боя русским значительно более крупным паровым фрегатом «Владимир», был до такой степени изрешечен снарядами, что его с трудом доставили в Севастополь, где он сразу же затонул. Ввести «Перваз Бахри» в Севастопольскую бухту удалось лишь благодаря помощи главного механика, англичанина Белла, которому адмирал Корнилов обещал немедленно предоставить свободу, если он благополучно справится с этой задачей. По прибытии в Севастополь Белл не только не был отпущен, но вместе со своими помощниками — механиками и кочегарами — был взят под строгий арест и посажен на скудный паек в 3 пенса в день, причем им объявили, что они должны будут пройти пешком 80 миль в глубь страны в это суровое время года. Князь Меншиков, который командует в Севастополе, получил одобрение царя и его министров, оставшихся глухими к представлениям английского консула в Одессе и английского посла в С.-Петербурге. Известно уже, что при общем разгроме при Синопе были без всяких оснований безжалостно уничтожены два английских торговых судна, следовавшие по частным делам. Ниже приводится безыскусный рассказ об уничтожении этих двух судов, напечатанный в одной французской газете:

«30 ноября бригантина «Ховард» из Бидефорда, морского порта на южном побережье Англии, закончила выгрузку каменного угля для г-на Пиренца, австрийского консула в Синопе, и стояла на якоре, принимая на борт балласт и готовясь к отплытию в Фатсу, чтобы взять там груз зерна для перевозки в Англию. Внезапно появился русский флот и, без какого бы то ни было предупреждения, не дав возможности иностранным судам уйти от опасности, открыл ураганный огонь по турецкому флоту, стоявшему на якоре. В несколько минут «Ховард» и другие торговые суда, находившиеся в гавани, были полностью уничтожены».

Об этом грубейшем нарушении международного права было объявлено в одесской сводке. Одновременно русские газеты в оскорбительных выражениях заявили, что, в то время как ан-

глийский флот не осмеливается войти в Черное море, английское правительство не осмеливается запретить русскому военному кораблю воспользоваться для ремонта английскими верфями.

Последняя почта принесла нам еще дополнительные сведения о военных событиях, имевших место в Азии за последнее время. Турки, очевидно, вынуждены были полностью очистить территорию русской Армении, но точные сведения о результатах сражений, которые заставили их отступить, еще не известны. Один турецкий корпус вышел на прямую дорогу от Ардагана до Ахалциха, в то время как другой отряд двинулся южнее, по дороге от Карса через Александрополь (по-грузински Гюмри) на Тифлис. Оба эти корпуса, по-видимому, натолкнулись на русских. Согласно русским сообщениям, турки были наголову разбиты на обоих направлениях и потеряли около 40 орудий; в нашем распоряжении нет официальных турецких сводок, но в частных сообщениях отступление объясняется необходимостью отойти на зимние квартиры. Несомненно лишь то, что турки очистили русскую территорию, за исключением форта св. Николая, что русские их преследовали и что русский авангард осмелился даже появиться в одной миле от Карса, но был отброшен обратно. Кроме того, мы знаем, что анатолийская турецкая армия, набранная в азиатских провинциях, являющихся оплотом старомусульманского варварства и насчитывающая в своих рядах большое количество нерегулярных, ненадежных, хотя, вообще говоря, храбрых случайных солдат, искателей приключений и разбойников из Курдистана, — что эта анатолийская армия не имеет ничего общего со спокойной, дисциплинированной и вымуштрованной румелийской армией, где командир знает, сколько и каких солдат находится изо дня в день под его начальством, и где личная жажда к приключениям и наклонность к грабежу обуздываются военными уставами и военно-полевыми судами. Мы знаем, что русские, которые в начале кампании в Азии сильно нуждались в войсках, получили потом подкрепление в виде 13-й пехотной дивизии (16000 солдат) под командованием генерал-лейтенанта Обручева 2-го и отряда донских казаков; мы знаем, что им удалось сдержать горцев и сохранить свои коммуникации как через Кавказский хребет к Владикавказу, так и по морю — на Одессу и Севастополь. При таких обстоятельствах, а также принимая во внимание, что турецкий командующий Абди-паша был либо изменником, либо олухом (его впоследствии отозвали, и на его место был послан Ахмед-паша), вовсе не следует удивляться тому, что турки потерпели поражение, хотя и не подлежит сомнению, что русские сводки, как правило, преувеличивают.

На Дунае русские недавно атаковали форт Мэчин, расположенный на одном из рукавов этой реки. Сюда подошел пароход и две канонерки, они были встречены ожесточенным огнем; канонерки, говорят, были потоплены, а пароход получил такие серьезные повреждения, что счел за лучшее поспешно ретироваться. Было три или четыре столкновения, частью между аванпостами у Калафата, частью между русскими постами на Дунае и небольшими турецкими отрядами, которые переправились через реку, рассчитывая застать их врасплох. Турки считают, что одержали верх во всех этих стычках. Можно только пожалеть о том, что турецкие иррегулярные войска, которые более пригодны для такого рода дел, чем для каких-либо других, не были значительно раньше использованы для более активного ведения этой малой войны. Эти войска вполне могли бы дать отпор казакам, они дезорганизовали бы неизбежно недостаточную, — поскольку она растянута на 300 миль,— цепь неприятельских аванпостов, расстроили бы русские планы, отлично вели бы разведку всех передвижений неприятеля и, при должной осторожности и смелости, одерживали бы верх в каждом столкновении.

Из только что полученных телеграфных сообщений явствует, что

«6 января турецкая дивизия силой в 15000 штыков с 15 орудиями атаковала укрепленную окопами позицию у Четате, недалеко от Калафата, и взяла ее приступом; русские потеряли 2500 человек; русское подкрепление, численностью в 18000 чел., направленное из Караулы, вынуждено было отступить, потеряв 250 человек».

Согласно другому сообщению, большая часть населения Малой Валахии восстала против русских; последние обложили Крайову.

Между тем Россия выбивается из сил, пуская в ход подкуп и запугивания во всех концах света, на границах Британской Индии, в Персии, в Сербии, в Швеции, в Дании и т. д. В Персии произошла размолвка между английским посланником и правительством шаха; последнее уже готово было уступить, но русский посол вмешался, стремясь не только возбудить гнев шаха против Англии, но и вовлечь его в активные враждебные действия против Порты и склонить его к объявлению войны туркам. Говорят, однако, что эти происки потерпели неудачу вследствие угрозы английского поверенного в делах г-на Томпсона покинуть Тегеран, боязни немедленного взрыва негодования персидского народа против России и прибытия из Афганистана посольства, которое пригрозило вторжением афганцев на персидскую территорию, если Персия заключит союз с Россией.

Тем временем множество русских агентов наводнило Сербию; они посещают местности и разыскивают лиц, в прошлом известных своей приверженностью изгнанной династии Обреновичей; заговаривая с одними о молодом князе Михаиле, *с* другими о его старом отце Милоше, они то внушают им надежду на расширение, при покровительстве России, границ Сербии, на образование нового королевства Иллирии, которое объединит всех, говорящих на сербском языке и ныне находящихся под властью Турции и Австрии, — то угрожают им, в случае сопротивления, вторжением несметных армий и полным порабощением. Несмотря на эти непрекращающиеся интриги, России не удалось порвать узы, связывающие сербов с султаном. Напротив, в Белграде ожидают получения из Константинополя двух фирманов, один из которых упразднит все связи, существующие между Сербией и Россией, а другой — подтвердит все привилегии, признанные в разное время за сербским народом. Далее, русское правительство активно вело переговоры в Стокгольме и Копенгагене с тем, чтобы побудить правительства Швеции и Дании стать на сторону России в надвигающемся европейском конфликте; основная цель, которую Россия преследует заключением союза с этими странами, это — добиться закрытия для западных держав проливов Зунд и Бельт. Все, чего она добилась до сих пор, это — заключения договора между Швецией, Данией и Пруссией о вооруженном нейтралитете и подготовки вооружений, явно направленных против нее самой. В частных письмах из Швеции слышно ликование по поводу возможности возвращения Скандинавскому королевству герцогства Финляндского, так бессовестно захваченного Россией без объявления войны. Что касается Дании, то поведение — не народа, а двора — менее определенно. Ходят слухи даже, что нынешний датский министр иностранных дел подаст в отставку и будет заменен графом Ревентловым-Криминиль, человеком, известным своими тесными связями с с.-петербургским двором. Во Франции «слияние» орлеанистов и легитимистов[25] имело, благодаря влиянию России, некоторый успех; между тем то *же* влияние всячески пускается в ход, чтобы разрушить entente cordiale[26], существующее между правительствами Англии и Франции, и посеять между ними недоверие. Некоторые парижские газеты, получающие деньги от г-на Киселева, пытаются возбудить подозрение в неискренности английского правительства, и мы видим, что в Англии газета, получающая деньги от г-на Бруннова, в свою очередь, ставит под сомнение искренность французского правительства. Другим ударом, направленным главным образом против

западных держав, является запрещение Россией вывоза польского зерна.

Между тем действия западной дипломатии отнюдь не носили враждебного России характера; напротив, они обнаруживали довольно сильную тенденцию к промедлению, когда дело касалось восстановления справедливости, и к компромиссу, когда дело касалось преступлений. Но теперь каждому совершенно очевидно, что такой образ действий был ошибочным и вредным. Воскрешение из мертвых венского совещания и протокол, составленный его участниками 5 декабря прошлого года, письмо французского и английского послов в Константинополе Решид-паше[27], совместная нота четырех великих держав, врученная Порте 15 декабря и принятая султаном 31 декабря, циркуляр г-на Друэн де Люиса французским дипломатическим агентам, датированный 30 декабря, извещающий о вступлении союзных флотов в Черное море, — таковы основные события дипломатической истории последних шести недель. Что касается протокола венского совещания, то читатели этой газеты уже будут знакомы с его содержанием, когда прочитают эти строки. Что может быть нелепее, чем содержащееся в нем утверждение, будто

«заверения, в разное время сделанные русским императором, исключают всякую мысль о том, что августейший повелитель питает какие-либо намерения нарушить целостность Оттоманской империи».

Что может быть зловреднее, чем содержащееся в этом протоколе заявление об уместности для Турции согласиться на заключение трехмесячного перемирия. Два дня спустя после того, как весть о позорной синопской бойне достигла Константинополя, 5 декабря, Решид-паша обратился с письмом к лорду Стратфорду де Редклиффу и к генералу Бараге д'Илье, в котором сообщал известия из Синопа и просил, чтобы флоты вошли в Черное море. 12 декабря, через неделю после того, как Решид-паша послал свою ноту, он получил от двух послов весьма равнодушный ответ, в котором его ставили в известность, что

«появление союзной эскадры имело только *«политическое* значение» и, следовательно, не имело никакого *военного* значения, и что это была только *«моральная* поддержка» и, следовательно, отнюдь не *военная* поддержка».

Таким образом Порту заставили принять врученную ей 15 декабря совместную ноту четырех держав. Эта нота не только не предусматривает какой-либо компенсации Порте за тот ущерб, который она понесла в результате пиратских актов самодержца; она не только настаивает на возобновлении

всех старых договоров, — Кайнарджийского, Адрианопольского, Ункяр-Искелесийского[28] и других, договоров, которые в течение полутора столетий служили России арсеналом, откуда она черпала оружие для обмана, вмешательства, продвижения вперед и поглощения; эта нота разрешает царю осуществлять над Турцией протекторат в религиозных вопросах и диктат в вопросах гражданского управления, поскольку в ней говорится, что всем державам

> «Высокая Порта должна сообщить содержание фирманов, касающихся религиозных привилегий, октроированных ею всем турецким подданным не-мусульманам, сопроводив это соответствующими заверениями в адрес каждой из держав»,

и что Порта должна заявить о своей твердой решимости более деятельно развивать свою административную систему и проводить внутренние реформы.

Хотя, согласно букве этих новых предложений, пять европейских держав получают право на совместный протекторат над христианскими подданными Турции, в действительности же такое право дается только России. Сущность соглашения заключается в том, что Франция и Австрия, как страны с римско-католической религией, должны осуществлять в Турции протекторат над римско-католическим населением, Англия и Пруссия, как страны протестантские, должны взять под свой. протекторат протестантов—подданных султана, а Россия должна осуществлять протекторат над теми, кто исповедует православие. Но поскольку численность католиков не достигает 800000 человек, а протестантов — 200000 человек, тогда как численность исповедующих православную религию достигает почти 10000000, то ясно, что царь фактически получит право протектората над христианскими подданными в Турции. Эти предложения четырех держав были приняты Портой только 19 декабря, когда в министерство вошли Риза-паша и Халиль-паша, обеспечив таким образом успех «мирной», или «русской», партии.

21 декабря, когда стало известно, что совет министров известил четырех послов о принятии предложений, которые были ими выдвинуты, софта (студенты) собрались для того, чтобы представить петицию с протестом против решения, принятого правительством, и только арест зачинщиков помешал возникновению волнений. Так велико было раздражение, охватившее Константинополь, что султан* на следующий день не осмелился ни пройти в Диван, ни проследовать, как обычно, под гром

* — Абдул-Меджид. *Ред.*

пушек и крики «ура» экипажа иностранных военных кораблей в мечеть Топханэ, а Решид-паша, в поисках убежища, бежал из своего собственного дворца в Стамбуле во дворец, смежный с резиденцией султана. На следующий день общественное мнение было несколько успокоено прокламацией султана, которая гласила, что военные действия не будут прекращены.

Эти путаные, малодушные и необъяснимые действия западной дипломатии на протяжении последних мрачных 9 месяцев почти исчерпали терпение публики и возбудили сомнения в искренности британского правительства. Будучи не в состоянии понять мотивы такого долготерпения со стороны западных держав, публика начинает поговаривать о тайных влияниях и усердно распространяются слухи о том, что принц Альберт, супруг королевы, вмешивается в дела исполнительной власти. что он не только сопровождает свою державную супругу на заседания Тайного совета, но также употребляет свое влияние, чтобы контролировать действия его ответственных членов; что, пользуясь возможностью присутствовать на совещаниях королевы со своими министрами, он в то же время поддерживает постоянную и непосредственную связь со всеми иностранными дворами, — в том числе и с русским двором, — кроме французского. По другим слухам «слияние» Орлеанов и старшей ветви Бурбонов, бывшего королевского дома Франции, встречает у английского двора почти такую же поддержку, как и у русского; в подтверждение этого приводится посещение герцогом Немурским двора королевы Виктории, сразу после совещания с «Генрихом V»*.

Четвертый слух — о том, что переговоры по восточному вопросу, с согласия России, поручены исключительно графу Буолю-Шауэнштейну, шурину графа Мейендорфа, — приводится как доказательство того, что английское правительство никогда не испытывало желания вести независимые и эффективные переговоры и притворяясь, что противится замыслам России и ее союзников, с самого начала стремилось содействовать им. Утверждают, что г-н Робак намерен широко поставить вопрос о влиянии Кобурга в палате общин, а лорд Брум — в палате лордов. Несомненно, что в настоящий момент вопрос о влиянии Кобургов является почти исключительным предметом разговоров в столице. Парламент вновь соберется 31 января.

Такой суровой зимы, как нынешняя, здесь не помнят с 1809 года. Но самое страшное — не сильный холод, а постоянна я смена температуры и погоды. Железнодорожные поезда передви-

* — графом Шамбором. *Ред.*

гаются с величайшими затруднениями; местами сообщение, по-видимому, совершенно прервано и по состоянию своих средств сообщения Англия отброшена к временам давно забытым. Для смягчения неудобств, связанных с тем, что пересылка коммерческих документов была приостановлена из-за снежных заносов, и чтобы предотвратить опротестование векселей ввиду неуплаты до ним без предупреждения, начали пользоваться электрическим телеграфом. Тем не менее опротестование в Лондоне более чем 500 векселей является иллюстрацией того состояния анархии, в которое общество пришло в результате суровой зимы. Газеты полны сообщений об ужасных кораблекрушениях, которые явились результатом снежных буранов и штормов, особенно у восточного побережья. Хотя недавно опубликованные таблицы торговли, судоходства и доходов показывают продолжение того процветания, в условиях которого начался 1853 год, однако суровая зима, а также вздорожание предметов первой необходимости, особенно хлеба, каменного угля и сала, тяжело отражается на положении низших классов. Имели место многочисленные случаи голодной смерти. Хлебные бунты на западе страны образуют ныне аккомпанемент локаутам на севере.

За недостатком времени приходится отложить до следующей статьи подробный отчет о промышленности и торговле.

Написано К. Марксом 14 января 1854 г.

Напечатано в газете «Zuid Afrikaan» 6 марта 1854 г. на английском и голландском языках

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского текста, сверенного с голландским текстом

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОКЕ. — АВСТРИЙСКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСЫ. — УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Лондон, пятница, 20 января 1854 г.

Последняя почта принесла нам некоторые дополнительные сведения относительно происшедших недавно в Азии военных событий. Турки, по-видимому, были вынуждены полностью очистить территорию русской Армении. Однако точных сведений об исходе боев, вызвавших их отступление, нет. Туркам удалось выйти на прямую дорогу из Ардагана в Ахалцих; одновременно одна из групп войск шла более южным путем, ведущим из Карса через Александрополь (по-грузински Гюмри) в Тифлис. Обе эти группы, по-видимому, натолкнулись на русских. Согласно русским сообщениям, турки были разбиты на обоих путях и потеряли около сорока орудий; официальных турецких сообщений у нас нет, но в частных письмах отступление объясняется необходимостью перехода на зимние квартиры.

Достоверно лишь то, что турки эвакуировали русскую территорию, за исключением форта св. Николая, что русские их преследовали и что русский авангард рискнул даже появиться в одной миле от Карса, но был оттуда отброшен. Кроме того, мы знаем, что анатолийская турецкая армия, набранная в азиатских провинциях, являющихся оплотом старомусульманского варварства, и насчитывающая в своих рядах большое количество нерегулярных, ненадежных, хотя вообще говоря храбрых, случайных солдат, искателей приключений и разбойников, — что эта анатолийская армия не имеет ничего общего с суровой, дисциплинированной и вымуштрованной румелийской армией, командующий которой знает, сколько и каких солдат находится изо дня в день под его начальством, и где личная жажда приключений и наклонность к грабежу обуздываются военными уставами и военно-полевыми судами. Мы

знаем, что русские, которые в начале кампании в Азии сильно нуждались в войсках, получили подкрепление в 16000 человек под командованием генерал-лейтенанта Обручева 2-го и отряд 'донских казаков; мы знаем, что им удалось сдержать горцев, сохранить свои коммуникации как через Кавказский хребет к Владикавказу, так и морем на Одессу и Севастополь.

При таких обстоятельствах, а также принимая во внимание, что турецкий командующий Абди-паша был либо изменником, либо олухом (его впоследствии отозвали и подвергли аресту в Карсе; на его место был послан Ахмед-паша), вовсе не следует удивляться тому, что турки потерпели поражение, хотя и не подлежит сомнению, что русские сводки сплошь и рядом преувеличивают. В «Augsburger Zeitung»[29] мы читаем, что

«к концу ноября Шамиль сделал отчаянную попытку пробиться на юг, чтобы установить непосредственную связь с турками. Численность его войска определялась в 10—16 тысяч человек. Утверждают, что цвет его войск — мюриды были разгромлены».

Последнее сообщение, однако, нуждается в подтверждении. Наконец-то тайна, окутывавшая синопское сражение, рассеялась. Турки потопили там одно из лучших трехпалубных судов русского флота — вооруженный 120-ю орудиями «Ростислав». Эта потеря, до сих пор замалчивавшаяся под тем благовидным предлогом, что «Ростислав» затонул не во время боя, а непосредственно после него, и теперь открыто признанная русскими, значительно уравновешивает потерю турецких судов. Если действительно потоплено трехпалубное судно, то можно полагать, что и другие русские суда получили во время сражения весьма серьезные повреждения и что в конце концов победа при Синопе, пожалуй, больше обессилила русский флот, нежели турецкий. Вообще турки и на море, по-видимому, сражаются, как настоящие турки[*]. Египетский паровой фрегат «Перваз Бахри», выведенный из строя и захваченный после пятичасового боя значительно более крупным русским паровым фрегатом «Владимир», был до такой степени изрешечен снарядами, что с трудом был доставлен в Севастополь, где сразу же затонул. Таким образом, пока что военные трофеи русских сводятся к нулю. И в самом деле: то, что им не удалось вывести из Синопа ни одного захваченного судна, свидетельствует как об упорном сопротивлении турок, так и о том, что в результате сражения русский флот был сильно поврежден.

[*] Игра слов: «like Turks» означает «как турки», а также «с ожесточением». *Ред.*

Согласно одному из сообщений, соединенный франко-английский флот совместно с первым подразделением турецкого флота перевозит 17000 турок в Батум. Если это верно, то мы имеем дело с военным актом, равносильным непосредственной атаке на Севастополь, и царю остается лишь немедленно объявить войну. Непосредственно перед тем, как союзный флот вошел в Черное море, царь якобы предписал всем своим военным судам, находящимся там, вернуться в Севастополь. Письмо из Одессы от 24 декабря сообщает, что

«командующий русской флотилией в Азовском море послал одного из своих адъютантов в Севастополь доложить, в каком критическом положении он оказался. Два корпуса по 12000 человек каждый уже были готовы отплыть в Севастополь, как вдруг эта военная операция была приостановлена сообщением о скором появлении в Черном море союзного флота».

Из последних полученных телеграфных сообщений видно, что русские хотели попытаться произвести генеральную атаку на турецкие позиции у Калафата 13 января, в день русского Нового года. Они уже двинули вперед около 10000 солдат, окопавшихся у Четате (деревня в 9 английских милях к северу от Калафата), но им не удалось сконцентрировать все свои наличные силы, так как турецкий генерал опередил их. С помощью 15000—18000 солдат он штурмовал окопы неприятеля, одержал победу в ряде исключительно кровопролитных стычек, имевших место 6, 7, 8, 9 и 10 января и, наконец, вынудил русских отступить в направлении Крайовы. Сами русские признают, что они потеряли 1000 человек убитыми и 4000 ранеными. Как сообщает телеграф, генерал Анреп, «командовавший русскими войсками, тяжело ранен, как и генерал Туинант». Сообщается также, что 10 января турки под командованием Селим-паши (поляка Зедлинского) снова *отступили* к Калафату. Таковы телеграфные сообщения, составлявшие до сих пор единственный источник информации об этих чрезвычайно важных событиях. Сообщение, заканчивающееся сведениями о том, что, с одной стороны, русские отступили на Крайову, а турки, с другой стороны — к Калафату, внушает нам подозрение, что оба противника снова совершили крупные стратегические ошибки. Есть сообщение, что Омер-паша заставил целый корпус переправиться через Дунай между Алютой и Шилом, создав таким образом угрозу для коммуникаций русского корпуса в Крайове. Однако как могли турки перейти Дунай, сплошь покрытый плавающими льдинами, в каком-либо другом месте, кроме Калафата, единственного пункта, где они сделали необходимые приготовления на такой случай?

Поражение, понесенное русскими у Калафата, пожалуй, важнее с политической, чем с военной точки зрения. Это поражение в сочетании с прибытием союзного флота в Черное море исключает последний шанс на то, что царь уступит покорнейшей просьбе о мире, переданной ему курьером, посланным венским совещанием в С.-Петербург. С другой стороны, влияние этого поражения немедленно усилит в соседней Сербии национальную партию и нагонит страх на сторонников России, которые в последнее время вели себя в Белграде с поразительной наглостью. Правда, князь Александр и сербские народные массы не дали себя убедить в необходимости порвать узы, связывающие их страну с султаном, несмотря на то, что множество русских агентов наводняет Сербию и ведет свои интриги в разных направлениях: они посещают местности и разыскивают лиц, в прошлом известных приверженностью к изгнанной династии Обреновичей, заговаривая с одними о молодом князе Михаиле, с другими о его старом отце Милоше. Они то внушают им надежду на расширение границ Сербии при покровительстве России, на образование нового королевства Иллирии, которое объединит всех говорящих на сербском языке и ныне находящихся под властью Турции и Австрии, то угрожают им, в случае сопротивления, вторжением несметных армий и полным порабощением. Вы знаете, что проживающий в Вене князь Милош является давнишним протеже Меттерниха, тогда как его сын Михаил — просто-напросто ставленник России, бежавший в 1842 г. из Сербии и оставивший престол свободным. Поражение России у Калафата кроме того избавит Австрию от страха, что русская армия появится перед Белградом, и пробудит у тех австрийских подданных, которые одного с ней происхождения и одной веры, сознание собственной силы и того унижения, которому они подвергаются под властью немцев.

Относительно Австрии я могу сказать en passant*, что она, наконец, оставила долго лелеемую надежду на получение нового займа. О состоянии ее казначейства можно судить по тому приему, к которому недавно прибегло ее правительство, снизив курс своих же бумажных денег на 15%; этот финансовый маневр можно сравнить лишь с мошенническими изощрениями изобретательных французских rois faux monoyeurs**, которые повышали курс денег, когда им надо было платить, и снижали его, когда им предстояло взимать платежи. Судя

* — между прочим. *Ред.*
** — королей-фальшивомонетчиков. *Ред.*

по немецким газетам, австрийский бюджет на 1854 г. будет сведен с дефицитом в 45000000 флоринов в своей обычной части и в 50000000 флоринов — в чрезвычайной. Всякий раз, как в Вену поступает сообщение, от которого пахнет порохом, люди осаждают банкирские дома, чтобы обменять бумажные деньги на серебряные.

Франция, как известно, также давно собиралась заключить заем в 200000000 франков (8000000 фунтов стерлингов). Однако недостаток продовольствия, неурожай винограда и недобор шелка-сырца, общий застой в торговле и промышленности, серьезные опасения относительно предстоящих в конце февраля платежей, тенденция к понижению курса государственных ценных бумаг и железнодорожных акций — все эти обстоятельства никак не способствовали облегчению подобной операции. Бонапарту не удалось найти на бирже покупателей для нового займа. Оставалось только то средство, к которому прибегли накануне coup d'etat* — послать Персиньи во Французский банк, чтобы изъять оттуда 50000000 франков (10000000 долларов), оставив взамен в качестве «обеспечения» на такую же сумму казначейских обязательств. Это фактически было сделано в день Нового года. Ответом на этот финансовый coup d'etat было падение курса ценных бумаг до 69%. Как теперь официально сообщается, правительство получит у Французского банка заем в 2000000 или 3000000 франков, обеспечиваемых казначейскими обязательствами. Лица, не осведомленные о том, что произошло в день Нового года в салоне Французского банка, так и не смогут понять, каким образом удалось убедить этот банк предоставить заем, отвергнутый биржей.

Сообщения о Персии по-прежнему противоречивы. По одним сведениям, персидская армия идет на Эрзерум и Багдад, а по другим — русская интрига провалилась из-за угрозы английского поверенного в делах г-на Томпсона покинуть Тегеран, из-за опасения, что ненависть персидского народа к России приведет к немедленному взрыву, а также из-за прибытия афганского посольства, пугавшего вторжением афганцев на персидскую территорию, в случае если Персия заключит союз с Россией.

Судя по опубликованным в «Patrie» частным письмам **из** Константинополя, Диван решил укрепить Константинополь со стороны суши. Говорят, что смешанная комиссия, состоящая из европейских и турецких офицеров, ужа приступила к пред-

* — государственного переворота. *Ред.*

варительному осмотру местности. Укрепление Константинополя совершенно изменило бы характер операций русско-турецкой войны и оказалось бы самым тяжелым, ударом из всех, когда-либо нанесенных извечным мечтам самозванного наследника византийских императоров.

Слух о том, что Австрия сосредоточивает в Банате армейский корпус, которым будет командовать генерал граф Шлик, опровергается немецкой печатью.

По сообщению берлинской «Correspondenz», всем властям была дана общая инструкция быть наготове на случай мобилизации ландвера[30].

Из С.-Петербурга сделано предложение копенгагенскому кабинету уступить России остров Борнхольм.

«Борнхольм», —справедливо замечает «Daily News»,— «мог бы служить Мальтой или Гибралтаром на Балтийском море. Он находится на расстоянии одного дня плавания от Зунда и Копенгагена и расположен у самого входа в Балтийское море».

В сообщении, посланном лордом Редклиффом севастопольскому губернатору и ставящем его в известность о появлении союзной эскадры в Черном море, указано, что единственной целью этого передвижения является «защита *оттоманской территории* от каких-либо нападений или враждебных актов», но *совершенно не упоминается* о защите *оттоманского флота.*

Так как все получаемые из Парижа, Вены, Берлина, Константинополя и С.-Петербурга сообщения указывают на вероятность войны, то на всех товарных рынках по обе стороны Ла-Манша происходит общее падение цен.

Написано К. Марксом 20 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3997, 8 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Статьи наших лондонских корреспондентов и сообщения европейских газет позволяют нам, наконец, составить себе полное представление о продолжительном сражении между турками и русскими, ареной которого явилась Четате, небольшая деревня в девяти милях к северу от Калафата. При том, что в ряде кровопролитных схваток, о которых идет речь, была проявлена большая храбрость и что победу одержали турки, весьма примечательным является то, что бои не дали каких-либо практических результатов, поскольку речь идет об изгнании русских из Валахии. Причиной тому ошибка турок, на которую мы уже не раз обращали внимание наших читателей. Мы имеем в виду отправку ими отдельной армии в Калафат для преграждения пути в Сербию, в то время как лучшей гарантией против вторжения русских в эту область было бы присутствие сильной и концентрированной армии у Рущука и Гирсовы. Такая армия угрожала бы коммуникациям любой русской армии, продвигающейся в западном направлении, а мост и предмостное укрепление, подобное укреплению у Калафата, у Олтеницы или еще где-нибудь поблизости явились бы опорными пунктами турок на левом берегу Дуная. Но даже и без того, русские не могли бы перейти верхний Дунай и двинуться в Сербию, не предоставив туркам возможность перейти нижний Дунай и двинуться на Бухарест. Конечно, утверждая это, мы исходим из действительного соотношения сил и считаем, что румелийская армия турок

значительно превышает по численности валашскую армию русских.

Следует заметить, что турки сделали все возможное, чтобы свести свое превосходство на нет и подготовить условия для своего конечного поражения. Вместо того чтобы сосредоточить свои силы на нижнем Дунае, они разделили их. В то время как 30000—35000 человек заняли Видин и Калафат, остальная часть армии осталась на среднем и нижнем Дунае. Она расположена по дуге, а по хорде этой дуги расположены русские. Поэтому последним, чтобы сосредоточить свои войска в нужном пункте, приходится преодолевать меньшее расстояние. Мало того; более короткий путь русских проходит по ровной местности, а более длинный путь турок — по горам и через многочисленные горные потоки. Поэтому позиция турок в высшей степени невыгодна, и тем не менее они заняли ее, в угоду старому предрассудку, гласящему, что для того, чтобы лучше всего преградить путь неприятелю, нужно стать ему поперек дороги.

20 декабря Омер-паша, находясь в Шумле, узнал, что русские готовят общее наступление на Калафат на 13 января. В его распоряжении было двадцать два дня; однако положение Калафата по отношению к другим пунктам расположения турецких войск таково, что Омер-паша, по-видимому, не мог доставить туда подкреплений, кроме скудных резервов из Софии. С другой стороны, то обстоятельство, что русские, не получив из России сколько-нибудь значительных пополнений — 3 января вездесущий корпус Остен-Сакена еще не прибыл в Бухарест, — отважились сосредоточить свои войска так далеко к западу, показывает, что либо состояние погоды и высокие воды Дуная не позволяли туркам перейти реку ниже по течению, либо Горчаков имел другие основания рассчитывать на их бездействие в данном районе. Турецкие войска в Калафате получили приказ атаковать русских, пока те еще не успели сосредоточить свои силы. Для этого было бы правильнее всего повторить эксперимент, проделанный у Олтеницы[31]. Почему это не было сделано? Мост у Калафата держится, несмотря на зимнее время и пловучий лед, а ниже по реке нет ни одного места, где можно было бы возвести подобный мост с предмостным укреплением. Не получил ли Омер-паша приказ оставаться на правом берегу реки? Поведение турок так противоречиво, смелые и умные мероприятия так регулярно чередуются с вопиющими упущениями и промахами, что за всем этим несомненно кроются дипломатические интриги. Во всяком случае, Горчаков не продвинулся бы к Калафату ни на

один дюйм, не будь он уверен, что турки не повторят олтеницкого маневра.

Против Калафата было, очевидно, брошено в общей сложности около 30000 русских, ибо с меньшими силами они (два ли решились бы атаковать укрепленную позицию, защищаемую гарнизоном в 10000 человек и располагающую еще по меньшей мере 10000 в качестве резерва или для вылазок. Итак, в этом пункте была сосредоточена по крайней мере половина действующей в Валахии русской армии. Где и как могла бы другая ее половина, растянутая на большое расстояние, помешать переправе турецкой армии у Олтеницы, Силистрии или Гирсовы? А если связь между Видином и Калафатом можно было поддерживать без труда, то можно было переправиться и в других пунктах. Таким образом, русские, благодаря своей позиции на хорде дуги, дуги, по которой были расположены турки, имели возможность собрать на поле битвы у Четате превосходящие силы, в то время как турки не могли усилить свой корпус у Калафата, хотя еще задолго были осведомлены о готовящейся атаке. Туркам, лишенным возможности произвести диверсию, которая предотвратила бы все сражение, лишенным шансов на помощь, оставалось только положиться на свою храбрость в расчете на то, что им удастся разбить противника по частям, до того как он успеет сосредоточить свои силы. Но даже этот расчет был ненадежным, так как они не могли отойти далеко от Калафата, и любой уступающий им по силе корпус противника мог уйти из зоны их действия. Так, после пятидневного сражения, проходившего для них большей частью успешно, турки все же были вынуждены отступить к своим укреплениям в деревнях вокруг Калафата, так как русские к концу этого срока получили новые подкрепления, давшие им решающий перевес. В результате русская атака на Калафат по всей вероятности предотвращена или отсрочена, а турки показали, что они могут хорошо сражаться не только за валами и рвами, но и в открытом поле. О кровопролитном характере сражений можно судить по одному письму из Бухареста, в котором говорится, что в боях был полностью уничтожен русский стрелковый полк, а от уланского полка уцелело только 465 человек.

У Олтеницы русские атаковали укрепленные позиции турок; у Четате турки атаковали укрепленные позиции русских. В обоих случаях турки оказались победителями, но не пожали плодов своей победы. Битва у Олтеницы произошла как раз в тот момент, когда известие о перемирии находилось в пути из Константинополя на Дунай. А сражение при Четате странным образом

совпадает с сообщением о том, что Диван принял последние мирные предложения, навязанные туркам их западными союзниками[32]. В первом случае дипломатические махинации были сведены на нет вооруженным столкновением, во втором — кровавая работа войны оказалась безрезультатной в силу каких-то тайных дипломатических действий.

Написано Ф. Энгельсом 19 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3997, 8 февраля 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ВЗГЛЯДЫ ЦАРЯ. — ПРИНЦ АЛЬБЕРТ

Лондон, вторник, 24 января 1854 г.

Попытки русской армии перейти Дунай одновременно на всем операционном направлении — при Мэчине, Журжеве и Калафате — приходится считать скорее разведывательными маневрами, чем серьезным наступлением, на которое едва ли решился бы генерал Горчаков с теми силами, которыми он располагает.

Газета «Press» — орган Дизраэли — в субботнем номере опубликовала заметку о беседе, состоявшейся совсем недавно в Гатчине между царем и некиим «выдающимся» англичанином. Почти вся лондонская ежедневная печать воспроизводит эту заметку, которая, помимо известных и изрядно надоевших рассуждений русской дипломатии, содержит также некоторые интересные положения.

Царь «определенно заявил, что ультиматум Меншикова не встретил в Лондоне неодобрения и что английское правительство, когда ему *было сообщено, что Порта, вероятно, примет ультиматум,* сочло это удовлетворительным разрешением вопроса».

Все это только доказало бы, что бедный Джон Рассел *был ложно информирован* бароном Брунновым относительно «вероятных» намерений Высокой Порты и что ответственность за отказ последней немедленно принять ультиматум Меншикова[33] ни в коем случае не следует возлагать на коалиционный кабинет. Далее, сообщает царь «выдающемуся» джентльмену,

«после того, как стало известно о победе при Синопе, генерал Кастельбажак (французский посол) обратился к нему с письмом, которое начиналось приблизительно так: «Позвольте мне, как христианину и солдату, принести вашему императорскому величеству свои поздравления по случаю славной победы, одержанной флотом вашего величества»».

Я хотел бы здесь отметить, что Кастельбажак, старый легитимист и родственник Ларошжаклена, заслужил генеральскую шпагу не на полях битвы, а менее опасной службой в дворцовых передних и пламенным исповеданием высоких роялистских принципов. Бонапарт назначил его послом при санкт-петербургском дворе, в знак уважения к личным пожеланиям царя, отлично зная, что Кастельбажак скорее должен будет вступить в заговор с царем для восстановления Бурбонов, чем будет заботиться об интересах своего номинального повелителя. Этот Кастельбажак является, таким образом, подходящим человеком, чтобы, «как солдат и христианин», поздравлять царя с безрезультатной синопской бойней. «Я не верю», — будто бы заявил царь,— «чтобы Англия с ее *буржуазным* парламентом могла со славой вести войну». Без сомнения, царь знает своих Кобденов и Брайтов и оценивает по достоинству низкую и подлую душу европейской буржуазии. Наконец, царь вполне прав, когда утверждает, с одной стороны, что не был подготовлен к войне — ведь он был совершенно убежден, что достигнет всего желаемого посредством простых угроз, — ас другой, что если война и будет, то это будет «война бездарностей», то есть людей, которые, в трусливом стремлении избежать войны, сделают ее неизбежной и сами в конце концов бросятся в нее очертя голову, чтобы скрыть свои ошибки и сохранить свои посты.

«Общественное мнение почти склонно принести принца Альберта в жертву молве. Легкий шепот, первоначально пущенный в оборот в интересах определенной партии, превратился в ропот, а многозначительные намеки разрослись в явный и чудовищный вымысел. Тот факт, что каждый, кто добивался аудиенции у королевы, неизменно заставал при ее величестве принца Альберта, скорее вызвал сочувствие и уважение английского общества; но затем стало известно, что принц присутствует при совещаниях королевы с министрами; далее, что внимание министров было обращено на его присутствие, что, несмотря на свое нежелание обсуждать дела в присутствии третьего лица, министры вынуждены это делать, что им даже приходится отстаивать свое мнение перед принцем, что принц фактически вмешивается в их совещания с королевой; что он не только оказывает влияние на мнение королевы, но, располагая возможностью свободного сношения с иностранными дворами, представляет собой канал для бесконтрольного обмена информацией между Тайным советом королевы и кабинетами иностранных государей, быть может, врагов Англии, —короче. что принц Альберт предает королеву, что он обвинен в государственной измене и, наконец, что по обвинению в государственной измене он арестован и заключен в Тауэр. Такова история, которая дня два назад не только обсуждалась во всех концах Англии, но кое-кем даже принималась всерьез».

Я цитирую это место из газеты «Spectator»[34], чтобы показать вашим читателям, как пальмерстоновская пресса обрабатывала общественное мнение, стремясь сделать жалкого, ограниченного молодого человека козлом отпущения ответственных

министров. Принц Альберт — немецкий принц, состоящий в родстве с большинством европейских абсолютистских и деспотических правительств[35]. Возвысившись до положения принца-консорта в Великобритании, он посвящал свое время частью откармливанию свиней, частью изобретению смехотворных головных уборов для армии, планированию образцовых ночлежных домов, удивительно неуютных, выставке в Гайд-парке и игре в солдатики. Он слыл обходительным и безобидным, несколько ниже среднего уровня по умственному развитию, плодовитым родителем и покорным супругом. За последнее время, однако, из него умышленно сделали влиятельнейшего человека, одного из опаснейших лиц в Соединенном королевстве, направляющего якобы всю государственную машину согласно тайным предписаниям России. Конечно, едва ли можно сомневаться в том, что принц оказывает влияние на дворцовые дела и притом, естественно, в интересах деспотизма. Принц может действовать только как принц; был ли кто-нибудь достаточно глуп, чтобы подумать, что может быть иначе? Но мне незачем напоминать вашим читателям, до какой степени бессилия низведена британской олигархией королевская власть; известно, например, что короля Вильгельма IV, решительного врага России, его министр иностранных дел[*], член олигархии вигов, заставлял действовать как врага Турции. Насколько же нелепо было бы думать, что принц Альберт способен сделать что-нибудь против воли министерства, если только речь идет не о каком-нибудь ничтожном придворном пустяке, — о какой-нибудь жалкой ленте или мишурной звезде! Его абсолютистскими penchants[**] пользуются для того, чтобы отвлечь внимание народа от заговоров и измен ответственных министров. Если вообще весь этот шум и натиск имеют хоть какой-нибудь смысл, то только как наступление на монархические учреждения. Не будь королевы, не было бы и принца; не будь трона, не было бы и дворцовых влияний. Принцы утратили бы свою власть, если бы не было тронов, которые их поддерживают и на которые они могут опираться. Но, обратите внимание, именно те газеты, которые наиболее ярко демонстрируют свою «ужасную смелость», которые громче всего кричат и пытаются нажить своего рода политический капитал на истории с принцем Альбертом, — именно они и распинаются наиболее усердно в своей лояльности к трону и непристойно славословят королеву. Что касается газет тори, то это само собой разумеется. Что же касается радикального «Morning Advertiser»[36], то это и есть та самая

[*] — Пальмерстон. *Ред.*
[**] — склонностями. *Ред.*

газета, которая приветствовала бонапартовский coup d'etat* и напала недавно на одну ирландскую газету за то, что та осмелилась критиковать королеву в связи с ее посещением Дублина; это — та самая газета, которая упрекает французских революционеров за их республиканские взгляды и которая всегда изображает лорда Пальмерстона как спасителя Англии. Вся эта история есть пальмерстоновский трюк. Пальмерстон стал непопулярным благодаря разоблачению его русофильства и вследствие его сопротивления новому биллю о реформе. Последний факт снял либеральную позолоту с его заплесневелых расписных пряников. Тем не менее ему нужна популярность, чтобы стать премьером пли по крайней мере министром иностранных дел. Какой великолепный случай снова стать в позу либерала и разыграть роль Брута, преследуемого тайными дворцовыми интригами! Нападение на принца-консорта — какая приманка для народа! Он станет самым популярным государственным деятелем эпохи. Какой великолепный предлог для того, чтобы опозорить своих коллег, заклеймить их как орудия принца Альберта и заставить двор принять Пальмерстона на условиях, поставленных им самим! Тори, естественно, подхватили этот крик, ибо что им церковь и корона по сравнению с фунтами стерлингов и поместьями, которые так стремительно переходят от них к хлопчатобумажным лордам! А когда тори во имя «конституции» и «свободы» бросают гневные слова в адрес принца, кто из просвещенных либералов не бросится благоговейно к их ногам?

На ежегодном совещании Манчестерской торговой ассоциации председатель, г-н Аспиналл Тёрнер, заявил по поводу забастовок, локаутов и вообще рабочих волнений,— которые он справедливо охарактеризовал как «гражданскую войну, происходящую в Ланкашире между хозяевами и рабочими», — что «подобно тому, как Манчестер сверг королевскую тиранию и тиранию аристократии, он свергнет и тиранию демократии».

«Перед нами», — восклицает газета «Press», — «невольное признание политики манчестерской школы. В Англии верховной властью обладает корона? — Ограничьте королевские полномочия! Вам мешает аристократия? — Сметите ее со своего пути! Среди рабочих происходят волнения? — Сокрушите рабочих!»

Написано К. Марксом 24 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4000, 11 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — государственный переворот. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

* УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. — ДАТСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. — СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА. — НЕУРОЖАЙ В ЕВРОПЕ

Лондон, пятница, 27 января 1854 г.

Укрепление Константинополя, как я уже указывал в одной из последних статей[*], было бы важнейшим из всех мероприятий, которые турки могли бы провести. Будь Константинополь укреплен, а форты на Босфоре и в Дарданеллах соответственно усилены, Турция, как и любая другая держава, владеющая этой столицей, не нуждалась *бы* ни в каких иностранных гарантиях своей независимости. Нет города, который было бы легче укрепить, чем Константинополь. Только одна сторона треугольника, а именно та, которая обращена к суше, нуждается в создании непрерывного вала; вторая, обращенная к Мраморному морю, и третья, обращенная к Золотому Рогу, могут обойтись без укреплений. Линия отдельных фортов, расположенных в надлежащем расстоянии от крепостной стены и выдвинутых на восток для защиты Перы, Галаты и северо-восточного берега Золотого Рога, послужила бы одновременно для усиления крепостной стены и для того, чтобы помешать неприятелю обойти ее и возвести осадные укрепления на холмах, лежащих за Перой и Галатой и господствующих над городом.

Такая крепость была бы почти неприступна. Ее коммуникационные линии могли бы быть перерезаны лишь в случае занятия Дарданелл или Босфора; в этом случае город был бы сразу же потерян. Но два таких узких пролива могут быть легко укреплены настолько сильно, что никакой вражеский флот не сможет прорваться через них. Русская армия, подошедшая с суши, была бы вынуждена пользоваться для связи с Севастополем и Одессой опасным морским путем и вряд ли была бы

[*] См. настоящий том, стр. 32—33. *Ред.*

в состоянии продержаться достаточно долго, чтобы взять город; непрерывно уменьшаясь в численности, она не смогла бы выдерживать удары со стороны гарнизона города и подкреплений, прибывающих из Азии.

Ответ России на датское заявление о нейтралитете[37] прибыл в Копенгаген 20 января. Россия якобы отказывается признать нейтралитет и требует от Дании присоединения к той или другой стороне. Сразу же после этого сообщения французский, английский и русский послы* будто бы имели совещание с датскими министрами. Но из весьма достоверного источника я узнал, — хотя, конечно, все же не могу ручаться за точность информации, — что протест с.-петербургского кабинета является лишь маневром, рассчитанным на то, чтобы побудить другие державы к скорейшему формальному признанию условий, на которых предлагается датский нейтралитет. Мне сообщили, что недавно между Данией, с одной стороны, и Францией и Англией, — с другой, имели место переговоры, согласно которым в случае войны Англия должна занять Зунд своими военными кораблями, а Франция — оккупировать герцогство Шлезвиг армейским корпусом. Для срыва этой комбинации, о которой министр Эрстед осведомил графа Нессельроде, Россия будто бы и потребовала от копенгагенского кабинета, чтобы он сделал заявление о нейтралитете, против которого она сейчас притворно возражает; если Франция и Англия признают датский нейтралитет, то этим не только будут разрушены их первоначальные планы, но также будут изъяты из-под действия военных законов грузы, перевозимые на нейтральных судах, что обеспечит экспорт русских товаров через Балтийское море.

Протест царя против приобретения Пруссией ольденбургского порта на Северном море является протестом bona fide**, как бы ни была удивлена берлинская публика этим новым проявлением вездесущего вмешательства преемника Тимура-Тамерлана.

Состоявшийся большой «митинг сторонников реформы в Манчестере» оказался великолепным образчиком чепухи, как верно замечает газета «Englishman». Восхваление политики Абердина, оскорбление Турции, прославление России и отрицание всякого вмешательства в дела иностранных государств — таковы немногие темы, которые, поскольку речь идет об иностранной политике, составляют основной капитал манчестерской школы[38]; они снова пережевывались гг. Кобденом, Брайтом и другими «простыми и скромными людьми», которые

* — Дотезак, Бьюкенен и барон Унгерн-Штернберг. *Ред.*
** — вполне искренним. *Ред.*

хотят иметь в главном штабе английской армии «сторонника мира» и объявить локаут палате лордов для того, чтобы продавать английский народ, а другие—распродавать по дешевке.

Речь г-на Кобдена была не более, как повторением, притом беззастенчивым, речи, произнесенной им при закрытии парламентской сессии. Единственной роскошью, которую он позволил себе в смысле новизны, были два выпада — один против Франции, другой против Америки. Весьма подозрительно, что тот самый человек, который сыграл такую выдающуюся роль в заключении союза с Францией в те времена, когда подвиги «декабрьских деятелей» вызывали в Англии вопль негодования, — теперь разрушает дело своих рук, высмеивая этот союз и объявляя его «необдуманным» и «несвоевременным».

В отношении Америки Кобден заявил, что именно развитие ее торговли и промышленности, а вовсе не воинственная политика России, может угрожать величию экономического и национального процветания Англии. Как это согласуется с его профессиональными фритредерскими ханжескими рассуждениями, согласно которым торговое процветание одного народа зависит от *развития* торговли и промышленности всех других народов, а идея опасного соперничества между двумя промышленными народами объявляется ошибкой «знахарей» протекционизма? Как согласуется это с положением, что

«Англия волшебным действием своего машинного производства соединила навсегда узами мира два обособленных полушария, поставив Европу и Америку в *полную и нерасторжимую зависимость друг от друга»?*

Не в первый раз пытается Кобден отвести от России подозрения и враждебность английского народа, стремясь направить их против Соединенных Штатов Америки. Когда в 1836 г. захват одного английского судна русским военным кораблем у черкесского побережья, финансовые мероприятия с.-петербургского кабинета в отношении судоходства по Дунаю[39], а также разоблачения, опубликованные в «Portfolio»[40], вызвали гнев английского народа и, главным образом, коммерсантов против России, г-н Кобден — в то время еще «дитя в литературе и непривычный к публичным выступлениям»[41] — опубликовал маленький анонимный памфлет, озаглавленный: «Россия; лекарство против русофобии. Написано манчестерским фабрикантом»[42]. В этом памфлете доказывается, что «менее чем через двадцать лет эти взгляды (а именно, боязнь роста американского процветания, а вовсе не русской экспансии) будет разделять весь английский народ, и *правительство страны будет вынуждено их признать».* В этом же памфлете Кобден пишет:

«Исследуя различные мотивы, руководствуясь которыми обсуждающие этот вопрос занимают враждебную позицию по отношению к русской нации, мы обнаружили с бесконечным удивлением и глубоким убеждением своей правоты, что столетие *аристократического* правления в Англии заразило все классы общества высокомерным и надменным духом их правителей» (по отношению к кроткой России). «Если бы с.-петербургское правительство было перенесено на берега Босфора, то на месте хижин, образующих сейчас турецкую столицу, менее чем через 20 лет вырос бы блестящим и богатый европейский город; здесь выросли бы великолепные здания, возникли бы ученые общества, процветали бы изящные искусства. Если бы русское правительство действительно достигло такой силы, оно прекратило бы войну с мечом в руках и начало бы борьбу против варварства, сооружая железные дороги, строя мосты, способствуя накоплению капиталов, *росту городов и успехам цивилизации и свободы...* Рабство, оскверняющее Константинополь, немедленно исчезло бы, а торговля и законы, защищающие жизнь и имущество» (например, как это делается теперь в Молдавии и Валахии), «заняли бы свое место».

В доказательство русской цивилизованности и, следовательно, права России на захват Турции г-н Кобден сообщил своим изумленным читателям, что русский купец, владеющий 10000—15000 рублей, не только участвует во внешней торговле, но *«освобожден от телесных наказаний и имеет право ездить в пароконном экипаже»*. Можно ли после этого удивляться, если русский император недавно выразил убеждение, что «Англия с ее буржуазным парламентом не может со славой вести войну»? В 1836 г. г-н Кобден был так глубоко проникнут сознанием «недобропорядочности публицистов и ораторов», осмеливающихся порицать самодержца всея Руси, что одним из выводов его памфлета является вопрос:

«Кто же эти писатели и ораторы, и что они собою представляют? Долго ли еще будет позволено политическим шарлатанам безнаказанно разжигать страсти и смущать умы целой нации?»

Мы полагаем, что это — те «официальные публицисты и ораторы», которые владеют 10000—15000 рублей, могут ездить в пароконном экипаже и, по крайней мере, освобождены от *«телесного наказания»*. До сих пор некоторые считали русофильскую манию г-на Кобдена одной из свойственных ему многочисленных причуд, другие видели в ней необходимый вывод из его доктрины о мире. Недавно, однако, некто*, по праву называющий себя «литературной клячей или, если хотите, литературным ослом» покойной Лиги против хлебных законов[43], поведал публике, что г-н Кобден, прежде чем написать свою первую брошюру, «небезуспешно съездил в Россию в 1834 и 1835 гг. по торговым делам», что «его сердце и ситец в 1836 г. были в России», а его гнев против «английских публицистов,

* — А. Сомервилл. *Ред.*

ораторов, авторов и журналистов» был вызван их критикой по адресу его нового клиента, Николая всероссийского.

В связи с предстоящим через несколько дней возобновлением заседаний палаты общин нам представляется уместным дать хотя бы в сжатой форме статистику английского представительства.

	Число мест	В %
Родственники пэров	103	17,0
Ирландские пэры	6	
Поместные дворяне	266	41,3
Деятели литературы и науки	20	3,0
Армия и флот	30	4,6
Представители торговых и финансовых кругов	109	17,1
Юристы	107	17,0
Рабочие	нет	—
Итого парламентских мест	641	

Ирландскими пэрами в палате общин[44] являются: виконт Пальмерстон от округа Тивертон; виконт Баррингтон — от Беркшира; граф Ансли—от Гримсби; виконт Монк—от Портсмута; виконт Голуэй — от Ретворда; наконец, лорд Хатем — от Восточного Йоркшира. *Деятели литературы и науки:* Бенджамин Дизраэли — от Бакингемшира; историк Томас Маколей — от Эдинбурга; торговый статистик Мак-Грегор — от Глазго; автор «Летописей испанских художников» и пр. Уильям Стерлинг — от Пертшира; автор «Государства и церкви» и других трудов Уильям Гладстон — от Оксфордского университета; автор книги «Развалины Ниневии» и др. д-р Остин Г. Лейард — от Эйлсбери; редактор журнала «Economist»[45] Джемс Уилсон — от Уэстбери; редактор произведений Гоббса и др. сэр Уильям Молсуорт—от Саутуарка; поэт, драматург и новеллист сэр Э. Л. Булвер-Литтон—от Хартфордшира; писатель Лиги против хлебных законов Уильям Джонсон Фокс — от Олдема; автор (весьма жалкой) «Истории цивилизации» и др. У. А. Макиннон — от Рая; автор «Путевых впечатлений» и др. Р. Монктон Милнс и автор «Поездки на Восток» Бенджамин Оливейра — оба от Понтефракта; автор богословских и политических работ Эдуард Майалл — от Рочдейла; автор «Истории греческой литературы» Уильям Мьюр — от Ренфрушира, в Шотландии; автор книги «Жизнь Франческо Сфорца» У. П. Уркарт — от Уэстмитского графства, в Ирландии; знаменитый железнодорожный инженер Роберт Сте-

фенсон — от Уитби; врач Уильям Майкл — от Бодмина; хирург Джон Брейди — от Литрима. Можно ли внести в рубрику литераторов также лорда Джона Рассела, судить не берусь.

Не менее 100 мест занимают люди, формально избранные в своих избирательных округах, а фактически назначенные герцогами, графами, маркизами, знатными дамами и другими лицами, извлекающими из своего влияния на местах политическую выгоду. Так, например, маркиз Вестминстер располагает двумя местами в Честере — городе, насчитывающем 2524 избирателя; герцог Норфолк располагает одним местом в Аренделе; герцог Сатерленд — двумя в Ньюкасле-андер-Лайн; маркиз Ленсдаун — одним в Калне; граф Фицуильям — двумя в Молтоне; герцог Ричмонд — двумя в Чичестере; мисс Пирс — одним в Норталлертоне и т. д.

О несоответствии между числом избирателей, с одной стороны, числом избранных депутатов — с другой, и общим числом населения можно судить по следующим нескольким примерам.

В Беркшире численность населения составляет 170065 человек, а число избирателей — 7980. Этот округ избирает в палату общин все девять представителей, тогда как Лестершир с населением в 230308 человек и 13081 избирателем располагает всего шестью местами; Линкольншир с населением в 407222 человека и 24782 избирателями располагает тринадцатью депутатскими местами в палате, тогда как Мидлсекс с населением в 1886576 человек и 113490 избирателями выбирает в палату всего четырнадцать депутатов. Ланкашир при населении в 2031236 человек насчитывает лишь 81786 избирателей и располагает в палате общин только двадцатью шестью местами, тогда как Бакингемшир с населением в 163723 человека и 8125 избирателями представлен одиннадцатью депутатами. Суссекс с населением в 336844 человека и 18054 избирателями избирает восемнадцать депутатов, тогда как Стаффордшир с населением в 608716 человек и 29607 избирателями избирает их лишь семнадцать.

Соотношение между количеством избирателей и численностью населения таково:

В Англии каждый избиратель в сельской местности представляет 20,7 жителя графства.

В Уэльсе каждый избиратель в сельской местности представляет 20 жителей.

В Шотландии каждый избиратель в сельской местности представляет 34,4 жителя.

В Англии каждый городской избиратель представляет 18 жителей города.

В Уэльсе каждый городской избиратель представляет 24,4 жителя города.

В Шотландии каждый городской избиратель представляет 23,3 жителя города.

Относительно Ирландии нет столь полных данных, как относительно Англии и Шотландии. Все же следующие цифры дают близкую к истине картину для периода 1851— 1852 годов:

В сельской местности каждый избиратель представляет 36 жителей.

В ирландских городах каждый избиратель представляет 23 жителя города.

Общие затруднения на европейских хлебных рынках представляются в следующем виде. Во Франции нехватка зерна составляет не десять миллионов гектолитров, как утверждает «Moniteur»[46], чтобы рассеять панику, а значительно больше двадцати миллионов, т. е. свыше восьми миллионов английских квартеров; нехватка картофеля достигает не менее одной четверти среднего сбора за последние пять лет, а нехватка вина, растительного масла и каштанов еще больше. В Бельгии и Голландии дефицит в хлебной продукции составляет около четырех миллионов гектолитров; в Рейнских провинциях, Пруссии и Швейцарии он, по скромным подсчетам, составляет свыше десяти миллионов гектолитров. Об Италии известно лишь, что там весьма значительный недород, хотя очень трудно определить его даже приблизительно. Однако даже минимальная цифра достигает десяти миллионов гектолитров зерна; следовательно, нехватка зерна в крупных хлебных районах Западной Европы составляет не менее сорока четырех миллионов гектолитров (семнадцати миллионов квартеров). О недороде в Англии известно, что он превышает пять миллионов квартеров, а судя по некоторым заслуживающим серьезного внимания подсчетам эта цифра относится к одной лишь пшенице. Таким образом, в одной Западной Европе роковой прошлогодний неурожай дал нехватку по меньшей мере в двадцать два миллиона квартеров; если к этому прибавить весьма низкое качество и недород других злаков, а также повсеместное распространение болезни картофеля, то это составит недостачу — в переводе на пшеницу — минимум в пять миллионов квартеров, и мы получим в общем итоге дефицит в двадцать семь миллионов квартеров зерна.

Что касается расчетов на ввоз хлеба с внешних рынков, то, по сведениям из весьма авторитетного в вопросах торговли источника, положение рисуется в следующем виде.

«В Польше хлеба собрано весьма мало. В России — недород: об этом свидетельствуют высокие цены на зерно в балтийских портах, причем цены поднялись еще до того, как стало известно, что нам не хватает хлеба. В Дунайских княжествах неурожая, правда, не было, но запасы там значительно сократились, — так же, как и в Одессе, — вследствие огромного экспорта хлеба в прилегающие к Средиземному морю страны и во Францию. Америка же не может дать и двух миллионов квартеров. Между тем даже всех судов мира недостаточно для перевозки хотя бы половины или около половины того хлеба, которого, как уже известно по всей Англии, нам не хватает».

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом. 26—27 января 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4004, 16 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* МИССИЯ ГРАФА ОРЛОВА. — ВОЕННЫЕ ФИНАНСЫ РОССИИ

Лондон, пятница, 3 февраля 1854 г.

Я имел возможность наблюдать около здания главного штаба армии торжественную процессию королевы, прибывшей для открытия парламента. Турецкий посол был встречен громкими приветствиями и криками ура. Принц Альберт, смертельно бледный, был яростно освистан толпой, стоявшей по обеим сторонам улиц; королева была скупа на обычные поклоны и болезненно улыбалась, наблюдая необычные изъявления народного недовольства. В одной из предыдущих статей я показал истинные масштабы кампании против Альберта и доказал, что она является лишь маневром в борьбе партий*. Тем не менее к публичной демонстрации надо отнестись вполне серьезно, так как она доказывает, что показная лояльность британского народа — просто условная формальность, притворный церемониал, который не выдерживает самого легкого удара. Возможно, что эта демонстрация вынудит корону дать отставку министерству, антинациональная политика которого может поставить иод угрозу ее собственную безопасность.

Когда стало известно о недавней миссии графа Орлова к венскому кабинету[47], газета «Times» сообщила своим легковерным читателям, что Орлов — как раз тот человек, которого царь обычно использует для мирных поручений. Но мне, конечно, нет надобности напоминать вам, что этот самый Орлов явился весной 1833 г. в Константинополь, чтобы вырвать у Порты Ункяр-Искелесийский договор[48]. Сейчас он добивается от венского кабинета разрешения послать русский

* См. настоящий том, стр. 38—41. *Ред.*

корпус из Варшавы на дунайский театр военных действий через Венгрию. Первым результатом его пребывания в Вене можно считать то, что Австрия настоятельно требует от Порты смещения теперешних турецких командующих на Дунае — Селим-паши, Исмаил-паши и Омер-паши — как вероотступников и революционеров. Каждый, кто знаком с прошлой историей Турции, знает, что с самого начала существования Османского государства все его крупные генералы, адмиралы, дипломаты и министры всегда были вероотступниками-христианами: сербами, греками, албанцами и т. д. Почему не потребовать от России, чтобы она уволила те сорок или пятьдесят человек, которых она скупила во всех концах Европы и которые составляют весь ее основной капитал по части дипломатического искусства, политического разума и военных талантов? Тем временем Австрия собрала 80000 человек на турецких границах в Трансильвании и Венгрии и направила на соединение с ними чешский корпус численностью около 30000 человек. Прусское правительство, со своей стороны, будто бы отказалось выполнить волю царя, приказавшего Фридриху-Вильгельму IV послать армию в 100000 человек, чтобы оккупировать Польшу от имени России и в ее интересах и таким образом позволить находящимся там гарнизонам двинуться на юг для ведения военных действий в Дунайских княжествах.

В одной из предыдущих статей[*] я обратил ваше внимание на недавнюю финансовую уловку, к которой прибегло австрийское правительство, требующее, чтобы при уплате налогов бумажные деньги принимались на 15% ниже их номинальной стоимости. Это остроумное «обложение налога налогом» теперь распространяется также на Италию. «Gazzetta di Milano» от 22 января публикует декрет австрийского министра финансов, объявляющий, что «вследствие обесценения бумажных денег последние будут приниматься таможней только по курсу на 17% ниже их номинальной стоимости».

Что касается русской казны, то я уже имел возможность, в начале так называемых восточных осложнений, предостеречь ваших читателей против усердно распространявшихся слухов о «тайных» сокровищах, хранящихся в подвалах с.-петербургского банка, и против смехотворного преувеличения громадного денежного богатства, которым Россия будто бы может располагать в любой момент[49]. События вполне подтвердили мои взгляды. Царь был вынужден не только изъять свой металлический запас из банков Англии и Франции, но и, кроме того,

[*] См. настоящий том, стр. 31—32. *Ред.*

предпринять мошенническую конфискацию. Князь Паскевич сообщил варшавскому учетно-ссудному банку, что его капитал будет взят в виде принудительного займа, хотя устав этого банка запрещает ссужать деньги под какое-либо обеспечение, кроме земельной собственности. Мы также слышали, что русское правительство намерено выпустить на 60000000 рублей неразменных бумажных денег, чтобы покрыть военные издержки. Петербургский кабинет не впервые прибегает к подобному изощрению. В конце 1768 г., для покрытия расходов на войну с Турцией, Екатерина II основала ассигнационный банк якобы на принципе выпуска разменных денег на предъявителя. Но при этом весьма предусмотрительно забыли сказать публике, какими деньгами эти бумаги будут оплачиваться, и несколько месяцев спустя оплата стала производиться только медными деньгами. Благодаря другой несчастной «случайности» оказалось, что достоинство этих медных монет на 50% выше стоимости входящего в них металла и что обращались они по номинальной стоимости только благодаря своей редкости и недостатку мелких денег для розничной торговли. Размен денег оказался, таким образом, простой уловкой. Сначала Екатерина ограничила весь выпуск 40 миллионами рублей в 25-рублевых билетах; рубль представлял собой серебряную монету достоинством от 38 до 40 пенсов в переводе на английские деньги по валютному курсу; стоил он несколько больше 100 медных копеек. Ко времени смерти Екатерины, в 1796 г., количество этих бумажных денег возросло до 157000000 рублей, т. с. почти вчетверо в сравнении с первоначальным количеством. Валютный курс в Лондоне упал с 41 пенса в 1787 г. до 31 пенса в 1796 году. При двух следующих правительствах произошло быстрое увеличение эмиссий; в 1810 г. бумажное обращение достигло 577000000, и бумажный рубль стоил только $25^{2}/_{5}$ копейки, т. е. четвертую часть его стоимости в 1788 г., а валютный курс в Лондоне осенью 1810 г. понизился до $11^{1}/_{2}$ пенса за рубль вместо прежних 38—40 пенсов. В 1817 г. по заявлению графа Гурьева количество банкнот в обращении достигло 836000000 рублей. Поскольку таможенные пошлины и другие налоги рассчитывались в серебряных рублях, правительство теперь объявило, что ассигнации принимаются в отношении 4 к 1, признавая тем самым обесценение на 75%. В то время как процесс обесценения продолжался, цены на товары соответственно росли, подвергаясь очень большим колебаниям, что даже начало беспокоить правительство и вынудило его прибегнуть к внешним займам, чтобы извлечь из обращения часть банкнот. К 1 января 1821 г., как было объявлено, их количество

уменьшилось до 640000000. Последовавшие войны с Турцией, Персией, Польшей, Хивой и т. д. снова увеличили количество банковых ассигнаций, валютный курс снова пошел вниз, и все товары снова испытали резкие и неравномерные колебания цен. Только к 1 июля 1839 г., когда валютный курс поправился благодаря огромному вывозу хлеба в Англию, царь издал манифест, по которому с 1 июля 1840 г. вся масса банковых ассигнаций должна была превратиться в банковые билеты, подлежащие оплате по требованию серебряными рублями по полной стоимости в 38 пенсов. Царь Александр в свое время объявил, что ассигнации будут приниматься сборщиками податей в отношении 4 к 1; царь Николай при помощи конверсии якобы восстановил снова их полную стоимость. Однако была сделана любопытная оговорка, предписывавшая, чтобы за один новый билет принималось три с половиной старых билета. Таким образом, не было объявлено, что старый билет обесценен до 28 процентов его первоначальной стоимости, но три с половиной старых билета признавались равноценными одному *новому* билету. Отсюда мы можем заключить, что, с одной стороны, русское правительство в финансовых долах так же добросовестно и щепетильно, как и в дипломатических, и что, с другой стороны, простой угрозы надвигающейся войны достаточно, чтобы снова вызвать все финансовые затруднения, из которых Николай пытался выбраться в течение почти двадцати лет.

Одно европейское правительство за другим выступает и взывает к карманам своих возлюбленных подданных. Даже король уравновешенных голландцев[*] требует от Генеральных штатов 600000 ригсдалеров для строительства укреплений и обороны и добавляет, что «обстоятельства могут заставить его мобилизовать часть армии и выслать свой флот».

Если бы было возможно остроумным бухгалтерским приемом помочь действительному недостатку денег и наполнить пустые денежные сундуки, составитель недавно опубликованного в «Moniteur» французского бюджета, пожалуй, достиг бы каких-нибудь результатов. Но даже самый мелкий торговец в Париже не заблуждается насчет того факта, что при самой искусной группировке цифр нельзя изъять своего имени из бухгалтерских книг своих кредиторов и что герой 2 декабря[**], считая карманы народа неисчерпаемыми, безрассудно увеличил национальный долг.

* — Вильгельм III. *Ред.*
** — Наполеон III. *Ред.*

Нет ничего более наивного, чем заявление, сделанное датским кабинетом министров на заседании фолькетинга 17 января, что правительство намерено отложить до более *подходящего* времени осуществление плана изменения основных учреждений Дании и введение столь долгожданной Конституции всего государства (Gesamtstaatsverfassung)[50].

Написано К. Марксом 3 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4007, 20 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* СИНИЕ КНИГИ.—ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ 6 ФЕВРАЛЯ. — МИССИЯ ГРАФА ОРЛОВА. — ДЕЙСТВИЯ СОЮЗНОГО ФЛОТА. — ИРЛАНДСКАЯ БРИГАДА. — К СОЗЫВУ РАБОЧЕГО ПАРЛАМЕНТА

Лондон, вторник, 7 февраля 1854 г.

Я внимательнейшим образом прочел «Права и привилегии православной и католической церквей», как остроумно окрестили правительственную Синюю книгу по восточному вопросу[51], и намерен в ближайшее время дать вашим читателям сжатый обзор этого дипломатического лабиринта. Сейчас я ограничусь только утверждением, что более чудовищного памятника правительственной подлости и слабоумия, пожалуй, никогда не знала история. Припомним также оценку, данную г-ном Бейли в палате общин этим Синим книгам:

«Что касается информации, то ее в них содержится сколько угодно, но, заметьте, это не официальная информация, а только то, что можно узнать из Синей книги, *тщательно подготовленной и замалчивающей все, что правительству угодно было скрыть.* Я говорю на основании собственного опыта (возгласы «Слушайте, слушайте!» и смех на правительственных скамьях). Мне известно, как подготовлялись Синие книги по вопросам внешней политики для этой палаты».

Мне прекрасно известно, что, когда лорда Пальмерстона однажды обвинили в искажении документов об афганской войне, в утаивании некоторых весьма важных мест из официальных донесений и даже в умышленной фальсификации других мест[52], с его стороны последовал следующий остроумный ответ:

«Сэр, если действительно имело место нечто подобное, то что помешало сменившим нас двум правительствам наших противников, — а одно из них пробыло у власти пять лет, — огласить этот факт и опубликовать подлинные документы?»

Но мне столь же хорошо известно, что секрет подобных проделок в Синих книгах таится в самой системе чередования вигов

и тори у власти, системе, при которой каждая партия в собственных интересах предпочитает не губить политическую «репутацию» своего противника и, наоборот, стремится сохранить за ним возможность прийти ей на смену, чтобы не подорвать основу господства правящих классов. И это британцы изволят называть функционированием своей славной конституции.

Лорд Кланрикард предупредил, что он предложит открыть прения по восточному вопросу в назначенном на вчера заседании палаты лордов. В связи с этим от заседания ожидали многого, и палата была почти переполнена. Во вчерашнем номере газеты «Morning Advertiser» г-н Уркарт даже ничтоже сумняшеся назвал лорда Кланрикарда будущим лидером национальной партии, памятуя, что он в 1829 г. был единственным противником перехода русскими Балкан. Но г-н Уркарт несомненно забыл о том, что тот же благородный маркиз в исключительно важный период 1839—1840 гг. состоял послом лорда Пальмерстона при с.-петербургском дворе и был его главным орудием в деле заключения сепаратного договора 1840 г. и разрыва с Францией[53].

Публика была явно разочарована дебатами, так как маркиз Кланрикард, сославшись на газетные сообщения, согласно которым «в Вене, по-видимому, еще продолжается некое подобие переговоров», заявил, что «ему очень не хотелось бы вызвать прения, могущие помешать мирному завершению указанных переговоров». Соответственно с этим он закончил указанием, что намерен внести предложение по тому же вопросу через неделю. Благородный маркиз ограничился тем, что спросил лорда Кларендона, не «получен ли еще ответ русского императора на венские предложения» и какие «инструкции были даны английскому послу в С.-Петербурге». Лорд Кларендон ответил, что он «лишь сегодня днем получил из Вены официальное сообщение о положении дела». Российский император отклонил Венскую ноту и предложил вместо нее свой контрпроект. 2 февраля состоялось заседание конференции, которая, с своей стороны, отвергла этот контрпроект.

«Выдвинутые Россией», — продолжал лорд Кларендон, — «новые предложения совершенно неприемлемы: их нельзя передать в Константинополь, а потому о них больше не приходится говорить. У меня нет оснований полагать, что по этому вопросу будут открыты новые переговоры. Что касается надежд на сохранение мира, то их у меня вообще нет».

В ответ на другой вопрос лорда Кланрикарда он заявил:

«В субботу вечером меня посетил в министерстве иностранных дел барон Бруннов и вручил мне ноту, согласно которой полученный им от меня ответ на вопросы, поставленные им по указанию своего правительства,

не позволяет ему продолжать дипломатические сношения, в связи с чем дипломатические сношения между Россией и Англией прерываются. Барон Бруннов простился со мной в субботу вечером, но тогда было уже поздно выехать из Лондона, и, по моим сведениям, он должен был уехать сегодня рано утром».

Г-н Киселев, как сообщает телеграф, вчера уехал из Парижа и отправился в Брюссель. Официальные или правительственные газеты сообщают, что посольство в Лондоне будет закрыто и что все русские покинут Англию. Я же узнал из превосходного источника, что, наоборот, количество русских в Англии сократится только на особу посла и что весь personnel* остается в Лондоне под руководством первого секретаря посольства г-на Берга. Относительно положения английского посла при с.-петербургском дворе лорд Кларендон заявил:

«Так как барон Бруннов посетил меня в субботу в половине седьмого и так как надо было предварительно снестись с французским правительством, то в тот момент уже невозможно было дать инструкции английскому послу в С.-Петербурге, но мы уже снеслись по этому вопросу с французским послом, и завтра сэру Г. Сеймуру и генералу де Кастельбажаку будут посланы инструкции, которыми они будут поставлены в точно такое же положение, в каком находится русский посол здесь, а дипломатические сношения между обоими государствами и Россией будут прерваны».

Лорд Джон Рассел повторил в палате общин заявление, сделанное лордом Кларендоном в палате лордов, а лорд Пальмерстон сообщил, что

«он намерен внести законопроект о сведении воедино законов о милиции — законопроект, в котором предлагается организовать отряды милиции для Шотландии и Ирландии, причем время набора должно быть определено голосованием палаты».

Английская армия будет немедленно увеличена на 11000 человек; кроме того, должны быть безотлагательно посажены на суда 1500 человек из береговой стражи в качестве резерва для вновь укомплектованных команд недавно подготовленных к плаванию судов. Издан королевский указ, запрещающий экспорт каких бы то ни было военных судов, военного имущества и боеприпасов в Россию. Военно-морские власти, осматривавшие частные верфи на Темзе, наложили арест на два строящиеся для России судна. В Копенгагене от имени английского правительства заключен контракт на поставку угля для пароходов, общая мощность которых составляет 11000 лошадиных сил. Адмирал сэр Чарлз Нейпир должен получить командование вновь организуемым балтийским флотом.

* — личный состав. *Ред.*

По сообщению официального органа «Wiener Zeitung»,

«правительство получило уведомление, согласно которому Россия прямо заявила четырем державам, что она считает себя свободной от данного ею в Ольмюце обещания оставаться в Дунайских княжествах в состоянии обороны».

Относительно целей, преследуемых миссией графа Орлова в Вене, циркулирует много противоречивых слухов; наиболее вероятным из них, по-видимому, является слух, приведенный в помещенной в сегодняшнем номере «Times» корреспонденции из Берлина.

«Россия», —пишет корреспондент,—«приглашает Австрию и Пруссию заключить с ней договор о нейтралитете, действительный при всех обстоятельствах; она предлагает придать их декларации характер провозглашения нейтралитета для всего Германского союза, соглашается прийти на помощь союзу, если на кого-либо из его членов будет совершено нападение, и обязуется, в том случае если по окончании войны будут произведены какие-либо территориальные изменения, не заключать мира, не приняв должным образом во внимание интересов немецких держав при таких территориальных изменениях. В этом предложении относительно договора о нейтралитете делается ясная ссылка на принципы и положения Священного союза 1815 года».

Что касается вероятного решения Австрии и Пруссии, то я могу лишь повторить уже высказанное мной мнение по этому вопросу*. Австрия будет всячески стараться сохранить свою нейтральную позицию, пока это будет возможно, и станет на сторону России, как только для этого наступит благоприятный момент. С другой стороны, Пруссия, вероятно, снова упустит подходящий момент для отказа от нейтралитета и кончит тем, что навлечет на себя позор новой Йены.

Из Константинополя сообщают, что союзный флот вернулся к своей стоянке в Бейкозе, невзирая на переданный ему «Самсоном» от имени послов следующий приказ:

«Послы поражены; неожиданным решением адмиралов, особенно в настоящий момент, когда уже готова к отплытию турецкая флотилия паровых судов, везущая боеприпасы и другие грузы для анатолийской армии. Французское и английское правительства официально и ясно указали в своих распоряжениях» (так оно и было в действительности, но это относится не к первоначально отданному адмиралам приказу, а лишь к только что полученному), «что союзные эскадры должны взять на себя защиту оттоманского флота и территории. Ввиду этого снова обращается внимание обоих адмиралов на строгий характер этих должным образом переданных им инструкций. Адмиралы, по-видимому, считают, что мероприятия, выполнение которых поручено им, могут быть одинаково осуществлены, независимо от того, где расположены находящиеся под их командованием силы — в Бейкозе или Синопе». (В таком случае иные могли бы полагать,

* См. настоящий том, стр. 2—5. *Ред.*

что те же инструкции могут быть осуществлены, даже если бы эскадры спокойно оставались в Мальте и Тулоне.) «Но этот вопрос должен быть решен исключительно по их усмотрению и на их ответственность».

Русский флот, как известно, стоит в Кафе, вблизи Керченского пролива, откуда в три раза ближе к Батуму, чем к Бейкозу. Спрашивается, смогут ли адмиралы предотвратить повторение «Синопа» в Батуме, «независимо от того, где они стоят — в Бейкозе или в другом месте»?

Как вы, вероятно, помните, в первом воззвании царя султан обвинялся в том, что собирает под своим знаменем революционные «подонки» со всей Европы. И вот в то время как лорд Стратфорд де Редклифф заявляет лорду Дадли Стюарту, что не сможет помочь ему организовать легион добровольцев из какой-либо части этих «подонков», сам царь первый создает «революционный» отряд, так называемый греко-славянский легион, с прямой целью — спровоцировать восстание подданных султана. Этот отряд формируется в Валахии и, судя по русским сообщениям, насчитывает уже свыше 3000 человек, которым будут платить не bons a perpetuite*, как платят самим валахам: полковникам обещают по 5 дукатов в день, майорам — 3 дуката, капитанам — 2 дуката, унтер-офицерам — 1 дукат, а солдатам по 2 цванцигера; оружием их должна снабдить Россия.

Между тем, во Франции, по-видимому, уже больше не намерены проводить вооружение только на бумаге. Как вам известно, призваны запасные 1851 г., а за последние несколько дней отправлены огромные количества военного снаряжения из Арраса в Мец и Страсбург. Генерал Пелисье выехал в Алжир, где он, согласно полученному им приказу, должен отобрать несколько корпусов для предстоящей экспедиции в Константинополь, куда уже выехали для подготовки к расквартированию сэр Дж. Бёргойн и полковник Ардан.

Слух о передвижении большой армии во главе с Омер-пашой еще нуждается в подтверждении, хотя для осуществления подобного предприятия едва ли возможен более благоприятный момент, поскольку русские войска, как известно, сосредоточены в Крайове, между Бухарестом и Калафатом.

Вернемся к деятельности английского парламента, хотя в сущности там произошло мало заслуживающих упоминания событий, если не считать внесения билля об открытии свободного доступа к каботажной торговле для иностранных судов, причем это предложение не вызвало ни единого протеста.

* — обязательства на вечность. *Ред.*

Очевидно, протесты совсем прекратились, оказавшись бессильными противостоять завоевывающему весь мир современному принципу торговли: покупайте все, что вам нужно, на самом дешевом рынке. О том, как самая дешевая судовая команда способна охранять человеческую жизнь и имущество, свидетельствует недавняя катастрофа с «Тейлором»[54].

На вчерашнем заседании палаты общин г-н Батт заявил о своем намерении

«внести завтра предложение, чтобы секретарь палаты огласил с трибуны опубликованную в сегодняшнем номере газеты «Times» статью, а также предшествующие сообщения «Dublin Freeman's Journal», в которых» *(ирландским)* «депутатам палаты инкриминируется продажа должностей за деньги. Он намерен также предложить избрать комиссию для расследования содержащихся в указанных сообщениях утверждении о торговле должностями».

Почему г-на Батта возмущает только продажа должностей за деньги, поймет всякий, кто помнит, что законность всякого иного способа совершения сделок была установлена на предыдущей сессии. Начиная с 1830 г. Даунинг-стрит находится в зависимости от ирландской бригады[55]. Именно ирландские депутаты назначали и поддерживали министров по своему усмотрению. В 1834 г. они удалили из кабинета сэра Дж. Грехема и лорда Стэнли. В 1835 г. они заставили Вильгельма IV уволить министерство Пиля и восстановить правительство Мелбурна. Начиная с всеобщих выборов 1837 г. вплоть до выборов 1841 г., несмотря на то, что в палате общин тогда было враждебное этому министерству. английское большинство, число голосов ирландской бригады было достаточно велико, чтобы оказаться решающим и оставить его у власти. Та же ирландская бригада водворила коалиционный кабинет. Обладая такой способностью создавать кабинеты, бригада, однако, ни разу не предотвратила ни одной подлости по отношению к Ирландии, ни одной несправедливости по отношению к английскому народу. Периодом со наибольшего могущества было время О'Коннела с 1834 по 1841 год. В чьих интересах оно использовалось? Ирландская агитация всегда была лишь крикливой поддержкой, оказанной вигам против тори с тем, чтобы путем вымогательства вырвать должности у вигов. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с так называемым Личфилдхаусским соглашением[56], признает это. По этому соглашению О'Коннел обязался голосовать *за* вигов, хотя ему и разрешалось разглагольствовать *против* них, при условии, что ему будет предоставлено право назначать должностных лиц в Ирландии. Пора ирландской бригаде сбросить патриотическую маску. Пора ирландскому народу отказаться от своей безмолвной ненависти

к англичанам и призвать своих собственных представителей к ответу за их грехи.

«Общество искусств и надувательств»[57] недавно попыталось . пустить в ход свое искусство, чтобы сорвать Рабочий парламент[*] маневром, претендующим на «прекращение» непрекращающейся борьбы между капиталистами и рабочими Англии. Было созвано собрание под председательством некоего благородного лорда, и представителям обеих сторон было предложено изложить свои жалобы, совершенно в духе заседании в Люксембургском дворце, руководимых Луи Бланом[58]. С протестом от имени рабочего класса против этого очковтирательства выступил г-н Эрнест Джонс, а старик Роберт Оуэн заявил просвещенным джентльменам, что никаким арбитражем, никакими уловками или хитростью никогда не удастся заполнить пропасть, разделяющую два больших основных класса как в Англии, так и в любой другой стране. Вряд ли нужно добавить, что собрание было распущено после того, как стало всеобщим посмешищем. На следующий день состоялось открытое собрание лондонских чартистов и делегатов чартистских организаций в провинции, на котором было единогласно принято предложение созвать Рабочий парламент, назначив его открытие в Манчестере на 11 марта.

Написано К. Марксом 7 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4008, 21 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 114 и сл. *Ред.*

К. МАРКС

* РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ. — СИНЯЯ КНИГА ПО ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ. — ЧЕРНОГОРИЯ

Лондон, пятница, 10 февраля 1854 г.

Когда между Данией и Швецией был заключен договор о нейтралитете, я высказал убеждение[*], что он, вопреки распространенному во Франции и Англии мнению, ни в коем случае не может рассматриваться как победа западных держав и что притворный протест России против этого договора является только маневром. Скандинавские газеты и корреспондент газеты «Times», который их цитирует, теперь единодушно высказывают то же мнение и объявляют весь договор делом России.

Предложения, сделанные графом Орловым венскому совещанию и отвергнутые им, были следующие:

1) возобновление старых договоров;

2) протекторат России над православными подданными Турции;

3) изгнание всех политических эмигрантов из Оттоманской империи;

4) отказ России принять посредничество какой-либо другой державы и вести переговоры иначе, как непосредственно через турецкого уполномоченного, который должен быть послан в С.-Петербург.

Что касается последнего пункта, то граф Орлов изъявил свою готовность пойти на компромисс, но совещание ответило отказом. Почему же совещание ответило отказом? Или почему русский император отклонил последние условия совещания? Ведь предложения обеих сторон совпадали. Возобновление старых договоров было принято, русский протекторат — также,

[*] См. настоящий том, стр. 43. *Ред.*

лишь с некоторыми формальными изменениями, от своего последнего пункта Россия сама отказалась; не могло же австрийское требование об изгнании политических эмигрантов[59] явиться причиной разрыва между Россией и Западом. Очевидно, русский император сейчас находится в таком положении, что не может принять *никаких* условий, выдвинутых Францией и Англией, и что он *должен* подчинить себе Турцию, независимо от того, повлечет ли это за собой европейскую войну или нет.

В военных кругах войну уже считают неизбежной, и приготовления к ней ведутся по всем линиям. Адмирал Брюа уже выехал из Бреста в Алжир, где он должен погрузить на суда 10000 человек; шестнадцать английских полков, расквартированных в Ирландии, получили приказ приготовиться к отправке в Константинополь. Экспедиция может иметь только две цели: или принудить турок подчиниться России, как утверждает г-н Уркарт, или действительно всерьез повести войну против России. В обоих случаях турок неминуемо постигнет одинаковая участь. Если они — хотя бы и не непосредственно — снова попадут в руки России и подвергнутся действию ее разрушительных сил, то Оттоманская империя скоро сведется, как в свое время Византия, к территории, непосредственно примыкающей к столице. Если же турки попадут под безраздельную опеку Франции и Англии, то они все равно утратят власть над своими европейскими владениями.

«Если мы должны взять ведение войны в свои руки», — замечает «Times», — «то мы должны иметь и возможность руководить всеми операциями».

В таком случае турецкое правительство будет поставлено под непосредственное начало послов западных держав, турецкое военное министерство — под начало военных министерств Англии и Франции, а турецкие армии — под начало французских и английских генералов. Турецкая империя в своем прежнем виде перестанет существовать.

После своего полного «провала» в Вене граф Орлов теперь возвратился в С.-Петербург, «получив заверение в том, что Австрия и Пруссия при всех обстоятельствах будут соблюдать нейтралитет».

С другой стороны, из Вены сообщают по телеграфу, что в турецком правительстве произошла перемена, так как сераскир и капудан-паша* подали в отставку. «Times» не может понять, каким образом военная партия могла потерпеть поражение как раз в тот момент, когда Англия и Франция собира-

* — военный министр и морской министр. *Ред.*

ются начать войну. Если это известие верно, то я, со своей стороны, могу в этом «спасительном» событии усмотреть только работу представителя английского коалиционного кабинета в Константинополе, того самого представителя, который в своих депешах, опубликованных в Синей книге, так часто выражает сожаление по поводу того, что «он в своем давлении на турецкий кабинет пока еще не смог пойти так далеко, как это было бы желательно».

Синяя книга открывается донесениями, касающимися требований, предъявленных Францией в вопросе о святых местах, — требований, которые не были достаточно подтверждены старыми капитуляциями[60] и которые явно выставлены с намерением добиться перевеса римско-католической церкви над православной. Я отнюдь не разделяю взгляда г-на Уркарта, который считает, что царь, пользуясь тайным влиянием в Париже, сам втравил Бонапарта в этот конфликт, стремясь дать России предлог самой вмешаться в пользу православных. Хорошо известно, что Бонапарт стремится coute que coute* приобрести поддержку католической партии, которую он с самого начала рассматривал как главное условие для успеха своей узурпации. Бонапарт отлично понимал, какое влияние католическая церковь имеет на крестьянское население Франции; а ведь именно крестьяне должны были сделать его императором против воли буржуазии и пролетариата. Г-н Фаллу, иезуит, был самым влиятельным членом первого бонапартовского правительства, в котором soi-disant** вольтерианец Одилон Барро был номинально главой. Первым решением, принятым этим правительством в первый же день после вступления Бонапарта в должность президента, было решение о знаменитой экспедиции против Римской республики. Г-н Монталамбер, глава иезуитской партии, был наиболее деятельным орудием Бонапарта при подготовке ниспровержения парламентского режима и coup d'etat 2 декабря. В 1850 г. официальный орган иезуитской партии «Univers» изо дня в день требовал от французского правительства решительных мер к защите католической церкви на Востоке. Бонапарт, стремившийся польстить папе, привлечь его на свою сторону и быть им коронованным, имел основания прислушаться к этому требованию и разыграть из себя «самого католического»[61] императора Франции. *Поэтому истинным источником теперешнего восточного кризиса является бонапартистская узурпация.* Впрочем, Бонапарт благоразумно взял свои притязания

---

* — любой ценой. *Ред.*

** — так называемый. *Ред.*

обратно, как только заметил, что император Николай хочет сделать их поводом для исключения его из европейского конклава, а Россия, по своему обыкновению, старается извлечь пользу из обстоятельств, создать которые она сама не в состоянии, вопреки тому, что воображает г-н Уркарт. Как бы то ни было, весьма любопытным для историка остается тот факт, что теперешний кризис Оттоманской империи порожден тем же самым конфликтом между католической и православной церквами, который когда-то дал толчок к основанию этой империи в Европе.

Я не хотел бы вдаваться в исследование всего содержания «Прав и привилегий католической и православной церквей», не упомянув предварительно о чрезвычайно важном инциденте, о котором старательно умалчивается в Синей книге. Речь идет об австро-турецком споре из-за Черногории. Предварительное ознакомление с этим делом тем более необходимо, что оно позволит обнаружить существование согласованного австро-русского плана уничтожения и раздела Турецкой империи. Оно необходимо еще и потому, что самый факт передачи Англией дальнейших переговоров между с.-петербургским двором и Портой в руки Австрии бросает странный свет на поведение английского кабинета во время всего восточного кризиса. В связи с отсутствием каких-либо официальных документов о черногорском деле я сошлюсь на только что вышедшую работу Л. Ф. Симпсона: «Справочная книга по восточному вопросу»[62].

Турецкая крепость Жабляк (на черногорско-албанской границе) в декабре 1852 г. подверглась нападению отряда черногорцев. Читатели помнят, что Омер-паша был послан Портой отразить нападение. Высокая Порта объявила блокаду всего албанского побережья. Эта мера, очевидно, могла быть направлена только против Австрии и ее военного флота и показала уверенность турецкого министерства в том, что черногорский мятеж спровоцирован Австрией.

Затем в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» появилась следующая заметка из Вены, датированная 29 декабря 1852 года:

«Если бы Австрия действительно хотела поддержать черногорцев, то блокада не могла бы помешать этому. Стоило только черногорцам спуститься со своих гор, и Австрия могла бы снабдить их в Каттаро оружием и боевыми припасами, несмотря на присутствие турецкого флота в Адриатическом море. Австрия не одобряет ни теперешнего нападения черногорцев, *ни, того восстания, которое вот-вот вспыхнет среди христианского населения Герцеговины и Боснии.* Она всегда выражала протест против угнетения христиан и делала это из соображений гуманности. Австрия вынуждена соблюдать нейтралитет по отношению к восточной церкви. Последние сообщения из Иерусалима показали, с какой страшной силой разгорелось там пламя религиозной ненависти. Австрийским деятелям

поэтому приходится прилагать все усилия для того, чтобы сохранить мир между православным и католическим населением Австрийской империи».

Из этой заметки мы узнаем, что, во-первых, на восстание среди христианского населения Турции *твердо* рассчитывали; во-вторых, почву для жалоб России на угнетение православной церкви подготовила Австрия; в-третьих, ожидалось, что запутанность религиозных споров из-за «святых мест» обусловит «нейтралитет» Австрии.

В том же месяце Россия отправила Порте ноту, в которой предлагала ей свое посредничество в Черногории. Посредничество это было отклонено на том основании, что султан сам-де может отстоять свои права. Мы видим, что Россия в этом случае действовала точно таким же образом, как и во время греческой революции[63]: сначала она предлагает султану защиту против его подданных с тем, чтобы потом, в случае, если ее помощь не будет принята, защищать подданных султана против самого султана.

Что между Россией и Австрией уже тогда существовало соглашение об оккупации Дунайских княжеств, явствует из другой цитаты из аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 30 декабря 1852 года.

«Россия, которая недавно признала независимость Черногории, едва ли сможет остаться праздным наблюдателем событий. Более того, из деловых писем, получаемых из Молдавии и Валахии, и из рассказов путешественников видно, что вся местность от Волыни до устья Прута кишит русскими войсками и что непрерывно прибывают подкрепления».

В то же время венские газеты сообщают, что на австро-турецкой границе стягивается австрийский наблюдательный корпус.

6 декабря 1852 г. лорд Стэнли запросил лорда Малмсбери по поводу черногорских дел, и благородный друг Бонапарта сделал следующее заявление:

«Благородный лорд выразил желание спросить, произошли ли какие-либо изменения в политическом положении той дикой страны, граничащей с Албанией, которая именуется Черногорией. Я полагаю, что в ее политическом положении не произошло никаких изменений. Вождь этой страны носит двойной титул: он является главой православной церкви в этой стране и в то же время светским государем. По своему положению главы церкви он *подчинен юрисдикции русского императора, который считается главой всей православной церкви.* Вождь Черногории (как и все его предшественники, я полагаю) привык получать санкцию и признание своих епископских прав и титулов от русского императора. Что касается независимости этой страны, то каковы бы ни были мнения различных лиц относительно преимуществ такого положения, все же остается фактом, что *Черногория была независимой страной в течение приблизительно 150 лет.* И несмотря на многочисленные попытки Порты покорить ее, эти попытки одна за другой терпели крушение, и страна в настоящее время находится в том самом положении, в каком она была 200 лет тому назад».

В этой речи лорд Малмсбери, тогдашний министр иностранных дел в правительстве тори, преспокойно расчленяет Оттоманскую империю, отделяя от нее страну, которая всегда ей принадлежала, признавая в то же самое время притязания русского императора на духовное владычество над подданными Порты. Что же можно сказать об этих двух олигархических кликах, кроме того что они соперничают между собой в глупости?

Порта была, естественно, серьезно обеспокоена этой речью британского министра, и вскоре после этого в одной английской газете появилось следующее письмо из Константинополя, датированное 5 января 1853 года:

«Порта была чрезвычайно задета заявлением лорда Малмсбери в палате лордов, будто Черногория является независимой страной. Он сыграл этим на руку России и Австрии; благодаря этой игре Англия потеряет то влияние и доверие, которыми она до сих пор пользовалась. В первой статье Систовского договора, который был заключен (при посредничестве Англии, России и Голландии) между Портой и Австрией в 1791 г., ясно сказано, что должна быть дана амнистия подданным обеих держав, восставшим против своих *законных государей;* при этом взбунтовавшимися подданными Порты названы сербы, *черногорцы,* молдаване и валахи. Живущие в Константинополе черногорцы, числом около 2000—3000, платят харадж, или подушную подать, и при судебном разбирательстве против подданных других держав в Константинополе всегда рассматриваются и трактуются без всякого возражения как турецкие подданные».

В начале 1853 г. австрийское правительство послало барона Кельнера фон Кёлленштейна, адъютанта императора, в Каттаро, чтобы следить за ходом событий, в то самое время как г-н Озеров, русский поверенный в делах в Константинополе, заявил Дивану протест против уступок, сделанных католической церкви в вопросе о святых местах. В конце января в Константинополь прибыл граф Лейнинген и был допущен 3 февраля к частной аудиенции у султана, которому он передал письмо от австрийского императора. Порта отказалась исполнить содержащиеся в этом письме требования, и граф Лейнинген вручил затем ультиматум, который предоставлял Порте четыре дня для ответа. Порта немедленно поставила себя под защиту Англии и Франции, которые не дали ей никакой защиты, в то время как граф Лейнинген, со своей стороны, отклонил их посредничество. 15 февраля он добился всего, чего требовал (за исключением статьи III), и его ультиматум был принят. Он содержал следующие статьи:

I. Немедленное очищение Черногории и восстановление status quo ante bellum*.

* — положения, существовавшего до войны. *Ред.*

II. Заявление со стороны Порты, которым последняя обязывается поддерживать status quo территорий Клек и Суторина и признать mare clausum* в пользу Австрии.

III. Строгое расследование актов фанатизма, совершенных мусульманами против христианского населения Боснии и Герцеговины.

IV. Удаление всех политических эмигрантов и ренегатов, находящихся в настоящий момент в провинциях, примыкающих к австрийским границам.

V. Уплата компенсации в 200000 флоринов австрийским торговцам, договоры с которыми были произвольно расторгнуты, и соблюдение этих договоров в течение всего срока, на который они были заключены.

VI. Уплата компенсации в 50000 флоринов одному торговцу, корабль и груз которого незаконно были конфискованы.

VII. Учреждение ряда консульств: в Боснии, Сербии, Герцеговине и по всей Румелии.

VIII. Осуждение поведения турецких властей в отношении эмигрантов в 1850 году.

Прежде чем согласиться на этот ультиматум, Оттоманская Порта направила, как сообщает г-н Симпсон, ноту послам Англии и Франции, в которой требовала от них обещания оказать ей реальную помощь в случае войны с Австрией. «Так как оба посла не имели возможности связать себя определенными обязательствами», турецкое правительство уступило энергичным настояниям графа Лейнингена.

28 февраля граф Лейнинген прибыл в Вену, а князь Меншиков — в Константинополь. 3 марта лорд Джон Рассел имел бесстыдство заявить в ответ на запрос лорда Дадли Стюарта, что

«в ответ на представление, сделанное австрийскому правительству, были получены заверения, что последнее придерживалось таких же взглядов на этот предмет, как и английское правительство; и хотя он и не мог бы дать точных выражений настоящего соглашения, но вмешательство Англии и Франции *увенчалось успехом,* и он получил уверенность, что последние разногласия устранены. Принятый Англией курс был направлен на то, чтобы дать Турции совет, который способствовал бы сохранению ее чести и независимости... Со своей стороны, он думает, что с точки зрения справедливости, международного права, верности нашему союзнику, а также с точки зрения общей политики и целесообразности, *сохранение целостности и независимости Турции является великим и определяющим моментом внешней политики Англии».*

Написано К. Марксом 10 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4013, 27 февраля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* —закрытое море. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОПРОС О ВОЙНЕ В ЕВРОПЕ

Хотя прибытие «Нэшвила» не доставило нам никаких существенных сообщений с театра военных действий, тем не менее нам стал известен факт огромной важности, если принять во внимание нынешнее положение дел. Суть этого известия в том, что сейчас, в последний момент, когда русские послы уже покинули Париж и Лондон, когда английский и французский послы отозваны из С.-Петербурга, когда морские и сухопутные силы Франции и Англии уже сосредоточиваются для немедленных действий, — именно в этот последний момент оба западных правительства снова предлагают России переговоры, причем в самом предложении уже содержится уступка почти всем со требованиям. Следует напомнить, что главным требованием России было признание ее права разрешить непосредственно с Портой, и без вмешательства других держав, спор, который, по ее утверждению, касается лишь ее и Турции. Это право теперь признается за Россией. Предложения изложены в письме Наполеона[64], которое мы приводим в другом месте, и сводятся к тому, что Россия может вести переговоры непосредственно с Турцией, но заключенный между ними договор должен быть гарантирован четырьмя державами. Такая гарантия умаляет значение уступки, так как она даст западным державам готовый предлог для вмешательства в любой подобный конфликт в будущем. Однако положение России от этого не становится хуже, чем сейчас, когда император Николай не может не видеть, что любая его попытка расчленения Турции сопряжена с риском войны против Англии и Франции. Зато действительный выигрыш

России будет зависеть от характера договора, который еще ие заключен; России, которая теперь увидела, как трусливо западные державы стараются избежать необходимости вести войну, достаточно будет держать свои армии сосредоточенными и по-прежнему проводить свою систему запугивания, чтобы добиться своего по всем пунктам во время переговоров. К тому же русская дипломатия может не бояться поединка с пресловутыми послами, состряпавшими знаменитую своими промахами первую Венскую ноту[65].

Однако еще неизвестно, примет ли царь эти предложения или предпочтет положиться на свою армию. Он не может позволить себе каждые пять лет предпринимать такие вооружения и проводить дислокацию войск по всей своей обширной империи. Приготовления были проведены в столь большом масштабе, что возместить их стоимость может лишь весьма существенный материальный выигрыш. Воинственный энтузиазм русского населения тщательно подогревается. Мы видели копию письма одного русского купца,—это не один из многих осевших в Москве немецких, английских или французских торговцев, а настоящий старый московит, истинный сын святой, Руси, который в качестве комиссионера держит у себя на складе для продажи английские товары; у него спросили, не подвергнутся ли эти товары риску конфискации в случае войны. Старый россиянин, возмущенный подозрением, павшим в связи с этим на его правительство, и хорошо усвоивший официальную фразеологию, согласно которой Россия, в противоположность «революционным и социалистическим» странам Запада, является великим поборником «порядка, собственности, семьи и религии», возражает на это, что

«у нас в России различие между *«мое»* и *«твое»* еще, слава богу, в полной силе, и ваша собственность здесь находится в большей безопасности, чем где бы то ни было. Я бы даже советовал вам переслать сюда возможно большее количество принадлежащей вам собственности, потому что здесь она, пожалуй, сохранится лучше, чем там, где она находится сейчас. *Опасаться за ваших соотечественников вы, возможно, имеете основания,* опасаться же за вашу собственность — отнюдь нет».

Тем временем в Англии и Франции проводятся военные приготовления в самых широких масштабах. Французская океанская эскадра вызвана из Бреста в Тулон для перевозки войск на Ближний Восток. К отправке согласно различным сообщениям намечено сорок или шестьдесят тысяч войск, значительная часть которых будет взята из африканской армии; экспедиционный корпус будет значительно усилен стрелками» командовать им будет либо Бараге д'Илье, либо Сент-Арно.

Британское правительство готовит к отправке около 18000 солдат (22 полка по 850 человек каждый): в тот день, когда были отправлены последние полученные нами известия, часть их уже отплыла на Мальту, где должен состояться общий сбор. Пехота переправляется на пароходах, а парусные суда используются для конницы. Балтийский флот, который к 6 марта должен быть сосредоточенна Темзе, неподалеку от Ширнесса, будет состоять из пятнадцати линейных кораблей, восьми фрегатов и семнадцати малых судов. Это самый большой флот. сформированный англичанами со времени последней войны[66]; а поскольку половина его должна состоять из колесных или винтовых пароходов, поскольку также размер судов и огневая мощь их орудий сейчас почти на 50% больше, чем полвека тому назад, то балтийский флот, возможно, будет обладать сильнейшим вооружением, когда-либо выставленным какой-либо страной. Командовать им предстоит сэру Чарлзу Нейпиру; если война состоится, никто лучше его не сумеет тотчас же направить жерла пушек в решающий пункт.

На Дунае сражение при Четате, по-видимому, привело к отсрочке русского нападения на Калафат. Эти пятидневные бои убедили русских в том, что взять укрепленный лагерь, способный осуществлять подобные вылазки, — нелегкое дело. Пожалуй, после такого опыта даже прямой приказ самого самодержца окажется недостаточным, чтобы вынудить его войска к опрометчивому наступлению. Присутствие генерала Шильдера, начальника инженерных войск, специально посланного туда из Варшавы, как будто даже привело к результату, прямо противоположному императорскому приказу: осмотра укреплений с некоторого расстояния оказалось вполне достаточно, чтобы Шильдер, вместо того чтобы ускорить нападение, пришел к убеждению, что потребуется большее количество войск и тяжелых орудий, чем могло бы быть сосредоточено в короткий срок. Поэтому русские уже некоторое время сосредоточивают вокруг Калафата какие только могут войска, а также подвозят туда осадные орудия, которые, как сообщают, были завезены в Валахию в количестве семидесяти двух. Лондонская газета «Times» оценивает силы русских в 65000 человек, что кажется нам несколько преувеличенным, если вспомнить общую численность русской армии в Дунайских княжествах. Эта армия состоит в настоящее время из шести пехотных дивизий, трех кавалерийских дивизий и около трехсот полевых орудий, помимо казаков, стрелков и других специальных частей; до начала военных действий общая численность ее официально определялась в 120000 человек. Исчисляя потери русских

убитыми, ранеными и больными в 30000 человек, можно предположить, что сейчас у них осталось 90000 годных к службе бойцов. Из них не менее 35000 нужны для охраны линии Дуная, несения гарнизонной службы в главных городах и обеспечения коммуникаций. Таким образом, для атаки на Калафат остается в лучшем случае 55000 человек.

Рассмотрим теперь позиции обеих армий. Русские, пренебрегая всей линией Дуная, игнорируя позицию Омер-паши у Шумлы, сосредоточивают свои главные силы и даже свою тяжелую артиллерию на своем крайнем правом фланге, в таком пункте, где они оказываются дальше от Бухареста, своей ближайшей операционной базы, чем турки. Их тыл поэтому обнажен настолько, насколько это вообще возможно. Хуже того, чтобы хотя бы каким-нибудь образом защитить себя с тыла, они вынуждены раздробить свои силы и появиться перед Калафатом без того явного численного превосходства, которое, обеспечив им успех, оправдало бы весь этот маневр. Они оставляют от 30 до 40% своей армии в распыленном виде позади своих главных сил, и эти войска, разумеется, не в состоянии отразить сколько-нибудь решительную атаку. Следовательно, взятие Калафата не обеспечено, а коммуникации осаждающих находятся под ударом. Ошибка столь очевидна, столь велика, что только абсолютная достоверность факта может заставить военного человека поверить в то, что она действительно была допущена.

Если Омер-паша, все еще располагающий более крупными силами, форсирует Дунай в любом пункте между Рущуком и Гирсовой, скажем, с 70000 войск, русская армия либо будет полностью уничтожена, либо ей придется искать убежища в Австрии. Для сосредоточения такого количества войск у Омер-паши был целый месяц. Почему же он не форсирует реку, на которой теперь уже закончился ледоход? Почему он даже не занимает опять свое tete-de-pont* у Олтеницы, чтобы быть в состоянии выступить в любую минуту? Невозможно поверить, чтобы Омер-паша не знал о тех шансах, которые дали ему в руки русские своим грубейшим промахом. Можно поэтому предположить, что он связан действиями дипломатии. Очевидно, его бездействие должно смягчить впечатление от морской прогулки союзного военного флота в Черное море. Нельзя, чтобы русская армия была уничтожена или загнана в Австрию, потому что это создало бы новые осложнения при заключении мира. И вот в угоду интригам и недобросовестным действиям

* — предмостное укрепление, плацдарм. *Ред.*

дипломатов-дельцов Омер-паша вынужден терпеть бомбардировку русскими Калафата, он должен мириться с тем, что они подставляют под его удары всю свою армию, всю свою осадную артиллерию, тогда как он не имеет права воспользоваться этим случаем. В самом деле, не будь у русского командующего полной, определенной гарантии в том, что его фланги и тыл не подвергнутся нападению, он, думается нам, никогда не отважился бы предпринять движение на Калафат. В противном случае, каковы бы ни были полученные им приказания, он заслуживал бы военно-полевого суда и расстрела. И если с пароходом, ожидаемым здесь сегодня или, самое позднее, в ближайшие дни, мы по получим сообщений о переходе Омер-паши через Дунай и о наступлении его на Бухарест, нам будет трудно отказаться от вывода, что западные державы заключили между собой формальное соглашение, по которому Калафат должен быть принесен в жертву военному честолюбию России, *и* туркам не разрешается защищать его единственным надежным способом, то есть посредством наступательного движения вниз по Дунаю[67].

Написано Ф. Энгельсом 13 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4019, 6 марта 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ДЕКЛАРАЦИЯ ПРУССКОГО КАБИНЕТА. — ПЛАНЫ БОНАПАРТА. — ПОЛИТИКА ПРУССИИ

Из весьма достоверного источника в Лондоне нами получены следующие сведения, важность которых, если они подтвердятся, чрезвычайно велика и которые появились в английских газетах только частично, да и то в искаженной форме[68].

I. 3 февраля в Париж и Лондон была направлена следующая декларация прусского кабинета:

«1) Так как после разъяснений графа Орлова не осталось никаких сомнений в бесполезности дальнейших попыток посредничества при с.-петербургском кабинете, Пруссия настоящим отказывается от своего посредничества, условий для которого больше не существует.

2) Предложения графа Орлова о заключении *формального* и обязательного договора о нейтралитете были встречены решительным отказом, сообщенным ему в специальной ноте, ибо Пруссия твердо намерена, даже без согласия на то Австрии, соблюдать, со своей стороны, строжайший нейтралитет, который она решила обеспечить в надлежащий момент посредством *соответствующих вооружений.*

3) Выдвинет ли Пруссия совместно с Австрией предложение о вооружении всего Германского союза — будет зависеть от отношения морских держав к Германии».

II. Луи-Наполеон направил в Турин к королю Пьемонта и г-ну Кавуру доверенное лицо (г-на Бренье) с посланием следующего содержания. В Парме, Пиаченце, Гуасталле и Модене в определенный момент вспыхнет революционное движение. Сардиния должна будет тогда оккупировать эти области, изгнав оттуда ныне правящих там государей. Наполеон гарантирует королю присоединение к Сардинии территории первых

трех княжеств, а возможно также и Модены; взамен чего графство Савойя должно быть уступлено Франции. Англия, можно считать, согласилась на эту комбинацию, хотя и после известного сопротивления и крайне неохотно. Затем г-н Бренье, продолжив свою поездку по Италии, достиг Неаполя, где его появление произвело «весьма тягостное впечатление». Г-н Бренье имеет поручение подготовить восстание в Италии, ибо Наполеон серьезно считает себя способным не только разжечь пожар в Италии, но и установить точно обозначенную границу, через которую запрещено будет перекинуться огню. Он предполагает сосредоточить войска в следующих пунктах:

1) 100000 солдат на савойской границе;

2) 60000 солдат в Меце;

3) 80000 солдат в Страсбурге.

III. Пруссия не возражает против размещения французской армии в 100000 человек у савойской границы, но сосредоточение одной армии в Меце, а другой — в Страсбурге она расценивает как непосредственную угрозу для себя. Ей уже мерещатся охваченные восстанием Баден, Гессен, Вюртемберг и т. д. и 100000. крестьян из Южной Германии, идущих к прусским границам. Поэтому Пруссия заявила протест против этих двух мероприятий, и намек на это как раз и содержится в третьем пункте прусской декларации. Во всяком случае *к* концу марта, а может быть и *раньше,* Пруссия доведет численность армии до уровня, соответствующего военному времени. Она намерена призвать от 200000 до 300000 человек, в зависимости от обстоятельств. Но если Наполеон будет настаивать на своем решении сосредоточить две армии в Меце и Страсбурге, прусское правительство уже *решило* довести свою армию до 500000 человек. Передают, что страх и смятение царят в берлинском кабинете, где король и большая часть министров склонялись к сотрудничеству с Россией и только Мантёйфель при поддержке принца Прусского добился принятия декларации о нейтралитете (Мантёйфель вначале предлагал формальный союз с Англией). Уже имеется официальное решение кабинета (Kabinets-Beschluss), согласно которому, при известных обстоятельствах, в течение одной ночи все наиболее видные демократы в королевстве, и в первую очередь в Рейнской Пруссии, должны быть арестованы и отправлены в крепости Восточной Пруссии, где они будут лишены возможности содействовать крамольным замыслам Наполеона (die Umsturzplane Napoleon's!!) и вообще организовать народное движение. Предполагается провести эту меру в жизнь

немедленно, если в Италии начнутся беспорядки или если Наполеон сосредоточит армии в Меце и Страсбурге. Это решение, как нам сообщили, было принято *единогласно,* хотя *все* обстоятельства, при которых кабинет сочтет уместным осуществить эту меру, еще не предусмотрены.

Написано К. Марксом 17 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4022, 9 марта 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ [69]

Лондон, вторник, 21 февраля 1854 г.

Военный и военно-морской бюджеты представлены парламенту. Весь личный состав армии предусматривается на будущий год в количестве 112927 человек, что означает увеличение по сравнению с прошлым годом на 10694 человека. Общие затраты на сухопутные войска, для службы внутри страны и вне ее, исключая расходы на содержание в австралийских колониях и расходы, которые взяла на себя Ост-Индская компания, составят в течение финансового года, заканчивающегося 31 марта 1855 г., 3923288 фунтов стерлингов. Общая сумма составляет 4877925 ф. ст., что достаточно для содержания 5719 офицеров, 9956 унтер-офицеров, 126925 солдат. Военно-морской бюджет на год, кончающийся 31 марта 1855 г., составляет для действительной службы 5979866 ф. ст., что показывает увеличение по сравнению с прошлым годом на 1172446 фунтов стерлингов. Расходы на транспортировку войск и артиллерии составляют 225050 ф. ст. — увеличение соответственно на 72100 фунтов стерлингов. Общая сумма ассигнований на год составляет 7447948 фунтов стерлингов. Личный состав будет насчитывать 41000 матросов, 2000 юнг, 15500 солдат морской пехоты — всего, включая 116 человек вспомогательного персонала, 58616 человек.

В прошлую пятницу вечером г-н Лейард заявил, что он намерен привлечь внимание к восточному вопросу, и попросил слова в тот самый момент, когда спикер собирался оставить председательское место, чтобы палата могла перейти к рассмотрению военно-морского бюджета[70]. В начале пятого все хоры были переполнены, а в 5 часов палата была в сборе.

Целых два часа убили, к явному огорчению депутатов и публики, на пустые разговоры о мелочах. Любопытство самих же- почтенных депутатов было до такой степени возбуждено, что они отложили обед до 8 часов, чтобы присутствовать при открытии больших дебатов, что является редким случаем в парламентской жизни членов палаты общин.

Г-н Лейард, речь которого то и дело прерывалась аплодисментами, вначале заявил, что правительство поставило депутатов в столь странное положение, что им трудно определить свою позицию. До того, как они приступят к голосованию испрашиваемых кредитов, правительство должно сообщить, *каковы его намерения.* Однако прежде чем спросить у правительства, что оно собирается делать, оратор хочет знать, *что оно уже сделало.* Он уже в прошлом году говорил, что если бы правительство взяло тон более достойный нашей страны, оно не было бы втянуто в войну; и теперь, после тщательного ознакомления с изданными в последнее время обьемистыми Синими книгами, у него нет оснований изменить свое мнение. Сопоставляя содержание разных сообщений, поступивших с различных сторон, оратор приходит к заключению, что министерство проглядело самые очевидные факты, не поняло самых несомненных тенденций и поверило заведомо лживым заверениям. Заявив, что синопская трагедия скомпрометировала Англию, и потребовав подробных объяснений, оратор на основании опубликованных документов доказал, что адмиралы союзной эскадры могли предотвратить катастрофу или что ее предотвратили бы сами турки, если бы не трусливые и неопределенные инструкции английского правительства. Из последних заявлений правительства оратор заключил, что оно по-прежнему намерено вести переговоры на основе status quo ante bellum*; оратор это осуждает. Он призывает правительство исполнить свой долг, будучи уверенным, что английский народ свой долг выполнит.

Сэр Джемс Грехем со свойственным ему бесстыдством ответил, что депутаты должны либо доверять министрам, либо прогнать их. А «пока что не будем *терять зря время* на Синие книги».

Правительство, мол, было обмануто Россией, старой и верной союзницей Великобритании, однако «мрачные и злостные подозрения не легко зарождаются в благородных душах». Эта старая лиса, этот «мальчик на побегушках» сэра Роберта Пиля, убийца братьев Бандьера[71], был прямо очарователен,

* — положения, существовавшего до войны. *Ред.*

когда говорил о «благородной душе» и о «несклонности к подозрениям».

Затем выступили лорд Джослин и лорд Дадли Стюарт, речи которых на следующий день заполнили газеты, но сделали палату пустой в тот вечер. Следующий оратор — г-н Робак — начал свою речь с оправдания поведения министров, лопавших в щекотливое положение, а закончил заявлением, что пора правительству *ясно сказать, что оно намерено делать.* Якобы для того, чтобы ответить на этот вопрос, выступил лорд Джон Рассел, который, оправдывая правительство, пересказал историю возникших в последнее время разногласий, но, убедившись, что этим ничего не возьмешь, сделал вид, будто собирается рассказать депутатам, «что правительство намерено делать», хотя самому ему это едва ли было твердо известно. По его словам, правительство заключило нечто вроде неопределенного союза с Францией не путем договора, а в результате обмена нотами. Англия и Франция теперь предлагают и Турции нечто вроде договора, в силу которого Порта не должна добиваться мира без их согласия. Правительство было чрезвычайно обескуражено невероятным вероломством царя. Он (Рассел) отчаялся в возможности сохранить мир. Не исключено, что правительство вступит в войну, поэтому он требует увеличения бюджетных ассигнований на 3000000 ф. ст. по сравнению с прошлым годом. Тайна является условием успеха в войне, поэтому он не может сообщить палате сейчас, что правительство намерено делать в случае войны. Так как заключительная или, вернее, театральная часть его речи была произнесена с большой силой и дышала негодованием по адресу царя «убийцы», она была встречена весьма одобрительно, и палата, охваченная энтузиазмом, уже была готова утвердить бюджет, как вдруг выступил г-н Дизраэли, которому удалось добиться отсрочки прений до вечернего заседания в понедельник.

Дебаты возобновились вчера вечером и закончились лишь в два часа ночи.

Первым выступил г-н Кобден, обещавший строго придерживаться данного конкретного вопроса. Он изо всех сил старался доказать на основании Синих книг то, чего никто не отрицал, а именно, что французское правительство положило начало этому «прискорбному спору» миссией г-на Лавалета по вопросу о святых местах и уступками, вырванными им у Турции[72]. У французского президента, который имел в то время перспективу стать императором, вероятно, появилось желание пажить кое-какой политический капитал, предъявив Турции эти

требования от имени христиан-католиков. Поэтому первые шаги России можно объяснить действиями Франции в данном вопросе, Венская нота не была подписана не по вине турецкого правительства, а по вино союзников. Ведь если бы Порте пригрозили выводом флота из Безикской бухты, она немедленно подписала бы. Нам предстоит воевать, говорит Кобден, потому, что мы потребовали от Турции, чтобы она сообщила России нотой о своем отказе предоставить ей то, что мы сами хотели получить для себя, а именно: гарантию лучшего обращения с христианами. Огромное большинство населения Турецкой империи жадно следит за успехами той политики, которую Россия проводит теперь (как, например, в Молдаво-Валахии). На основании тех же Синих книг оратор берется доказать, что обиды и притеснения, испытываемые христианским населением, по могут быть терпимы; при этом он ссылается главным образом на донесения лорда Кларендона, написанные с явной целью услужить царю. В одном из этих донесений лорд Кларендон пишет:

«Порта должна решить, будет ли она и впредь упорствовать в соблюдении ошибочного религиозного принципа ценой утраты симпатий и поддержки своих союзников».

Это дает г-ну Кобдену повод спросить:

«Считает ли палата возможным, чтобы народ, подобный фанатическому мусульманскому населению Турции, отказался от своей религии? Ведь без полного отказа от заповедей корана совершенно невозможно уравнять в правах живущих в Турции христиан с турками».

Мы, с своей стороны, можем спросить г-на Кобдена, возможно ли при ныне существующей англиканской государственной церкви и английских законах уравнение английских рабочих в правах с Кобденами и Брайтами?

Далее г-н Кобден стремился доказать на основании писем лорда Стратфорда де Редклиффа и консульских агентов Англии, что среди христианского населения Турции царит общее недовольство, грозящее вылиться в общее восстание.

Мы снова позволим себе в связи с этим спросить г-на Кобдена, не царит ли среди всех народов Европы общее недовольство своими правительствами и своими правящими классами и не грозит ли это недовольство вылиться скоро в общую революцию? Если бы Германия, Италия, Франция или даже Великобритания подверглись, как это случилось с Турцией, нашествию иностранной армии, враждебной их правительствам и разжигающей мятежные страсти, —сохранили ли бы эти

страны так долго спокойствие, как сохраняло его христианское население Турции?

Вступив в войну в защиту Турции, заключает г-н Кобден, Англия воевала бы за преобладание турецкого населения Оттоманской империи и против интересов большинства населения страны. Между русской армией, с одной стороны, и турецкой— с другой, происходит чисто религиозный спор. Интересы Англии связывают ее с Россией. Ее торговля с Россией приняла огромные размеры. Правда, вывоз ее в Россию выражается в сумме всего лишь 2000000 ф. ст., но это является лишь временным результатом того, что Россия все еще подвержена протекционистским иллюзиям. Зато Англия ввозит из России товаров на 13000000 фунтов стерлингов. За исключением Соединенных Штатов нет такой страны, с которой Англия вела бы столь обширную торговлю, как с Россией. Если Англия собирается воевать, то почему она отправляет в Турцию сухопутные войска, а не использует исключительно свой военный флот? Если настало время для борьбы между казачеством и республиканизмом, то почему Пруссия, Австрия, остальные немецкие государства, Бельгия, Голландия, Швеция и Дания остаются нейтральными, тогда как Франции и Англии приходится воевать без чьей-либо помощи? Если данный вопрос имеет значение для всей Европы, то разве не естественно было бы предположить, что тот, кто находится ближе к очагу опасности, должен первым пойти в бой? Г-н Кобден заканчивает заявлением, что «он против войны с Россией». По его мнению, «лучше всего вернуться к Венской ноте».

Лорд Джон Маннерс считает, что правительство заслуживает порицания за свою беспечность и неоправданную самонадеянность. Уже в первых сообщениях, сделанных им правительствам России, Франции и Турции, лорд Кларендон вместо того, чтобы действовать заодно с Францией, упорно отказывался от такого сотрудничества и довел до сведения российского правительства, что Англия не будет сотрудничать с Францией, а это побудило российского императора отдать князю Меншикову приказ, повлекший за собой всю катастрофу. Не удивительно, что, когда Англия, наконец, сообщила о своем намерении предпринять действенные шаги в Константинополе, у французского правительства должно было возникнуть некоторое сомнение в искренности правительства ее величества. Не Англия посоветовала Порте отвергнуть ультиматум князя Меншикова, а, наоборот, министры султана действовали на свой собственный страх и риск, причем у них не было никакой надежды на помощь Англия. Предпринятые английским

правительством после занятия русскими Дунайских княжеств продолжительные дипломатические переговоры нанесли большой ущерб интересам Турции и оказались весьма выгодными для России. Россия завладела Дунайскими княжествами без объявления войны, чтобы предотвратить расторжение договоров, бывших для нее реальным средством давления на Турцию. Поэтому теперь, когда Турция объявила войну, уже неразумно требовать возобновления этих договоров как основы для переговоров. Главный и действительно актуальный вопрос заключается в следующем: какие цели преследует правительство, вступая в эту ужасную борьбу? Нам заявляют в общей форме, говорит Маннерс, что надо поддержать честь и независимость Турции; но в высшей степени необходимо договориться гораздо более конкретно о том, что понимается под этим заявлением.

Г-н Хорсфолл старается опровергнуть ложные выводы г-на Кобдена. Суть вопроса не в том, что представляет собой Турция, а в том, во что превратится Россия, если Турция будет включена в состав ее владений; вопрос сводится к следующему: быть ли русскому императору также императором турецким? Для России существует только одна признанная цель, говорит Хорсфолл, усилить свое политическое могущество посредством войны. Она преследует расширение своей территории; начиная с чудовищного обмана, которым был отмечен первый шаг российского самодержца в этом деле, и кончая ужасной бойней под Синопом, его деятельность характеризуется жестокостью, лживостью и преступлениями, необычными даже в летописях России, страны, вся история которой представляет собой сплошное преступление, и тем более ужасными, что царь позволяет себе кощунственно ссылаться на христианское учение, основы которого он так грубо попирает. Напротив, поведение намеченной жертвы было прекрасно. Затем г-н Хорсфолл изо всех сил старается оправдать колебания правительства тем затруднительным положением, в котором оно очутилось. Отсюда, мол, нерешительность его дипломатии. Если бы против самодержца выступили сообща все европейские правительства, все опытнейшие дипломаты, они не могли бы поставить его в более тяжелое, затруднительное, безвыходное, чреватое опасностями и потерями положение, нежели то, в котором он теперь очутился, благодаря ошибкам наших министров или ловкости своих собственных министров. Полгода тому назад император Николай являлся главным оплотом порядка и законности в Европе; теперь он выступает, сбросив маску, как величайший революционер. Потерпев неудачу в своих политических интригах,

не добившись военных успехов в Азии, разбитый турками на Дунае, царь уже начал так быстро терять позиции, что этому можно только радоваться. В настоящее время долгом английского правительства является, в случае возобновления военных действий, позаботиться о том, чтобы мир был заключен только на таких условиях, которые представят достаточную и верную гарантию невозможности повторения подобного нападения в будущем. По мнению оратора, в качестве одного из условий для восстановления мира Россия должна возместить Турции расходы, которые та вынуждена была понести, а Турция — получить обратно отнятые у нее Россией территории в виде материальной гарантии.

Г-н Драммонд полагает, что Англия ввязывается в религиозную войну и предпринимает новый крестовый поход в защиту могилы Готфрида Бульонского, которая пришла в состояние такого разрушения, что там уже и присесть негде. Как выясняется, виновником злодеяния с самого начала является папа римский. Англия ни в малейшей степени не заинтересована в турецком вопросе, а война между Англией и Россией не может быть доведена до победного конца, так как обе будут вечно воевать друг с другом, но никогда не нанесут друг другу никакого вреда.

«В настоящей войне вам ничего не достанется кроме жестоких ударов».

Драммонд вспоминает, как г-н Кобден недавно предлагал обуздать Россию; если бы он это сделал теперь, он избавил бы Англию от массы хлопот. В действительности сейчас идет спор о том, кто должен наряжать идолов гроба господня; парижские торговцы модными товарами или петербургские купцы. Английское правительство вдруг обнаружило, что Турция — его старая союзница и без нее нельзя сохранить европейское равновесие. По как же случилось, что Англия не обнаружила этого раньше — до того, как у Турции отняли все греческое королевство, или до того, как она потерпела поражение в Наваринском бою[73], который, помнится, лорд Сент-Хеленс охарактеризовал как выдающееся сражение, с той лишь оговоркой, что сокрушительный удар был нанесен не тому, кому следовало. Почему Англия не подумала об этом, когда русские перешли через Балканы и когда она могла оказать Турции реальную помощь своим флотом? Лишь теперь, когда Оттоманскую империю довели до последней степени дряхлости, считается, что можно поддержать эту готовую рухнуть державу под предлогом сохранения европейского равновесия. Сделав несколько саркастических замечаний по поводу неожиданного

увлечения Бонапартом, г-н Драммонд спросил, кто должен стать военным министром? Все имели случай убедиться в том, что руль государственного корабля, в слабых руках. Оратор не верит, чтобы добрая слава какого-либо адмирала или генерала могла остаться незапятнанной при нынешнем правительстве, которое готово любого принести в жертву, чтобы угодить той или иной группировке в палате. Если твердо решено воевать, надо нанести удар в самое сердце России, а не тратить зря снаряды в Черном море. Надо начать с того, чтобы провозгласить восстановление Королевства Польского. Оратор особенно хотел бы узнать, каковы намерения правительства.

«Глава правительства», — сказал г-н Драммонд, — «гордится своим уменьем хранить тайну и как-то заявил, что хотел бы видеть того, кто добьется от него сведений, которых он не намерен оглашать. Это заявление напоминает мне следующий анекдот, который я слышал однажды в Шотландии: один шотландец побывал в Индии и по возвращении в *Англию* привез жене в подарок попугая, который великолепно говорил. Один из соседей, не желая отставать, поехал в Эдинбург и привез оттуда жене большую сову. Когда ему заметили, что сову никогда не удастся научить говорить, он ответил: так-то оно так, да вы обратите внимание, как она напряженно мыслит».

Г-н Батт заявил, что со времени революции это первый случай, когда министерство является в палату и испрашивает военные кредиты без ясной и подробной мотивировки своего предложения. В юридическом смысле слова Англия еще не находится в состоянии войны, и палата, вотируя требуемые кредиты, вправе знать, что задерживает объявление войны против России. Ведь положение английского флота в Черном море весьма двусмысленно! Адмиралу Дандасу приказано оттеснить русские суда в один из русских портов. А что, если, выполняя этот приказ, он уничтожит тот или иной русский корабль, в то время как мирные отношения с Россией формально еще не прерваны? Готовы ли министры найти оправдание подобным действиям? Оратор надеется, что палате объяснят, должна ли она поддержать столь унизительные условия, согласно которым Турция для заключения мира с Россией должна отдаться в руки Англии и Франции? Если такова политика Англии, то, стало быть, от парламента требуют сейчас утверждения дополнительных вооружений не для обеспечения независимости Турции, а для ее порабощения. И г-н Батт выразил некоторое подозрение, не являются ли военные приготовления, о которых идет речь, лишь показной затеей министров для подготовки позорного мира.

Военный министр, г-н С. Герберт, произнес такую пошлую и глупую речь, какой нельзя было ожидать даже от мини-

стра коалиционного правительства в момент столь серьезного кризиса. Правительство очутилось между двух огней; оно никак не может выяснить, каково же подлинное мнение палаты по данному вопросу. Уважаемые джентльмены, представители оппозиции, имеют то преимущество, что оперируют фактами; они критикуют прошлое; правительство же не располагает фактами, которыми можно было бы оперировать: оно лишь строит предположения насчет будущего. Оно склонно вступить в эту войну не столько для защиты Турции, сколько для сопротивления России. Вот и все, что палата узнала из уст бедного г-на Герберта «насчет будущего». Впрочем, он сообщил еще нечто совершенно новое. По словам г-на Герберта, «г-н Кобден отражает настроение наиболее многочисленного класса английского народа». Когда со всех концов палаты стали опровергать это утверждение, г-н Герберт добавил:

«Достопочтенный депутат является представителем если не наиболее многочисленного класса, то, по крайней мере, *значительной части рабочего класса* нашей страны».

Бедный г-н Герберт! Положительно отрадно стало, когда после него выступил г-н Дизраэли и болтуна сменил подлинный полемист.

Г-н Дизраэли, намекая на театральную декламацию, которой лорд Джон Рассел закончил свою речь в пятницу вечером, начал со следующего заявления:

«Я всегда держался того мнения, что любой народ, а наш в особенности, обнаружил бы гораздо больше готовности и желания нести бремя, вызванное военным положением, если бы он действительно знал, из-за чего воюет, нежели когда его гонят в бой, разжигая его страсти пламенными призывами и используя его возбуждение; последнее средство, может быть, в самом начале выгодно тому или иному министру, но оно же спустя несколько месяцев повлечет за собой неизбежные последствия неведения, возможно усугубленные военным поражением».

Так было с войной 1828—1829 гг., в которой Англия участвовала на стороне России, а не Турции. Создавшуюся теперь для Турции сложную обстановку, так же как и то отчаянное положение, в котором она очутилась в последнее время, следует целиком приписать упомянутой войне, в которой Англия и Франция объединились против Турции. В то время не было такого депутата палаты общин, который действительно имел бы хоть какое-нибудь представление о том, почему ввязались в войну, или о той цели, которую хотели достигнуть, направляя свой удар против Турции. Вот почему следует иметь ясное понимание причин и целей нынешней войны. Узнать это можно только по Синим книгам. О том, чти привело к нынешнему положению

вещей, можно узнать непосредственно из лежащих на этом столе донесений. Изложенная в них политика подготовила то будущее, которое, если верить министрам, всецело поглощает их внимание. Оратор поэтому протестует против доктрины сэра Джемса Грехема. Г-н Герберт только что протестовал против оглашения отдельных страниц из этих донесений. Г-н Дизраэли, однако, не может обещать огласить в палате все эти Синие книги целиком. Все же, если бы возражение достопочтенного джентльмена было признано справедливым, ему, очевидно, ничего другого не оставалось бы делать. По общепринятому мнению всех тех, кто знаком с восточным вопросом, а также по его личному мнению, у России не было никакого намерения силой завоевать Оттоманскую империю, она лишь хотела при помощи искусной политики и усовершенствованных методов приобрести и оказывать такое влияние на христианское население Турецкой империи, которое создало бы ей авторитет, пожалуй, не меньший, чем если бы она владела столицей султанской державы. В начале этих переговоров сам граф Нессельроде в своих донесениях от января и июня 1853 г. ясно и отчетливо изложил политику России. Она хотела добиться преобладания в Турецкой империи, оказывая особое влияние на 12000000 человек, составляющих огромное большинство подданных султана. В адресованных английскому правительству русских депешах не только ясно излагается эта политика, но и не менее откровенно сообщается английскому правительству о способе ее осуществления — не путем завоевания, а путем сохранения существующих договоров и их расширенного толкования. Таким образом, уже в самом начале этого серьезного спора основанием для дипломатической кампании оказался договор — трактат, подписанный в Кючук-Кайнардже. В силу этого договора христианские подданные Порты ставятся под особое покровительство султана. Россия же толкует этот договор иначе, заявляя, что христианские подданные султана ставятся под покровительство царя. В силу того же договора Россия может делать представления в защиту своей новой церкви (здание на улице Бейоглу); русские же толкуют данную статью договора в том смысле, что Россия вправе выступать в защиту любой православной церкви и, разумеется, всех религиозных общин этого вероисповедания, находящихся на подвластной султану территории и составляющих огромное большинство его подданных. Таково откровенное русское толкование Кайнарджийского договора. С другой стороны, из донесения сэра Гамильтона Сеймура от 8 января 1853 г. видно, что граф Нессельроде сообщил сэру Гамильтону,

а последний лорду Кларендону, что «необходимо поддержать русскую дипломатию демонстрацией силы». Согласно тому же донесению, основанием для уверенности графа Нессельроде в том, что вопрос получит удовлетворительное разрешение, служили «усилия, которые должны были приложить послы ее величества в Париже и Константинополе». Россия, следовательно». заведомо объявила, что демонстрация силы является только демонстрацией, а цель должна быть достигнута мирным путем, усилиями английских послов в Париже и Константинополе.

«Так вот», — продолжает Дизраэли, — «я хотел бы знать, как эти послы, — после такого изложения цели, такого описания методов и, наконец, имея перед собой такую дипломатию, — отнеслись к подобной комбинации?»

Вопроса о святых местах Дизраэли считает излишним касаться. Его действительно вскоре урегулировали в Константинополе. Даже граф Нессельроде уже в самом начале переговоров выразил удивление и удовлетворение и засвидетельствовал миролюбие Франции. Тем не менее, в продолжение всего этого времени происходило скопление русских войск на турецких границах, а граф Нессельроде все время говорил лорду Кларендону, что его правительство потребует равноценного возмещения за привилегии, которые были утрачены православной церковью в Иерусалиме и вопрос о которых был решен без участия его правительства. В то время упоминалась даже миссия князя Меншикова, как это явствует из различных донесений сэра Гамильтона Сеймура. Лорд Джон Рассел в прошлый раз заявил, что граф Нессельроде вел себя, как мошенник. С другой стороны, тот же лорд Джон Рассел признает, что граф Нессельроде неоднократно заявлял, что его император потребует равноценной компенсации для православной церкви; вместе с тем он жалуется на то, что граф Нессельроде никогда не говорил, чего он хочет.

«Негодный граф Нессельроде! (Смех.) Мошенническое двуличие русских государственных деятелей! (Смех.) Почему благородный лорд не мог узнать то, что ему было нужно? Зачем сэру Гамильтону Сеймуру сидеть в С.-Петербурге, если у него нельзя потребовать нужной информации?»

Если граф Нессельроде никогда не говорил благородному лорду, чего он хочет, это объясняется тем, что благородный лорд ни разу не решился обратиться к нему с соответствующим запросом. На этой стадии переговоров послы обязаны были задать с.-петербургскому кабинету решительный вопрос. Если русское правительство не могло определить своих требований,

вполне уместно было заявить; что английское правительство отказывается от своего дружественного содействия в Париже и Константинополе. Когда лорд Джон Рассел оставил свой пост и его сменил лорд Кларендон, характер дипломатических действий изменился в пользу России. Заняв пост министра иностранных дел, лорд Кларендон должен был составить инструкции для отправлявшегося к месту службы посла королевы, лорда Стратфорда де Редклиффа. Что же это были за инструкции? В то время как Турция находится в крайне бедственном и критическом положении, ее поучают насчет реформ, которые нужно провести в области внутренней администрации и торговли. Ей внушают, что поведение Порты должно отличаться величайшей умеренностью и благоразумием, а именно: она должна согласиться с требованиями России. В то же время правительство по-прежнему не запрашивает точных объяснений относительно намерений России. В Константинополь прибыл князь Меншиков. Получив чрезвычайно тревожные послания полковника Роуза и предостерегающие донесения сэра Гамильтона Сеймура, лорд Кларендон в письме к английскому послу в Париже, лорду Каули, осуждает приказ полковника Роуза об отправке британского флота, выражает сожаление по поводу отданного французскому адмиралу приказа отплыть в Греческие воды, удостаивает Францию презрительным поучением насчет того, что «политика подозрительности неблагоразумна и небезопасна», и заявляет о своем полном доверии русскому императору, торжественно заверившему, что он сохранит Турецкую империю. Затем лорд Кларендон пишет своему послу в Константинополе о своей полной уверенности в том, что цели, преследуемые миссией князя Меншикова, «каковы бы они ни были, не подвергают опасности ни власть султана, ни целостность его владений». Более того! Лорд Кларендон даже бросает обвинение единственному оставшемуся у Англии союзнику в Европе, заявляя, что если Англии сейчас могут угрожать затруднения на Востоке, то только из-за позиции, которую Франция одно время занимала в вопросе о святых местах. В соответствии с этим граф Несельроде поздравил лорда Абердина с «beau role»* (в Синей книге переведено «важной ролью»), которую он сыграл, оставив Францию «isolee»**. 1 апреля Англия благодаря полковнику Роузу узнала о *тайной* конвенции, которой требовала Россия от Турции. Лишь через десять дней в Константинополь прибыл лорд Стратфорд и подтвердил все сообщенное полковником Роузом. После

* — «благородной ролью». *Ред.*
** — «в положении изоляции». *Ред.*

всего этого лорд Кларендон 16 мая пишет сэру Гамильтону Сеймуру:

«Представленные российским императором объяснения», объяснения, отсутствующие в Синих книгах, «дают нам основания не разделять, а игнорировать опасения, вполне естественно вызванные во всей Европе действиями князя Меншикова в сочетании с военными приготовлениями на юге России».

После этого граф Нессельроде мог без стеснения сообщить лорду Кларендону 20 июня, что Россия заняла Дунайские княжества. В этом документе граф Нессельроде заявляет, что

«император намерен удерживать эти провинции в качестве залога впредь до получения удовлетворения; в своем поведении он оставался верен заявлениям, сделанным им английскому правительству; при обмене мнениями с лондонским кабинетом по вопросу о военных приготовлениях, совпавших с началом переговоров, он не скрывал, что может наступить такое время, когда он вынужден будет прибегнуть к помощи Англии, и приветствовал английское правительство в связи с проявленными им дружественными намерениями, противопоставляя его поведение — поведению Франции и возлагая всю вину за последующие неудачи князя Меншикова на лорда Стратфорда».

После всего этого лорд Кларендон 4 июля пишет циркуляр, в котором все еще уповает на справедливость и умеренность императора, ссылаясь на его неоднократные заявления о том, что он не намерен посягать на целостность Турецкой империи. А 18 июля он пишет лорду Стратфорду, что

«Франция и Англия, серьезно взявшись за дело, вполне могли бы сломить силу России, но не исключено, что за это время Турция потерпела бы окончательное крушение, и поэтому единственно правильный путь, это — мирные переговоры».

Но если этот аргумент годился тогда, полагает Дизраэли, он годен и теперь. Либо правительство проявило такое доверие, которое принимает характер болезненной доверчивости, либо оно виновно в попустительстве. Война является результатом того, как правительство ее величества вело переговоры на протяжении последних семи месяцев. Если английским правительством руководила доверчивость, значит Россия своим вероломным поведением ускорила столкновение, которое, может быть, окажется неизбежным и обеспечит независимость Европы, безопасность Англии и цивилизации. Если же английское правительство руководствовалось попустительством, то это будет трусливая война, война нерешительная, безрезультатная или, вернее, война, которая приведет именно к тому результату, который имелся в виду в самом начале. 25 апреля лорд Кларендон сделал в палате лордов лживое заявление о том, что Меншикову поручено уладить спор относительно святых

мест, хотя он и знал, что это противоречит действительности. Затем г-н Дизраэли вкратце изложил историю Венской ноты, чтобы доказать, что правительство либо проявило крайнюю глупость, либо попустительствовало с.-петербургскому двору, и перешел к третьему периоду, между неудачей Венской ноты и сражением у Синопа. В то время канцлер казначейства, г-н Гладстон, выступив на открытом собрании с речью, говорил о Турции в весьма пренебрежительном тоне. То же самое сделали полуофициальные газеты. Лишь благодаря энергии самих турок в положении и судьбах Турции произошла перемена, заставившая правительство заговорить другим языком. Однако едва только произошло сражение при Олтенице, как приверженцы политики доверчивости или политики попустительства снова принялись за свое грязное дело. Тем не менее, разгром у Синопа снова вызвал симпатии к Турции. Эскадры получили приказ войти в Черное море. Но как они поступили? Они вернулись в Босфор! Что же касается будущего, то лорд Джон Рассел весьма туманно изложил условия англо-французского союза. Г-н Дизраэли рекомендует не смешивать сохранение европейского равновесия с сохранением нынешнего территориального деления Европы. Будущее Италии зависит главным образом от признания этой истины.

После блестящей речи г-на Дизраэли, которую я, разумеется, привел лишь в общих чертах, выступил лорд Пальмерстон и потерпел полное фиаско. Он частично повторил речь, произнесенную им при закрытии предыдущей сессии, весьма неубедительно оправдывал политику министерства и старательно следил за тем, чтобы не проронить ни одного слова, содержащего какую-либо новую информацию.

Затем, по предложению сэра Дж. Грехема, были приняты без прений некоторые поправки к проекту военно-морского бюджета.

В конце концов любопытнее всего то, что после столь бурных дебатов палате совершенно не удалось добиться от министров ни формального объявления войны России, ни указания целей, во имя которых Англии предстоит ввязаться в войну. В результате как палата, так и публика знают не больше того, что они знали до сих пор. Никакой новой информации они не получили.

Написано К. Марксом 21 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4022, 9 марта 1854. г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ 22 ФЕВРАЛЯ. — ДЕПЕША ПОЦЦО-ДИ-БОРГО. — ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Лондон, пятница, 24 февраля 1854 г.

Пресса наводнена большим количеством праздной болтовни относительно «воинственных приготовлений» Кошута и его предполагаемых «передвижений». Между тем я случайно слыхал от одного польского офицера, который едет в Константинополь и советовался об этом с Кошутом, что экс-правитель уговаривал его не покидать Лондон; Кошут высказался отнюдь не одобрительно о возможном участии венгерских и польских офицеров в теперешней турецкой войне, ссылаясь на то, что они вынуждены будут либо пойти под знаменем Чарторыского, либо отречься от своей христианской веры; первое, как он считает, противоречит его политике, второе — его принципам.

Впечатление, которое произвело мастерское разоблачение г-ном Дизраэли политики правительства, было столь глубоким, что «кабинет всех талантов» счел нужным сделать запоздалую попытку замять все дело посредством маленькой комедии, которая была разыграна министрами и г-ном Юмом в среду на утреннем заседании палаты общин. Лорд Пальмерстон закончил свой беспомощный ответ на эпиграмматическую альтернативу, выдвинутую г-ном Дизраэли — болезненная «доверчивость» или предательское «попустительство», — тем, что апеллировал от оппозиции к беспристрастному приговору страны; на долю же г-на Юма выпало — отвечать от имени страны подобно столяру Снагу, который играет роль льва в «жесточайшей смерти Пирама и Тисбы»*. Г-н Юм на протяжении всей своей парламентской жизни стремился сделать оппозицию приятной,

* Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт I, сцена 2. *Ред.*

сносил поправки с том, чтобы потом взять их обратно, и представлял собой так называемую независимую оппозицию, которая всегда стоит в арьергарде любого министерства вигов и неминуемо приходит ему на выручку, лишь только его официальные сторонники обнаруживают признаки колебания. Юм — величайший парламентский «гаситель» par excellence*. Он — не только старейший член парламента, но еще и независимый член парламента, и не только независимый, но еще и радикал, и не только радикал, но еще и педантичный, всеми признанный Цербер государственного кошелька; его миссия — позволять фунтам исчезать незаметно, в то время как ведутся препирательства из-за доли фартинга.

В первый раз за все время своей парламентской деятельности, как торжественно заявил г-н Юм, он берет слово не для того, чтобы осудить проект государственного бюджета, а для того, чтобы его одобрить. Это необыкновенное событие, как он не преминул заметить, должно служить неопровержимым доказательством того, что министерство не напрасно апеллировало к здравому смыслу страны, после незаслуженных клеветнических обвинений оппозиции, и что с него должно быть торжественно снято обвинение в доверчивости и попустительстве. Его доказательства были характерны. Чтобы спасти министров от альтернативного обвинения в доверчивости или попустительстве, — он доказывал доверчивость министров в их переговорах с Россией. Он понял, следовательно, истинный смысл апелляции лорда Пальмерстона. Все, чего министерство добивалось, было снятие обвинения в предумышленном предательстве. Что касается доверчивости, то разве сам великолепный сэр Джемс Грехем не сказал уже, что «в благородных душах не легко зарождаются подозрения»? Так как угрожающая война является следствием дипломатических промахов самих министров, то она является, естественно, их войной, и поэтому они, по мнению г-на Юма, больше чем кто-либо способны успешно вести ее. По мнению г-на Юма, относительная незначительность предлагаемого военного бюджета является убедительнейшим доказательством масштабов предполагаемой войны. Лорд Пальмерстон, разумеется, поблагодарил г-на Юма за вынесенный им от имени страны приговор и в награду осчастливил своих слушателей рассуждением о государственных документах. По его мнению, документы не должны быть представлены палате и стране, пока дела не запутаются до такой степени, что опубликование утратит всякий смысл. Вот

* — по преимуществу. *Ред.*

вся запоздалая мудрость, на которую коалиционное министерство, по зрелом размышлении, оказалось способным. На долю его руководителя лорда Пальмерстона досталась задача не только ослабить впечатление от речи противника, но и свести на нет действие своей собственной театральной апелляции от палаты к стране.

Во вторник вечером г-н Хорсфолл, член парламента от Ливерпуля, сделал следующий запрос:

«Действительно ли договоры с иностранными государствами или шаги, которые правительство ее величества собирается предпринять в случае войны, будут носить такой характер, что смогут эффективно помешать каперским судам снаряжаться против британского флота в нейтральных портах?»

Ответ лорда Пальмерстона гласил:

«Достопочтенный джентльмен и палата должны сами понимать, что на такой вопрос, при теперешнем положении вещей, не может последовать разъясняющий ответ».

Газета «Morning Post»[74], собственный moniteur[*] Пальмерстона, замечает по поводу этого ответа своего хозяина следующее:

«Благородный лорд не мог дать иного ответа (как бы хорошо правительство ни было знакомо с этим делом), не входя в обсуждение самого щекотливого и трудного вопроса, который в настоящее время, быть может, и составляет предмет переговоров. Если хотят, чтобы этот вопрос был благоприятно разрешен, нужно довериться естественному чувству справедливости держав, которые не пожелают в наш цивилизованный век вновь оживить узаконенное пиратство».

С одной стороны, орган лорда Пальмерстона объявляет, что «трудный вопрос», о котором идет речь, составляет предмет происходящих в данный момент переговоров, с другой стороны, что в его решении надо довериться «естественному чувству справедливости» заинтересованных держав. Если хваленый договор о нейтралитете между Данией и Швецией не был продиктован с.-петербургским кабинетом, то он должен, само собой понятно, содержать запрещение этим государствам снаряжать в своих гаванях каперские суда. В действительности же весь вопрос может касаться только Соединенных Штатов Америки, так как Балтийское море предполагается занять английскими линейными кораблями, а Голландия, Бельгия, Испания, Португалия и итальянские гавани Средиземного моря находятся целиком в руках англичан и французов. Какова же, по мнению с.-петербургского кабинета, может быть роль Соединенных Штатов в случае, если турецкая война приведет к войне между Англией и Россией? Мы имеем возможность дать на этот вопрос точный

[*] — официальный вестник. *Ред.*

ответ на основании одной депеши, которую Поццо-ди-Борго послал осенью 1825 г. графу Нессельроде[75]. Россия тогда приняла решение вторгнуться в Турцию. Как и сейчас, она намеревалась начать с мирного занятия Дунайских княжеств.

«Если предположить, что этот план будет принят», — говорит Поцпо-ди-Борго, — «то было бы уместно вступить в переговоры с Портой в самом умеренном тоне и заверить ее, что если она не желает ввергнуть себя в войну, то император согласен миролюбиво уладить эти разногласия».

Перечислив все меры, которые необходимо было бы предпринять, Поцпо-ди-Борго продолжает:

«Было бы желательно сообщить о всех этих действиях Соединенным Штатам Америки в знак уважения со стороны императорского кабинета и в доказательство того значения, которое он придает правильной информации американского общественного мнения и даже завоеванию его поддержки».

В случае, если бы Англия связала себя с Турцией и повела войну против России, говорит Поццо-ди-Борго,

«она» (Англия) «блокировала бы наши гавани, опираясь на свои мнимые права на море против нейтральных. Этого не потерпели бы Соединенные Штаты! И это привело бы к режим разногласиям и опасным ситуациям».

Так как, по правильному замечанию русского историка Карамзина, «в нашей» (русской) «внешней политике ничего не меняется»[76], то мы вправе допустить, что Россия в настоящий момент или, может быть, еще с февраля 1853 г. сообщает «о всех своих действиях Соединенным Штатам» и принимает все меры, чтобы склонить посредством лести вашингтонский кабинет, по крайней мере, к нейтральной позиции. Одновременно она возлагает свои надежды, в случае войны с Англией, на возможные споры о «морском праве нейтральных», которые привели бы к «резким разногласиям и опасным ситуациям» и вовлекли бы Соединенные Штаты в более или менее открытый союз с С.-Петербургом.

Раз уж я цитирую самую знаменитую из депеш Поццо-ди-Борго, то заодно приведу еще и место, касающееся Австрии. Это место и после событий, происшедших с 1825 г. в Галиции, Италии и Венгрии, ничего не потеряло в злободневности.

«Наша политика», — говорит Поццо, — «требует, чтобы мы по отношению к этому государству занимали угрожающую позицию; наши приготовления должны убедить его в том, что, если оно предпримет что-либо против нас, *над его головой разразится такая буря, какой оно еще никогда не переживало.* Князь Меттерних может либо объявить туркам, что наше вступление в Дунайские княжества спровоцировано ими самими, либо

же может сам, на свое усмотрение, вторгнуться в *другие провинции Оттоманской империи.* В первом случае — это значит, что мы уже сговорились, *во втором — что придем к соглашению.* Единственное, чего мы должны опасаться, это — открытого выступления против нас. Если князь Меттерних мудр, он избежит войны, если он склонен к насилию, *то будет наказан.* По отношению к министерству, которое попало в такое положение, как он, такое правительство, как наше, найдет, в случае необходимости, тысячу путей для того, чтобы покончить с разногласиями».

Зажигательные речи лорда Джона*, шумиха по поводу чести Англии, праведное негодование по поводу русского вероломства, видение английских пловучих батарей, крейсирующих под стенами Севастополя и Кронштадта, бряцание оружием и демонстративная посадка войск на суда — все эти драматические эпизоды совершенно сбивают с толку общественное мнение и застилают его глаза туманом, который не позволяет видеть ничего, кроме собственных иллюзий. Может ли быть большее самообольщение после всех разоблачений Синих книг, чем думать, что данное министерство внезапно превратилось в министерство, не только способное вообще вести войну, но даже способное вести против России какую-либо другую войну, кроме показной, то есть такой, которая была бы как раз в интересах врага, против которого она якобы ведется? Рассмотрим условия, при которых ведутся эти военные приготовления.

Никакого формального объявления войны России не было сделано. Министерство даже не в состоянии открыто заявить о целях войны. Место назначения войск, погружаемых на корабли, точно не известно. Требуемые ассигнования слишком малы для большой войны и слишком велики для малой. Коалиционное правительство, прославившееся изобретательностью в измышлении предлогов для нарушения своих самых торжественных обещаний и оснований для отсрочки самых неотложных реформ, вдруг, в припадке чрезмерной добросовестности, чувствует себя обязанным выполнить слишком поспешно данные обещания и осложняет переживаемый страной серьезный кризис тем, что поражает ее новым биллем о реформе. Внесение этого билля, которое кажется несвоевременным самым горячим поборникам парламентской реформы, не вызвано никаким давлением извне и со всех сторон встречено с величайшим равнодушием и подозрительностью. Не ясно ли, что план состоит именно в том, чтобы отвлечь общественное внимание от внешней политики путем возбуждения вопроса, имеющего значительный внутренний интерес?

Старания ввести публику в заблуждение касательно отношений Англии к иностранным государствам достаточно

* — Рассела. *Ред.*

прозрачны. С Францией до сих пор не заключено никакого связывающего договора, зато создан суррогат его в виде «обмена нотами». Но Англия уже в 1839 г. обменялась с кабинетом Луи-Филиппа подобными нотами, в силу которых союзный флот должен был войти в Дарданеллы и воспрепятствовать России одной или совместно с другими державами вмешаться в восточные дела. Мы все знаем, что вышло из этого обмена нот — священный союз против Франции и договор о Дарданеллах[77]. Насколько искренно и серьезно мыслится франко-английский союз, видно из инцидента, который произошел во вчерашнем заседании палаты общин. Как вы могли видеть из газеты «Moniteur», Бонапарт угрожает греческим повстанцам и направил правительству короля Оттона соответствующее представление. Когда сэр Дж. Уолш сделал министерству запрос по этому поводу, лорд Джон Рассел заявил, что

«ему ничего не известно о соглашении между французским и английским правительствами по упомянутому вопросу и ему не удалось поговорить с министром иностранных дел на эту тему. Его впечатление, однако, таково, что никакого представления не было послано правительством Франции и уж во всяком случае не с согласия или при участии правительства Англии».

Если британское правительство действительно намеревается вести войну с Россией, почему оно так упорно избегает принятых международных форм объявления войны? Если оно намеревается заключить серьезный союз с Францией, почему оно так заботливо избегает принятых форм заключения международных союзов? Относительно немецких государств сэр Джемс Грехем заявляет, что они заключили союз с Англией, а лорд Джон Рассел, в противоречии с ним, в тот же вечер утверждает, будто отношения с этими государствами в настоящий момент такие же, как и в начале восточных осложнений. Министры заявляют, что они как раз теперь намерены урегулировать отношения с Турцией и предложить договор с нею. Они отправляют войска с целью занять Константинополь, не заключив предварительно договора с Турцией. Поэтому мы совершенно не удивились, узнав из одного письма из Константинополя, что тайный агент Порты был послан из Вены в С.-Петербург, чтобы предложить царю частное соглашение. Корреспондент пишет:

«После того как турки убедились в предательстве и глупости своих мнимых друзей, вполне разумно с их стороны отомстить им, заключив союз с мудрым врагом. Условия соглашения, которое хотели навязать Турции, в десять раз более разорительны, чем требования Меншикова».

О действиях, к которым, по мнению английского министерства, призваны английские войска, можно составить себе

правильное представление из того, что сделали и делают в настоящее время союзные эскадры. Через двадцать дней после вступления в Черное море они вернулись в Босфор. За несколько дней перед этим, как нам сообщают,

«министры Порты из уважения к представлениям британского посла должны были засадить в тюрьму редактора греческой газеты «Telegraphe du Bosphore», который в своей газете заявил, что и английский и французский флоты скоро должны вернуться из Черного моря в Босфор. Редактор «Journal de Constantinople» был уполномочен заявить, что оба флота продолжают оставаться в Черном море».

В знак признательности за данное ему английскими и французскими адмиралами указание русский адмирал послал 19 февраля два паровых судна для бомбардировки турок у Шефкатиля; русские паровые суда крейсируют в виду Трапезунда, в то время как союзные эскадры не имеют своих судов в Черном море, за исключением одного английского и одного французского корабля у Севастополя. Синоп и бомбардировка Шефкатиля русскими паровыми судами — вот единственные подвиги, которыми могут похвалиться союзные эскадры. Ссора между послами и адмиралами, приведшая к полному разрыву отношений между ними, — лорд Стратфорд де Редклифф отказался принять адмирала Дандаса, а Бараге д'Илье не допустил французского адмирала и его офицеров на свой официальный бал, — эта ссора имеет лишь подчиненное значение, так как дипломатические болтуны, которые чувствуют себя скомпрометированными опубликованием своих депеш в Лондоне и Париже, очевидно, стремятся во что бы то ни стало восстановить свой утерянный престиж, во сколько бы кораблей и матросов это ни обошлось.

Однако сущность вопроса заключается в том, что гласные инструкции, данные послам, были отменены рядом тайных инструкций, данных адмиралам, и что последние действительно не в состоянии выполнять противоречивые инструкции. И как могут инструкции быть иными, если им не предшествовало объявление войны? С одной стороны, им приказывают атаковать русские суда в Черном море, чтобы заставить их уйти в Севастополь, а с другой — они не должны выходить из состояния простой *обороны.* Наконец, если бы имелась в виду серьезная война, то как мог бы британский посол в Константинополе изображать в виде большого успеха то, что ему удалось устранить лидера военной партии в турецком правительстве Мехмед-Али-пашу с поста военного министра и заменить его «миротворцем» Риза-пашой, вручив в то же время пост главнокомандующего Мехмед-паше, креатуре Решид-паши.

Есть и другой в высшей степени важный момент. К отправке британских и французских войск приступили лишь после того, как в Лондон и Париж пришло известие, что в Албании вспыхнуло восстание греческого населения, распространившееся на Фессалию и Македонию[78]. Как показывают депеши Рассела, Кларендона и Стратфорда де Редклиффа, английский кабинет с самого начала с нетерпением ожидал этого восстания. Оно дает ему наилучший повод вмешаться в распри султана с его собственными христианскими подданными под предлогом посредничества между турками и русскими. С того момента, как католики вмешаются в дела греков (я употребляю здесь это слово лишь в религиозном смысле*), можно с уверенностью рассчитывать на соглашение 11000000 жителей Европейской Турции с царем, который в этом случае действительно окажется их религиозным покровителем. Между мусульманами и их православными подданными нет никакой религиозной распри, но религиозная вражда к католикам образует, можно сказать, единственную общую связь между различными народами, населяющими Турцию и исповедующими православие. В этом отношении ничто не изменилось с того времени, когда Мехмед II осаждал Константинополь, когда Лука Нотарас, греческий адмирал, самый влиятельный человек в Византийской империи, публично заявил, что он охотнее увидит в столице триумф турецкого тюрбана, чем римской шляпы, а, с другой стороны, было в ходу венгерское пророчество, что христиане будут только тогда действительно счастливы, когда будут уничтожены проклятые православные еретики и турки разрушат Константинополь. Поэтому всякое вмешательство западных держав в отношения между султаном и его православными подданными будет благоприятствовать планам царя. Такой же результат получился бы, если бы Австрия вздумала, как она сделала это в 1791 г.[79], занять Сербию под предлогом противодействия изменническим проискам русской партии в этом княжестве. Прибавлю еще, что в Лондоне ходит слух, будто восставшие жители Эпира были поддержаны присоединившимися к ним греками с Ионических островов, которым английские власти в этом не противодействовали, и что орган коалиционного правительства «Times» в своем субботнем номере рассматривает известие о греческом восстании как весьма желательное событие.

Я, с своей стороны, абсолютно не сомневаюсь в том, что за этими шумными военными приготовлениями коалиционного

* В оригинале «greeks» — «греки», что означает также «православные». *Ред.*

министерства кроется предательство. Бонапарт, разумеется, пускается в эту войну вполне серьезно. Революция внутри страны или внешняя война — иного выхода у него не осталось. Он уже не может продолжать, как прежде, сочетать жестокий деспотизм Наполеона I с продажной мирной политикой Луи-Филиппа. Ему придется прекратить непрерывную отправку целых партий арестантов в Кайенну, если он не сможет одновременно двинуть французские войска через границу. Но противоречие между нескрываемыми намерениями Бонапарта и тайными планами коалиционного министерства может только еще больше запутать положение. Из всего этого я отнюдь не заключаю, что войны не будет; наоборот, война приобретет такой страшный размах, такой революционный характер, о котором и не помышляют маленькие людишки коалиционного министерства. И самое их вероломство является средством превратить местный конфликт во всеевропейский пожар.

Но даже если бы британское министерство было настолько же искренне, насколько оно сейчас лживо, его вмешательство все равно лишь ускорило бы крушение Оттоманской империи. Англичане не могут вмешаться, не потребовав от Порты гарантий для ее христианских подданных, а добиться этих гарантий они могут, лишь обрекая ее на гибель. Даже тот константинопольский корреспондент, которого я выше цитировал, заведомый туркофил, вынужден признать, что

«предложение западных держав вполне уравнять всех подданных Порты в гражданском и религиозном отношениях сразу повело бы к анархии, междоусобным войнам и к окончательной и быстрой гибели империи».

Написано К. Марксом. 24 февраля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4025, 13 марта 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БАНКРОТСТВО АВСТРИИ

Несмотря на угрозу войны и настоятельную нужду, ни французскому, ни австрийскому правительству до сих пор не удалось укрепить nervus belli[80], т. е. свое финансовое положение. Хотя французский министр финансов и обставил чисто лукулловским великолепием обеды, данные им главным чиновникам финансового ведомства, руководителям Credit Mobilier[81] и крупнейшим парижским банкирам, все же эти капиталисты оказываются неподатливыми и придерживаются того благоразумного патриотизма, который, извлекая наибольшую выгоду от государства, привык удовлетворять свои личные интересы за счет государственных. Условия, на которых может быть реализован предполагаемый французский заем в двести миллионов франков, остаются поэтому до сих пор неопределенными.

Что касается Австрии, то не подлежит никакому сомнению, что один из главных мотивов, побуждающих ее дружественно относиться к западным державам, заключается в надежде восстановить таким образом доверие финансового мира и выпутаться из финансовых затруднений. Действительно, едва только обмолвившись о нейтралитете Австрии и добром согласии с Францией, правительственная газета в Вене сразу же поразила публику неожиданным сообщением о предполагаемой продаже значительной части казенных земель, составляющих шесть миллионов акров, и рескриптом, помеченным 23 февраля 1854 г., по которому все государственные бумажные деньги, находящиеся в обращении с принудительным курсом, в сумме 150000000 флоринов, должны быть переданы Национальному банку и постепенно обменены на банкноты. По

окончании этого обмена все бумажные денежные знаки, выпущенные казначейством, будут изъяты из обращения, а эмиссия государственных бумажных денег с принудительным курсом в дальнейшем прекращена. Производя этот обмен, императорское правительство выступает перед банком в качестве поручителя за переданные ему государственные бумажные деньги и обязуется возместить банку все расходы по этой конверсии; оно обязуется ежегодно вносить не менее 10000000 флоринов в погашение создаваемого таким образом долга; оно предоставляет банку в качестве гарантии своевременной уплаты право на получение сумм из таможенных доходов государства; платежи должны покрываться в звонкой монете в той пропорции, в которой пошлины поступают в металлических деньгах. В то же время правительство обязуется всеми мерами способствовать тому, чтобы банк имел возможность выполнить свои обязательства и возобновить платежи в звонкой монете. С своей стороны, чтобы предоставить держателям банкнот возможность превращать по желанию свои банкноты в бумаги, приносящие проценты, выплачиваемые звонкой монетой, банк начинает выпуск процентных долговых обязательств, во всех отношениях приравниваемых к государственным долговым обязательствам или облигациям. Кроме того, правительство намерено стянуть в свои руки так называемые выкупные и авансовые свидетельства, с тем чтобы совершенно изъять их из обращения.

Конверсия государственных бумажных денег с принудительным курсом в неразменные банкноты не уменьшит их количества и не улучшит их курса, а лишь упростит наименования выпускаемых бумажных денег. И так как государство располагает такими же средствами, какие оно предоставляет банку для выкупа бумажных денег, то оно могло бы само воспользоваться ими, если бы не знало, что недоверие к нему настолько велико, что кредит его может быть восстановлен только при помощи банка, не являющегося собственностью государства. Таким образом, зависимость императора от еврейских банкиров в Вене возрастает, по мере того как усиливается военный характер его правления. В январе 1852 г. он отдал им в залог соляные копи в Гмундене, Аусзе и Шталлейне. В феврале 1854 г. они получили залоговые права на таможенные доходы всей монархии. Шаг за шагом банк становится действительным, а правительство лишь только номинальным хозяином империи. Чем больше Австрия отказывается удовлетворить требования буржуазии на участие в политической власти, тем больше она вынуждена склоняться перед неограниченным деспотизмом одной из фракций этого класса — финансистов-кредиторов.

Декрет, сущность которого мы здесь изложили, облекает попытку заключения нового займа в форму содействия держателям банкнот путем превращения банкнот в процентные долговые обязательства, проценты по которым должны выплачиваться в звонкой монете. В 1852 г. правительство также обязалось выплачивать в металле различные мелкие платежи и обязательства, но поскольку налоги поступали лишь в государственных бумажных деньгах или в банкнотах, оно вынуждено было заключить в Лондоне и Франкфурте заем в тридцать пять миллионов флоринов. Новые займы, понятно, увеличивают старый дефицит, и это влечет за собой новый выпуск тех бумажных денег, избытку и соответствующему обесценению которых они должны были противодействовать. Значительное различие, которое правительство проводит между платежами в звонкой монете и платежами в банкнотах, так же мало способно уничтожить дурную славу последних, как и увеличение платежных средств банка на 150 миллионов сможет позволить ему выполнить свои обязательства и возобновить платежи наличными. Правительство должно выплачивать банку платежи звонкой монетой в той пропорции, в какой поступают в этой монете пошлины; но известно, что в Австрии не только крестьяне, но и жители небольших городов так же любят копить, как китайцы и индийцы; в 1850 г. накопления собирались даже в медной монете, а в 1854 г. все налоги поступают в бумажных деньгах, хотя на этом приходится терять целых семнадцать процентов.

Кто знаком с историей австрийского казначейства, тот не найдет ничего нового ни в посулах нового декрета, ни в тех финансовых мерах, к которым теперь прибегают. Бумажные деньги были впервые выпущены в Австрии при императрице Марии-Терезии к концу Семилетней войны. Первоначально это были банковые билеты, которые подлежали обмену на серебро в государственных учреждениях. В 1797 г. финансовые затруднения вследствие войны против Франции заставили правительство отменить размен на серебро. Если первый выпуск при императрице Марии-Терезии составлял двенадцать миллионов флоринов, то к 1809 г. общая сумма банковых билетов достигла 1060793653 флоринов, а обесценение их в то же время достигло своего максимума. 20 февраля 1811 г. правительство опубликовало указ, по которому банковые билеты совершенно изымались из обращения и выкупались по курсу 20 за 100 на новые бумажные деньги, так называемую Wiener Wahrung* (отсюда название — выкупные свидетельства).

* — венскую валюту. *Ред.*

Правительство объявило эти свидетельства подлинными деньгами страны и обещало, что они никогда не будут выпускаться в количестве большем, чем необходимо для обмена банковых билетов. В мае 1811 г. Wiener Wahrung уже упала в курсе на 8%, и были выпущены авансовые свидетельства, названные так потому, что ими авансировалась часть налогов на двенадцать лет вперед. Действительно, первый выпуск авансовых свидетельств составлял только сорок пять миллионов флоринов. Для их выкупа в течение двенадцати лет была выделена ежегодная сумма в 3750000 флоринов, которую предполагалось получить в счет земельного налога.

Но вследствие войны новые выпуски авансовых свидетельств преспокойно следовали один за другим, сопровождаясь каждый раз соответствующим обесценением. В 1815 г. лаж на серебро по сравнению с Wiener Wahrung достиг 400 процентов. 1 июня 1816 г. появился императорский указ, объявлявший, что впредь государство никогда не будет прибегать к неразменным бумажным деньгам, что находящиеся в обращении бумажные деньги должны быть постепенно изъяты, а металлические деньги должны снова стать стандартным средством обращения. Для выполнения этих обещаний 18 января 1818 г. был учрежден привилегированный Национальный банк, с которым правительство предварительно заключило соглашение, возлагавшее на него обязанность выкупить неразменные бумажные деньги. И все же в июне 1852 г. мы снова находим в правительственной газете заявление министра финансов, что принудительные займы, чрезвычайные налоги, уменьшение стоимости денег впредь ни в коем случае не будут иметь места, а австрийские бумажные деньги, если не сейчас, то, несомненно, в будущем, будут без потери обменены на металлические деньги и заем, который теперь обсуждается, предназначен для изъятия государственных бумажных денег и выплаты государственных долгов банку. Не может быть лучшего свидетельства несостоятельности подобных обещаний, чем их периодическое повторение.

Во времена Марии-Терезии австрийское правительство было достаточно сильно, чтобы выпускать свои собственные банковые билеты, разменивавшиеся на звонкую монету и даже имевшие лаж по отношению к серебру. В 1818 г., чтобы выкупить свои бумажные деньги, государство вынуждено было учредить привилегированный банк, являвшийся собственностью частных капиталистов; этот банк получил преимущества, весьма обременительные для государства, но был обязан выпускать разменные билеты. В 1854 г. правительство обращается за помощью

к банку, билеты которого так же обесценились и стали такими же неразменными, как и денежные знаки самого государства.

Хотя с 1815 по 1846 г. Австрия почти без перерыва пользовалась благами мира и внутреннего спокойствия, первый же удар после этого долгого периода застал ее совершенно неподготовленной. Краковское восстание и беспорядки в Галиции в конце февраля 1846 г.[82] повысили государственные расходы более чем на 10 000 000 флоринов по сравнению с 1845 годом. Важнейшей причиной этого повышения были расходы на армию: в 1845 г. они составляли 50 624 120 флоринов, а в 1846 г. повысились на 7 000 000, в то время как издержки на гражданское управление различных провинций империи возросли на 2 000 000 флоринов. В 1847 г. торговый кризис и плохой урожай вызвали значительное уменьшение налоговых поступлений, между тем как военный бюджет, главным образом вследствие волнений в Италии, возрос до 64000000 флоринов. Дефицит этого года равнялся 7000000 флоринов. В 1848 и 1849 гг. прекратилось поступление доходов из целых областей, и к этому прибавились военные расходы в Италии и Венгрии. Дефицит составлял в 1848 г. 45000000, в 1849 г. 121000000 флоринов. В 1849 г. было выпущено на 76000 000 трехпроцентных казначейских билетов с принудительным курсом. Задолго до того банк приостановил платежи звонкой монетой, и его эмиссии были объявлены государством неразменными. В 1850 г. дефицит был в 54000000, а опасность войны с Пруссией понизила курс бумажных денег на 60 процентов. Общая сумма выпущенных в 1849—1851 гг. государственных билетов составляла 219 000 000 флоринов. В 1852 г. дефицит был на 8000000 больше, чем в 1849, и на 46000000 больше, чем в 1847 году. В 1851 г. военный бюджет составлял 126000000, т. е. был как раз вдвое больше, чем в 1847 году. В 1852 г. расходы на полицию составляли 9000000, в четыре раза больше, чем в 1848 году. А в 1853 г. издержки на полицию и армию еще возросли.

Действительная проблема состоит, однако, не в том, чтобы решить, как Австрия попала в этот финансовый тупик, а в том, чтобы объяснить, каким образом она, увязнув в бумажной валюте и в долгах, все же смогла избежать открытого банкротства. В 1850 г. государственные доходы были на сто девяносто шесть миллионов больше, чем в 1848, и на сорок два миллиона больше, чем в 1849 году. В 1851 г. государственные доходы превысили на 219 миллионов доходы 1850 года. В 1852 г. они достигли суммы в двести двадцать шесть миллионов, превысив на 6 миллионов доходы 1851 года. Итак, государственные

доходы непрерывно растут, хотя прирост доходов в 1852 г. не такой, как в 1851, а в 1851 не такой, как в 1850 году.

Откуда этот рост доходов? Если оставить в стороне чрезвычайные доходы в виде военной контрибуции в Сардинии и ломбардо-венецианских конфискаций[83], то превращение австрийского крестьянина в свободного держателя земли увеличило, конечно, податные возможности деревни и доходы с поземельного налога. Одновременно уничтожение патримониальных судов перевело в кассу государства доходы, которыми прежде пользовалась аристократия в силу своей судебной власти, и этот источник доходов становится с 1849 г. все обильнее. Далее, значительное увеличение доходов вызвано подоходным налогом, введенным указом 29 октября 1849 года. Особенно большие поступления этот налог дал в итальянских провинциях Австрии. В 1852 г., например, общая сумма подоходного налога в немецких и славянских провинциях увеличилась на шестьсот один миллион, а в одних только итальянских провинциях на шестьсот тридцать девять миллионов флоринов. Но главной причиной, спасшей Австрийскую империю от формального банкротства, было, несомненно, покорение Венгрии и уравнение ее с другими провинциями в отношении обложения налогом.

Основой всей австрийской налоговой системы можно считать поземельный налог. 23 декабря 1817 г. появился императорский указ, в котором император Франц известил о своем решении ввести единообразие во взимании поземельного налога для всех своих немецких, славянских и итальянских провинций. В одном параграфе этого указа предписывалось не допускать впредь освобождения от поземельного налога «в связи с личными преимуществами землевладельца или домовладельца», и в целом этот принцип проводился в жизнь. В эрцгерцогстве Австрия в 1834 г. был введен новый кадастр, и это герцогство было первым из наследственных владений австрийской монархии, в котором вступила в силу новая система. Австрийская Ломбардия обладала превосходным кадастром со времени Карла VI, так называемым Censimento Milanese. Венгрия и Трансильвания, однако, вовсе не несли тяжесть поземельного и других налогов наравне с другими провинциями империи. По венгерской конституции венгерские землевладельцы, в чьих руках была сосредоточена большая часть земли, были освобождены от платежа прямых налогов, Венгрия и Трансильвания не платили даже некоторых косвенных налогов, которыми были обложены другие провинции. Население Венгрии, Трансильвании и Военной границы[84] составляло в 1846 г. 14549958 человек, а население других областей монархии — 24901675,

так что первые должны были бы давать семь восемнадцатых всех доходов. На самом же деле они дали в 1846 г. только двадцать три миллиона, что составляло несколько менее одной седьмой общей суммы доходов, достигавшей ста шестидесяти четырех миллионов флоринов. Венгерские провинции занимают 5855 немецких квадратных миль из 12123, составляющих всю площадь австрийской монархии, т. е. половину ее территории.

Император Иосиф II, главная цель которого состояла в централизации и полной германизации австрийской монархии, по собственному произволу ввел в Венгрии новшества, которые должны были уравнять ее положение с положением других провинций. Но его мероприятия так возмутили венгерское общественное мнение, что к концу своей жизни он даже боялся, что венгры восстанут так же, как это сделали Нидерланды[85].

Императоры Леопольд II, Франц I и Фердинанд I не осмелились повторить опасный эксперимент. Это обстоятельство, т. е. препятствия, которые ставила венгерская конституция налоговому уравнению, перестало существовать после того, как венгерская революция была задушена с помощью России. Император Франц-Иосиф, который никогда не давал присяги на верность венгерской конституции и именно поэтому был поставлен императором на место Фердинанда, сразу ввел в Венгрии поземельный налог в том же виде, как он существовал в других владениях австрийской монархии. Кроме того, отмена с 1 октября 1850 г. венгерской внутренней таможенной черты сделала австрийскую монархию единой территорией в отношении сбора пошлин, так же как и сбора налогов. Акцизный сбор и табачная монополия были также введены здесь с 1 марта 1851 года. Увеличение одних только прямых налогов в венгерских провинциях составляло в 1851 г.—11500000 флоринов, а в 1852 г. — около 8000000 флоринов.

Неоспоримый вывод, следовательно, таков, что не только политическое, но и экономическое существование Австрийской империи зависит от обладания Венгрией и Ломбардией; с их потерей давно оттягиваемое банкротство этого государства станет неизбежным.

Написано К. Марксом 3 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4033, 22 марта 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ. — ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ. — ИСПАНИЯ. — КИТАЙ

Лондон, пятница, 3 марта 1854 г.

Как я упомянул в своей последней статье, сэр Чарлз Нейпир обязан своим назначением на пост командующего балтийским флотом тому, что публично выразил недоверие к союзу с Францией и обвинил Францию в предательстве по отношению к Англии в 1840 г., между тем как в действительности английское правительство находилось тогда в тайном сговоре с Николаем против Луи-Филиппа. Мне следовало еще прибавить, что второй адмирал на Черном море, сэр Эдмунд Лайонс, во время своего пребывания на посту английского посланника в Греции, показал себя открытым врагом Франции и был удален с этого поста по представлению лорда Стратфорда де Редклиффа. Таким образом, министерство своими назначениями сделало все возможное, чтобы посеять раздоры не только между французским и английским командованием, но и между адмиралами и английским послом в Константинополе.

Ни противоречия этим фактам, ни, тем паче, их опровержения нельзя усмотреть в том, что Бонапарт в своей тронной речи к депутатам поздравляет себя с тесным союзом с Англией. Entente cordiale[86], конечно, несколько старше, чем восстановление ярлыка империи. И самое замечательное в речи Бонапарта — не эти перепевы речей Луи-Филиппа и не разоблачение честолюбивых планов царя, а скорее всего то, что он провозглашает себя покровителем Германии и особенно Австрии против внешних противников и внутренних врагов.

Едва лишь успели 5 февраля в Константинополе обменяться утвержденными текстами договора Порты с западными державами, по одному из пунктов которого она обязуется

не заключать мира с Россией без согласия четырех держав, как представители последних вступили с Портой в переговоры о дальнейшем положении христиан в Турции. «Times» от среды выдает истинную цель этих переговоров:

«Положение некоторых частей Турецкой империи, которым фирманами и договорами уже даровано полное внутреннее самоуправление при условии признания суверенитета Порты, составляет прецедент, который без вреда для обеих сторон может быть распространен и далее и, быть может, указывает наилучший путь, каким можно помочь европейским владениям Турции в их теперешнем положении».

Другими словами, коалиционный кабинет намерен охранять целостность Турецкой империи в Европе путем превращения Боснии, Хорватии, Герцеговины, Болгарии, Албании, Румелии и Фессалии в своего рода Дунайские княжества. Если Порта примет эти условия, то, в случае победы турецкого оружия, это должно неминуемо повести к гражданской войне между самими турками.

Теперь известно, что раскрытие заговора в Видине лишь ускорило греческое восстание, которое рассматривалось в Бухаресте как совершившийся факт, еще до того как оно началось. Скутарийский паша концентрирует все свои войска для того, чтобы помешать черногорцам соединиться с восставшими греками.

Англо-французскую экспедицию приходится рассматривать, поскольку речь идет о *нынешних* намерениях британского правительства, как новое надувательство. Местом высадки назначен для французов Родосто, для англичан Энос. Последний город расположен на небольшом полуострове у входа в лиман, позади которого лежат обширные болота долины Марицы, несомненно весьма благоприятные для санитарного состояния лагеря. Он лежит не только *вне* Босфора, но также и вне Дарданелл, и войска, чтобы достичь Черного моря, должны снова погрузиться на суда и вкусить все прелести кружной морской поездки в 250 миль против течения проливов или пройти 160 миль по бездорожной стране — переход, который, несомненно, займет две недели. Французы в Родосто находятся, по крайней мере, на Мраморном море и всего в семи днях пути от Константинополя.

Что же войскам предстоит делать в этом непонятном положении? Очевидно, они предназначены либо идти в Адрианополь, чтобы там прикрыть столицу, либо, в худшем случае, соединиться на перешейке Фракийского Херсонеса, чтобы защищать Дарданеллы. Так говорит «Times», ссылаясь на «авторитетные источники», и даже цитирует стратегические

замечания маршала Мармона в подтверждение мудрости этого плана.

Сто тысяч французских и английских солдат для защиты столицы, которой никто не угрожает и, быть может, в течение ближайших двенадцати месяцев и не будет угрожать! Право же, они с таким же успехом могли оставаться дома.

Если этот план будет выполнен, то, поистине, это — наихудшее из того, что можно было придумать. Он основывается на самом худшем приеме ведения оборонительной войны, именно на том, который ищет источник силы в абсолютном бездействии. Но даже предполагая, что экспедиция должна носить преимущественно оборонительный характер, ясно, что этого легче всего было бы добиться, предоставив туркам, обеспеченным таким резервом, возможность перейти в наступление или, по крайней мере, занять позицию, из которой было бы возможно предпринимать частичное наступление, поскольку это позволят обстоятельства. Между тем, в Эносе и Родосто французские и английские войска совершенно бесполезны.

Хуже всего то, что армия в 100000 человек, вполне обеспеченная паровым транспортом, поддерживаемая парусным флотом в двадцать линейных судов, сама по себе представляет силу, способную к самому решительному наступлению в любой части Черного моря. Такая сила либо должна взять Крым и Севастополь, Одессу и Херсон, блокировать Азовское море, разрушить русские крепости на кавказском побережье, захватить и доставить русский флот без повреждений в Босфор, либо она понятия не имеет о своей собственной мощи и своих обязанностях как действующей армии. Сторонники министерства уверяют, что такие операции смогут быть предприняты после того, как эти 100000 человек сконцентрируются в Турции, и что высадка первых дивизий в Эносе и Родосто производится лишь для того, чтобы ввести в заблуждение врага. Но даже и в этом случае высаживать войска не прямо в каком-либо пункте побережья Черного моря — значит напрасно растрачивать время и силы. Врага нельзя обмануть. Как только император Николай услышит об этой шумно возвещенной экспедиции в 100000 человек, он обязательно пошлет всех до последнего находящихся в его распоряжении солдат в Севастополь, Кафу, Перекоп и Еникале. Нельзя сначала напугать своего противника грандиозными вооружениями, а потом заставить его поверить, что ему не хотят этим причинить ни малейшего вреда. Игра была бы слишком прозрачна, и если рассчитывали ввести русских в заблуждение такими жалкими приемами, то британская дипломатия в этом случае еще раз допустила грубый промах.

Я поэтому полагаю, что те, кто выдумал эту экспедицию, просто хотят обмануть султана и, притворяясь, что хотят нагнать на Россию как можно больше страха, будут во всяком случае стараться нанести ей как можно меньше вреда.

Если Франция и Англия займут Константинополь и часть Румелии, Австрия — Сербию и, быть может, Боснию и Черногорию, а Россия получит возможность укрепить свои позиции в Молдавии и Валахии, то чем же это будет, как не разделом Европейской Турции? Турция сейчас в худшем положении, чем в 1772 году. Тогда прусский король, чтобы заставить императрицу Екатерину очистить Дунайские княжества, оккупация которых грозила вызвать европейский конфликт, предложил первый раздел Польши, который должен был покрыть издержки русско-турецкой войны. Вспомним, что тогда Порта сначала ринулась в войну с Екатериной, чтобы защитить Польшу от русских притязаний, а в конце концов Польша была принесена в жертву «независимости и целостности» Оттоманской империи.

Предательская политика промедления, проводимая коалиционным кабинетом, дала возможность эмиссарам московитов выработать план и подготовить греческое восстание, которого с таким нетерпением ждал лорд Кларендон. Восстание началось 28 января и, по последним венским депешам, приняло к 13 февраля наиболее угрожающие размеры. По-видимому, восстанием охвачены области Акарнании и Этолии и районы Илуссы и Делонии. Утверждают, что в столице Эвбеи Эгрипо вспыхнуло восстание, по своему серьезному характеру не у ступающее албанскому. Меньшее значение имеет то обстоятельство, что города Арта и Янина оставлены турками и заняты греками, так как господствующие над этими городами крепости остаются в руках турецких войск, а, как мы знаем по многочисленным войнам между христианами и турками, в Албании окончательное обладание этими городами всегда зависело от обладания крепостями. Районы Контесского и Салоникского заливов и побережья Албании будут объявлены на осадном положении. В другой своей статье я отметил*, что одним из наиболее нежелательных для Порты последствий греческого восстания будет то, что оно даст западным державам повод вмешаться в отношения султана с его подданными; вместо того чтобы вести борьбу против русских, державы толкнут греков-христиан на союз с царем. Насколько державы спешат воспользоваться этим поводом, показывает получение

* См. настоящий том, стр. 98. *Ред.*

с одной и той же почтой сообщения о том, что Порта приняла предложенный Англией и Францией договор, и о том, что французский и английский послы направили на помощь туркам два паровых судна, в то время как британский полномочный посланник в Афинах уведомил правительство короля Оттона о намерении Англии вмешаться в события в восставших областях. Непосредственные результаты восстания с военной точки зрения ясно охарактеризованы венским корреспондентом в сегодняшнем номере «Times»:

«В течение последних нескольких дней в штаб-квартире в Видине стал заметен некоторый упадок настроения, так как ожидавшиеся подкрепления получили приказ следовать в противоположном направлении и находятся теперь на пути в юго-западные области Турции. Известие о восстании христиан в Эпире вызвало возбуждение среди арнаутов и албанцев на Дунае, и они громко потребовали разрешения вернуться домой. Бригадные генералы Хюсейн-бей и Сулейман-паша потеряли всякое влияние на свои необузданные войска. Есть опасение, что если будет сделана попытка удержать их силой, то дело кончится открытым мятежом. Но если им позволить уйти, они на пути домой опустошат христианские области. Если же враждебное движение христианского населения на западе примет более угрожающие размеры, то западное крыло турецкой армии будет вынуждено осуществить попятное движение, которое более чем уравновесит удар, нанесенный России вступлением союзных флотов в Черное море».

Таковы некоторые из первых результатов той тактики промедления, которую столь риторически восхваляют Грехем, Рассел, Кларендон и Пальмерстон для оправдания политики министерства в восточном вопросе. Когда в пятницу поздно вечером они получили известие, что царь, не дожидаясь прибытия из Англии распоряжения об отзыве сэра Гамильтона Сеймура, самым резким и бесцеремонным образом приказал ему уехать, они собрали два заседания кабинета: одно — в субботу, другое — в воскресенье после обеда. Итог их совещаний таков, что царю дается еще новая отсрочка от трех до четырех недель, под видом представления, в котором

«царя настоятельно просят в течение шести дней со дня получения настоящего сообщения дать торжественное заверение и обещание повелеть своим войскам очистить Дунайские княжества не позднее 30 апреля».

Обратите внимание, что за этим представлением *не* следует угроза *объявления войны* в случае отказа со стороны царя. Можно, конечно, сказать — и «Times» говорит это, — что, несмотря на эту новую отсрочку, продолжаются активные приготовления к войне. Но нужно заметить, что, с одной стороны, какие-либо активные действия Порты на Дунае невозможны из-за обещания западных держав принять непосредственной участие в войне, — а каждый день отсрочки в этой области

ухудшает положение турок, так как дает возможность русским усилить свои передовые позиции и превращает греческих повстанцев в тылу дунайской армии во все более реальную угрозу; с другой стороны, высадка войск в Эносе и Родосто может доставить затруднения султану, но, конечно, неспособна задержать русских.

Условились, что британская экспедиционная армия будет состоять приблизительно из 30000 человек, а французская — приблизительно из 80000. Если в ходе событий обнаружится, что Австрия, для вида присоединившись к западным державам, лишь хочет прикрыть свое соглашение с Россией, то Бонапарту придется очень пожалеть о таком в высшей степени неразумном раздроблении своих войск.

Другое восстание, которое тоже можно рассматривать как диверсию в пользу России, это — восстание в *Испании.* Всякое движение в Испании неизбежно вызывает трения между Францией и Англией. В 1823 г., как мы знаем из книги Шатобриана «Веронский конгресс»[87], Россия явилась вдохновительницей французской интервенции в Испанию. Что англофранцузское вмешательство 1834 г.[88], приведшее в конце концов к разрыву entente cordiale между обоими государствами, имело тот же источник, можно заключить из того, что инициатором его был Пальмерстон. «Испанские браки»[89] подготовили путь к свержению Орлеанской династии. В настоящий момент низложение «невинной» Изабеллы дало бы возможность предъявить свои права на испанский престол одному из сыновей Луи-Филиппа, герцогу Монпансье, и в то же время напомнило бы Бонапарту, что некогда один из его дядей* имел своей резиденцией Мадрид. Орлеаны получили бы поддержку Кобургов, но встретили бы сопротивление со стороны Бонапартов. Таким образом, испанское восстание, которое отнюдь не означает народную революцию, может оказаться могучим средством для разрушения столь шаткого здания, как англо-французский союз.

Сообщают о заключении союзного договора между Россией, Хивой, Бухарой и Кабулом.

Что касается Дост-Мухаммеда, кабульского эмира, то было бы только естественно, если бы он попытался теперь отомстить Англии, своему вероломному союзнику. Ведь в 1838 г. он предлагал Англии объявить России вечную *кровную вражду,* если это угодно английскому правительству, приказав убить агента, которого прислал к нему царь; и его гнев против Англии снова

* — Жозеф Бонапарт. *Ред.*

подогрет той ролью, которую он вынужден был играть в 1839 г. во время афганской экспедиции, когда он был свергнут с трона, а страна его была опустошена самым жестоким и бессовестным образом[90]. Но что касается населения Хивы, Бухары и Кабула, которое состоит из правоверных мусульман-суннитов, — в то время как персы придерживаются еретических догматов шиитов, — то вряд ли можно предположить, что они соединятся с Россией, союзницей персов, которых они ненавидят и презирают, против Англии, явной союзницы падишаха, которого они считают верховным главою всех правоверных.

Возможно, что Россия могла бы рассчитывать на союзников в лице Тибета и татарского* императора Китая, если бы последний был вынужден удалиться в Маньчжурию и отказаться от трона собственно Китая. Как вы знаете, китайские повстанцы, предприняли настоящий крестовый поход против буддизма, разрушают его храмы и убивают бонз[91]. Но религия татар — буддизм, а Тибет, признающий суверенитет Китая, является местопребыванием великого ламы и считается священным для верующих буддистов. Поэтому, если Тянь-вану удастся изгнать из Китая маньчжурскую династию, ему придется потом вести религиозную войну с буддистскими властями татар. А так как буддистское вероисповедание господствует по обе стороны Гималаев и Англия не может не поддерживать новую китайскую династию, то царь, несомненно, станет на сторону татарских племен, будет натравливать их на Англию и постарается разжечь религиозные восстания в самом Непале. Из последней восточной почты мы узнаем, что

> «предвидя потерю Пекина, китайский император повелел губернаторам различных провинций посылать императорские доходы в Гетоль, свой старый родовой удел и нынешнюю летнюю резиденцию в Маньчжурии, около 80 миль к северо-востоку от Великой стены».

Итак, в близком будущем можно ожидать великую религиозную войну между китайцами и татарами, которая перекинется и в Индию.

Написано К. Марксом 3 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4030, 18 марта 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* Здесь Маркс употребляет термин «татары», принятый в XIX в. в западноевропейской литературе для обозначения монголов, маньчжуров и других тюркских племен, населявших Восточную Азию. *Ред.*

К. МАРКС

* ОТКРЫТИЕ РАБОЧЕГО ПАРЛАМЕНТА. — ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТ АНГЛИИ

Лондон, вторник, 7 марта 1854 г.

Делегаты Рабочего парламента[92] собрались вчера в Народном доме, в Манчестере, в 10 часов утра. Первое заседание, естественно, было посвящено предварительным делам. Джеме Уильямс, из Стокпорта, и Джемс Блай, из Лондона, внесли предложение, поддержанное Эрнестом Джонсом, пригласить доктора Маркса принять участие в заседаниях Рабочего парламента в качестве почетного делегата; предложение было принято единогласно. Такие же решения были приняты по отношению к гг. Луи Блану и Надо. Каковы бы ни были непосредственные результаты Рабочего парламента, самый созыв его знаменует новую эпоху в истории рабочего класса. Предшественником его на этом пути можно было бы, пожалуй, считать собрание в Люксембургском дворце в Париже после февральской революции[93]. Но уже с первого взгляда обнаруживается то большое различие, что Люксембургская комиссия была создана по инициативе правительства, тогда как Рабочий парламент создан по инициативе самих рабочих; что Люксембургская комиссия была задумана для того, чтобы удалить социалистических членов временного правительства из центра действия и отстранить их от какого бы то ни было серьезного участия в настоящих делах страны; что, наконец, Люксембургская комиссия состояла только из делегатов — членов различных так называемых corps d'etats, корпораций, более или менее соответствующих средневековым цехам или современным тред-юнионам, в то время как Рабочий парламент, это — действительное представительство всех отрядов и категории рабочих в национальном масштабе. Успех Рабочего парла-

мента будет зависеть главным образом, если не исключительно, от того, будет ли он исходить из принципа, что в настоящее время речь идет не о так называемой организации труда, а о подлинной организации рабочего класса.

Привилегии современных правящих классов и рабство рабочего класса в равной мере основаны на *существующей* организации труда, которую первые будут, конечно, защищать и поддерживать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, одним из которых является современная государственная машина. Следовательно, чтобы изменить существующую организацию труда и заменить ее новой организацией, нужна сила — социальная и политическая сила, — сила не только для сопротивления, но и для нападения; а чтобы приобрести такую силу, нужно организоваться в армию, обладающую достаточной моральной и физической энергией, чтобы вступить в борьбу с вражескими полчищами. Если Рабочий парламент позволит растратить свое время на обсуждение чисто теоретических вопросов, вместо того чтобы подготовить путь для подлинной организации партии в национальном масштабе, его подобно Люксембургской комиссии постигнет неудача.

Состоялись новые выборы чартистского Исполнительного комитета согласно уставу Национальной чартистской ассоциации[94]. Объявлено, что Эрнест Джонс, Джемс Финлен (Лондон) и Джон Шоу (Лидс) надлежащим образом избраны в Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации сроком на шесть месяцев.

Так как попытка Бонапарта заключить на бирже заем провалилась из-за пассивного сопротивления парижских капиталистов, его министр финансов представил сенату бюджет, включающий следующую статью:

«Министру финансов предоставляется право выпустить для нужд казначейства и обслуживания операций Французского банка процентные долгосрочные казначейские обязательства, подлежащие оплате в определенные сроки. Казначейские обязательства не должны превышать в обращении сумму в 250000000 франков (10000000 фунтов стерлингов), но боны, передаваемые в фонд погашения долга, согласно закону от 10 июня 1833 г., не включаются в указанную сумму и не могут вноситься в качестве залога во Французский банк и другие учетные учреждения».

В дополнительной статье устанавливается, что «император сохраняет за собой право дополнительных эмиссий путем обычных декретов» с последующей санкцией сената.

В письме из Парижа мне сообщают, что это предложение привело в ужас всю буржуазию, так как, с одной стороны, казначейские обязательства не должны превышать сумму

в 250000000 франков, а с другой — могут превысить указанную сумму на любую величину, какую императору заблагорассудится предписать, и обязательства, таким образом выпускаемые, не будут даже приниматься в качестве залога во Французском банке или других учетных учреждениях. Вы знаете, что сумму в 60000000 франков, взятую из Caisses des depots et consignations*, банк уже выдал казначейскими обязательствами.

Даже призрак войны уже всячески используется героями декабря, чтобы опрокинуть последние жалкие препятствия, все еще ограждающие от них государственную казну. В то время как перспектива неизбежной дезорганизации государственного кредита, уже значительно расшатанного, пугает буржуазию, предложенное увеличение налога на соль и другие такие же в высшей степени непопулярные налоги вызовут возмущение народных масс. Таким образом, война, которая несомненно обеспечит Бонапарту некоторую популярность в иностранных государствах, может, тем не менее, ускорить его падение во Франции.

Мое предположение, что нынешние испанские затруднения смогут послужить поводом для серьезных недоразумений между Англией и Францией, находит подтверждение в следующем сообщении одной лондонской газеты:

«Французский император; через г-на Валевского, запросил лорда Кларендона, согласится ли британское правительство, в случае низложения королевы Изабеллы, помочь ему возвести на испанский престол карлистского претендента на корону. Лорд Кларендон, говорят, ответил, что, к счастью, королева Изабелла прочно сидит на троне и что в стране, столь преданной монархическим установлениям, революция представляется лишь отдаленной возможностью; но даже на тот случай, если революция разразится в Испании и королева будет низложена, британский кабинет должен отказаться связать себя какими бы то ни было обязательствами.

Предложение императора возвести на престол графа де Монтемолена подсказано весьма естественным желанием отстранить герцогиню Монпансье от наследования короны ее сестры; император считает неудобным иметь своим соседом, в качестве супруга королевы испанской, сына Луи-Филиппа».

На заседании палаты общин, в пятницу, лорд Джон Рассел объявил, что он вынужден временно взять назад свой билль о реформе, который, однако, будет рассматриваться 24 апреля, если за этот промежуток времени, вследствие принятия новых предложений, сделанных русскому императору, восточный вопрос будет урегулирован. Правда, после опубликования манифеста царя к его подданным и его письма Бона-

* — сберегательных касс. *Ред.*

парту[95] такое урегулирование стало менее вероятным, чем когда бы то ни было. Но, тем не менее, заявление правительства показывает, что билль о реформе был выдвинут лишь с единственной целью — отвлечь и успокоить общественное мнение на тот случай, если коалиционной дипломатии удастся достигнуть восстановления status quo ante bellum* России. Выдающаяся роль, которую в этих министерских интригах сыграл Пальмерстон, описана в «Morning Advertiser» — органе, являющемся одним из его наиболее горячих приверженцев, — следующим образом:

«Лорд Абердин — номинальный, а не действительный премьер-министр. Фактически первый министр короны — лорд Пальмерстон. Он — властелин дум кабинета. С тех пор как Пальмерстон вернулся к власти, его коллеги, находясь в постоянном страхе, что он вновь внезапно покинет их, естественно не решаются препятствовать осуществлению тех его взглядов, которым, как им известно, он придает особое значение. Он, соответственно, всегда добивается своего. Яркий пример влияния его светлости в совете ее величества дала прошедшая неделя. Новый билль о реформе был формально внесен на рассмотрение кабинета и стоял вопрос — обсуждать ли его на нынешней сессии парламента или снять. Лорд Абердин, лорд Джон Рассел, сэр Джемс Грехем и сэр Уильям Молсуорт были за то, чтобы поставить этот законопроект на обсуждение. Лорд Пальмерстон предложил взять проект обратно и во всеуслышание заявил, как мы писали несколько дней тому назад, что если он потерпит поражение в кабинете, то будет голосовать за снятие вопроса в палате общин. Результатом этого обсуждения, или беседы, было торжество Пальмерстона. Его оппоненты, в том числе и лидер правительственной партии в палате лордов и лидер этой партии в палате общин, потерпели поражение. Другим триумфом лорда Пальмерстона за последнюю неделю было назначение сэра Чарлза Нейпира командующим балтийским флотом. Не секрет, что и лорд Джон Рассел и сэр Джемс Грехем были против этого назначения, но лорд Пальмерстон был за него, и поэтому оно состоялось. Вполне естественно, что благородный лорд будет сегодня вечером председательствовать на банкете, который дается в честь доблестного адмирала в Реформ-клубе».

Вчера вечером г-н Гладстон внес в палату общин неведомую нынешнему поколению новинку — военный бюджет. Было очевидно из его речи, что правительство решило так рано представить свои финансовые мероприятия на рассмотрение палаты. для того чтобы, заблаговременно доложив о весьма неприятных последствиях войны для кошельков частных лиц, охладить военный пыл страны. Другой важной чертой его речи было то, что он запросил только ту сумму, которая потребовалась бы, чтобы *доставить обратно* 25000 человек, собирающихся покинуть британские берега, в случае если бы война вдруг была прекращена.

* — положения, существовавшего до войны. *Ред.*

Он начал с изложения фактического состояния доходов и расходов за последний финансовый год. Поскольку год еще не закончен, Гладстон подчеркнул, что, в отношении последнего месяца, о поступлениях можно судить только по смете. Весь доход за год, окончившийся 18 апреля 1853 г., исчислен по смете в 52900000 ф. ст., в то время как действительные поступления за год достигли такой суммы как 54025000 ф. ст.; таким образом, превышение действительных доходов над предполагаемыми составило сумму в 1035000 фунтов стерлингов. С другой стороны, достигнута была экономия в расходах против сметы на 1012000 фунтов стерлингов. Поэтому Гладстон вычислил, что если бы не особые обстоятельства, в которых находится в настоящее время страна, этот год дал бы превышение доходов над расходами около 2854000 фунтов стерлингов.

Затем Гладстон перешел к изложению результатов проводимого им *снижения пошлин.* Поступление таможенных сборов, невзирая на это снижение, достигло в 1853—1854 гг. 20600000 ф. ст., в то время как в 1852—1853 гг. эти сборы дали только 20396000 фунтов. Увеличение достигает, следовательно, 204000 фунтов. Снижение пошлин на чай принесло убыток только в 375000 фунтов. Замена гербовых пошлин, размер которых составлял от трех пенсов до десяти шиллингов, единообразной пошлиной в один пенни, вместо предполагавшихся убытков дала увеличение сборов на 36000 фунтов стерлингов.

Далее Гладстон коснулся результатов законов по *увеличению налогов,* принятых последней сессией. Взимание подоходного налога в Ирландии задержалось различными обстоятельствами, но даст предположительно на 20000 ф. ст. больше, чем было исчислено. Расширение круга облагаемых доходов (от 150 до 100 ф. ст.) даст, по-видимому, по Великобритании на 100000 ф. ст. больше, чем предполагалось по смете, а именно 250000 фунтов стерлингов. Доход от дополнительного налога в один шиллинг на галлон спирта в Шотландии дал излишек только в 209000 ф. ст., а по смете он исчислялся в 278000 фунтов стерлингов.

С другой стороны, налог на спирт в Ирландии дал превышение на 213000 ф. ст. против исчисленного превышения в 198000 фунтов. Операции по пошлинам на наследство должны бы дать в течение всего финансового года только полмиллиона фунтов. Таков отчет г-на Гладстона о состоянии финансов Великобритании за текущий год, заканчивающийся 5 апреля.

Предполагаемая доходная смета на 1854—1855 г. (в ф. ст.);

Таможенные пошлины	20 175 000
Акциз	14 595 000
Гербовый сбор	7 090 000
Налоги	3 015 000
Подоходный налог	6 275 000
Почтовые пошлины	1 200 000
Государственное имущество	259 000
Старые запасы	420 000
Прочие доходы	320 000
Всего доходов	53 349 000

Предполагаемая расходная смета (в ф. ст.):

Фундированный долг	27 000 000
Нефундированный долг	546 000
Консолидированный фонд	2 460 000
Армия	6 857 000
Флот	7 488 000
Артиллерия	3 846 000
Интендантство	645 000
Прочие расходы	4 775 000
Милиция	530 000
Разведывательная служба	792 000
Восточная служба	1 250 000
Всего расходов	56 189 000
Дефицит	2 840 000

Прежде чем обратиться к источникам покрытия дефицита, г-н Гладстон перечислил мероприятия, какие правительство не рекомендовало бы палате общин принимать. Он не хотел бы возвращаться к хотя бы частичному восстановлению пошлин, снижение которых, предложенное им в прошлом году, приобрело уже силу закона. Он не хотел бы обращаться к бесполезному восстановлению тех налогов, от которых прежние правительства уже отказались. Однако, если борьба, в которую сейчас вступила страна, затянется на год, тогда правительство едва ли будет в состоянии надолго сохранить это уменьшение налогов. Вообще у Гладстона нет намерения предложить повышение косвенных налогов. Не хотел бы он также прибегать к государственным займам, ибо нет такой страны, достояние которой было бы в такой мере обременено долгами, как достояние

Англии, Наконец, после всех этих предисловий Гладстон перешел к изложению предложений правительства. Речь идет об удвоении на шесть месяцев ставок подоходного налога и о полной отмене существующего разделения векселей на внутренние и иностранные. Средняя ставка пошлин на переводные векселя, хотя и неравномерно распределенная, до сих пор составляла 1 шиллинг 6 пенсов на 100 шиллингов. Гладстон предложил выравнить норму, сведя ее к 1 шиллингу. Это изменение, по его подсчетам, должно дать прирост доходов на 60000 фунтов стерлингов. Что касается ставок подоходного налога, то повышение должно составить от 7 до $10^1/_2$ пенсов на фунт для доходов от 150 ф. ст. и выше и от 5 до $7^1/_2$ пенсов— для доходов от 100 до 150 фунтов стерлингов. Одновременно Гладстон предложил, чтобы палата общин внесла предложение уполномочить его выпустить до поступления налога на 1750000 ф. ст. казначейских билетов, которые погашались бы за счет возросших поступлений подоходного налога. В заключение г-н Гладстон пытался — не совсем удачно — защитить свои последние мероприятия, направленные на уменьшение государственного долга, мероприятия, которые, как вы знаете, окончились жалким провалом.

В прениях, последовавших после этого доклада, приняли участие многие члены палаты, но единственной речью, заслуживающей быть отмеченной, была речь г-на Дизраэли. Он заявил, что не станет оказывать никакого противодействия предложениям, которые правительство сочтет необходимым внести за своей ответственностью в палату общин, чтобы обеспечить возможность ведения войны со всей энергией и — он надеется — с успехом. Но в случае, если война затянется, он протестует против того, чтобы прямые налоги превратились в единственный источник средств на ведение войны. Что касается второй части доклада Гладстона, той, которая касалась нынешнего финансового положения страны, а также и свободной денежной наличности, — то, по его мнению, ей свойственна неясность, неподобающая финансовому отчету и уж во всяком случае отчету, представляемому при нынешних обстоятельствах. Современное состояние баланса казначейства он считает недостаточным и неудовлетворительным. Когда теперешнее правительство пришло к власти, баланс казначейства на 3 Января 1853 г. достигал 9000000 ф. ст., а через год, в январе 1854 г., он сократился наполовину. Дизраэли вычислил, что баланс казначейства на 5 апреля снизится до 3000000 ф. ст., так как выплата дивидендов государственным кредиторам и расходы по проведению конверсии потребуют в общем от

9000000 до 10000000 фунтов стерлингов. Достопочтенный джентльмен заявил, что незачем проводить это по балансу казначейства, а нужно зачислить недостающую сумму за счет дефицита. Дизраэли утверждает, что было бы чрезвычайно важно, чтобы к настоящему времени баланс сошелся удовлетворительно, но вместо прежнего вопроса, будут ли сведены концы с концами или получится остаток по балансу, теперь встает вопрос, будет ли вообще сведен баланс или получится большой дефицит; в самом деле, вместо того чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, получился огромный дефицит, который создан канцлером казначейства двояким образом. Во-первых, тем, что он уменьшил проценты по казначейским билетам до $1^1/_2$%, в то время когда ценность денег возросла, и, во-вторых, своей злосчастной конверсией облигаций Компании Южных морей[96], т. е. мероприятием, которое не только поглотило его баланс, но и оставило ему дефицит в 2000000 фунтов стерлингов.

После нескольких незначительных замечаний, сделанных другими членами палаты, рассмотрение доклада о смете было закончено и решение принято.

Написано К. Марксом 7 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4035, 24 марта 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

The People's Paper
THE CHAMPION OF
POLITICAL JUSTICE AND UNIVERSAL RIGHT.
98| LONDON, SATURDAY, MARCH 18, 1854. |Price Fourpence

К. МАРКС

ПИСЬМО РАБОЧЕМУ ПАРЛАМЕНТУ

Лондон, 9 марта 1854 г.
Дин-стрит, 28, Сохо

Глубоко сожалею о том, что не могу, по крайней мере в данный момент, оставить Лондон и, таким образом, лишен возможности устно выразить чувство гордости и благодарности, которое я испытал, получив приглашение принять участие в Рабочем парламенте в качестве почетного делегата. Самый факт созыва такого парламента свидетельствует о наступлении новой эпохи в мировой истории. Весть об этом замечательном событии пробудит надежды рабочих повсюду в Европе и Америке.

Из всех стран Великобритания является той страной, где деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития. Ни в одной стране промежуточные слои между миллионером, распоряжающимся целыми промышленными армиями, и наемным рабом, перебивающимся со дня на день, не был',г так последовательно сметены с лица земли. Здесь уже нет, как в странах европейского континента, многочисленного класса крестьян и ремесленников, которые почти в равной мере зависят от своей собственности и от своего труда. В Великобритания произошло полное отделение собственности от труда. Поэтому ни в одной другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний.

Именно вследствие этого рабочий класс Великобритании оказался раньше всех других подготовленным и призванным к тому, чтобы стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. Таким является он в силу ясного сознания своего положения,

The Mass Movement.

THE LABOUR PARLIAMENT.

FRIDAY'S SITTING.

The house re-assembled at nine o'clock.

Mr. Clark Cropper in the chair.

The minu'es having been read and confirmed, it was ordered that instead of 300 copies, 1,500 copies of the balance sheet should be printed.

Mr. E. Jones then read the following letter from Dr. Marx, of London:—

"28, Dean Street, Soho, London.
"9th March, 1854,

"I regret deeply to be unable, for the moment at least, to leave London, and thus to be prevented from expressing verbally my feelings of pride and gratitude on receiving the invitation to sit as Honorary Delegate at the Labour Parliament. The mere assembling of such a Parliament marks a new epoch in the history of the world. The news of this great fact will arouse the hopes of the working classes throughout Europe and America.

"Great Britain, of all other countries, has seen developed on the greatest scale, the despotism of Capital and the slavery of Labour. In no other country have the intermediate stations between the millionaire commanding whole industrial armies and the wages-slave living only from hand to mouth so gradually been swept away from the soil. There exist here no longer, as in continental countries, large classes of peasants and artisans almost equally dependent on their own property and their own labour. A complete divorce of property from labour has been effected in Great Britain. In no other country, therefore, the war between the two classes that constitute modern society has assumed so colossal dimensions and features so distinct and palpable.

But it is precisely from these facts that the working classes of Great Britain, before all others, are competent and called for to act as leaders in the great movement that must finally result in the absolute emancipation of Labour. Such they are from the conscious clearness of their position, the vast superiority of their numbers, the disastrous struggles of their past, and the moral strength of their present.

It is the working millions of Great Britain who first have laid down the real basis of a new society—modern industry, which transformed the destructive agencies of nature into the productive power of man. The English working classes, with invincible energies, by the sweat of their brows and brains, have called into life the material means of ennobling labour itself, and of multiplying its fruits to such a degree as to make general abundance possible.

By creating the inexhaustible productive powers of modern industry they have fulfilled the first condition of the emancipation of labour. They have now to realise its other condition. They have to free those wealth-producing powers from the infamous shackles of monopoly, and subject them to the joint control of the producers, who, till now, allowed the very products of their hands to turn against them and be transformed into as many instruments of their own subjugation.

The labouring classes have conquered nature; they have now to conquer men. To succeed in this attempt they do not want strength, but the organisation of their common strength, organisation of the labouring classes on a national scale—such, I suppose, is the great and glorious end aimed at by the Labour Parliament.

If the Labour Parliament proves true to the idea that called it into life, some future historian will have to record that there existed in the year 1854 two Parliaments in England, a Parliament at London, and a Parliament at Manchester—a Parliament of the rich, and a Parliament of the poor—but that men sat only in the Parliament of the men and not in the Parliament of the masters.

Yours truly,
KARL MARX.

Mr. E. Jones announced that he expected Dr. Marx in Manchester—if not that week, early in the week following.

Часть страницы «People's Paper»
с письмом К. Маркса
Рабочему парламенту

огромного численного превосходства, опыта тяжелой борьбы в прошлом и моральной мощи в настоящем.

Миллионы рабочих Великобритании впервые заложили реальную основу нового общества — современную промышленность, которая превратила разрушительные силы природы в производительные силы человека. Английский рабочий класс с неутомимой энергией, в поте лица своего, в величайшем напряжении умственных способностей создал материальные предпосылки для того, чтобы облагородить самый труд и повысить его производительность до того уровня, который сделает возможным всеобщее изобилие.

Создав неисчерпаемые производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда. Теперь он должен осуществить его второе условие. Он должен освободить эти производящие богатство силы от постыдных оков монополии и подчинить их коллективному контролю производителей, которые до сих пор позволяли, чтобы самый продукт их труда обращался против них и превращался в орудие их собственного угнетения.

Рабочий класс завоевал природу; теперь он должен завоевать человека. Для успешного завершения этого дела у нею достаточно сил, но требуется организация всех этих сил, организация рабочего класса в национальном масштабе —такова, я полагаю, великая и славная цель, поставленная перед собой Рабочим парламентом.

Если Рабочий парламент останется верным той идее, которая вызвала его к жизни, будущий историк запишет, что в 1854 г. в Англии было два парламента — парламент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных, — но что настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев.

Преданный вам

Карл Маркс

Написано 9 марта 1854 г.

Напечатано в «The People's Papвr» № 98, 18 марта 1854 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

Лондон, пятница, 10 марта 1854 г.

Великобритания является той страной, где деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития. Ни в одной стране промежуточные слои между миллионером, распоряжающимся целыми промышленными армиями, и наемным рабом, перебивающимся со дня на день, не были так радикально сметены с лица земли. Здесь нет больше, как в странах европейского континента, многочисленного класса крестьян и ремесленников, которые почти в равной мере зависят от своей собственности и от своего труда. В Великобритании произошло полное отделение собственности от труда. Поэтому ни в одной стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний.

Именно вследствие этого рабочий класс Великобритании оказался раньше всех других подготовленным и призванным к тому, чтобы стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. Таким является он в силу ясного сознания своего положения, огромного численного превосходства, опыта тяжелой борьбы в прошлом и моральной мощи в настоящем.

Ежедневная лондонская печать проводит «политику замалчивавия» в отношении деятельности Рабочего парламента. Она надеется убить его обширным «conspiratlon de silence»*.

* — «заговором молчания». *Ред.*

Утомив публику печатанием в течение ряда месяцев бесконечных статей о том, возможен ли созыв такого Парламента, она теперь сознательно избегает всякого упоминания о том, что Рабочий парламент уже появился на свет и приступил к работе. Эта мудрость страуса, воображающего, что он избегает опасности, притворяясь, будто он ее не видит, непригодна в наше время. Печать вынуждена будет заговорить о Рабочем парламенте, и, вопреки ее деланному безразличию, будущий историк запишет, что в 1854 г. в Англии было два парламента — парламент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных, — но что настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев.

Вот доклад, представленный комитетом, назначенным для выработки программы действий Рабочего парламента:

«Комитет считает, что задачей Рабочего парламента является:

— содействие успешному окончанию, в пользу рабочих, стачек и локаутов, происходящих в данное время, и проведение мер, в результате которых их можно было бы избежать в будущем;

— обеспечение рабочим справедливого обращения во время работы;

— спасение женщин и детей от фабричной системы;

— изыскание средств для просвещения рабочих и прекращение удержаний из заработной платы и скрытого ее снижения.

Считая, далее, что задачей Парламента является борьба за обеспечение тем, кто работает, справедливого участия в прибылях, созданных их трудом, и, в первую очередь, создания условий, при которых они могли бы стать хозяевами своего собственного труда для своего *полного освобождения от наемного рабства,* комитет, убежденный в том, что решающим шагом в этом направлении является изыскание денежных средств, необходимых для действия, предлагает на ваше рассмотрение такие пункты:

1. организация сбора средств для создания национального рабочего фонда;

2. меры для обеспечения сохранности собранного таким образом фонда;

3. использование фонда и обеспечение прав рабочих;

4. организация Массового движения.

I. СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАБОЧЕГО ФОНДА

а) Еженедельное отчисление от заработной платы соответственно уровню заработной платы, как то:

до 4	шиллингов	в	неделю	— $^1/_2$	пенса
» 8	»	»	»	— $^3/_4$	»
» 12	»	»	»	— 1	»
» 15	»	»	»	— $1^1/_2$	»
» 20	»	»	»	— 2	»
» 30	»	»	»	— 3	»
» 40	»	»	»	— 4	»

б) Должностные лица различных рабочих организаций, примкнувших к Массовому движению, передают собранные средства в правление Движения.

II. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ ФОНДА

а) Раз в неделю должностные лица местных организаций направляют все собранные ими для Массового движения деньги в правление Движения, как будет подробно указано ниже. Назначенные для приема средств должностные лица должны немедленно вручать сборщикам квитанции на полученные деньги.

б) Члены правления должны помещать все полученные для Массового движения деньги в банк (оставляя на руках не свыше 50 ф. ст.) на коллективное имя членов правления; ни вся сумма или суммы, ни части их не могут быть сняты со счета в банке иначе, как с предъявлением протокольной книги указанного правления, содержащей соответствующее постановление, подписанное установленным большинством его членов.

в) Снимаемые таким образом с текущего счета суммы (если они превышают 5 ф. ст.) должны быть получены в банкнотах, номера которых вносятся в книгу, доступную для осмотра, и публикуются в газетах; полученные банкноты должны быть разрезаны на части и каждая часть доверена отдельному члену правления; в случае получения больших сумм они должны храниться равными частями у каждого члена.

г) Каждый член правления, получивший таким образом на хранение деньги, должен выдать денежное обязательство на соответствующую долю полученных из банка денег — предполагается, что деньги поделены на равные части соответственно числу членов правления; в случае его отказа предъявить — для расходования денег в соответствии с принятым решением — хранящиеся у него части банкнот, документ, имеющийся против него, сразу пускается в ход и будет аннулирован лишь после возвращения им соответствующих частей банкнот; выданные таким образом денежные обязательства помещаются в сейф или в несгораемый ящик, подлежащий сдаче на ответственное хранение незаинтересованному человеку (не члену правления), который может разрешить взять из него документы лишь в присутствии всего состава правления.

д) Деньги, полученные из банка для платежей или покупок, выплачиваются правлением только в присутствии всех его членов.

III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНДА

а) Собранные средства используются следующим образом: на помощь всем городам и местам, где происходят стачки, и на ликвидацию всех долгов, накопившихся за время предыдущих и нынешних стачек и локаутов. Поддержка оказывается городам в равном размере пропорционально числу имеющихся безработных. По тому же принципу, по которому на корабле, если продовольствие приходит к концу, каждый получает равную долю, и здесь помощь должна оказываться в равном размере, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы. Хотя помощь будет оказана всем участникам происходящих ныне стачек и локаутов, в будущем содействие будет оказываться только организациям, признающим и поддерживающим Массовое движение.

б) Должен быть создан отдел для урегулирования цен на труд. Для этого должны выпускаться ежемесячные отчеты о ценах на сырье, употребляе-

мое во всех отраслях производства, где рабочие примкнули к Массовому движению, о цене на труд, о продажной цене на готовую продукцию и о других издержках производства. На основании этих данных правление публикует сведения о прибылях предпринимателей и должно принимать в расчет все могущие поступить от последних сведения о каких-либо их особых или дополнительных издержках в связи с производством. На этой основе должны регулироваться цены на труд и соответственно устанавливаться тариф заработной платы. Аналогичный порядок следует применять и в области сельского хозяйства.

в) Имея бесспорное право на участие в прибылях предпринимателей, рабочие обладают и другим, еще более бесспорным правом, правом стать хозяевами своего собственного труда. Для этого, а также для более эффективного урегулирования заработной платы путем изъятия у предпринимателей той власти, которую дает им наличие избыточных рабочих рук, средства Массового движения должны, кроме того, быть направлены на приобретение земли. Земельные владения приобретаются на имя отдельных лиц, не являющихся членами правления, и разбиваются на фермы различной величины, в зависимости от качества почвы и того, предназначаются ли они для личной аренды или для крупного кооперативного предприятия. Указанные земли закрепляются за Массовым движением и не подлежат отчуждению. Земля будет предоставляться в аренду на короткие сроки и по справедливой и умеренной цене. В арендном договоре оговаривается специальным пунктом, что неисправный плательщик лишается немедленно права на аренду. По другой статье договора арендатор обязывается уплачивать арендную плату лицам, уполномочиваемым на это актом о передаче, о котором говорится ниже. Лица, на имя которых приобретается земля, должны подписать акт о передаче, устанавливающий, что арендатор выплачивает ренту не им, а лицам, входящим в данный момент в состав правления Массового движения. Лица, входящие в данный состав правления, подписывают обязательство уплатить каждый по 5000 ф. ст. штрафа двум назначенным лицам, не являющимся покупателями земельных участков, в случае, если, при оставлении должности, они не составят акт о передаче поступивших арендных сумм своим преемникам в правлении; последние должны быть связаны таким же обязательством.

г) Для лучшего обеспечения права рабочих стать хозяевами собственного труда и для освобождения рынка труда от избытка рабочих рук комитет рекомендует вам далее вкладывать средства в организацию кооперативных фабрик, мастерских и складов, которые стали бы собственностью Массового движения. Помимо заработной платы по ставкам, установленным тарифом, — о чем была речь выше, — работающие в этих предприятиях получают половину чистой прибыли от продажи продукции предприятий; вторая половина прибыли должна зачисляться в доход Массового движения. Избираемые рабочими управляющие каждого кооперативного предприятия подлежат утверждению правления. Управляющий каждого отдельного предприятия регулирует закупки и сбыт, представляет правлению ежемесячные отчеты о закупках, продажах, платежах, убытках или прибылях. В случае обоснованных жалоб на разногласия между рабочими и управляющим рабочие имеют право сместить управляющего и избрать нового, для чего требуется большинство не менее чем в три четверти общего числа голосов. Половину чистой прибыли каждого кооперативного предприятия управляющий обязан направлять в правление Массового движения. К имуществу, которое будет приобретаться Массовым движением для кооперативных предприятий, должны применяться те же меры обеспечения сохранности, что и к земельным владениям».

После продолжительного обсуждения доклад комитета до раздела II включительно был принят на заседании Рабочего парламента в среду. В комитет, назначенный для выработки этой программы действий Массового движения, входили Эрнест Джонс, Джемс Финлен, Джемс Уильямс, Абрахам Робинсон и Джемс Блай.

Написано К. Марксом 10 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4039, 29 марта 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ

Восстание среди греческих подданных султана, вызвавшее такую тревогу в Париже и Лондоне, сейчас подавлено, но полагают, что возможность его возобновления не исключена. По этому поводу мы можем заявить, что после тщательного ознакомления с документами, касающимися всего дела, мы пришли к следующему убеждению: повстанцы рекрутировались исключительно из числа горцев, населяющих южный склон Пинда; они не нашли сочувствия у других христианских подданных Турции за исключением фанатически верующей черногорской вольницы; жители равнин Фессалии — единственное значительное греческое поселение, еще находящееся под турецким господством, — боятся своих соотечественников больше, чем самих турок. Не следует забывать, что эта часть населения, из малодушия и трусости, не решилась восстать даже во время греческой войны за независимость[97]. Остальная часть греческого населения, насчитывающая каких-нибудь 300000 душ и рассеянная по различным городам Турецкой империи, пользуется таким нерасположением со стороны христиан других национальностей, что повсюду, где бывали успешные народные движения, как, например, в Сербии и Валахии, изгонялись все священники греческого происхождения а на их место назначались пастыри из коренного населения.

Но хотя данное восстание греков само по себе вообще незначительно, оно все же приобретает значение вследствие того. что дает западным державам повод вмешаться в отношения Порты и большинства ее европейских подданных, среди которых греки представлены лишь одним миллионом против

десяти миллионов представителей других национальностей, исповедующих православие. Греки, населяющие Греческое королевство, а также греки, живущие на Ионических островах под британским владычеством, разумеется, считают своим национальным долгом изгнать турок отовсюду, где звучит греческая речь, и присоединить Фессалию и Эпир к греческому государству. Пусть они мечтают даже о восстановлении Византии, — хотя в целом это слишком проницательный народ, чтобы верить в такую фантазию. Но все эти планы греков о расширении национального государства и о независимости, поддерживаемые в данный момент русскими интригами, как это доказывает недавно раскрытый заговор священника Афанасия, и провозглашаемые также горцами-разбойниками, не находя отклика у земледельческого населения равнины, — все эти планы не имеют никакого отношения к вопросу о религиозных правах турецких подданных, который пытаются сюда припутать.

Как мы узнали из английских газет и из сообщения, сделанного в палате лордов лордом Шефтсбери и в палате общин г-ном Монктоном Милнсом, английскому правительству предстоит, отчасти в связи с этим движением греческого населения, предпринять шаги для улучшения положения христианских подданных Порты. В этом сообщении ясно говорится, что великой целью, преследуемой западными державами, является уравнение в правах христианской и магометанской религий в Турции. Однако это либо ровно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам, безотносительно к тому, кто к какой религии принадлежит, и вообще независимо от всякой религии. Другими словами, это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнять в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей.

С другой стороны, главной чертой, отличающей православие от других разновидностей христианства, это — то же отождествление государства и церкви, гражданской и церковной жизни. В Византийской империи государство и церковь были

так тесно переплетены, что невозможно изложить историю первого, не излагая истории второй, В России наблюдается такое же отождествление, хотя, в противовес тому, что имело место в Византии, церковь превращена в простое орудие государства, в инструмент угнетения внутри страны и захватов вовне. В Оттоманской империи, в соответствии с восточными понятиями турок, византийской теократии была предоставлена возможность разрастись до такой степени, что священник в приходе является одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком, сборщиком налогов, вездесущим фактотумом в гражданской жизни, не служителем, а мастером на всо руки. Главный упрек, который здесь можно сделать туркам, заключается не в том, что они ограничили привилегии христианского духовенства, а, наоборот, в том, что под их владычеством эта всеобъемлющая деспотическая опека, этот контроль и вмешательство церкви смогли проникнуть во всо сферы общественной жизни. Г-н Фаллмерайер очень забавно описывает в своих «Восточных письмах», как он удивил православного священника, рассказав ему о том, что католическое духовенство не имеет никакой гражданской власти и не несет гражданских функций. «Чем же наши католические братья заполняют свое время?» — воскликнул тот.

Из всего сказанного ясно, что введение в Турции нового гражданского кодекса, кодекса, совершенно не связанного с религией и основанного на полном отделении государства от церкви, означало бы не только упразднение магометанства, но и уничтожение православной церкви в том виде, в каком она существует в Турецкой империи. Найдется ли кто, достаточно наивный, чтобы всерьез поверить, будто робким и слабосильным реакционерам, входящим в нынешнее британское правительство, могло прийти в голову взять на себя гигантскую задачу, предполагающую осуществление полного социального переворота в такой стране, как Турция? Это полная нелепость. У них может быть лишь одна цель — пустить пыль в глаза английскому народу и народам Европы.

Написано К. Марксом 10 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New- York Daily Tribune» № 4039, 29 марта 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ОТ КАЛАФАТА [98]

Русские отступили от Калафата и, как утверждают, полностью перестроили свой план кампании. Таков славный конец усилий и опасностей трехмесячного похода, за время которого были совершенно истощены последние ресурсы Валахии. Таков плод непонятного похода в Малую Валахию, который, по-видимому, был предпринят с полным игнорированием самых элементарных правил стратегии; для того чтобы взять Калафат, единственное предмостное укрепление, находившееся в руках турок на левом берегу Дуная, главную массу русской армии сконцентрировали на крайне правом фланге, оставив ослабленные центр и левый фланг совершенно незащищенными в случае какой-либо атаки противника и проявив такое отсутствие заботы о коммуникациях и путях отступления, равного которому не знает история ведения войн. То, что Омер-паша не воспользовался этим промахом, может быть объяснено лишь вмешательством английского посла в Константинополе. А как случилось, что русские в конце концов вынуждены были с позором отступить, не достигнув своей цели, это я намерен сейчас показать.

Мы называем это отступление позорным, потому что наступление, которое началось с шумихи, привело лишь к занятию угрожающей позиции и закончилось тихим и скромным отступлением, даже без попытки завязать серьезный бой, — потому что кампания, состоявшая из непрерывного ряда ошибок и нелепостей, не принесла ничего, кроме возможности для генерала убедиться, что он остался в дураках; все это в высшей степени позорно.

Но перейдем к сути дела.

К концу 1853 г. у русских были в Валахии, Молдавии и Бессарабии следующие войска:

1) 4-й армейский корпус (Данненберг): три дивизии пехоты, одна кавалерийская дивизия, четыре артиллерийские бригады; всего, за вычетом потерь, скажем, 45000 человек;

2) из 5-го корпуса (Лидерс): одна дивизия пехоты, одна кавалерийская, две артиллерийские бригады; всего, скажем, 15000 человек;

3) 3-й корпус (Остен-Сакен): три дивизии пехоты, одна кавалерийская дивизия, четыре артиллерийские бригады, всего — 55000 человек.

В общем—около 115000 человек, за вычетом нестроевых и одной дивизии из корпуса Лидерса в окрестностях Одессы, которая необходима для гарнизонной службы и которую поэтому не следует принимать в расчет.

До начала декабря единственными русскими войсками в Дунайских княжествах были войска под командой Данненберга и Лидерса. Приближение корпуса Остен-Сакена должно было послужить сигналом к большой концентрации для нападения на Калафат. На Буге и Пруте его место должен был занять 6-й корпус (Чеодаев), находившийся в пути из Москвы. После соединения с этим последним корпусом Дунайская армия состояла бы приблизительно из 170000 человек, но могла бы быть еще более усилена, если бы новобранцы из юго-западных губерний направлялись прямо на. театр военных действий.

Но русскому главнокомандующему казалось, что хватит 115—120 тысяч человек, чтобы защитить всю линию по Дунаю от Браилова до Никопола и еще выделить достаточные силы, которые должны были быть сконцентрированы на крайнем правом фланге, для нападения на Калафат.

Когда этот план к концу декабря начал приводиться в исполнение, Калафат вряд ли вмещал больше 10000—12000 защитников, при наличии еще 8000 в Видине, помощь которых, однако, была сомнительна, так как им предстояло бы перейти бурную реку в ненастное время года. Однако медлительность в передвижениях русских войск, нерешительность князя Горчакова, но, главным образом, смелость и энергия Исмаил-паши, командующего у Калафата, позволили туркам стянуть к угрожаемому месту до 40000 человек и превратить Калафат из простой предмостной позиции, которая не могла бы противостоять натиску противника, вдвое превышающего силы защитников, в укрепление, могущее укрыть по меньшей мере

30000 человек и противостоять любому нападению, кроме правильной осады. Справедливо было сказано, что величайшим триумфом строителя полевого укрепления является необходимость для врага выдвинуть против него свои траншеи. И если русские действительно не сделали этого, то только потому, что они даже с помощью этих крайних средств не видели возможности взять Калафат в срок, назначенный ими для этой операции. Отныне Калафат наряду с такими достижениями полевой фортификации, как лагерь Фридриха II в Бунцельвице, укрепления Торрес-Ведрас и окопы эрцгерцога Карла за Вероной, войдут в историю как классические примеры военного искусства[99].

Рассмотрим теперь средства, которыми располагали русские для нападения. Что они вполне серьезно хотели взять Калафат, доказывает парк осадной артиллерии, подвезенный ими до Крайовы. Отметим мимоходом, как одну из непостижимых с военной точки зрения вещей, которые могут быть объяснены только влиянием дипломатии, что Омер-паша допустил беспрепятственное передвижение взад и вперед этих пушек. Единственное, что нужно было теперь русским, это — достаточное количество войск, чтобы оттеснить турок, защитить траншеи и батареи и штурмовать бреши, лишь только они будут пробиты. И тут снова Исмаил-паша действовал, как энергичный и искусный полководец. Его вылазка 6 января у Четате, его стремительное наступление, окончившееся поражением превосходящих сил русских, повторные наступления такого же рода, предпринимавшиеся им все время, пока еще продолжалась концентрация русских и пока превосходящие силы не блокировали его совершенно на маленьком дунайском полуострове, — словом, его система обороны концентрированными наступательными ударами на отдельные пункты русского фронта, с тем чтобы, поскольку это было в его силах, уничтожать своего врага по частям, в точности соответствовала тому, что должен был делать полководец в его положении, и составляет отрадный контраст с пассивной обороной Омер-паши у Олтеницы или с его же ленивой бездеятельностью за все время стояния на нижнем Дунае. Ибо, если Омер-паша и производил кое-где небольшие наступления, по-видимому, никогда не обрывавшиеся своевременно, а продолжавшиеся со слепым упорством по нескольку дней в одном и том же пункте даже тогда, когда от них нельзя было ожидать никакого результата, — то эти незначительные наступления не идут в счет, когда требуется перебросить через Дунай 40000—60000 человек.

Наконец, к исходу января русские завершили свою концентрацию вокруг Калафата. В открытом поле они обладали явным превосходством и, следовательно, должны были иметь там 30000—40000 человек. Вычтем из 115000 эти 30000— 40000 человек и еще, скажем, 20000 или 30000, необходимых для защиты линии от Браилова до моря, мы получаем в остатке для всей Великой Валахии, с включением гарнизонов, приблизительно от 50000 до 65000 человек — армию, далеко не достаточную для защиты такой длинной линии фронта и коммуникаций, *проходящих параллельно линии фронта,* на близком расстоянии за ней. Сильный натиск на каком-либо пункте даже с армией, меньшей, чем эти 65000 человек, мог бы закончиться лишь полным поражением всех этих рассеянных русских войск и захватом всех русских складов с боевыми припасами. Омер-паше придется рано или поздно дать объяснения, по каким причинам он упустил такой случай.

Итак, несмотря на все свои усилия, русские едва смогли сосредоточить перед Калафатом достаточно войск для оттеснения турецких аванпостов, но недостаточно для нападения на самую крепость. Им понадобилось почти пять недель, чтобы добиться этого минутного и обманчивого успеха. Генерал инженерных войск Шильдер был командирован с прямым приказом взять Калафат. Он пришел, увидел и решил ничего не делать, пока прибытие Чеодаева не позволит подтянуть свежие войска с центра и левого крыла.

Пять недель стояли русские в этом опасном положении с неприкрытыми флангами и тылом, как будто нарочно провоцируя нападение, сопротивляться которому они не смогли бы ни минуты. И пять недель стоял Омер-паша, угрожая их флангам и тылу, в позиции, из которой он без очков и подзорных труб мог видеть их слабость, — и ничего не делал. Поистине, эта система современного ведения войны под покровительством союзных держав выше всякого понимания!

Внезапно до Лондона доходит весть, что русские предприняли полное отступление от Калафата. О! — восклицает «Times», — это успех наших союзников, австрийцев, которые сосредоточили армию в Трансильвании, в тылу русских. Это, следовательно, успех славного союза с Австрией, который, в свою очередь, является успехом славной политики лорда Абердина. Да здравствует Абердин! Но на следующий день появляется подлинный австрийский манифест о том, что никакого союза с Австрией не существует и что австрийцы до сих пор не сказали, да, кажется, поныне и сами не знают, зачем послали они эту

армию туда, где она находится. И, следовательно, царит полная неизвестность о причине русского отступления.

Нам теперь говорят, что русские попытаются переправиться через Дунай на противоположный берег в районе между Браиловым и Галацем и двинутся прямо на Адрианополь, как это было в 1828—1829 годах. Если не установлено полного взаимопонимания между русскими, с одной стороны, и англо-французской эскадрой — с другой, то такой поход стратегически невозможен. Нам известна другая причина, объясняющая отступление русских. Говорят, будто поход Чеодаева прервали для того, чтобы образовать лагерь в 30000 или 40000 человек севернее Одессы. Если это правда, то он не сможет ни сменить никаких частей на Пруте и Серете, ни дать подкрепление Горчакову у Калафата. Следовательно, князь Горчаков вынужден отступить в таком же образцовом порядке, в каком он пришел. Так кончается великая трагикомедия русского похода на Калафат*.

Написано Ф. Энгельсом 13 марта 1854 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 98, 18 марта 1854 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4040, 30 марта 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

* В «New-York Dally Tribune» заключительный абзац статьи дан в следующем виде: «И, таким образом, наши британские собратья пребывают в полнейшем неведении о причине русского отступления. Но какова же эта причина? Просто следующая: французские и британские войска отбывают в Константинополь. Нет ничего легче и проще, как послать их оттуда в Одессу или Бессарабию и прервать пути сообщения русских.

Но как бы безобидны ни были действительные намерения коалиции, давление извне может заставить ее действовать серьезно. Горчаков, очевидно, не верит в чисто дипломатическую миссию западных армий. Будь он даже вполне уверен в Англии, по отношению к Франции у него этой уверенности быть не может. Будь он даже уверен во всех кабинетах, у него не может быть уверенности в генералах. Он мог предпринимать рискованные фланговые марши, пока на месте были только турки; но раз могут подойти и угрожать его флангам французские и британские войска, он уже относится к делу серьезнее. Следовательно, поход Чеодаева прерывают, поручив ему образовать выше Одессы лагерь в 30000 пли 40000 человек. Следовательно, он не может двинуть войска на Прут или Серет. Следовательно, нельзя ожидать никаких войск для подкрепления Горчакова у Калафата. Следовательно, штурм этого места становится невозможным. Следовательно, князю Горчакову приходится отступить в таком же образцовом порядке, в котором он пришел. Так кончается великая трагикомедия русского похода на Калафат». *Ред.*

К. МАРКС

ДОКУМЕНТЫ О РАЗДЕЛЕ ТУРЦИИ

Лондон, вторник, 21 марта 1854 г.

Важнейшим событием является вынужденное опубликование министрами секретной переписки[100], которую они вели с русским императором в течение первых трех месяцев своего пребывания у власти, а также меморандума о свидании между царем и лордом Абердином в 1844 г., опубликованного последним в ответ на вызов, брошенный ему «Journal de St.-Petersbourg»[101].

Я начну с анализа «меморандума» графа Нессельроде английскому правительству, основанного на сообщениях российского императора после его посещения Англии в июне 1844 года. Существующее положение Оттоманской империи, сказано там, «наиболее соответствует общей заинтересованности в сохранении мира»; Англия и Россия пришли к соглашению на такой основе и потому соединяют свои усилия для поддержания этого status quo*. «Самое существенное для этой цели — оставить Порту в покое, не тревожа ее без надобности дипломатическими спорами, и без крайней необходимости не вмешиваться в ее внутренние дела». Но как с успехом проводить эту «систему невмешательства»? Во-первых, Великобритания не должна препятствовать толкованию, которое Россия сочтет нужным давать своим договорам с Турцией, а должна, наоборот, побуждать последнюю действовать в соответствии с толкованием, которое Россия дает этим договорам; во-вторых, России надо предоставить возможность «постоянно» вмешиваться в отношения между султаном и его христианскими подданными. Одним словом, «система невмешательства» по отношению к Порте означает систему соучастия

* — существующего положения. *Ред.*

по отношению к России. Это странное предложение, однако, выражено далеко не так откровенно.

Меморандум якобы говорит о «всех великих державах», но ясно дает при этом понять, что, кроме России и Англии. никаких других великих держав не существует. Франция, говорится в меморандуме, «окажется перед *необходимостью* поступать в соответствии с образом действий, согласованным между С.-Петербургом и Лондоном». Австрия изображается в виде простого придатка России, не имеющего ни самостоятельного существования, ни определенной политики, кроме той, которая «тесно связана принципом *полной солидарности» с* политикой России. Пруссия признается ничтожной величиной, не заслуживающей упоминания, и, как таковая, вовсе не упоминается. «Все великие державы», следовательно, не что иное, как риторическая фигура, под которой понимают кабинеты С.-Петербурга и Лондона, а образ действий, на котором должны объединиться все великие державы, есть не что иное, как образ действий, который предписывает С.-Петербург и которому должен следовать Лондон. Меморандум говорит:

«Порта постоянно обнаруживает стремление избавиться от обязательств, которые возлагают на нее договоры, заключенные ею с другими державами. Она надеется сделать это безнаказанно, потому что рассчитывает на взаимное соперничество кабинетов. Она полагает, что, при невыполнении ею своих обязательств по отношению к одному из них, другие станут на ее сторону и освободят ее от всякой ответственности.

Важно — не поддерживать Порту в этом заблуждении. Всякий раз, когда она не будет выполнять своих обязательств по отношению к одной из великих держав, общий интерес всех остальных требует — заставить ее почувствовать свою ошибку и серьезно побудить ее дать удовлетворение кабинету, предъявляющему справедливые требования. *Как только Порта увидит, что другие кабинеты ев не поддерживают, она уступит, и возникшие споры будут разрешаться путем соглашения, не вызывая никаких конфликтое».*

Такова формула, с которой обращаются к Англии, чтобы она помогла России вырвать у Турции новые уступки на основании старых договоров.

«При теперешнем настроении умов в Европе кабинеты не могут равнодушно видеть, как христианское население в Турции подвергается вопиющему угнетению и религиозным преследованиям. Надо постоянно давать чувствовать оттоманским министрам эту истину и убеждать их в том, что они могут рассчитывать на дружбу и поддержку великих держав лишь при условии терпимого и мягкого отношения к христианским подданным Порты.

Руководимые этими принципами, иностранные представители должны действовать в духе полной взаимной солидарности. Делая Порте представления, они должны придавать этим представлениям характер действительного единодушия, все же не облекая их в форму предписания».

Таким образом, Англии мягко внушается, чтобы она поддерживала притязания России на *религиозный протекторат* над христианами в Турции.

Изложив, таким образом, предпосылки своей «политики невмешательства», Россия не может скрыть от своего наперсника, что именно это невмешательство может оказаться опасней всякой агрессивной политики и в ужасающей степени содействовать росту «элементов разложения», которые уже имеются в Оттоманской империи, так что в одно прекрасное утро *«непредвиденные обстоятельства* могут ускорить ее *крушение,* помешать которому будет не во власти дружественных кабинетов». Затем ставится вопрос, что же следовало бы делать в том случае, если бы такие непредвиденные обстоятельства вызвали окончательную катастрофу в Турции?

Единственное, что необходимо, в случае неминуемой угрозы крушения Турции, читаем мы, это —чтобы *Англия и Россия «предварительно договорились, раньше чем приступить к действиям».* На этом, уверяет меморандум, «в принципе согласились во время последнего пребывания императора в Лондоне» (в долгих совещаниях самодержца с герцогом Веллингтоном, сэром Робертом Пилем и графом Абердином). Результатом было *«условное обязательство России и Англии предварительно договориться между собой относительно совместных действий,* если произойдет *что-либо неожиданное* в Турции».

Что же означает это *условное обязательство?* Во-первых, что Россия и Англия должны предварительно установить взаимопонимание по вопросу о *разделе Турции;* во-вторых, что Англия должна обязаться в этом случае заключить священный союз с Россией и Австрией, изображаемой как alter ego* России, против Франции, которая будет *«вынуждена»,* т. е. принуждена, действовать в соответствии с их целями. Естественным результатом такого взаимопонимания было бы вовлечение Англии в кровопролитную войну с Францией, что совершенно развязало бы России руки для проведения своей

собственной политики в Турции.

С большой настойчивостью снова и снова подчеркиваются «непредвиденные обстоятельства», могущие ускорить крушение Турции. В конце меморандума, однако, эта таинственная фраза исчезает и заменяется более отчетливой формулировкой: «Если мы увидим, что Оттоманская империя должна развалиться», Англия и Россия должны будут вступить в предварительное соглашение и т. д. ... Итак, единственным непредвиденным

* — второе «я». *Ред.*

обстоятельством оказывается непредвиденное заявление России, что Оттоманская империя должна теперь развалиться. Главный результат условного обязательства заключается в предоставлении России права в любой момент увидеть предстоящее крушение Турции и заставить Англию вступить в переговоры на базе взаимопонимания по поводу неминуемости этой катастрофы.

В соответствии с этим, лет десять спустя после составления меморандума, Англия в надлежащей форме ставится в известность, что жизнеспособность Оттоманской империи исчерпана и что теперь настало время вступить в предварительно подготовленное соглашение об исключении Франции, то есть об организации заговоров за спиной Франции и Турции. Этим предложением открывается серия тайных и конфиденциальных документов, которыми обменялись С.-Петербург и коалиционный кабинет.

Сэр Дж. Г. Сеймур, британский посол в С.-Петербурге, посылает свое первое секретное и конфиденциальное донесение лорду Дж. Расселу, тогдашнему министру иностранных дел, 11 января 1853 года. Вечером 9 января он имел «честь» видеть императора во дворце великой княгини Елены, которая соблаговолила пригласить леди и лорда Сеймур для встречи с императорской семьей. Император всемилостивейше подошел к нему и выразил большое удовлетворение по поводу известия об образовании коалиционного кабинета, которому он желает долголетия; он попросил посла передать поздравления старому Абердину и внушить лорду Джону Расселу, что

«в высшей степени важно, чтобы оба правительства,—английское правительство и я, я и английское правительство, — поддерживали бы наилучшие отношения, и что надобность в этом никогда еще не была так велика, как в данный момент».

Надо иметь в виду, что слова эти были сказаны в январе 1853 г., как раз в то время, когда Австрия, у которой, согласно меморандуму, «имеется с Россией полное принципиальное согласие в турецких делах», совершенно открыто мутила воду в Черногории.

«Как только *мы* придем к соглашению, сказал царь, то неважно, что будут думать и делать другие. Турция», — продолжал он в лицемерно-участливом тоне, — «находится в очень критическом положении и может наделать всем нам очень много хлопот».

Сказав это, царь милостиво протянул сэру Г. Сеймуру руку, как бы прощаясь с ним. Но сэр Гамильтон, «которому тотчас же пришла в голову мысль, что разговор не доведен до конца»,

взял на себя «большую смелость» смиренно просить самодержца «несколько подробнее высказаться по турецкому вопросу».

«Слова и обращение императора, хотя все еще весьма милостивые», — замечает сэр Гамильтон, — «показывали, что его величество не имеет намерения говорить со мной о *демонстрации, которую он собирается произвести на юге».*

Надо заметить, что уже в своем донесении от 7 января 1853 г. сэр Гамильтон уведомил британское правительство о том, что

«5-й corps d'armee* получил приказ продвинуться к границе Дунайских провинций, а 4-му корпусу будет приказано находиться в состоянии готовности к походу в случае необходимости».

В донесении от 8 января 1853 г. он сообщил, что Нессельроде высказал ему свое мнение о «необходимости подкрепить дипломатию России демонстрацией сил». Сэр Гамильтон продолжает и своем донесении:

«Император говорил сначала сдержанно, но затем высказал совершенно откровенно и без стеснения следующее: «Турецкие дела находятся в состоянии весьма значительного расстройства. Сама страна, по-видимому, накануне гибели (menace mine). Ее крушение будет большим несчастьем, и очень важно, чтобы Англия и Россия пришли к полному соглашению по этому вопросу и чтобы ни одна из этих двух держав не предпринимала решительного шага без ведома другой.

Видите ли, воскликнул император, на наших руках больной человек, очень больной человек! Откровенно говорю вам, было бы большим несчастьем, если бы в один из ближайших дней он скончался, в особенности, если это случится раньше, чем будут сделаны все нужные приготовления. Но теперь не время говорить с вами об этом деле»».

Медведь считает пациента столь слабым, что *должен* съесть его. Сэр Гамильтон, несколько испуганный этим «непредвиденным» диагнозом московита-врача, отвечает с истинной учтивостью:

«Ваше величество столь милостивы, что позволите мне сделать еще одно замечание. Ваше величество говорит, что человек болен, — вполне справедливо; но ваше величество простит меня, если я осмелюсь заметить, что дело великодушного и сильного человека — щадить больного и слабого».

Британский посол утешает себя мыслью, что его согласие с царем во взглядах на Турцию и на болезни и его призыв к снисходительности по отношению к больному человеку, «по крайней мере, не оскорбили императора». Так заканчивает сэр Г. Сеймур донесение о своем первом конфиденциальном разговоре с царем; но, хотя он и показал себя в этом vis-a-vis**

* — армейский корпус. *Ред.*
** — свидании. *Ред.*

законченным придворным, у него хватает здравого смысла, чтобы предостеречь свой кабинет и сказать ему следующее:

«Любое предложение подобного рода только стремится поставить дилемму. Дилемма, кажется мне, заключается в следующем: если правительство ее величества не придет к соглашению с Россией насчет того, что будет в случае внезапного крушения Турции, то у него будет тем меньше оснований жаловаться, если последствия будут неприятны для Англии. Если же, наоборот, правительство ее величества вступит в обсуждение этих возможностей, то оно станет в некотором роде фактором, содействующим катастрофе, в отсрочке которой на возможно более длительное время оно столь заинтересовано».

Сэр Гамильтон заключает свое донесение следующей смахивающей на эпиграмму сентенцией:

«Вывод из всего сказанного, по-видимому, таков: для Англии желательно тесное соглашение с *Россией* с целью помешать крушению Турции; для России же было бы приятнее, если бы это соглашение привело к событиям, которые повлекут за собой это крушение».

14 января, как сообщает сэр Дж. Г. Сеймур в своем донесении к лорду Дж. Расселу от 22 января 1853 г., у него снова был конфиденциальный разговор с царем, которого «он застал одного». Самодержец соизволил прочесть английскому послу лекцию о восточном вопросе. Мечты и планы императрицы Екатерины II хорошо известны, но он их не разделяет. По его мнению, наоборот, для России существует, быть может, лишь одна опасность: дальнейшее расширение ее и без того слишком обширных владений. (Ваши читатели вспомнят, что я ссылался уже на это, приводя выдержку из депеш графа Поццо-ди-Борго.) Status quo в Турции лучше всего отвечает русским интересам. С одной стороны, турки утратили дух военной предприимчивости; с другой стороны, «эта страна еще достаточно сильна или *была до сих пор* достаточно сильна, чтобы сохранить свою независимость и обеспечить себе уважение других стран». Но в этой империи находится несколько миллионов христиан, о которых он должен заботиться, как ни трудна и ни «неудобна» иногда эта задача. К этому обязывают его одновременно его право, его долг и его религия. Затем царь вдруг перешел к своей притче о больном человеке, очень больном человеке, которому ни в коем случае нельзя позволить «внезапно скончаться у них на руках» (de leur échapper*). «Хаос, смятение и неизбежность европейской войны будут сопутствовать катастрофе, если она наступит неожиданно и *до того как будет составлен какой-либо план на дальнейшее».*

* — ускользнуть от них. *Ред.*

За этим новым намеком на неминуемую смерть Оттоманской империи последовала новая апелляция к Англии — соответственно «условному обязательству» — учесть наследство совместно с Россией. Царь, однако, воздерживается от того, чтобы раскрывать свои собственные «планы» на дальнейшее, и довольствуется тем, что в парламентских выражениях отмечает главный пункт, который следует иметь в виду в случае раздела.

«Я хочу говорить с вами, как с другом и *джентльменом.* Если Англии и мне удастся достичь соглашения в этом вопросе, то остальные для меня мало значат. Мне безразлично, что будут делать или думать другие. Поэтому я хочу сказать вам с полной откровенностью, что, если Англия рассчитывает в ближайшее время утвердиться в Константинополе, то я этого не допущу. Я не приписываю вам таких намерений, но в подобных случаях лучше говорить напрямик. Со своей стороны, я также готов обязаться не утверждаться там, — разумеется, в качестве постоянного владельца, — что же касается роли временного хранителя, то от этого я не зарекаюсь. Если же не будут заранее приняты меры, если все будет предоставлено случаю, то обстоятельства, возможно, заставят меня занять Константинополь».

Итак, Англии запрещается утверждаться в Константинополе. А царь это сделает, если не в качестве постоянного владельца, то, но крайней мере, в качестве временного хранителя. Британский посол поблагодарил его величество за откровенность этого объяснения. Николай сослался затем на свой прежний разговор с герцогом Веллингтоном, изложение, или, так сказать, резюме которого дано в меморандуме 1844 года. Переходя к злободневному вопросу, то есть к притязаниям царя на святые места, британский посол высказал такие опасения:

«В случае появления русских войск можно ожидать двоякого рода последствий: либо контрдемонстрацию, на которую могла бы быть вызвана Франция, либо — и это более серьезно — восстание христианского населения против власти султана, и без того уже ослабленной беспорядками и тяжелым финансовым кризисом. Император заверил меня, что до сих пор не происходило никакого движения его войск (n'ont pas bougé); и выразил надежду, что никакое продвижение их и не понадобится. *О французской экспедиции ео владения султана* его величество намекнул, что такой шаг привел бы к немедленному кризису; чувство чести заставило бы его без промедления и колебания двинуть свои войска в Турцию; если бы такой образ действий повлек за собою крушение турецкого султана (le Grand Turc), он сожалел бы о таком результате, но все же считал бы, что действовал так, как вынужден был действовать».

Итак, царь теперь наметил тему, которую Англии предстоит разработать: она должна выработать «план на дальнейшее» для устранения Оттоманской империи «и вступить в предварительное соглашение насчет нового порядка вещей, который должен сменить ныне существующий». Он подбодряет своего ученика, показывая ему награду, которую можно получить за

успешное разрешение этой проблемы, и напутствует его отеческим советом:

«Было бы великим триумфом для цивилизации XIX века, если бы оказалось возможным заполнить пустоту, которая создается исчезновением магометанского господства в Европе, без нарушения всеобщего мира, — а именно путем принятия предохранительных мер двумя главными правительствами, наиболее заинтересованными в судьбах Турции».

После такого призыва к Англии выступает на сцену лорд Рассел и посылает свой ответ в секретной и конфиденциальной депеше от 9 февраля 1853 года. Если бы лорд Джон вполне понял коварный план царя — поставить Англию в ложное положение уже в силу того, что она вступила с ним в тайные переговоры о будущем разделе союзного государства, — он поступил бы точно так же, как царь, и ограничился устным ответом барону Бруннову, вместо того чтобы посылать в С.-Петербург официальный правительственный документ. Раньше, чем секретные документы были представлены палате, газета «Times» назвала депешу лорда Джона весьма сильной и «возмущенной отповедью» на предложения царя. В своем вчерашнем номере «Times» берет обратно свои похвалы лорду Расселу и заявляет, что «документ не заслуживает похвалы, которая была ему воздана вследствие неточной информации». Лорд Джон навлек на себя гнев газеты «Times» своим заявлением, сделанным в пятницу на заседании палаты общин, что он не имеет привычки делать сообщения *этой* газете и что статью, намекающую на его ответ сэру Дж. Г. Сеймуру, он прочел лишь три дня спустя после ее появления.

Кто знает униженный и заискивающий тон, в котором все английские министры, не исключая даже Каннинга, говорили с Россией после 1814 г., тот должен будет признать, что депешу лорда Джона можно отнести к героическим деяниям этого маленького гнома.

Так как этот документ является выдающимся вкладом в историю и может иллюстрировать ход переговоров, то ваши читатели не посетуют, если я приведу его in extenso*.

ЛОРД ДЖОН РАССЕЛ СЭРУ ДЖ. Г. СЕЙМУРУ

(Секретно и конфиденциально)

Министерство иностранных дел, 9 февраля 1853 г.

Милостивый государь!

Я получил и представил королеве Ваше секретное и конфиденциальное донесение от 22 января. Ее величество с удовольствием отмечает в этом, как и в предыдущих случаях, умеренность, откровенность и дружественное

* — полностью. *Ред.*

расположение его императорского величества. Ее величество повелела мне ответить в том же духе умеренного, искреннего и дружественного обсуждения вопроса. Вопрос, поднятый его императорским величеством, очень серьезен. Считаясь с вероятным или даже близким развалом Турецкой империи, ставится вопрос: не лучше ли заранее принять меры на такой случай, чем допустить хаос, смятение и неизбежность европейской войны, которые были бы спутниками катастрофы, если бы она наступила неожиданно и раньше, чем будет выработан план на дальнейшее. «Вот пункт, сказал его императорское величество, на который я желал бы, чтобы вы обратили внимание вашего правительства». При рассмотрении этого важного вопроса правительство ее величества остановилось прежде всего на следующих соображениях: не произошло никакого действительного кризиса, который вызывал бы необходимость разрешения этой обширной европейской проблемы. Возникли споры о святых местах; но споры эти лежат вне сферы внутреннего управления Турции и касаются более России и Франции, чем Высокой Порты. Некоторые неурядицы в отношениях между Австрией и Портой вызваны нападением турок на Черногорию; но и это касается более опасностей, угрожающих границам Австрии, чем власти и безопасности султана; итак, нет достаточных оснований объявлять султану, что он не в состоянии сохранить порядок внутри страны или поддерживать дружественные отношения со своими соседями. Далее, правительство ее величества должно заметить, что нельзя определенно указать, когда произойдет имеющееся в виду событие. Когда Вильгельм III и Людовик XIV определили договором порядок наследования после Карла II Испанского, они принимали меры на случай события, которое не могло быть отдаленным. Болезненное состояние испанского государя и неизбежный конец всякой человеческой жизни делали наступление предусмотренного события несомненным и близким. Смерть испанского короля ни в каком отношении не была ускорена договором о разделе. То же самое можно сказать о заключенном в прошлом столетии соглашении, предусматривавшем решение судьбы Тосканы в случае смерти последнего государя из дома Медичи. Но возможность развала Оттоманской империи совершенно иного рода. Развал может произойти через двадцать, пятьдесят или сто лет. *При таких обстоятельствах вряд ли было бы совместимо с одушевляющими императора России не менее, чем королеву Великобритании,, дружественными чувствами по отношению к султану заранее распределять территории, находящиеся под его господством.* Кроме этого соображения, следует заметить, что заключенное в подобном случае соглашение совершенно несомненно ведет к ускорению того стечения обстоятельств, на которое оно рассчитано. Было бы несправедливо держать Австрию и Францию в неизвестности об этом соглашении, да такое сокрытие его было бы несовместимо с задачей — предотвратить европейскую войну. В самом деле, такое сокрытие не может входить в намерения его императорского величества. Следует полагать, что лишь только Великобритания и Россия договорились бы о надлежащем образе действий и захотели бы дать ему силу, они сообщили бы о своих намерениях европейским великим державам. Заключенное и сообщенное таким образом соглашение недолго оставалось бы тайным; известие о его существовании, обеспокоив и неприятно настроив султана, подстрекнуло бы всех его врагов к умножению насильственных действий и более упорной борьбе. Они сражались бы в убеждении, что в конце концов они должны восторжествовать, в то время как генералы и войска султана чувствовали бы, что никакие временные успехи не могут спасти их дело от конечной гибели. Так именно была бы вызвана и усилена та анархия, которой теперь опасаются, и предусмотрительность друзей пациента оказалась бы

причиной его смерти. Правительству ее величества вряд ли нужно дольше распространяться об опасностях, которыми сопровождалось бы приведение в исполнение любого соглашения такого рода. Пример «войны за наследство» достаточно показывает, как мало уважаются такие соглашения, когда сильные соблазны подстрекают к их нарушению. Положение российского императора в качестве временного хранителя, а не постоянного владельца Константинополя было бы чревато всевозможными опасностями как вследствие издавна лелеемых притязаний его собственного народа, так и вследствие соперничества европейских стран. Окончательный владелец, кто бы он ни был, вряд ли довольствовался бы бездеятельным, вялым поведением наследников Мехмеда II. Большое влияние обладателя Константинополя, держащего в своей власти ворота Средиземного и Черного морей, на европейские дела заложено в природе вещей. Это влияние могло бы быть употреблено в интересах России, но могло бы быть употреблено и для контролирования и ограничения ее могущества. Его императорское величество справедливо и мудро сказал: «Моя страна так велика и находится во всех отношениях в таком счастливом положении, что с моей стороны было бы неразумно желать большей территории или большего могущества, чем я имею. Наоборот, — заметил он далее, — великая и, быть может, единственная опасность для нас заключается в дальнейшем расширении империи, которая и без того чересчур велика. По сильное и честолюбивое государство, сменившее Высокую Порту, могло бы сделать войну со стороны России необходимостью для императора или его преемников». Европейская война была бы вызвана теми самыми средствами, которые предлагаются, чтобы ее предотвратить, потому что ни Англия, ни Франция, ни, вероятно, Австрия не примирились бы с тем, чтобы Константинополь оставался навсегда в руках России. Что касается Великобритании, то правительство ее величества заявляет раз навсегда, что ему чуждо какое бы то ни было намерение или желание овладеть Константинополем. Его императорское величество может иметь в этом отношении полнейшую уверенность. Правительство готово также дать заверение, что не вступит ни в какие соглашения относительно мероприятий на случай крушения Турции, не снесясь предварительно с императором России. Итак, в общем правительство ее величества вполне уверено, что не может быть более мудрой, бескорыстной и благотворной для Европы политики, чем та, которой так долго следует его императорское величество и которая сделает имя его более прославленным, чем имена самых знаменитых государей, искавших бессмертия в ничем не обоснованных захватах и минутной славе. Для успеха этой политики желательно соблюдать величайшую выдержку по отношению к Турции; желательно, чтобы всякого рода требования, которые великие державы Европы могут предъявить ей, служили более предметом дружественных переговоров, чем категорических требований; чтобы по возможности избегались военные и морские демонстрации против султана; чтобы разногласия в вопросах, затрагивающих Турцию и лежащих в пределах компетенции Высокой Порты, решались по взаимному соглашению великих держав и не навязывались бы насильно слабому турецкому правительству. К этим предостережениям правительство ее величества хочет прибавить, что, по его мнению, весьма существенно — посоветовать султану обращаться со своими христианскими подданными в соответствии с принципами справедливости и свободы религии, принятыми повсюду просвещенными нациями Европы. Чем более турецкое правительство будет переходить к равноправному законодательству и нелицеприятному управлению, тем менее российский император будет находить необходимым применять на деле то право исключительного покровительства, которое его императорское

величество нашел столь тягостным я неудобным, хотя нет никаких сомнений в том, что оно предписано ему велениями долга и закреплено за ним договором. Вы можете прочесть эту депешу графу Нессельроде и даже, если это будет признано желательным, передать копию ее в руки императора. В таком случае вы сопроводите передачу ее уверениями в дружбе и доверии ее величества королевы, столь заслуженно внушаемых образом действий его императорского величества.

Остаюсь и пр.

Дж. Рассел

Окончание своего изложения я вынужден отложить до ближайшей статьи*. Но прежде чем закончить, я хочу сообщить вам, в дополнение к ранее сказанному мной о позиции и планах Пруссии, последние данные, полученные мной из источника, не доступного широкой публике.

Когда конфликт между Россией, с одной стороны, и англофранцузским союзом — с другой, уже достиг определенного кульминационного пункта, император Николай послал собственноручное письмо своему шурину** в Берлин. В этом письме он заявлял, что хотя Франция и Англия и могут причинить ему некоторый вред на море, он не боится их на суше, так как в конце апреля у него может быть готово к походу 600000 солдат. Из них он готов предоставить 200000 в распоряжение Фридриха-Вильгельма, если тот обязуется предпринять поход на Париж и низложить Луи-Наполеона. Тупоголовый король был так ослеплен этим проектом, что *Мантёйфелю* понадобилось три дня, чтобы отговорить его от принятия этого предложения. Это — о короле.

Что касается самого г-на *фон Мантёйфеля,* этого «великого человека», которым так гордится прусская буржуазия, то весь этот человек перед нами как на ладони, когда мы рассматриваем секретные инструкции, которые он посылал Бунзену, прусскому послу в Лондоне, в то самое время, когда было получено вышеупомянутое русское письмо, и которые попали ко мне в руки, хотя и совсем иным путем, чем мои частные письма в руки Бунзена[102]. Содержание этих инструкций, выдающих наглой двусмысленностью своего стиля одновременно школьного педанта и унтер-офицера, приблизительно следующее:

«Наблюдайте хорошенько, откуда дует ветер. Если вы заметите, что Англия серьезно связана союзом с Францией и твердо решилась на войну, настаивайте на «целостности и независимости» Турции. Если же вы

* См. настоящий том, стр. 149—164. *Ред.*
** — Фридриху-Вильгельму IV. *Ред.*

заметите, что Англия колеблется в своей политике и не склонна к войне, тогда доставайте свои копья и ломайте их смело за честь и достоинство короля, моего и вашего государя».

Ну, не прав ли русский самодержец, когда он рассматривает Пруссию как ничтожную величину?

Написано К. Марксом. 21 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4045, 5 апреля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СЕКРЕТНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Лондон, пятница, 24 марта 1864 г.

Если, в общем и целом, можно считать депешу лорда Джона Рассела[*] вежливым отклонением предложения царя вступить в предварительное соглашение на случай возможного раздела Турции, то все же она содержит несколько весьма странных мест, на которые я хотел бы обратить внимание ваших читателей. Лорд Джон пишет:

«Нет достаточных оснований объявлять султану, что он не в состоянии сохранить порядок внутри страны или поддерживать дружественные отношения со своими соседями».

Но нигде в конфиденциальных донесениях сэра Г. Сеймура мы не находим указаний на то, что царь предложил объявить султану что-либо подобное. Мы должны предположить поэтому, что либо лорд Рассел, притворно сопротивляясь такому шагу, на деле сам хотел внушить мысль о нем, либо же некоторые из конфиденциальных донесений сэра Гамильтона были изъяты из актов, представленных парламенту. Подозрения тем более напрашиваются, что всего 16 дней спустя, 25 февраля 1853 г., лорд Кларендон, при своем вступлении в должность министра иностранных дел, дал следующие инструкции лорду Стратфорду де Редклиффу:

«Ваше превосходительство, объясните султану со всей откровенностью и чистосердечием, каковые совместимы с осмотрительностью, а также с достоинством самого султана, причины, заставляющие правительство ее величества опасаться, не находится ли в настоящее время Оттоманская империя в особенно опасном положении. *Нарастающие претензии иностранных государств,* которым Порта не способна или не склонна дать

[*] См. настоящий том, стр. 144—147. *Ред.*

удовлетворение, *плохое ведение ее собственных дел и возрастающая слабость исполнительной власти в Турции* позволили ее союзникам принять в последнее время новый и внушающий беспокойство тон. Если такое положение будет продолжаться, оно может повести к всеобщему восстанию христианских подданных Порты и оказаться роковым для независимости и целостности империи—катастрофа, о которой правительство ее величества будет глубоко сожалеть, но которая, об этом правительство ее величества считает своим долгом сообщить Порте, *некоторыми* из европейских великих держав считается вероятной и близкой». (См. Синюю книгу о правах и привилегиях православной и католической церквей, т. I, стр. 31, 32.)

Но разве это не значило со стороны Англии в ясных словах *«объявить»* султану, «что он не в состоянии сохранить порядок внутри страны или поддерживать дружественные отношения со своими соседями»? Царь весьма бесцеремонно сказал сэру Гамильтону, что он *не позволит* Англии утвердиться в Константинополе, но что, с своей стороны, он намерен сам утвердиться там, если не в качестве *постоянного владельца,* то, по крайней мере, в виде временного хранителя. Что же отвечает лорд Джон на это наглое заявление? От имени Великобритании он отвергает «какое бы то ни было намерение или желание овладеть Константинополем». От царя он такого уверения не требует.

«Положение императора России», — говорит Рассел, — «в качестве временною хранителя, а не постоянного владельца Константинополя, было бы чревато всевозможными опасностями, как вследствие издавна лелеемых притязаний его собственного народа, так и вследствие соперничества европейских стран».

Соперничество европейских стран, а не противодействие Англии! Что касается Англии, то она не позволила бы этого, — впрочем, лорд Джон Рассел не осмеливается говорить с Россией таким топом, каким Россия говорит с Англией, — Англия *«не была бы удовлетворена,* если бы Константинополь находился *постоянно* в руках России». Итак, она будет удовлетворена, если он будет находиться в руках России *временно.* Другими словами, она вполне соглашается с предложением, сделанным самим царем. Она не позволит того, от чего он сам отказывается, но готова терпеть то, что он намерен сделать.

Не «удовлетворенный» тем, что он водворяет царя в Константинополе в качестве предполагаемого хранителя, лорд Джон Рассел заявляет от имени английского правительства, что оно «не вступит ни в какие соглашения относительно мероприятий на случай падения Турции, не снесясь *предварительно»* с Россией. Другими словами, хотя царь и заявил сэру Г. Сеймуру, что он *уже* заключил соглашение с Австрией, не уведомив об этом заранее Англию, Англия, с своей стороны, обязуется

снестись с Россией раньше, чем заключить соглашение с Францией.

«В общем», — говорит лорд Джон, — «не может быть более мудрой, бескорыстной и благотворной для Европы политики, чем та, которой так долго следует его императорское величество».

Его казацкое величество совершенно неуклонно проводил ту самую политику, которую он возвестил еще при вступлении на престол и которую теперь либерал лорд Джон объявляет столь бескорыстной, столь благотворной для Европы.

Явным и главным спорным пунктом в нынешних осложнениях на Востоке являются притязания России на религиозный протекторат над христианами православного исповедания в Оттоманской империи. Царь, отнюдь не скрывая своих притязаний, прямо сказал сэру Гамильтону, что «право покровительства этим нескольким миллионам христиан закреплено за ним договором», что он «пользовался своим правом умеренно и осторожно» и что это «иногда налагает очень неудобные обязательства». Дает ли ему лорд Джон Рассел понять, что такого договора не существует и что царь такого права не имеет, что у него не больше права вмешиваться в дела православных подданных Турции, чем у Англии в дела протестантов, подданных России, или Франции в дела ирландцев в Великобритании? Предоставим слово самому Расселу:

«Правительство ее величества хочет прибавить, что, по его мнению, весьма существенно — посоветовать султану обращаться со своими христианскими подданными в соответствии с принципами справедливости и свободы религии... Чем более турецкое правительство будет переходить к равноправному законодательству и нелицеприятному управлению, тем менее российский император будет находить необходимым применять на деле то право *исключительного покровительства,* которое его императорское величество нашел столь тягостным и неудобным, хотя нет никаких сомнений в том, что оно *предписано ему велениями долга и закреплено за ним договором».*

«Право исключительного покровительства» России над подданными Турции, *закрепленное договором! Никаких сомнений* относительно этого, — говорит лорд Джон; а лорд Джон — честный человек; и лорд Джон говорит от имени правительства ее величества, и лорд Джон обращается к самому самодержцу. О чем же спорит Англия с Россией? И зачем увеличивать вдвое подоходный налог, зачем тревожить весь мир своими военными приготовлениями? Как мог лорд Джон несколько недель тому назад выступать в парламенте в духе Кассандры, кривляясь и заносчиво выкрикивая громогласные проклятия по адресу вероломного и коварного царя? Не он ли заявил кесарю, что

притязания кесаря на *право исключительного покровительства* «предписаны велениями долга и закреплены договором»?

Не на скрытность или чрезмерную сдержанность царя мог жаловаться коалиционный кабинет, а скорее, наоборот, на бесстыдную откровенность, с какою он позволил себе раскрыть свою душу перед министрами и сделать их поверенными своих самых сокровенных планов, превращая кабинет на Даунинг-стрит в собственную его величества канцелярию на Невском проспекте. Некто поверяет вам свое намерение убить вашего друга. Он предлагает вам войти с ним в предварительное соглашение насчет добычи. Если этот некто — император России, а вы — английский министр, то вы не тянете его на скамью подсудимых, а весьма униженно благодарите за оказанное вам большое доверие и почитаете себя счастливым, по примеру лорда Джона Рассела, засвидетельствовать «его умеренность, откровенность и дружественное расположение».

Но вернемся в С.-Петербург.

Вечером 20 февраля, — стало быть, всего за неделю до прибытия князя Меншикова в Константинополь, — самодержец подошел к сэру Гамильтону Сеймуру на soirée[*] великой княгини, супруги наследника, и между обоими «джентльменами» завязался следующий разговор:

Царь: «Ну, что же; вы получили ответ и должны завтра доставить его мне».

Сэр Гамильтон: «Я буду иметь честь это сделать, но ваше величество уже знает, что содержание ответа весьма точно соответствует тому, о чем я предупреждал ваше величество».

Царь: «Я с сожалением услышал об этом, но, мне кажется, ваше правительство неправильно поняло мои намерения. Меня не столько интересует, *что надо сделать, когда больной человек умрет,* сколько я хотел условиться с Англией о том, *чего* в этом случае не *надо делать».*

Сэр Гамильтон: «Но, государь, позвольте мне заметить, что у нас нет никаких оснований предполагать, что больной человек умирает... Страны не умирают столь поспешно. Турция будет существовать еще долгие годы, если не случится непредвиденного кризиса. И как раз, государь, для предотвращения всех обстоятельств, которые могли бы вызвать такой кризис, правительство ее величества рассчитывает на ваше благородное содействие».

Царь: «Должен вам сказать, что если ваше правительство заставили поверить, *что у Турции еще сохранились какие-либо жизнеспособные элементы,* то ваше правительство, должно быть, получило неправильную информацию. *Я повторяю вам, что «больной человек» умирает.* И мы ни в коем случае не должны позволить, чтобы такое событие застало нас врасплох. Мы должны прийти к какому-нибудь соглашению... И, заметьте, я не требую договора, протокола. *Соглашение в общих чертах*—большего я не требую; *между джентльменами* этого достаточно. Но сегодня больше ни слова. Приходите ко мне завтра».

---

[*] — званом вечере. *Ред.*

Сэр Гамильтон «сердечно благодарит его величество», но лишь только он покинул императорский салон и вернулся домой, как в его душу закрадывается сомнение. Он садится за свой письменный стол, пишет донесение о разговоре лорду Джону и заключает свое письмо следующими достойными внимания замечаниями на полях письма:

«Вряд ли можно сомневаться в том, что государь, с *такой настойчивостью говорящий о предстоящем крушении соседнего государства,* в душе своей уже *решил,* что час, если не развала, то во всяком случае *для* развала, должен быть близок... Но вряд ли он решился бы сделать такое утверждение, *если бы не существовало, быть может, намеченного в общих чертах, но, во всяком случае, тесного взаимопонимания между Россией и Австрией.*

Если мое подозрение основательно, то *цель императора склонить правительство ее величества к выработке совместно с его собственным, а также с венским кабинетами плана окончательного раздела Турции, и притом с отстранением Франции от участия в сделке».*

Донесение это прибыло в Лондон 6 марта, когда лорда Рассела уже сменил на посту министра иностранных дел лорд Кларендон. Впечатление, произведенное тревожными предостережениями посла на душу этого робкого почитателя Турции, было совершенно изумительно. Будучи уже вполне осведомлен о предательском плане царя разделить Турцию без участия Франции, он говорит графу Валевскому, французскому послу в Лондоне, что «в противоположность Франции он склонен доверять императору России», что «политика недоверия не была бы ни умна, ни полезна», что «хотя он надеется, что правительства Англии и Франции всегда будут действовать совместно, *поскольку* их политика и их интересы совпадают, он все же должен откровенно сказать, что *поведение французского правительства за последнее время не рассчитано на обеспечение этого желательного результата».* (См. Синюю книгу, т. **I**, стр. 93, 98.)

Следует отметить en passant[*], что как раз в то время, когда царь поучал британского посла в С.-Петербурге, газета «Times» из номера в номер повторяла в Лондоне, что положение Турции отчаянное, что Оттоманская империя распадается на куски и что от нее ничего не осталось, кроме призрака «головы турка в тюрбане».

На утро после разговора на императорском soirée сэр Дж. Г. Сеймур, согласно приглашению, является с визитом к царю. Между ними происходит *«диалог,* длящийся час двенадцать минут», о котором он снова докладывает лорду Дж. Расселу в донесении от 22 февраля 1853 года.

[*] — между прочим. *Ред.*

Император начал с того, что просил сэра Гамильтона прочесть ему вслух секретную и конфиденциальную депешу лорда Джона от 9 февраля. Содержавшиеся в этой депеше заявления он, разумеется, объявил весьма удовлетворительными; он «мог бы лишь пожелать, чтобы они были несколько более пространны». Он повторил, что ежеминутно может разразиться турецкая катастрофа и

«что в каждый данный момент она может быть вызвана либо внешней войной, либо распрей между старотурецкой партией и партией «новых поверхностных реформ на французский лад», либо же восстанием христиан, которым, как известно, не терпится сбросить мусульманское иго».

Он не упускает случая пустить в ход свою затасканную хвастливую фразу, что «если бы в 1829 г. он не приостановил победоносного похода генерала Дибича, с властью султана было бы уже покончено». А между тем, общеизвестно, что из 200000 человек, посланных им тогда в Турцию, лишь 50000 вернулись домой, а остаток армии Дибича был бы уничтожен в Адрианопольской равнине, если бы не было измены турецких пашей вкупе с иностранными послами.

Он подчеркивает, что вовсе не требует вполне согласованного между Англией и Россией плана, предусматривающего судьбу территорий, управляемых султаном, и тем более — формального соглашения между двумя кабинетами, а лишь какого-либо соглашения в общих чертах или обмена мнениями, при котором каждая сторона конфиденциально сообщила бы, чего она не желает,

«что противоречило бы английским и что — русским интересам, дабы в случае чего каждая сторона могла избежать действий, идущих вразрез с намерениями другой».

Таким *негативным* соглашением царь добился бы всего, к чему стремится. Во-первых, крушение Оттоманской империи рассматривалось бы Россией и Англией как fait accompli*, хотя и в негативной и условной форме: ведь от царя теперь зависело бы запутать дело так, чтобы иметь возможность с некоторым правдоподобием объявить Англии, что предусмотренный случай *уже* налицо. Во-вторых — тайный план совместных действий Англии и России, каков бы ни был его неопределенный и негативный характер, неизбежно восстановил бы друг против друга Англию и Францию, так как был бы составлен без Франции и за ее спиной. В-третьих, так как Англия была бы связана своими отрицательными обещаниями в отношении того, чего она *не* будет делать, царь имел бы возможность

* — совершившийся факт. *Ред.*

совершенно спокойно выработать свой собственный позитивный план действий. Кроме того, очевидно, что две стороны, соглашающиеся между собой насчет того, чего они *не* разрешают друг другу делать в определенном случае, тем самым соглашаются в замаскированной форме о том, что они *разрешают* делать. Такая негативная форма соглашения создает лишь более выгодные условия для более ловкого из двух партнеров.

«Быть может, ваше величество, вы были бы столь добры», — робко залепетал сар Гамильтон, — «изложить мне свои собственные мысли об этой *негативной политике».* Сначала царь с притворной скромностью отказывался, но затем, как бы уступая мягкому давлению, сделал следующее в высшей степени замечательное заявление:

«Я не допущу *постоянного* занятия Константинополя русскими; сказав это, я скажу, что Константинополь никогда не попадет в руки ни англичан, ни французов, ни какой-либо другой великой нации. Я также никогда не допущу ни попытки восстановления Византийской империи, ни такого расширения Греции, которое превратило бы ее в сильное государство; тем более я не допущу раздробления Турции на мелкие республики — убежища для Кошутов, Мадзини и других европейских революционеров. Чем примириться с одной из таких возможностей, я скорее начну войну и буду вести ее, пока у меня останется хоть один солдат, хоть одно ружье».

Ни Византийской империи, ни сильного расширения Греции, ни конфедерации мелких республик, ничего подобного! Чего же он в таком случае хочет? Британскому послу не пришлось долго гадать. В ходе разговора император неожиданно выпалил следующее предложение:

«В действительности Дунайские княжества являются независимым государством под моим протекторатом. Так могло бы остаться. Сербия могла бы получить такую же форму правления. Болгария — также; повидимому, нет оснований, почему бы эта область не могла бы образовать независимое государство. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Могу поэтому лишь сказать, что если бы при распределении оттоманского наследства после крушения империи вы овладели Египтом, я не имел бы ничего против. То же самое могу сказать о Кандии; этот остров, может быть, подходит вам, и я не знаю, почему бы ему не стать английским».

Так он доказывает, что, «в случае распада Турецкой империи, удовлетворительное разрешение территориальных вопросов было бы, по его мнению, менее трудно, чем вообще думают». Он заявляет откровенно, чего он хочет, —*раздела Турции,* — и предельно ясно намечает очертания этого раздела, ясно как в том, что он говорит, так и в том, о чем он умалчивает. Египет и Кандия — Англии; Дунайские княжества, Сербия, Болгария — вассальные государства России; турецкая Хорватия,

Босния, Герцеговина, о которых он намеренно умалчивает, будут присоединены к Австрии; Греция будет расширена «не чрезмерно», скажем, присоединением нижней Фессалии и части Албании. Константинополь должен быть временно занят царем, а затем стать столицей государства, составленного из Македонии, Фракии и остатка Европейской Турции. Но кто же будет окончательным владельцем этого маленького государства, которое, быть может, будет еще увеличено некоторыми частями Анатолии? Он молчит об этом; но не тайна, что он имеет кое-кого в виду для этого поста, а именно своего младшего сына*, который жаждет иметь собственное царство. А Франция? Неужели она вообще ничего не получит? Быть может! Впрочем, нет, она тоже получит подачку в виде — кто мог бы поверить этому! — *Туниса.* «Одной из ее целей является, несомненно, овладение Тунисом», — говорит царь сэру Гамильтону, и в случае раздела Оттоманской империи он, быть может, и в самом доле оказался бы достаточно щедрым, чтобы удовлетворить аппетит Франции к Тунису.

О Франции царь говорит все время в подчеркнутом тоне высокомерного презрения. «Похоже на то»,—говорит он, — «что французское правительство старается всех нас перессорить на Востоке». Что касается его самого, то он Францию ни во что не ставит.

«Со своей стороны, он очень мало беспокоится о том, какую линию поведения Франция считает целесообразной в восточных делах; немногим более месяца тому назад он сообщил султану, что если требуется его поддержка для сопротивления угрозам французов — он всецело находится в распоряжении султана!

Одним словом, продолжал император, «как я говорил вам уже раньше, все, чего я желаю, это — доброго соглашения с Англией, и то не о том, что надо сделать, а о том, чего не надо делать. Когда это будет достигнуто и английское правительство и я, я и английское правительство достигнем полного взаимного доверия, — все остальное мне будет безразлично»».

«Но, ваше величество, вы позабыли об Австрии!» — восклицает сэр Гамильтон.

«О», —возразил император, к его великому изумлению, — «вы должны понять, что, *говоря о России, я тем самым говорю об Австрии; что подходит для одной — подходит для другой;* в отношении Турции наши интересы вполне тождественны».

Итак, говоря Россия, он тем самым говорит Австрия. О Черногории он недвусмысленно заявляет, что «одобряет позицию австрийского кабинета».

* — Михаила. *Ред.*

если в прежних беседах он именовал султана как опереточного Grand Turc*, теперь он в стиле Поль де Кока называет его ce monsieur**. И как бережно относится он к этому господину! Он послал в Константинополь только Меншикова, «а я ведь мог бы, если бы пожелал, послать туда армию — ничто ее не задержало бы»; он это доказал впоследствии при Олтенице и Четате, а также доблестным отступлением своей армии от Калафата.

Его казацкое величество отпустил сэра Гамильтона со словами: «Итак, побудите ваше правительство снова написать об этих делах, — написать подробнее и без колебаний».

7 марта, вскоре после этого любопытного диалога или, вернее, монолога, британский посол был приглашен к графу Нессельроде, который вручил ему «весьма конфиденциальный меморандум, составленный по приказанию его императорского величества и предназначенный служить ответом или комментарием к сообщениям лорда Джона Рассела». Граф Нессельроде просит его прочитать этот документ, «предназначенный для него». Сэр Гамильтон, соответственно, изучает документ, и он, который ранее не находил ни одного слова протеста против явно преднамеренных оскорблений московита по адресу Франции, внезапно содрогается, обнаружив, что «меморандум составлен под ложным впечатлением, — а именно впечатлением, будто в разногласиях между Россией и Францией правительство ее величества склонялось на сторону последней». Уже на следующее утро он спешно посылает графу Нессельроде billet doux***, заверяя его, что

«за время последних весьма серьезных переговоров советники королевы *не только не склонялись на сторону* Франции, как было заявлено, а, напротив, их желанием было — *в той мере, в какой это вообще позволительно* (!) правительству, *вынужденному* (!!) соблюдать *нейтральную* позицию, — чтобы *обоснованные* требования его императорского величества были полностью удовлетворены».

В результате этого заискивающего письма сэр Гамильтон имел, разумеется, другой «весьма дружественный и удовлетворительный разговор с канцлером», который утешает британского посла уверением, что тот не понял одного места в меморандуме императора и что в этом месте отнюдь не делалось упрека Англии в пристрастии к Франции. «Здесь только желали», — сказал граф Нессельроде, — «чтобы правительство ее величества постаралось открыть французским министрам глаза *указанием*

* — султана. *Ред.*
** — этот господин. *Ред.*
*** — любовное послание. *Ред.*

на великодушие и чувство справедливости императора». «Здесь» только желают, следовательно, чтобы Англия пресмыкалась и раболепствовала перед «калмыком» и принимала диктаторски-строгий тон по отношению к французам. Чтобы убедить канцлера, насколько английское правительство добросовестно выполняет эту вторую часть задачи, сэр Гамильтон прочитывает ему выдержку из одной депеши лорда Джона Рассела, как «пример *языка,* каким английский министр разговаривает с французским правительством». Граф Нессельроде убеждается, что самые смелые его ожидания превзойдены. Он лишь «пожалел о том, что уже раньше не имел в своих руках такого *веского доказательства».*

Русский меморандум в ответ на депешу лорда Джона Рассела сэр Гамильтон считает «одним из замечательнейших документов, вышедших не из русской государственной канцелярии, а из императорского тайного кабинета». Так оно и есть. Но нам незачем останавливаться на нем, так как он представляет собой лишь краткое изложение взглядов, уже развитых царем в его «диалоге». Меморандум старается внушить английскому правительству, что, «каков бы ни был результат этих переговоров, он должен остаться *тайной* между двумя государями». Системой царя, замечает меморандум, «как это *признает* сам английский кабинет, *всегда* было снисходительное отношение» к Порте. Франция следовала другой линии поведения и тем вынудила Россию и Австрию, с своей стороны, также действовать угрозами. На протяжении всего меморандума Россия и Австрия отождествляются. В качестве одной из причин, могущих повлечь за собой немедленное крушение Турции, *прямо* указывается на *вопрос о святых местах* и на «религиозные чувства православных, оскорбленных уступками, сделанными католикам». В заключение меморандум заявляет, что «не менее ценными», чем заверения, заключающиеся в депеше Рассела, были *«доказательства дружбы и доверия ее величества королевы,* которые сэру Гамильтону Сеймуру было поручено передать императору». Эти *«доказательствам* вассальной преданности королевы Виктории царю были тщательно скрыты от английской публики, но, быть может, скоро появятся на страницах «Journal de St.-Petersbourg».

Комментируя свой диалог с императором и меморандум московита, сэр Гамильтон еще раз обращает внимание своего кабинета на позицию Австрии.

«Если принять как твердо установленный и уже признанный факт, что между обоими императорами существует соглашение или договор по турецким делам, то было бы в высшей степени важно узнать, как далеко

идут их взаимные обязательства. Что касается способа заключения этой сделки, то, мне кажется, он вряд ли может возбуждать сомнение.

Основа ее была, безусловно, заложена на одном из тех свиданий, которые происходили между обоими императорами минувшей осенью, а затем план был, вероятно, дальше разработан бароном Мейендорфом, русским посланником при австрийском дворе, который провел зиму в С.-Петербурге и сейчас еще находится тут».

И что же, после этих разоблачений английское правительство привлекает Австрию к ответу? Нот, оно осуждает только Францию. После вторжения России в Дунайские княжества оно делает Австрию посредницей, выбирает, из всех городов, именно Вену в качестве места совещания, передает графу Буолю руководство переговорами и по сей день продолжает дурачить Францию, заставляя ее верить, что Австрия может быть честным союзником в войне против московита за целостность и независимость Оттоманской империи, хотя уже более года определенно знает, что Австрия согласилась на расчленение этой империи.

19 марта отчет сэра Гамильтона о его диалоге с царем пришел в Лондон. Теперь место лорда Джона занял лорд Кларендон и старается еще превзойти своего предшественника. Через четыре дня после получения поразительного сообщения, в котором царь уже не считает нужным скрывать своего заговора против Франции и Порты, а открыто признает его, благородный граф посылает следующую депешу сэру Гамильтону :

«Правительство ее величества сожалеет о том, что тревога в раздражение, господствующие в Париже, побудили французское правительство отдать приказ своему флоту направиться в греческие воды; но положение, в котором находится французское правительство, во многих отношениях отличается от положения правительства ее величества. Насколько известно правительству ее величества, французское правительство не получило заверений от императора относительно той политики, которой он намерен следовать по отношению к Турции». (См. Синюю книгу, т. I, стр. 102.)

Если бы царь довел и до сведения Франции, что «больной человек умирает» и что имеется подробный план раздела наследства, то Франция, разумеется, не испытывала бы ни тревоги, ни сомнений относительно судеб Турции, истинных целей миссии Меншикова и незыблемого решения российского императора сохранять целостность и независимость империи, в которой, по его выражению, не сохранилось уже «жизнеспособных элементов».

Того же 23 марта граф Кларендон посылает вторую депешу сэру Гамильтону Сеймуру не из тех, что «стряпались» для Синих

книг, но содержащую секретный ответ на секретное сообщение из С.-Петербурга. Свое донесение о диалоге сэр Гамильтон закончил таким рассудительным предложением:

«Осмеливаюсь рекомендовать, чтобы *в депешу, которая будет мне адресована, было вставлено несколько выражений, имеющих целью положить конец дальнейшему рассмотрению* или, по крайней мере, обсуждению вопросов, которые в высшей степени нежелательно было бы рассматривать как *подлежащие обсуждению»*.

Граф Кларендон, чувствующий себя самым подходящим человеком, чтобы держать в руках горячие угли, поступает в полном согласии с указаниями царя и в прямом противоречии с предостережениями своего собственного посла. Он начинает свою депешу заявлением, что правительство ее величества «охотно идет навстречу желанию императора продолжить обсуждение вопроса с полной откровенностью». Император ***«приобрел право»*** на «самое откровенное изъявление мнения» со стороны английского правительства своей «благородной верой» в то, что оно поможет ему расчленить Турцию, предать Францию и, в случае свержения оттоманского господства, подавить какие-либо попытки христианского населения образовать свободные и независимые государства.

«Правительство ее величества», — продолжает свободнорожденный брит, — «совершенно уверено, что буде какое-либо соглашение в связи с новыми возникшими обстоятельствами явится целесообразным или действительно возможным, *слову его императорского величества* будет оказано предпочтение перед всяким договором, который может быть заключен».

Во всяком случае слово его стоит любого договора, который можно было бы заключить с ним; *ведь советники британской короны давно уже заявили, что все договоры с Россией прекратили свое существование вследствие нарушений их с ее стороны.*

«Правительство ее величества продолжает пребывать в уверенности, что Турция все еще обладает жизнеспособными элементами». И, чтобы доказать искренность этой уверенности, граф мягко прибавляет:

«Если бы мнение императора, что дни Турецкой империи сочтены, стало достоянием гласности, ее крушение произошло бы еще раньше, чем рассчитывает его императорское величество».

Итак, «калмыку» достаточно будет высказать свое мнение о том, что больной человек умирает, и тот действительно умрет. Вот так жизнеспособность! Тут уж даже иерихонских труб не нужно. Дуновение высочайших уст императора — и Оттоманская империя разваливается.

«Правительство ее величества *вполне* разделяет мнение императора, что занятие Константинополя какой-либо из великих держав было бы несовместимо с сохранением нынешнего равновесия держав и с поддержанием мира в Европе и должно сразу же быть признано невозможным; что нет данных для восстановления Византийской империи; что постоянная неурядица в Греции не поощряет к расширению ее территории и что, *ввиду отсутствия почвы для создания областного или общинного самоуправления,* предоставление турецких провинций самим себе или дозволение им образовать особые республики привело бы к анархии»,

Заметьте, что британский министр, униженно склоняющийся к стопам своего господина-татарина и рабски повторяющий его слова, не стыдится повторить даже чудовищную ложь, будто в Турции нет «почвы для создания областного и общинного самоуправления», между тем как именно сильное развитие общинной и областной жизни давало Турции возможность до сих пор противостоять жесточайшим ударам изнутри и извне. Одобрив все выдвинутые царем постулаты, британское министерство оправдывает и все выводы, какие он намерен из них делать.

В случае распада Турецкой империи, — говорит доблестный граф, — «единственным средством достигнуть мирного исхода был бы европейский конгресс». Но он боится последствий такого конгресса не из-за коварства России, — которая на Венском конгрессе так провела Англию, что Наполеон на острове Св. Елены воскликнул: «Если бы я остался победителем при Ватерлоо, я не мог бы продиктовать Англии более унизительных условий», — а из страха перед Францией.

«Договоры 1815 г. должны бы в таком случае подвергнуться пересмотру, и Франция, вероятно, была бы готова рискнуть европейской войной, чтобы освободиться от обязательств, которые она считает оскорбительными для своего национального достоинства и которые, будучи навязаны ей победоносными врагами, являются для нее источником постоянного раздражения».

Правительство ее величества «желает сохранить Турецкую империю» не как оплот против России и не потому, что крушение Турции заставило бы Англию защищать против России свои *диаметрально противоположные* интересы на Востоке. О нет! — говорит граф, — *«интересы России и Англии на Востоке совершенно тождественны».*

Англия хочет сохранить Турецкую империю не по каким-либо соображениям, связанным с восточным вопросом, а «из убеждения, что ни один крупный вопрос на Востоке не может быть поднят *без того, чтобы не стать источником раздоров на Западе».* Следовательно, восточный вопрос повлечет за собой не *войну западных держав против России,* а войну западных держав между собой, *войну Англии против Франции.* И тот

же министр, который писал эти строки, и его коллеги, которые их санкционировали, хотят обмануть нас, заставив поверить, что они серьезно собираются вести войну против России в союзе с Францией, и притом войну «из-за вопроса, возникшего на Востоке», и вопреки тому, что «интересы России и Англии на Востоке тождественны»!

Бравый граф идет еще дальше.

Почему он боится *войны с Францией,* которая, по его словам, должна быть «неизбежным следствием» распада и расчленения Турецкой империи? Сама по себе война с Францией была бы очень приятным делом. Но с ней было бы связано то деликатное обстоятельство,

«что всякий крупный вопрос на Западе будет принимать революционный характер и включать в себя пересмотр всей социальной системы, к чему континентальные правительства, конечно, не готовы.

Император вполне отдает себе отчет в силах, которые находятся в состоянии постоянного брожения под поверхностью общества, и в их способности взрываться даже в периоды мира; его императорское величество вследствие этого вероятно присоединится к мнению, что первый пушечный выстрел может явиться сигналом к возникновению положения, более гибельного даже, чем бедствия, которые неизбежно приносит с собой война».

«И отсюда», — восклицает откровенный миротворец, — «страстное желание правительства ее величества *предотвратить катастрофу».* Если бы за разделом Турции не таилась война с Францией, а за войной с Францией — призрак революции, то английское правительство с одинаковой охотой проглотило бы и Grand Turc, и его «казацкое» величество.

Верный инструкциям, полученным через посредство сэра Г. Сеймура из русской императорской канцелярии, доблестный Кларендон заканчивает свою депешу обращением к «великодушию и чувству справедливости императора».

Во второй депеше нашего графа от 5 апреля 1853 г. сэру Гамильтону дается поручение довести до сведения русского канцлера, что

«виконту Стратфорду де Редклиффу приказано вернуться на свой пост; миссии его придан *особый характер* собственноручным письмом ее величества, так как полагают, что Порта будет более склонна следовать *умеренным* советам, исходящим от занимающего столь высокое положение и глубоко осведомленного в турецких делах виконта Стратфорда де Редклиффа, — советам о необходимости для Порты обращаться с величайшей мягкостью со своими христианскими подданными».

Тот же Кларендон, который давал эти *особые* инструкции, писал в своей секретной депеше от 23 марта 1853 года:

«Обращение с христианами не жестокое. По отношению к этой части своих подданных Турция обнаруживает терпимость, которая могла бы

служить примером для некоторых правительств, презрительно считающих Турцию варварской страной».

В этой секретной депеше признается, что лорда Стратфорда послали в Константинополь как наиболее ловкого и послушного исполнителя для оказания давления на султана. В министерских газетах того времени посылка его изображалась как сильная демонстрация против царя, поскольку благородный лорд издавна играл роль личного противника России.

Серия секретных документов, предъявленных палате, заканчивается русским меморандумом, в котором Николай поздравляет себя с тем, что его взгляды вполне совпадают со взглядами английского кабинета по вопросу о политических комбинациях, которых прежде всего следует избегать, если паче чаяния произойдут на Востоке чрезвычайные события.

Меморандум помечен 15 апреля 1853 года. Он заверяет, что «лучшим средством поддержать существование турецкого правительства было бы *не беспокоить его чрезмерными требованиями, унизительными для его достоинства и его независимости».* Это было как раз в то время, когда разыграл свою комедию Меншиков, который 19 апреля обратился со своей бессовестной вербальной нотой, написанной «языком, к счастью весьма редко встречающимся в дипломатии», как выразился в палате лордов граф Кларендон. Зато тем тверже его светлость была убеждена в том, что царь намерен щадить больного человека. Его убеждение стало еще более твердым, когда казаки вторглись в Дунайские княжества.

Коалиционный кабинет обнаружил только одну щель, куда спрятаться от этих обличающих документов. Он утверждает, что явной целью миссии князя Меншикова был вопрос о святых местах; а обмен мнениями о разделе Турции касался лишь неопределенно отдаленного времени. Но царь ясно и определенно сказал в своем первом меморандуме, что вопрос о крушении Турции «для него отнюдь не является фантазией или отдаленной возможностью», что английское министерство ошибается, «считая оба вопроса — о Черногории и о святых местах — простыми спорными вопросами, не отличающимися от тех трудностей, с которыми обычно сталкивается дипломатия», — и что вопрос о святых местах «может принять самый серьезный оборот» и «привести к катастрофе». Министерство само согласилось не только с тем, что в этом вопросе царю была причинена несправедливость, но и с тем, что царь имеет «закрепленное договором право оказывать исключительное покровительство» одиннадцати миллионам подданных султана. И если коалиционному кабинету не удалось побудить Порту принять

требования Меншикова, то царь, собираясь умертвить се monsieur, действует лишь соответственно духу меморандума 1844 г., договоренности, достигнутой с этим же кабинетом, и своему устному заявлению сэру Г. Сеймуру, что «шутить с собой он не позволит». У них даже не встает вопрос о том, прав ли он но отношению к ним; единственный вопрос, это — держат ли они себя сами по отношению к нему, даже в данный момент, так, «как подобает». Каждому, кто прочитает внимательно эти документы, должно стать ясным, что, если это позорное министерство останется на своем посту, одних внешних осложнений окажется достаточно, чтобы толкнуть английский народ на страшную революцию, которая сметет трон, парламент и господствующие классы, потерявшие волю и способность сохранять мировое положение Англии.

Николай, бросивший через посредство «Journal de St.-Petersbourg» вызов коалиционному министерству — опубликовать секретные доказательства бесчестия этого министерства, действовал и в этом случае в духе своего афоризма:

«Je hais ceux qui me resistent; je meprise ceux qui me servent»[*].

Написано К. Марксом. 24 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4050, 11 апреля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — «Я ненавижу тех, кто мне сопротивляется; я презираю тех, кто мне служит». *Ред.*

К. МАРКС

* ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ. — К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА [103]

Лондон, вторник, 28 марта 1854 г.

Наконец, война объявлена. Адрес королевы был вчера прочитан в обеих палатах: лордом Абердином — в палате лордов и лордом Дж. Расселом — в палате общин. В адресе говорится о мерах, которые будут приняты, «чтобы активно противодействовать посягательствам России на Турцию». Завтра «London Gazette» опубликует официальный текст объявления войны, а в пятницу парламент обсудит свой ответ на адрес королевы.

Одновременно с английской декларацией появилось аналогичное обращение Луи-Наполеона к сенату и Corps Legislatif*.

Объявление войны против России уже нельзя было больше откладывать, после того как капитан Блэквуд, который доставил царю англо-французский ultimatissimum**, вернулся в прошлую субботу с ответом, что Россия вообще не намерена отвечать на этот документ. Однако миссия капитана Блэквуда не была совершенно безрезультатной. Благодаря ей Россия выиграла месяц март — самое опасное для русского оружия время года.

Опубликование секретной переписки между царем и английским правительством вместо того, чтобы вызвать взрыв общественного негодования, дало — incredibile dictu*** —повод всей ежедневной и еженедельной прессе поздравить Англию с ее истинно национальным правительством. Мне все же известно, что будет созван митинг для того, чтобы открыть глаза ослепленной английской публике на действительное поведение правительства. Этот митинг состоится в следующий четверг

* — Законодательному корпусу. *Ред.*
** — строжайший ультиматум. *Ред.*
*** — невероятная вещь. *Ред.*

в концертном зале на Стор-стрит; ожидают, что в нем примут участие лорд Понсонби, г-н Лейард, г-н Уркарт и др.

В «Hamburger Correspondent» помещена следующая заметка :

«Согласно сообщению, полученному здесь из Петербурга 16 марта, русское правительство намерено опубликовать различные другие документы по восточному вопросу. Среди них имеется несколько писем принца Альберта».

Любопытно, что в тот самый вечер, когда королевский адрес был прочитан в палате общин, правительство потерпело свое первое *поражение* в нынешней сессии. Второе чтение билля о принудительном возвращении бедных по их месту жительства[104] было вопреки усилиям правительства отложено до 28 апреля большинством в 209 голосов против 183. Правительство обязано этим поражением не кому иному, как милорду Пальмерстону.

«Его светлость», — пишет «Times», — *«сумела* поставить себя и своих коллег между двух огней» (между тори и ирландской партией), «не оставив особой надежды на то, что дело обойдется без постороннего вмешательства».

Нам сообщают, что 12 марта подписан договор о тройственном союзе между Францией, Англией и Турцией[105], но что, несмотря на личное обращение к нему султана, великий муфтий, которого поддерживает *корпорация* улемов, отказался дать свою фетву[106], санкционирующую постановления об изменении положения христиан в Турции; эти постановления якобы противоречат предписаниям корана. Этому известию, по-видимому, придается большое значение, так как оно вынудило лорда Дерби сделать следующее замечание:

«Я хочу лишь выразить свою искреннюю надежду, что правительство заявит, соответствует ли истине распространяемое за последние дни сообщение о том, будто в соглашении, заключенном между Англией, Францией и Турцией, содержатся статьи об установлении с нашей стороны протектората, который был бы по меньшей мере так же предосудителен, как и протекторат со стороны России, против которого мм возражали».

Газета «Times», заявляя сегодня, что правительственная политика совершенно противоположна политике лорда Дерби, добавляет:

«Мы очень сожалели бы, если бы результатом религиозного фанатизма муфтия или улемов явилось какое-либо серьезное противодействие этой политике».

Чтобы понять и характер отношений между турецким правительством и духовными властями Турции, и трудности, которые возникли в данный момент перед турецким правительством

в вопросе о протекторате над христианскими подданными Порты, то есть в вопросе, который на первый взгляд лежит в основе нынешних осложнений на Востоке, необходимо бросить ретроспективный взгляд на историю его возникновения и развития.

Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберских государств[107] были священным флотом ислама. Но как же совмещается с кораном существование христианских подданных Порты?

«Когда город капитулирует», — говорит мусульманское законодательство,—«и его жители выражают согласие стать *райей,* подданными мусульманского государя, не отказываясь от своей веры, они обязаны платить *харадж* (подушную подать); они заключают перемирие с правоверными, и никто уже не смеет трогать их дома или имущество... В этом случае их старые церкви рассматриваются как часть принадлежащего им имущества я им разрешается совершать в них. богослужение. Но им не дозволяется воздвигать новых церквей. Они лишь имеют право ремонтировать и восстанавливать разваливающиеся части строений. В определенные сроки губернаторы провинций посылают комиссаров обследовать церкви и храмы христиан, чтобы проверить, не было ли добавлено новых строений под предлогом ремонта старых. Когда же город берется с бою, то население сохраняет свои церковные здания, но только как место жилья или убежища, без разрешения совершать в них богослужение»[108].

Так как Константинополь сдался по капитуляции, как и вообще большая часть Европейской Турции, то христиане там пользуются привилегией жить в качестве *райи* под защитой турецкого правительства. Этой привилегией они пользуются исключительно потому, что согласились поставить себя под покровительство мусульман. Следовательно, только по той причине, что христиане подчиняются правлению мусульман в соответствии с мусульманским законом, константинопольский патриарх, их духовный глава, является в то же время их политическим представителем и верховным судьей. Всюду, где мы находим в Оттоманской империи скопление православной *райи,* архиепископы и епископы являются по закону членами муниципальных советов и, под руководством патриарха, ведают распределением податей, налагаемых на православных. Патриарх ответственен перед Портой за поведение своих единоверцев. Обладая правом суда над райей своей церкви, он передоверяет это право в пределах их епархий митрополитам и епископам, приговоры которых обязаны приводить в исполнение

турецкие чиновники, кади и т. д. Они имеют право налагать наказания в виде денежных штрафов, тюремного заключения, палочных ударов и ссылки. Помимо этого их собственная церковь дает им право отлучения. Помимо денежных штрафов они взимают различные пошлины по гражданским и торговым судебным процессам. Каждая ступень в духовной иерархии имеет свою цену в деньгах. Чтобы получить инвеституру, патриарх платит Дивану тяжелую дань, но, в свою очередь, он продаст архиепископства и епископства своему духовенству, которое вознаграждает себя продажей второстепенных мест и данью, взимаемой с попов. Последние пускают в розницу власть, купленную у начальства, и торгуют всеми актами своего служения: крещениями, бракосочетаниями, разводами и завещаниями.

Из этого exposе[*] ясно видно, что система господства духовенства над христианами православного вероисповедания в Турции и все их общество имеет своим краеугольным камнем подчинение райи корану, который, с своей стороны, относясь к ней как к неверным, то есть как к отдельной нации в религиозном смысле, санкционирует соединение духовной и светской власти в руках их священников. Поэтому отменить посредством гражданской эмансипации их подчинение корану — значило бы одновременно отменить их подчинение духовенству и вызвать в их социальных, политических и религиозных отношениях революцию, которая прежде всего неизбежно бросит их в объятия России. Кто хочет на место корана поставить code civil[**], тот должен перестроить все здание византийского общества по западноевропейскому образцу.

Таковы отношения между мусульманами и их христианскими подданными. Но встает вопрос: каковы отношения между мусульманами и неверными иностранцами?

Так как коран объявляет всякого чужеземца врагом, то никто не отважится появиться в мусульманской стране без мер предосторожности. Первые европейские купцы, бравшие на себя риск торговли с таким народом, пытались поэтому вначале обеспечить лично за собой исключительные условия и привилегии, которые, однако, распространялись впоследствии на всю их нацию. Таково происхождение капитуляций. Капитуляции — это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами

[*] — изложения. *Ред.*
[**] — гражданский кодекс. *Ред.*

и совершать богослужение по своему обряду. От договоров они отличаются той существенной чертой, что не являются актами, основанными на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их. И, в самом деле, Порта неоднократно сводила на нет привилегии, данные ею какому-либо государству, распространяя их на другие, или совершенно отменяла, отказываясь дальше соблюдать их. Этот неустойчивый характер капитуляций превращал их в вечный источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования.

Именно от этих капитуляций ведет свое начало право *протектората* иностранных держав не над христианскими подданными Порты—райей, а над своими единоверцами, посещающими Турцию или поселившимися там в качестве иностранцев. Первой державой, добившейся такого протектората, была Франция. Капитуляции, заключенные между Францией и Оттоманской Портой в 1535 г. при Сулеймане Великом и Франциске I, в 1604 г. при Ахмеде I и Генрихе IV и в 1673 г. при Мехмеде IV и Людовике XIV, были в 1740 г. возобновлены, подтверждены, повторены и дополнены в сборнике, носившем заглавие: «Старые и новые капитуляции и договоры между французским двором и Оттоманской Портой, возобновленные и дополненные в 1740 г. н. э. и 1153 г. хиджры, переведенные» (первый официальный перевод, санкционированный Портой) «в Константинополе г-ном Девалем, секретарем-переводчиком короля и его первым переводчиком при оттоманском дворе»[109]. Статья 32 этого соглашения закрепляет право Франции распространить свой протекторат на все монастыри, в которых исповедуется «франкская» религия, независимо от того, какому бы государству эти монастыри ни принадлежали, а также на всех франкских паломников к святым местам.

Россия была первой державой, включившей в 1774 г. составленную по примеру Франции капитуляцию в *договор,* а именно в Кайнарджийский договор. Точно так же Наполеон в 1802 г. счел полезным сделать существование и сохранение капитуляции предметом одной из статей договора и придать капитуляции характер взаимно связывающего контракта.

В какой же связи с вопросом о протекторате стоит вопрос о святых местах?

Вопрос о святых местах — это вопрос о протекторате над обосновавшимися в Иерусалиме религиозными общинами православных христиан и над зданиями, которыми они. владеют на святой земле, в особенности же над церковью гроба господня. Понятно, что владение в данном случае означает не собственность, в которой коран отказывает христианам, а лишь право *пользования.* Это право *пользования* отнюдь не исключает возможности для других общин совершать свои богослужения в том же месте; владельцы не имеют никаких других привилегий, кроме права держать *ключи,* посещать и ремонтировать здания, зажигать святую лампаду, выметать помещения и расстилать ковры, что считается на Востоке символом владения. Поскольку святые места являются как бы олицетворением христианства, постольку и вопрос о протекторате приобрел в связи с ними наибольшую остроту.

Во владении святыми местами и церковью гроба господня участвуют католики, православные, армяне, абиссинцы, сирийцы и копты. Между всеми этими различными претендентами возник конфликт. Европейские монархи, видевшие в этих религиозных распрях вопрос своего влияния на Востоке, обратились прежде всего к хозяевам земли — фанатичным и жадным пашам, злоупотреблявшим своим положением. Оттоманская Порта и ее чиновники усвоили в высшей степени хлопотную systeme de bascule* и решали воп*ос попеременно в пользу католиков, православных и армян, требуя и получая золото из тех и других рук и потешаясь над всеми. Едва лишь успевали турки вручить фирман на владение спорным местом католикам, как появлялись армяне с более увесистым кошельком и мгновенно добивались противоположного фирмана. Такая же тактика проводилась в отношении православных, которые, кроме того, как официально засвидетельствовано в различных фирманах Порты и в «хаджетс» (постановлениях) ее чиновников, всячески создавали себе ложные и поддельные титулы на владение. В других случаях решения правительства султана сводились на нет в результате корыстолюбия и злой воли пашей и низших чиновников в Сирии. Тогда приходилось снова начинать переговоры, назначать новых комиссаров и приносить новые денежные жертвы. То, что в прежние времена Порта делала ради денег, теперь она стала делать из страха, чтобы приобрести протекцию и покровительство. Уступив требованиям Франции и притязаниям католиков, она спешит сделать такие же уступки России и православным, стремясь

* — систему качелей. *Ред.*

таким образом спастись от бури, сопротивляться которой она не в силах. Ведь нет святыни, часовни, камня от церкви гроба господня, которые не были бы использованы, чтобы вызвать споры между различными христианскими общинами.

Вокруг гроба господня мы находим скопление всех многочисленных христианских сект, за религиозными притязаниями которых скрывается такое же множество политических и национальных соперничеств.

В Иерусалиме и святых местах проживают различные национальности, которые в зависимости от религиозной принадлежности делятся на католиков, греко-православных, армян, коптов, абиссинцев и сирийцев. Греко-православных насчитывается 2000, католиков — 1000, армян — 350, коптов — 100, сирийцев — 20 и абиссинцев — 20. Всего — 3490. В Оттоманской империи имеется — 13730000 греко-православных, 2400000 армян и 900000 католиков. Каждая из этих групп, в свою очередь, делится на более мелкие. Греко-православная церковь, о которой я говорил выше и которая признает константинопольского патриарха, существенно отличается от русско-православной, высшей духовной властью которой является царь, и от эллинской, верховными главами которой являются король и афинский синод. Точно так же и католики делятся на римских католиков, греко-униатов и маронитов; армяне — на григорианских и армян-католиков; так же подразделяются копты и абиссинцы. Тремя преобладающими церквами в святых местах являются греко-православная, католическая и армянская. Католическая церковь, можно сказать, представляет преимущественно латинские народы; греко-православная — славян, турецких славян и эллинов, остальные церкви — азиатские и африканские народы.

Легко себе представить, как все эти враждующие элементы осаждают гроб господень, как монахи ведут войну, внешним поводом для которой является обладание вифлеемской звездой, каким-нибудь покрывалом, ключом от святилища, алтарем, гробницей, престолом, подушкой— словом, стремлением к какому-нибудь смехотворному преимуществу!

Чтобы понять этот крестовый поход монахов, необходимо иметь в виду, во-первых, их образ жизни и, во-вторых, характер их жилищ.

Один путешественник недавно рассказывал об этом:

«Все эти религиозные отбросы различных наций живут в Иерусалиме обособленно, враждуя и соперничая друг с другом; это — бродячее население, беспрестанно пополняющееся за счет паломников и истребляемое чумой и нищетой. Через несколько лет европеец умирает или возвращается

обратно в Европу, паши и их гвардия отправляются в Дамаск или Константинополь, а арабы бегут в пустыню. Иерусалим—это такое место, куда каждый приезжает на время, но никто не оседает прочно. В священном городе каждый находит источник существования в своей религии — греко-православные и армяне живут подаяниями тех 12000 или 13000 паломников, которые ежегодно посещают Иерусалим, католики — субсидиями и подачками, которые они получают от своих единоверцев во Франции, Италии и т. д.».

Кроме монастырей и святилищ во владении христиан в Иерусалиме находятся небольшие жилые помещения, или кельи, пристроенные к храму гроба господня и населенные монахами, которые должны днем и ночью охранять это святое место. В определенные сроки монахи, исполняющие эти обязанности, сменяются. У келий имеется лишь одна дверь, ведущая внутрь храма; пищу духовные стражи получают извне через форточку. Церковные двери заперты и охраняются турками, которые открывают их лишь за деньги и закрывают по своему усмотрению, руководствуясь капризом или корыстолюбием.

Споры между церковниками — всегда самые ядовитые, говорил Мазарини. Что же сказать об этих церковниках, которые не только все живут за счет святых мест, но и в них, и притом все вместе! В довершение картины надо напомнить, что отцы католической церкви, состоящие почти исключительно из римлян, сардинцев, неаполитанцев, испанцев и австрийцев, все одинаково ревниво относятся к французскому протекторату, который они охотно заменили бы австрийским, сардинским или неаполитанским; тем более, что короли сардинский и неаполитанский оба присвоили себе титул «короля иерусалимского». К этому присоединяется то, что оседлое население Иерусалима насчитывает 15500 душ, из которых 4000 мусульман и 8000 евреев. Мусульмане, составляющие около четверти всего населения и включающие в себя турок, арабов и мавров, само собой разумеется, являются во всех отношениях господами, так как слабость турецкого правительства в Константинополе совершенно не сказывается на их положении. Нищета и страдания, испытываемые евреями в Иерусалиме, не поддаются никакому описанию, они живут в самом грязном квартале города, называемом Харет-эль-Яхуд, между Сионом и Мориа, где находятся их синагоги, и непрерывно подвергаются угнетению и проявлениям нетерпимости со стороны мусульман; оскорбляемые православными, преследуемые католиками, они живут лишь скудными подачками, которые получают от своих братьев в Европе. Но евреи здесь не коренное население, это уроженцы различных и отдаленных стран, и в Иерусалим привлекает их лишь желание жить

в долине Иосафата и умереть в тех самых местах, где должен появиться искупитель.

«В ожидании смерти», — говорит один французский писатель, — «они терпят и молятся. Устремив свои глаза на гору Мориа, где некогда стоял храм Соломонов и к которой им не разрешено приближаться, они оплакивают несчастия Сиона и то, что им пришлось рассеяться по всему свету».

В довершение всего Англия и Пруссия в 1840 г. командировали в Иерусалим англиканского епископа, с заведомой целью— обратить этих евреев. В 1845 г. он был страшно избит и осмеян как евреями, так и христианами и турками. О нем, действительно, можно сказать, что он явился первым и единственным поводом объединения всех религий в Иерусалиме.

Теперь понятно, почему совместное богослужение христиан в святых местах сводится к бесконечным отчаянным «ирландским потасовкам» между различными группами верующих; но, с другой стороны, эти священные потасовки лишь служат прикрытием для весьма нечестивой войны не только государств, но и народов, и вопрос о протекторате над святыми местами, который западноевропейскому человеку кажется столь смехотворным, а восточному — столь необычайно важным, является только одной из фаз восточного вопроса, постоянно вновь возникающего, всегда затушевываемого, но никогда не разрешаемого.

Написано К. Марксом 28 марта 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4054, 15 апреля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ

Лондон, вторник, 4 апреля 1854 г.

Одной из особенностей английской трагедии, настолько оскорбительной для чувств француза, что Вольтер даже назвал Шекспира пьяным дикарем[110], является причудливая смесь возвышенного и низменного, страшного и смешного, героического и шутовского. Но нигде Шекспир не возлагает на шута задачу — произнести пролог к героической драме. Честь этого изобретения принадлежит коалиционному министерству. Милорд Абердин сыграл роль если не английского шута, то итальянского Панталоне[111]. Поверхностному наблюдателю кажется, будто все великие исторические движения в конце концов оборачиваются фарсом или, по крайней мере, банальностью. Но начать с этого, вот черта, свойственная только трагедии, носящей название: *война с Россией,* пролог к которой был разыгран в пятницу вечером одновременно в обеих палатах парламента; там был обсужден и единогласно принят ответ министерства на королевский адрес, с таким расчетом, чтобы вчера после обеда ответ этот уже мог быть вручен королеве, восседающей на тропе в Бакингемском дворце. То, что произошло в палате лордов, можно объяснить очень кратко. Лорд Кларендон изложил правительственную точку зрения, лорд Дерби — точку зрения оппозиции. Один говорил, как человек, находящийся у власти, другой — как человек, отстраненный от власти.

Лорд Абердин, благородный граф, стоящий во главе правительства, этот «остроумный» поверенный царя, «милый, хороший, превосходный» Абердин Луи-Филиппа, «достойный уважения джентльмен» Пия **IX,** хотя и закончил свою проповедь обычными хуыкауиями о мире, но во время большей части

своего выступления вызывал у лордов взрывы смеха, объявив войну не России, а лондонскому еженедельнику «Press». Лорд Малмсбери возразил благородному графу. Лорд Брум, эта «глупая старая баба», как его называл Уильям Коббет, сделал открытие, что предпринимаемая борьба «не из легких». Граф Грей, умудрившийся в свойственном ему христианском духе превратить британские колонии в самую печальную юдоль на свете, напомнил британскому народу, что тон и настроение дебатов о войне и чувство враждебности к царю и его казакам не соответствуют духу, с которым христианская нация должна начинать войну. Граф Хардуик высказал мнение, что средства, которыми располагает Англия, недостаточны для борьбы с русским флотом. Военная сила Англии в Балтийском море должна составлять не менее 20 хорошо укомплектованных и вооруженных линейных кораблей с дисциплинированной командой и не следует, как это сделали, вступать в бой с кучкой только что набранных людей, ибо такая толпа на линейном корабле во время боя хуже всякой другой толпы. Маркиз Ленсдаун встал на защиту правительства и выразил надежду, что война будет короткой и закончится победой, потому что (и это характерно для уровня понимания благородного лорда) «это — не династическая война, которая обычно влечет за собой важнейшие последствия и которую наиболее трудно закончить».

После этой приятной conversazione*, в которую каждый вставил свое словечко, адрес был принят nemine coneradicente**.

И все новое, что мы узнали из этой conversazione, исчерпывается несколькими официальными заявлениями лорда Кларендона и некоторыми данными из истории секретного меморандума 1844 года. Лорд Кларендон констатировал, что «в данный момент *соглашение с Францией* заключается лишь в *обмене нотами,* содержащими только указания насчет военных операций». Следовательно, в данный момент *никакого договора* между Англией и Францией не существует. Об Австрии и Пруссии он сообщил, что первая будет сохранять вооруженный нейтралитет, а вторая — простой нейтралитет, но что «при такой войне, которая будет теперь разыгрываться у границ обоих государств, им будет невозможно сохранить какой-либо нейтралитет». Наконец, он заявил, что мир, которым закончится грядущая война, только в том случае будет

* — беседы. *Ред.*
** — без возражений. *Ред.*

славным миром, «если удастся обеспечить за христианскими подданными Турции равноправие и свободу».

Но мы знаем, что шейх-уль-ислам уже смещен за то, что отказался своей фетвой санкционировать договор, устанавливающий это равноправие; что старо-турецкое население Константинополя возбуждено в высшей степени; а из телеграммы, полученной сегодня, мы узнаем, что царь заявил Пруссии о своей готовности вывести свои войска из Дунайских княжеств, если западным державам удастся навязать Порте такой договор. У него нет другой цели, кроме ниспровержения османского господства. И если западные державы намерены сделать это вместо него, то он, разумеется, не так безрассуден, чтобы начать с ними войну.

Теперь перейдем к истории секретного меморандума, как я себе уяснил ее из речей Дерби, Абердина, Малмсбери и Гран-вилла. Меморандум «должен был быть временным, условным и секретным соглашением между Россией, Австрией и Англией на предмет некоторых приготовлений, касающихся Турции, к которым Францию, без какого-либо согласия с ее стороны, должны были заставить присоединиться». Этот меморандум, описываемый лордом Малмсбери в вышеприведенных выражениях, явился результатом секретных совещаний между царем, графом Абердином, герцогом Веллингтоном и сэром Робертом Пилем. Именно по совету Абердина царь обратился к герцогу и к сэру Роберту Пилю. Остается невыясненным в споре между лордом Абердином и его противниками, был ли составлен документ графом Нессельроде после возвращения царя из Англии в С.-Петербург в 1844 г. или же его составили сами английские министры как запись сообщений, сделанных императором.

То отношение, которое имел граф Абердин к этому документу, отличалось от простого отношения министра к любому официальному документу, что — по утверждению лорда Малмсбери — доказывается *другим документом, не предъявленным палате.* Меморандум признается в высшей степени важным и не подлежащим сообщению другим державам, вопреки заверениям Абердина, что он сообщил «существо» его Франции. Во всяком случае царь ничего не знал о том, что такое сообщение имело место. Меморандум был одобрен и санкционирован герцогом Веллингтоном и сэром Робертом Пилем. Однако он не был сообщен и не был представлен для оценки кабинету Пиля, членом которого был тогда лорд Дерби. Он не хранился с обычными бумагами министерства иностранных дел; при смене кабинета министр лично передавал его для хранения своему преемнику, в министерстве же иностранных дел никакой копии

его не имелось. Когда лорд Дерби вступил в должность, он ничего не знал о меморандуме, хотя сам был членом кабинета Пиля в 1844 году. Покидая пост министра иностранных дел, граф Абердин передал шкатулку с меморандумом лорду Пальмерстону, передавшему этот ящик Пандоры[112] своему преемнику, графу Гранвиллу, который в свою очередь, как он сам рассказывает, вручил его по требованию барона Бруннова, русского посла, графу Малмсбери при его вступлении в министерство иностранных дел. Но, по-видимому, к этому времени была произведена замена или, говоря точнее, подделка подлинной подписи документа, так как граф Гранвилл переслал его графу Малмсбери с замечанием, что это — меморандум, составленный *бароном Брунновым* в результате совещаний между императором России, сэром Робертом Пилем и лордом Абердином, имя же герцога Веллингтона вовсе не было упомянуто. Нельзя придумать никакого другого мотива для такого неверного обозначения, кроме стремления затушевать важность меморандума, представив его как простые записи посла, а не как официальный документ, вышедший из с.-петербургской дворцовой канцелярии.

Россия придавала такое значение этому документу, что через 48 часов после вступления в должность лорда Малмсбери его посетил барон Бруннов и спросил, читал ли он его уже. Но Малмсбери тогда его еще не прочел, потому что документ был вручен ему лишь несколько дней спустя. Барон Бруннов настойчиво указывал ему на необходимость прочесть этот документ, который, как он утверждал, *составляет ключ ко всем переговорам с Россией.* С этого момента, впрочем, он не говорил больше об этом документе с членами правительства Дерби, так как, очевидно, считал торийское правительство слишком слабым и неустойчивым для проведения русской политики. В декабре 1852 г. правительство Дерби ушло в отставку, а вскоре, 11 января, лишь только известие об образовании коалиционного министерства достигло С.-Петербурга, царь снова поставил этот вопрос — достаточное доказательство того, что он считал «кабинет всех талантов» способным действовать дальше на основе этого меморандума.

Итак, перед нами компрометирующие разоблачения, сделанные в палате лордов самыми неопровержимыми свидетелями, поскольку каждый из них в свое время был премьером или министром иностранных дел Великобритании. Английский министр иностранных дел заключает тайно «условное соглашение» с Россией, — сказано в меморандуме, — и притом не только без санкции парламента, но за спиной своих собственных коллег,

из которых лишь двое были посвящены в тайну. Документ в течение десяти лет не передается в министерство иностранных дел; его прячут в потайном хранилище сменяющие друг друга министры. При уходе со сцены какого-либо министра русский посол появляется на Даунинг-стрит[113] и сообщает его преемнику, чтобы он хорошенько ознакомился с договором, с секретным договором, заключенным отнюдь не между законными представительствами нации, а между некоторыми министрами кабинета и царем, и чтобы он в точности соблюдал линию поведения, которую ему предписывает русский меморандум, сочиненный в с.-петербургской дворцовой канцелярии.

Если это не открытое нарушение конституции, если это не заговор и государственная измена, если это не тайное соглашение с Россией, тогда мы уж не знаем, что понимается под этими выражениями.

В то же время мы узнаем из этих разоблачений, почему преступники, чувствуя себя в полной безопасности, могут спокойно оставаться у руля государственного корабля, и притом во время явной войны с той самой Россией, с которой они, их в этом уличили, непрестанно конспирировали; мы узнаем также, почему парламентская оппозиция является чистым шарлатанством, пущенным в ход, чтобы досадить правительству, но не для того, чтобы воспрепятствовать его деятельности. Все министры иностранных дел и, следовательно, все сменявшие друг друга с 1844 г. правительства являются соучастниками преступления; каждый становился им с того момента, как не удосуживался бросить обвинение своему предшественнику и молчаливо принимал таинственную шкатулку. Уже одно только намерение утаить делает каждого из них виновным. Скрывая заговор от парламента, каждый тем самым становился участником заговора. Закон считает укрывателя краденого таким же преступником, как самого вора. При всяком судебном процессе были бы повержены в прах не только коалиционное министерство, но и его соперники, не только данные министры, но и парламентские партии, которые они представляют, и не только эти партии, но и господствующие классы Англии.

Замечу, en passant[*], что единственную достойную внимания речь в палате лордов произнес граф Дерби. Но его критика меморандума и секретной переписки, — и то же самое я могу сказать о дебатах в палате общин, — не содержит ничего такого, чего бы я уже не сообщил вам в сделанном мной обширном изложении этого рокового меморандума и этой необычайной переписки[**].

---

[*] — между прочим. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 137—148 и 149—164. *Ред.*

«Право объявления войны, это — прерогатива, подлинная прерогатива короны; и если королева обращается к парламенту и сообщает ему, что сочла необходимым начать войну, то это не может служить поводом для палаты общин высказываться о том, уместна или неуместна война. При таких обстоятельствах долг палаты — сплотиться вокруг престола -и лишь впоследствии при подходящем и соответствующем конституции случае обсудить политику, которая смогла привести к войне».

Так заявил в палате общин г-н Дизраэли, и так говорили все члены палаты общин, и все же газета «Times» заполняет семнадцать столбцов их комментариями к этой политике. Почему? Да именно потому, что это был «неподходящий случай» и их болтовня должна была остаться безрезультатной. Я должен, впрочем, сделать исключение для г-на Лейарда, который заявил прямо:

«Если бы, выслушав его, палата пришла к убеждению, что поведение министров дает повод к парламентскому запросу, то он не отступил бы от возлагаемой на него этим обязанности и был бы готов просить министров назначить в ближайшем будущем день, когда он сможет поставить этот запрос».

Понятно теперь, почему «Times» начинает сомневаться в подлинности ассирийских открытий г-на Лейарда[114].

Лорд Дж. Рассел, читавший адрес в палате общин, отличался от лорда Кларендона только своеобразным произношением слов: неприкосновенность, независимость, свобода, цивилизация, которым он снискал аплодисменты со стороны более простой публики.

Г-н Лейард, выступивший с ответом, совершил два грубых промаха, испортивших впечатление от его в общем замечательной речи. Во-первых, он пытался доказать существование двух противоположных элементов в коалиционном министерстве — русского элемента и английского элемента, фракции Абердина и фракции Пальмерстона, между тем как в действительности эти обе фракции ничем не отличаются одна от другой, кроме языка и способа пресмыкаться перед Россией. Один лидер является приверженцем России, потому что ее не понимает, а другой — несмотря на то, что понимает ее. Первый поэтому является открытым сторонником России, второй — ее тайным агентом. Первый поэтому служит бескорыстно, второму за его службу платят. Первый менее опасен, так как становится в открытое противоречие с чувствами английского народа; второй приносит непоправимый вред, так как выдает себя за воплощение национальной враждебности к России. Что касается г-на Лейарда, то приходится предположить, что он не знает человека, которого выдвигает в противоположность Абердину. А для г-на Дизраэли, который ссылался на ту же противопо-

ложность, такого извинения нет. Ибо никто не знает лорда Пальмерстона лучше, чем этот вождь оппозиции, уже в 1844 г. заявивший, что никогда еще иностранная политика ни одного министра не была столь гибельной для британских интересов, как политика благородного лорда. Вторым промахом, совершенным г-ном Лейардом, было утверждение, что газета «Times» является прямым органом партии Абердина, на том основании, что она черпала материал для своих передовых из секретной и конфиденциальной переписки уже через два-три дня после ее прибытия, стремясь убедить страну согласиться на бесчестную сделку, намеченную в С.-Петербурге; в особенности это касается статей, появившихся в феврале и марте прошлого года. Лейард сделал бы лучше, если бы, подобно лорду Пальмерстону, допустил, что этот материал доставляется газете русским посольством в Лондоне; это дало бы возможность уличить и «Times» и министерство иностранных дел в том, что они оба являются органами с.-петербургского кабинета.

Полагая, что «Times» действительно представляет большую силу, чем коалиционное правительство, не из-за своих взглядов, а из-за тех сообщений, в которых раскрывается предательский характер этой секретной корреспонденции, я привожу полностью заявление г-на Лейарда против этой газеты.

«Первая из этих секретных депеш была получена в Англии 23 января 1853 г., а 26 числа того же месяца в «Times» появилась первая статья из тех, на которые оратор ссылался. Следующая депеша была получена 6 февраля 1853 г. и 11 числа того же месяца, спустя четыре дня, появилась экстренная статья в «Times», из которой приводится выдержка. В этой статье говорилось: «Мы не думаем, чтобы целью русской политики было ускорение катастрофы на Востоке; Англия снова окажет добрые услуги, чтобы смягчить опасность положения, которое становится критическим. Однако мы не должны забывать, что попытка продления грубой и дряхлой власти турок в Европе может быть осуществлена лишь ценой подчинения плодородных провинций и многолюдного христианского населения варварскому правлению; мы будем рады, если цивилизация и христианство исправят зло, причиненное оттоманским завоеванием».

Газета «Times» в номере от 23 февраля 1853 г. после ряда замечаний об истощении Турции снова заявила:

«Крайний политический упадок, полное отсутствие способных и неподкупных людей в числе ее правителей, уменьшение мусульманского населения и истощенное казначейство Порта по какому-то странному контрасту сочетает с господством над некоторыми из самых плодородных областей, лучшими портами и наиболее предприимчивым и одаренным народом Южной Европы... Трудно понять, как столь великое и несомненное зло еще может так долго находить защитников в среде политических деятелей, рассматривающих его как относительное благо; хотя мы и отдаем себе отчет в трудностях, вытекающих из каких-либо перемен на территории столь обширной империи, — мы все же склонны предвидеть не с тревогой, а с удовлетворением тот момент», — откуда «Times» знает, что этот момент близок? — «когда нельзя уже будет продлить господство такого прави-

тельства, как правительство Порты, над такой страной, как та, которая подчинена его власти. Может быть, этот срок менее далек, чем обычно его представляют, и, может быть, некоторые мудрые государственные деятели уже подготовляют меры на случай подобного исхода, дальнейшее неопределенное откладывание которого не в их власти. Мы не думаем и не намерены предполагать, что у Австрии и России имеются в настоящее время или были разработаны ранее без ведома других европейских держав какие-либо планы, враждебные территориальным притязаниям Оттоманской империи. У нас есть достаточные основания полагать», — когда «Times» заявляет это, мы знаем, что это значит, — «что князь Меншиков послан из С.-Петербурга в Константинополь в качестве чрезвычайного посла, со специальным поручением — заявить от имени императора Николая, что царь, как глава православной церкви, не может сам подчиниться и не может заставить подчиниться восточную церковь условиям фирмана, полученного недавно французским послом по вопросу о святых местах в святой земле».

Первое сообщение о миссии князя Меншикова содержалось в депешах сэра Г. Сеймура, полученных 14 и 21 февраля. Важно отметить, что 6 марта 1853 г. прибыла депеша, передающая весь план русского императора о разделе Турции. Ответ на нее, как уже сказано, был послан лишь 23 марта; до 13 марта не состоялось ни одного заседания кабинета, хотя некоторые члены правительства за неделю до этого получили предложение императора. Их коллегам это предложение было сообщено лишь 13 марта; зато оно заранее было сообщено в «Times», ибо 7 марта, на следующий день после получения депеши, о которой еще никто не мог знать, кроме двух или трех членов кабинета, и которую не мог видеть ни один служащий в министерстве иностранных дел, — в «Times» появилась подробная статья (Слушайте! Слушайте!), в которой между прочим говорилось:

«Положение Турецкой империи и отношение европейских держав к Востоку — это предмет, над которым следует пораздумать политикам и независимой прессе, чтобы составить и сформулировать свою точку зрения, хотя осуществление соответствующих планов является еще делом несвоевременным и отдаленным. Государственные деятели, вынужденные заниматься повседневной политикой и всякий раз придерживаться правил так называемой государственной необходимости, ограничены узкими рамками и, по-видимому, неспособны выдвинуть новую или оригинальную идею, если она предварительно не была предметом внимания и размышления публики».

Благородному лорду следует особенно обратить внимание на дальнейшие слова в «Times», так как они имеют отношение к возражению, которое было им сделано: «Вот почему нас отнюдь не удивляет, что, намекая на затруднения, недавно возникшие в Турции и в особенности на ее европейских границах, лорд Джон Рассел выразил свое несогласие с теми взглядами, которые недавно высказывались на этот счет, и в свою очередь повторил, — со всей ответственностью официального лица, — старую басню о целостности и независимости Оттоманской империи. На нас, однако, такого рода доводы не действуют».

Каким образом автор статьи знал о несогласии благородного лорда? (Слушайте!) Далее статья продолжает:

«Мы не согласны с мнением лорда Дж. Рассела, будто в данное время не может быть большего бедствия для Европы, чем необходимость обсудить, что делать, если встанет вопрос о разделе Турецкой империи».

Пусть палата обратит внимание на следующие слова, которые почти целиком совпадают со словами русского императора:

«Было бы, мы полагаем, еще бо́льшим бедствием, если бы расчленение Турции началось раньше, чем состоится обсуждение этого вопроса». (Слушайте! Слушайте!) Это те же самые слова. Далее автор статьи продолжает:

«И мы должны выразить свое удивление по поводу того, что государственный деятель смешивает политику, которую ему надлежало бы проводить в случае распада Турецкой империи, с политикой, которая привела к разделу Польши. Разумеется, соображения государственной необходимости остаются в силе применительно к сохранению неприкосновенности и независимости Турецкой империи. Но эти соображения, которым можно противопоставить множество отрицательных моментов, в действительности означают лишь боязнь приступить к разрешению важного и сложного вопроса. В самом деле, по этому вопросу имеются столь закоренелые предрассудки, особенно поощрявшиеся за последние годы, что даже попытка обсудить вопрос в его истинном значении рассматривается в некоторых кругах как акт политической развращенности и нарушения всех законов, которыми различные государства связаны между собой».

Следующая статья появилась 10 марта. Палата, может быть, находит неубедительными приведенные до сих пор доказательства того, что автор статьи в «Times» употреблял точные выражения депеши. Статья, которая сейчас будет прочитана, не оставляет на этот счет никакого сомнения. 10 марта появилась статья, начинающаяся такими словами:

«Князь Меншиков прибывает с более определенным дипломатическим поручением, и у нас есть основания полагать, что его инструкции носят более примирительный характер, чем инструкции графа Лейнингена».

Подобное выражение можно найти в депеше сэра Г. Сеймура от 21 февраля:

«Его превосходительство (граф Нессельроде) желал заверить меня, что инструкции, которые получит князь Меншиков, будут носить примирительный характер».

Далее статья продолжает:

«Мы осмеливаемся заявить, что современные государственные деятели обнаруживают некоторую бедность средств, когда им приходится иметь дело с вопросом, касающимся цивилизации в нескольких обширных провинциях, возвращения самому христианству того преобладания, которым оно некогда пользовалось во всей Европе, обеспечения прогресса и благосостояния миллионов людей; единственным решением, на котором они могут договориться, это — украсить голову турка тюрбаном и продолжать считать это символом силы и власти».

19 марта состоялось заседание кабинета, на котором обсуждалась депеша, полученная 6 марта: ответ на нее, отправленный 23 марта, заключал в себе следующие строки: «Хотя правительство ее величества считает необходимым придерживаться принципов политики, изложенной в депеше лорда Джона Рассела от 9 февраля, оно все же охотно присоединяется к пожеланиям императора откровенно обсуждать вопрос и в дальнейшем».

В тот же день в «Times» появилась статья, в которой можно было найти фразы, имеющиеся в депеше лорда Кларендона. Статья начиналась так:

«Наши взгляды на настоящее положение и дальнейшие перспективы Оттоманской империи не совпадают с точкой зрения, которой придерживается лорд Дж. Рассел и которая была сообщена им палате общин. Эти взгляды отличаются от той политики, которую наша страна проводила в прошлом в ряде случаев, и совершенно отличаются от той системы, которую не совсем блестяще и не особенно успешно пытается защищать большая часть лондонской прессы».

Британской печати делает честь, что она не придерживается точки зрения газеты «Times», хотя у нее и нет тех блестяще отточенных стрел, которые однажды пошатнули положение министра колоний и чуть было не опрокинули кабинет. В конце этой статьи в «Times» говорится:

«Он» (император) «заявил, что предметом его желаний является поддерживать хорошие отношения с нашей страной и заслужить ее доверие. Его переговоры по данному вопросу будут испытанием искренности его заверений; но не может быть большего доказательства его умеренности и доброжелательства по отношению к Турции и остальной Европе, чем готовность продолжать и впредь сотрудничество в этом вопросе с британским правительством».

В тот самый день, когда газета «Times» объявила, что ее попытки примирить британскую публику с разделом Турции не имели успеха, ответ на депешу, с которым медлили целых 16 дней, был послан в С.-Петербург. (Слушайте! Слушайте!) Нет необходимости дальше утомлять палату новыми цитатами из «Times»».

Г-н Брайт поддержал г-на Кобдена, чтобы снова дать лорду Пальмерстону возможность снискать себе популярность бранью по адресу России и лицемерно-энергичным отстаиванием политики войны. Пальмерстон между прочим заявил:

«Но тем, кто следил за европейскими делами в течение значительного периода времени, я думаю, известно, что взгляды России на Турцию сложились не вчера и не недавно. (Слушайте!) Известно, что уже в течение длительного времени политика России имела своей неизменной и заведомой целью приобрести во владение по крайней мере европейскую часть Турции, а затем и Азиатскую Турцию. Эта политика проводилась с неуклонной и систематической настойчивостью. Она никогда не упускалась из виду. Когда обстоятельства были благоприятные, делался шаг вперед, когда же обнаруживались препятствия, делался шаг назад, но лишь для того, чтобы лучше использовать ближайший представившийся случай. (Слушайте! Слушайте!) Отсрочка никогда не была подходящим средством, чтобы укротить Россию и заставить ее отступиться от своих планов. Ее политика состояла в том, чтобы всегда иметь в виду свою цель — не спешить, не терять намеченный предмет преждевременным его захватом, но следить за курсом политики других европейских правительств и использовать каждый возможный случай, чтобы хотя бы незначительно продвинуться по направлению к поставленной конечной цели».

Если сравнить это заявление лорда Пальмерстона с заявлениями, сделанными им в 1829, 1830, 1831, 1833, 1836, 1840, 1841, 1842, 1843, 1846, 1848, 1849 годах, то оказывается, что оно служит ответом не столько г-ну Брайту, сколько собственной прежней политике[115]. Но в то самое время, как этот коварный враг старается приобрести симпатии публики яростными нападками на Россию, он обеспечивает себе, с другой стороны, симпатии царя следующим замечанием:

«Господа, разве я порицаю русское правительство за то, что оно ведет подобную политику? Политика расширений, проводимая законными средствами, это — политика, которую вы можете считать опасной для себя, против которой вы можете бороться, как угрожающей независимости и

свободе других государств, но которая не дает повода для осуждения правительства, которое проводит эту политику, -если только оно пользуется открытыми, искренними и общепризнанными средствами, без утайки, без уверток и без обмана. К сожалению, я должен признать, что путь, избранный русским правительством в ходе последних событий, не является тем открытым и прямым путем, который бы оправдывал ее открыто признаваемую и смело провозглашаемую политику».

Но единственным упреком, который может быть брошен русскому правительству, как раз и является, как выразился г-н Дизраэли, его *роковая откровенность.* Таким образом, осуждая то, чего Россия не делала, Пальмерстон полностью одобряет все, что она в действительности сделала.

Критика г-ном Дизраэли тайных документов была, как всегда, умна, но не достигла цели ввиду его заявления, что критика теперь несвоевременна и что он обратился к палате с единственной целью поддержать адрес королевы. Досадно видеть, как такой талантливый человек из-за мелкого карьеризма и соображений партийной политики заискивает перед каким-нибудь Пальмерстоном не только в парламенте, но даже в своем солидном органе «Press».

Во вчерашнем заседании палаты сэр Дж. Грехем сообщил о получении известия, что флот вошел в Черное море и находится сейчас вблизи от Варны.

Лорд Абердин заявил в палате лордов, что во вторник 11 апреля он намерен предложить отсрочку заседаний палаты до четверга 27 апреля.

Написано К. Марксом 4 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4055, 17 апреля 1854 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* РОССИЯ И НЕМЕЦКИЕ ДЕРЖАВЫ. — ЦЕНЫ НА ХЛЕБ

Лондон, пятница, 7 апреля 1854 г.

Лорд Кларендон заявил вчера в палате лордов, что «он имеет основание считать» известие о высадке в Добрудже 4000 русских, прибывших на транспортных судах из Одессы, неверным. Ему неизвестно, чтобы русский флот покинул Севастополь, который почти все время находится под наблюдением английских или французских военных судов. Относительно кажущейся бездеятельности флотов он хотел бы сказать, что блокада Севастополя и Одессы может быть начата лишь при участии всего союзного флота и что ввиду ненастного времени года это было бы опасным предприятием. Он поэтому полагает, что поступили весьма политично, задержав флот в Бейкозе. Венский корреспондент газеты «Times» присоединяется к этим соображениям лорда Кларендона и, кроме того, раскрывает истинные причины его политики. С тех пор как стали известны переговоры об «освобождении христиан», опасение восстаний в Константинополе более основательно, чем когда-либо. Было бы поэтому в высшей степени «неполитично» вывести флот из Босфора раньше, чем появится достаточная сухопутная сила, то есть достаточная, чтобы заставить замолчать турок.

В палате общин лорд Джон Рассел заявил, что ответственность за волнения в Греции ложится на афинский двор, ибо он — сначала тайно, а теперь явно — поддерживал их.

Парламентские дебаты на этой неделе не представляют ничего интересного, за исключением прений по предложению г-на Мура о выделении специального комитета для рассмотрения дела о назначении Г. Стонора судьей в колонию Виктория. На

закрытом заседании палаты было установлено, что этот Стонор виновен в подкупах во время выборов в местечке Слайго в 1853 году. Палата постановила выделить комиссию. Однако в действительности преследование г-на Стонора является лишь предлогом для возобновления на новой почве борьбы между двумя фракциями расколовшейся ирландской бригады[116]. До какой степени ханжеская клика г-на Гладстона и его сторонников-пилитов вовлечена и замешана в эти ирландские скандалы, можно судить по следующей заметке в «Morning Post»:

«В предъявленных письмах, распространяемых слухах и документах, представленных парламентским комиссиям за последние несколько недель, многое призвано укрепить подозрение, что фракция пилитов в составе коалиции с некоторых пор систематически пользуется услугами агентов для оказания влияния на выборы в Ирландии и что фракция широко снабжала их деньгами для этих целей. Особенно скомпрометирован герцог Ньюкасл. Как обнаружилось, состоялось — по-видимому, по его указанию — совещание по вопросу о продвижении по службе лиц, осуществлявших избирательные махинации».

Сегодня газета «Daily News» публикует договор между Францией, Англией и Турцией, который, впрочем, содержит только соглашение о военных действиях. Западные державы остерегаются формулировать в договоре истинные условия своей «помощи султану». Эти условия навязаны лордом Стратфордом де Редклиффом с помощью угроз in loco* и затем представлены как добровольный акт турецкого правительства.

Мирная миссия князя Мекленбурга в Берлине не имела другой цели, как дать прусскому королю лишний предлог держаться в стороне от западного союза. Мне пишут из Берлина, что Россия только в том случае согласна признать нейтралитет Швеции, если король обязуется вновь предписать комендантам шведских гаваней соблюдение старых правил, по которым в районе обстрела береговых орудий разрешается бросать якорь не более чем четырем иностранным военным судам. Так как этот приказ существенно отличается от правил нейтралитета, принятых Швецией и Данией, то надо ожидать новых переговоров между скандинавскими державами, с одной стороны, и западными — с другой. В Стокгольме широко распространено мнение, что русские откажутся от оккупации Аландских островов и сроют там свои укрепления, увезя с собой орудия и прочие военные материалы. Полученная сегодня телеграмма сообщает, что это уже сделано[117].

* — на месте. *Ред.*

Австрийский corps d'observation* в юго-восточных районах Венгрии теперь в полной боевой готовности и разместился на отведенных ему в разных местах позициях. Концентрация потребовала от десяти до двенадцати дней. Немецкие газеты вообще полагают, что эта армия предназначена для нападения на турецкую армию с фланга в случае активного присоединения Австрии к России и что это не представит никаких трудностей. Но австрийцы могут проникнуть в Турцию только через Мехадию, где они будут иметь перед собой турецкую армию, либо через Белград, где они окажутся на одной линии с растянутым левым флангом турок. Поэтому гораздо вероятнее, что если австрийцы вступят в Турцию с враждебными намерениями, то они пойдут от Белграда к Софии через Крушевац и Ниш. Но и в этом случае у турок будет более короткий путь к Софии, если они направятся от Видина прямо на юг.

В отчете прусского комитета по делам займов, доложенном в нижней палате, изложена политика, проводившаяся Пруссией в восточном вопросе, и преданы гласности некоторые дипломатические документы, не попавшие еще в английскую прессу. Я намерен поэтому привести из этого отчета несколько важных извлечений.

В конце января, одновременно с тем, как граф Орлов сделал соответствующие предложения австрийскому двору, русский посол в Берлине вручил прусскому правительству предложение, по которому три двора—прусский, русский и австрийский — приглашались подписать общий протокол. В преамбуле проекта этого протокола указывается, что побудительной причиной этого совместного обязательства является желание сделать еще более тесным, перед лицом опасностей, угрожающих миру в Европе, союз трех держав и урегулировать отношения как между ними, так и с западными державами в складывающейся конъюнктуре.

Этот проект содержит следующие три пункта:

1) Обе немецкие державы формально обязуются соблюдать строжайший нейтралитет в случае активного участия Англии и Франции в русско-турецкой войне; они заявляют далее, что в случае нового давления или угроз со стороны западных держав они готовы, если это будет необходимо, защищать свой нейтралитет силой оружия.

2) Три державы будут рассматривать всякое нападение Франции или Англии на земли Австрии, Пруссии или какого-либо другого немецкого государства как нападение на

* — наблюдательный корпус. *Ред.*

собственную территорию и окажут друг другу помощь для отражения нападения, в соответствии с обстоятельствами и с общим военным соглашением (которое в настоящее время вырабатывается в Берлине генералом Хессом и прусским военным министром).

3) Русский император подтверждает свое желание закончить войну *так скоро, как это допустят его достоинство и правильно понятые интересы его империи.* Принимая, однако, во внимание, что дальнейшее развитие событий может изменить существующее положение в Турции, его величество обязуется, в случае если у него наметится договоренность по этому поводу с морскими державами, не принимать никаких решений без предварительного соглашения с *своими немецкими союзниками.*

Этот проект сопровождается депешей графа Нессельроде, в которой канцлер напоминает Пруссии и Австрии о важном значении тройственного союза, в течение долгого времени являвшегося щитом Европы. Ввиду угрозы войны его государь император счел себя обязанным обратиться к своим друзьям и союзникам с серьезным призывом. Их общие интересы требуют, чтобы их позиция по отношению к столь важным событиям была точно определена. Подчеркивая односторонний образ действий западных держав, он обращает внимание на их пренебрежение к интересам германских государств. Россия поступает иначе. Она готова одна нести бремя войны и не будет требовать от своих друзей и союзников ни помощи, ни жертв. Благополучие обоих государств и всей Германии зависит от их союза. Этим путем они помешают кризису распространиться, а может быть, и приблизят его разрешение. Далее, русская депеша рассматривает три друг друга исключающие возможности, открывающиеся перед немецкими державами: совместная с Россией акция против морских держав, союз с последними против России и, наконец, строгий нейтралитет. Что касается союза с Россией, то царь в нем не нуждается; что касается акции против него, то это исключено, если только немецкие державы не дадут себя запугать западным державам. Последнее значило бы — покориться оскорбительной необходимости и идти навстречу плачевной будущности. Россия, неприступная на своей собственной территории, не боится ни военных вторжений, ни еще более вредоносного вторжения революционного духа. Если союзники покинут ее, то она сумеет ограничиться своими собственными ресурсами и постарается впредь обойтись без их помощи. (Г-н Нессельроде пишет свои депеши по-немецки, заботясь о том, чтобы перевод их на другой язык был безнадежно трудным делом. Как образец его немецких

упражнений привожу последнюю фразу в оригинале: Wenn seine Alliierten es verliessen, so wurde es sich gesagt sein lassen sich auf sich selbst zuruckzuziehen und sich so einrichten, ihrer in Zukunft entbehren zu konnen.) Царь, однако, полагается на известные ему чувства своих друзей и союзников и на их славные армии, издавна связанные с российской армией совместно пролитой кровью (Bluttaufe) и единством принципов, которого нельзя отрицать. Русский кабинет рассматривает поэтому третью альтернативу как единственную, заслуживающую внимания немецких дворов, как отвечающую их интересам и способствующую, поскольку она сохраняет за ними роль посредников, выполнению особых пожеланий России. Этот нейтралитет, разумеется, не должен быть неопределенным, или сугубо временным, или выжидательным, иначе он будет рассматриваться воюющими сторонами, и особенно Россией, как враждебный. Этот нейтралитет должен скорее опираться на принципы (Священного союза), неоднократно обеспечивавшие в моменты испытаний всеобщий порядок и международный мир. Долгом немецких держав является защита, если понадобится, с оружием в руках этих исходных принципов их политики. Если одна из двух морских держав (Франция) будет замышлять или произведет нападение на Германию, то другая (Англия) должна немедленно изменить свою позицию. Во всяком случае, если бы такое событие наступило, Россия была бы готова защищать Германию всеми силами, которыми она располагает.

Это предложение было отклонено, сначала в Берлине, а через несколько дней и в Вене. Мантёйфель, еще разыгрывавший тогда роль независимого государственного деятеля, посылает в С.-Петербург депешу, в которой говорит, что Россия, хотя и притворяется, будто не нуждается в помощи Пруссии, однако, косвенно домогается этой помощи своим требованием возобновить тройственный союз. «Что касается революционного духа, которого Россия якобы не боится, то, замечает Мантёйфель, Пруссия также усмирила его, не обращаясь к иностранной помощи». Независимый министр, который «спас» Пруссию, став во главе контрреволюции, не может скрыть своего раздражения по поводу того, что Пруссия, которая не имеет своей Венгрии, ставится на одну доску с Австрией.

В то время как Пруссия так хвалится своей безопасностью, другие документы, на которые намекается в отчете, доказывают, что в последних числах февраля Австрия передала Пруссии проект конвенции между четырьмя державами. Пруссия

отклонила этот проект в депеше от 5 марта. Характерно для этой державы одновременное за явление, что правительство Фридриха-Вильгельма IV все же считает единение четырех держав лучшим средством для благоприятного разрешения кризиса. Вследствие этого и Австрия была вынуждена отбросить конвенцию, которая положила бы конец двусмысленной позиции обеих немецких держав.

Прусская депеша от 16 марта содержит следующий важный пункт:

«Прусский кабинет ознакомился с мерами, принятыми Австрией для охраны своих интересов на юго-восточных границах. Конечно, Пруссия. подобно всем другим германским государствам, должна защищать свои собственные особые интересы. Это, однако, не исключает договоренности с Австрией. Наоборот, Пруссия готова вступить в соглашение, поскольку дело идет об охране немецких интересов. В связи с этим она ожидает более подробных сообщений о том:

1) предполагает ли Австрия для обеспечения спокойствия в своих пограничных провинциях занять прилегающие к ним турецкие земли?

2) намерена ли она занять эти провинции в качестве залога до восстановления мира?

3) намерена ли она активно участвовать в войне?»

От ответа на эти вопросы будет зависеть для Пруссии выяснение того, что может потребоваться для охраны немецких интересов и сможет ли она что-либо сделать для смягчения давления, оказываемого на Австрию *западными державами* (а отнюдь не Россией!).

14 марта прусское и австрийское правительства разослали немецким дворам два совершенно противоположных друг другу циркулярных письма. Прусский циркуляр утверждает, что надвигающаяся война будет иметь чисто локальный характер. Австрия, наоборот, отстаивает ту точку зрения, что война может принять направление, которое теснейшим образом отразится на ее собственном положении. Пока будут позволять обстоятельства, она в войне участия принимать не будет, но все же необходимо иметь в виду и возможность такого участия. Интересы, о которых идет в данном случае речь, имеют значение и для немецких государств. Императорский кабинет рассчитывает поэтому, что в этом случае Пруссия и другие немецкие дворы соединят свои силы с австрийскими. Германский союз должен тогда будет показать, что он, несмотря на свою оборонительную позицию, готов играть в этом вопросе и активную роль. Австрия выпустит новую декларацию, как только война между западными державами и Россией будет действительно объявлена. Если есть вообще средство для предотвращения роста опасностей, угрожающих теперь Европе, то оно

заключается только в совместных действиях Австрии и Пруссии, при поддержке государств Германского союза.

Наконец, отнюдь не безынтересен в этом циркуляре меланхолический ответ г-на Мантёйфеля на вопрос членов комитета: Россия ровно ничего не сообщала прусскому правительству о своих проектах раздела.

В заключение из этого документа мы узнаем, что мошенническим фокусам венских совещаний[118] все еще нет конца. Напротив, он констатирует, ссылаясь на слова прусского премьера, что составляется новый протокол, в котором подтверждается *постоянное взаимопонимание между четырьмя державами.*

Цены на хлебном рынке снова поднимаются. Причиной их недавнего падения во Франции и Англии были затруднения спекулянтов, которые ввиду отсутствия достаточного капитала и напряженности денежного рынка были вынуждены совершить крупные продажи, что переполнило хлебный рынок. Другой причиной было то обстоятельство, что торговцы, мельники и булочники решили израсходовать свои запасы, будучи уверены, что в европейские порты направляются громадные грузы хлеба. Поэтому я по-прежнему полагаю, что цены еще далеки от своего максимума. Несомненно, ни в один из предшествующих годов не было таких ошибочных и обманчивых спекуляций на вероятных и возможных запасах хлебного рынка, как в этом году, не было таких иллюзий, поощряемых до известной степени ханжеством фритредерских газет.

Написано К. Марксом 7 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4059, 21 треля 1854 г.

Подпись. Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ АРМИЙ В ТУРЦИИ

Когда были получены первые известия об оккупации Добруджи русскими, и еще задолго до того, как истинный смысл их перехода через Дунай мог стать понятным из их последующих действий, мы высказали мнение, что основной целью этого маневра является не что иное, как улучшение их оборонительной позиции. Все предпринятые ими с тех пор шаги, а также шаги их противника подтвердили, что дело обстояло именно так. Русские послали в Добруджу от 40000 до 50000 солдат, которые, судя по наиболее достоверным сведениям, продвинулись не дальше линии Чернавода—Кюстенджи. По-видимому, столько же, если не больше, они послали в Калараш, расположенный напротив Силистрии, с намерением держать эту крепость под угрозой, а при благоприятных условиях и атаковать ее. Они отвели все войска, находившиеся к западу от Бухареста, за исключением арьергарда, который, будучи не в силах дольше удержаться перед Калафатом, по-видимому, предпринял небольшой поход на противоположный, сербский берег Дуная, вероятно, для того, чтобы показать пренебрежение русских к нейтралитету Сербии и посмотреть, какое впечатление произведет на сербское крестьянство присутствие нескольких русских мундиров, или, быть может, для того, чтобы создать предлог для оккупации этой страны Австрией.

Мы, несомненно, в ближайшем будущем услышим о том, что вся Малая Валахия очищена русскими. Каковы же тогда будут их позиции? Их фронт пройдет от Тырговиште через Олтеницу и Калараш на Чернаводу и оттуда через Дунай до

Черного моря у Кюстенджи. Это такая позиция, при которой можно потерять больше, чем приобрести. И так оно и обстоит с русскими, хотя само по себе это сокращение фронта для них выгодно. В то же время оно означает передвижение их войск влево, благодаря чему их линия отступления, ранее являвшаяся как бы продолжением этого фронта, теперь располагается позади него и перпендикулярно к нему. Два месяца назад Омер-паша мог бы отрезать им путь отступления, просто перейдя Дунай в любом пункте между Силистрией и Гирсовой; теперь этой возможности у него нет, разве, пожалуй, посредством высадки войск близ устья Днестра. Именно в этом и заключается главная выгода маневра русских, выгода, которую не умаляет даже опасность расположения корпуса в Добрудже в форме прямоугольника, одна сторона которого ограничена сильной позицией неприятеля, вторая — морем, а остальные две — двумя изгибами Дуная, причем для связи, переброски подкреплений или отступления имеется всего три моста.

Но этим исчерпываются преимущества русских. Они добились такой позиции, с которой можно отступать, но не наступать. Перед их фронтом, от Олтеницы до Черноводы лежит Дунай, который можно перейти всего в нескольких пунктах, причем пункты эти защищены либо мощными батареями на господствующем берегу, либо, как например у Силистрии, постоянной крепостью. Дальше, от Черноводы до моря, идут озера и болота Карасу, Траянов вал (все проходы в котором вновь приспособлены для обороны), крепость Кюстенджи, а на фланге, в Черном море —союзный флот. За Дунаем, а также за Траяновым валом тянется сравнительно бесплодная местность, по преимуществу возвышенная и пересеченная во всех направлениях крутыми оврагами, которые прорыты многочисленными реками, без каких-либо мостов. Эту местность, разумеется, нельзя считать непроходимой для войск, но пройти по ней может только армия, твердо рассчитывающая достигнуть удобной позиции, встретить слабого противника и по окончании перехода найти в изобилии продовольствие и корм для лошадей. В данном случае, однако, дело обстоит как раз наоборот. Если русские предпримут наступление от Траянова вала и от Олтеницы и Туртукая на Базарджик и Разград, им придется оставить часть войск для блокады Силистрии и наблюдения за Рущуком. Ослабив таким образом свои силы, они переходят эту труднопроходимую местность до Разграда и Базарджика, и где они оказываются? Да прямо перед отрогами Балканских гор, которые пересекают их

операционное направление и которые им нужно пройти, разбившись на отдельные отряды, по нескольким расходящимся дорогам. Предположим, что они попытаются это сделать; тогда их отдельные отряды рискуют быть разбитыми по частям выступающей из Шумлы концентрированной армией неприятеля, которой они ни в коем случае не смогут отрезать пути отступления. Но предположим даже, что они преодолели все эти препятствия и появились, скажем, со 100000 солдат в окрестностях Варны и Шумлы — что тогда? Шумла так расположена, что не только может быть защищена 40000 человек против 100000 нападающих, но эти превосходящие силы даже не в состоянии будут сдержать уступающее им по численности турецкое войско. В то же время Шумла прикрывает Варну, которая с другого фланга прикрывается союзным флотом. А Варна и Шумла вместе образуют гораздо более сильную позицию, чем позиция Верона — Леньяго на Адидже, когда в 1848 г. ее удерживал фельдмаршал Радецкий, теснимый со всех сторон пьемонтцами и итальянскими повстанцами. К тому же, в добавление к Шумле и Варне имеются еще Рущук и Силистрия, расположенные в направлении неприятельских флангов и которые, при всей их кажущейся слабости, не могут быть атакованы с успехом, пока главные силы турецкой армии имеют возможность организовать вылазку из Шумлы в любом направлении. Обе крепости расположены на Дунае, Силистрия — напротив правого центра нынешней русской позиции, Рущук — на ее правом фланге. Они могут быть блокированы только на правом берегу реки, а это значит, что осаждающие должны расположиться непосредственно между этими крепостями и Шумлой, куда, судя по всему, Омер-паша стягивает большую часть своих войск. Любое войско, осаждающее Рущук и Силистрию, должно, следовательно, быть достаточно многочисленным, чтобы противостоять не только гарнизонам этих крепостей, но еще по крайней мере двум третям турецкой армии, сосредоточенным в Шумле. С другой стороны, если русская армия предпримет наступление через Базарджик, она тоже должна быть достаточно многочисленна, чтобы противостоять двум третям армии из Шумлы в открытом поле. Кроме того, должны быть выделены войска, чтобы блокировать Варну, хотя бы с северной стороны, а по возможности также и с южной; ибо если Варна не будет блокирована, то ее нельзя взять, а если она не будет взята, русские не смогут перейти через Балканы. Если к тому же принять во внимание войска, необходимые для обеспечения коммуникаций между отдельными корпусами на протяжении всего расстояния от Рущука до Варны и для обеспечения

снабжения, станет совершенно ясно, что для успешного наступления на Шумлу и Варну — два решающих пункта турецкой обороны в восточных Балканах — русские должны иметь силы, более чем вдвое превосходящие те силы, которые турки смогут сосредоточить в Шумле.

Из всего этого видно, что турки действовали очень умно. Уход из Добруджи — первое определенное и неоспоримое доказательство большого военного искусства Омер-паши. Не стоило удерживать эту область и ее крепости. Вместо того чтобы нести поражения и потери в людях и материальной части, турецкий генерал сразу приказал своим войскам оставлять каждый пункт, как только становилось возможным это сделать, не ставя под удар безопасность общего отступления, и отходить к Траянову валу. Таким образом, русские легко добились кажущейся победы, в то время как турки наносили им серьезный ущерб и заняли свою настоящую оборонительную позицию, не дав противнику времени ответить им тем же самым. Турки держат гарнизоны только в важных пунктах и там, где главная армия или флот, находящийся в Черном море, могут поддержать их. Поэтому они в случае нужды могут сосредоточить между Варной и Шумлой не менее 80000—90000 человек и еще усилить эту армию, быстро отозвав на прежние позиции часть войск, которые были посланы в Калафат без каких-либо серьезных к тому оснований, только лишь из-за политической паники. Но чтобы русские могли переправить через Дунай количество войск, вдвое или еще больше превышающее эту цифру, — такая возможность исключена, во всяком случае в ходе данной кампании. Утверждая это, мы предполагаем, что в их намерения входит энергичное наступление, и не учитываем возможного прибытия вспомогательных англо-французских войск, после чего всякая попытка перейти через Балканы была бы безумием. Мы рассмотрели вопрос именно в этом свете, потому что нам важно показать настоящее положение нынешних участников войны. И можно с уверенностью сказать, что если бы ее вели между собой только русские и турки, то даже после того, как последние, в силу дипломатических проволочек, утратили превосходство, необходимое для наступательных действий, Константинополь, по крайней мере в этом году, был бы свободен от угрозы вторжения русских.

Написано Ф. Энгельсом 13 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4065, 28 апреля 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* НОТА РЕШИД-ПАШИ. —
ИТАЛЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Лондон, вторник, 18 апреля 1854 г.

Передают, что правительства Англии и Франции обменялись, наконец, экземплярами наступательно-оборонительного договора, состоящего из пяти статей. Содержание его пока неизвестно.

Договор между Австрией и Пруссией еще не заключен — разногласия касаются оккупации границы русской Польши, на которую часть прусского двора не соглашается.

В Афинах 6 апреля состоялся «Te Deum»* в честь годовщины независимости Греции. Послы западных держав на богослужении отсутствовали. В тот же день афинская газета «Наблюдатель» опубликовала 16 королевских ordonnances**, в которых король принимает заявления об отставке двадцати одного офицера: генералов, полковников и других чинов, намеревавшихся присоединиться к повстанцам. На следующий день в Афинах узнали о тяжелом поражении, нанесенном повстанцам при Арте. Само место, где произошло сражение, показывает, что восстание не получило сколько-нибудь значительного распространения и что единственными его жертвами являются пока что сами же крестьяне — греки, населяющие районы, граничащие с греческим королевством.

Читатели, вероятно, помнят, что в 1827 г. послы России, Англии и Франции потребовали, чтобы Высокая Порта отозвала из Греции всех турок, независимо от того, живут они там постоянно или временно. Когда турки отказались выполнить

---

* — молебен, во время которого поют гимн «Te Deum laudamus» («Тебя, бога, хвалим»). *Ред.*
** — указов. *Ред.*

это, их принудили к повиновению Наваринским сражением. В настоящее время Высокая Порта издала подобный же приказ в отношении греков; и поскольку ни нота Решид-паши греческому послу г-ну Метаксасу, ни циркуляр лорда Стратфорда де Редклиффа британским консулам еще не появились в лондонских газетах, я приведу перевод обоих этих документов из «Journal de Constantinople» от 5 апреля.

«Ответ министра иностранных дел Решид-паши на ноту г-на Метаксаса

Константинополь, 3 реджеба 1270 (1 апреля 1854 г.)

Я ознакомился с нотой, которую Вы адресовали мне 26 марта в связи с Вашим решением покинуть эту столицу. Учитывая, что правительство Высокой Порты не получило от греческого правительства удовлетворительного ответа на свой справедливый протест по поводу нынешних событий и что charge d'affaires* Высокой Порты вынужден в соответствии с полученным предписанием покинуть Афины, будет уместным, милостивый государь, если Вы также покинете Константинополь. Поэтому я, в соответствии с Вашей просьбой, посылаю Вам Ваш паспорт. Так как и дипломатические и торговые отношения между обеими странами прерываются с сегодняшнего дня, то мы пришли к решению, что греческие канцелярии, учрежденные в различных провинциях нашей империи, а также греческие консулы, должны немедленно возвратиться к себе на родину. Проживающие в Турции купцы и другие греческие подданные тоже должны выехать из Константинополя; но чтобы защитить интересы греческой торговли, мы предоставим им двухнедельный срок. Для тех из них, которые проживают в провинции, этот срок будет исчисляться со дня получения ими приказа о выезде. Положительно доказано, что вторжение в наши пограничные провинции произошло не вследствие какого-либо недосмотра, а скорее вследствие попустительства со стороны греческого правительства. Хотя императорское правительство безусловно вправе задержать и конфисковать, в виде залога за понесенные нами весьма значительные материальные потери, все суда, обнаруженные в наших портах, мой августейший повелитель полагает, что будет более соответствовать свойственным ему чувствам умеренности — не наносить никакого ущерба греческим подданным в деле, касающемся исключительно греческого правительства. Когда это правительство возвратится к чувствам, более отвечающим духу справедливости, и примет во внимание международные права и предписания — jus gentium**, тогда настанет время заняться изучением вопроса о расходах, вызванных нынешним восстанием. Поэтому всем греческим кораблям разрешается в течение назначенного им срока беспрепятственно отплыть на родину. Соответствующим властям дано предписание — облегчить отъезд особо нуждающимся греческим подданным и возможно мягче обходиться с больными и немощными». (Христианнейшее и цивилизованнейшее австрийское правительство проводит такие дела в несколько ином духе — возьмите, к примеру, изгнание тессинцев[119].) «Я считаю нужным

* — поверенный в делах. *Ред.*

** — буквально: право народов (латинское название международного права). *Ред.*

еще раз повторить, что только греческое правительство вынудило нас к этому решению и что всю ответственность за последствия его должна нести исключительно Греция.

Решид-паша»

Согласно этому приказу 3000 греков 5 апреля были посажены на суда в Константинополе, и известно, что паша Смирны уже опубликовал приказ, касающийся проживающих в этом городе греков.

Циркуляр, направленный лордом Стратфордом де Редклиффом британским консулам в Турции и Греции, гласит следующее:

«Константинополь, суббота, 1 апреля 1854 г.

Милостивый государь! До моего сведения дошло, что греки, вторгшиеся в пограничные провинции Турции, подстрекают греческих подданных султана к мятежу, заявляя, что правительства Франции и Англии готовы поддержать их в их попытках свергнуть власть султана. Как мне также известно, подобные приемы пускаются в ход, чтобы убедить людей, что французский и английский послы окажут покровительство всем греческим подданным Турции, если только Порта — в результате разрыва дипломатических и торговых отношений с Грецией — объявит о своем намерении изгнать их из владений султана. Поскольку такие предположения могут вселить ложные надежды, ввести в заблуждение благожелательно настроенных лиц и преступно усугубить бедствия, присущие всякому военному времени, я спешу заверить Вас, что для этих утверждений нет решительно никаких оснований. Те, кто хотя бы на миг примут всерьез столь явные и столь несовместимые со здравым смыслом и с фактами вымыслы, должны быть поистине весьма невежественны и легковерны. Но именно так, к сожалению, обстоит дело в странах, где гласность еще столь мало развита. Вам так же хорошо известно, как и мне, что Англия и Франция всецело стоят на стороне султана в том благородном сопротивлении, которое он оказывает жестокому и несправедливому нападению. Из этого неизбежно следует, что оба союзных правительства могут отнестись лишь с негодованием и возмущением к движению, которое способно привести выгоду только России и в оправдание которого даже нельзя сказать» что оно возникло стихийно. Это движение в конце концов поставит Порту и ее союзников в затруднительное положение и не сулит в будущем ничего, кроме гибели тех, кто жертвует жизнью за столь призрачную иллюзию. Мы, разумеется, испытываем жалость к невинным семействам, страдающим от последствий насильственной и беспринципной политики; но мы не можем ни поддерживать каких-либо отношений с вожаками, ни скрывать те чувства, какие, естественно, вызывает в нас поведение безрассудной партии. Настоятельно прошу Вас использовать всякую возможность, чтобы ознакомить с содержанием данного циркуляра тех, кто екдоиеи верить ложным утверждениям, опровергнутым в нем.

Стратфорд де Рвдклифф»

Кроме немцев наиболее непосредственно заинтересованы в исходе восточных осложнений венгры и итальянцы. Поэтому небезынтересно знать о намерениям различных партий этих наций и об отношениях между ними. Статья из туринской

«Unione», которую я специально перевел, позволяет судить о взглядах итальянской конституционной партии[120], которая, по-видимому, вполне готова пожертвовать Венгрией ради восстановления независимости Италии. Секрет долговечности Австрийской империи именно и таится в этом провинциальном эгоизме, который заставляет каждый народ тешить себя иллюзией, будто он может завоевать себе свободу, пожертвовав независимостью другого народа.

«Английские газеты изо всех- сил стараются придать предстоящей войне с Россией видимость войны за свободу и независимость Европы, в то время как на самом деле их внимание занимают исключительно торговые интересы Англии; в подтверждение этого лорд Джон Рассел советует нам, итальянцам, сидеть смирно и дает нам понять, что рано или поздно Австрия может стать более гуманной. Тем самым он во всяком случае признает, что в настоящее время она отнюдь не отличается гуманностью. Однако филантропическая Англия домогается союза с Австрией ради «торжества *свободы и независимости Европы».* Что касается французской прессы, то она не свободна, и газеты, опасаясь первого предупреждения. после которого, при втором нарушении, следует запрещение, волей-неволей стали повторять лишь то, что угодно правительству. Помимо этого, французской прессе несвойственно широко освещать вопросы текущей политики, и она слишком послушна моде. Немецкие либеральные газеты подавлены смертельным страхом перед Россией, и этот страх вполне понятен, если вспомнить, какое влияние Россия уже приобрела в двух важнейших германских государствах. Но чего мы, в сущности, хотим? Независимости Италии. Однако пока идут разговоры о территориальной целостности Турции и европейском *равновесии* на основе Венского трактата, мы, вполне естественно, должны наслаждаться этим status quo, столь противоречащим нашим стремлениям. К чему стремится Россия? К тому, чтобы покончить с Оттоманской империей, а следовательно и с равновесием status quo, и перекроить карту Европы. Этого как раз хотим и мы. Но нам могут возразить, что Россия желает перекроить карту Европы по-своему. Вот именно это и может пойти нам на пользу, потому что ни Франция, ни Англия, ни Германия не потерпят нового увеличения территории и престижа империи, у которой уже и так более чем достаточно и того и другого. И следовательно, им придется искать оплота против России. Таким оплотом может стать только Австрия, по отношению к которой западные державы вынуждены будут проявить щедрость, отдав ей всю долину Дуная от Оршова до Черного моря, а в низовьях Дуная — Добруджу и ключ к Балканам. Тогда во владении Австрии окажутся:

1) обширная территория с населением, родственным ее собственным народностям;

2) все течение большой реки, столь необходимой для торговли Германия. В этом случае Австрия уже не будет нуждаться в Италии, во всяком случае для оборонительных целей; под ее властью окажутся, в дополнение к уже имеющимся трем миллионам южных славян и примерно такому же количеству дако-румын, еще около шести миллионов первых и четырех миллионов вторых.

Целостность и независимость Турции! Два высокопарных парадокса. Если под независимостью вы понимаете свободу народа управлять своими делами в соответствии с собственными принципами, так чтобы никакой иностранец не имел права вмешиваться в эти дела, то эта независимость

уже сильно подорвана Кайнарджийским договором и получила смертельный удар (colpo di grazia) в договоре, недавно заключенном с западными державами. В соответствии с этим договором Турция управляется уже не султаном, а европейскими державами, и если мусульмане и христиане, победители и побежденные уравнены перед законом, если райя, — составляющие четыре пятых населения, — могут носить оружие, значит, Турция уже не существует, значит, началось преобразование, которое не может осуществиться без насилия, без серьезнейших беспорядков и без физических столкновений между представителями двух вероисповеданий, привыкшими за четыре столетия ненавидеть друг друга. Так не будем же больше прислушиваться к словам о независимости Турции, которая является лишь басней.

А территориальная целостность! Разве не Франция и Англия по соглашению с Россией отторгли от Турции греческое королевство, охватывающее Пелопоннес, Аттику, Беотию, Фокиду, Акарнанию, Этолию, остров Негропонт* и пр. с миллионным населением? Кто как не они? Разве не Франция отняла у Турции Алжир, не Франция, Англия и Россия предоставили частичную независимость Египту? Разве не англичане пятнадцать лет тому назад захватили Аден на Красном море и не они зарятся сейчас на Египет? И разве не зарится Австрия на Боснию и Сербию? Так зачем же говорить о сохранении положения вещей, против которого все в заговоре и которое не может продолжаться по инерции?

Итак, мы считаем, что Россия, задумав гибель Турции, задумала хорошее дело; а также, что западные державы совершенно правы в своем намерении противодействовать захватам России. Но если эти державы действительно хотят достигнуть своей цели, они должны распроститься с дипломатическим лицемерием, которым они прикрываются, и твердо решить уничтожить Турцию и пересмотреть карту Европы. К этому решению они должны прийти».

Написано К. Марксом 18 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4068, 2 мая 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — Эвбею. *Ред.*

К. МАРКС

* ГРЕЦИЯ И ТУРЦИЯ. — ТУРЦИЯ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ. — СОКРАЩЕНИЕ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ В АНГЛИИ

Лондон, пятница, 21 апреля 1854 г.

Из «Preussische Correspondenz» мы узнали, что известный барон Бунзен не отозван, а по своей собственной просьбе получил продление отпуска. Граф Бернсторф назначен его временным locum tenens*.

Конституционная комиссия шведского парламента решила большинством в 12 голосов против 11, что министры должны предстать перед верховным судом королевства в связи со своим поведением во время происходившего недавно рассмотрения вопроса об упрощении налоговой системы.

По сообщению г-на Мерони, австрийского консула в Белграде, австрийцы могут ожидать, что сербы окажут им вооруженное сопротивление, если они введут в Сербию свои войска.

3 апреля г-н Метаксас покинул Константинополь с тем, что в течение менее чем двух недель за ним должны последовать от 40000 до 50000 его соотечественников. Ни одно посольство не согласилось взять на себя временное выполнение функции греческого посольства для ведения текущих дел. Австрийский посол отказался от этого на том основании, что поскольку державами-покровительницами Греции являются Франция и Англия, именно их представительствам надлежит временно защищать интересы Греции. Пруссия не согласилась, потому что отказалась Австрия. Послы Англии и Франции объявили момент неподходящим для того, чтобы они могли выступить в качестве представителей г-на Метаксаса. Поверенные в делах менее крупных государств сочли наилучшим для себя всячески

* — заместителем. *Ред.*

уклониться от выражения как симпатии, так и антипатии. Поэтому г-н Метаксас был вынужден оставить в Константинополе своего атташе. Но вскоре выяснилось, что этот заместитель, злоупотребляя предоставленными ему Портой полномочиями, усердно раздает паспорта греческим райя, давая им возможность присоединиться к повстанцам в Албании. Вследствие этого деятельность греческого представительства была совершенно прекращена, а выдача паспортов теперь поручена комиссии в составе двух турок и двух райя.

В то же время было вывешено объявление, гласящее, что любой подданный греческого королевства, желающий стать подданным султана, получит на это разрешение, если найдет двух лиц, достойных доверия, которые поручатся за его благонадежность. В связи с тем, что проживавшие в Константинополе греки во всеуслышание грозили поджечь и разграбить город перед своим уходом, правительство приняло чрезвычайные меры. Турки патрулируют улицы днем и ночью, и на проспекте в Пере установлены пятьдесят орудий. После захода солнца и до полуночи каждый, кто идет или едет по улицам или в поле, должен иметь фонарь; после полуночи всякое передвижение запрещено. Особым распоряжением запрещен вывоз зерна. Грекам-католикам разрешено остаться в городе под ответственность католических епископов Поры. Это — уроженцы островов Тиноса, Андроса и Сироса, по большей части принадлежащие к категории домашней прислуги. Жители острова Гидрия обратились к Порте с петицией, в которой решительно осуждают греческое восстание и умоляют правительство не распространять на них общие меры, принятые против греков. Прибыла также депутация греческих подданных Порты из Триккала, в Фессалии, с просьбой срочно защитить их от греческих разбойников, которые сожгли целые деревни, а жителей, без различия пола и возраста, угнали к границе, где их подвергли жесточайшим пыткам.

Турки все больше сомневаются в своих западных союзниках, испытывая к ним чувство недоверия и враждебности. Они начинают видеть в Англии и Франции врагов более опасных, чем сам царь, и общее мнение выражается в словах: «Они хотят свергнуть султана и разделить империю, они хотят превратить нас в рабов христианского населения». Высадившись к югу от Константинополя, вместо того чтобы высадиться севернее Варны, союзники укрепляют Галлиполи для борьбы с самими турками. Полоса земли, на которой расположена эта деревня, является длинным полуостровом, соединенным с материком узким перешейком и превосходно приспособленным для того,

чтобы стать опорным пунктом захватчиков. Именно отсюда генуэзцы когда-то бросили вызов греческим императорам Константинополя. Кроме того, правоверные мусульмане негодуют по поводу назначения нового шейх-уль-ислама, в котором они видят чуть ли не орудие греческого духовенства; и среди турок постепенно распространяется твердое убеждение, что лучше было бы удовлетворить единственное требование Николая, чем стать игрушкой своры ненасытных держав.

Недовольство коалиционным министерством и народное негодование, вызванное его способом ведения войны, усилилось настолько, что даже газета «Times», вынужденная либо рискнуть своим тиражом, либо перестать выслуживаться перед «кабинетом всех талантов», сочла своевременным яростно обрушиться на него в своем номере от среды[121].

Корреспондент газеты «Morning Post» из Квебека пишет:

«Английский тихоокеанский флот достаточно силен, чтобы захватить все русские форты и укрепления вдоль побережья русской Америки (внутри страны таковых и не имеется), а также отдельные укрепленные пункты, которыми они располагают на островах Лисьих, Алеутских и Курильских, образующих вместе цепочку от американского берега до Японии. С захватом этих островов, — весьма богатых пушниной и медью, отличающихся мягким климатом и, кроме того, имеющих в ряде случаев отличные гавани вблизи азиатского материка, где нет хороших гаваней, — с захватом русской Америки наше влияние на Тихом океане сильно бы возросло и притом как раз в такой период, когда страны этого океана начинают приобретать значение, которое им давно принадлежит по праву. Наиболее сильное сопротивление нашему флоту может быть оказано в Ново-Архангельске на острове Ситка, который, являясь хорошей естественной позицией, кроме того основательно укреплен и снабжен 60 или 70 орудиями. На острове живет около 1500 человек, 500 из которых составляют гарнизон, и имеется верфь, где уже построено много военных судов. В большинстве остальных пунктов насчитывается от 50 до 300 человек и немногие из этих пунктов имеют сравнительно серьезные укрепления. Если бы мы осуществили завоевание, а Франция пожелала приобрести территорию в качестве компенсации за это завоевание, то ей можно было бы позволить завладеть Камчаткой и прилегающим побережьем».

Помещенные в «Gazette» цифры о проданной в торговых центрах Англии и Уэльса пшенице обнаруживают удивительное сокращение количества ее сравнительно с тем же периодом 1853 г., что может послужить критерием при определении количества зерна, собранного во время каждого из предыдущих урожаев.

Продано было:

	Январь	Февраль	Март
1853	582 282 чтв.	345 329 чтв.	358 886 чтв.
1854	266 477 »	256 061 »	227 556 »

За последнюю неделю продано 36628 четвертей против 88343 четвертей за ту же неделю в 1853 году. Итак, эти цифры, показывающие, что за три месяца пшеницы продано почти на полмиллиона четвертей меньше, чем за те же месяцы 1853 г., являются разительным доказательством скудости последнего урожая.

Газета «Mark Lane Express» пишет:

«До сих пор обильное поступление из-за границы не давало особенно болезненно ощущать недостаток отечественных поставок; и сейчас еще значительное количество пшеницы и муки находится на пути в Англию из различных стран; но можно ли рассчитывать на то, что в течение того времени, которое должно пройти до нового урожая, импорт будет продолжаться в таком же широком масштабе? Америка уже послала нам все, что имелось в ее морских портах; и хотя мы не сомневаемся, что у нее есть еще большие запасы на Дальнем Западе, понадобятся, конечно, высокие цены, чтобы окупить расходы но перевозке этих запасов к восточному побережью, а оттуда в Англию. Северные порты Европы почти истощили свои старые запасы, а война с Россией исключает возможность дальнейших поставок с берегов Черного моря и из Азова».

Все эти соображения мы предлагаем нашим читателям без дальнейших комментариев.

Написано К. Марксом 21 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4072, 6 мая 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ. — ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ. — АВСТРО-ПРУССКИЙ ДОГОВОР. — ДОКУМЕНТЫ О ВООРУЖЕНИИ РОССИИ

Лондон, пятница, 28 апреля 1854 г.

Последние достоверные известия из Турции полностью подтверждают взгляды «Tribune» на отступление русских от Кала-фата, оккупацию ими Добруджи и характер греческого восстания.

Газета «Lloyd»[122] подтверждает слухи, что русские сняли осаду Калафата и что эвакуация Малой Валахии уже закончена. Последние сообщения, полученные в Константинополе, утверждают, что русские не наступают, а, наоборот, укрепляются в Добрудже.

Что касается греческого восстания, то газета «Moniteur» поместила во вчерашнем номере следующее письмо из Вены от 25 апреля:

«Греческое восстание не распространяется в Эпире, но его настоящий характер начинает сказываться. Если кто-либо мог думать, что национальные и религиозные интересы не были пустым предлогом, то действия вожаков эллинских банд из греческого королевства должны рассеять подобное заблуждение. Известно, что Гривас и Цавеллас с самого начала ссорились между собой из-за того, кому руководить восставшими. Эти два вожака продолжают действовать порознь и не стесняются при случае вредить друг другу. В частности, Гривас, претендующий на роль освободителя христианских райя, ничего не принес им кроме грабежей и пожаров. Сулиоты, решившие закрыть доступ на свою территорию ряду греческих вожаков, особенно обвиняют Гриваса, который в начале прошлого месяца попросил приюта у греческого примаса Девендзиста, а на следующий день уехал, ограбив его и похитив его жену. Примас обратился к Абди-паше с просьбой разрешить ему служить под его началом, чтобы отомстить за этот дикий поступок. Однако грабительское искусство Гриваса ярче всего проявилось в Мецовоне. Этот город, введенный в заблуждение русской пропагандой, по собственному почину открыл свои ворота перед «генералиссимусом» Гривасом. Последний начал с того, что наложил на христианское население «патриотическую» контрибуцию

в 200000 пиастров. Сумма была не очень велика и ее уплатили. Но Гривас на этом не остановился. Он сам обошел всех наиболее видных и состоятельных жителей города, предложив им сдать в банк, тоже в порядке пожертвования, все драгоценные изделия из серебра и золота, какие у них имелись. Этот способ вымогательства вызвал недовольство и не оказался ни удобным, ни выгодным. Тогда-то Гриваса и осенила идея, которая представляется нам шедевром грабительского искусства. Под предлогом приближения к Мецовону оттоманских войск он заявил, что для защиты необходимо сжечь почти весь город, а поэтому предложил жителям собраться вместе со своими семьями в главной городской церкви, где вскоре оказалось около 4000 человек. Как и рассчитывал Гривас, они взяли с собой свои деньги, а также драгоценности и наиболее ценные вещи, и таким образом все богатство Мецовона оказалось в его руках. Тогда он начал выпускать людей из церкви небольшими группами и передавал их своим приспешникам, которые обирали их без всяких церемоний. Таковы подвиги греческого вожака, до настоящего времени игравшею наиболее видную роль в эпирском восстании. Туркам Гривас оказывал тогда лишь слабое сопротивление. После поджога города он отступил к Архелусу в направлении Радовицы. Мецовон, который был после Янины и Буата самым цветущим городом Эпира, теперь представляет собой груду развалин, а жители его стали нищими. Во всем городе уцелело ие больше 100 домов».

В связи с непроверенными слухами, будто в Константинополь собираются приехать Кошут и Мадзини, Решид-паша заявил, что не разрешит им въезд на турецкую территорию.

Создание польского легиона якобы не встретило возражений со стороны послов Франции и Англии, но зато натолкнулось на препятствия другого рода. Генерал Высоцкий представил Порте и лорду Редклиффу документ с несколькими тысячами подписей, уполномочивающий его действовать от имени значительной части польской эмиграции. Со своей стороны, полковник граф Замойский, племянник князя Чарторыского, представил аналогичный документ, также с множеством подписей, согласно которому другая группа польской эмиграции уполномачивает его действовать от ее имени. Посол Англии, учитывая их разногласия и желая примирить претензии обоих соперников, а также воспользоваться услугами Высоцкого и Замойского, посоветовал сформировать вместо одного польского легиона два.

Маршал Паскевич прибыл в Яссы 17 апреля и в тот же день проследовал дальше в Бухарест.

Согласно сообщениям «Hannoversche Zeitung», договор о наступательно-оборонительном союзе, заключенный между Австрией и Пруссией[123], содержит следующие основные статьи:

«1. Австрия и Пруссия гарантируют друг другу их немецкие и прочие владения (in und auaserdeutschen Besitzungen) таким образом, что нападение на одну из этих двух держав будет рассматриваться второй, как нападение на нее самое.

2. Австрия и Пруссия взаимно обязываются поддерживать друг друга и в случае необходимости предпринимать совместное нападение, если одна из договаривающихся сторон сочтет, что интересы Германии в опасности, а вторая сторона согласится с этим суждением. Особые случаи, когда должна быть оказана поддержка, оговорены в отдельном документе, входящем составной частью в этот договор. Чтобы обеспечить его действенность, соответствующие военные силы будут приводиться в готовность в определенные установленные сроки. О сроках, а также о количестве и способе использования этих сил договорятся особо.

3. Все члены Германского союза приглашаются присоединиться к этому наступательно-оборонительному союзу и поддерживать его, в соответствии с обязательствами, которые налагает на них федеральный закон».

Сравнив этот договор с соглашением о нейтралитете, которое граф Нессельроде предлагал прусскому двору, вы найдете между ними много общего. Следует также отметить, что практически договор отвечает лишь требованиям оборонительной политики, тогда как в случае политики наступательной все решения предоставляются соответствующим дворам.

25 апреля прусская первая палата утвердила заем на тридцать миллионов талеров, в соответствии с рекомендациями ее комитета. Министерские обоснования, приведенные по этому случаю г-ном Мантёйфелем, настолько типичны для прусской дипломатии, пытающейся скрыть свое внутреннее бессилие за патриотическими жестами и глупой напыщенностью, что мы приводим этот документ in extenso*. Г-н Мантёйфель сказал:

«Осложнения, возникшие между Россией и Турцией, а затем распространившиеся и на западные державы, общеизвестны. Прусское правительство, учитывая свое положение и интересы, сочло желательным уладить эти осложнения и устранить разногласия. Все его старания и усилия оказались бесплодными. Казалось, что какой-то злой рок связан с этим вопросом. Множество попыток, которые должны были способствовать восстановлению мира, не привели ни к чему — возможно, потому, что они делались в неподходящий момент и не подобающим образом. Таким образом обострение разногласий привело к войне. Усилия Пруссии и Австрии обеспечить сохранение мира создают, так сказать, почву для возобновления переговоров; Это и было главной целью венского совещания. На этом совещании прусское правительство неустанно прилагало величайшие усилия к сохранению мира. Оно действовало в духе примирения» (как «ангел мира» императора Николая), «во неизменно держалось твердо и решительно, с сознанием своего положения, как великой державы» (точно так же выражался русский император в своей секретной переписке). «Именно потому, что оно не было заинтересовано» (в том, чтобы стать русской провинцией и переменить декорации), «и потому, что его бескорыстная (uninteressiert) позиция была признака остальными державами, оно и могло говорить откровенно и решительно. Враждующие стороны встречали его предложения и усилия то с благодарностью, то с сожалением. Но правительство не давало сбить себя с намеченного им пути. Первым условием существования всякой великой державы является независимость.

* — полностью. *Ред.*

Эту независимость прусское правительство сумело сохранить, действуя в интересах мира и не задумываясь о том, понравятся ли его действия той или иной державе» (весьма тонкое определение того, что следует понимать под независимостью великой державы!). «Когда обстановка стала более угрожающей, правительство решило, что наряду с его великодушными усилиями сохранить мир, обязанностью его является прежде всего соблюдение интересов Пруссии и Германии. С этой целью оно заключило договор с Австрией. Остальные государства, входящие в Германский союз, присоединятся к этому договору. Следовательно, мы можем твердо рассчитывать на сотрудничество Австрии и всей Германии. По мнению правительства, это сотрудничество является лучшей и самой надежной гарантией для германских государств. Наряду с этим тесным союзом остается в силе более раннее соглашение Пруссии и Австрии с западными державами на основе решений венского совещания. Пруссия не отдалилась от западных держав, вопреки утверждениям английской прессы. Это соглашение с западными державами существует и поныне. Протокол, в котором оно закреплено, уже подписан прусским послом, но не может быть представлен палате. Все четыре державы сохранили свое прежнее положение и по-прежнему будут стремиться к восстановлению мира, хотя две из этих держав начали военные действия» (вот это и доказывает, что война ведется для отвода глаз, а настоящим, серьезным занятием западных правительств являются мирные переговоры). «Что касается России, то с.-петербургский кабинет предпринял в последнее время более дружелюбные и миролюбивые шаги, и хотя и питает сейчас лишь слабую надежду на восстановление мира, все же он дал отправную точку для новых мирных переговоров. Прусское правительство показало свою готовность верить в возможность мира до последней минуты. Пока остается хотя бы искра надежды на мир, Пруссия будет продолжать свои попытки и усилия (Muhen). Когда для Пруссии настанет решительный час» (Trema Byzantium![*]), *«правительство будет действовать* без промедлений, без колебаний и энергично. Пруссия должна готовиться к этому часу. Ее слова приобретут тем больший вес, что она в любую минуту будет готова взяться за оружие. Когда вспыхнул конфликт между Россией и Турцией, западные державы выказали твердость и поддержали Оттоманскую Порту. Пруссия в то время не была уполномочена на роль посредника. Наряду с нарушением прав третьей державы, ее превыше всего-заботило благополучие ее собственных подданных. Восточный вопрос менее близко касается Пруссии чем Австрии, имеющей прямую заинтересованность в нем, и Австрия настоятельно просила Пруссию не отказать ей в своем сотрудничестве. Пруссия и Австрия ставили себе целью ограничить чрезмерные и затруднявшие задачу восстановления мира притязания обеих сторон. Именно их усилия привели к созыву венскою совещания, которое справедливо расценивают как счастливое событие. Наше правительство не может отстраниться от дела, в котором оно еще может оказывать благотворное» (для России) «влияние на западные державы. Оно служит для этих держав связующим звеном и, возможно, сможет послужить укреплению надежды на мир. Что касается проекта ноты, сообщенного четырьмя державами русскому правительству, то не следует забывать, что Россия так и не признала совещания, а также, что этот проект, вследствие новых обстоятельств, перестал быть приемлемым для Турции. Новый венский протокол» (тут г-н фон Мантёйфель открывает нам очень важную тайну) «представляет новые возможности для всеобщего мира и уж во всяком случае для предотвращения участия в войне Пруссии и Германии. На более

[*] — Трепещи, Византия! *Ред.*

раннее требование Австрии, сводившееся к тому, чтобы предложить германскому сейму позицию строгого нейтралитета, обязательного и для Пруссии, правительство, действуя по собственному почину, не нашло возможным согласиться. Оно не сочло возможным поступиться своим положением великой независимой державы и отказаться от свободного принятия решений. Кроме того, такой нейтралитет явился бы в глазах других держав предлогом для занятия враждебной к нам позиции, если бы они решили, что такая позиция соответствует их интересам. В настоящее время положение западных держав существенно изменилось в связи с их новыми обязательствами» (венским протоколом[124]). «В самом неблагоприятном случае мир не будет достигнут, но зато в самом благоприятном случае все великие бедствия, какие влечет за собой война, минуют наше отечество; а это огромное, неоценимое преимущество». (Если кто окажется способным понять такую альтернативу, я готов воздать должное тонкости его ума.) «Возможность военных действий между Россией и западными державами в Балтийском и Черном морях вынудила Пруссию, ввиду ее географического положения как великой державы» (не столько великой, сколько растянутой), «сделать все необходимые приготовления для защиты своих интересов с оружием в руках в случае нужды. Во всяком случае правительство не отступило перед прошлым» (это означает, если вообще может что-нибудь означать, что оно не стыдится своего прошлого) «и радо, что **ему** представился случай во всеуслышание изложить свои взгляды».

Комиссия, само собой разумеется, нашла эти объяснения более чем удовлетворительными.

В «Journal de St.-Petersbourg» опубликованы следующие новые документы:

«ПРИКАЗ ПО ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛИЦИИ

15 апреля 1854 г.

Его императорское величество изволили повелеть, чтобы распространить на тех из отставных нижних чинов гвардейского и флотских экипажей, которые, чувствуя себя здоровыми, бодрыми, усердными и способными, пожелают поступить на вторичную службу, собственно на нынешнее военное время, те же преимущества, которые дарованы подобным отставным чинам гвардии и армии.

Генерал-адъютант ***Галахов***

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

В видах усиления мер к охранению окрестных берегов Финского залива, признав за благо сформировать резервную гребную флотилию, повелеваем:

1. Для укомплектования оной гребцами образовать четыре дружины морского ополчения.

2. Дружины сии составить вызовом охотников в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Тверской.

3. Принятие должных мер по устройству сего ополчения возложить на комитет из управляющего морским ведомством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича и министров: государственных имуществ, уделов и внутренних дел.

Николай

С.-Петербург, 14 апреля 1854 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О МОРСКОМ ОПОЛЧЕНИИ

I. Цель учреждения и состав морского ополчения.

1. Морское ополчение учреждается с целью укомплектования, резервной гребной флотилии, назначенной для охранения окрестных берегов Финского залива.

2. Ополчение сие образуется из четырех дружин; формирование оных и внутреннее устройство возлагаются на обязанность морского ведомства.

3. В состав ополчения поступают, по собственной охоте, лица всякого звания, здорового телосложения, на нижеизложенных основаниях.

II. Порядок приема.

4. Желающие вступить в морское ополчение должны иметь узаконенные виды, а помещичьи крестьяне особые письменные разрешения их помещиков или управляющих имениями.

5. В С.-Петербурге все желающие являются в инспекторский департамент морского министерства, в губернских городах — к начальнику губернии, а в уездах — к местной полицейской власти.

6. От явившегося отбирается паспорт и выдается на место оного билет на простой бумаге с обозначением времени явки. Паспорт отсылается немедленно в инспекторский департамент морского ведомства, куда вслед за ним должен отправиться явившийся охотник, — причем выдается ему, буде пожелает, на путевые издержки вперед месячный оклад жалованья, обозначая о том на билетах.

7. Местным полицейским властям поручается иметь строгое наблюдение за безостановочным следованием охотников в С.-Петербург, причем оказывать им всякое содействие, а в случае болезни охотника доставлять ему должное вспомоществование.

(Пункты 8 и 9 не представляют интереса.)

III. Условия службы.

10. Вступивший в морское ополчение получает со дня явки его в инспекторский департамент:

a) Жалованье по 8 руб. серебром в месяц.

b) Провиант и морскую провизию наравне с нижними чинами морского ведомства.

c) Одежду крестьянского покроя, причем дозволяется носить бороду и стрижку волос a la paysanne*.

11. Срок службы полагается по 1 ноября 1854 года.

12. По окончании сего срока никто из охотников на службе удерживаться не будет.

13. Отличившиеся награждаются наравне с нижними чинами, на действительной службе состоящими.

14. В случае взятия неприятельского судна или затопления оного при содействии канонерских лодок охотники, служащие на оных, будут иметь участие в разделе призовых денег на законном основании.

15. В случае ран или увечья охотники, участвовавшие в ополчении, пользуются призрением и преимуществами наравне с военнослужащими.

16. Семейства охотников, во время службы, поручаются особому попечению местных начальств и обществ.

Константин
Граф Киселев
Граф Перовский
Дмитрий Бибиков»

---

* — по-крестьянски. *Ред.*

Невозможно дать в сжатом виде лучшее описание России, чем то, которое содержится в приведенных документах: император, чиновничество, крепостные, бороды a la paysanne, полиция, гребцы морской пехоты, сельские общества, земли и моря — полная картина «всея Руси».

Написано К. Марксом 28 апреля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4079, 15 мая 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* БОМБАРДИРОВКА ОДЕССЫ. — ГРЕЦИЯ. — ВОЗЗВАНИЕ ЧЕРНОГОРСКОГО КНЯЗЯ ДАНИЛЫ. — РЕЧЬ МАНТЁЙФЕЛЯ [125]

Лондон, вторник, 2 мая 1854 г.

Наконец осуществлена бомбардировка Одессы, которая столько раз совершалась в хвастливом воображении союзников. Но полученные до сих пор телеграфные сообщения так скудны и так бедны подробностями, что не заслуживают комментариев. По самым достоверным известиям бомбардировка началась 22 апреля, была приостановлена 23 апреля (когда коменданту города было предложено сдаться) и возобновилась 24 апреля. С одной стороны, сообщают, что большая часть города совершенно разрушена; но с другой — что пострадали только форты от зажигательных ракет и бомб. В некоторых кругах утверждают даже, что бомбардировка совсем не дала никаких результатов. Несколько телеграмм сообщают об уничтожении восьми русских судов, конечно, торговых судов, так как русских военных кораблей в Одессе не было. По последнему сообщению, посланному из Одессы 26 апреля, весь союзный флот отбыл в то же утро.

Чтобы подготовить общественное мнение к этому событию, французское правительство только что опубликовало в «Moniteur» следующую выдержку из последнего доклада адмирала Гамелена морскому министру:

«6 апреля английский паровой фрегат «Фуриос» подошел к Одессе, чтобы вытребовать и взять на борт консулов и тех из французских и английских подданных, которые пожелали бы покинуть этот город ввиду близящихся военных действий... Хотя на фрегате и на шлюпке был поднят парламентерский флаг, русские батареи предательски дали семь выстрелов по шлюпке через несколько минут после того, как она отчалила от мола... Я обсуждаю с адмиралом Дандасом меры возмездия, диктуемые подобным варварским образом действия».

Русские дают иную версию всего дела. Они утверждают, что посылка судна с парламентерским флагом была лишь предлогом для изучения их оборонительных сооружений. Недавнее посещение севастопольского порта кораблем «Ретрибюшен», под предлогом вручения депеш, а на самом деле для зарисовки батареи, расположенной внутри порта, чрезвычайно разгневало царя, тем более, что шум, поднятый английской прессой по поводу этого подвига, подтвердил его подозрения. Поэтому был отдан приказ открывать огонь из пушек по всем судам, появляющимся перед каким-либо русским портом. «Independance belge»[126] публикует письмо, касающееся этих событий и якобы написанное из Одессы русским офицером, на самом деле, по-видимому, сочиненное самим г-ном Киселевым.

«В шесть часов утра 27 марта (8 апреля) пароход английского королевского флота «Фуриос», не поднимая парламентерского флага, приблизился к молу одесского Карантинного порта. Хотя командир военного порта имел приказ открывать огонь по всякому английскому военному кораблю, он, тем не менее, решил воздержаться от немедленного выполнения этого приказа, допуская, что пароход мог еще не быть осведомленным об объявлении войны Англией. «Фуриос» бросил якорь, спустил шлюпку и послал ее к берегу под парламентерским флагом. Командир военного порта немедленно отправил своего адъютанта встретить находившегося в лодке офицера. Этот офицер заявил, что он прибыл с поручением взять на борт французского и английского консулов. Ему ответили, что эти господа уже давно покинули Одессу, и поэтому попросили его немедленно удалиться; тогда шлюпку подняли на борт парохода, и парламентерский флаг был убран. Но вместо того, чтобы сняться с якоря, офицеры на пароходе принялись зарисовывать батареи. Тогда, чтобы помешать этому, по «Фуриосу» были сделаны холостые выстрелы. Так как «Фуриос» не обратил на них внимания, то в одно из его колес было послано ядро. «Фуриос» немедленно удалился».

Разумеется, просто смешно — прежде чем предпринять военные действия против русского порта, англо-французский флот должен был дожидаться «повода» для этого со стороны русских, но и тогда он не мог взять этот порт, а лишь угостил его несколькими бортовыми залпами.

Приблизительно в то же время, когда «Фуриос» был послан в Одессу, в письмах из Одессы, полученных в Константинополе, утверждалось, что русское правительство конфисковало все находившееся на складах зерно, нисколько не считаясь с частной собственностью иностранных купцов. Всего конфисковано 800000 четвертей. Кроме того, русское правительство предписало иностранным купцам поставить 150000 мешков и 15000 подвод для отправки конфискованного зерна в глубь страны. В ответ на все протесты губернатор заявил, что именно политика западных держав толкнула русское правительство на такие

крайности и что, конфискуя их имущество, оно только спасает его от разграбления возмущенным населением. После протеста оставшихся в Одессе консулов нейтральных государств губернатор, наконец, согласился — не заплатить за конфискованные товары, а лишь выдать владельцам простые расписки. Далее приведем выдержку из одной стокгольмской газеты:

«Весь город кишит беженцами из Финляндии, много есть и приехавших с Аландских островов» (которые, по-видимому, все еще заняты русскими), «спасающихся от русских вербовщиков. В русском флоте ощущается большой недостаток матросов, и власти хватают старого и малого. Отцов семейств среди ночи угоняют из дому, не давая ни минуты на сборы. Чтобы спастись от такого произвола, люди целыми семьями, со всеми пожитками бегут в Швецию».

В «Journal de St.-Pétersbourg» от 23 апреля напечатан манифест царя к его подданным, в котором война с западными державами представлена как война православной церкви против еретиков, за освобождение угнетаемых Оттоманской империей единоверцев.

Мы читаем сегодня в парижской газете «Presse»:

«Один из наших константинопольских корреспондентов сообщил нам важные подробности о недавно раскрытом русском заговоре, следствие по которому только что закончено. Следствие ясно показывает, что Россия уже давно подготовляла кризис, в результате которого «больной человек» должен был сойти в могилу буквально на глазах у своих врачей. Следствием доказано, что барон Эльснер поступил на службу в турецкую полицию лишь для того, чтобы лучше обмануть своих surveillants*. Он получал по ведомости 1000 пиастров в месяц. Несмотря на его хитрость, двойная игра, которую он вел, была раскрыта следующим образом: он завязал дружбу с г-ном Аспа, врачом, находившимся на турецкой службе, и полагая, что может ему доверять, признался ему, что не переставал служить России, хотя и состоит на жалованье у турецкой полиции. По словам г-на Эльснера Россия хотела набрать из греков и славян, живущих в Турции, армию в 60000 заговорщиков, готовых подняться по данному сигналу. Решительный удар предполагалось нанести в Константинополе. Во главе заговора в этом городе стоял англичанин, некий Плантадженет Харрисон. Г-н Аспа притворился, будто разделяет взгляды Эльснера, но дал знать турецкой полиции. Полиция, уже давно подозревавшая Эльснера, установила за ним усиленный надзор и обнаружила, что он регулярно посылает доклады князю Горчакову. В конце концов ей удалось перехватить один из этих докладов. Эльснер, действовавший в общем очень осмотрительно, имел неосторожность показать этот доклад г-ну Аспа, который сейчас же сообщил о нем г-ну Паламари, тайному агенту турецкой полиции, и сумел в присутствии последнего передать его Радшичу — славянину из Австрии, который поддерживал связь с Эльснером в его сообщниками. Письмо было отнято у Радшича при обыске и является одним из вещественных доказательств. Далее было установлено, что Эльснер вошел в соглашение с Константиносом, капитаном греческого торгового корабля, и что они договорились о вовлечении в заговор еще сорока

* — надзирателей. *Ред.*

капитанов греческих кораблей, которые в назначенный день должны были прибыть в Константинополь с боевыми припасами и снабдить всем необходимым для поднятия восстания среди греческого населения столицы. Константинос поддерживал постоянную связь не только с Эльснером, но и с г-ном Метаксасом, греческим послом при Порте. Бодинаров, русский полковник, служил связующим звеном между Эльснером и князем Горчаковым».

В «Augsburger Zeitung» появился ряд чрезвычайно враждебных России статей, которые произвели в Германии большую сенсацию, так как до сих пор эта газета весьма горячо отстаивала русские интересы; известно к тому же, что вдохновителем ее является австрийский кабинет. Австрия, говорится в этих статьях, должна считать себя свободной от своих обязательств по отношению к России после разоблачений, содержащихся в секретной переписке сэра Г. Сеймура. В одной из статей мы читаем:

«Когда действия России вынудили Австрию заявить протест С.-Петербургу, этот протест был принят так надменно, а венский кабинет так бесцеремонно третировали, что каждая новая депеша из Константинополя стала вызывать тяжелые предчувствия. Этот недостаток уважения и внимания заставил графа Менсдорфа просить о назначении его командиром бригады, чтобы освободиться от своего поста в С.-Петербурге, хотя лично он не имел оснований для жалоб».

В связи с этим он был заменен графом Эстергази. В другой статье есть такое место:

«Когда русский император прибыл в Ольмюц, он держал себя с графом Буоль-Шауэнштейном так неподобающе, чтобы не сказать оскорбительно, что все это заметили, а Нессельроде и Мейендорф были весьма смущены». (Я позволю себе напомнить вашим читателям, что у Нессельроде вошло в обычай провоцировать своего августейшего повелителя на такое нахальное поведение, с тем чтобы впоследствии скорбеть о нем.) «Молодой император был свидетелем того, как обращаются с его министром, и не забыл этого. Письма сэра Г. Сеймура могли лишь ускорить уже принятое его величеством решение» (препятствовать посягательствам России на Австрию)... «Граф Орлов во время своего пребывания в Вене отказался взять на себя обязательство от имени своего государя соблюдать при любых условиях целостность Оттоманской империи».

Константинопольский корреспондент газеты «Times» особенно подчеркивает то обстоятельство, что греческое восстание неизбежно привело бы к революции в Греции, то есть к борьбе между национальной партией и сторонниками России. С другой стороны жестокие расправы паши в Болгарии, по-видимому. располагают население в пользу России. Разрешите мне привести несколько фактов, характеризующих отношение Греции к западным державам. В «Nouvelliste de Marseille» можно прочитать следующее сообщение из Константинополя от 17 апреля:

«Проживающие в Афинах европейцы подвергаются всевозможным оскорблениям. Против них пускают в ход даже палки, и греческая

жандармерия совершенно этому не препятствует. 15 марта г-н Гаспари, служащий французского посольства и сын бывшего французского консула в Афинах, получил удары и был сбит с ног в присутствии трех жандармов, которые отнеслись к этой сцене с полнейшим равнодушием. В тот же день других французов известили о том, что составлен список девяноста шести «франков», которых ожидает «наказание». Эти эксцессы заставили французского и английского представителей направить правительству короля Оттона совместную ноту, извещающую его о том, что за всякое насилие над французским или английским подданным будет немедленно взыскана компенсация в 25000 драхм. 12 апреля греческому правительству был предъявлен новый ультиматум, причем для ответа давался всего лишь пятидневный срок — до 17 апреля. В этом ультиматуме королю Оттону предлагается возместить ущерб, причиненный французам, категорически осудить восстание, а также исправить зло, совершенное при его попустительстве. Никто не ожидал от короля удовлетворительного ответа. В случае отрицательного ответа послы решили прервать всякие отношения с правительством и в то же время приступить от общего имени Франции и Англии к выполнению обязанностей «администраторов Греции» согласно протоколу, которым было закреплено создание греческого королевства».

Греческое правительство разослало своим иностранным представителям циркуляр, оправдывающий ее поведение во время недавней ссоры с Портой, последние мероприятия которой в отношении греческих подданных были, по словам г-на Пайкоса, вызваны досадой по поводу того, что Турция уже не может считать Грецию своим владением. Это-то и является основной причиной ее двадцатилетних интриг против Греции, для которых восстания в Фессалии и Эпире служили только предлогом.

В венской «Presse»[127] от 28 апреля напечатано следующее воззвание князя Данилы к вождям черногорских племен:

«Я хочу, чтобы и вы, черногорцы, по примеру наших победоносных предков, завещавших нам свободу, которой мы так гордимся перед всем миром, и впредь показали себя такими же героями, как греки и другие народы. Поэтому я обращаюсь к солдатам, уже находящимся в армии, чтобы узнать, могу ли я на них положиться, и приказываю каждому вождю собрать свое племя. Пусть каждый солдат добровольно заявит, готов ли он идти за мной на турок, этих. общих врагов нашей веры и нашей земли. Вы, вожди, должны принимать всех добровольцев и посылать мне доклады в Цетинье. По всех, кто не готов пасть смертью храбрых, я призываю остаться дома. Тот, кто пойдет со мной, должен забыть о жене и детях, обо всем, что он любит в этом мире. Я говорю тебе, мой храбрый народ, и вам, мои братья: кто не желает умереть со мной, пусть не трогается со своего места; ибо я знаю, что тот, кто пойдет со мной на войну, будет. стоить больше, чем пятьдесят трусов. Я призываю всех храбрецов, у которых сердце в груди не остыло, всех, кто готов не колеблясь пролить свою кровь за родину, за православную церковь и за святой крест, разделить со мной славу и честь. Поистине, мы — сыны старых черногорцев, которые победили трех турецких визирей, нанесли поражение французским войскам, и штурмовали крепости султана. Так не предадим же свою родину, не отречемся от славы наших предков, пойдем на битву во имя бога.

Данило

Цецинье, 15 марта 1854 г.»

В «Agramer Zeitung»[128] можно прочитать, что в ответ на этот призыв к фанатической черногорской вольнице вожди каждого из черногорских племен созвали молодых воинов и сообщили им о воззвании, причем 4000 человек поклялись перед алтарем победить или умереть «за веру и отечество». Нельзя не отметить странного сходства этого движения с девизами и чаяниями прусской войны за независимость[129], память о которой так свято хранит генерал Дона в Кёнигсберге и весь прусский Treubund[130]. Отрядами черногорцев, наступающими на Герцеговину через Никшич, будет командовать сам князь Данило. Отряды, идущие с юга (к Албании), через Жабляк, будет возглавлять воевода Георгий Петрович.

«Горцы», — пишет «Agramer Zeitung», — «хорошо снабжены боеприпасами, и оба корпуса будут иметь в своем распоряжении по двенадцати трехсполовинойфунтовых пушек».

Сигнал к началу военных действий подаст полковник Ковалевский, получающий указания непосредственно из С.-Петербурга.

Г-н фон Мантёйфель, добившись своих 30000000 талеров, распустил депутатов обеих палат по домам с напутственной речью, из которой я привожу нижеследующий особенно характерный отрывок:

«Господа! Одобрив этот заем, вы дали правительству возможность следовать дальше по пути, по которому оно шло до сих пор в полном единодушии (in voller Einigkeit) с Австрией и всей Германией и в согласии с остальными великими державами, и дали возможность сохранить за Пруссией подобающую ей роль в разрешении великого вопроса, волнующего сейчас Европу».

Позвольте мне заметить, что в телеграфном отчете об этой речи, помещенном в английских газетах, «согласие с остальными великими державами» было неправильно переведено как «согласие с западными державами». Пруссия метит выше. Она хочет в согласии с обеими якобы воюющими сторонами добиваться мира — с кем?

В тот самый день, когда г-н фон Мантёйфель распустил палаты, ему посчастливилось произнести вторую речь, на reunion* своей партии, речь, отличавшуюся куда большей точностью и красноречием, чем приведенный выше официальный жаргон. Эта речь — наиболее типичное прусское произведение наших дней. В ней содержится in nuce** вся прусская государственная премудрость.

* — собрании. *Ред.*
** — в зародыше. *Ред.*

«Господа», —сказал он, —«есть слово, которым много злоупотребляли, это слово — свобода. Я не отрекаюсь от этого слова, но мои девиз — иной. Мой девиз — это слово *служба* (Dienst). Господа, все мы, собравшиеся здесь, обязаны служить богу и королю, и я горжусь тем, что могу служить такому королю. Это слово *служба* объединяет прусское государство, хоть оно и разбросано по всей германской земле (in deutschen Gauen), Это слово должно объединить всех вас, какое бы положение мы ни занимали. Слова *служба королю* — мое знамя, они сдужат знаменем для всех, кто здесь собрался, и в нем в наше время заключено спасение. Да здравствует служба королю, господа».

Мантёйфель прав: нет другой Пруссии, кроме той, что живет службой королю.

Написано К. Марксом 2—5 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4080, 16 мая 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

БРИТАНСКИЕ ФИНАНСЫ

Лондон, вторник, 9 мая 1854 г.

Хотя бомбардировка Одессы, которая оказалась в конце концов незначительной операцией, вызвала большое возбуждение в умах, в настоящее время публику больше занимает другая бомбардировка — бомбардировка ее кошелька. Прежде чем подвергнуть анализу доклад о финансовом положении, с которым выступил г-н Гладстон на вчерашнем заседании палаты общин, необходимо бросить ретроспективный взгляд на проведенные им до сих нор финансовые мероприятия.

Г-н Дизраэли в свою бытность министром снизил процент по казначейским векселям до $1^1/_4$ пенни в день, то есть до такой низкой цифры, до какой он еще никогда не доходил. Однако г-н Гладстон, стремясь превзойти своего предшественника, пошел дальше и снизил процент до 1 пенни, не приняв во внимание того обстоятельства, что, когда г-н Дизраэли снизил процент по казначейским векселям, деньги были в изобилии и дешевы, а когда г-н Гладстон задумал превзойти своего соперника, денег было мало и они были дороги. Следовательно, великий муж был вынужден выплатить 3 миллиона деньгами за казначейские векселя, которые, если бы он оставил их в покое, имели бы хождение с тем же процентом, как и прежде. Мало того! Не успело правительство скупить казначейские векселя с большим ущербом для финансов страны, как ему пришлось выпустить новые билеты с более высокой процентной ставкой. Это было первым доказательством выдающегося таланта оксфордского казуиста, который, как принято считать, сосредоточил в своем лице все таланты, поскольку коалиция всех талантов сместила правительство тори, провалив его финансовый проект, и тем

самым провозгласила, что финансы являются сильной стороной ее политики.

Не удовлетворившись этими операциями с краткосрочным государственным долгом, г-н Гладстон проделал еще более любопытный эксперимент с долгом фундированным. В апреле 1853 г. он представил палате общин весьма сложный проект конверсии акций Компании Южных морей и других государственных ценных бумаг и шел на то, чтобы через полгода-год быть вынужденным уплатить $9^1/_2$ миллионов. Вполне справедливо отмечалась, что делая это, он уже имел перед глазами секретные депеши сэра Гамильтона Сеймура и предостережения полковника Роуза и консула Каннингема, после чего у него не могло быть сомнений относительно враждебных намерений русского правительства и близости европейской войны. Но читатели, вероятно, помнят, что в то самое время, когда г-н Гладстон выдвинул свой проект, я предсказал[131], что этот проект провалится и что из-за него правительству в конце отчетного года придется сделать заем в пять или шесть миллионов. Утверждая это, я отнюдь не имел в виду осложнений на Востоке. И помимо них схоластическая форма проекта г-на Гладстона едва ли могла прельстить шайку спекулянтов фондовой биржи; не требовалось особой прозорливости, чтобы предсказать, что будет неурожай, так как из-за крайне дождливой погоды посевная площадь была намного меньше, чем обычно; что плохой урожай вызовет утечку золота и серебра из страны; что, разумеется, эта утечка не будет противодействовать уже наблюдавшейся тенденции к повышению процента на денежном рынке и что, при общем повышении процента на денежном рынке, смешно ожидать, чтобы публика, предоставляющая кредит, дала снизить процент на свои ценные бумаги или не использовала бы возможность, предоставленную ей экспериментом г-на Гладстона, — потребовать погашения своих ценных бумаг по номиналу с тем, чтобы на следующий день снова вложить вырученные суммы с чистой прибылью. В самом деле, в конце отчетного года г-н Гладстон был вынужден выплатить по нарицательной стоимости шесть миллионов по аннуитетам Компании Южных морей, которые, не будь его вмешательства, котировались бы на фондовой бирже в настоящее время только по 85 ф. ст. за каждые 100 фунтов стерлингов. Он, таким образом, разбазарил без всякой нужды шесть миллионов государственных средств, более того, сама публика в результате этой блестящей операции фактически потеряла по меньшей мере один миллион, в то время как сальдо казначейства, составлявшее в апреле 1853 г. 7800000, к апрелю 1854 г., в военное время, снизилось до

2778000, что дает уменьшение более чем на 5000000 фунтов стерлингов. Мертворожденный проект конверсии, предложенный г-ном Гладстоном, является основой всех финансовых затруднений, с которыми правительству приходится сейчас бороться. 6 марта, за 24 дня до объявления войны, г-н Гладстон заявил, что все его операции построены на той предпосылке, что средства на оплату текущих расходов должны изыскиваться в том же году, а также, что благодаря принятым им мерам бремя войны будет ощутимо только в настоящее время и что не может быть и речи о том, чтобы искать займа на денежном рынке. Это Заявление он повторил 22 марта и даже 12 апреля. И тем не менее, 21 апреля во время парламентских каникул появилось официальное сообщение о том, что потребуется заем и что будут выпущены боны казначейства на сумму в шесть миллионов фунтов стерлингов. Боны казначейства, как вероятно помнят читатели, являются изобретением г-на Гладстона, введенным одновременно с его проектом конверсии.

Обычный вексель казначейства является обязательством на 12 месяцев и обычно в конце этого срока обменивается или выплачивается, причем процент по нему колеблется одновременно с процентной ставкой на денежном рынке. Боны казначейства, наоборот, приносят определенный процент, установленный на ряд лет, и представляют собой срочную ренту, которая может передаваться из рук в руки посредством простой передаточной надписи, без каких-либо дополнительных расходов со стороны покупателя или продавца. В общем их можно назвать подражанием железнодорожным облигациям. В 1853 г., когда г-н Глад-стон впервые изобрел их, он получил право выпустить их на 30000000 и в полном восхищении своим изобретением решил, что этих 30000000 не хватит для удовлетворения спроса и что они будут стоять намного выше номинала. Однако «публика насытилась, поглотив немногим больше 400000 ф. ст., то есть около седьмой части той суммы, которая по его расчетам должна была разойтись». Чтобы собрать нужные ему 6000000, г-н Гладстон выпустил боны казначейства трех категорий: со сроком обращения на четыре года, на пять и на шесть лет. Чтобы сделать их более приемлемыми на бирже, он решил, что проценты будут выдаваться по еще не произведенным очередным взносам. Он заявил, что выпускает их по поминальной стоимости из $3^1/_2$ процентов, принимая во внимание необычайные преимущества нового вида ценных бумаг, равные 10—16% суммы дивиденда. Когда началась подписка, обнаружилось, что бон первой категории, подлежащих оплате в 1858 г., требуется всего на 800000 ф. ст., в то время как на боны двух других

категорий — 1859 и 1860 гг. — спроса вообще не было. Но это еще не все. Г-н Гладстон был вынужден пустить свой товар со скидкой, продавая его по минимальной цене $98^3/_4$% и прибавляя еще проценты за несколько месяцев; таким образом, он попросту берет взаймы из четырех процентов, вместо того чтобы сохранить трехпроцентные акции Компании Южных морей, и теряет при этом 15% на капитале и 25% на процентах. Несмотря на все эти уступки, он потерпел полнейший провал, поскольку ему пришлось растянуть срок подписки на боны до 8 апреля и вместо ранее требуемых 6000000 удовольствоваться «смехотворно малой суммой» в 2000000 фунтов стерлингов. Этот провал был неизбежен, потому что ценные бумаги г-на Гладстона не годились ни для постоянного, ни для временного помещения капиталов, потому что выплата в 1859 и 1860 гг. при нынешней конъюнктуре представляется весьма проблематичной и, наконец, потому что при повышательной тенденции на рынке обязательства с определенным, установленным на несколько лет процентом не могут приниматься так же охотно, как казначейские векселя, процент по которым обязательно повышается, если дорожают деньги.

Г-н Гладстон, не довольствуясь тем, что выбросил на рынок три различные категории казначейских бумаг, счел еще своим долгом представить палате общин не один, а два, а может быть, три или четыре бюджета. В отличие от предыдущих канцлеров казначейства, он представил свой доклад о бюджете 6 марта, до окончания финансового года, с тем, заявил он, чтобы ясно показать стране, в каком положении она находится. Палате общин было сообщено, что активное сальдо по бюджету составляет 3000000 ф. ст., но что ввиду чрезвычайно серьезного положения правительство вынуждено увеличить расходы на 6000000 ф. ст., так что в этом году нужно быть готовым к трехмиллионному дефициту. Не прошло и двух месяцев после этого, как он является в палату общин и просит еще около семи миллионов, хотя он, разумеется, мог бы еще в марте точно рассчитать, какую сумму придется просить у населения.

Требуемые им дополнительные бюджетные ассигнования распределяются следующим образом:

Военно-морской флот	4 550 000 ф. ст.
Армия	300 000 » »
Артиллерия	650 000 » »
Дополнительные контингенты милиции	500 000 » »
Непредвиденные расходы	2 100 000 » »
	8 100 000 ф. ст.

Расходы на армию, флот и артиллерию были утверждены единогласно уже в пятницу вечером, и я вкратце изложу, на какие цели они были испрошены: 300000 ф. ст. потребовались для пополнения армии 14799 солдатами и офицерами, в результате чего сухопутные силы будут увеличены на 40493 человека по сравнению с контингентами прошлого года, или доведены до 142000 человек. Дополнительные расходы на артиллерию составляют в целом 742132 фунта стерлингов. Дополнительные расходы на военно-морской флот, составляющие 4553731 ф. ст. и включающие часть дополнительных расходов на артиллерию, можно расписать по следующим рубрикам:

I

1. а) Жалованье матросам и морской пехоте, поскольку военный флот получает пополнение в 11000 человек, а именно: 2500 из солдат береговой охраны и 8500 добровольцев ....461700 ф. ст.

б) На выплату жалованья 5000 матросам, отбывающим 6 месяцев сверхсрочной службы; уплата должна быть произведена в конце годичного срока, 31 марта 1855 г. ....110000 » »

в) На дополнительную, сверх жалованья матросам, оплату 2500 человек береговой стражи и такелажников, ныне несущих службу на судах ....51 700 » »

г) На сбор 5000 матросов запаса ....220 000 » »

д) На довольствие для 5000 человек, оставленных на службе сверхсрочно на 6 месяцев, кончая 31 марта 1855 г. ....50 000 » »

е) На дополнительные продовольственные запасы, на оплату перевозок продовольствия и на уплату возросших цен на некоторые предметы продовольствия ....50 000 » »

ж) На довольствие и т. п. дополнительных 5000 человек, поступающих во флот на 1 год ....100 000 » »

з) На оплату дополнительного числа низших чиновников, потребовавшихся в связи с войной в канцеляриях Уайтхолла и Сомерсет-хауса ....5 000 » »

и) На жалованье дополнительным работникам в различных военно-морских, продовольственных и медицинских учреждениях в Англии ....2 000 » »

к) На дополнительное жалованье рабочим артиллерийских складов и других различных военно-морских, продовольственных и медицинских учреждений в Англии ....47 000 » »

л) На дополнительное жалованье рабочим артиллерийских складов и других военно-морских учреждений за границей .... 1 000 ф. ст.

2. На снабжение военно-морского флота .... 697 331 » »

а) На закупку угля и другого топлива для паровых судов .... 160 000 ф. ст.

б) На закупку запасов взамен выданных флоту .... 40 000 » »

в) На закупку и ремонт паровых машин, поскольку решено, что резервный -флот должен иметь преимущество в паровых судах .... 252 674 » »

г) На закупку паровых судов, канонерских лодок и пр. .... 244 657 » »

3. На строительство, усовершенствование и ремонт верфей .... 7 000 » »

4. На медикаменты и медицинское имущество .... 30 000 » »

5. На различное обслуживание .... 6000 » »

Итого .... 1 457 031 ф. ст.*

II

По статьям, хотя и включенным в смету по военно-морскому флоту, но касающимся скорее армии, а не флота, испрашивается .... 3 096 700 ф. ст.

В том числе:

1. На фрахт судов, находящихся на помесячной оплате, включая паровые суда, на приобретение судов, а также на наем восьми новых паровых судов и 86 парусных транспортов, в том числе 75 фрегатов, перевозящих кавалерию .... 2 610 200 ф. ст.

2. На фрахт судов, нанятых для перевозки войск, вместе с довольствием, поскольку правительство зафрахтовало на целый год 18 паровых судов и 86 парусных транспортов .... 108 000 » »

Общий итог .... 4 553 731 ф. ст.

Г-н Гладстон намерен собрать дополнительную сумму налогов посредством продления удвоенного подоходного налога до конца войны, повышения акциза на солод с 2 шилл. 9 пенсов до 4 шилл., повышения акциза на спиртные напитки на 1 шилл. с галлона в Шотландии и на 8 пенсов с галлона в Ирландии и отсрочки снижения акциза на сахар, которое предполагалось

* В этот итог не включены суммы по пунктам б, в и г, вошедшие в итоговую смму по разделу II. *Ред.*

провести с 5 июля сего года. Решении относительно спиртных напитков, солода и сахара были приняты немедленно.

Повышение акциза на спиртные напитки не даст дохода, так как повлечет за собой очень значительное сокращение потребления спиртных напитков. Новый акциз на солод будет карой, которая ляжет на трактирщиков и их клиентов за то, что их официальный орган «Morning Advertiser» проявил себя таким ярым сторонником войны. Акциз на сахар должен придать горечь маринадам и вареньям этого года. Что же касается подоходного налога, то, как всем хорошо известно, 6 марта, три дня спустя после получения от полковника Роуза и консула Каннингема сведений о военных приготовлениях России, г-н Гладстон заявил, что через 7 лет подоходный налог перестанет существовать. Не менее хорошо известно заявление, сделанное Гладстоном 18 апреля, что достаточно будет удвоить подоходный налог только на полгода. Г-н Гладстон — либо самый непредусмотрительный и близорукий канцлер казначейства, какой когда-либо существовал, либо умышленно притворяется, что идет на ощупь, дезориентируя, сбивая с толку и вводя в заблуждение публику.

Британскому обывателю не только придется расплачиваться за войну с Россией и за квакерство и ханжескую мелочность г-на Гладстона; он еще должен снабжать самого царя средствами для ведения войны против Англии, как это явствует из сделанного в пятницу вечером лордом Джоном Расселом разъяснения, что британское правительство будет продолжать выплачивать капитал и проценты по долгу, носящему название русско-голландского займа[132]; заем этот включен в Венский трактат, одно из главных постановлений которого гласит, что Польша должна быть независимым конституционным королевством, что Кракову оказывается покровительство как вольному городу и что судоходство по всем европейским рекам, а слодовательно и по Дунаю, будет свободным.

Недоверие к лояльности ирландцев, по-видимому, весьма велико, поскольку лорд Пальмерстон заявил, что в этом году правительство се величества не намерено вербовать ирландцев в милицию. В свое время тот же Пальмерстон опрокинул кабинет Рассела под тем предлогом, что лорд Джон вызвал в Ирландии негодование, не распространив на нее закон о милиции. Кабинет потерпел фактическое поражение со своим железнодорожным биллем, включившим лишь незначительную часть параграфов, рекомендованных парламентской комиссией, созванной по этому поводу. Поскольку владельцы железнодорожных линий действуют очень сплоченно, доблестный г-н Кардуэлл,

выступая от имени министерства, предпочел взять обратно первоначальный билль и заменить его другим, выработанным самими директорами железных дорог, ни к чему их не обязывающим и предусматривающим не более строгие правила, чем ныне действующие. Когда этот билль обсуждался в палате, там не было никого, кроме тех директоров железнодорожных компаний, которые являются членами парламента.

«По-видимому», — пишет один еженедельник, — «министры и парламент не в силах ни защитить собственность акционеров и карманы путешественников, ни обеспечить безопасность публики перед лицом железнодорожных компаний, утверждающих, что они вправе распоряжаться этими ценностями так, как им заблагорассудится».

Написано К. Марксом 9 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4086, 23 мая 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗНАМЕНИТАЯ ПОБЕДА

Английские газеты не скупятся на язвительные комментарии по поводу того, что царь наградил генерала Остен-Сакена за его участие в последнем сражении между союзным флотом и береговыми укреплениями, защищающими одесский порт. Они считают, что это сражение принесло полную победу союзникам, а ликование своего противника оценивают как новый пример московитского бахвальства и императорской лжи. Мы, со своей стороны, вовсе не питая особых симпатий к царю или Остен-Сакену, хотя последний несомненно умный и решительный человек (он брат другого генерала Остен-Сакена[133], командующего армейским корпусом в Дунайских княжествах), все же считаем, что эта «победа» под Одессой заслуживает большего внимания и что было бы полезно установить, какая из сторон занимается самовосхвалением и измышлениями; тем более, что до сих пор это первый и единственный бой между союзниками и русскими, о котором нам что-либо известно.

Из опубликованных обеими сторонами официальных документов явствует, что целью появления флота союзников перед Одессой было потребовать от губернатора, в качестве возмещения за выстрел по британскому парламентерскому флагу, выдачи всех английских, французских и русских судов, находящихся в порту. Союзникам должно было быть заведомо известно, что они не получат никакого ответа на эти требования, и они, очевидно, были подготовлены к тому, чтобы взять силой то, о чем они тщетно просили бы; коль скоро это им не удалось, значит, они потерпели самое настоящее поражение, независимо от того, какой урон они нанесли противнику.

Каково же было соотношение сил? Самый указ русского правительства о назначении Остен-Сакена начальником обширной области, расположенной непосредственно в тылу Дунайской

армии, и тот факт, что он выбрал своей резиденцией Одессу, показывают, какое значение'русские — с полным к тому основанием — придают этому пункту. Именно в Одессе неприятельский десант мог бы нанести русским наибольший ущерб. Неприятель нашел бы там ресурсы не только большого города, но и житницы всей Европы; там он оказался бы ближе всего к коммуникациям и линии возможного отступления русской армии, находящейся в Турции. При этих обстоятельствах союзные адмиралы не могли по знать, что город обороняется многочисленным гарнизоном и что любая попытка высадить десант, с тем контингентом матросов и солдат морской пехоты, который они смогут выделить на эту операцию, будет немедленно отражена. Но не высадив десанта и не заняв, пусть на короткое время, если не самый город, то хотя бы порт, они не могли рассчитывать на освобождение задержанных там британских и французских судов. Единственный их шанс на осуществление этой цели состоял в том, чтобы подвергнуть город самой ожесточенной бомбардировке, сделав опасным дальнейшее пребывание в нем каких-либо войск, и тогда попытаться освободить корабли. Однако еще неизвестно, можно ли было добиться этого, подвергнув бомбардировке большой город с очень широкими улицами и просторными площадями, где здания, которые могли бы загореться от обстрела, занимают сравнительно мало места. Итак, адмиралам должно было быть известно, что если Остен-Сакен ответит на их ультиматум отказом, они окажутся бессильны настоять на своем. Однако они полагали, что после выстрела по парламентерскому флагу что-то надо было предпринять против Одессы, и потому приступили к делу.

Подходы к Одессе с моря были защищены шестью батареями, вооруженными, по-видимому, сорока или пятьюдесятью 24- и 48-фунтовыми орудиями. Из этих батарей участвовали в бою только две или три, так как нападающие держались вне досягаемости огня остальных. Против этих батарей были введены в дело восемь паровых фрегатов, на борту которых насчитывалось около 100 орудий; но так как по характеру операции возможно было использовать лишь орудия одного борта, то перевес, который союзники имели по количеству орудий, был значительно снижен. По калибру орудий силы сторон очевидно были примерно равны, ибо если 24-фунтовая пушка уступает длинноствольной 32-фунтовой, то зато тяжелая 48-фунтовая безусловно равна бомбовым 56- и 68-фунтовым пушкам, которые не выдерживают полного порохового заряда. Наконец, большая уязвимость кораблей, по сравнению с брустверами, и неточность прицела, вызванная движением корабля, ставят орудия береговых

батарей в преимущественное положение по отношению к судовой артиллерии, даже при более значительном численном превосходстве последней. Примером может служить бой при Эккернфёрде[134] в Шлезвиге (1849 г.), где две батареи, насчитывавшие 20 орудий, разбили корабль, вооруженный 84 орудиями, вывели из строя 44-орудийный фрегат, который был захвачен, и отбили нападение двух сильно вооруженных пароходов.

Итак, можно считать, что бой, поскольку в нем участвовала только береговая артиллерия и восемь пароходов, был более или менее равный, если даже принять во внимание большую дальнобойность и меткость стрельбы, которой, как обнаружилось в ходе сражения, обладают англо-французские орудия. Вследствие этого разрушительная работа подвигалась очень медленно. Единственным результатом многих часов стрельбы был вывод из строя двух русских орудий. Наконец, союзники придвинулись ближе и изменили свою тактику. Они перестали обстреливать каменные стены батарей и начали осыпать снарядами и зажигательными ракетами русские корабли и военные здания в порту и вокруг него. Это дало результат. Объект, по которому целились, был теперь достаточно велик, чтобы каждый снаряд попадал в какое-нибудь уязвимое место, и вскоре все было охвачено пламенем. Пороховой погрёб позади той батареи на голове мола, которая оказывала наиболее упорное сопротивление и на которую с самого начала был направлен главный удар, взорвался; этот взрыв и распространение пожара вокруг вынудили гарнизон батареи отступить. Как обычно, русские артиллеристы и здесь показали весьма мало искусства, но очень много отваги. Их орудия и картечь были, по-видимому, весьма низкого качества, а порох — чрезвычайно слабым.

Этим, собственно, и ограничивается результат всего боя. Был подавлен огонь четырех орудий русской батареи на голове мола; все остальные батареи едва ли понесли какой-либо урон. Взрыв порохового погреба, очевидно, особенной силой не отличался; судя по тому, что погреб находился непосредственно позади батареи, он обслуживал лишь данную батарею, и в нем хранились лишь боевые припасы на один день, скажем, от 60 до 100 снарядов на каждое из четырех орудий; если же вычесть из этого вероятное количество уже расстрелянных в течение дня снарядов, то можно считать, что там оставалось не более 300 пороховых зарядов. У нас нет никаких данных, чтобы определить размеры ущерба, причиненного другим строениям; союзники, естественно, установить его не могли, а русские определяют его как самый незначительный. Впрочем, из сообщения русских явствует, что сожженные суда *не были,* как

утверждается в англо-французских сообщениях, военными кораблями; вероятно, это были, наряду с несколькими торговыми судами, транспорты и правительственные пассажирские пароходы. Следует отметить, что мы и раньше ничего не слышали о том, чтобы какие-либо русские военные корабли находились в Одессе.

Во время боя двум французским и одному или двум английским торговым судам удалось ускользнуть из порта; *семь британских торговых судов* находятся там под арестом по сей день. Таким образом, «доблестные» адмиралы не сумели добиться выполнения своих требований, а раз им пришлось отступить, не добившись определенных результатов, выведя из строя всего одну из шести батарей, они должны считать свое нападение отбитым. Людей они потеряли очень мало; но корпуса нескольких кораблей получили повреждения, а французский пароход «Вобан» загорелся от каленого ядра и вынужден был на время выйти из боя.

Вот к чему сводится то, что британская пресса называет «славными вестями из Одессы» и что в глазах англичан искупило все прежние промахи адмирала Дандаса. Более того, этот бой настолько сильно поднял дух в Англии, что нам всерьез сообщали, будто адмиралы, убедившись в огромном превосходстве своей артиллерии над артиллерией русских в отношении дальнобойности, твердо решили попытаться бомбардировать Севастополь; они якобы даже побывали там и дали несколько залпов. Но ото чистейшая выдумка; кто хоть раз видел план Севастополя, знает, что любое нападение — с бомбардировкой или без нее — на этот город и порт, если оно не сводится к простому показному бою вне бухты, должно происходить в узком водном пространстве и в пределах досягаемости огня даже полевых орудий.

В добавление к этому сухому exposе[*] мы позволим себе сказать, что хвастовство наших английских коллег по поводу этого боя, — в котором их нападение было полностью отражено, а поставленные цели не достигнуты, — мало чем отличается от общего тона их предыдущих рассуждений и утверждений, касающихся хода войны. Каков бы ни был исход войны, беспристрастный историк, думается нам, должен будет отметить, что измышления, увертки, обман, дипломатические уловки, военное бахвальство и ложь, ознаменовавшие первые этапы борьбы, пускались в ход Англией в такой же мере, как и Россией.

Написано Ф. Энгельсом. 15 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4098, 6 июня 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — изложению. *Ред.*

К. МАРКС

*НАПАДЕНИЕ НА СЕВАСТОПОЛЬ. — ОЧИСТКА ИМЕНИЙ В ШОТЛАНДИИ

Лондон, пятница, 19 мая 1854 г.

«Первое нападение на Севастополь», телеграфное сообщение о котором помещено в сегодняшних газетах, является, по-видимому, столь же славным подвигом, как бомбардировка Одессы, после которой обе стороны заявили о своей победе. Нападение, судя по описанию, было совершено посредством бомбардировки снарядами из «дальнобойных» орудий, огонь которых был направлен на внешние укрепления. Что нападение на севастопольскую гавань и на самый город невозможно осуществить посредством каких бы то ни было орудий, не войдя в залив и не приблизившись к защищающим город батареям; что вообще город невозможно взять без помощи значительной десантной армии, — это очевидно при одном взгляде на карту, и, к тому же, подтверждается всеми военными авторитетами. Поэтому данную операцию, если она действительно имела место, нужно расценивать как мнимый подвиг, рассчитанный на тех же gobe-mouches*, патриотизм которых был воодушевлен одесскими лаврами.

Французское правительство послало г-на Буррэ в Грецию с особым поручением. Его сопровождает бригада под командой генерала Форе, и он уполномочен потребовать от короля Оттона немедленной уплаты всех процентов по займу в сто миллионов франков, который Франция предоставила греческому правительству в 1828 году. В случае отказа французы должны занять Афины и ряд других пунктов в королевстве.

Читатели, вероятно, помнят мое описание процесса очистки имений в Ирландии и Шотландии, в результате которого в

* — простаков. *Ред.*

первой половине нынешнего- столетия много тысяч людей были изгнаны с земли своих отцов[135]. Этот процесс еще продолжается и проводится с энергией, вполне достойной добродетельной, утонченной, религиозной, милосердной аристократии образцовой страны Англии. Дома либо поджигают, либо разносят в щепки над головами их беззащитных обитателей. В имении Нигат в Нойдарте прошлой осенью, по приказу лендлорда, было совершено нападение на дом Дональда Макдональда, почтенного, честного, трудолюбивого человека. Жена его была прикована к постели, и ее нельзя было трогать; но управляющий и его шайка подручных выгнали на улицу шестерых детей Макдональда, старшему из которых еще не исполнилось пятнадцати лет, и разрушили весь дом, оставив лишь небольшой кусок крыши над кроватью больной.

Макдональд был так потрясен этим, что помешался. Врачи признали его душевнобольным, и теперь он бродит по округе, разыскивая своих детей среди развалин сожженных и разрушенных хижин. Его голодные дети с плачем ходят за ним, но он их не узнает, и его оставляют на свободе без помощи и без ухода, потому что его помешательство тихое.

Две замужние женщины, находившиеся накануне родов, видели, как у них на глазах снесли дома, в которых они жили. Им пришлось провести не одну ночь под открытым небом, в результате чего у обеих произошли преждевременные, очень мучительные роды и разум их помутился; сейчас они бродят с места на место вместе со своими многочисленными детьми, без всякой защиты и без надежды на выздоровление, как страшное свидетельство против класса, именуемого британской аристократией.

Даже дети сходят с ума от страха и в результате гонений. В Дуне, в Нойдарте, бедняки-арендаторы, изгнанные из своих жилищ, приютились в пустующем складе. Глубокой ночью агенты лендлорда окружили этот склад и подожгли его, потому что несчастные бедняки пытались укрыться под его кровом. Обезумевшие от ужаса несчастные выскочили из пламени, некоторые из них лишились рассудка. Газета «Northern Ensign» пишет:

«Один мальчик совсем помешался, его придется изолировать; он вскакивает по ночам с криком «Пожар! Пожар!» и уверяет окружающих, что в горящем складе остались мужчины и дети. Когда темнеет, один вид огня приводит его в ужас. Потрясающая картина в Дуне, когда склад пылал, освещая все вокруг, и около него метались обезумевший от страха мужчины, женщины и дети — вот что помутило его рассудок».

Так аристократия обращается с вполне работоспособными бедняками, которые создают ее богатство. Послушайте теперь о ее приходской благотворительности. Я привожу следующие

факты по материалам г-на Дональда Росса, Глазго, и газеты «Northern Ensign».

1. Вдова Матерсон, 96 лет, получает всего 2 шиллинга 6 пенсов от Стратского прихода, о-в Скай;

2. Мёрдо Макинтош, 36 лет, полностью утратил работоспособность 14 месяцев тому назад, когда его придавило телегой. У него жена и семь человек детей в возрасте от 1 до 11 лет; он получает от Стратского прихода только 5 шилл. в месяц;

3. Вдова Самюэла Кэмпбелла, 77 лет, проживает в Брадфорде, о-в Скай, в полуразрушенном доме, получала от Стратского прихода 1 шилл. 6 пенсов в месяц. Она жаловалась, что ей этого не хватает, и приходские власти, после долгих проволочек, увеличили ей пособие до 2 шилл. в месяц;

4. Вдова Мак-Кинон, 72 лет, Стратский приход, о-в Скай, получает 2 шилл. 6 пенсов в месяц;

5. Дональд Мак-Дугалд, 102 лет, проживает в Крэйдате. Его жене 77 лет, оба очень слабы. Получают всего по 3 шилл. 4 пенса в месяц от Гленелгского прихода;

6. Мэри Макдональд, вдова, 93 лет, не встает с постели. Ее муж, служа в армии, лишился руки. Он умер 20 лет назад. Она получает от Гленелгского прихода 4 шилл. 4 пенса в месяц.

7. Александер Мак-Айзек, 53 лет, совершенно нетрудоспособный, имеет жену 40 лет, слепого сына 18 лет и четверых детей моложе 14 лет. Гленелгский приход дает этой несчастной семье всего 6 шилл. 6 пенсов в месяц — меньше 1 шиллинга на едока;

8. Ангус Мак-Кинон, 72 лет, и его больная жена, 66 лет, получают в месяц по 2 шилл. 1 пенсу;

9. Мэри Мак-Айзек, 80 лет, слабого здоровья и совершенно слепая, получает от Гленелгского прихода 3 шилл. 3 пенса. На ее просьбу увеличить пособие, инспектор заявил: «Как не стыдно вам просить больше, когда другие получают меньше чем вы», и больше не стал ее слушать;

10. Джанет Макдональд, она же Мак-Гиллиорей, 77 лет, совершенно нетрудоспособная, получает всего 3 шилл. 3 пенса в месяц;

11. Катрин Гиллис; 78 лет, совершенно нетрудоспособная, получает от Гленелгского прихода всего 3 шилл. 3 пенса в месяц;

12. Мэри Гиллис, она же Грант, 82 лет, в течение восьми лет не встает с постели, получает от Арднамерханского прихода 28 фунтов муки и 8 пенсов ежемесячно. Инспектор попечительства о бедных не посещал ее уже 2 года; она не получает ни медицинской помощи, ни одежды, ни питания;

13. Джон Мак-Икен, 86 лет, прикован к постели, проживает в Охнакрейге, Арднамерханского прихода, который дает ему фунт муки в день и 8 пенсов деньгами в месяц. Не имеет ни одежды, ни какого либо иного имущества;

14. Эван Мак-Келлем, 93 лет, с больными глазами. Я обнаружил его просящим милостыню на берегах Кринанского канала, в Напделском приходе, Аргайлшир. Он получает 4 шилл. 8 пенсов в месяц, не имеет ни одежды, ни медицинской помощи, ни топлива, ни жилища. Это ходячая куча лохмотьев, жалкий нищий;

15. Кейт Макартур, 74 лет, прикована к постели, живет одна в Данарди Напделского прихода. Кроме 4 шилл 8 пенсов в месяц, получаемых от прихода, у нее ничего нет. Доктор у нее не бывает;

16. Джанет Керр, она же Мак-Келлем; вдова 78 лет, здоровье плохое; получает 6 шилл. в месяц от Глассарийского прихода. Кроме этих денег, у нее нет ничего; жилища она не имеет;

17. Арчибалд Мак-Лорин, 73 лет, Аппинского прихода, совершенно нетрудоспособен; жена в таком же состоянии; получают от прихода по 3 шилл. 4 пенса пособия, не имеют ни топлива, ни одежды, ни жилища. Живут в ужасной лачуге, непригодной для человека;

18. Вдова Маргарет Мак-Леод, 81 года, живет в Ласгаке, Локбрумского прихода; получает 3 шилл. в месяц;

19. Вдова Джона Макензи, 81 года, живет в Аллапуле, Локбрумского прихода. Совершенно слепа и очень слаба здоровьем; получает только 2 шилл. в месяц;

20. Вдова Катрин Макдональд, 87 лет, живет на о-ве Луинг, Килбрандонского прихода; совершенно слепая и прикована к постели. Получает 7 шилл. в месяц на питание и из них должна оплачивать сиделку. Дом ее развалился, но приход отказался обеспечить ее жилищем, и она лежит под навесом на земляном полу. Инспектор отказывается чем-либо ей помочь.

Но жестокости этим не исчерпываются. В Страткарроне недавно произошло настоящее избиение. Большая группа женщин, доведенных до безумия жестокостью уже осуществленных выселений и ожиданием новых, собралась на улице, услышав, что в их края направляется отряд полицейских изгонять арендаторов. Однако прибывшие оказались не полицейскими, а сборщиками акциза; но узнав, что их принимают за других, они, вместо того чтобы выяснить недоразумение, решили воспользоваться им: они выдали себя за полицейских и заявили, что приехали выселять людей. Когда женщины начали волноваться, чиновники пригрозили им заряженным пистолетом. Что было дальше, описано в письме г-на Дональда Росса, который выехал из Глазго в Страткаррон и провел в этой местности два дня, собирая сведения и осматривая раненых. В его письме, написанном в «Королевской гостинице» в г. Оэне 15 апреля 1854 г., мы читаем:

«Сведения, собранные мной, свидетельствуют о позорном поведении шерифа. Он не предупредил людей о своем намерении двинуть против них полицейских. Он не зачитал акта о мятеже. Он даже не дал им времени разойтись, но, наоборот, приблизившись со своим отрядом и сжимая в руках дубинку, крикнул: «Прочь с дороги!», затем, не переводя дыхания, «Бей их!», после чего немедленно началась не поддающаяся описанию сцена. Полисмены стали бить несчастных женщин по голове своими тяжелыми дубинками, бросали их на землю и с дикой жестокостью топтали и пинали их ногами, куда попало. Вскоре вся лужайка окрасилась кровью. Крики женщин и подростков, лежавших в собственной крови, заставили бы содрогнуться само небо. Часть женщин, спасаясь от преследования полицейских, бросилась в глубокий и быстрый Каррон, надеясь на его милосердие больше, чем на снисхождение полицейских и шерифа. У некоторых женщин были вырваны клочья волос полицейскими дубинками; у одной девушки свирепым ударом дубинки был вырван из плеча кусок мяса в семь дюймов длиной, больше дюйма шириной и больше четверти дюйма в толщину. Молодая девушка, которая только смотрела на все происходящее, подверглась нападению троих полицейских. Они

ударили ее по лбу, рассекли ей голову, а после того как она упала, они стали ее бить ногами. Доктор извлек кусок чепца, который был загнан в рану ударом озверевшего полицейского. Синяки на спине женщины носят следы кованого сапога. В настоящее время тринадцать женщин в Страткарроне еще находятся в тяжелом состоянии вследствие грубого обращения, которому их подвергла полиция. Три из них настолько плохи, что лечащие их не надеются на их выздоровление. Судя по внешнему виду этих женщин и по серьезности их ранений, а также по собранным мной показаниям врачей, я делаю вывод, что не более половины из них выживет; и даже те, которые протянут еще некоторое время, сохранят на теле печальные доказательства ужасающей грубости, жертвой которой они стали. Среди особенно тяжело раненных есть одна беременная женщина. Она стояла не в толпе, встретившей шерифа, а поодаль, и была только зрительницей; но полисмены жестоко избили ее дубинками и ногами, и положение ее очень серьезно».

От себя мы можем добавить, что женщин, подвергшихся нападению, было восемнадцать. Фамилия шерифа—Тейлор. Таков облик британской аристократии в 1854 году. Местные власти и правительство договорились о том, что судебное преследование, возбужденное против Кауэлла, Гримшо и других руководителей Престонской стачки[136], будет прекращено при условии прекращения расследования о деятельности мировых судей и хлопчатобумажных лордов в Престоне. Так и было сделано.

Тот факт, что Данкомб отсрочил на две недели внесение в палату своего предложения о создании комиссии для расследования действий мировых судей в Престоне, якобы объясняется этим сговором.

Написано К. Марксом 19 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4095, 2 июня 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА [137]

Наконец, мы имеем возможность сообщить о подвиге британских моряков. Флот адмирала Нейпира разрушил после восьмичасовой бомбардировки крепость Густавсвэрн (в переводе со шведского: твердыня, или крепость Густава) и взял в плен ее гарнизон численностью в 1500 человек. Это — первое серьезное нападение на императорские русские владения, показывающее, по крайней мере, по сравнению с вялыми и сонными одесскими операциями, что Чарлз Нейпир, если только сможет, не согласится пожертвовать своей славой и славой своих отцов. Форт Густавсвэрн находится на крайней оконечности полуострова, образующего юго-западный угол Финляндии, около маяка Гангут, известного всем шкиперам, плавающим по Финскому заливу. Военное значение форта невелико, он защищает совсем небольшой водный и сухопутный район, и наступающий флот мог бы без всякого риска оставить его у себя в тылу. Сам по себе форт, должно быть, невелик, судя по численности его гарнизона. Однако при том блаженном неведении о действительной силе и значении балтийской береговой обороны России, которое царит даже в британском адмиралтействе и в военном министерстве, нам простительно будет отложить всякие комментарии относительно тактического значения этого дела до получения подробных данных.

Сейчас мы можем только сказать, что восьмичасовой обстрел свидетельствует о храброй, если не сверхискусной, защите со стороны русских и сулит при защите первоклассных крепостей в этом же морском заливе значительно более упорное сопротивление, чем можно было ожидать. С другой стороны, ты-

сяча пятьсот военнопленных не составляют для России сколько-нибудь значительной потери (они равняются средней двухдневной потере от болезней на Дунае). Нейпиру же они доставят много затруднений. Что, в самом деле, ему с ними делать? Он их не может отпустить ни на честное слово, ни без честного слова, и ближайшее место, куда он может отправить их, — это Англия. Чтобы обеспечить благополучную перевозку этих 1500 человек, ему потребуется по меньшей мере три линейных корабля или вдвое больше паровых фрегатов. Самый результат его победы свяжет его действия на две-три недели. И, наконец, как сможет он, не имея десантных войск, удержать завоеванную территорию? Я не представляю себе, как он это может сделать, не ослабив снова свой и без того слабо обеспеченный людьми флот и не сократив еще контингент матросов и морской пехоты на каждом корабле. В связи с этим упомянем о вопросе, который вызвал сейчас очень оживленную дискуссию в британской прессе, конечно, как всегда, запоздалую.

Британская пресса внезапно обнаружила, что от флота, как бы силен он ни был, довольно мало пользы, если у него нет на борту войска, достаточно многочисленного, чтобы высадиться на суше и закрепить победу, и что для этого одних судовых выстрелов по береговым укреплениям даже и в лучшем случае далеко не достаточно. Можно подумать, что вплоть до конца прошлого месяца эта идея ни разу не приходила в голову ни английским официальным кругам, ведающим войной, ни официальным кругам, ведающим английским общественным мнением. Между тем все имеющиеся в распоряжении войска и транспортные средства уже направлены в Черное море; а сухопутные войска, предназначенные для Балтийского моря, сводятся всего-навсего к одной бригаде в 2500 человек, из коих ни один еще не отправлен, так как и самый штаб еще совершенно не организован!

Французы, с своей стороны, тоже самым жалким образом запаздывают. Что касается их флота, предназначенного для действий в Балтийском море, то — вспомним напыщенный отчет министра Дюко: «Ваше величество приказало снарядить третий флот; приказание вашего величества выполнено!» — эта великолепная боевая сила, которая должна была быть готовой к отплытию в середине марта и состоять из десяти линейных кораблей, в действительности все еще не насчитывает больше пяти линейных кораблей, которые вместе с фрегатами и мелкими судами ползут теперь вдоль Большого Бельта. Чтобы достигнуть этого пункта из Бреста, им понадобилось целых три недели, причем все время дули западные ветры. Большой лагерь у Сент-Омера, в котором должно было находиться 150000, а в случае

необходимости и 200000 человек, якобы предназначенных для балтийской экспедиции, существует на бумаге уже три-четыре недели, а фактически туда не стянуто еще ни одной бригады. Между тем французы могли легко найти для пехотных войск и легкой полевой артиллерии 10000—15000 человек из своих береговых гарнизонов, без суматохи и театральной показной помпы полевых лагерей. Но где же было взять транспортные средства? Пришлось бы зафрахтовать британские торговые суда; учитывая среднюю скорость французского флота, им понадобилось бы от четырех до шести недель, чтобы одному за другим достичь театра военных действий. Но где можно было бы высадить войска, сконцентрировать бригаду и дивизию, организовать штабы и интендантства? Союзники находятся в порочном кругу: чтобы иметь сухопутную армию в районе Балтийского моря, они должны сначала завоевать остров или полуостров, где могли бы концентрировать и организовать войска для нападения; а чтобы добиться этого, они должны сначала иметь на месте сухопутные силы. Не трудно было бы выйти из этих затруднений при наличии хорошего адмирала, достаточно разбирающегося в сухопутной войне, чтобы управлять сухопутными силами; Чарлз Нейпир вполне может справиться с такой задачей, ведь он уже немало воевал на суше. Но трудно ожидать какого-либо единства действий там, где верховная власть в руках Абердина*, где четыре различных министерства вмешиваются в дела армии, где между армией и флотом существует постоянный антагонизм и где союзные английские и французские войска снедаемы завистью к взаимным успехам и славе.

Таким образом, раньше конца июня не может быть создана сколько-нибудь значительная сухопутная армия для действий в Балтийском море; и если в течение четырех месяцев война не закончится и мир не будет заключен, то придется отказаться от всех завоеваний — увезти обратно или бросить на месте войска, орудия, корабли, провиант, —и русские опять на семь зимних месяцев останутся хозяевами всей своей прибалтийской территории. Отсюда ясно, что в текущем году не может быть и речи о каких-либо серьезных и решительных наступлениях на прибалтийские области России. Слишком поздно! Только в том случае, если Швеция присоединится к западным державам, последние будут иметь на Балтике операционную базу, которая позволит им вести зимнюю кампанию в Финляндии. Но здесь опять порочный круг — правда, как и первый, порочный лишь

* В тексте данной статьи, опубликованном в «New-York Daily Tribune», здесь вставлены слова «и Пальмерстона». *Ред.*

для малодушных. Как можно ожидать от Швеции присоединения к этим державам, пока они на деле не убедят ее в серьезности своих намерений, послав сухопутные силы и заняв часть Финляндии? Но, с другой стороны, можно ли послать туда эти силы, не обеспечив себе Швецию как базу для операций?

Поистине Наполеон Великий, этот «убийца» стольких миллионов людей, с его смелым, решительным и сокрушительным способом ведения войны, был образцом гуманности по сравнению с нерешительными «государственными мужами», руководящими этой русской войной, которые в конце концов принесут в жертву еще гораздо больше людей и денег, если только они будут продолжать действовать, как до сих пор.

Если мы теперь обратимся к Черному морю, то увидим, как союзные флоты забавляются перед Севастополем безобидной стрельбой с дальних дистанций по нескольким жалким внешним укреплениям этой крепости. Эта невинная игра велась, как нам сообщают, большинством судов в течение четырех дней, и так как у русских было годных к плаванию лишь двенадцать линейных кораблей, то они в течение всего этого времени не показывались из гавани, к великому удивлению адмирала Гамелена (см. его рапорты от 1 и 5 мая)[138]. Этот герой-моряк, правда, достаточно стар, чтобы помнить те времена, когда французские эскадры не только бывали блокированы значительно более слабыми английскими эскадрами, но даже подвергались нападению в гаванях. В самом деле, было бы странно ожидать, чтобы более слабая русская эскадра покинула Севастополь для того, чтобы быть разбитой и потопленной вдвое большим числом кораблей и таким образом искупить «отвратительное преступление» в Синопе!

Тем временем два линейных корабля (винтовых парохода) и семь паровых фрегатов находятся на пути в Черкесию. Им было поручено разведать берега Крыма, а затем — разрушить форты на черкесском побережье. Однако в этом нападении должны были участвовать лишь три паровых фрегата, остальным же четырем было предписано вернуться, как только они закончат основательную рекогносцировку Крыма. Насколько нам известно, три форта, еще занятые русскими на черкесском побережье — Анапа, Сухум-Кале и Редут-Кале, — довольно сильно укреплены и построены на высотах, господствующих над открытым морем (за исключением Редут-Кале); сомнительно, чтобы посланных сил было достаточно для выполнения этих заданий, тем более что при них нет десантных войск. Эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна в это самое время вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем

их Шамилем. Что контр-адмирал Лайонс должен сообщать Шамилю, достоверно неизвестно; одно несомненно, что он не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов; ибо на военных кораблях во время боевой службы нет свободного места для перевозки грузов. Два жалких торговых судна или шхуны, нагруженные этими драгоценными товарами, оказали бы гораздо большие услуги, нежели вся моральная, но совершенно бесполезная поддержка пяти военных кораблей. Одновременно мы узнаем, что сюда же плывет турецкий флот, который везет черкесам все необходимое для вооружения. Так одно и то же дело выполняют флоты двух союзников, ничего не зная друг о друге. Вот так единство плана и действий! Пожалуй, один еще примет другого за русских, и черкесам предстоит славное зрелище — две эскадры, обстреливающие одна другую!

Между тем союзные сухопутные войска братаются между собой в Скутари и Галлиполи весьма своеобразно, уничтожая огромное количество местного крепкого и сладкого вина. Те из них, которые случайно остались трезвыми, используются на постройке полевых оборонительных сооружений, расположенных и построенных таким образом, что на них никогда не будет совершено нападение и не придется их защищать. Если бы нужно было еще доказывать, что ни английское, ни французское правительства никогда не имели намерения причинить какой-либо серьезный ущерб другу Николаю, то одного того, как проводят время их войска, было бы достаточно, чтобы это увидел и слепой. Чтобы иметь предлог держать войска вдали от театра военных действий, союзное командование заставляет их рыть непрерывную линию полевых укреплений через весь перешеек Херсонеса Фракийского. Всякий, в особенности каждый французский сапер, знает, что в полевой фортификации от непрерывных оборонительных линий следует отказываться почти при всех обстоятельствах. И все же англо-французскую армию в Галлиполи заставили применить этот вид укреплений на местности, две трети которой могут обстреливаться с высот с той стороны, откуда ожидают неприятеля. Так как, однако, при всем старании продвигаться возможно медленнее, даже и при скорости улитки, нельзя избежать некоторого продвижения вперед, то, по слухам, 15000 французов отправляются в Варну, — но зачем? В качестве гарнизона крепости? Что делать там? Чтобы умереть от лихорадки и малярии.

Если война ведется хоть с каким-нибудь смыслом, то командование должно знать, что у турок как раз отсутствует то искусство маневрирования в открытом поле, в котором так ис-ку-

шены англо-французские войска, в то время как они так великолепно владеют искусством обороны против штурмующих войск крепостных стен, валов и даже брешей, что ни англичане, ни французы не могут в этом с ними соперничать. Поэтому, а также и потому, что Варна со своим турецким гарнизоном оказалась в состоянии сделать то, что до сих пор не удавалось ни одной крепости, — а именно, продержаться двадцать девять дней, после того как в ее крепостном вале были пробиты три бреши, удобные для штурма, — именно поэтому из Варны берут плохо дисциплинированных турок и посылают их против русских в открытое поле, и в то же время направляют для защиты крепостных валов Варны хорошо вымуштрованных французов, великолепных в атаке, но нестойких в длительной обороне.

По другим сведениям все эти передвижения — простой обман и подготовляются великие события. Союзные войска якобы вовсе не имеют в виду какие-то операции на Балканах; они должны при содействии флотов совершить геройские подвиги в тылу у русских. Они должны высадиться в Одессе, отрезать противнику пути отступления и в тылу у него соединиться с австрийцами в Трансильвании; кроме того, они должны послать отряды в Черкесию. Наконец, они должны выделить от 15000 до 20000 человек для штурма Севастополя с суши, в то время как флоты будут брать гавань. Достаточно бросить взгляд на всю прежнюю историю войны и на предшествовавшие ей дипломатические переговоры, чтобы понять происхождение этих слухов: они пошли из Константинополя вскоре после приезда туда маршала Леруа, обычно называемого Сент-Арно. Кто знаком с биографией этой достойной личности[*], сразу опознает в этих хвастливых тирадах человека, дослужившегося хвастовством до нынешнего высокого чина, несмотря на то, что в качестве армейского офицера трижды был уволен со службы.

Короче говоря, дела с нынешней войной обстоят следующим образом. Англия и в особенности Франция вынуждены «обязательно, хотя и против своего желания», держать большую часть своих сил на Востоке и на Балтийском море, т. е. на двух выдвинутых флангах военной позиции, наиболее близким центром которой является Франция. Россия жертвует своим побережьем, флотом и частью своих войск для того, чтобы окончательно вовлечь западные державы в это противоречащее всякой стратегии движение. Как только это случится, как только необходимое число французских войск будет отправлено с родины в отдаленные края, так тотчас же Австрия и Пруссия

[*] В тексте «New-York Daily Tribune» здесь вставлена фраза: «я как-нибудь пришлю Вам эти сведения». *Ред.*

объявят себя сторонницами России и с превосходящими силами двинутся на Париж. Если этот план удастся, то в распоряжении Луи-Наполеона не будет никаких войск для сопротивления этому удару. Но есть одна сила, которая может «мобилизоваться» при всяких неожиданных событиях и которая может также «мобилизовать» и Луи Бонапарта и его продажных слуг, как она уже ранее мобилизовала многих правителей. Эта сила может оказать сопротивление всем этим вторжениям, и она уже однажды показала это объединенной Европе. Эта сила — Революция, — будьте покойны, не заставит себя ждать тогда, когда се действие потребуется.

Написано Ф. Энгельсом 22 мая 1854 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 108, 27 мая за подписью: К. М. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4101, 9 июня 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «The People's Paper»

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ, ЕЕ ТАКТИКА, ОБМУНДИРОВАНИЕ, ИНТЕНДАНТСТВО и т. д.

Лондон, пятница, 26 мая 1854 г.

Даже если Восточная война не будет иметь никаких других результатов, то она приведет к тому, что хоть отчасти рассеется военная слава покойного герцога Веллингтона. Кто знал Англию еще при жизни этого весьма переоцененного полководца, тот помнит, что в те времена считалось оскорблением английской нации, если даже Наполеон рассматривался как воин, в каком-либо отношении равный непобедимому «железному герцогу». Этот славный герцог теперь умер и похоронен, после того как он в течение последних сорока лет фактически командовал британской армией. Не было еще военачальника, обладавшего большей независимостью и безответственностью, чем он. Герцог был авторитетом, стоявшим выше всех авторитетов, и ни король, ни королева не смели противоречить, когда дело касалось области его деятельности. Вкусив в течение долгих лет все уготованные обычно для счастливой посредственности почести и радости, столь резко контрастирующие с трагическими потрясениями, являющимися, как правило, неотъемлемой долей гениев, например, Наполеона, — «железный герцог» умер, и командование британской армией перешло в другие руки. Прошло около восемнадцати месяцев со дня его смерти, британской армии предстоит выступить против русских, и тут, еще до того, как первый полк подготовился к погрузке на корабль, обнаруживается, что «железный герцог» оставил армию в состоянии, совершенно непригодном для какой-либо боевой службы.

В общем, несмотря на свой английский здравый смысл, герцог во многих отношениях был человеком ограниченного, недалекого ума. Известно, как несправедливо отзывался он о роли

своих немецких союзников в исходе битвы при Ватерлоо, приписывая себе всю славу победы, которая, не будь своевременного прихода Блюхера, превратилась бы в поражение. Упрямство, с которым он сохранял все злоупотребления и нелепости в английской армии, отвечая всем критикам, что «эти злоупотребления и нелепости сделали нас победителями в Испании и Португалии», вполне гармонировало со свойственным ему как консерватору убеждением, будто известная степень традиционной глупости и продажности необходима для правильного функционирования «бесспорно наилучшей» из всех конституций. Умея уступать в области политики в серьезных вопросах в критические моменты, он тем упрямее цеплялся в военных делах за устарелые идеи и традиционные нелепости. В британской армии за все время его деятельности не было проведено ни одного сколько-нибудь серьезного улучшения, если не считать чисто технических усовершенствований в артиллерии. Но ведь здесь просто невозможно было совершенно игнорировать быстрые успехи фабричной промышленности и технических наук. В результате, хотя британская артиллерия и обладает лучшей в мире материальной частью, организация артиллерии не менее тяжеловесна, чем организация других родов оружия, а по обмундированию, снаряжению и общей организации нет ни одного пункта, в котором английская армия не оставалась бы позади армии любой из цивилизованных европейских стран.

Я должен снова обратить внимание ваших читателей на то обстоятельство, что в Англии руководство военными делами не сосредоточено, как в других странах, в одном каком-либо ведомстве. Имеются четыре ведомства, независимые друг от друга и мешающие друг другу. Имеется секретарь по военным делам, не что иное как казначей и счетовод. Имеется главнокомандующий в главном штабе английской армии, ему подчинены пехота и кавалерия. Имеется главный начальник артиллерии, он командует офицерами артиллерийско-технической службы и подразумевается, что он ведает материальной частью армии. Затем имеется еще секретарь по делам колоний, который направляет войска в различные заморские владения и регулирует их снабжение военным снаряжением. Наряду с ними имеется еще интендантство и, наконец, для войск в Индии — главнокомандующий армией на этой территории. Нелепость таких порядков стала предметом публичного обсуждения лишь после смерти Веллингтона, поскольку в 1837 г. доклад по этому поводу парламентской комиссии был, по его распоряжению, отложен в долгий ящик. Сейчас, когда началась война, беспомощность этой системы ощущается повсюду, но против перемен возражают,

так как боятся совсем нарушить порядок и непрерывность в ведении дел.

В качестве примера неразберихи, порождаемой такой системой, я уже приводил тот факт, что нельзя найти двух предметов, за которыми полк мог бы не обращаться к различным, друг от друга независимым ведомствам: обмундирование выдает особый полковник, а шинели — артиллерийское управление; портупеи и ранцы выдает штаб главнокомандующего, а огнестрельное оружие — опять артиллерийское управление. На любой военно-морской базе за границей военные чины, начальники артиллерии, заведующие магазинами и интенданты все более или менее независимы друг от друга и ответственны перед различными, тоже друг от друга независимыми департаментами в метрополии. Кроме того, сохранилось еще такое безобразие, как «полковники, ведающие обмундированием». В каждом полку есть офицер в звании полковника, на обязанности которого лежит добыть от казны для обмундирования своего полка известную сумму, из которой он, однако, тратит по назначению только часть. Остальное присваивается им как вознаграждение за хлопоты.

Ведется торговля патентами на офицерское звание, благодаря чему все высшие посты в армии находятся почти исключительно в распоряжении аристократии. После нескольких лет службы в качестве лейтенанта, капитана и майора, офицер имеет право при первой вакансии купить себе освободившееся более высокое воинское звание, если на это звание не претендует другой офицер, в том же чине, но старший по службе. Таким образом человек, обладающий свободными деньгами, может быстро получить повышение, так как многие из его товарищей с большим стажем не имеют средств на оплату следующего звания, когда оно освобождается. Ясно, что такая система сильно сокращает круг способных людей, из которых пополняется офицерский корпус. И так как движение по службе высших офицеров зависит почти только от старшинства или аристократических связей, то из ограниченного круга лиц, пополняющих высшие командные должности, неизбежно исключается много талантливых и знающих людей. Несомненно, именно этой системе и следует главным образом приписать столь прискорбную скудость знаний большинства британских офицеров в общих и более теоретических областях военной науки.

Число офицеров непропорционально велико по отношению к числу солдат. Нигде не видно так много золотых галунов и эполет, как в британском полку. Поэтому офицерам нечего делать, а так как всякое сколько-нибудь серьезное занятие

наукой противоречило бы их esprit de corps*, то они проводят свое время во всяких сумасбродных проделках, полагая, что, когда дело дойдет до драки, их природной храбрости и «устава ее величества» будет вполне достаточно, чтобы провести их через все трудности. Когда формировали лагерь в Чобеме[139], беспомощность очень многих офицеров стала очевидна для всех тех, кто может судить о маневрах хоть немного более основательно, чем жалкие восторженные наемные писаки в духе истинных кокни**, восхищающихся всеми подробностями непривычного зрелища, которое они видят первый раз в жизни.

Система обучения и строевой устав в высшей степени устарели. Маневренность войск чрезвычайно неуклюжа, так как все движения сложны, медлительны и проводятся педантично. Старая система движения шеренгами, удержавшаяся, как главная форма всех тактических маневров, в британской армии дольше, чем в австрийской, при благоприятных условиях местности представляет хорошо известные преимущества; но эти преимущества сводятся на нет многими обстоятельствами, и, что важнее всего, сама система применима лишь в исключительных условиях. Система развертывания в колонны, в особенности ротами, принятая в лучших армиях континента, обеспечивает гораздо большую подвижность и не менее быстрое построение развернутого строя, когда оно потребуется.

Вооружение английского солдата сделано из хорошего материала отличной выработки, но оно во многих случаях изуродовано старомодными узаконениями. Старые, крупнокалиберные, гладкоствольные ружья хорошо сделаны, но пожалуй тяжелее, чем нужно. Старая брауншвейгская винтовка была в своем роде хороша, но она превзойдена лучшим оружием. Недавно введенная винтовка Притчетта, считающаяся улучшением французской винтовки Минье, по-видимому, будет превосходным оружием, но она была навязана руководящим кругам лишь после ожесточенной борьбы. И сейчас она внедряется так бессистемно и беспорядочно, что иногда половина полка имеет старые ружья, а другая — винтовки, что вносит полный беспорядок в вооружение. Кавалерийские сабли хороши, более приспособлены для того, чтобы колоть и рубить, нежели сабли, находящиеся на вооружении в войсках континентальных стран. Кони тоже превосходны, но всадники и вооружение слишком тяжелы. Полевая артиллерия обладает лучшей в мире и во

* — кастовому духу. *Ред.*

** — лондонских обывателей. *Ред.*

многих отношениях удивительно упрощенной материальной частью, но она обладает слишком большим разнообразием калибров и весов, в результате чего требуется большое разнообразие зарядного материала.

Обмундирование и личное снаряжению британского солдата, напротив, самая неудобная вещь на свете. Высокий, тугой, жесткий воротник вокруг шеи; жалкого вида узкая куртка с фалдочками, плохо скроенные, неудобные, узкие брюки, безобразного вида шинель, уродливая шапка или кивер, такая система ремней и поясов для ношения боевых припасов и ранца, которой не могут похвалиться даже пруссаки. Обо веем этом так много писалось в последнее время в газетах, что можно на этом не останавливатъся. Не следует к тому же забывать, что при таком как будто нарочно придуманном неудобном обмундировании британскому солдату приходится нести на себе гораздо больший груз, чем какому-либо другому. И как будто для того, чтобы возвести «подвижность» в высший принцип армия, ее еще обременили таким огромным *обозом*, какого нет ни в какой другой армии. Во многом тут повинна неповоротливость интендантских учреждений; но подобные полковые обозы и, в частности, такое обилие офицерского багажа можно встретить разве только в Турции или в Индии.

Посмотрим теперь, как вела себя эта армия, когда войска прибыли в Турцию. Французские солдаты, в военный режим которых постоянно вводились все усовершенствования, оправдавшие себя на опыте алжирских кампаний, не успели высадиться, как уже удобно устроились. Они несли на себе, хотя и немного, но все, что было им необходимо, а недостающее они быстро пополнили с прирожденной изобретательностью французского солдата. Даже при мошенническом правлении клики Луи Бонапарта и Сент-Арно эта система действовала довольно безукоризненно. Но англичане! Они прибыли в Галлиполи раньше своих интендантских складов; их было вчетверо больше, чем мог вместить лагерь; ничего не было приготовлено для их высадки с кораблей, не было походных пекарен, не было действительно ответственной администрации. Сыпались приказы и контрприказы, противоречившие друг другу самым ужасающим или, вернее, смехотворным образом. Не один старый сержант или капрал, отлично умевший устроиться где-нибудь в зарослях у кафров или в раскаленных равнинах Инда, здесь чувствовал себя беспомощным. Усовершенствования, которые командир любой другой армии мог ввести, находясь в походе, здесь принимались лишь на время данного похода; как только отдельные полки расходились в разные стороны, снова вступал в свои права

устаревший устав ее величества и весь приобретенный в походе опыт пропадал даром.

Такова прославленная система, за которую с железным упорством держался «железный герцог» и которая провозглашалась лучшей в мире потому, что с ней он разбил наполеоновских генералов на Пиренейском полуострове. Воистину британский солдат, затянутый в кожаную кирасу, часто едва волоча ноги из-за приступа малярии, плохо снабжаемый нерадивыми и неумелыми интендантскими офицерами, таскающий на себе по болгарским степям 60 или 70 фунтов груза, может гордиться своим славным «железным герцогом», наградившим его всеми этими благодеяниями.

Печальные последствия, неизбежно вытекающие из закоснелой системы герцога, еще более усугубляются олигархическим характером английской формы правления, при которой важнейшие должности вручены людям, чья поддержка в парламенте, быть может, и необходима для клики карьеристов, стоящих в данный момент у власти, но в ком отсутствуют самые элементарные профессиональные знания и способности. Возьмем для примера г-на Бернала Осборна, секретаря артиллерийского управления при коалиционном министерстве. Назначение г-на Бернала Осборна было уступкой мейферским радикалам[140], представленным в министерстве сэром У. Молсуортом, «скромным» издателем сочинений Гоббса. Г-н Бернал Осборн

... ум по зернышку клюет,
В любой момент обратно отдает,
Разносчик он, и носит свой товар
На ярмарки, пиры, торги, базар*.

Пусть г-н Бернал Осборн промышляет в розницу дешевыми остротами, но вряд ли он в состоянии отличить обычное ружье от винтовки Минье. И, тем не менее, он — ее величества парламентский секретарь артиллерийского управления.

Читатель, вероятно, припоминает, что некоторое время тому назад Осборн ходатайствовал перед парламентом об ассигновании артиллерийскому управлению средств на производство нужного для армии и флота стрелкового оружия. Он утверждал, что в Соединенных Штатах Америки на казенных заводах оружие обходится дешевле, чем на частных, и что в Англии в некоторых случаях уже возникли серьезные затруднения оттого, что подрядчики сдавали оружие несвоевременно.

Голосование в палате общин все же было отложено в связи с предложением г-на Мунца назначить специальную комиссию

* Шекспир. «Бесплодные усилия любви», акт V, сцена 2. *Ред.*

для разрешения вопроса «об изыскании наиболее дешевого, быстрого и удовлетворительного пути для обеспечения армии ее величества огнестрельным оружием». Доклад этой комиссии теперь опубликован, и что же, к каким она пришла заключениям? Что частные предприятия не могли своевременно выполнить заказов «из-за принятого в артиллерийском управлении мелочного придирчивого *порядка осмотра* изготовленного оружия и из-за обычая сдавать заказы на многочисленные детали ружья различным подрядчикам». Доклад сообщает далее, что «артиллерийское управление едва ли имеет понятие о цене, по которой в Америке изготовляется оружие, а также о том, в какой степени применяется там машинное производство», и что «в управлении никогда не видели ружей, изготовленных на казенных заводах указанной страны».

Наконец, мы узнаем из этого доклада, что «заводы, которые правительство предполагает построить, не смогут выпустить ни одного ружья раньше чем через полтора года».

Приведенных выдержек из парламентского доклада достаточно для характеристики профессиональных способностей, которыми обладает г-н Осборн, собственный коалиционного министерства секретарь артиллерийского управления. Ex ungue leonem[*].

Написано Ф. Энгельсом 24 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4102, 10 июня 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — По когтям познается лев. *Ред*.

К. МАРКС

ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ. — ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ 29 МАЯ

Лондон, вторник, 30 мая 1854 г.

Газета «Times» очень возмущена приказом британского генерала, запрещающего «собственным корреспондентам» газеты сопровождать британскую армию. Если бы эта война была войной bona fide[*], то было бы глупо возражать против этой меры. Еще герцог Веллингтон неоднократно жаловался в своих депешах на то, что Наполеон мог пересылать своим генералам в Испанию сведения о предполагаемых передвижениях и дислокациях его, Веллингтона, войск, почерпнутые им из столбцов английских газет. Но при настоящем положении вещей такой приказ может иметь только одну цель: оставить английское общество в неведении относительно предательских замыслов экспедиционных войск. Достойным дополнением к нему может служить приказ, изданный султаном под давлением героев 2 декабря и прочитанный во всех мечетях, в котором туркам запрещается вести какие-либо политические разговоры. И в самом деле, почему турки в этом отношении должны быть в лучшем положении, чем сами англичане?

Во вчерашнем заседании палаты общин г-н Блэкетт запросил лорда Дж. Рассела, имеется ли в последнем венском протоколе[141] какое-либо признание или санкция первой статьи австро-прусского договора от 20 апреля 1854 г. со стороны Великобритании. Согласно этой статье, договаривающиеся державы

«взаимно гарантируют друг другу обладание их немецкими и ненемецкими территориями, так что любое нападение на территорию одной

[*] — ведущейся всерьез. *Ред.*

из этих держав, откуда бы оно ни исходило, будет рассматриваться как враждебное нападение на территорию другой державы».

Лорд Джон Рассел ответил, что «в протоколе нет каких-либо *специальных* признаний или санкции этой первой статьи договора между Австрией и Пруссией». Специальное или не специальное, но во вчерашнем номере французской газеты «Moniteur» мы читаем, что

«последний венский протокол связывает англо-французское соглашение для настоящей войны с австро-прусским договором на случай войны»,

то есть связывает настоящую англо-французскую войну против России с возможной австро-прусской войной за Россию и, во всяком случае, является для Пруссии и Австрии гарантией — со стороны западных держав — неприкосновенного обладания Познанью, Галицией, Венгрией и Италией. Лорд Джон Рассел признает далее, что в этом протоколе

«имеется тенденция к укреплению и сохранению основ, заложенных в венских протоколах, — а именно, целостности Турецкой империи и эвакуации Дунайских княжеств русскими войсками».

Фактически это означает новое обязательство сохранить status quo ante bellum. Западные державы не могут похвалиться, что они этим протоколом добились каких-либо преимуществ перед Россией. Ибо в австро-прусском договоре определенно сказано:

«Наступательные или оборонительные действия со стороны обеих договаривающихся держав могут быть вызваны, во-первых, присоединением Дунайских княжеств к России, во-вторых, нападением русских на Балканы или переходом их через Балканы».

Оба эти условия явно продиктованы самой Россией. С самого начала она заявила, что в ее виды вовсе не входит присоединение Дунайских княжеств: она лишь хочет сохранить их в качестве «материальной гарантии» удовлетворения ее требований. Перейти через Балканы, имея перед собой французскую армию в 80000 человек, — такое намерение никогда не входило в русский план кампании; его единственной целью было лишь обеспечить для своей армии несколько крепостей на правой стороне Дуная, в качестве tetes-de-pont*, чтобы таким образом иметь постоянную возможность для вторжения в Болгарию. Заметим en passant**, что «Times», упоминая об этом новом протоколе, довольствуется надеждой, что западным державам,

* — предмостных укреплений. *Ред.*
** — между прочим. *Ред.*

может быть, удалось склонить на свою сторону Австрию, так как Пруссией «заведомо» ныне управляют «русские агенты», а «Morning Chronicle» даже отчаялся в сколько-нибудь искреннем согласии Австрии. Великий Наполеон принудил бы Австрию и Пруссию к открытому союзу с Россией; маленький Наполеон позволяет России навязать ему такой союз с немецкими державами, который отодвигает его армию возможно дальше от района военных действий.

Отвечая на запрос г-на Милнса, лорд Джон Рассел заявил:

«Франция выслала армию приблизительно в 6000 человек с приказом занять Пирей; равным образом английский пехотный полк, покинувший Англию на прошлой неделе, предназначен также для занятия Пирея».

Эта мера вызвана сговором греческого правительства с Россией. Войска должны занять Афины только при определенных обстоятельствах. В сегодняшних французских газетах мы читаем:

«Король Оттон принял ультиматум и обещал вернуть министерство Маврокордато, если оккупация будет снята. В противном случае он решил перенести местопребывание своего правительства в глубь страны и туда стянуть свои войска».

Что эта альтернатива не останется пустым словом, видно из нижеследующего заявления лорда Дж. Рассела.

«Если греческий король не одобряет попыток своего народа нарушить долг нейтральной страны, то он найдет в лице посланных к нему войск защиту и средства, необходимые для того, чтобы заставить народ выполнить этот долг. Если же, с другой стороны, торжественные заверения, которые мы получили от греческого правительства, окажутся неискренними, эти войска смогут принести пользу другим путем».

Следовательно, что бы ни делало греческое правительство, Греция будет оккупирована.

«Times» с некоторым раздражением сообщает, что

«в настоящий момент французские войска составляют большую часть гарнизонов Рима, Афин и Константинополя, этих трех великих столиц античного мира».

Старый Наполеон имел обыкновение занимать столицы современного мира. Наполеон Малый довольствуется театральной видимостью величия, рассеивает свои армии в незначительных странах и загоняет большую часть своих войск в culs de sac*.

Взятие обратно билля о предотвращении подкупа избирателей на вчерашнем вечернем заседании палаты дало повод

* — тупики, захолустье. *Ред.*

к весьма забавной перепалке между маленьким Джонни, Дизраэли и Брайтом. Г-н Дизраэли заметил, что

«правительство внесло за время сессии семь важных биллей. При обсуждении трех биллей оно потерпело поражение; три билля были взяты им обратно, а при обсуждении седьмого билля правительство потерпело хотя и не полное, но значительное поражение. Оно потерпело поражение с биллем о коренном изменении закона о принудительном возвращении бедных по их месту жительства, с биллем о народном образовании в Шотландии и с биллем о полном пересмотре парламентской присяги. Правительство взяло обратно настоящий билль о предотвращении подкупа избирателей; оно взяло обратно очень важный законопроект о полном изменении в гражданской службе; оно взяло обратно проект парламентской реформы. Билль о реформе Оксфордского университета выйдет из палаты совершенно изуродованным».

Если у правительства не было надежды провести эти законопроекты, то ему и не следовало их вносить... Говорили, что у нынешнего правительства нет принципов, а есть «все таланты», и можно было ожидать, что, поскольку каждый министр поступился своими личными убеждениями, то такой героизм, по крайней мере, должен был повлечь за собой какую-нибудь пользу для страны.

Негодование лорда Джона не придает его ответу большей силы. Он превозносит достоинства биллей, как отвергнутых, так и взятых обратно. Во всяком случае, добавляет он, палата не стала на сторону г-на Дизраэли и его друзей. Г-н Дизраэли обвинил правительство в доверчивости или попустительстве в проводимой им внешней политике, но он ни разу не осмелился запросить мнение, палаты по этому вопросу. Он притворялся, что не желает препятствовать правительству в его приготовлениях к войне; и все же он внес предложение, которое должно было лишить правительство средств для ведения войны. Это предложение было отвергнуто большинством свыше чем в 100 голосов. Что касается билля о правах евреев, защитником которых прикидывается г-н Дизраэли, то позиция г-на Дизраэли менялась, в зависимости от обстоятельств.

Этот ответ навлек на бедного лидера палаты общин новое нападение его противника, еще более яростное, чем первое.

«Благородный лорд», — сказал г-н Дизраэли, — «кажется, думает, что я удивлен тем, что он не ушел со своего поста. Напротив, я был бы чрезвычайно удивлен, если бы он сделал это. (Громкий смех.) Потребуется много новых поражений, еще более унизительных и еще более полных, если это возможно, прежде чем благородный лорд почувствует необходимость совершить подобный шаг. (Аплодисменты.) Я слишком хорошо знаю благородного лорда. Я слишком долго занимал место в рядах оппозиции, когда он был у власти. Я слишком часто видел его в подобном положении. Много раз приходилось мне наблюдать, как он терпел в высшей степени

знаменательные поражения и все же оставался у власти с присущим ему патриотизмом и настойчивостью, вызывающими безграничное восхищение. (Аплодисменты и смех.) В отношении войны правительство объявило парламенту, что выложит на стол все документы по этому вопросу, между тем как фактически оно скрывало наиболее важные из них, и страна оставалась бы в полном неведении относительно того, что происходит, если бы не разоблачения «Journal de St.-Pétersbourg». После этих разоблачений ему, Дизраэли, пришлось изменить свое мнение в том смысле, что уже не оставалось места ни для каких гипотез, а прямо надо было заявить, что правительство лишь могло быть виновно в доверчивости или попустительстве. Он убежден в том, что скоро это будет всеобщим мнением страны».

Затем г-н Дизраэли принялся защищать правительство лорда Дерби и доказывать, что в то время оппозиция лорда Джона была «мятежной». Лорд Джон принес большие жертвы:

«Он расстался с товарищами всей своей жизни, которые были верны ему, чтобы прижать к сердцу старых врагов, всегда отрицавших его способности и открыто осуждавших его деятельность. Он обманул доверие, — могу сказать, — он почти поставил под удар существование той исторической партии, доверие которой для такого человека, как благородный лорд, должно быть не менее ценным, чем милость его государыни. (Аплодисменты.) И почему он это сделал? Потому что он был предан великим принципам и был полон решимости провести великие мероприятия. Но теперь, когда его мероприятия одно за другим потерпели крушение, он все еще остается у власти. Что касается своего поведения в еврейском вопросе, то Дизраэли определенно и категорически возражает против утверждения, сделанного благородным лордом».

По существу, после выступления Дизраэли лорду Джону Расселу не оставалось ничего иного, как сослаться на свои «неудачи» и изобразить продолжение коалиции как неизбежное зло.

Г-н Брайт выразил мнение, что

«благородный лорд вышел из дискуссии с немалым для себя ущербом. В силу самого состава правительства с первого дня его образования было ясно, что оно не может действовать на благо страны. Он вспоминает об одном остроумном джентльмене в палате общин и большом друге благородного лорда и всего правительства, который сказал, что кабинет достиг бы замечательных результатов, если бы мог не заниматься политикой. Примерно такого курса и придерживалось правительство. По любому вопросу, исключая свободную торговлю, правительство оказалось неспособным ни давать советы палате, ни руководить ею, ни контролировать ее. Совершенно очевидно, что благородный лорд, которого из вежливости называют лидером палаты общин, на самом деле не руководит палатой, что палата не идет за благородным лордом и что предлагаемые правительством законопроекты отвергаются самым бесцеремонным образом. Вы вовлекли нас в войну и вы должны нас вывести из нее. Мы не хотим брать на себя ответственность. Вот положение, в которое нас поставило правительство. Подрывая и разрушая турецкое государственное устройство, правительство в известной степени подрывает и разрушает парламентскую систему нашей страны».

Можно спросить: для чего существует эта система? Вопросы внутренней политики нельзя поднимать, так как страна находится в состоянии войны. Но так как страна в состоянии войны, то нельзя касаться военных вопросов. Для чего же тогда сохраняется парламент? Старый Коббет раскрыл этот секрет: в качестве предохранительного клапана для кипящих в стране страстей.

Написано К. Марксом 30 мая 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4103, 12 июня 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ОБРАЗОВАНИЕ ОСОБОГО ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В АНГЛИИ. — ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ДУНАЕ. — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Лондон, пятница, 2 июня 1854 г.

Решение об образовании особого военного министерства уже принято, и весь вопрос теперь в том, кто будет выбран на пост министра. Герцог Ньюкасл, объединявший до сих пор в своем лице должности министра по делам колоний и секретаря по военным делам, давно проявлял большое нежелание отказаться от какого-либо из этих двух постов, и, судя по тону «Morning Chronicle», он хочет во всяком случае остаться во главе военного министерства. «Times» в сегодняшнем номере в третий раз рекомендует назначить лорда Пальмерстона.

«Лорд Пальмерстон был бы, конечно, более на месте в качестве военного министра, руководя вооруженными силами страны *против того, кого мы можем назвать его старым врагом, России,* чем занимаясь бесконечными препирательствами с приходскими собраниями и комиссиями по выводу сточных вод».

Газета «Daily News» тоже рекомендует лорда Пальмерстона. Во вчерашнем номере «Morning Herald»[142] появилось разоблачение всей этой интриги, принадлежащее перу г-на Уркарта. Как бы то ни было, эти события на Даунинг-стрит имеют большее значение для «войны», чем все военные демонстрации в Галлиполи и Скутари.

Как вы, может быть, помните, публике пытались внушить надежды на то, что срочные и энергичные шаги будут предприняты тотчас же после прибытия в Константинополь командующих экспедиционными войсками. 18 мая маршал Сент-Арно, лорд Раглан и турецкий сераскир отправились в Варну, где 20 мая должен был состояться военный совет с Омер-пашой и адмиралами. Вчера в Лондоне получена телеграмма о том, что

«на военном совете в Варне было решено двинуть союзные войска из Галлиполи в Адрианополь». Одновременно в газете «Times» появилась передовая, в которой изложен весь план кампании и сообщаются сведения о совещании в Варне.

«Это совещание», — говорит «Times», — «происходило, очевидно, в тот самый момент, когда русские, под командованием Паскевича, вели яростное нападение на крепость Силистрию, и поэтому высшие офицеры союзной армии имели прекрасную возможность решить вопрос о мерах, необходимых для оказания помощи этой крепости».

Потому-то они и отдали приказ своим войскам двинуться из Галлиполи в Адрианополь, чтобы оказать помощь Силистрии; *потому-то* они и пришли к следующему героическому решению:

«Было бы нецелесообразно подвергать турецкую армию риску общего сражения для того лишь, чтобы отбить атаку русских на крепости, защищающие правый берег Дуная ... равно как нецелесообразно было бы бросить значительную часть союзных армий на побережье для немедленного столкновения с передовыми русскими постами».

Другими словами, союзные генералы решили никак не противиться энергичным попыткам русских взять крепости на правом берегу Дуная. «Times» признает, что такой план военных действий «может разочаровать публику, испытывающую естественное нетерпение»; но, с другой стороны, газета делает открытие, что «эти укрепленные пункты являются в действительности лишь внешними укреплениями Турции, отнюдь не составляя ее главной силы». Прежде нам говорили, что Молдавия и Валахия лишь *внешние укрепления* Турции и что последняя едва ли потерпит большой ущерб, сдав их русским. Теперь мы узнаем, что Турция может так же спокойно отдать русским и Болгарию.

«Балканы — вот настоящая твердыня Оттоманской империи, и русские ничего, не выиграют от захвата, с тяжелыми жертвами, внешней линии укреплений, если новые препятствия, неизмеримо более грозные, будут вставать перед ними по мере их дальнейшего продвижения. Чем дальше они будут продвигаться в этой области к северу от Балкан, тем все больше будет ухудшаться их положение... Вторгнувшаяся армия истощает свои силы в борьбе против укрепленных пунктов, расположенных по Дунаю, и разбросанных отрядов неприятеля; а между тем силы, защищающие главную позицию последнего, остаются сравнительно свежими и нетронутыми».

Спору нет, если только откормленные говядиной* союзники смогут уклониться от встречи с неприятелем, их силы останутся совершенно свежими. Но что будет, если русские не станут

* В оригинале; «beef-eating» — ироническое прозвище английских лейб-гвардейцев. *Ред.*

продвигаться дальше в районе к северу от Балкан, довольствуясь захватом крепостей, этих ключей к Болгарии, и Дунайскими княжествами? Как добиться тогда их эвакуации?

«За линией Балкан европейская армия готовится к тому, чтобы в надлежащий момент *перейти в наступление* с неудержимой силой, и заключительные месяцы кампании *должны* принести с собой уничтожение неприятеля».

Это неудержимое наступление будет, конечно, чрезвычайно облегчено переходом дунайских крепостей в руки русских, а то, чего не смогут добиться союзные армии, без всякого труда довершит *ненастное время года.*

«Moniteur», правда, сообщает, что Омер-паша готовится идти на помощь Силистрии. А газета «Morning Chronicle», недовольная цитированной только что статьей «Times», замечает:

«Автор этого плана, по-видимому, надеется, что австрийская дипломатия тем временем побудит царя отвести свои войска обратно, удовлетворившись непрерывными, достигнутыми без какого-либо сопротивления успехами; с другой стороны, быть может, рассчитывают, что в случае дальнейшего продвижения русских на Балканах осуществится отдаленная возможность, предусмотренная австро-прусским договором».

Впрочем, «Moniteur» преподносит, как известно, свои новости так, чтобы поддерживать парижан в хорошем настроении; а форма, в какой «Chronicle» комментирует план газеты «Times», только подкрепляет предположение, что это и есть план коалиции. Такое предположение подтверждается, и другими источниками. Константинопольский корреспондент «Chronicle» замечает в своем сообщении от 18 мая:

«Едва ли какая-нибудь кампания будет предпринята на Дунае в разгаре лета, потому что при этом погибло бы от лихорадки и болезней больше людей, чем от других причин».

Кроме того министерская газета «Globe»[143] напечатала во вчерашнем вечернем выпуске статью, проникнутую совершенно тем же духом, что и статья в «Times». «Globe» сообщает, во-первых, что в настоящий момент в Турции имеется *«только»* 45000 человек союзных войск — 29000 французов и 16000 англичан; во-вторых, на следующем столбце говорится, что под Силистрией русские имеют только 90000 человек, а численность действующей турецкой армии достигает 104000 человек. И все же «Globe» полагает, что этой массы турецких, французских и английских войск, почти достигающей 150000, недостаточно, чтобы помешать 90000 русских взять болгарские крепости, — не говоря уже о содействии, которое могли бы оказать союзникам три могущественных флота. «Globe» считает совершенно излишней какую бы то ни было борьбу турок или союз-

ников против русских, ибо «против них борется время». Излагая план кампании, состряпанный союзными командующими, «Globe» идет даже дальше, чем «Times», говоря:

«Какова бы ни была судьба дунайских крепостей, необходимо собрать надлежащие силы, чтобы сделать невозможным *дальнейшее* продвижение захватчика и наказать его за дерзкое наступление».

Здесь перед нами ясное доказательство того, что в последнем венском протоколе Англия и Франция присоединились к австро-прусскому договору. Дунайские крепости и Болгарию решено отдать России, и поводом к войне может явиться только ее *дальнейшее* продвижение.

Когда первые 15000 русских вторглись в Молдавию, перейдя через Прут, Турции был дан совет сидеть смирно, так как она все равно, мол, не сможет помешать этой чудовищной сило в 15000 человек занять и Валахию. И русские действительно заняли Валахию. Когда Порта объявила войну, нельзя было начать никаких операций против русских, потому что была зима. С наступлением весны Омер-паша получил приказ воздерживаться от всяких наступательных действий, поскольку еще не прибыли войска союзников. После их прибытия ничего нельзя было сделать, потому что уже наступило лето, а лето является нездоровым временем года. Дождемся осени, и окажется, что «уже слишком поздно начинать кампанию». Этот метод «Times» называет комбинацией стратегии с тактикой: очевидно, сущность тактики газета усматривает в том, чтобы жертвовать армией ради сохранения «свежих» резервов. Заметьте при этом, что все время, с тех пор как, под самым носом и на глазах у оппозиционных газет и широкой английской публики, происходит это надувательство, «Morning Advertiser», и «Times» соперничают между собой, обрушиваясь на Пруссию, Данию и Швецию за то, что они не «присоединяются» к западным державам! Что мотивы, заставляющие все мелкие государства склоняться на сторону России, не лишены весьма серьезных оснований, — видно, например, из тона датских правительственных газет. Так, копенгагенский корреспондент «Morning Chronicle» пишет:

«Угроза, с помощью которой министерская партия держит в узде национальную партию, заключается в том, что Англия всегда была вероломна по отношению к Дании и что если последняя присоединится теперь к западным державам, то 100000 пруссаков, может быть, вместе с австрийским корпусом, опустошат Ютландию до самого Эйдера и займут всю датскую территорию».

Коалиционное министерство могло ждать и наверное ждало, что за деликатные услуги — дипломатические, военные и другие, — оказанные им «правому делу» России, оно увидит хоть

какую-нибудь деликатную благодарность со стороны самодержца. Но ничуть не бывало; оно получает от него больше пинков, чем это требуется обстоятельствами дела. Для иллюстрации того, как выражается это высокомерное презрение русского двора к своим мнимым противникам, я переведу вам басню анонимного российского Тиртея, недавно появившуюся в «Nordische Biene». Детскую простоту ее языка и композиции следует объяснить полуварварским уровнем развития тех, к кому обращается поэт, — точно так же, как ироническую вежливость, с какой «Journal de St.-Pеtersbourg» подвергла критике последний доклад адмирала Гамелена об Одессе, приходится отнести за счет того обстоятельства, что газета обращалась в данном случае к европейским дипломатам. Басня озаглавлена: «Орел, бульдог, петух и заяц». Вот ее содержание:

Царственный орел, большой и сильный, сидел на вершине скалы и озирал весь мир за пределами Балтики (Weit hinter in Belt die ganze Welt); так он сидел, спокойно и тихо, довольствуясь своей скромной трапезой и не заботясь о добывании припасов из лежащей внизу долины, потому что в любую минуту он может достать все. Бульдог взглянул на него с завистливым видом и обратился к петуху с такими словами: «будь моим союзником, мы объединимся — ты из мести, а я из зависти — и сбросим вниз этого орла», Сказано — сделано. Они двинулись в поход, и когда в пути меж ними зашла речь о том, как лучше всего сразить орла, петух сказал: «Стой! Взгляни на его когти, на его крылья — горе тому, кто захочет испытать их силу; не раз слышал я проклятие моих дедов, вспоминавших об ударах, которые он нанес им своими крыльями». «Это верно, сказал бульдог, но мы поймаем орла хитростью. Подошлем к нему зайца. Он вцепится в зайца, а ты тем временем отвлеки его внимание криками и прыжками, на которые ты такой мастер, и сделай вид, что ты хочешь ввязаться в драку. Когда мы отвлечем таким образом его внимание и его когти, я нападу на него сзади, так что он не сможет защищаться, и в несколько минут он будет растерзан моими острыми зубами». — Этот план понравился петуху и он занял наблюдательный пост поблизости. Бульдог входит в лес и громким лаем гонит зайца навстречу орлу, который спокойно ждет. Заяц, не помня себя от страха, живо попадает в лапы орлу. Петух, верный заключенному соглашению, поднимает крик и несется за зайцем, но — о ужас! Орел, не двигаясь с места, только взмахивает крыльями и, не удостаивая зайца своего внимания, отгоняет его прочь, а потом схватывает петуха, который тотчас же перестает шевелиться и кричать. Всем известна склонность зайца к бегству; вот он бежит, без чувств и без памяти, прямо в море и там испускает дух. Орел видел, как жирный бульдог издали строил свои козни — может ли что-нибудь ускользнуть от орлиных взоров? Он обнаружил героя, притаившегося за кустом. Орел взмахивает своими могучими крыльями и величественно поднимается ввысь. Бульдог лает и старается улепетнуть. Тщетны усилия, уже поздно. Орел падает на него с высоты и вонзает когти в спину предателя, и вот тот уже лежит, растерзанный на части.

В связи с благоприятными видами на урожай и благодаря отсутствию покупающих с целью спекуляции цены на хлеб

несколько понизились за последнюю неделю. Однако обратное движение неизбежно, потому что, «судя по всем данным, имеющим отношение к делу, надо думать, что запасов у крестьян гораздо меньше, чем это обыкновенно бывает в соответствующее время года» («Mark Lane Express»). Сообщения из Данцига, Штеттина, Ростока и т. д. в один голос свидетельствуют о том, что наличные запасы очень малы, что окрестным крестьянам нечего или уже почти нечего продавать и что привозного хлеба из этих районов можно ждать только по очень высокой цене. Привоз зерна из Франции тоже, по-видимому, не увеличился, а предложение пшеницы на внутренних рынках считается едва ли достаточным для покрытия спроса.

Я также узнал из частного источника, что отчеты «Times» о состоянии промышленности в фабричных районах вокруг Манчестера в общем не соответствуют действительности и что в делах наблюдается застой повсюду, кроме Бирмингема. «Manchester Guardian»[144] подтверждает это, добавляя, что возвращение на работу такого количества бастовавших рабочих наверное приведет к падению цен.

Что касается заявления сэра Дж. Грехема на заседании палаты общин в прошлый понедельник, — заявления о том, что Архангельский порт не будет блокирован, — то «Morning Herald» комментирует его следующей лаконической фразой: «В Архангельске стоит дом, принадлежащий канцлеру казначейства».

Написано К. Марксом. 2 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daiily Tribune» № 4105, 14 июня 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* РЕОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА. — АВСТРИЙСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ. — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ. — СЕНТ-АРНО

Лондон, пятница, 9 июня 1854 г.

Речь, произнесенная Кошутом в Шеффилде, наиболее содержательная из всех, услышанных от него за все время его пребывания в Англии; тем не менее нельзя не отметить ее недостатки. Содержащиеся в ней исторические экскурсы частью не точны. Например, нет абсолютно никаких оснований считать, что упадок Турции начался с того момента, когда Собеский оказал помощь австрийской столице[145]. Исследования Гаммера[146] неопровержимо доказывают, что организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и что уже за некоторое время до этого эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходил конец. Таким же ошибочным является тезис, будто Наполеон отказался от мысли напасть на Россию с моря не потому, что у него не было флота и что англичане лишили его господства над океаном, а по каким-то другим причинам. Угроза, что, в случае если Англия вступит в союз с Австрией, Венгрия заключит союз с Россией, является большой неосторожностью. Во-первых, это дает оружие правительственным газетам, и газета «Times» не преминула широко воспользоваться им для того, чтобы «заклеймить» всех революционеров как русских агентов. Во-вторых, это странно звучало в устах. человека, правительство которого уже в 1849 г. предложило венгерскую корону русскому цесаревичу. И, наконец, он не может отрицать, что, если бы его угроза, по его ли инициативе, или по инициативе других лиц, когда-либо осуществилась, национальному существованию мадьяр был бы вынесен смертный приговор, поскольку большая часть населения Венгрии состоит из славян. Точно так же было ошибкой характеризовать войну

против России как войну между свободой и деспотизмом. Не говоря уже о том, что в таком случае Бонапарт оказался бы представителем свободы, утверждению Кошута противоречит тот факт, что целью войны открыто провозглашается сохранение равновесия держав и Венских трактатов, то есть как раз тех трактатов, которые уничтожают свободу и независимость наций.

Сильнее, чем обычно, была и произнесенная г-ном Уркартом в Бирмингеме речь, в которой он снова выдвинул против коалиционного министерства обвинение в измене. Но поскольку г-н Уркарт коренным образом расходится с той единственной партией, которая была бы способна устранить совершенно прогнившую парламентскую основу, на которой покоится это олигархическое коалиционное министерство, то все его речи так же мало достигают цели, как если бы он обращался с ними к облакам.

Лорд Джон Рассел объявил вчера вечером в палате общин о предстоящем образовании особого военного министерства, которое, однако, должно не поглотить различные отделы, образующие сейчас военное ведомство, а лишь осуществлять над всеми ними поминальный надзор. Единственное преимущество этого изменения заключается в создании нового министерского поста. Что касается нового назначения, то газета «Morning Post» вчера сообщила, что в кабинете одержала верх фракция пилитов[147] и что новым секретарем по делам войны станет герцог Ньюкасл, тогда как колонии будут предложены лорду Джону Расселу. Вышедший вчера вечером номер «Globe» подтверждает это сообщение и добавляет, что так как лорд Джон по всей вероятности откажется, то секретарем по делам колоний будет назначен сэр Джордж Грей. В то время как газеты пилитов продолжают притворяться, будто не знают окончательного решения, газета Пальмерстона сегодня утверждает, что герцог Ньюкасл и сэр Джордж Грей уже получили назначения.

«Morning Post» пишет по поводу австрийских «категорических требований»:

«Мы имеем основание думать, что Россия не обойдет молчанием обращение Австрии и не ответит ей отказом, и мы не будем удивлены, если скоро узнаем, что Россия готова принять австрийское предложение о полной эвакуации турецкой территории на том условии, что Австрия предпримет шаги для заключения перемирия на предмет переговоров».

Сегодняшний номер «Morning Chronicle» также признает, что «это обращение может иметь величайшее значение». Газета все же добавляет, что это обращение не следует рассматривать как ультиматум, что оно написано в обычном вежливом тоне и что разрыв имелся в виду лишь в том случае, если бы Россия

совершенно игнорировала обращение. Если же Россия даст уклончивый ответ или сделает частичные уступки, могут последовать новые предложения и переговоры.

Допустим на один момент, что предположение «Morning Post» правильно и близко к осуществлению: очевидно, что оказанная Австрией услуга лишь обеспечила бы еще одно перемирие в пользу России. Весьма вероятно, что нечто подобное имелось в виду, причем основывались на том, что Силистрия тем временем падет и «честь и достоинство царя» будут соблюдены. Однако весь план рухнет, если Силистрия выстоит и доблесть турок заставит, наконец, союзные войска перейти к военным действиям, вопреки желанию их командующих и правительств.

Если что-нибудь может скрасить скучное зрелище бесконечных упущений и промахов этой большой войны, так это — забавная нерешительность английской публики и прессы в оценке реальности и пользы союза между западными и германскими державами. Едва лишь Австрия ко всеобщему удовлетворению выдвинула свои «категорические требования», как все повергаются в тревогу известием о встрече австрийского и прусского монархов, встрече, которая, по словам газеты «Times», «не предвещает ничего хорошего для западных держав».

Опубликованы статистические данные министерства торговли за последний месяц. Данные эти менее благоприятны, чем данные за предыдущие месяцы. Объявленная ценность экспорта дает снижение на 747527 ф. ст. по сравнению с соответствующим месяцем 1853 года. Больше всего пострадали статьи экспорта, связанные с манчестерским рынком; но и полотняная, шерстяная и шелковая промышленность также показывают снижение.

В очередном ежемесячном бюллетене, издаваемом гг. Стёрдж из Бирмингема, мы читаем, что всходы пшеницы находятся в неблагоприятном состоянии, причем сообщается об этом в следующих выражениях:

«Высокие цены на семена явились причиной того, что на каждый акр было посеяно меньше семян, чем в обычные годы, а худшее качество пшеницы прошлого урожая, использованной для посевов, может быть, является причиной того, что виды на урожай не столь благоприятны, как. это имело бы место, если. бы прошлогодний урожай был лучше».

По поводу этого сообщения «Mark Lane Express» замечает:

«Этот вывод нам представляется весьма вероятным и заслуживает внимания, так как плохое качество семян вряд ли позволяет ожидать таких же здоровых всходов, какие возможны при более благоприятных условиях. За ростом хлебов будут следить с особенным интересом, так как известно, что хлебные запасы не только в Англии, но и почти во всех частях света весьма истощены из-за сильного неурожая 1853 года. В даль-

нейшем уровень цен будет в значительной степени зависеть от погоды; сейчас цены на пшеницу слишком высоки, чтобы стимулировать спекуляцию, и хотя более чем вероятно, что подвоз извне в течение ближайших трех месяцев будет производиться в гораздо менее широких размерах, чем это было до сих пор, тем не менее, если не случится ничего такого, что усилило бы неблагоприятные перспективы в отношении предстоящего урожая, обладатели свободных запасов постараются скорее расстаться с ними, между тем как мукомолы и другие будут придерживаться выжидательной тактики... При этом следует иметь в виду, что страна вообще страдает нехваткой хлеба».

Теперь нельзя пройти по улицам Лондона, чтобы не увидеть толпу, стоящую перед патриотическими картинами, на которых изображена интересная группа «трех спасителей цивилизации»: султан, Бонапарт и Виктория. Чтобы дать вам возможность в полной мере оценить, что представляют собой деятели, которым теперь вверяется спасение цивилизации, после того как они уже «спасли общество», я продолжу свой очерк о генералиссимусе, маршале Сент-Арно[148].

Знаменитые июльские дни[149] спасли Жака Леруа (по-старому) или Жака Ахилла Леруа де Сент-Арно (по-новому) из когтей его кредиторов. Тут перед ним встал трудный вопрос, как ему использовать условия французского общества, пришедшего в полный беспорядок благодаря внезапному крушению старого режима. Ахилл не участвовал в трехдневных боях; он не мог даже притвориться, что участвовал в них, так как было слишком хорошо известно, что в это памятное время он сидел под замком в тюремной камере Сент-Пелажи. Он не мог поэтому, по примеру многих других авантюристов того времени, претендовать на какое-либо вознаграждение под тем фальшивым предлогом, что он один из июльских *борцов. С* другой стороны и успех *буржуазного режима,* казалось, никоим образом не мог благоприятствовать этому заведомому представителю подонков парижской богемы, который всегда исповедовал слепую веру в легитимизм и отнюдь не принадлежал к обществу «Помоги сам себе» (этот недостаток прозорливости он возместил тем, что стал одним из первых членов Общества 10 декабря)[150] и не играл никакой роли в великой «комедии пятнадцати лет». Все же Ахилл коечему научился в искусстве импровизации у своего старого учителя г-на Э. де П. Он храбро явился в военное министерство и объявил себя здесь младшим офицером, подавшим в отставку из политических побуждений во время Реставрации. Свое изгнание из Gardes du corps[*], свое исключение из корсиканского легиона, свою отлучку из 51 полка, отправившегося

[*] — королевской гвардии. *Ред.*

в колонии, он сумел легко превратить в доказательство своего необузданного патриотизма и преследований со стороны Бурбонов. Послужной список удостоверял, правда, ложность его утверждений, но военное министерство сделало вид, что поверило им. Уход в отставку многочисленных офицеров, не желавших присягнуть Луи-Филиппу, создал много вакансий, которые надо было заполнить, и правительство узурпатора охотно принимало поэтому всякого открытого отступника от легитимизма, каковы бы ни были мотивы его перехода. Так Ахилл получил назначение в 64-й линейный полк, впрочем, не без унижения: он был принят обратно на службу в качестве младшего офицера, вместо того чтобы получить повышение, как его получили прочие офицеры, подавшие в отставку во время Реставрации.

Годы и его старое офицерское звание дали ему, наконец, чин лейтенанта. В то же время ему представился случай проявить свои особые таланты пресмыкающегося отступника. Его полк стоял в 1832 г. в Партене, в центре легитимистского восстания в Вандее. Его старые связи с некоторыми из прежних. Gardes du corps, собравшимися вокруг герцогини Беррийской, открыли перед ним возможность сочетать обязанности солдата и полицейского шпиона, сочетание, весьма отвечавшее его гению, созревшему в игорных домах Лондона и cafes borgnes* Парижа. Герцогиня Беррийская, проданная г-ну Тьеру евреем Дёцем, была арестована в Нанте, и Ахиллу было поручено сопровождать ее в Бле, где он должен был исполнять обязанности одного из ее тюремщиков под командой генерала Бюжо. Горя желанием не упустить случая открыто проявить свое крайнее рвение в защите интересов династии, он хватил через край и шокировал даже Бюжо низкими услугами, которые он оказывал полиции, и своим грубым обращением с герцогиней. Бюжо, однако, не имел права уволить адъютанта, специально назначенного полицией для охраны герцогини, находившегося под непосредственным начальством полицейского комиссара г-на Жоли и зависящего в конце концов больше от министерства внутренних дел, чем от военного министерства. Будущий генералиссимус англо-французских войск исполнял роль повивальной бабки, так как его специальной миссией было установить свидетельскими показаниями и доказать беременность герцогини, разоблачение которой нанесло смертельный удар сторонникам старого режима. В связи с этим его качеством имя г-на Сент-Арно упоминается в первый раз в газете «Moniteur». Мы читаем в мае 1833 г. в этой газете:

* — притонах низшего пошиба. *Ред.*

«Г-н Ахилл де Сент-Арно, тридцати четырех лет, обычно проживающий в Париже, адъютант генерала Бюжо, получил предписание, согласно его официальному положению, подписать акт о рождении ребенка, которым герцогиня разрешилась в тюрьме 10 мая 1833 года».

Галантный Сент-Арно и далее оставался верен своей роли тюремщика и сопровождал герцогиню на корвете, который, доставил ее в Палермо.

По возвращении во Францию Ахилл стал посмешищем и козлом отпущения для всего полка. Ненавидимый офицерами, исключенный из их reunions*, преследуемый недвусмысленными проявлениями крайнего презрения, отвергнутый всем полком, он в конце концов вынужден был искать убежища в алжирском иностранном легионе, как раз тогда формировавшемся в Париже под руководством полковника Бедо. Этот иностранный легион с успехом можно было бы назвать Обществом 10 декабря европейских армий. Отъявленные головорезы, запутавшиеся в долгах авантюристы, дезертиры всех стран, вообще отбросы европейских армий, составляли ядро этого Corps d'elite**, который с полным правом носил название refugium peccatorum***. Нигде больше гений Ахилла не мог бы так развернуться, как в товарищеской среде подобного войска, официальная миссия которого предохраняла его от клыков полиции, тогда как моральный облик его членов устранял все преграды, обычно сдерживающие офицеров регулярной армии. Расточительный во всем, Ахилл, однако, был очень скуп на доказательства своего военного мужества и способностей и продолжал прозябать в течение четырех лет в незначительном чине лейтенанта первого батальона иностранного легиона, пока, наконец, 15 августа 1837 г. новый патент не дал ему чин капитана. Весьма прискорбно, что походная касса во французской армии находится под надзором капитана, который несет ответственность за выплату жалованья солдатам и за снабжение продовольствием. Кассы, однако, и были как раз тем, на что наш современный Ахилл был особенно падок. Так получилось, что спустя несколько месяцев после его повышения в чине во вверенной ему кассе обнаружился ужасающий дефицит. Генерал-инспектор г-н де Рюльер, раскрывший эту растрату, настаивал на наказании капитана. Доклад в министерство был уже составлен, его вот-вот должны были сдать на почту и г-н де Сент-Арно погиб бы навсегда, но тут вмешался его начальник г-н Бедо, тронутый

* — собраний. *Ред.*
** — избранного войска. *Ред.*
*** — убежища грешников. *Ред.*

отчаянием своего подчиненного, и ему удалось смягчить гнев генерала Рюльера.

У Сент-Арно есть свойственная только ему манера выражать благодарность за оказанные ему благодеяния. Назначенный военным министром накануне coup d'etat[151], он приказал арестовать генерала Бедо и вычеркнуть имя генерала Рюльера из списков офицерского корпуса. Рюльер послал ему следующее письмо, которое показал своим друзьям в Париже и опубликовал в бельгийских газетах:

«В 1837 г. генерал Рюльер отказался сломать шпагу капитана Леруа де Сент-Арно, не желая его обесчестить. В 1851 г. военный министр Леруа де Сент-Арно, будучи не в силах обесчестить генерала Рюльера, сломал его шпагу».

Написано К. Марксом 9 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4114, 24 июня 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОСАДА СИЛИСТРИИ

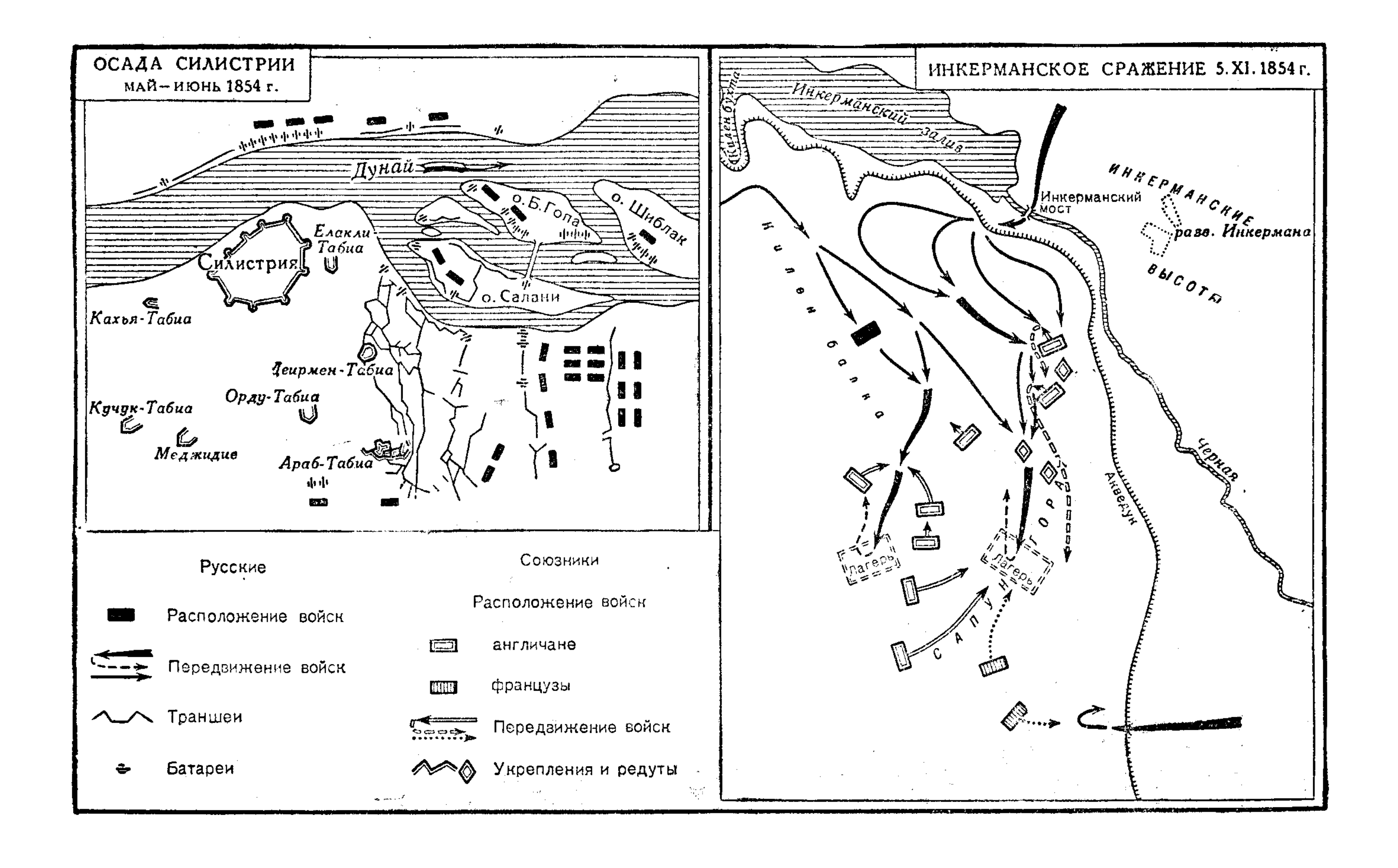
После некоторого промежутка времени, заполненного военными операциями, которые не выдерживают критики, ибо они диктовались не столько стратегическими и тактическими, сколько дипломатическими и парламентскими соображениями, осада и штурм Силистрии являются, наконец, событием, имеющим военное значение.

Этот штурм показывает, что русские продолжают удерживать инициативу и что до настоящего момента действия турок, союзных армий и союзных флотов определяются действиями противника. Союзные флоты инстинктивно, непреодолимо влечет к русскому флоту в его надежном убежище в Севастополе; будучи не в состоянии атаковать эту крепость без помощи сухопутных сил, они скованы в своих действиях и парализованы флотом, значительно уступающим им по качеству и числу судов. Даже эвакуация фортов кавказского побережья, произведенная своевременно и под носом у британских и французских паровых судов, показывает решимость русских удержать инициативу как можно дольше. А на войне это уже очень много. Это доказывает превосходство — либо в количестве, либо в качестве войск, либо же в полководческом искусстве, и поддерживает моральное состояние солдат при всех неудачах и отступлениях, кроме проигрыша решительного сражения. Именно эта инициатива и сплачивала маленькую армию Веллингтона, окруженную сотнями тысяч французских войск в Испании, и делала ее центром всех событий этой пятилетней войны. Вы можете быть вынуждены к отступлению, вы можете быть отбиты, но пока вы в состоянии влиять на действия противника, вместо того чтобы

подчиняться ему, вы все еще до некоторой степени превосходите его. И — что еще важнее — ваши солдаты, каждый в отдельности и все вместе, будут чувствовать себя выше его солдат. Кроме того, нападение на Силистрию является первой действительно наступательной операцией русских с тех пор, как они закончили оккупацию устья Дуная. Вступление в Добруджу преследовало явно оборонительные цели; оно явилось одновременно и сокращением линии их фронта, и шагом к овладению устьем Дуная. А нападение на Силистрию — не только смелая, но и в высшей степени правильно рассчитанная операция.

В 1828—1829 гг. русские, тогда господствовавшие на Черном море, совершенно правильно пренебрегли Силистрией ради того, чтобы в первую очередь овладеть Варной, так как Варна открывала новую линию морских сообщений с их собственной страной. Все же Силистрия была достаточно важным пунктом, чтобы побудить их взять ее прежде, чем перейти Балканы. Но в настоящее время, когда союзные флоты господствуют на Черном море, Варна в значительной степени теряет свое значение для русских, а Силистрия и Шумла становятся для них главными объектами наступления. Для русских Варна может иметь теперь ценность лишь косвенно: взяв ее, они не получают расширенной операционной базы, но только лишают противника того, что можно было бы назвать береговым предмостным укреплением, под прикрытием которого он мог бы внезапно сосредоточить, при помощи своих судов, известное количество войск для какой-либо определенной операции. Так, в 1849 г. датчане, заманив прусскую армию в Ютландию, внезапно переправили морем сильный отряд войск на свое береговое предмостное укрепление у Фредерисии и, совершив вылазку, уничтожили прекрасный, но значительно более слабый шлезвиг-гольштейнский отряд, оставленный перед крепостью для ведения осады. Если, следовательно, русские, отодвинутые от Черного моря, не могут ни при каких обстоятельствах перейти Балканы, не заняв Варны, они не могут выступить против Варны, не овладев по крайней мере Силистрией.

Но для настоящего момента эти соображения отходят на второй план. Без помощи Австрии Россия не может и думать о переходе Балкан на виду у своих теперешних противников. Силистрия в настоящий момент имеет для русских первостепенное оборонительное значение; и это значение столь велико, что, если они ее не возьмут, они могут считать свою кампанию этого года проигранной. Силистрия расположена как раз против центра русских позиций, протянувшихся от Журжева через Калараш и Черноводы к Кюстенджи. При наличии сильной

ОСАДА СИЛИСТРИИ
МАЙ—ИЮНЬ 1854 г.
Дунай
о. Б. Гопа
о. Шиблак
о. Салани
Силистрия
Елакли-Табиа
Кахья-Табиа
Деирмен-Табиа
Орду-Табиа
Кучук-Табиа
Меджидие
Араб-Табиа
ИНКЕРМАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 5. XI. 1854 г.
Инкерманский залив
Килен бухта
Инкерманский мост
ИНКЕРМАНСКИЕ ВЫСОТЫ
разв. Инкермана
Килен балка
Лагерь
Лагерь
САПУН ГОРА
Акведук
Черная
Русские
Расположение войск
Передвижение войск
Траншеи
Батареи
Союзники
Расположение войск
англичане
французы
Передвижение войск
Укрепления и редуты

системы крепостей перед этой позицией, при том, что в Шумле находится Омер-паша, подобно пауку, следящему из своей паутины за каждым движением предполагаемой добычи, при том, что союзные войска ожидаются на Камчике и Девненске, весьма мало шансов на то, что армия, которой Россия может располагать для войны на Дунае, окажется способной без посторонней помощи пробиться к фракийским долинам, зелень которых манила усталых солдат Дибича с Балканских гор. Россия должна рассчитывать, по крайней мере в этом году, лишь на простую защиту своих нынешних завоеваний, пока либо Австрия не присоединится к ней, либо какое-нибудь обстоятельство не обессилит или не заставит удалиться ее наиболее серьезного противника, англо-французскую армию. Оборонительная война предполагает систему полевых или, если возможно, долговременных оборонительных сооружений. Но пока Силистрия остается в руках противника, русские не имеют в своем распоряжении долговременных укреплений за исключением мелких фортов Добруджи, которые в случае потери Валахии окажутся совершенно бесполезными. Русские могли бы восстановить некоторые укрепления Браилова и Рущука и создать укрепленный лагерь под Бухарестом, но пока они не овладели Силистрией, их первая серьезная оборонительная линия лежит дальше в тылу, на линии Серет—Фокшаны—Галац—Измаил.

Но предположим, что Силистрия находится в руках русских, — и военное положение сразу же меняется. Силистрия — прекрасный пункт для русского предмостного укрепления на Дунае. Она расположена на внутреннем углу, образованном излучиной Дуная, — положение, как нельзя лучше соответствующее указанному назначению. На северо-западе имеется большой остров, пересекаемый дамбой по направлению к Каларашу и господствующий над равнинами к западу от крепости, на расстоянии в 1000 ярдов, достаточно близком для обстрела траншей продольным огнем и бомбардировки колонн. На востоке — два небольших острова, с которых простреливаются восточные подступы, и временные батареи, воздвигнутые там при низкой воде, весьма существенно тревожили бы осаждающих. Таким образом, часть территории, которую турки, атакованные с севера, не могут использовать при обороне и должны поэтому отдать противнику, представляла бы отличные позиции для русских батарей, ведущих фланкирующий огонь по противнику, наступающему с юга. Открытый для атаки участок фронта был бы при этом ограничен основанием треугольника, в вершине которого расположена Силистрия, или, другими словами, его южной, обращенной к суше, стороной; и турецкая

или союзная армия не могли бы и думать о серьезном наступлении на Силистрию, по крайней мере до тех пор, пока Валахия находится в руках русских.

Главные преимущества, однако, были бы не столько тактического, сколько стратегического характера. Обладание Добруджей и Силистрией дает России господство на Дунае и возможность, смотря по обстоятельствам, предпринимать кратковременные наступательные действия либо со стороны Траянова вала, либо из Силистрии. Неприятель, не превосходящий русских по численности вдвое, не мог бы переправиться ни в одном из пунктов выше по течению, не обнажив при этом Шумлу. Что же касается перехода через реку ниже Силистрии, то об этом не может быть и речи: ближе Гирсовы нет переправы, а чтобы дойти туда, ему пришлось бы сперва овладеть позициями Карасу, а затем и самой Гирсовой, которая настолько же сильно защищена от нападения с суши, насколько она легко уязвима с реки.

Таким образом, в результате занятия Силистрии русскими форты Добруджи приобретают для них большое значение. Их армия получает двойную ось, вокруг которой она может свободно маневрировать, не подвергая опасности свои коммуникации, и если бы даже вдвое превосходящие силы позволили неприятелю переправиться у Олтеницы или Журжева, взять Бухарест и отбросить русских за Яломицу, осада Силистрии была бы абсолютно необходимой для того, чтобы сделать решительное продвижение в Бессарабию безопасным. Поэтому до фактического падения Силистрии русские могли бы считать себя обладателями Валахии, даже если бы в этой провинции у них не было ни одного солдата. Словом, обладание Силистрией означало бы для русских шесть месяцев владения Валахией, а шесть месяцев, подводящие нас к зиме, когда вообще нельзя в этой стране вести никакие осадные операции, означали бы продление господства русских еще на четыре месяца. Взятие Силистрии явилось бы выигрышем кампании, а отступление от Силистрии — почти проигрышем ее.

Итак, в виде исключения, вопреки дипломатии, подкупу, трусости и нерешительности, мы подошли, в силу внутренних закономерностей войны, к решающему поворотному пункту. Либо Силистрия будет предоставлена своей судьбе — тогда ее падение есть факт, достоверность которого может быть математически высчитана, либо союзники придут ей на помощь — тогда произойдет решающее сражение, ибо русские не могут, не деморализовав тем самым свою армию и не утратив своего престижа, отступить без боя из-под Силистрии — впрочем, они, кажется, и не собираются этого делать.

Больших превратностей судьбы, чем Силистрия, не претерпела ни одна крепость. В 1810 г. русские взяли ее после девяти дней осады и пяти дней решительного штурма. В 1828 г., хотя крепость была точно в таком же состоянии, что и раньше, они обложили ее 21 июня своими сухопутными силами, а 10 августа — дополнительно — тридцатью шестью канонерскими лодками. Но их осадная артиллерия прибыла лишь в сентябре, и при ней не оказалось никаких боевых припасов, так что нельзя было предпринять правильной атаки. 10 ноября русские были вынуждены снять осаду ввиду наступления зимы и появления на Дунае плову чего льда. При отступлении дезорганизованные и деморализованные русские подверглись ожесточенному преследованию со стороны гарнизона; часть русской осадной артиллерии была брошена в батареях, остальная была взята турками, проследовавшими в направлении Расовы. В следующем году Дибич возобновил осаду, обложил крепость 7 мая, выбив турок из окопов и редутов, возведенных русскими в предыдущем году, и открыл огонь из тридцати одного тяжелого орудия, расположив их, по-видимому, без всякой предварительной подготовки на возвышенности, почти в 900 ярдах от города. 26 мая, примерно в 600 ярдах от стены, были открыты демонтирные батареи. В то же время была открыта вторая параллель; третья была открыта 4 июня, а 12 июня началось продвижение на покрытие гласиса. 17-го гласис был покрыт в одном пункте, но эта операция была закончена лишь 26-го, после того как пять батарей были открыты у самого края рва, в тридцати ярдах от главной стены. Одновременно генерал Щильдер, тот самый, что руководит теперь инженерной частью осады, произвел свои любимые минные операции в широком масштабе. Крупные мины, заложенные под контрэскарп и главную стену, были взорваны 21 июня (сразу же образовав проходную брешь), 25, 27, 28 и 29 июня, когда, наконец, крепость сдалась. Но и тогда, кажется, не было крайней необходимости в сдаче, если бы не панический страх, вызванный подземными взрывами у суеверных иррегулярных солдат. Позади всего атакованного фронта и второго вала был проведен coupure, или новый окоп, для овладения которым несомненно потребовались бы еще новые минные или артиллерийские операции. Таким образом, эта удивительная крепость, нисколько не усовершенствованная по сравнению с 1810 г., все же продержалась тридцать пять дней после открытия траншеи и девять дней после образования проходимой бреши в главной стене; она заставила русских израсходовать 30000 снарядов и гранат в артиллерийской атаке и 336 английских центнеров пороха при минировании.

Из-за финансовых затруднений и войн в Египте турки до такой степени запустили этот важный пункт после Адрианопольского мира, что даже в 1836 г. не только не были полностью заделаны пробоины 1829 г. и очищены рвы, но даже были еще видны следы штурма 1810 года. Султан имел тогда в виду воздвигнуть отдельные форты, но это намерение в течение некоторого времени не осуществлялось. В настоящий момент Силистрия находится в совершенно ином состоянии, главным образом благодаря усилиям прусского офицера на турецкой службе, полковника Граха. Первоначальная порочная конструкция крепости, по-видимому, вряд ли допускает значительные улучшения, но отдельные форты, воздвигнутые на возвышенностях, уже доказали свою полезность. Крепость образует полукруг, диаметр которого, длиной около 1800 ярдов, идет по берегу Дуная. Она имеет десять бастионных фронтов в среднем длиной в 500 ярдов. Конструкция, как во всех турецких крепостях XVI и XVII столетий, изобилует всеми недостатками, свойственными старым итальянским укреплениям: длинные куртины, небольшие и тесные бастионы, короткие фланки, почти не прикрывающие ров, сам ров мелкий (не более восьми футов глубины), отсутствие крытых путей, лишь простой гласис, гребень, или верхняя часть, которого едва выдается на четыре фута над верхушкой контрэскарпа. Сам же вал, высотой в восемь футов и толщиной в двадцать футов, построен из земли; эскарп и контрэскарп рассчитаны по глубине рва, то есть имеют восемь футов. Сам ров вследствие высоты его уровня по необходимости остается сухим. Перед куртинами нет даже люнетов. Такова была Силистрия до 1836 года. А эти недостатки ее укреплений усугубляются тем фактом, что в 600 ярдах от стены над крепостью господствует цепь высот, тянущихся к югу от нее. Эти высоты являются отрогами Болгарского плато, которое, имея совершенно гладкую верхнюю поверхность, простирается на 1500 ярдов от города и затем отлого снижается по направлению к реке, предоставляя батареям превосходные ступенчатые позиции для фронтального или продольного огня, с узким рукавом реки с одной стороны и возвышенностью — с другой. Майор Мольтке, который осмотрел эту крепость в 1836 г. и работе которого о кампании 1828—1829 гг. мы обязаны вышеприведенными подробностями, выражает мнение,

«что Силистрию невозможно сделать способной к серьезной обороне, не снабдив ее четырьмя отдельными фортами на высотах и предмостным укреплением на расположенном напротив большом острове»[152].

Возвести предмостное укрепление на острове, принадлежащем Валахии, из которой турки были удалены по договору,

было невозможно; но форты уже воздвигнуты и, если мы правильно осведомлены, приблизительно на тех именно местах, которые указаны были майором Мольтке.

Что именно полковник Грах мог предпринять для устранения недостатков главной крепостной стены, сказать трудно. Однако вряд ли может быть сомнение в том, что он, вероятно, соорудил хотя бы крытый путь и пробил бойницы в центре куртины для ведения огня вдоль рва во всех наиболее угрожаемых и менее защищенных фронтах. Что касается четырех отдельных фортов, мы пока ничего не знаем о характере их конструкции, но принимая во внимание, что полковник Грах — пруссак и что дешевизна имеет большое значение для Порты, мы сказали бы, что, по всей вероятности, они построены по системе, почти повсеместно принятой теперь на континенте и особенно в Пруссии, а именно: плоские квадратные или восьмиугольные редуты с бойницами на каждом втором углу. Их расположение определяется четырьмя мысами, образующими конечные выступы плато в направлении города и отделенными друг от друга тремя оврагами. Их расстояние от главной стены должно равняться в среднем 1500 ярдам, так что огонь из крепости не является для них сколько-нибудь успешной защитой. Но в этом и нет абсолютной необходимости; а ближе к городу на склоне, кажется, нет ни одной складки местности, где бы можно было хорошо укрыть форт от господствующего над ним края плато.

Помимо этих долговременных сооружений, полковник Грах возвел на самом плато земляное укрепление недолговременного характера, названное Араб-Табиа (форт Аравия) и расположенное перед двумя центральными фортами на расстоянии около 1000 ярдов. Некоторые сообщения позволяют прийти к выводу, что были воздвигнуты и другие полевые редуты, составляющие как бы внешнюю линию фортов; таким образом получается три последовательных линии обороны. Араб-Табиа, однако, остается ключом к этим позициям и необходимо взять его, чтобы иметь возможность подойти к внутренней линии фортов. Такое расположение укреплений придает Силистрии большую оборонительную и наступательную силу. Так как правильная атака может привести к решающим результатам лишь с южной стороны крепости, гарнизон в 15000 — 18000 может выделять большие силы для вылазок. Войска, производящие вылазку, получают великолепные прикрытые позиции на склоне за отдельно стоящими фортами, от которых они могут по оврагам незамеченными подойти на близкое расстояние к неприятелю. Ввиду этого при штурме Араб-Табиа решать дело будет не столько гарнизон

этого форта, сколько отряды, вышедшие из Силистрии. Переходим теперь к самой осаде.

С конца апреля русские время от времени открывали огонь по Силистрии с другого берега Дуная. В мае они приступили к возведению правильного апроша на большом острове против города, близ дамбы, ведущей к Калარашу, и к 10 мая закончили размещение своих батарей вдоль берега реки. 11 мая была произведена ураганная бомбардировка города, а также настильный обстрел северного форта. Они повторились 12 мая, когда их наблюдал только что прибывший лейтенант бенгальской артиллерии Несмит, поместивший сообщение об этом в лондонской газете «Times». Главным объектом обстрела был северо-восточный, или Чшенгельский, бастион, с которого турки отвечали особенно ожесточенно и с большой точностью прицела. Напротив, стрельба русских изображается весьма небрежной. У большого количества гранат, найденных в городе, перед выстрелом не были сняты колпачки с трубок, так что они не могли ни воспламениться, ни взорваться. Подобный недосмотр, хотя и обычный при быстрой стрельбе в полевых условиях в начале кампании, является неслыханным при осадном обстреле, когда огонь всегда ведется сравнительно медленно; он показывает, насколько русские торопились расстрелять свои боевые припасы. Кроме того, в течение ночи русские воздвигли батарею на острове Шиблак, к востоку от Силистрии (в 1829 г. они имели в этом же месте две батареи). Четыре орудия этой батареи, должно быть, были предназначены для простреливания продольным огнем всего северного фронта.

С 13 по 16 мая ничего существенного, видимо, не было сделано; по крайней мере донесения ничего не сообщают. Вполне вероятно, что русские генералы, обнаружив, что бомбардировка, как они этого вполне могли ожидать, не достигает цели в отношении турецкой крепости, готовились к атаке на правом берегу реки. Соответственно, 16 мая ниже Силистрии был наведен мост; по нему переправилось 20000 солдат, к которым в скором времени присоединились, как говорят, еще 20000 из Добруджи. Русские произвели общее передвижение для сосредоточения в направлении Силистрии и Туртукая; ибо, раз атака была задумана на правом берегу реки, нужны были силы для прикрытия от Омер-паши, находившегося в Шумле, и от тех англо-французских войск, которые могли быть высажены в Варне.

19 мая имели место первые разведывательные действия против Араб-Табиа; крупные массы войск были сосредоточены непосредственно за чертой досягаемости артиллерийских орудий, а стрелковая цепь начала продвижение вперед. После короткой

канонады Муса-паша выслал На плато отряд башибузуков[153], оттеснивший стрелков. 20 мая имело место новое выступление русских, выглядевшее слишком внушительно для простой разведки и недостаточно внушительно для настоящей атаки. 21-го была произведена первая атака на Араб-Табиа; подробности неизвестны, но русские были отражены с большими потерями. Два русских офицера, перебежавшие к туркам, сообщили, что силы противника достигают 90000, состоят из трех армейских корпусов (что соответствует действительности: 3-го. 4-го и 5-го) и находятся под командованием великого князя Константина. Последнее заявление, очевидно, ошибочно, ибо, как известно, Константин командует флотом, армией и береговой обороной Финляндии. Сообщение о предполагавшемся на следующий день возобновлении атаки на деле не подтвердилось. Русские были в боевой готовности, но не приближались к форту. Затем мы опять не имеем сведений о ходе событий вплоть до 26 мая; на рассвете же 27 мая русские вновь атаковали Араб-Табиа весьма значительными силами. Три раза возобновлялся приступ, и три раза атакующие были отбиты с огромным уроном. В турецких отчетах говорится о 1500 убитых и 3000 раненых русских, что, может быть, несколько преувеличено, но все же не слишком неправдоподобно. Решив взять форт a la* Суворов, Паскевич на следующее утро вновь подготовил свои колонны к атаке. Резня, по-видимому, была ужасающей; генерал Сельван был убит. Полковник граф Орлов-младший умер, получив пулю в глаз. Другой полковник был тяжело ранен. Сами русские определяют свои потери в 186 убитых и 379 раненых; но это, по всей вероятности, не составляет и трети их действительных потерь; при том количестве войск, которое они ввели в атаку, 2000 являются наименьшей потерей, которую они могли понести.

Следующей ночью турки произвели массовую вылазку, неожиданно напали на расположения русских и оттеснили русских с большими потерями (1500—1800 согласно донесениям). Эта удачная вылазка, а также то обстоятельство, что при последнем натиске не удалось довести войска до схватки, несмотря на то, что была пущена в ход кавалерия с целью подогнать их и отрезать им отступление, заставили князя Паскевича отказаться от попытки взять форт штыковой атакой. Нет никакого сомнения в том, что оборона этого редута представляет собой один из самых славных военных подвигов не только в этой, но вообще во всех русско-турецких кампаниях. Местность эта допускала атаку очень крупными силами, а русские не из тех, кто

* — на манер. *Ред.*

пропустит случай послать на штурм столько тысяч, сколько они только могут. С их стороны, следовательно, должно было быть весьма значительное численное превосходство, потребовавшее для противодействия со стороны турок не только большой отваги, но и хорошо спланированных и согласованно выполненных вылазок. Едва ли можно сомневаться в том, что, будь перед ними турки 1829 г., русские овладели бы крепостью. Их теперешнее повторное поражение показывает, что турки, по крайней мере часть их, сделали успехи в области тактики и военной науки, но не утратили своей храбрости. В этом отношении защита Араб-Табиа и сражение при Четате являются наиболее замечательными событиями всей кампании.

Что касается атаки русских, то мы не можем о ней сказать ничего хорошего. Паскевич, кажется, настолько торопится взять Силистрию, что у него не остается времени даже на мероприятия, совершенно необходимые для достижения этой цели. Его нерешительность всем бросается в глаза. Сначала он испробовал бомбардировку, хотя ему бы следовало знать, насколько это бесполезно в отношении турецкого города. Бомбардировка может привести только к большой потере боевых припасов со стороны русских, да разве еще к пролому в стене со стороны реки, где близость Дуная, этого природного рва шириной в 1000 ярдов, исключает всякую мысль о штурме. Затем был атакован сухопутный фронт, но артиллерия Араб-Табиа, по-видимому, так и не была подавлена и не было сделано ни одной серьезной попытки разрушить укрепления этого форта. Все это слишком несущественно для преемника Суворова. Как говаривал этот архирусский генерал, «пуля — дура, а штык — молодец», и если это верно в отношении русского штыка, который, согласно тому же доблестному авторитету, способен проткнуть Альпы, это несомненно еще более верно в отношении русских пуль, имеющих неизменное и непреодолимое влечение к отклонению. Таким образом, штурм предписан, выполнен, повторен вновь и вновь, но тщетно. Получается, что земляные парапеты небольшого, но прочно выстроенного турецкого форта крепче альпийского гранита, против которого сражался Суворов, и что турецкие ядра и пули — не такие дуры, как ядра и пули русских. Б итоге Паскевич вынужден будет вернуться к старому правилу: никогда не штурмовать укреплений, не заставив замолчать их артиллерию и не разрушив их оборонительные сооружения. Таким образом, приблизительно 30 или 31 мая начинается правильная осада, и Паскевич в конце концов обращается к «дуре-пуле».

Но нет! И это — только видимость. Является генерал Шильдер, знаменитый по 1829 году; он обещает сломить крепость

своими неизменными минами, и к тому же в несколько дней. Использование мин против укрепления полевого типа является выражением крайнего военного отчаяния, невежественной ярости противника, попавшего в безвыходное положение. Если нужно прибегнуть к минам, первым условием их успешного применения является покрытие *гласиса.* Но до покрытия гласиса неприятельская артиллерия должна быть подавлена; а это означает сооружение одной, двух, трех параллелей, с соответствующими батареями. И действительно, мины составляют заключительный этап осады, а не ее начало. Если Шильдер не предполагает вести подземные подкопы на площади примерно в двадцать квадратных миль или прокладывать туннель под Дунаем, то ему не уйти от необходимости правильной осады. Вопреки Суворову, пули — необходимы.

Правильная осада Араб-Табиа могла бы быть несомненно закончена в каких-нибудь несколько дней, так как это укрепление уже почти выполнило свое назначение, и продолжительная оборона слишком ослабила бы гарнизон. Но это означало бы правильную осаду по крайней мере двух фортов, а затем и самого города. Пять недель — несомненно *кратчайший* срок, в течение которого русские, при их небрежности в осадных действиях, могут это осуществить. Если же туркам хватит провианта и боевых припасов и не случится никаких непредвиденных обстоятельств, крепость может считаться в безопасности до начала июля. Конечно, мы предполагаем, что форты средней прочности и что стены не слишком запущены. Но если Силистрия в 1829 г. продержалась 35 дней после открытия траншей, ясно, что с новыми усовершенствованиями, при храбром и умном командире, опытном руководителе артиллерии и первоклассном гарнизоне она сможет выстоять по меньшей мере столько же в 1854 году. Если бы можно было рассчитывать на союзников, мы могли бы спокойно сказать, что эта кампания должна принести русским полную неудачу, а может быть кое-что и похуже.

Написано Ф. Энгельсом. 10 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4115, 26 июня 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ НА РУССКО-ТУРЕЦКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ [154]

Не говоря уж о любопытном факте совпадения эвакуации Валахии русскими с ее оккупацией австрийцами, уже одно то, как осада Силистрии была предпринята, проведена и, наконец, снята, показывает, что здесь руководствовались отнюдь не чисто военными, а совсем иными соображениями. Из официального русского отчета, который доведен до вечера 28 мая и отличается от турецких бюллетеней лишь данными о числе убитых и раненых, видно, что операции производились с удивительной поспешностью, что энергичные усилия разрушить внешние укрепления были предприняты не ранее, чем практически была доказана невозможность взять Силистрию штурмом, и что наступление носило характер, более неорганизованный и противоречащий военной науке, чем какое-либо другое наступление в истории проведенных русскими осад. Об операциях в период с 28 мая до 15 июня имеются лишь слишком отрывочные отчеты, чтобы мы могли дать подробную картину событий; тот факт, однако, что во время повторных отчаянных атак почти все высшие офицеры были ранены и вышли из строя — Паскевич, Шильдер, которому затем ампутировали ногу, Горчаков, Лидере и Орлов, которому пуля выбила глаз, — убедительно доказывает, что русские имели приказ не только взять крепость во что бы то ни стало, но и сделать это в точно указанный срок. Их поведение во всем этом деле напоминало скорее варварские приемы захвата городов в Курдистане Тимуром-Тамерланом, чем ведение современной регулярной войны. С другой стороны, очевидно, что героическая и искусная защита Силистрии вызвала одинаковое изумление и у союзных держав,

и у оттоманского Дивана. Наши читатели, может быть, помнят, что около шести недель тому назад командующие союзными войсками* встретились в Варне и сделали открытие, что линия Балкан образует естественную защиту Турции; теперь же многие британские газеты не только признают, но и хвастаются тем фактом, что ни один французский или английский солдат не пришел на помощь Силистрии. Наконец, нельзя отрицать, что Силистрия была пунктом большой военной важности, что судьба этой крепости решает судьбу кампании и что русские, отказавшись от осады и внезапно отступив на Серет, потеряли всю территорию, которую завоевали в этом и в прошлом году.

Все же нужно сказать, что многие из английских газет очень преувеличивают размеры нынешних неудач московитов. Конечно, нужно обладать большим легковерием, чтобы допустить, будто вылазка, предпринятая гарнизоном Силистрии 13 июня, и подкрепление в 2000 человек, полученное, как передают, от Омер-паши, привели к полному поражению русских и заставили 90000—100000 человек бежать перед 15000 человек. Внезапное отступление русских, насколько мы можем судить, столь же загадочно, как и их внезапное наступление. Его можно объяснить только предварительным соглашением с Австрией, в котором была предусмотрена оккупация Валахии австрийскими войсками. При таких обстоятельствах особый интерес представляет следующий отрывок, который мы находим в письме константинопольского корреспондента «Morning Chronicle», раскрывающем эту интригу 10 июня, т. е. за четыре дня до заключения австро-турецкого договора:

«Турки считают, что дипломатия играет с ними и что в ее намерения входит отдать Силистрию в руки России. Это подозрение подтверждается полученным здесь сообщением, что в *Вене подготовляется новый протокол,* в котором о падении Силистрии якобы говорится, как об *уже совершившемся факте; теперь, когда военное честолюбие России удовлетворено,* Австрия полагает, что пришел час ее военного вмешательства, имеющего целью урегулирование вопроса при ее участии, час *оккупации Дунайских княжеств, которые будут эвакуированы войсками России».*

Таким образом, если бы русские своевременно взяли Силистрию, все было бы в порядке. А тут, хотя им и не удалось удовлетворить военное честолюбие царя, они должны в силу соглашения с Австрией отступить довольно-таки бесславным образом. В то время как русские отходят за Серет, австрийцы продвигаются к Серету и Дунаю и становятся таким образом между московитами и турками с их союзниками. В этом положении они являются арбитром в споре и не дают продвинуться

* — Сент-Арно и Раглан. См. настоящий том, стр. 253—257. *Ред.*

вперед ни тем, ни другим. Русские остаются в Молдавии, между тем как венское совещание больше чем когда бы то ни было будет занято составлением протоколов, и таким образом зима будет выиграна. Если совещание ни к чему не приведет, — а такой результат его несомненен, раз уж русский император получил деньги по своему новому займу в 37000000 долларов у Гопе и К° в Амстердаме*, — положение русской армии за Дунаем и Серетом будет вдвое прочнее, чем была ее линия между Бухарестом и Кюстенджи. Сопоставляя силу русских перед Силистрией, в Болгарии и при их теперешнем отступлении за Серет с силой союзных армий, если при хитроумном расположении этих армий они вообще могут быть брошены на чашу весов, мы ясно видим, что даже при самых лучших намерениях последние не в состоянии были бы расстроить австро-русскую комбинацию.

Русские силы, действующие на европейском берегу Черного моря против Турции и союзников, состоят из тринадцати дивизий пехоты, а именно: трех из 3-го, трех из 4-го, одной из 5-го, трех из 6-го армейских корпусов и трех запасных дивизий. Кроме того, здесь находятся третья, четвертая, пятая и шестая дивизии легкой кавалерии и третья, четвертая и пятая артиллерийские дивизии. Эти войска, составляющие почти половину основной действующей армии, должны состоять, по официальному расчету, из 16000 человек в каждой пехотной дивизии, из 5000 в каждой кавалерийской дивизии и из 160 орудий в каждой артиллерийской дивизии; всего приблизительно от 250000 до 260000 человек, включая людей, обслуживающих обоз и лагерь. Если мы, однако, попытаемся определить численность русской армии по тому, какой она в действительности была во время венгерской войны[155], мы должны оценить численность русской пехотной дивизии не более чем в 13000— 14000 человек и соответственно уменьшить цифры для кавалерии и артиллерии. Действительная численность войск, которые русские постепенно ввели в Дунайские княжества, должна поэтому сократиться приблизительно до 210000 человек, и отсюда нужно еще вычесть, по крайней мере, 20000—25000 человек, в связи с потерями в сражениях и вследствие болезней. Если мы вспомним опустошения, произведенные в рядах русской армии болотной лихорадкой в 1828—1829 гг., и возьмем для сравнения письма русского хирурга в «Wiener medizinische Wochenschrift»[156], мы можем без преувеличения принять, что потери русской армии достигают 8—10 процентов общей ее чис-

* См. настоящий том, стр. 303. *Ред.*

ленности. У русских остается, таким образом, возможность располагать армией приблизительно в 180000 человек.

Интересно выяснить, какая часть этой армии могла быть использована для операций против Силистрии. Большое число войск было необходимо для охраны коммуникаций и складов в тылу боевого фронта. Бухарест и линия Добруджи должны были быть заняты. Некоторое число отрядов потребовалось для прикрытия флангов и отчасти фронта армии; если мы вычтем 60000 человек, нужных для этих различных задач, то для осады Силистрйи и прикрытия этой операции останется 130000 человек. И это скорее слишком высокая, чем слишком низкая оценка. Но положение Силистрйи у большой реки неизбежно требовало,- чтобы осаждающая армия разделилась для того, чтобы окружить крепость со всех сторон. Далее необходимо было расположить на северном берегу сильные резервы, которые могли бы поддержать войска, оттесненные с южного берега в случае поражения. Наконец, войска, занимавшие южный, или правый, берег, в свою очередь должны были разделиться на две армии, из которых одна должна была проводить осаду и отражать вылазки осажденных, другая же — прикрывать осаждающих и разбить те войска, которые могли бы быть посланы на выручку крепости. Приблизительно 35000—40000 человек нужно было для того, чтобы занять правый берег и вести осаду на левом берегу. Таким образом, для активных полевых операций против армии, идущей на освобождение крепости, русские могли располагать армией в 80000 человек, и это было самое большое, что русские могли выставить на болгарской территории в радиусе от 10 до 20 миль вокруг Силистрии.

Взглянем теперь, какие силы союзники могли противопоставить русским, насчитывавшим в тот момент 180000 человек. О турецкой армии в Шумле недавно сообщалось, что она насчитывает около 80000 человек, но ей недостает всего, что необходимо для операций в открытом поле: у нее — по последним донесениям лорда Раглана и французских офицеров штаба — плохие офицерские кадры и вообще она в таком состоянии, которое решительно препятствует проведению наступательных операций. Мы не намерены, да сейчас и не в состоянии проверить точность этих сообщений. Достаточно сказать, что таково официальное мнение союзников о состоянии турецкой главной армии. С тех пор войска направлены из Калафата в Рущук, где, как говорят, устроен лагерь на 40000 человек. Трудно понять политику, в результате которой иммобилизуется целый корпус, способный, если бы его направить на Бухарест, а не на Рущук,

заставить русских немедленно снять осаду Силистрии. Но руководство войной находится всецело в руках дипломатии. Если вычесть теперешний гарнизон Рущука и гарнизон и резерв в Шумле, весьма сомнительно, могут ли турки выставить в открытом поле 50000 человек, достаточно оснащенных, чтобы быть в состоянии разрешить стоящую перед ними задачу. Если по оценке западных военных авторитетов один англо-французский солдат считается равным по крайней мере двум русским, то союзники все же должны были бы располагать армией в 65000 человек, чтобы создать противовес русской оккупационной армии. Поэтому, пока союзники не сконцентрируют в Варне такой военной силы, они едва ли без крайней необходимости перейдут к активным операциям.

Между тем они были достаточно осторожны, чтобы не выступить сразу с такими силами, что лишило бы их повода уклоняться от дальнейших активных операций. Находящиеся теперь в Турции англо-французские войска насчитывают всего не более 80000 человек помимо 15000—20000, находящихся сейчас на пути туда, в том числе почти вся артиллерия и кавалерия. Число транспортных судов в Босфоре — преднамеренно или нет — очень ограничено, так что понадобилось бы много рейсов туда и обратно, если бы войска должны были быть доставлены в Варну исключительно морским путем. Но, согласно последним и самым точным сообщениям, говорит цитированный уже нами корреспондент, до сих пор только 12000 английских и французских солдат отправлены морским путем, тогда как главная масса французской армии медленно продвигается от Галлиполи к Константинополю и Адрианополю. Так как дороги очень плохи, а затруднения со снабжением армии продовольствием чрезвычайно велики, то все это является предприятием, которое позволяет их пресловутому генералу Сент-Арно все время «находиться под парами» между Варной и Константинополем. Мы можем быть уверены, что он не упустит случая использовать любую интригу в Диване, чтобы добиться солидного, куша для своего бездонного кошелька. О двух британских дивизиях, находящихся еще в Скутари, мы узнаем от того же корреспондента, что «они, по-видимому, еще не готовы к отплытию, хотя целая флотилия транспортных судов и пароходов стоит на якоре в ожидании их погрузки».

Из всех этих фактов каждому становится достаточно ясно, что союзные державы были очень озабочены тем, как бы не оказаться в состоянии расстроить теперешнее соглашение между Россией и Австрией. Если бы они намерены были его расстроить, то для осуществления этой цели перед ними открывалась очень простая

альтернатива: либо англо-шведский союз в Балтийском море, который создал бы операционный базис для вспомогательных войск, облегчив им вторжение в Финляндию и обход с суши крепостей Свеаборг и Кронштадт, либо комбинированное нападение с суши и с моря на Крым и Севастополь. Что касается первой возможности, то любопытно смотреть, как лондонская газета «Times», менее трех недель тому назад настойчиво твердившая о необходимости послать черноморскую эскадру в Балтийское море, теперь рекомендует простую блокаду балтийских гаваней и немедленное возвращение большей части балтийского флота в Черное море, внезапно превратившись в горячего сторонника оккупации Крыма. Это — та самая газета, которая притворно сожалела о том, что Нейпир ничего не может предпринять, прежде чем французский флот не соединится с ним. Теперь, когда это произошло, подразумевается, что в конце концов ничего и *не будет* сделано и что английскому и французскому флотам лучше еще раз совершить экскурсию через Каттегат, Ла-Манш и Гибралтарский пролив в Черное море. Если принять во внимание, сколько времени уже потребовало соединение этих флотов и, с другой стороны, сколько еще потребуется времени для объединения их под командой адмирала Дандаса, станет совершенно ясно, что главная цель этих предложений заключается в том, чтобы ни в Балтийском, ни в Черном море ничего не было сделано.

Если не считать непредвиденного и неожиданного поражения русских у Силистрии, то единственный пункт, где они понесли существенные потери и окружены опасностями, это Кавказ, хотя об этом еще нет вполне достоверных известий. Они оставили почти все свои крепости на восточном берегу Черного моря не из боязни союзного флота, а для усиления своей армии в Грузии. Сообщают, что при своем отступлении через Дарьяльское ущелье их авангард и арьергард были внезапно атакованы значительными силами горцев, причем авангард русских был уничтожен, а центр и арьергард вынуждены были отступить с большими потерями. Одновременно армия Селим-паши продвинулась от форта св. Николая к Озургетам и заставила русских очистить эту крепость, откуда русские в свое время часто беспокоили турок и угрожали им; этот успех обеспечил коммуникации между Селим-пашой и главной турецкой армией в Карсе. Если вспомнить, что даже эта армия в течение зимы и весны самым жалким образом бездействовала, то маневр русских свидетельствует по меньшей мере о том, что они чувствовали непрочность своего положения в Грузии и весьма нуждались в подкреплении со стороны побережья. Если сообщение о поражении у Дарьяла полностью или хотя бы отчасти подтвердится, то из него следует,

что армия Воронцова отрезана и должна пытаться либо создать себе прочную базу в Тифлисе, чтобы — и эта задача не из легких — продержаться до следующей зимы, либо она должна подумать о том, чтобы какой угодно ценой пробиться через ущелье. Эту операцию, во всяком случае, нужно предпочесть отступлению к Каспийскому морю, так как ущелье, которое ведет туда, несравненно опаснее Дарьяла. Об этом, однако, мы сможем высказаться определеннее лишь по получении более полных и более достоверных известий из тех мест. Пока же мы можем только установить, что Россия, благодаря последним операциям, бесспорно одержала две победы: одна — это займ у Гопе и К°, а другая — австрийский договор с Портой, и потерпела одно поражение — под Силистрией. Будущее покажет— создадут ли эти победы постоянное преимущество, компенсирующее позор поражения.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
14—16 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4125, 8 июля 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТХОД РУССКИХ ВОЙСК

Отход русских войск из Турции оказался гораздо более полным, чем мы ожидали, и более полным, чем теперь представляется необходимым с военной точки зрения даже в самом худшем случае. По-видимому, обязательство, данное царем австрийскому императору, и его приказы русским генералам имеют в виду полную эвакуацию Молдавии и Валахии с тем, чтобы на турецкой земле не осталось совсем русских солдат, в то время как сильная австрийская армия должна немедленно заменить их и отделить друг от друга недавних противников. Но было бы ошибкой предполагать, что отступление русских вызвано их поражением при Силистрии, или принять на веру хвастливые утверждения английских газет, которые изображают это поражение как разгром и рады бы заставить мир поверить, что 15000 или самое большее 17000 человек, предпринявших вылазку из крепости, могли обратить в бегство 100000 или по крайней мере 90000 солдат. Несомненно, русских отбрасывали решительно и с большими потерями снова и снова, как того и заслуживали их опрометчивые, необдуманные, противоречащие военной науке беспорядочные атаки, с какой бы храбростью они ни осуществлялись; турки дрались с непревзойденным героизмом и мужеством и продемонстрировали такой уровень военного искусства, что эта осада останется памятной в истории; но все же у нас нет основания верить, что именно они вынудили противника снять осаду. В самом деле, судя по наиболее достоверным сведениям, русские продолжали удерживать свои батареи на левом берегу и использовали их против крепости после той последней кровавой вылазки, во время которой, как

слишком поспешно сообщалось в некоторых телеграммах, эти батареи были якобы захвачены гарнизоном. Истина, очевидно, такова, что русские в конце концов отступили от Силистрии просто потому, что царь договорился с Австрией об отводе своих войск из Дунайских княжеств к определенному сроку. Он распорядился предварительно овладеть Силистрией, чтобы покидая Турцию поднять свой престиж хотя бы одной победой; войскам не удалось выполнить этот приказ, и они были вынуждены отойти, унося с собой позор неудачи. Но этот отход не был бегством, когда враг преследует по пятам. Русские не взяли, а возможно и не смогли бы взять Силистрию даже правильной осадой; вероятно, эта кампания ничего не могла дать им, и в этом случае они должны были бы отступить к Серету; но все же они были сильнее союзников — турок и прочих, по крайней мере для обороны значительно сильнее. Кроме того, они еще не встретились с союзниками и не было ни одного решительного сражения. Поэтому бесспорно, что это отступление к Пруту продиктовано дипломатическими соображениями, а не военной необходимостью, вытекающей из численного перевеса или более умелой стратегии Омер-паши и его союзников в Турции.

Но если было бы ошибкой предполагать, что русских силой заставили отойти от Силистрии, то не меньшей ошибкой было бы не видеть, что все обстоятельства в войне складываются против них и что вмешательство Австрии представляет им наилучший способ улучшить свое положение. Мы здесь не имеем в виду их последовательные неудачи при Олтенице, Четате, Каракале или Силистрии — все эти сравнительно мелкие бои, где турки били их и где они ни разу не смогли противопоставить им такие же успехи. Все эти столкновения вместе взятые не имели решающих результатов; зато в Азии русских все время бьют, и сейчас им грозит там окончательное поражение. Из многочисленных крепостей на Черном море у них осталось всего две; а внутри страны Шамиль и его горцы не только очистили от ненавистного московита ближайшие горы и долины, но также отрезали графа Воронцова от России и, действуя на юге вместе с турками, идут на Тифлис с такой армией, которая, возможно, заставит графа сдаться и отдать все завоеванные с таким трудом и так тяжело удерживаемые закавказские владения России. Потеря этих провинций, стоивших такого количества крови и денег, явилась бы. для царя, пожалуй, еще более тяжелым позором, чем поражение в решительном сражении в Турции, и нет сомнения в том, что как только его армия перейдет обратно через Прут, он немедленно пошлет все войска, не используемые для защиты Крыма и Севастополя, на отвоевание кавказских

перевалов и на помощь Воронцову. Успехи Шамиля, по всей вероятности, сильно способствовали принятию Россией австрийских требований об эвакуации Дунайских княжеств.

В этой важной сделке, которая так изменяет и усложняет перспективы войны, Австрия занимает важнейшую и выгодную позицию. Это большая победа ее дипломатии и доказательство того уважения, которое ее военные ресурсы внушают воюющим сторонам. Она вмешивается как друг обеих сторон; русские спокойно отходят, уступая ей место; а Порта, подписывая договор, по которому Австрии разрешается оккупация Дунайских княжеств, только следует совету Франции и Англии. Итак, это вооруженный посредник, вмешавшийся в дело с общего согласия воюющих сторон, потому что каждая из них полагает, что такое вмешательство послужит к ее выгоде. Западные державы открыто заявляют, что Австрия действует в их пользу; а, судя по соглашению, существовавшему, как показывают факты, между С.-Петербургом и Веной еще до того, как миру стало известно о вмешательстве Австрии, и до того, как армия Паскевича встретила отпор у Силистрии, Россия» несомненно, тоже считает, что Австрия действует в ее пользу. Кто же из них обманут? Какую из сторон Австрия намеревается предать?

Конечно, Австрия, как и всякая другая держава, заботится исключительно о своих интересах. С одной стороны, эти интересы требуют, чтобы Россия не занимала Дунайских княжеств и не держала в своих руках устья Дуная и Черное море, поскольку в этом направлении идет большая и все увеличивающаяся часть австрийской торговли. Кроме того, аннексия Турции или какой-либо ее части Россией может вызвать волнения в славянском населении Австрийской империи, среди которого панславизм, или союз с Россией, уже имеет многочисленных сторонников. Поэтому ясно, что Австрия согласилась бы на поглощение Турции Россией, только если бы могла в это же самое время распространить свое господство и расширить территорию в каком-нибудь другом направлении, а это невозможно. Но, с другой стороны, австрийская политика в своих симпатиях целиком за царя и против Франции и Англии; подлинная ориентация Австрии всегда будет враждебна западным державам. В Вене не будут сокрушаться о том, что Россию постиг позор в наказание за начатую ею ненужную войну; но Австрия никогда не допустит ее серьезного ослабления, потому что Габсбурги тогда лишились бы единственного друга, который может помочь им выбраться из ближайшего революционного водоворота. Этим, думается нам, исчерпываются мотивы, которые должны

управлять действиями венского кабинета на всех дальнейших этапах войны. Австрия будет предавать любую из воюющих сторон, или обе сразу, ровно в той степени, в какой этого будут требовать ее интересы и интересы императорской династии — и не больше.

Тот факт, что Россия отступает и отказывается от захватов и что эвакуированные провинции передаются Австрии, обязывает последнюю впредь охранять Россию от всяких неприятностей. Пусть Австрия сохранит с союзниками номинальную дружбу, но в ее интересах, чтобы все их дальнейшие выступления против царя терпели неудачи; можно быть уверенным, что она пойдет для этого на все, кроме действительного объявления войны, — к этому средству она ни за что не решится прибегнуть. Следовательно, ее политика неизбежно будет предательской по отношению к западным державам; они являются обманутой стороной в договоре, который разрешает австрийской армии запять турецкие провинции; и в свое время, в ходе дальнейшего развития войны, они в этом убедятся.

Дальнейшее развитие войны, по-видимому, не входило в планы английского премьер-министра, лорда Абердина, стремившегося к разрешению конфликта согласно желанию Австрии на основе status quo, возможно, с переходом протектората над Дунайскими княжествами от России к дому Габсбургов. Однако теперь можно считать, что эти планы провалились в результате саморазоблачений лорда Абердина в его пресловутой речи и последовавших дебатов в парламенте, о которых мы даем полный отчет в этом номере газеты[*]. Британский народ, возбужденный этими разоблачениями, не согласится, по крайней мере в настоящее время, заключить мир, не получив в возмещение огромных расходов, понесенных им в связи с войной, какой-то более существенной компенсации, чем простое восстановление прежнего положения. Он считает необходимым сломить Россию, чтобы она не так скоро могла снова нарушать покой во всем мире; и он с нетерпением ждет какого-нибудь громкого военного подвига, вроде захвата Кронштадта или Севастополя. Без подобной ощутимой награды за участие в войне он не согласится на заключение мира. Такие настроения английского народа, вероятно, приведут к немедленной смене министерства и к продолжению войны. Но из этого отнюдь не следует, что если война продолжится, на Россию посыпятся более тяжелые удары, чем те, какие она уже испытала, — разве что турки и черкесы без всякой помощи с запада завоюют ее закавказские провинции. И судя

[*] См. настоящий том, стр. 294—302. *Ред.*

по людям, которые, вероятно, окажутся у власти в Лондоне после отставки лорда Абердина, по их поступкам с начала войны и до сего дня вполне можно ожидать, что они в один прекрасный день заключат мирный договор на той самой основе, за приверженность к которой лорд Абердин теперь лишается своего поста. До сих пор австрийская дипломатия действовала с успехом; очень вероятно, что и окончательная победа останется за ней.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
19—23 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4126, 10 июля 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ВОЙНА. — ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ

Лондон, вторник, 27 июня 1854 г.

Русский moniteur* в Бухаресте сообщает официально, что, во исполнение приказа из С.-Петербурга, осада Силистрии снята, Журжево очищено и вся русская армия собирается перебраться обратно через Прут. Газета «Times» опубликовала вчера, в третьем выпуске, аналогичное телеграфное сообщение своего венского корреспондента:

«Русский император удовлетворяет австрийское требование из глубокого уважения к своему старому союзнику и приказал своим войскам вернуться за линию Прута».

Лорд Джон Рассел подтвердил на вчерашнем вечернем заседании палаты общин сообщение о снятии осады Силистрии, но не получил еще официального уведомления об ответе России на австрийские требования.

В результате австрийского вмешательства между турками и русскими будет воздвигнут барьер, который обеспечит отступление последних и предоставит им возможность усилить гарнизон Севастополя и Крыма и, может быть, восстановить связь с армией Воронцова. Кроме того, восстановление Священного союза России, Австрии и Пруссии можно будет считать совершившимся фактом в тот момент, когда союзные державы откажутся примириться с простым восстановлением status quo ante bellum**, допускающим в лучшем случае маленькие уступки царя в пользу Австрии.

Все хитроумие этого великолепного «решения», которое, как говорят, было делом рук Меттерниха, теперь, однако,

* — официальный вестник. *Ред.*
** — положения, существовавшего до войны. *Ред.*

разрушено, благодаря болтливости старого Абердина и интригам Пальмерстона.

Здесь следует напомнить, что при последней реорганизации министерства провалились все попытки добиться назначения лорда Пальмерстона в военное министерство, создания которого больше всего требовала пальмерстоновская пресса, и пилит, герцог Ньюкасл, захватил облюбованный благородным лордом пост под самым его носом. Эта неудача, видимо, напомнила лорду Пальмерстону, что давно пора распустить весь кабинет, и он соответственно поднял настоящую бурю против главы кабинета, выбрав предлогом для этого необдуманную речь лорда Абердина против лорда Линдхёрста[157]. Вся английская печать немедленно ухватилась за эту речь, но важно отметить, что газета «Morning Herald» открыто указала на существование заговора против лорда Абердина еще до того, как эта речь была произнесена. Г-н Лейард выступил в последнюю пятницу в палате общин и сообщил, что он внесет в ближайший четверг следующее предложение:

«Выражения, употребленные первым министром королевы, рассчитаны на то, чтобы вызвать в общественном мнении серьезные сомнения относительно задач и целей войны и ослабить шансы на заключение почетного и длительного мира».

В этом предложении два слабых места: во-впервых, оно противоречит конституции и поэтому легко может быть отвергнуто, так как оно нарушает парламентское правило, запрещающее члену палаты общин критиковать речь, произнесенную в палате лордов, и, во-вторых, оно как бы проводит различие между словами, произнесенными премьером по какому-нибудь отдельному поводу, и всей деятельностью коалиционного кабинета. Тем не менее, оно вызвало у лорда Абердина такую тревогу, что через два часа после его оглашения он взял слово и заявил необычайно взволнованным тоном, что

«в следующий понедельник» (следовательно, на три дня раньше, чем г-н Лейард) «он представит палате копию своей депеши, адресованной России после заключения Адрианопольского договора, и воспользуется случаем, чтобы сказать несколько слов об искажениях, которым подверглась его недавняя речь в палате лордов по вопросу о войне».

Убеждение, что предложение г-на Лейарда вызовет удаление лорда Абердина из кабинета, было столь сильно, что газета «Morning Advertiser», например, уже опубликовала состав министерства, которое должно его сменить и в котором премьером является лорд Рассел, а военным министром — лорд Пальмерстон. Легко себе представить, что заседание палаты лордов вчера вечером привлекло необычайно большое количество

падких на сенсацию и возбужденных аристократических *интриганов,* жаждавших увидеть, как лорд Абердин выпутается из своего трудного и щекотливого положения.

Прежде чем перейти к резюме речи лорда Абердина и нападок на него маркиза Кланрикарда, я должен вернуться к тому времени и к тем обстоятельствам, которых коснулись главным образом оба оратора; это было в 1829 г., когда лорд Абердин стоял во главе английского министерства иностранных дел. В это время русский флот под командой адмирала Гейдена блокировал Дарданеллы, Саросский и Эносский заливы, а также бухты Адрамити и Смирны, вопреки соглашению, заключенному в 1815 г. между с.-петербургским и лондонским кабинетами, — соглашению, по которому Россия не должна была предпринимать никаких военных действий в Средиземном море. Эта блокада, угрожавшая британской торговле в Леванте, взволновала обычно сонливое общественное мнение Англии того времени и вызвала бурные протесты против России и против министерства. Это привело к встречам русского посла князя Ливена и графа Матушевича, с одной стороны, и Веллингтона и Абердина—с другой. В депеше, отправленной из Лондона 1 (13) июня 1829 г. князь Ливен так сообщает о характере происходивших переговоров:

«Разговор с лордом Абердином, происходивший примерно часом позже» (после разговора с герцогом Веллингтоном, не совсем удовлетворившего русского дипломата), «был не менее примечателен. Будучи не вполне в курсе нашей беседы с премьером, он старался, узнав ее подробности, *смягчить* неприятные впечатления, которые могли остаться от его слов в начале разговора. Он несколько раз заверял, *что в намерения Англии никогда не входило искать ссоры с Россией;* что если английское министерство стремилось повлиять на нас, чтобы мы не упорствовали в блокаде Эноса, то оно делало это лишь из желания предотвратить докучливые требования и укрепить добрые отношения между двумя кабинетами; *что мы имеем больше оснований, чем, может быть, сами полагаем, поздравить себя с теми выгодами, которые получаем от этого удачного и постоянного содействия.* Англии. Он считает своей заслугой, что ради поддержания этого согласия он примирился с временными выгодами, которые могла представлять для нас блокада Эносского залива; но он опасается, что в С.-Петербурге недостаточно хорошо понимают позицию английского министерства. Те возражения, которые Абердин иногда делал, как, например, во время недавнего инцидента, приписываются его недоброжелательным намерениям и враждебным взглядам, когда на самом доле такого рода намерения и arriere-pensees* очень далеки от его настроений и от его политики. Но, с другой стороны, его положение является чрезвычайно щекотливым. Общественное мнение Англии всегда готово к враждебному выпаду против России. *Британское правительство не могло постоянно игнорировать это* и было бы опасно бросать ему вызов в связи с вопросами» (речь идет о морском праве), «с которыми так тесно связаны

* — задние мысли. *Ред.*

национальные предрассудки. Все же Россия может рассчитывать на расположение и дружеские чувства английского министерства, *которое борется против них»* (имеются в виду национальные предрассудки).

«На это я возразил ему: «Я знаю значение общественного мнения в Англии, и я наблюдал, как оно изменяется в течение нескольких дней. Общественное мнение против нас в этой войне, потому что считает нас агрессорами, в то время как мы подверглись нападению; оно обвиняет нас в намерении ниспровергнуть Оттоманскую империю, тогда как мы *заявляем,* что это не входит в наши планы; наконец, оно приписывает нам честолюбивую политику, против которой *мы сами протестуем. Просветить общественное мнение в этом вопросе* было бы вернейшим способом исправить его».

Лорд Абердин ответил мне, что дело обстоит не совсем так, как я его представляю; общественное мнение высказывается против России, потому что в Англии оно вообще горячо поддерживает вигов, но *au reste*[*]*, британский кабинет отнюдь не желает нам неуспеха;* напротив, *он желает нам быстрого и решительного успеха,* ибо знает, что это единственное средство закончить войну, на которую нельзя смотреть иначе, как на великое несчастье, поскольку невозможно предвидеть ее последствия! В заключение английский министр пустился в длинные рассуждения, чтобы доказать, что мы приписываем ему намерения, которых он не мог иметь, и кончил заявлением, что лондонский кабинет желает, чтобы война закончилась с *честью и выгодой для России»*[158].

Странно, что никто из противников лорда Абердина не счел уместным прибегнуть к этой депеше, которая так убедительно говорит против его поведения в период до заключения Адрианопольского договора, что невозможно было бы придать хоть какое-либо значение содержанию секретной депеши его светлости, написанной *после* заключения этого договора. Оглашение цитированной выше депеши одним ударом уничтожило бы единственный аргумент, который лорд Абердин сумел привести в свою защиту в своей -вчерашней речи. Его действительной защитой могло быть лишь открытое встречное обвинение лорда Пальмерстона, так как вся эта «драка» разыгралась исключительно между этими двумя соперничающими между собой старыми слугами России.

Лорд Абердин начал с заявления, что ему нечего ни брать обратно, ни опровергать, но что он намерен лишь кое-что «объяснить». Против него выдвинуто ложное обвинение, будто он приписывает себе честь составления Адрианопольского договора. Он вовсе не составлял его, а протестовал против него, как палата лордов может убедиться из депеши, оглашение которой он теперь предлагает. Тревога, которую этот договор вызвал у него и его коллег, была так велика, что одно существование этого договора вызвало перемену всей политики правительства в одном чрезвычайно важном пункте. В чем состояла эта перемена политики? До подписания Адрианопольского договора ни он, лорд

[*] — впрочем. *Ред.*

Абердин, ни герцог Веллингтон, придерживаясь в данном случае политики Каннинга, отнюдь не предусматривали создания независимого королевства Греции, а лишь хотели создать вассальное государство под сюзеренитетом Порты, что-нибудь наподобие Валахии и Молдавии. После подписания Адрианопольского договора положение Турецкой империи показалось им настолько под угрозой и ее существование до того непрочным, что они предложили превратить Грецию из вассального государства в независимое королевство. Другими словами, было решено, —поскольку Адрианопольский договор так много содействовал ослаблению Турции, — противодействовать его опасным последствиям *отторжением* от Турции целых провинций. Вот в чем заключалась «перемена».

Хотя их опасения возможных последствий этого договора оказались преувеличенными, все же лорд Абердин очень далек от того, чтобы не считать его в высшей степени вредным и пагубным. Он сказал тогда, что «Россия не приобрела этим договором значительной территории», да и сейчас он убежден, что Российская империя в течение последних пятидесяти лет не увеличила значительно своей территории в Европе, как это утверждает лорд Линдхёрст. (Бессарабия, Финляндия и Царство Польское не являются значительными приобретениями по мнению благородного лорда.) Но, как он уже сказал в своей депеше от декабря 1829 г., если территориальные приобретения России не велики, то все же они имеют большое значение: одно из них дало в руки России «исключительное господство над судоходством по Дунаю, а другое — порты в Азии, которые, правда, не велики, но политически очень важны». (Обширная территория, приобретенная русскими на Кавказе, опять улетучилась из памяти лорда Абердина.) С этой точки зрения, уверял он, Адрианопольский договор был началом изменения политики России, которая со времени этого договора стремилась скорее к расширению своего политического влияния, чем к новым территориальным приобретениям. Перемена политики не означала перемену намерений. «Сатана стал только умное, чем в прежние дни». Тот факт, что Россия согласовала с Карлом Х план приобретения Турции не путем вызывающих тревогу завоеваний, а посредством ряда договоров, — этот факт обходится молчанием. Лорд Абердин также не счел уместным упомянуть, что Россия даже до Адрианопольского договора и договора в Ункяр-Искелеси, который он цитирует в доказательство изменения русской политики, уже в 1827 г. обязалась по отношению к Франции и Англии не пытаться использовать войну с Турцией для новых территориальных приобретений и что без позволения

Англии Россия не могла бы двинуть в 1833 г. армию против Константинополя.

Лорд Абердин констатировал далее, что его фраза: «если бы мы могли достичь мира хоть на двадцать пять лет, как после Адрианопольского договора, то это было бы неплохо», была неверно истолкована в том смысле, будто он готов вернуться к договору, подобному Адрианопольскому. Он хотел только сказать, что

«если бы, благодаря какому-либо договору, к заключению которого привела бы война, можно было обеспечить мир на двадцать пять лет, то, принимая во внимание изменчивость человеческих дел, это было бы не худо. *Он вовсе не рекомендовал возвращения к status quo,* но и не возражал против него. До объявления войны они ни на что большее не надеялись и ничего большего не желали, чем status quo; большего они не хотели добиться, и турецкое правительство соглашалось на это и это было гораздо больше, чем они имели право ожидать. Но коль скоро уж война объявлена, вся постановка вопроса совершенно меняется, и все уже зависит от войны... Никто не может сказать, как далеко отойдут от status quo, так как это зависит от событий, управлять ходом которых никто не властен. Одно он может сказать: независимость и целостность Оттоманской империи должны быть обеспечены, и реально обеспечены».

Как их надлежит обеспечить, этого он, лорд Абердин, сказать не может, так как это опять-таки зависит от хода войны. Его поняли так, будто он не верит в угрозу русского нападения, или сомневается в его реальности; в действительности он чрезвычайно опасается русского нападения на Турцию, хотя и не испытывает больших опасений в отношении русского нападения на Европу и «с каждым днем этих опасений становится все меньше». Он считает Францию сильнее России и Австрии, вместе взятых. Благородный лорд затем пожаловался на «исключительную нелепость и злонамеренность личных нападок, которым он подвергся». И в самом деле, в стране нет большего миротворца, чем он, но как раз самая его любовь к миру делает его особенно пригодным для ведения войны с максимальной энергией.

«Его коллеги не откажутся подтвердить, что лично он настойчивее, может быть, чем кто-либо другой, требовал быстрого продвижения вперед и концентрации сил союзников на Балканах, чтобы поддержать доблестную армию Омер-паши и протянуть руку Австрии, предоставив ей возможность принять более деятельное участие в военных операциях».

Такова линия поведения, на которой Абердин неизменно настаивал. На запрос лорда Бомонта он заявил, что «хотя он и был раньше близким другом князя Меттерниха, с тех пор как он находится у власти — за последние восемнадцать месяцев, —

он не имел с ним сношений ни прямо, ни косвенно; лишь несколько дней тому назад одна его приятельница сообщила ему, что собирается написать Меттерниху, испросила, не имеет ли он чего-либо передать князю; Абердин ответил: «прошу передать ему мой сердечный привет»».

Речь Абердина была принята палатой в общем благоприятно, но любопытно, что на едкий ответ, данный ему маркизом Кланрикардом, — разочарованным претендентом на пост министра и бывшим послом лорда Пальмерстона в С.-Петербурге,—никто из членов кабинета ничего не возразил и никто из них не выступил, чтобы удостоверить, что Абердин первый потребовал энергичного ведения войны.

Маркиз Кланрикард особенно подробно остановился на участии Абердина в составлении Адрианопольского договора, на общей оценке его политического прошлого и на промахах, допущенных им в его нынешнее правление. Он сказал, что лорд Абердин предает теперь огласке в своих личных интересах, по мотивам чисто персонального характера, депешу, которую несколько месяцев тому назад он отказался сообщить другим членам обеих палат. Однако эта депеша совсем иного содержания, чем то, что благородный лорд писал в С.-Петербург в декабре 1829 г., после того как в сентябре был подписан Адрианопольский договор. Суть вопроса в том, какие инструкции он дал в то время английскому послу, и в том, какие шаги он предпринял, чтобы *помешать* подписанию этого договора. Генерал, командовавший русскими войсками в Адрианополе, имел не более 15000 солдат, да и из этого количества нужно сбросить 5000—6000, которые вследствие болезни или ранений были буквально hors de combat*. С другой стороны, турецкий генерал с 25000 албанцев находился поблизости. Русский генерал дал Турции очень короткий срок для решения — подписать или не подписать предложенные условия, так как знал, что его истинное положение может стать известным, если он предоставит туркам долгий срок. Поэтому он и дал им не более пяти-восьми дней. В Константинополе турецкий министр пригласил на совет австрийского и английского послов и прусского посланника и спросил их мнение. Английский посол, следуя инструкции лорда Абердина, посоветовал подписать как можно скорее этот договор, который благородный лорд теперь изобразил им таким гибельным.

Благородному маркизу не хотелось упоминать о том обстоятельстве, что именно резкие нападки, с которыми его друг лорд

* — выбывшими из строя. *Ред.*

Пальмерстон, бывший тогда в оппозиции, выступил против лорда Абердина, обвиняя его в чрезмерном русофобстве, заставили Абердина распорядиться о подписании договора.

Маркиз затем упрекнул премьера в том, что он всегда был самым ревностным, самым постоянным и самым могущественным сторонником самодержавия в Европе, в доказательство чего он сослался на историю Португалии, Бельгии и Испании и намекнул на противодействие, оказанное Абердином знаменитому четверному союзу 1834 года[159]. Действительно, нужно обладать хладнокровием и бесстыдством старого лорда-вига, чтобы в этот момент превозносить «славу» Бельгии, «конституционализм» Португалии и Испании и всеобщее благоденствие, которым Европа обязана четверному союзу, о котором Пальмерстон в своей защитительной речи сказал, вопреки истине, будто его выдумал Талейран, а не он, Пальмерстон.

Об операциях теперешней войны Кланрикард сказал, что план кампании разработан высшими военными властями России в декабре прошлого года, что британское правительство было поставлено в известность об этом плане, предусматривавшем не просто оккупацию Дунайских княжеств, а форсирование Дуная, взятие Силистрии, обход Шумлы и поход на Балканы. Благородный лорд, располагая такой информацией, явился в палату с речами о мире и не счел нужным сообщить о тех распоряжениях, которые в то время и до конца февраля или до начала марта кабинет давал военному министерству.

Если бы лорд Кланрикард припомнил, как лорд Пальмерстон отвечал в палате общин Дизраэли, а лорд Кларендон — ему самому в палате лордов, он не поставил бы себя в смешное положение тем, что обвинял одного только лорда Абердина в этом пренебрежении к своим обязанностям и не сделал того же упрека своим друзьям вигам, хотя их и заслуживал весь кабинет.

«Если бы», — воскликнул маркиз, — «если бы правительство пятнадцать месяцев тому назад вступило на надлежащий, я почти готов сказать — на честный, путь, то вовсе не было бы войны».

Это как раз те самые слова, с которыми г-н Дизраэли обратился к лорду Джону Расселу.

Наконец, маркиз дошел до такой нелепицы, что приписал лорду Абердину лично и исключительно все ошибки коалиции и постоянные поражения, которые она терпела в парламенте по всем важным вопросам. Его память ему не подсказывает, что уже при образовании этого министерства весьма здравомыслящие люди говорили, что оно не удержится и шести недоль,

если не будет оставлять открытыми все вопросы законодательства и воздерживаться от какой бы то ни было политики.

После глупой речи лорда Брума, заявившего о своем полном удовлетворении первой и еще более второй речью лорда Абердина, вопрос был исчерпан.

Суть всего этого инцидента в том, что значение тайного протокола, составленного в Вене, сведено к нулю, а это означает продолжение военных действий и войны, в быстром окончании которой уже были так уверены, что консоли поднялись на 3%, несмотря на наличие на рынке крупных займов, а в военных клубах заключались пари, что война не продлится более четырех недель.

Написано К. Марксом 27 июня 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4126, 10 июля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В МАДРИДЕ. — АВСТРО-ТУРЕЦКИЙ ДОГОВОР. — МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ

Лондон, вторник, 4 июля 1854 г.

Давно ожидавшееся в Мадриде военное восстание, под руководством генералов О'Доннеля и Дульсе, наконец, произошло[160]. Французские правительственные газеты спешат сообщить нам, что, по полученным ими сведениям, испанское правительство уже справилось с опасностью и что восстание подавлено. Но мадридский корреспондент «Morning Chronicle», который дает подробное описание восстания и приводит текст прокламации повстанцев, пишет, что последние ушли из столицы лишь для того, чтобы соединиться с гарнизоном Алькалы, и что, если Мадрид останется пассивным, они легко смогут достичь Сарагосы. Если движение окажется более успешным, чем последнее восстание в этом городе[161], то это заставит Францию отвлечься от производимых ею военных операций, даст повод для разногласий между Францией и Англией и, возможно, отразится на существующих осложнениях между Испанией и Соединенными Штатами.

Выясняется, что новый русский заем, очевидно, не был окончательно оформлен гг. Гопе из Амстердама, как я полагал раньше[*] на основании объявлений, данных на лондонской и манчестерской биржах, и что эти банкиры не дали русскому казначейству никаких денежных авансов. Они только согласились предложить этот заем на различных биржах Европы, не беря при этом на себя никаких обязательств. Сообщают, что успех этого займа весьма сомнителен, и мы имеем сведения, что в Берлине и Франкфурте к нему относятся несочувственно. Гамбургский сенат запретил его официальную котировку,

[*] См. настоящий том, стр. 284. *Ред.*

а английские дипломатические агенты и консулы, если верить «Morning Chronicle», выпустили обращение к британским подданным, предостерегая их от подписки на заем, «имеющий целью ведение войны против королевы».

Сведения о движениях русских войск после снятия ими осады Силистрии противоречивы. В то время как «Moniteur» сообщает об отступлении русских за Прут, венская «Presse» утверждает, что нет ни малейших оснований этому верить. По-видимому, русские, напротив, не собираются эвакуировать даже Валахию, поскольку генерал Липранди занял позиции у Плоешти и Кымпины, расположив свои аванпосты у входа в Ротертурм-пасс, в то время как главная армия, отходя через Слободзею и по левому берегу Дуная, остановилась, как сообщают, у Браилова. С другой стороны, корпус Лидерса, занимающий Добруджу, еще не оставил линии Траянова вала, и мало вероятно, что даже в случае дальнейшего отступления он сдаст Мэчин и Исакчу. Говорят, что большое количество союзных войск направляется в Молдавию, где русские, по-видимому, предполагают сосредоточить большие силы: сюда пришел корпус генерала Панютина из Подолии и подтягиваются дополнительные силы из Бессарабии. Все силы русских в Верхней Молдавии, между Яссами, Романом и Ботошанами, якобы достигают 60000 человек и одна дивизия в 20000 человек стоит у Каменца. «Паскевич»,—сообщает «Ost-Deutsche Post», —«заявил, что он ни в коем случае не оставит устье Дуная». Свое отступление русские объясняют только эпидемией, вспыхнувшей на верхнем Дунае.

Действия австрийцев пока еще совершенно неясны. По слухам, корпус Коронини получил приказ погрузиться на пароходы в Оршове, чтобы спуститься по реке в Журжево и отсюда направиться в Бухарест. «Corriere Italiano», австрийский правительственный орган, сообщает, что единственной целью этой операции является занятие нейтральной позиции в Валахии; и в то же самое время нам сообщают, что Россия отклонила австрийский «ультиматум». Телеграмма, помещенная в «Morning Chronicle», гласит:

«В своем ответе на австрийские требования русский император выражает готовность вести переговоры с четырьмя державами по всем вопросам, кроме вопроса о привилегиях христианских подданных султана. По этому вопросу он намерен вести переговоры только непосредственно с Портой и отказывается допустить вмешательство четырех держав. Он также отказывается дать какие-либо гарантии относительно эвакуации Дунайских княжеств».

Вполне возможно поэтому, что следствием этого отказа будет показная война между Австрией и Россией. Такая война све-

лась бы к столь же славному rencontre*, как знаменитое дело под Бронцеллем, которым закончилась в 1850 г. мнимая война между Пруссией и Австрией[162], в то время, когда газеты еще терялись в догадках об ужасных последствиях этого «среднеевропейского кризиса». Чем заниматься подобными гипотезами о возможном значении теперешней политики Австрии, лучше обратимся к реально существующему австро-турецкому договору от 14 июня, который уже официально и полностью опубликован.

Здесь нужно обратить внимание на два момента: взаимоотношения между Австрией и Турцией и отношение молдаво-валашского народа к Турции и Австрии или другим иностранным державам; как ни странно, последний момент полностью игнорировался европейским общественным мнением, находящимся целиком под влиянием дипломатов.

Первая статья договора гласит:

«Австрийский император обязуется применить все средства, как дипломатические, так и иные, чтобы добиться эвакуации Дунайских княжеств занимающей их иностранной армией, и даже, в случае необходимости, выставить необходимое для достижения этой цели количество войск».

Этой статьей австрийский император уполномочивается ввести в Валахию любое количество войск, без предварительного с его стороны объявления войны России. Так турецкое вассальное государство подвергается операции, которая превращает его в нейтральное владение под властью Австрии и против Турции. Вторая статья определяет, что

«руководство операциями армии принадлежит исключительно императорскому главнокомандующему. Последний, однако, должен следить за тем, чтобы своевременно осведомлять о предпринимаемых им операциях главнокомандующего оттоманских армий».

Благодаря этому соглашению австрийцы не только освобождаются от какого бы то ни было контроля Турции над любой операцией, которую сочтут целесообразной, но и добиваются абсолютного контроля над всеми операциями, которые может предпринять на валашской территории турецкое командование, так как им достаточно будет уведомить турецкое командование о своем намерении занять тот или иной пункт, чтобы помешать туркам направиться туда. Если же принять во внимание, что, помимо небольшой территории Добруджи, Дунайские княжества являются единственно возможной ареной сражений между Турцией и Россией, то становится ясно, что австрийское

* — поединку. *Ред.*

вмешательство просто запрещает Турции развивать свои успехи и наказывать вторгшегося на ее территорию противника.

Согласно третьей статье

«австрийский император обязуется по взаимному соглашению с оттоманским правительством, *как только это будет возможно,* восстановить в Дунайских княжествах законный порядок вещей, вытекающий из привилегий, данных Высокой Портой касательно внутреннего управления этих областей. *Восстанавливаемые таким образом местные власти* не смогут, однако, распространять свою компетенцию настолько, чтобы осуществлять какой-либо контроль над императорской армией».

Австрийский император сохраняет таким образом за собой полную свободу восстановить существующий порядок, когда ему покажется, что это *возможно;* и даже тогда ему предоставляется восстановить местные власти лишь для того, чтобы подчинить их австрийскому военному закону, совсем по образцу русского генерала Будберга.

Согласно четвертой статье

«императорский австрийский двор обязуется не заключать с императорским русским двором никакого соглашения, которое не исходило бы из признания суверенных прав султана и целостности его империи».

Статья пятая добавляет:

«Как только цель настоящей конвенции будет достигнута заключением мирного договора между Высокой Портой и русским двором, австрийский император примет немедленно меры к тому, чтобы его военные силы были выведены, *как только это будет возможно.* Подробные условия, связанные с выводом австрийских войск, будут предметом специального соглашения с Высокой Портой».

В первой из этих двух статей Австрия оставляет за собой право заключить с Россией соглашение, основанное только на принципе status quo, как он установлен в Венской ноте[163]. В последней Австрия обещает вывести свои войска не после соглашения между нею и Россией, а лишь после того, как будет заключен договор между Россией и Турцией. «Материальная гарантия», которая уже не находится в безопасности в руках России, передается Австрии, и Австрия уполномочивается хранить ее — с согласия Порты — до тех пор, пока Турция не присоединится к «соглашению между обоими императорскими дворами».

Статья шестая дает австрийцам право даже без видимости уплаты присвоить себе все жизненные припасы, которые останутся в Дунайских княжествах после ухода русских. Выгоды этого соглашения могут быть поняты только в Германии, где население привыкло получать австрийские гарнизоны в нака-

зание за свои революционные грехи и где в 1849—1850 гг. австрийцы опустошили целые области.

По существу договор означает передачу Дунайских княжеств Австрии и прекращение турецкого сюзеренитета над ними. Турки совершили при этом такое же вопиющее нарушение прав молдаво-валашского народа, какое раньше совершили русские. Турки имеют такое же право отдать Дунайские княжества австрийской оккупации, как объявить их русскими провинциями.

Притязания Порты на сюзеренитет над Молдавией и Валахией основаны на договорах 1393, 1460 и 1511 годов. Договор 1393 г. между Валахией и Турцией содержит следующие статьи:

«*Статья I.* Мы, Баязид, и пр., по нашему крайнему снисхождению к Валахии, подчинившейся нашей непобедимой империи, вместе с ее правящим князем, постановляем, что эта страна будет продолжать управляться по своим собственным законам и что валашский князь будет иметь полную свободу объявлять войну и заключать мир со своими соседями, как и когда это ему угодно.

Статья III. Князья (христиане) избираются митрополитами и боярами.

Статья IV. Князь Валахии обязан платить в императорскую казну ежегодную дань в 500 пиастров».

Договор, заключенный в 1460 г. Владом V, князем валашским, с Мехмедом II, постановляет:

«*Статья I.* Султан соглашается и обязуется за себя и своих преемников покровительствовать Валахии и защищать ее против любого врага, не требуя от нее чего-либо, кроме признания своего сюзеренитета над Валахией, как суверенным княжеством, за что воеводы должны платить Высокой Порте дань в 10000 пиастров.

Статья II. Высокая Порта никоим образом не вмешивается в местное управление названного княжества, и ни один турок не имеет права вступать в пределы Валахии без какого-либо серьезного основания.

Статья III. Воеводы по-прежнему избираются митрополитами, епископами и боярами, и эти выборы признаются Портой как законные.

Статья IV. Валашский народ сохраняет свободу управления в соответствии со своими собственными законами, и его воеводы обладают правом жизни и смерти над своими подданными, а также правом объявления войны и заключения мира, не неся никакой ответственности за свои действия перед султаном».

Третий договор, это — договор 1511 г., в котором Молдавия признает сюзеренитет Порты и выговаривает себе еще более благоприятные условия, чем те, которых добилась Валахия.

Договоры, заключенные между Россией и Турцией, не могли, конечно, лишить силы договоры, которые молдаво-валахи сами заключили с Портой, так как народы эти никогда не вели переговоров с русскими и не давали Порте права договариваться за них. Стоит отметить, к тому же, что Россия сама признала

в Адрианопольском договоре упомянутые выше капитуляции. В статье V этого договора говорится:

«Поскольку княжества Валахия и Молдавия подчинились по капитуляциям сюзеренитету Высокой Порты и Россия гарантировала их преуспеяние (!), является само собой очевидным, что они продолжают пользоваться всеми теми привилегиями и иммунитетами, которые были дарованы им в силу их капитуляции».

Из цитированных выше капитуляций, которые еще остаются в силе, так как никаким позднейшим договором они не отменены, вытекает, что Дунайские княжества являются двумя суверенными государствами под сюзеренитетом Порты, которой они платят дань под условием, что Порта защищает их от всех внешних врагов, кто бы они ни были, и при этом отнюдь не вмешивается в их внутреннее управление. Турки не только не имеют права отдавать Валахию под иностранную оккупацию, но и им самим запрещено переходить на территорию Валахии без какого-либо серьезного основания. Более того: так как турки нарушили таким образом капитуляции, заключенные с валахами, и потеряли право на сюзеренитет, русские могли бы даже, если бы валахи обратились к ним, обосновать свое право изгнать австрийцев из княжеств ссылкой на нарушенные Турцией договоры. И это отнюдь не было бы неожиданностью, так как Россия в своей политике всегда не только поощряла, но даже подстрекала турок нарушить права валахов, чтобы посеять между ними вражду и создать себе таким образом повод для вмешательства. Что, например, произошло в 1848 году? Весной этого года несколько бояр подали молдавскому князю петицию, в которой требовали известных реформ; под влиянием русского консула эти требования не только не были удовлетворены, но авторы петиции были брошены в тюрьму. Волнения, вызванные этой мерой, дали затем русским повод перейти 25 июня границу и двинуться на Яссы. Одновременно господарь Валахии, по примеру других европейских правительств, обещал ряд реформ, которых требовала либеральная партия валашских бояр. Это было 23 июня. Нечего и говорить, что эти реформы ни в какой мере не затрагивали сюзеренитета Порты. Но они разрушили все влияние, которого Россия добилась благодаря основному закону, изданному ею во время оккупации 1829 г.[164] и упраздненному указанными реформами. Установленная вместо этого основного закона конституция отменила крепостное право и передала крестьянам в собственность часть той земли, которую они занимали, помещики же должны были получить от государства компенсацию за отошедшую от них землю и за потерю права на труд своих крестьян. Затем правящий князь, по на-

ущению русских, отказался от престола, и было образовано временное правительство для ведения государственных дел. Порта, которая, как мы видели, не имела права вмешиваться во внутренние дела княжеств и которая упустила время для протеста против вступления русских в Молдавию, послала Сулейман-пашу с турецкой армией в Валахию и опубликовала угрожающее обращение султана к населению; эти меры были, разумеется, приняты Диваном под давлением России. Валахи вышли навстречу паше и туркам и побратались с ними. Было заключено соглашение о том, что временное правительство будет заменено Lieutenance Princiere*, которое должно было состоять сначала из шести, затем из трех лиц. Это правительство было признано пашой, а по настоянию паши также и иностранными консулами. Новая конституция подверглась еще некоторым изменениям, после чего она была утверждена султаном.

Между тем русское правительство в манифестах, обращенных ко всей Европе, метало громы и молнии против валашского народа и обвиняло его в том, что он учредил республику и провозгласил коммунизм. 1 августа 1848 г. большое русское войско перешло Прут, направляясь в Бухарест, Сулейман-паша внезапно был отозван Портой; султан отказался принять валашских депутатов, прибывших в Константинополь по его же собственному приглашению, а 25 сентября Фуад-эфенди, появившись под Бухарестом во главе турецкой армии, заявил, что прибыл исключительно с целью лишить Россию всякого повода для вторжения в Дунайские княжества. Поверив словам турок, более 100000 жителей города Бухареста и его окрестностей, без оружия, в праздничных одеждах и во главе с духовенством, вышли приветствовать их. Фуад-эфенди предложил им направить к нему в лагерь депутацию для получения от него инструкции. Г-н Братиану рассказывает в своем отчете об этих событиях:

«Не успела депутация представиться Фуад-эфенди, как она уже была арестована; в то же время турецкие войска стремительным маршем бросились в Бухарест, смяли под копытами своей кавалерии мирных жителей, вышедших встречать турок как друзей, сорвали их знамена, сломали кресты, обстреляли попавшуюся на пути военную казарму, а также целый квартал в самом городе, расстреляли картечью находившихся в казармах валашских солдат, побуждая их сдаться и сложить оружие, и перебили больных; вступив в город, войско предалось грабежам, убийствам и прочим ужасным насилиям».

Здесь к турецкой армии присоединился и фактически командовавший русский уполномоченный, генерал Дюгамель. За ним

* — княжеским наместничеством. *Ред.*

следовала русская армия; результатом явился Балта-Лиманский договор[165], который, кроме всего прочего, восстановил русский основной закон, так называемый Статут, — не что иное, как тот status quo, вернуть к которому Валахию Австрия теперь обязуется.

Ясно, что если бы Омер-паша вступил теперь со своей победоносной армией в Валахию, турки, наученные своим недавним опытом и находясь в состоянии войны с Россией, восстановили бы конституцию 1848 г., со всеми ее последствиями в виде «республики, коммунизма» и возобновления всех порождений 1848 года. Никто не поверит, что Австрии такая перспектива понравится больше, чем России. С другой стороны, не менее ясно, что Порта должна была подвергнуться исключительно сильному давлению, чтобы позволить склонить себя к новому нарушению своих договоров с валахами, зная по опыту, каковы могут быть последствия такого шага. Давление это могло быть оказано только английским послом. Интересно поэтому вспомнить, как тот же самый лорд Редклифф и его начальство на Даунинг-стрит отнеслись в 1848—1849 гг. к нарушению прав Молдавии и Валахии русскими и турками.

Когда русская армия впервые перешла молдавскую границу в июне 1848 г., лорд Пальмерстон заявил в палате общин, отвечая на вопрос неизменного Дадли Стюарта, что

> «русская армия вступила в Молдавию без приказа с.-петербургского кабинета; она имеет целью лишь поддержание или установление порядка, после чего она немедленно будет выведена; переход ее произошел с согласия господаря и у России нет намерения приобретать эту территорию».

В августе 1848 г., когда русская армия на пути в Бухарест вновь перешла Прут и молдаво-валахи послали депутацию в Константинополь, Диван обратился за советом к послам Англии и Франции и получил от лорда Редклиффа рекомендацию придерживаться политического курса, предписываемого Россией.

В октябре, когда турки и русские совместно заняли Валахию, русские преследовали некоего валашского офицера вплоть до самой квартиры командующего турецкими войсками в Бухаресте Омер-паши, который вместе с Фуадом-эфенди заявил по этому поводу протест. Узнав об этом оскорблении, Порта заявила, что не желает больше иметь дела с русскими и приказывает своим войскам отойти за Дунай, дабы перестать быть соучастниками политики русских в Дунайских княжествах. При этом Порта грозилась обратиться к великим державам с торжественным протестом, подтвержденным подробным мемо-

рандумом о всем том, что произошло в Дунайских княжествах. Тот же посол снова вмешался и расстроил эти намерения Порты.

Наконец, когда объединенная русско-турецкая оккупация в 1849 г. приняла характер террористического режима, и Магиеру, вождь валашских иррегулярных войск, один только оказывал сопротивление, он вынужден был отступить за Карпаты, «подчиняясь доводам британского генерального консула, который указывал ему, что присутствие его армии парализует деятельность дипломатии и что страна его скоро будет восстановлена в своих правах».

Написано К. Марксом 4 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4134, 19 июля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА НА ДУНАЕ [166]

Около 80 лет тому назад, когда победоносные армии Екатерины II отрывали от Турции одну провинцию за другой, еще до превращения этих провинций в то, что ныне называется Южной Россией, поэт Державин в один из моментов лирического вдохновения, которые он обычно обращал на превознесение славы, если не добродетелей, самой императрицы и предстоящего ее империи великого будущего, написал заслуживающее внимания двустишие, которое и сейчас в сжатой форме выражает высокомерие и самоуверенность царской политики:

На что тебе союз? — о Росс!
Шагни — и вся твоя вселенна*.

Возможно, что это было бы верно, даже для настоящего времени, если бы только Росс мог шагать вперед; это движение, однако, встречает довольно серьезные препятствия. Вот почему он вынужден, по крайней мере в настоящий момент, немного отсрочить захват вселенной. Но особенно задета его гордость тем, что, отступая, он не только не может обеспечить за собой мировое господство, но вынужден даже оставить нетронутыми ключи от обыкновенной крепости Силистрии на Дунае, завладеть которыми он поклялся. И, что еще более печально, он оставляет приблизительно пятьдесят тысяч своих братьев, павших в бою и погибших от болезней в течение этой единственной в своем роде кампании.

С военной точки зрения осада Силистрии, несомненно, важнейшее событие с начала войны. Именно в силу того, что

* Державин. «На взятие Варшавы». *Ред.*

русским не удалось взять эту крепость, их кампания оказывается полностью проигранной, а к отступлению за Серет, которое они сейчас совершают, присоединяется позор и немилость царя. Наши читатели получили уже тщательный и, как мы полагаем, полный анализ ранних этапов осады Силистрии; теперь, наконец, после получения официальных русских отчетов, доставленных пароходом «Пасифик», мы можем проследить всю операцию до ее завершения, отдавая должное каждой стороне. Кроме русских отчетов, написанных ясно, четко и деловито, но содержащих множество пропусков, мы сейчас имеем в своем распоряжении отчет лейтенанта Несмита (из бенгальской артиллерии), написанный для лондонской газеты «Times»[167]. Это — полный дневник осады, содержащий много интересных подробностей, но написанный довольно небрежно, и в некоторых случаях дающий неточные даты. Уместно заметить, что высказанные нами ранее взгляды и заключения об осаде вполне подтверждаются этими более поздними и более подробными отчетами, за исключением следующей детали: турки не отказались от защиты форта Араб-Табиа, тогда как мы предполагали, что на последнем этапе осады им придется это сделать. Очевидно также, что русские действовали еще более необдуманно, чем мы предполагали. Сначала они развернули правильную осаду крепости с востока, в низинах Дуная, надеясь, что смогут совершенно обойти обособленные от крепости форты и сразу проделать брешь в главной стене Силистрии. Если эта попытка и имела какие-либо достоинства, то лишь достоинства оригинальности. Она является, может быть, первым примером того, как против крепости устраиваются траншеи и апроши на местности, которой не только угрожали с фланга укрепленные неприятелем высоты, но над которой господствовали также высоты, расположенные в тылу. Но затем была предпринята вторая неправильная осада этих самых высот, причем она велась так искусно, что, после того как две недели были потрачены на рекогносцировки и штурмы, во время которых тысячи русских были убиты и изувечены, против этих высот должна была быть начата также и правильная осада. Но ни слова больше о высоком искусстве, проявленном русскими. Перейдем теперь к подробностям осады.

1 июня русские получили с левого берега Дуная новую партию осадных орудии, из которых была составлена батарея, выдвинутая против Араб-Табиа. Турки рыли шанцы и подкладывали мины под контрэскарпы и гласисы этого форта. 2 июня был убит бомбой Муса-паша, командующий войсками в Силистрии. К вечеру русские взорвали мину под одним из бастионов

Араб-Табиа. Так как они к этому времени не могли еще достичь вершины гласиса, то мина, несомненно, была заложена не очень точно. Расстояния и линия наименьшего сопротивления, видимо, были высчитаны неправильно и вследствие этого мина не только не нанесла ущерба турецким оборонительным сооружениям, но взорвалась назад и засыпала русские траншеи градом камней и земли. Но здесь были сосредоточены штурмовые отряды, готовые к атаке, и легко себе представить, как подействовал на них этот град камней. Насколько мало русским удалось действительно блокировать крепость, можно судить по тому факту, что в этот день 5000 человек турецких иррегулярных войск из Разграда, к западу от Силистрии, проникли в осажденный город.

С 4 по 8 июня продолжалось рытье траншей против Араб-Табиа. Русские достигли гласиса, смело подвели подкоп до его гребня, который, впрочем, весьма слабо прикрывался их артиллерийским огнем. Они начали подводить мину под ров и довели ее до эскарпа бастиона. Эти работы еще продолжались, когда 9 июня маршал Паскевич предпринял одну из своих непонятных демонстраций силы в виде проведенной против крепости рекогносцировки, в которой участвовали 31 батальон, 40 эскадронов и 144 полевых орудия. Чего он рассчитывал добиться этим, никто не может сказать. Это, по-видимому, было одной из тех демонстраций, которые проводятся исключительно в надежде, что представится какой-нибудь случай для серьезных действий или хотя бы для того, чтобы заставить врага поверить в бесполезность сопротивления. На турок, однако, она не произвела подобного впечатления. Напротив, они выслали навстречу русским 4000 кавалеристов, которые, как говорится в русском бюллетене, были жестоко разбиты. Однако Несмит уверяет, что они вернулись с шестьюдесятью русскими лошадьми, захваченными в этой схватке. А в это же время Паскевич, вместо того чтобы произвести рекогносцировку в своих интересах, сам был рекогносцирован турецким пушечным ядром, которое вывело его hors de combat* настолько, что его пришлось отвезти в Яссы.

10 июня осада достигла своего кульминационного пункта. Большая мина, последняя надежда Шильдера, была взорвана. Она действительно пробила проходимую брешь в переднем бастионе Араб-Табиа. Отряды русских пошли на штурм; как, однако, они должны были ожидать, турки давно уже соорудили coupure, или второй ряд укреплений, со рвом немного позади главной стены, и когда русские подошли к нему, их продвиже-

* — из строя. *Ред.*

ние приостановилось и они подверглись губительному огню. Но раз уж идущий на штурм отряд остановлен, он разбит, так как огонь неприятеля, укрывшегося за валами и поддержанного артиллерией, стреляющей на таком расстоянии, что каждый выстрел попадает в цель, заставляет его отступить буквально через несколько минут. Русские вынуждены были поэтому поспешно отступить через пробитую ими брешь, а за ними последовали турки, преследовавшие их до их траншей и разрушившие часть осадных сооружений. Эта атака была последней серьезной операцией русских против Силистрии. Если осада по видимости и формально еще продолжалась, пока не пришел приказ о ее прекращении, то это делалось только для соблюдения внешнего приличия. 12 июня блокада поддерживалась так слабо, что офицеры-европейцы из Шумлы прошли в крепость без всяких затруднений.

Русские открыли свои траншеи в низинах Дуная 19 мая, 22 мая их батареи, в количестве семи, начали обстрел Араб-Табиа. На следующий день против этого форта было выставлено еще пятнадцать орудий. И все же, согласно русскому отчету, правильная осада Араб-Табиа была начата лишь 31 мая. Это, по-видимому, указывает на то, что батареи, установленные 21 и 22 мая, лишь выполняли роль первой линии и были снабжены тяжелыми орудиями лишь для обстрела форта продольным огнем. С 31 мая до 10 июня русские батареи подошли к крепости на расстояние ста ярдов, то есть продвинулись от первой до третьей параллели у основания гласиса. На гласисе не было кроны, не были воздвигнуты траншейные батареи, но, как мы уже упомянули, была прорыта сапа к склону гласиса с целью заложить мину у его вершины.

Так как из всех отчетов вытекает, что форт Араб-Табиа представлял не более, как полевое укрепление, хотя и обширных размеров, но неспособное на длительное сопротивление, то действия его защитников, — состоявших из 4 батальонов и 500 человек иррегулярных войск, под командой Хюсейн-паши, — конечно, заслуживают высокой похвалы. Девять дней обстрела дальнобойными орудиями, одиннадцать дней пребывания в открытых траншеях, два минных подкопа и четыре или пять штурмов, причем все это окончилось поражением противника, — поистине в военной истории едва ли найдется другой пример, когда простой внешний форт, такой как Араб-Табиа, выстоял так долго. Больше всего это напоминает оборону Кольберга пруссаками в 1807 г. и Данцига французами в 1813 году.

Казалось весьма странным, что в течение всей осады Омер-паша ничего не предпринял для того, чтобы поддержать такой

важный, пункт и освободить его от осады. Из его письма к Сами-паше, губернатору Видина, однако, видно, что он действительно готовился прийти на помощь Силистрии, когда русские отошли на левый берег Дуная.

«Вы знаете», —писал он в этом письме, — «что я собрал все наши войска в районе Шумлы и готовился идти на помощь крепости. Шесть полков кавалерии и три батареи уже вышли из Шумлы в этом направлении. Русские, узнав об этом движении, поспешно отступили на левый берег со всей своей артиллерией. За сорок дней осады крепости они потеряли убитыми 25000 человек».

Что теперь собираются делать русские, невозможно определить. Если верить некоторым венским газетам, они намерены занять позиции за рекой Бузэу, но те же газеты уверяют, что русских гонит назад страх перед австрийцами, а позиция у Бузэу уже обойдена австрийцами. Если бы русские попытались удержать Молдавию, то австрийцы обошли бы их со стороны Галиции и Буковины. Но своевременное соединение русских войск в Польше с бывшей Дунайской армией в Подолии и Волыни привело бы, в свою очередь, к обходу Австрии и поставило бы под удар северо-восточную часть Галиции до Сана и Днестра.

Если на минуту отвлечься от политических соображений и допустить, что Австрия готова присоединиться к силам союзников для нападения на Россию, то положение дел будет выглядеть так: Австрия могла бы выставить 200000—250000 человек для совместных действий с союзниками, в свою очередь располагающими приблизительно от 100000 до 120000 турок и 60000 англо-французских войск. Этим силам Россия могла бы противопоставить четыре корпуса Дунайской армии с их резервами, что составляет, за вычетом соответствующих потерь, приблизительно 200000 человек. Второй корпус, под командой Панютина, три кавалерийских запасных корпуса и еще некоторые пехотные резервы и подкрепления от новых наборов могли бы составить в общей сложности приблизительно 180000 человек, так что общая численность войск России достигла бы 350000, из которых еще нужно вычесть гарнизоны для охраны Крыма и некоторых районов Южной России. Сверх этого оставались бы еще для защиты Польши и Прибалтийских провинций гвардия, гренадеры и первый армейский корпус, не считая финского корпуса приблизительно в 15000 человек. Принимая все это во внимание, разница в численности войск обеих воюющих сторон была бы не настолько велика, чтобы лишить Россию шансов на некоторый успех в случае, если бы она ограничилась обороной в узком смысле этого слова.

Если же Австрия, как мы можем заключить из последних дипломатических сообщений и из ее полной пассивности на молдавской границе, не имеет других намерений, кроме посредничества между воюющими сторонами, то мы можем с уверенностью сказать, что в течение этого года ни в Молдавии, ни в Бессарабии ничего серьезного не произойдет.

Написано Ф. Энгельсом 6 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4139, 25 июля 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПОДРОБНОСТИ МАДРИДСКОГО ВОССТАНИЯ. — АВСТРО-ПРУССКИЕ ТРЕБОВАНИЯ. — НОВЫЙ ЗАЕМ В АВСТРИИ. — ВАЛАХИЯ

Лондон, пятница, 7 июля 1854 г.

Получаемые нами известия о военном восстании в Мадриде по-прежнему весьма противоречивы и отрывочны. Все мадридские телеграммы являются, конечно, правительственными сообщениями и так же сомнительны, как и бюллетени, опубликованные в «Gaceta»[168]. Обзор скудного имеющегося в моем распоряжении материала — вот все, что я могу предложить вам.

Читатели вероятно помнят, что О'Доннель был в числе генералов, изгнанных королевой в феврале этого года; отказавшись повиноваться, он скрывался в Мадриде и из своего убежища поддерживал тайную переписку с гарнизоном Мадрида, в частности с генералом Дульсе, генерал-инспектором кавалерии. Правительство знало о его пребывании в Мадриде, а 27 июня ночью военный министр генерал Бласер и генерал Лара, военный губернатор Новой Кастилии, получили предупреждения о предполагавшемся под руководством генерала Дульсе восстании. Однако ничего не было сделано, чтобы предотвратить или подавить восстание в зародыше. 28 июня генерал Дульсе смог поэтому без труда собрать под предлогом смотра около 2000 кавалеристов и выступить с ними из города, в сопровождении О'Доннеля, намереваясь похитить королеву, находившуюся в Эскуриале. План, однако, не удался, и королева 29 июня прибыла в сопровождении председателя Совета графа Сан-Луиса в Мадрид и произвела смотр, в то время как повстанцы расположились в окрестностях столицы. К восставшим присоединился полковник Эчагуэ с 400 солдат полка принца, захватившими полковую кассу, в которой был 1000000 франков. 29-го вечером из Мадрида была отправлена под началь-

ством генерала Лара колонна, состоявшая из семи батальонов пехоты, кавалерийского полка, отряда конной жандармерии и двух батарей артиллерии, чтобы встретить мятежников, расположившихся в Вентас-дель-Эспириту-Санто и в деревне Викальваро. 30 июня между двумя армиями произошла битва, о которой имеется три отчета: официальный отчет, адресованный генералом Лара военному министру и опубликованный в «Gaceta», второй отчет, напечатанный в «Messager de Bayonne», и третий—отчет мадридского корреспондента «Independance beige», который был очевидцем сражения. О первом из этих отчетов, который можно найти во всех лондонских газетах, сказать особенно нечего, в нем генерал Лара сначала заявляет, что он напал на повстанцев, а затем, что повстанцы напали на него, что он захватил пленных, а затем, что у него были потери пленными, что он одержал победу и возвратился в Мадрид и, enfin*, что он оставил повстанцев хозяевами положения, усеяв поле боя телами «врагов», в то время как у него самого потери составили всего лишь тридцать раненых.

«Messager de Bayonne» передает ход дела следующим образом;

«30 июня в 4 часа утра генерал Кесада оставил Мадрид, отправившись во главе двух бригад, чтобы напасть на мятежные войска. Сражение продолжалось недолго, и генерал Кесада получил энергичный отпор. В 7 часов вечера военный министр генерал Бласер, в свою очередь собрав весь гарнизон Мадрида (замечу, что этот гарнизон состоит приблизительно из 7000—8000 человек), сделал вылазку. Немедленно началась битва, продолжавшаяся почти без перерыва до позднего вечера. Пехота, напуганная многочисленной кавалерией повстанцев, построилась в каре. Полковник Гарриго во главе нескольких эскадронов так стремительно атаковал одно из этих каре, что рассеял его, но был встречен огнем замаскированной батареи из пяти орудий, картечь которой рассеяла его эскадроны. Полковник Гарриго попал в руки королевских войск, но генерал О'Доннель, не теряя ни минуты, собрал свои эскадроны и так энергично ударил но пехоте, что расстроил ее ряды, освободил Гарриго и захватил пять артиллерийских орудий. После этого удара войска королевы отступили к Мадриду, куда прибыли в 8 часов вечера. Один из их генералов, Менсина, был легко ранен. В результате ожесточенной схватки у обеих сторон насчитывается большое число убитых и раненых».

Переходим теперь к отчету газеты «Independance», датированному: Мадрид, 1 июля. Этот отчет представляется нам наиболее достоверным.

«Вентас-дель-Эспириту-Санто и Викальваро были театром ожесточенной схватки, в которой войска королевы были отброшены в сторону Фонда де ла Аллегриа. Три каре, последовательно построенные в различных точках, добровольно разошлись по приказанию военного министра. Четвертое было образовано позади Ретиро. Десять эскадронов повстанцев

* — наконец. *Ред.*

под личным командованием генералов О'Доннеля и Дульсе атаковали его в центре (?), в то время как герильерос завладели им с фланга (?)». (Трудно понять, что подразумевает корреспондент под центром (!) и флангом (!), когда атака производится на каре.) «Повстанцы дважды нападали на артиллерию, но были отражены картечью. Они, очевидно, намеревались захватить артиллерийские орудия, стоявшие по углам каре. Между тем наступила ночь и правительственные войска отступили эшелонами к Алькарским воротам, где один эскадрон кавалерии, остававшийся еще верным, неожиданно был застигнут отрядом повстанцев-уланов, спрятавшимся за Плаца дель Торо. Воспользовавшись замешательством, вызванным этой неожиданной атакой, повстанцы захватили четыре отставших артиллерийских орудия. Потери с обеих сторон приблизительно равные. Кавалерия повстанцев сильно пострадала от картечи, но их уланы почти уничтожили полк царствующей королевы и конную жандармерию. Последние известия сообщают, что повстанцы получили подкрепление из Толедо и Вальядолида. Ходят даже слухи, что генерала Нарваэса ожидают сегодня в Вальекас, где он будет принят генералами Дульсе, О'Доннелем, Рос де Олано и Армеро. У Аточских ворот прорыты траншеи. Толпы любопытных заполняют железнодорожную станцию, откуда можно видеть передовые посты генерала О'Доннеля. Однако все ворота Мадрида строго охраняются...

3 *часа пополудни, тот же день.* Значительные силы повстанцев занимают местечко Вальекас, находящееся на расстоянии трех английских миль от Мадрида. Правительство ожидает сегодня прибытия войск из провинций, в частности, батальона короля. Если верить последним сведениям, эта воинская часть уже присоединилась к повстанцам.

4 часа пополудни. В настоящий момент почти весь гарнизон покидает. Мадрид и идет в направлении к Вальекас, навстречу повстанцам, которые обнаруживают чрезвычайную уверенность. Магазины закрыты. Охрана Ретиро и вообще всех правительственных зданий спешно вооружается. Я только что узнал, что вчера к повстанцам присоединилось несколько рот гарнизона. Мадридским гарнизоном командуют генерал Кампусано, про которого неправильно говорили, будто он перешел на сторону повстанцев, генерал Виста Эрмоса и военный министр Бласер. Подкрепления, которых ожидает правительство, до сих пор еще не подошли; но 4-и линейным и 1-й кавалерийский полки якобы уже оставили Вальядолид и быстрым маршем идут к Мадриду. То же самое утверждают относительно гарнизона Бургоса, которым командует генерал Турон. И наконец; генерал Риверо покинул Сарагосу, ведя за собой значительные силы. Ввиду этого следует ожидать еще более кровавых столкновений».

До 6 июля из Мадрида не поступали ни газеты, ни письма. Только газета «Moniteur» поместила следующую лаконическую депешу, помеченную: Мадрид, 4 июля.

«Спокойствие продолжает царить в Мадриде и провинциях».

Согласно одному частному сообщению, повстанцы находятся в Аранхуэсе. Если бы битва, которую корреспондент «Indеpendance» предсказывал 1 июля, закончилась победой правительства, то не было бы недостатка ни в письмах, ни в газетах, ни в бюллетенях. Несмотря на осадное положение, провозглашенное в Мадриде, газеты «Clamor Publico», «Nacion», «Diarlo»,

«Espana» и «Epoca» вновь вышли, не поставив об этом предварительно в известность правительство, которое узнало об этом печальном факте от своих чиновников. В число арестованный в Мадриде называют банкиров Антонио Гильермо Морено и Хосе Мануэля Кольядо. Издано также предписание об аресте Сихора Севильяно, маркиза де Фуэнтес де Дуэро, близкого друга маршала Нарваэса. Гг. Мон и Пидаль находятся под надзором.

Было бы преждевременно судить об общем характере этого восстания. Но можно сказать, что оно, по-видимому, не является делом прогрессистской партии[169], так как генерал Сан-Мигель, представитель этой партии в военной среде, спокойно отсиживается в Мадриде. Судя по всем сообщениям, душой заговора скорее является Нарваэс, а королева Кристина, влияние которой за последнее время сильно упало благодаря фавориту царствующей королевы графу Сан-Луису, также причастна к этому движению.

Едва ли о какой-либо другой стране, за исключением Турции, знают так мало и так неправильно судят в Европе, как об Испании. Бесчисленные местные пронунсиаменто и военные мятежи приучили Европу смотреть на Испанию как на императорский Рим эпохи преторианцев. Это — так же ошибочно, как и поверхностные суждения о Турции людей, воображающих, что жизнь этой нации иссякла потому, что ее официальная история за последнее столетие сводится только к дворцовым переворотам и emeutes* янычаров. Причина этого заблуждения заключается просто в том, что историки, вместо того чтобы искать источник жизненных сил этих народов в их провинциальных и местных организациях, находят его в придворных альманахах. Перемены, происходившие в той сфере, которую мы обычно называем государством, так мало затрагивали испанский народ, что он целиком предоставлял эту ограниченную область изменчивым страстям и мелким интригам придворных фаворитов, генералов, авантюристов и немногих так называемых государственных деятелей, и до сих пор у него было очень мало поводов, чтобы раскаиваться в этом безразличии. По своему характеру новейшая испанская история заслуживает совершенно иной оценки, чем та, какая давалась до сих пор, и я воспользуюсь случаем, чтобы подробно остановиться на этом в одной из своих следующих статей. Сейчас я могу лишь заметить следующее: не будет ничего удивительного, если из чисто военного мятежа на Пиренейском полуострове возникнет всеобщее

* — мятежам. *Ред.*

восстание, поскольку последние финансовые декреты правительства[170] весьма успешно превратили сборщика налогов в пропагандиста революция.

В данный момент судьбу войны решает Австрия. Если ее войска до сих пор не вступили в Валахию, то только потому, что она ждет ответа русского императора. Горчаков, как сообщает телеграф, уже прибыл в Вену, привезя с собой неблагоприятный ответ. Австропрусские требования, отосланные 3 июня, впервые опубликованы в «Kolnische Zeitung»[171]. Основные положения в австрийских требованиях таковы:

«Император России, мудро взвесив все представленные ему соображения, учтет то значение, которое австрийский император придает приостановлению продвижения русской армии за Дунай и получению от русского императора определенных указаний относительно срока, надеемся, не слишком отдаленного, когда прекратится оккупация Дунайских княжеств. Император Николай, мы в этом не сомневаемся, желает мира; он, следовательно, изыщет сродства покончить с положением, которое с каждым днем все больше становится источником внутренних волнений для Австрии и Германии. Мы уверены, что он не захочет продолжением оккупации на неопределенный срок или выставлением для эвакуации Дунайских княжеств неприемлемых для нас условий заставить императора Франца-Иосифа самого принять меры к охране своих интересов, подвергающихся столь значительной угрозе при теперешнем положении вещей».

Прусская нота, предназначенная поддержать австрийские «требования»[172], заканчивается следующим:

«Король надеется, что император согласится перевести спорный вопрос на почву, допускающую практическое решение, с тем чтобы облегчить его удовлетворительное разрешение путем ограничения и установления точных пределов действий обеих сторон. Наш августейший государь надеется поэтому, что настоящий шаг встретит прием, отвечающий стремлениям, вызвавшим его к жизни, и что ответ со стороны императора России, которого мы, так же как и венский кабинет, ждем с интересом, соответствующим его важности, сможет освободить короля от тяжелой необходимости, налагаемой на него его долгом и его обязательствами».

Хесс, главнокомандующий Восточной армией, намерен расположить свою ставку в Черновицах. Венская газета «Soldaten-freund» приводит следующую биографию генерала Хесса:

«Фельдмаршал фон Хесс родился в Вене в 1788 г., в 1805 г. поступил в полк Дьюлаи прапорщиком, в конце 1815 г. офицер штаба, в 1822 г. подполковник, был назначен военным интендантом в Турине. С 1829 г. полковник, в 1831 г. был назначен квартирмейстером подвижного корпуса в Верхней Италии. В 1842 г. он получил чин генерал-лейтенанта, в 1848 г. был начальником штаба армии Радецкого. Ему принадлежит разработка планов похода на Мантую, Куртатоне и Виченцу в 1848 г., а также краткой кампании 1849 г., закончившейся битвой при Новаре».

Относительно открыто признанных намерений Австрии оккупировать Валахию я приведу слова самих австрийских газет.

«Frankfurter Postzeitung», орган австрийского посольства при Союзном сейме, замечает:

«Австрия, в силу своего географического положения, обязана содействовать самым решительным образом восстановлению мира, фактически разделив путем оккупации Дунайских княжеств воюющие стороны и заняв наиболее важные пункты между ними. Если русские отойдут за Прут, то турки и их союзники уже не смогут перейти Дунай. Если мы далее примем во внимание, что каждая из сторон приобрела известный опыт и отказалась от определенных иллюзий» (русские — от иллюзии своего военного превосходства, морские державы — от иллюзии всемогущества своих флотов), «то ясно, что теперешняя ситуация делает возобновление мирных переговоров почти неизбежным».

Газета «Lloyd» с своей стороны замечает:

«Оспариваемая территория, а именно Дунайские княжества, поступила бы под покровительство нейтральной державы. Турецкая армия не могла бы тогда занять позиции на берегах Прута. Вооруженный посредник стоял бы между войсками западных держав и войсками России и предотвратил бы столкновение их в Дунайских княжествах. Таким образом, фактически наступило бы перемирие на самом важном театре военных действий. Если действительно еще существует возможность мира, то эта мера приблизит его. Ни в С.-Петербурге, ни где-либо еще не может быть никаких сомнений в том, что решение занять Дунайские княжества было принято Австрией для обеспечения мира и что оно является в то же самое время последним возможным шагом в деле предупреждения всеобщей войны».

И наконец весьма интересную статью такого рода мы находим в «Spenersche Zeitung»[173], выходящей в Берлине:

«Подтверждается, что послы четырех великих держав проведут в Вене еще одно совещание, во-первых, чтобы ознакомиться с конвенцией, заключенной между Австрией и Портой, и заявить, что она согласуется с прежними протоколами совещаний, во-вторых, чтобы договориться о таком изменении принципов, установленных венским протоколом от 9 апреля, которое послужило бы позитивной основой для будущих предварительных действий, направленных к достижению не войны, а мира».

Австрия, между тем, воспользовавшись этими обстоятельствами, составила проект нового займа, официально опубликованные условия которого таковы:

«1. Сумма займа предположительно устанавливается от 350 до 500 миллионов флоринов. Если подписка достигнет этой суммы, платежи будут производиться в течение трех, четырех или пяти лет, в зависимости от

суммы подписки.

2. Выпускная цена установлена в 95 банковыми билетами.

3. Процент должен быть равен 5 и уплачиваться металлической монетой.

4. Подписка не носит принудительного характера; императорское правительство обратится через существующие власти во всех провинциях к *патриотизму* подданных государства.

5. Заем предназначен для уплаты государственного долга банку в сумме около 80 миллионов в целях восстановления курса банковых

билетов. Остаток» (очень остроумно называть остатком четыре пятых всей суммы) «послужит источником для пополнения бюджета на ближайшие годы».

Газета «Lloyd» уверяет, конечно, что эта грандиозная финансовая операция, как ее сейчас (и чуть ли не впервые!) проектируют, раз навсегда положит конец существующему обесценению австрийской валюты. Читатели помнят, что именно этот предлог выставлялся при проведении почти каждого австрийского займа в этом столетии. Но в этой грандиозной операции все же есть некоторые пункты, которые, может быть, не бросились им в глаза, так как они заботливо опущены в цитированном выше сообщении. По этому поводу газета «Globe» вчера вечером писала следующее:

«Этот заем будет национальным, то есть каждый плательщик налога должен будет подписаться на него пропорционально уплачиваемым им налогам. Сначала применяется моральное, а затем и прямое принуждение. Фактически поэтому это мероприятие сводится к установлению дополнительного налога с обещанием, что данная сумма будет возвращена».

Любопытно, насколько вся эта операция и в мотивировке, и в способе осуществления похожа на последние испанские указы, явившиеся прелюдией к революции.

В своей последней статье* я обратил ваше внимание на права и положение валашского народа, опровергая утверждение, будто дипломатические трения возникли по поводу нарушения этих прав. В парижской газете «Siecle»[174] только что появился доклад г-на Барбу Бибеску, префекта Мегединца в Малой Валахии, адресованный министру иностранных дел Порты. Здесь мы, наконец, слышим голос в защиту народа; Дунайских княжеств, к судьбе которого «защитники цивилизации» относятся с таким позорным равнодушием. Доклад начинается сообщением, что

«русские, чтоб отомстить за пассивное сопротивление совершенно безоружного народа, позволили себе при отступлении из Малой Валахии самые отвратительные жестокости и разрушения. Они захватили с собой всю казну, печати и архивы местного управления и церковную утварь. Перед уходом они забили скот, уцелевший от прежних бесчисленных реквизиций, причем не брали его с собой, а оставляли гнить, делая это исключительно для того, чтобы народ почувствовал их жестокость и ненависть».

По поводу распространившихся тогда слухов о предстоящем вступлении австрийцев в Валахию г-н Бибеску замечает, что «даже благожелательная иностранная армия всегда является бременем для страны, которую она оккупирует». Он говорит,

---

* См. настоящий том, стр. 307—311. *Ред.*

что Валахия не нуждается в австрийцах; она сама в состоянии выставить 50000 обученных и дисциплинированных бойцов. В каждом из семнадцати департаментов Валахии имеется в настоящий момент по 3000 человек жандармерии, лесничих, егерей и бывших солдат, которые нуждаются только в оружии, чтобы по первому сигналу наброситься на русских. Он заканчивает следующими словами:

«Нам недостает только оружия; если его не хватает в ваших арсеналах, то его много на многочисленных фабриках Франции, Англии и Бельгии, и мы готовы заплатить за него. Оружия, и еще раз оружия, ваше превосходительство, и меньше чем через три месяца в Дунайских княжествах не останется ни одного русского, а Высокая Порта получит в свое распоряжение 100000 румын, стремящихся так же страстно, как и османы, изгнать и наказать своего общего и непримиримого врага».

Бедный префект Мегединца не понимает, что Австрия именно для того и подчиняет валахов своей оккупации, чтобы помешать их вооружению и не допустить, чтобы они вместе с османами изгнали и наказали русских.

Сэр Чарлз Нейпир, по сообщению газет кокни*, пытается выманить царских адмиралов из Кронштадта, заставив их покинуть убежище, за гранитными стенами которого они «трепещут» перед англо-французским флотом. Но почему же английские матросы не покидают свои деревянные убежища, чтобы вступить в борьбу с русскими в их стихии, на суше? Надо заметить, что, вопреки хвастовству англичан, русские все же вышли из Севастополя и «повредили» пароход «Фуриос».

Бараге д'Илье назначен командующим направляемой в Балтийское море дивизией, которая должна погрузиться на суда 14 июля. Англия должна предоставить транспорт для 6000 человек. Такое же количество войск и одна полевая батарея будут погружены на французские суда. Если прибавить к этому морскую пехоту, находящуюся под командованием полковника Фьерона, то вся балтийская дивизия будет насчитывать 13000— 14000 человек. В то же время в Марселе еще не прекратилась погрузка войск для отправки в Черное море; очевидно, процесс разоружения Франции еще не достиг желанной степени «безопасности».

Написано К. Марксом 7 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4136, 21 июля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — лондонских обывателей. *Ред.*

К. МАРКС

* ВОЗБУЖДЕНИЕ В ИТАЛИИ. — СОБЫТИЯ В ИСПАНИИ. — ПОЗИЦИЯ НЕМЕЦКИХ ГОСУДАРСТВ. — АНГЛИЙСКИЕ СУДЬИ

Лондон, пятница, 14 июля 1854 г.

Сэр Чарли[*] преспокойно возвратился из Кронштадта без потерь убитыми и ранеными, кроме нескольких храбрых моряков, унесенных холерой. Чтобы поддержать хорошее настроение публики, такой же фарс должен теперь повториться под Севастополем: под Одессой уж видели пятьдесят судов союзного флота, «держащих курс» на этот пункт.

Назначенная на сегодня погрузка французских войск на суда в Кале отложена до 20 июля, как говорят, для того, чтобы выждать, пока выяснятся события в Испании.

Генерал Будберг принудил население Дунайских княжеств принять обращение, в котором выражается благодарность императору Николаю за оккупацию страны и за защиту се против «жестоких варваров-турок». «Евфрат», оставивший Константинополь 5 июля и 13 июля прибывший в Марсель, приносит важное сообщение, что Добруджа вовсе не эвакуирована русскими и что «знаменитый» злополучный[**] Решид-паша снова занял пост министра иностранных дел.

Из Кракова сообщают от 8 июля, что князь Паскевич прибыл в гомельский дворец, расположенный в его литовских владениях, и уже не будет принимать участия в нынешней кампании. К этому добавляют, что не только он сам получил отставку, но отказались и от его плана кампании; это тем более правдоподобно, что русские войска, уже начавшие отступление в Молдавию, снова двинулись вперед под командой князя Горчакова, который якобы собирает значительные силы перед Бухарестом.

[*] — адмирал Чарлз Нейпир. *Ред.*
[**] Игра слов: «wretched» — «злополучный» — созвучно с именем Решид. *Ред.*

В настоящее время расположение русских войск таково: их правое крыло у верхней Яломицы простирается до Трансильванских Альп, где оно с помощью двадцати четырех тяжелых артиллерийских орудий удерживает Темешский перевал; их центр занимает пространство от Фокшан до Бухареста; их левое крыло под командой Лидерса стоит у Браилова, а крайнее левое крыло под командой Ушакова находится в Добрудже.

По последним известиям с театра военных действий, значительные силы турок (40000, включая 12000 союзников) перешли Дунай и заняли Журжево. Французские газеты сообщают, что русский поселок у устья Сулицы подвергся бомбардировке с судов союзного флота и разрушен; правда, к этому сообщению скорее всего следует отнестись так же, как к сказке о вторичной бомбардировке и разрушении Бомарсунда в Балтийском море. Операции маршала Сент-Арно на Востоке, кажется, вызвали в Тюильрийском дворце некоторые опасения, как бы они не приобрели слишком крупный масштаб. Во всяком случае передают, что французское правительство послало специального обер-инспектора, — конечно, *финансиста,* —чтобы умерить это чрезмерное усердие (son exces de zele).

В Италии и правительство и народ охвачены странным возбуждением. Генерал Ла Мармора, военный министр Пьемонта, издал приказ об образовании военных лагерей в Савойе, Сен-Морисе, Алессандрии и даже на острове Сардинии. Под ружье призвано большое число солдат, находившихся в бессрочном отпуску. Одновременно пополняются запасы в крепостях Алессандрии и Касале. С другой стороны, маршал Радецкий также издал приказ об образовании военного лагеря между Вероной и Вольтой, где ежедневно более 20000 солдат обучаются методам малой войны (petite guerre). В Кодоньо, Касале, Пустерларцо и некоторых других городах Ломбардии имели место беспорядки, вызванные дороговизной продовольственных продуктов. Около двухсот человек арестовано и отправлено в Мантую. Судя по письмам, полученным из Неаполя, там были произведены многочисленные аресты; то же самое было и в Сицилии, где заключен в тюрьму сын графа Караффы. Король-бомба* принимает чрезвычайные меры к вооружению на суше и на море. Он приказал на всякий случай привести крепость Гаэту в боевую готовность. Он объявил, что во всей Европе свирепствует чума и поэтому для всех прибывающих судов установлен строгий карантин. Все корабли, приходящие из Португалии, Глазго и Сардинского королевства, подвергаются

* — Фердинанд II. *Ред.*

карантину, на. десять дней, суда из Тосканы и Римского государства — на семь дней. Так как по отношению ко всем почти странам уже введены такие ограничения, то свободное прибытие какого-либо судна является редким исключением. Иностранная корреспонденция, прибывающая сухим путем, подвергается всем мерам предосторожности, соблюдаемым в отношении стран, где свирепствует чума. Сообщение с Папской областью осуществляется через Монтекассино и Сору, а также через Абруццы, но санитарный кордон, вероятно, скоро будет установлен вдоль всей границы.

Последняя почта, ожидаемая из Мадрида через Бордо, до вчерашнего вечера в Париж не поступила. Сообщают, что королевские войска продолжают преследовать мятежников, что они будто бы их уже настигли и приступают к их уничтожению. Сначала нам сообщали, что мятежники бегут в Эстремадуру, намереваясь добраться до португальской границы. А сейчас мы узнаем, что они якобы находятся на пути в Андалузию, обстоятельство, показывающее, что мятежники не очень стремятся так скоро покинуть свое отечество. Из частных писем известно, что генерал Серрано присоединился к повстанцам во главе 300 кавалеристов; «Gaceta» же сообщает, что он присоединился один. В Мадриде распространились слухи, что полк короля (del Rey) перешел на сторону повстанцев. Корреспондент «Morning Chronicle» добавляет, что к ним присоединилось 200 офицеров различных родов оружия, несколько рот полков, расквартированных в Толедо, и два батальона добровольцев из Мадрида. «Gaceta» заявляет, что дивизия, которой поручено преследование мятежников, отбыла из Мадрида вечером 5 июля в составе трех бригад пехоты, одной бригады кавалерии, двух артиллерийских батарей, одной саперной роты и группы рабочих военного ведомства. Дивизия выступила под командованием генерала Виста Эрмоса, которого, однако, на следующий день сменил военный министр генерал Бласер. Королевский декрет от 7 июля временно назначает генерала Сан-Романа исполняющим обязанности военного министра на время отсутствия генерала Бласера. «Gaceta» сообщает, что вышеупомянутая дивизия достигла Темблеке и движется в направлении Сьюдад-Реаль по долине Гвадианы. В тот же день Бласер обратился с воззванием к солдатам и унтер-офицерам армии мятежников, предлагая им вернуться под свои знамена и обещая им от имени королевы полное прощение. В «Messager de Bayonne» мы читаем следующее:

«Согласно последним известиям, полученным ними, генерал О'Доннель продвинулся в направлении Вальдепеньяса. Авангард королевской армии

был сконцентрирован в районе Темблеке. Генерал О'Доннель использует свободное время для обучения своей небольшой армии, состоящей из 2000 человек конницы, шести орудий и 800 пехотинцев».

Воззвания О'Доннеля и Дульсе отличаются друг от друга: первое апеллирует к конституции 1837 г.[175], а второе к древнему кастильскому праву восставать против монархов, виновных в нарушении присяги, данной при коронации. Новой чертой является формирование отрядов республиканских герильерос в Валенсии. Из полученного сообщения от 6 июля видно, что несколько городов и сел восстали против правительства, в том числе называют Алуру, Хативу и Карлет. Полковник в отставке Ороско вступил в Карлет во главе вооруженного отряда, провел конфискацию всего огнестрельного оружия и издал прокламацию, призывающую население присоединиться к движению. Правительство направило отряды кавалерии, пехоты и гражданской гвардии для подавления восстания в Валенсии.

«Indеpendance belge» дает совсем новую версию русской ноты Австрии и Пруссии[176]. По словам этой газеты, — а ее можно рассматривать как частный moniteur отставных русских дипломатов в Брюсселе, — русская нота была адресована не непосредственно австрийскому правительству, а князю Горчакову, который передал копию ее г-ну де Буолю и выразил при этом надежду, что Австрия, требуя от русских эвакуации Дунайских княжеств, лишь имела в виду предложить перемирие, так как не могла же она желать, чтобы отступающие русские войска подверглись нападению со стороны союзных войск. Следовательно, Австрия лишь имела в виду перемирие. Турки, англичане и французы должны бы поэтому воздержаться от какого-либо наступательного движения и от всяких новых враждебных действий против России. Что касается эвакуации Дунайских княжеств русскими войсками, то нота подчеркивает, что Россия безусловно должна удержать в этих провинциях определенные стратегические пункты в ожидании заключения мира, так как иначе положение ее по отношению к армиям союзников было бы слишком неблагоприятным. С другой стороны, нота отрицает какое-либо намерение России создать посредством указанной стратегической оккупации угрозу для Австрии. Исходя из этих предпосылок, нота выражает готовность России начать новые мирные переговоры на следующей основе: целостность Оттоманской империи, на которую русское правительство никогда не имело намерения посягать; равенство христианских и мусульманских подданных Порты, как оно намечено в протоколе от 9 апреля; наконец, пересмотр договоров, касающихся проливов. Нота допускает общий протекторат держав над

христианами в Турции; но по вопросу о русском протекторате над православными христианами «Indépendance» признает, что в ноте добавлено несколько неопределенных фраз, создающих достаточную почву для различных толкований. Князь Горчаков, сообщает газета, взял еще более уступчивый тон, чем сама нота. Его депеша не является *последним словом* России; он уполномочен идти дальше, если есть надежда побудить Австрию начать новые переговоры. 9 июля, однако, венский кабинет еще не пришел ни к какому решению.

«В настоящее время», — говорит «Indépendance» или, вернее, барон Бруннов, — «мы не должны закрывать глаза на то, что каковы бы ни были намерения в С.-Петербурге, достаточно будет любого инцидента, любого военного акта, например, нападения на Кронштадт или, что более вероятно, нападения на Севастополь, или даже оккупации Аландских островов англо-французскими войсками, — чтобы изменить эти намерения и дать перевес партии, возражающей против каких-либо уступок».

Во всяком случае Пруссия удовлетворена этой русской нотой и рассматривает ее как средство для возобновления переговоров и для того, чтобы помешать вступлению австрийцев в Валахию. Даже «Moniteur» признает, что возражения Пруссии против этого вступления австрийцев явились причиной новых колебаний венского двора. С другой стороны, лицемерная «Morning Chronicle» сообщает, будто

«в Берлине утверждают, что условное обязательство защищать австрийскую территорию от неприятельского вторжения, взятое на себя прусским двором, дает ему право протестовать против всякой новой провокации со стороны России».

Кроме того, известно, что договор между Австрией и Пруссией[177] составлен как раз таким образом,'чтобы позволить каждой из обеих держав приостановить свои военные операции, пока она не убедится в необходимости военных мероприятий, намечаемых другой державой. Поэтому Австрия, пусть она и проявляет готовность действовать сообща с западными державами, может оказаться вынужденной отказаться от этого вследствие протеста Пруссии. Я, со своей стороны, убежден, что все эти возможности были заблаговременно рассмотрены тремя северными державами совместно и что даже новые затруднения, встающие перед Австрией, имеют целью лишь придать оккупации ею Валахии видимость героической борьбы против России. Небольшая мнимая война, наподобие австро-прусской войны 1850 г., может быть, и предусматривается этим соглашением, так как она лишь способствовала бы предоставлению Австрии более решающего голоса

при заключении мира. Нужно заметить, что «Oesterreichische Correspondenz»[178] категорически заявляет, что Австрия по всем пунктам согласна с политикой западных держав, *кроме* пункта о возможном нарушении существующей границы России.

Для оценки позиции Австрии важно обратить внимание на протест сербского правительства против австрийской оккупации[179], представленный теперь палате общин по запросу от 22 июня. Протест этот адресован сербским правительством Высокой Порте. Он начинается констатацией того, что «в зависимости от того, считала ли Австрия, что сербское правительство находится в лучших или худших отношениях с Россией или Турцией, менялось и отношение к Сербии самой Австрии, которая постоянно обещала ей свою помощь для защиты границ Дунайского княжества против всяких враждебных нападений». Затем на границах Сербии были сконцентрированы значительные силы. Сербское правительство запросило «непосредственно венский кабинет и косвенно Высокую Порту, каковы цели и значение этих военных передвижений Австрии». Австрия дала уклончивый ответ, между тем как Порта и представители западных держав в Константинополе заявили, что они ничего не знают о цели австрийской демонстрации, и даже, казалось, разделяли беспокойство и сомнения сербского правительства. «Белградский паша оставался без инструкции или, правильнее сказать, имел все еще старые инструкции, согласно которым он должен был рассматривать любую военную интервенцию Австрии в Сербии как враждебный акт, направленный против самой Оттоманской империи и заслуживающий самого решительного отпора». Поскольку Австрия, казалось, все более и более склонялась на сторону западных держав, ее представители в Белграде начали делать успокоительные заявления относительно ее намерений. Одновременно венский кабинет заверил сербское правительство, что военные мероприятия, о которых шла речь, не имели в себе ничего враждебного по отношению к Сербии; что Австрия желает лишь защитить свои границы; что она вмешается лишь в том случае, если русские войска вступят на территорию Сербии или если там вспыхнет бунт против законной власти; что, следовательно, даже в последнем случае вмешательство ее носило бы дружественный характер и имело бы целью прийти на помощь правительству и законной власти. Уверения Австрии не успокоили сербское правительство. Оно видело, что Австрия, с одной стороны, притязала на роль арбитра, а с другой стороны, выступала изолированно под предлогом, что желает вместе с западными державами прийти на помощь Оттоманской империи. Наконец, сербское правительство

подозревало Австрию в намерении вызвать те самые беспорядки, которые она якобы так жаждет предотвратить. Так как военные приготовления Австрии с каждым днем принимали все более угрожающий характер, то сербское правительство совместно с Изет-пашой предприняло энергичные шаги в Вене и Константинополе для того, чтобы противодействовать каким бы то ни было комбинациям, которые могли бы сделать Австрию арбитром сегодняшней судьбы Сербии. Вот почему Азис-паша сначала был послан в Вену, а сейчас находится в Константинополе. Одновременно, по соглашению с турецким представителем, были приняты все меры к обороне страны. Австрия ссылается на два возможных повода для ее интервенции в Сербию: 1) вступление русских и 2) восстание в Сербии. Первое абсурдно, так как театр военных действий находится слишком далеко от Сербии, и если бы русские попытались проникнуть в Сербию, то сербских и турецких войск было бы совершенно достаточно для того, чтобы дать им отпор. Если бы понадобились вспомогательные войска, то Сербия предпочла бы австрийским войскам другие.

«Сербский народ питает к Австрии такое недоверие, чтобы не сказать ненависть, что вступление австрийцев в Сербию рассматривалось бы каждым сербом как грозная опасность, как большое несчастье, и все усилия сербов немедленно были бы направлены на борьбу с австрийскими войсками; вся энергия нации была бы употреблена против этого неприятеля, который всегда олицетворял собой жадную и эгоистическую политику, преследуемую Австрией в Сербии под предлогом оказания ей покровительства».

Что касается восстаний внутри страны, то их следует опасаться лишь в результате австрийской интервенции. Сербия всегда будет лояльна по отношению к Порте.

«Все, чего требует сербское правительство, это — то, чтобы Высокая Порта и впредь оказывала ему то высокое доверие, которое она обнаруживала до сих пор, и чтобы Сербия не была отдана под власть австрийской оккупации, что явилось бы началом неисчислимых бедствий. При этом условии сербское правительство вполне отвечает за сохранение общественного спокойствия и порядка в Сербии».

Этот протест Сербии в то же время ясно показывает, с каким энтузиазмом валашский народ ожидает вступления австрийцев в Валахию.

Нейтральное или, вернее, враждебное отношение малых государств к Англии не может удивить никого из тех, кто следил за ее теперешними военными действиями против России, за мародерскими экспедициями английского флота в Балтийском море и за мерами, принятыми для того, чтобы сделать

войска под Варной неспособными к каким бы то ни было боевым действиям: ведь даже подвижные санитарные отряды британских войск в Турции только сейчас отплыли из Саутгемптона на корабле «Гималая». Швеция поэтому заявила о своем окончательном решении оставаться нейтральной и воздержаться от каких-либо совместных шагов с западными державами; Дания и Голландия, как члены Германского союза[180], присоединились к австрийскому сообщению от 24 мая лишь с категорической,оговоркой, что оно имеет единственной целью сохранение полнейшего нейтралитета и восстановление мира.

Мировой судья Боу-стрит г-н Джердайн рассматривал дело[181], вызвавшее в Лондоне бесконечно большое возбуждение, чем речь Бонапарта в Булони или славное отступление Чарли от Кронштадта. Некий немец, д-р Пейтман, которого в течение четырех дней продержали под замком, был доставлен в суд под охраной как человек невменяемый, а потому не могущий оставаться на свободе. Г-н Райнольдс, судебный стряпчий, потребовал удаления публики и представителей печати, и дело соответственно слушалось сугубо секретно в личном кабинете судьи. Г-н Отуэй, член палаты общин, друг обвиняемого, с негодованием протестовал против попытки лишить его возможности участвовать в рассмотрении дела, после чего ему разрешено присутствовать; адвокат г-н Льюис также попросил допустить его как защитника подсудимого, что ему было разрешено. Г-н Льюис спросил, почему д-р Пейтман был заключен в камеру для преступников в течение целых четырех дней без допроса судьей. Г-н Джердайн на это ответил, что ему были представлены свидетельства, подписанные двумя врачами, об умопомешательстве подсудимого, вследствие чего он вынужден отправить его в больницу для умалишенных. Г-н Льюис предложил суду представить свидетельства противоположного характера, но г-н Джердайн отклонил рассмотрение каких бы то ни было предложений, направленных на откладывание дела, так как он должен действовать на основании представленных ему документов. Г-н Льюис заявил тогда, что он будет апеллировать к более высокой судебной инстанции, где дело будет рассматриваться без предубеждения и где будут выслушаны обе стороны. А пока он посоветовал бы своему подзащитному не отвечать на вопросы, хотя судья от него этого и требует. Г-н Отуэй заявил протест против ex parte* характера всего ведения следствия и предупредил, что внесет все дело на рассмотрение палаты общин, учитывая обстоятельство предварительного заключения д-ра Пейтмана и помещение

* — одностороннего. *Ред.*

его в больницу для умалишенных. Обвиняемый был снова отправлен в Колней-Хэч*.

Теперь приведем напечатанное сегодня в «Morning Advertiser» заявление г-на Персивала, врача, который только недавно вызволил д-ра Пейтмана из Бедлама*:

«Д-р Пейтман, немецкий профессор, получивший образование в Боннском, Берлинском и Галльском университетах, является сыном ганноверского офицера, который сражался за Георга III и умер на военной службе, и пасынком барона Рипперта, прусского ландрата. Он приехал в Англию почти тридцать лет тому назад и, ознакомившись вскоре с позорно скверной системой обучения, практикуемой в наших закрытых учебных заведениях и колледжах, отправился в Оксфорд и Кембридж, чтобы читать там лекции на эту тему. В 1835 г. он получил рекомендацию к маркизу Норманби, под покровительство которого поехал в Ирландию. Так как леди Норманби уже подыскала воспитателя для лорда Молгрева, то она рекомендовала доктора Пейтмана одному ирландскому аристократу, который пригласил его воспитателем к своим двум сыновьям. Через семь месяцев было обнаружено, что старший из двух сыновей питал глубокую привязанность к работавшей в доме служанке, уроженке Саксонии, которая была от него беременна. Мать молодого человека обратилась к д-ру Пейтману с просьбой помочь ей отправить девушку обратно в Германию, но доктор отказался вмешиваться в это дело. Он оставил службу в этой семье и приступил к чтению курса публичных лекций в Дублине, как вдруг в марте 1836 г. туда приехала эта девушка, к этому времени родившая ребенка в имении аристократа, в состоянии глубокой нищеты и сообщила д-ру Пейтману, что намерена нанять адвоката для возбуждения дела против сына аристократа за то, что он ее соблазнил, и что Пейтман будет вызван в качестве свидетеля. Д-р Пейтман решил тогда обратиться к полковнику Фипсу, управляющему имением маркиза Норманби и очень близкому с его семьей. Д-р Пейтман несколько раз заходил к этому Фипсу, брату Норманби и нынешнему секретарю принца Альберта, но не получил от него никакого ответа и не был им принят. Наконец, его вызвали к мировому судье в Дублине, г-ну Стаддерту, который на основании показаний того же Фипса и, не имея никаких других документов о нарушении д-ром Пейтманом общественного порядка, отправил последнего в мае 1836 г. в лечебницу для умалишенных. В бытность лорда Норманби наместником Ирландии, д-р Пейтман был переведен в больницу Дин Свифт на основании свидетельства какого-то д-ра Литтона, по мнению которого не было основания считать д-ра Пейтмана умалишенным. Через девять месяцев он был выпущен из больницы благодаря вмешательству настоятеля собора Сент-Патрика д-ра Даусона, по рекомендации которого он потом читал курс лекций в дублинском королевском обществе и был приглашен в семью лорда Фортескью. Когда принц Альберт приехал в Англию, д-р Пейтман обратился к нему с просьбой назначить его библиотекарем и разрешить ему проводить свою школьную реформу. После длительной беседы, которую д-р Пейтман имел с герцогом Сассексом, последний отдал распоряжение своему библиотекарю предоставить д-ру Пейтману свободный доступ в его библиотеку. После этого д-р Пейтман обратился с прошением к принцу Альберту, приложив свои дипломы и одиннадцать томов своих сочинений. Принц не ответил на прошение, и д-р Пейтман, наконец, просил либо предоставить ему аудиенцию, либо вернуть ему его

* — название психиатрической больницы. *Ред.*

документы. Приблизительно в это время молодой Оксфорд стрелял в королеву, а *из Германии приехала женщина, с которой принц был в близких отношениях во время его пребывания в Бонне,* где он учился у того же профессора, что и Пейтман. При дворе стали нервничать, а настойчивость д-ра Пейтмана вызвала подозрения. Обо всем этом было доложено министру внутренних дел маркизу Норманби, на которого д-р Пейтман жаловался за необоснованное помещение его в лечебницу для умалишенных в Дублине; в одно прекрасное утро в июне 1840 г. за д-ром Пейтманом к нему на квартиру в Уайтхолле был послан полицейский в гражданской одежде. Лорд Норманби вызвал своего брата, полковника Фипса, на основании показаний которого дежурный судья распорядился поместить д-ра Пейтмана в Бедлам, где он Оставался четырнадцать лет. Его поведение там всегда было примерным; его ни разу не пришлось изолировать и ему никогда не давали никаких лекарств. Он посвятил себя улучшению ухода за больными и организовал занятия для тех больных, которые были в состоянии усваивать его учебу. После своего освобождения он, по совету друзей, обратился с прошением к королеве и в субботу на прошлой неделе, полагая, что может теперь ходить куда ему угодно, не опасаясь быть задержанным, он отправился в королевскую церковь в Бакингемском дворце, где присутствовал на богослужении, чтобы обратить на себя внимание королевы. И там его снова арестовали».

Этот пример должен показать вашим читателям, как опасно в свободной Англии вызывать нервозность двора и быть посвященным в семейные скандалы добродетельной английской аристократии.

Написано К. Марксом 14 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4142, 28 июля 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полиостью публикуется впервые

К. МАРКС

* ВЕНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ. — АВСТРИЙСКИЙ ЗАЕМ. — ВОЗЗВАНИЯ ДУЛЬСЕ И О'ДОННЕЛЯ. — МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

Лондон, вторник, 18 июля 1854 г.

В Вене 13 июля состоялось совещание в несколько ином составе, чем последние знаменитые совещания. Граф Буоль, австрийский премьер, дал в этот день обед в честь князя Горчакова, русского посла, задачей которого является прикрыть позиции князя Горчакова, главнокомандующего в Дунайских княжествах. Помимо personnel* русской миссии, на обеде присутствовали граф Флемминг, представляющий Пруссию на время отсутствия графа Арнима; генерал Мансбах, посланник Швеции; граф Билле-Брахе, посланник Дании; г-н де Геккерен, послан ник Голландии; г-н де Вендланд, изгнанный секретарь греческого короля; наконец, граф О'Сюлливан де Грас, бельгийский полномочный представитель и старшина corps diplomatique**. Итак, перед вами полный список лиц, открыто действующих под русским флагом. Впрочем, был достойно представлен и Бамберг[182], но имена его великих людей не были названы.

Официальная английская пресса не может скрыть своего дурного настроения по поводу австрийского приказа о приостановлении продвижения графа Коронини в Валахию и по поводу доставленных в Париж и Лондон депеш, согласно которым Россия предлагает принять протокол от 9 апреля как основу для мирных переговоров, но на определенных условиях. Полуофициальная «Oesterreichische Correspondenz» полагает, что хотя русские предложения не совсем удовлетворительны, однако. в них действительно есть нечто такое, что заслуживает быть принятым во внимание западными державами. Газеты «Times»,

* — личного состава. *Ред.*
** — дипломатического корпуса. *Ред.*

«Morning Chronicle» и «Observer»[183] подсказывают в качестве утешения, что все это — вина Пруссии. Если требовалось еще что-нибудь, чтобы подкрепить впечатление, произведенное обедом, то перегруппировка русских войск достаточно свидетельствует о том, насколько Россия доверяет намерениям Австрии. Мы читаем в «Neue Preusische Zeitung», этом русском moniteur в Берлине, о последних передвижениях русских войск в Дунайских княжествах:

«По распоряжению князя Горчакова все приказы, которые были изданы несколько дней тому назад, отменены. Приказано вывести гарнизон (из Бухареста) и эвакуировать Бухарест; генерал Данненберг должен оставить этот город в ближайшие дни вместе с жандармерией и установить главную квартиру арьергарда в Фокшанах. Теперь, в соответствии с новыми распоряжениями, должна удерживаться линия Олтеница — Бухарест — Бузэу — Фокшаны».

Из других источников мы узнаем, что русская кавалерия снова брошена вперед на Статиру, на левом берегу Алюты. Насколько серьезно было намерение эвакуировать Бухарест, ясно из тех строгих мер, которые были приняты для вывоза архиве» этого города, которые, как говорят, содержат некоторые документы, чрезвычайно компрометирующие петергофский двор.

Все эти на вид причудливые и противоречивые действия русских объясняются несвоевременным вмешательством турецкой армии в дипломатические переговоры. Как решения, последовательно принимавшиеся дипломатами в Вене, были аннулированы подвигами турок при Олтенице, Четате и Силистрии, точно так же недавние дипломатические интриги были рассеяны общим продвижением армии Омер-паши.

«А все хитрости этих отъявленных мошенников—старого, гнилого, изъеденного мышами сыра, Нестора и помеси собаки с лисицей Улисса,— не стоят и волчьей ягоды!.. вот и оказалось, что греки утратили всю свою государственную мудрость и сделались дикарями»*.

Если бы вы проходили в субботу по улицам Лондона, то слышали бы, как все газетчики выкрикивали:

«Большая англо-турецко-французская победа над русскими при Журжеве и взятие Бухареста союзными войсками».

Причины этих торжественных оповещений вам постепенно станут ясны, когда я перейду к вопросу о новом министерском кризисе. Что касается совместных действий англо-французских сил в сражении при Журжеве, то нам известно из сообщении, полученных очередной почтой из Варны от 4 июля, что в лагерях

* Шекспир. «Троил и Крессида», акт V, сцена 4. *Ред.*

«никакого движения» не было. Согласно последним известиям из Вены от 13 июля, вспомогательные войска быстро шли на Рущук по дороге, лежащей через Шумлу, 8 июля в Рущук прибыла французская дивизия и только 9 июля туда прибыла английская дивизия. Между тем, битва при Журжеве, закончившаяся в 4 часа утра 8 июля, началась на рассвете 7 июля и после перерыва в несколько часов в середине дня продолжалась до утра. Таким образом ясно, что ни французские, ни английские войска не могли принимать участия в сражении. Турки обнаружили, что восемь русских пушек заклепаны, и тотчас же окопались вокруг Журжева. Сам город не пострадал, несмотря на гранаты, посылавшиеся турками из Рущука и с островов. После отступления русских Омер-паша выпустил обращение, призывающее жителей оставаться спокойными, так как больше никакая опасность не угрожает их городам. Журжево было занято слабым отрядом регулярных войск, так как главные силы турок расположились лагерем вокруг города и на трех островах на Дунае. Омер-паша остается в Журжеве, Саид-паша — в Рущуке. Турки господствуют над дорогой, идущей по левому берегу Дуная от Журжева до Олтеницы.

Что касается второго сражения, после которого якобы последовало взятие Бухареста, сам французский «Moniteur» говорит, что дело ограничилось небольшим поражением, нанесенным русскому арьергарду у Фрэтешти, на дороге из Журжева в Бухарест. «Moniteur» добавляет, что к туркам присоединился англо-французский корпус в 25000 человек, что силы союзников равны приблизительно 60000 человек, что князь Горчаков стоит во главе приблизительно равных сил и что можно ожидать большого сражения, которое решит судьбу Бухареста. Фрэтешти — слабо укрепленный пункт приблизительно в двенадцати милях от Журжева и в тридцати — от Бухареста. Согласно «Moniteur» сражение в этом месте произошло 11 июля, согласно же «Journal des Debats»[184] — 14 июля. Говорят, что русские потеряли в этом деле 700 человек ранеными, в том числе двух генералов.

Последний пароход, прибывший в Марсель из Константинополя, сообщает о захвате Сулинского устья Дуная английским судном «Террибл». Говорят, что он появился на рейде, разрушил русские укрепления, рассеял их гарнизон и взял в плен их командира. Мне кажется, что это известие нуждается в более авторитетном подтверждении.

Английские газеты передают слух, который, однако, не повторяется ни одной французской газетой, будто адмирал Лайонс крейсирует перед Анапой для того, чтобы поддержать

экспедицию адмирала Брюа, который, как говорят, имеет на борту 7000 человек для десанта.

Письма из Константинополя сообщают, что Порта, после представления английского и французского послов, по-видимому, согласна на немедленное возобновление торговых отношений с Грецией на следующих условиях: 1) Греция обязуется выплатить в определенные сроки военные издержки и возместить ущерб, нанесенный за последнее время повстанцами, и 2) она подпишет в течение двух месяцев торговый договор, который до сих пор отклоняла. В этом договоре признаются существующие ныне границы между Турцией и Грецией.

Из Балтики новостей нет. Газета «Hamburger Correspondent» описывает результат английской мародерской экспедиции к финским берегам и произведенное ею впечатление на финнов:

«Подтверждается, что русское правительство, убедившись после сожжения Брахестада и Улеаборга в чувствах финнов, живущих на берегах обоих заливов, распорядилось раздать оружие боеспособному населению, чтобы позволить ему оказать сопротивление каким-либо новым попыткам высадки английских отрядов. Санкционировано немедленное создание двух батальонов финских стрелков по 1000 человек в каждом и предстоит их вербовка в округах Або, Вазы и Улеаборга. Подобные батальоны должны также быть постепенно сформированы и в других провинциях».

Австрийский заем, как я и предсказывал*, превращается в принудительную контрибуцию. Теперь он должен быть весь распределен между различными владениями империи. Например, Верхняя Австрия должна подписаться на 115000000 флоринов, Нижняя Австрия — на 15000000, Вена — на 2500000, Венгрия — на 70000000 и т. д. Если русский император ничего и не добился для себя, он, по крайней мере, способствовал вовлечению всех других правительств в серьезный конфликт с их подданными по вопросу финансов. Пруссакам придется уплатить повышенный подоходный налог к 1 августа. Бонапарт тоже как будто проектирует еще заем в 500000000 франков, впечатление от которого во Франции будет особенно сильным в связи с нынешними перспективами на урожай винограда и пшеницы и наступившим — особенно в Лионе в связи с восстанием в Испании — застоем в торговле. Коалиционное министерство также намерено обратиться к карманам англичан, причем это ожидается в течение ближайшей недели.

Испанское восстание очевидно вступает в новую фазу, как явствует из воззваний Дульсе и О'Доннеля; первый из них —

* См. настоящий том, стр. 323—324. *Ред.*

сторонник Эспартеро, второй был решительным приверженцем Нарваэса, а, может быть, тайно и королевы Кристины. О'Доннель, убедившись, что в настоящее время невозможно расшевелить испанские города чисто дворцовой революцией, внезапно выставляет напоказ либеральные принципы. Его воззвание выпущено в Мансанаресе, местечке в Ламанче, недалеко от Сьюдад-Реаль. Оно гласит, что целью движения является сохранение трона, но в то же время устранение камарильи, строгое соблюдение основных законов, улучшение избирательного закона и законов о печати, уменьшение налогов, продвижение в гражданской службе в соответствии с заслугами, децентрализация и создание национальной милиции на широкой базе. Воззвание предлагает поручить провинциальным хунтам и общему собранию кортесов в Мадриде пересмотр законов. Воззвание генерала Дульсе составлено в еще более энергичных выражениях. Оно гласит:

«Нет более прогрессистов и модерадос. Все мы — испанцы, вдохновленные примером людей 7 июля 1822 года. Возврат к конституции 1837 г., поддержка Изабеллы II, пожизненное изгнание королевы-матери, отставка нынешнего министерства, восстановление мира в нашей стране —таковы цели, к которым мы стремимся любой ценой, и мы покажем это на поле чести изменникам, которых покараем за их преступное безумие».

Судя по «Journal des Debats», в Мадриде были захвачены бумаги и письма, которые якобы неоспоримо доказывают, что тайной целью повстанцев является провозглашение трона вакантным, объединение Иберийского полуострова в одно государство и предложение короны дон Педру V, принцу Саксен-Кобург-Гота. Трогательное внимание газеты «Times» к испанскому восстанию и одновременно присутствие вышеназванного дон Педру в Англии как будто показывают, что в самом деле затевается какая-то новая кобургская плутня. Испанский двор явно весьма встревожен, так как уже перепробованы всевозможные министерские комбинации; тщетно обращались к Истурису и Мартинесу де ла Роса. «Messager de Bayonne» утверждает, что граф де Монтемолен покинул Неаполь тотчас же по получении известия о восстании.

О'Доннель вступил в Андалузию и его войска пересекли Сьерра-Морену тремя колоннами: через Ла-Каролину, через Пособланко и через Деспеньясперрос. «Gaceta» признает, что полковнику Бусете удалось внезапно захватить Куэнку, благодаря чему повстанцам обеспечено сообщение с Валенсией. В этой провинции восстание в настоящее время охватило четыре или пять городов, помимо Алуры, где правительственные войска потерпели жестокую неудачу.

Утверждают также, что восстание вспыхнуло в Реусе, в Каталонии, а «Messager de Bayonne» добавляет, что имели место беспорядки и в Арагоне.

Aimes-tu le front sevère,
Du sa(i)ge Napoléon?
Aimes-tu que l'Angleterre,
T'oppose lord Palmerston?*

В этой песенке воспета погрузка французских войск, отплывающих из Кале.

Большое волнение, царившее в Лондоне с субботы до понедельника, имело в виду поставить Пальмерстона на место герцога Ньюкасла, чтобы действительно противопоставить лорда Пальмерстона царю. Большое возбуждение царило как в правительственном лагере, так и в лагере оппозиции. Было известно, что бюджет нового военного министерства будет представлен палате в понедельник вечером, и это обстоятельство предполагалось использовать для сокрушительной атаки на коалиционный кабинет и для того, чтобы водворить непобедимого Пальмерстона в военное министерство.

«В субботу около двух часов дня было созвано совещание кабинета. Министры собрались только в три. Они явились все, за исключением министра иностранных дел, задержавшегося на аудиенции у королевы. Лорд Кларендон присоединился к своим коллегам в четыре. Заседание тянулось до половины седьмого, после чего лорд Абердин немедленно проследовал во дворец к ее величеству».

Из этого взволнованного повествования «Morning Herald» видно, какие большие надежды возбудили у тори эти «важные» события. Лорд Джон Рассел пригласил своих сторонников в Уайтхолл[185] на понедельник, а г-н Дизраэли, в свою очередь, собрал членов оппозиции. Сто семьдесят девять джентльменов явились в Уайтхолл, почти истерически предвкушая те великие разоблачения, которых они ждали от Рассела. Они были весьма плачевно обмануты парламентским Скуирсом[186], который сухо заявил им, что, поскольку на очереди стоит голосование проекта военного бюджета, он ожидает от них спокойного поведения:

«Кабинету скоро понадобятся еще деньги для продолжения войны и, таким образом, вопрос о доверии или недоверии коалиционному министерству будет решен на будущей недело, когда это голосование по финансовому вопросу будет предложено палате».

Не будучи посвящен в тайны лорда Кларендона, он не смог дать им информации об иностранных делах. В результате Рассел

* — Нравится ли тебе суровый лик мудрого Наполеона? Нравится ли тебе, что Англия противопоставляет тебе лорда Пальмерстона? *Ред.*

спас все коалиционное министерство на текущую сессию; ведь если бы вотум о доверии был предложен по проекту бюджета военного министерства, то поражение означало бы победу Пальмерстона над Ньюкаслом; между тем вотум недоверия, вынесенный в связи с проектом военного бюджета в целом, был бы победой тори над объединенными вигами и пилитами — случайность, конечно, совершенно недопустимая.

Соответственно, голосование по военному министерству состоялось вчера вечером при полном спокойствии палаты и без каких-либо происшествий, кроме того, что Рассел и Пакингтон пустили в ход весь арсенал надоевших общих мест о теперешнем состоянии военного управления.

Жаль, что упрямое сопротивление королевы не дает Пальмерстону войти в военное министерство, так как с его водворением там отпал бы последний ложный предлог, пользуясь которым радикалы пока еще защищают внешнюю политику Англии.

Когда на заседании палаты общин в последнюю пятницу г-н Отуэй заявил, что намерен довести до сведения палаты случай с доктором Пейтманом, лорд Пальмерстон поднялся с места и сказал, что он готов дать любое объяснение и что все при этом будет признано «благополучным». Между тем, д-р Пейтман опубликовал в газете «Morning Advertiser» письмо, которое доказывает, что хотя в других отношениях он никогда не был сумасшедшим, он все еще продолжает верить в великодушие королевы Виктории и принца Альберта, которых он умоляет отпустить его обратно в Германию, то есть сделать именно то, что они хотят.

Подлое раболепство так называемой радикальной прессы находит свое выражение в том абсолютном молчании, которое она соблюдает в отношении этого беспримерного случая, когда на основе lettre de cachet* человека заживо похоронили на восемнадцать лет только потому, что он имел несчастье знать кое-что о королевских и аристократических связях с немецкими горничными.

Написано К. Марксом 18 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4147, 3 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

* — приказа о заточении без суда и следствия. *Ред.*

К. МАРКС

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. — ТУРЦИЯ И ГРЕЦИЯ

Лондон, пятница, 21 июля 1854 г.

«Ne touchez pas a la Reine» (не касайтесь королевы) — гласит старинное кастильское изречение; однако авантюристка г-жа Муньос и дочь ее Изабелла слишком давно превысили все права, предоставленные даже кастильским королевам, чтобы испанский народ не утратил своего суеверного верноподданничества.

Пронунсиаменто 1843 г.[187] продолжалось три месяца, пронунсиаменто 1854 г. едва ли более трех недель. Министерство распущено, граф Сан-Луис бежал, королева Кристина пробирается к французской границе, а в Мадриде как войска, так и гражданское население высказались против правительства.

С начала столетия все испанские революции, за исключением движения в защиту провинциальных и местных привилегий, периодически вспыхивающие в северных провинциях, отличались удивительным единообразием: за каждым дворцовым заговором следуют военные мятежи, которые неизменно влекут за собой муниципальные пронунсиаменто. Это явление имеет две причины. Во-первых, мы видим, что, поскольку народная жизнь не выходит за рамки отдельных провинций, в той сфере, которую мы называем государством в современном смысле слова, армия является единственной силой, которая может в национальном масштабе противостоять двору. Во-вторых, особое положение Испании и война на Пиренейском полуострове[188] создали условия, при которых все жизнеспособное в испанской нации могло сконцентрироваться только в армии. Вот почему единственные проявления национального чувства (в 1812 и в 1822 гг.[189]) исходили от армии; и вот почему наиболее активная

часть нации привыкла видеть в армии естественное орудие всякого национального восстания. Однако в тревожное время с 1830; до 1854 г. городское население Испании постепенно убедилось в том, что армия уже не служит делу нации, а превратилась в орудие соперничества честолюбивых генералов, стремившихся установить свою опеку над двором. В соответствии с этим мы видим, что движение 1854 г. сильно отличается даже от движения 1843 года. Народ видел в emeute* генерала О'Доннеля что угодно, только не заговор против господствующего влияния при дворе, тем более, что этот мятеж пользовался поддержкой фаворита в отставке Серрано. Поэтому города и села не решались откликнуться на призыв, исходивший от кавалерии в Мадриде; вот почему генерал О'Доннель был вынужден совершенно изменить характер своих действий, дабы не остаться изолированным и не обречь себя на неудачу. Он был вынужден включить в свое воззвание три пункта, в равной мере направленных против верховенства армии: созыв кортесов, дешевое правительство и образование национальной милиции; последнее требование вызвано стремлением городов снова стать независимыми от армии. Итак, несомненно, что военное восстание получило поддержку народного восстания лишь ценой подчинения его условиям. Посмотрим, будет ли оно вынуждено сохранить верность этим условиям и выполнить данные обещания.

За исключением карлистов[190], все партии выдвинули свои лозунги — прогрессисты, сторонники конституции 1837 г., сторонники конституции 1812 г.[191], унионисты (требующие аннексии Португалии) и республиканцы. Сообщения о последней партии следует принимать с осторожностью, поскольку они проходят цензуру парижской полиции. Наряду с борьбой между партиями разгорается соперничество между военными вождями. Эспартеро, услыхав об успехах О'Доннеля, тотчас же покинул свое убежище в Леганесе и провозгласил себя главой движения. Но едва Цезарь-Нарваэс узнал о выступлении своего старого Помпея, он тотчас же предложил свои услуги королеве; предложение было принято, и Нарваэсу предстоит образовать новое министерство. Подробности, сообщаемые мной дальше, показывают, что далеко не везде военные захватили инициативу; напротив, кое-где им пришлось уступить непреодолимому давлению населения.

Помимо пронунсиаменто в Валенсии, о чем я писал в предыдущей статье**, было еще пронунсиаменто в Аликанте. В Андалузии пронунсиаменто произошли в Гранаде, Севилье и Хаэне.

* — мятеже. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 340. *Ред.*

В Старой Кастилии имело место свое пронунсиаменто в Бургосе; в Леоне— в Вальядолиде; в Бискайе — в Сан-Себастьяне и Витории; в Наварре — в Толосе и Памплоне; в Арагоне — в Сарагосе; в Каталонии — в Барселоне, Таррагоне, Лериде и Жероне; говорят также, что пронунсиаменто было на Балеарских островах. В письме из Картахены от 12 июля, согласно которому ожидалось пронунсиаменто в Мурсии, читаем:

«В силу bando*, обнародованного местным военным губернатором, все жители Картахены, владеющие ружьями и иным оружием, обязаны в течение 24 часов сдать его гражданским властям. По просьбе французского консула, проживающим здесь французам разрешено сдать оружие в консульство, по примеру 1848 года».

Из всех этих пронунсиаменто только четыре стоят того, чтобы на них остановиться, это — пронунсиаменто в Сан-Себастьяне, Бискайя, в Барселоне, столице Каталонии, в Сарагосе, столице Арагона, ив Мадриде.

В Бискайе инициаторами пронунсиаменто были муниципалитеты, в Арагоне — военные. Муниципалитет Сан-Себастьяна уже готов был высказаться в пользу восстания, когда раздалось требование вооружить народ. Город немедленно был вооружен. До 17 июля не удавалось склонить два батальона, составляющие гарнизон, присоединиться к народу. Но после того, как городское население и военные объединились, 1000 вооруженных горожан в сопровождении некоторого количества войск двинулись к Памплоне и организовали восстание в Наварре. Именно появление вооруженных горожан Сан-Себастьяна облегчило восстание столицы Наварры. Генерал Сабала примкнул к движению позже и отправился в Байонну, призывая солдат и офицеров Кордовского полка, бежавших туда после своего недавнего поражения при Сарагосе, тотчас вернуться на родину и присоединиться к нему в Сан-Себастьяне. Согласно некоторым сообщениям, он затем пошел на Мадрид, чтобы предоставить себя в распоряжение Эспартеро; между тем по другим источникам, он пошел на Сарагосу, имея в виду соединиться с арагонскими повстанцами. Генерал Масарредо, командующий в баскских провинциях, отказался от участия в пронунсиаменто в Витории и был вынужден перейти во Францию. Войска генерала Сабалы состоят из двух батальонов Бурбонского полка, батальона карабинеров и отряда кавалерии. В заключение своего рассказа о баскских провинциях сообщаю, в качестве характерной детали, что бригадный генерал Барастеки, назначенный губернатором провинции Гипускоа, является одним из бывших адъютантов Эспартеро.

* — приказа. *Ред.*

В Барселоне инициатива была, по-видимому, захвачена военными, однако, судя по полученным нами дополнительным сведениям, весьма сомнительно, чтобы эта инициатива была вполне добровольна. 13 июля в 7 часов пополудни солдаты, расквартированные в казармах Сан-Пуэбло и Буен-Сусесо, подчиняясь требованиям народной демонстрации, объявили пронунсиаменто под возгласы: Vive la Reine! Vive la Constitution!* Смерть министрам! Долой Кристину! Побратавшись с толпой и пройдя с ней вместе по набережной, солдаты остановились на площади Конституции. Кавалерия, которую в течение последних шести дней не выпускали из Барселонеты из-за недоверия к ней военного командования, в свою очередь провозгласила пронунсиаменто. С этого момента весь гарнизон перешел на сторону народа и всякое противодействие со стороны властей стало невозможным. В 10 часов общему давлению уступил военный губернатор генерал Марчеси, а в полночь командующий военным округом Каталонии объявил свое решение примкнуть к движению. Он явился на площадь Аюнтаментос и произнес речь перед собравшимся там народом. 18 июля была сформирована хунта, в которую вошли командующий военным округом и другие видные лица под лозунгом: «Конституция, королева и нравственность». Далее из Барселоны сообщают, что по приказу новых властей несколько рабочих были расстреляны за то, что ломали машины и посягнули на собственность, а также, что был арестован республиканский комитет, собравшийся в соседнем городе; впрочем, не надо забывать, что эти сообщения прошли через руки «правительства 2 декабря»[192], особым призванием которого является клевета на рабочих и республиканцев.

В Сарагосе, говорят, инициатива исходила от военных; однако утверждение это опровергается дополнительным замечанием, что тут же было постановлено сформировать корпус милиции. Во всяком случае известно, и сама мадридская «Gaceta» это подтверждает, что еще до пронунсиаменто в Сарагосе 150 солдат Монтосского кавалерийского полка, направлявшиеся в Мадрид и расположившиеся на ночлег в Торрехоне (в пяти лигах** от Мадрида), подняли восстание и бросили своих командиров, которые прибыли в Мадрид 13 июля вечером с полковой казной. Солдаты под командой капитана Барайбана сели на коней и двинулись по дороге к Уэте, намереваясь, как предполагают, соединиться с отрядом полковника Бусеты в Куэнке. Что же касается Мадрида, против которого якобы двигаются

* — Да здравствует королева! Да здравствует Конституция! *Ред.*
** Лига = 4,83 *км. Ред.*

Эспартеро с «армией центра» и генерал Сабала с северной армией, то совершенно понятно, что город, живущий за счет двора, присоединяется к восстанию в последнюю очередь. «Gaceta» опубликовала еще 15 июля бюллетень военного министра, в котором утверждается, что мятежники бегут, а преданность и энтузиазм войск возрастают. Граф Сан-Луис, который, по-видимому, очень верно оценил положение в Мадриде, заявил рабочим, что генерал О'Доннель и анархисты лишат их всякой работы, тогда как в случае победы правительство займет всех рабочих на общественных работах с оплатой по 6 реалов (75 центов) в день. Этим маневром Сан-Луис надеялся завербовать под свое знамя наиболее легко возбудимую часть мадридского населения. Однако его действия были так же успешны, как действия партии «National» в Париже в 1848 году[193]. Приобретенные им таким образом союзники вскоре превратились в его опаснейших врагов, ибо средств, предназначенных для их оплаты, хватило на шесть дней. Насколько правительство опасалось пронунсиаменто в столице, показывает воззвание генерала Лары (губернатора), запрещающее распространять какие-либо сведения об успехах восстания. Далее, тактика генерала Бласера, по-видимому, ограничивалась стремлением предупредить всякий контакт между повстанцами и войсками, дабы зараза не проникла в ряды последних. Говорят, что первоначальный план генерала О'Доннеля предусматривал встречу с правительственными войсками на равнинах Ламанчи, столь удобных для действий кавалерии. Однако прибытие экс-фаворита Серрано, поддерживавшего связи с некоторыми из главных городов Андалузии, заставило отказаться от этого плана. Тогда армия конституционалистов решила не оставаться в Ламанче, а идти на Хаэн и Севилью.

Заметим, en passant*, что boletinos* генерала Бласера необычайно напоминают приказы по службе испанских генералов XVI века, над которыми так потешался Франциск I, и приказы XVIII века, которые высмеивал Фридрих Великий.

Ясно, что это испанское восстание неизбежно станет источником разногласий между правительствами Франции и Англии; а сообщение одной французской газеты, будто генерал О'Доннель перед началом восстания скрывался во дворце британского посла, едва ли ослабит недоверие Бонапарта к Англии. В отношениях между Бонапартом и Викторией начинает уже накапливаться раздражение. Бонапарт ожидал встретить королеву при погрузке своих войск в Кале, но ее величество ответила на это желание тем, что в тот самый день посетила бывшую королеву

* — между прочим. *Ред.*
* — бюллетени. *Ред.*

Амелию. Кроме того, когда английских министров запросили в парламенте, почему не проводится блокада Белого, Черного и Азовского морей, они в оправдание сослались на союз с Францией. На это Бонапарт ответил в «Moniteur» объявлением о блокаде названных морей, не дожидаясь получения формального согласия Англии. Наконец, так как погрузка французских войск исключительно на британские суда произвела дурное впечатление во Франции, Бонапарт опубликовал список французских судов, предназначенных для той же цели, и использовал их.

Порта вручила представителям четырех союзных держав ноту относительно разрешения греческим торговым кораблям снова входить в турецкие гавани. Это разрешение будет действительно в течение двух месяцев, при условии, что греческое правительство не допустит никаких действий, которые могли бы вызвать его отмену. Если по истечении этого срока греческое правительство не даст надлежащего удовлетворения Порте, последняя оставляет за собой право восстановить нынешнее status quo. Греческие корабли в турецких гаванях будут подчиняться местным властям и не могут апеллировать к покровительству других держав. В течение двух месяцев должны быть выработаны основы для заключения соглашения и торгового договора. Вознаграждение, которого требует Порта за огромные убытки, причиненные греческим восстанием, должно быть определено третейским судом по докладу комиссии, которая произведет расследование на местах и будет состоять из французов, англичан, турок и греков.

Шамиль официально получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армии.

Три драгомана, служившие во французской армии, были расстреляны в Варне, будучи изобличены в сношениях с русскими. Двое из них—греки и один армянин. Перед казнью один из них проглотил документ компрометирующего характера.

Нам сообщают из Германштадта 16 июля, что в районе Фрэтешти еще не было никаких столкновений.

Сообщение о прибытии союзных войск в Рущук оказалось, разумеется, ложным, и при нынешних условиях их задача будет заключаться только в том, чтобы сдерживать, как выражается «Times», варварское ожесточение победоносных турок.

Написано К. Марксом. 21 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4148, 4 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ В ПАРЛАМЕНТЕ

Лондон, вторник, 25 июля 1854 г.

На вечернем заседании палаты общин в прошлую пятницу в ответ на запрос г-на Дизраэли лорд Дж. Рассел заявил, что ее величеству было угодно отдать приказ о роспуске палаты, в связи с чем он предполагает внести в понедельник предложение о голосовании кредитов на сумму 3000000 фунтов стерлингов; созывать комитет по изысканию средств нет необходимости. На вопрос г-на Дизраэли, будет ли в этом году осенняя сессия парламента, лорд Джон не ответил. Испрашиваемые кредиты были соответственно вотированы единогласно на заседаниях обеих палат, состоявшихся вчера.

В палате лордов в защиту кредитов выступил лорд Абердин, произнесший при этом самую короткую, сухую и банальную из всех речей, которыми он осчастливил нас с тех пор, как занял пост премьера. Ему приходится, сказал он, просить три миллиона, и он уверен, что лорды не будут возражать, Они могут расходиться во взглядах, но все они должны быть единодушны в том, что «необходимо одобрить все те меры, которые лучше всего могут привести к быстрому и успешному окончанию воины». А для этой цели требуются, прежде всего, «активные и энергичные усилия Англии и Франции совместно с другими державами». Лорд Абердин не сказал, имеет ли он в виду военные или дипломатические усилия; он даже не исключил Россию из числа «других держав», совместно с которыми должны действовать Англия и Франция. Ввиду предстоящего роспуска парламента тем более важно обеспечить правительство деньгами. Возможно, что кое-кто из благородных лордов предпочел бы доверить деньги не ему, а в иные руки, но такие капризные

желания не должны иметь место там, где речь идет о деле. Дело, и дело неотложное, заключается в том, чтобы вотировать три миллиона фунтов стерлингов.

Граф Элленборо, отличающийся особым даром всегда говорить невпопад, «полагает, что сейчас представляется наиболее удобный случай рекомендовать правительству соблюдать самую тщательную экономию во всех ведомствах гражданского управления, не имеющих отношения к войне».

Граф Хардуик считает, что в Балтийском море находится чрезвычайно сильная эскадра, готовая к любой неожиданности, что в Черном море находится такая же эскадра, самая многочисленная из всех экспедиционных армий, когда-либо отправлявшихся от берегов Англии. Он не знает, как намерено правительство использовать эти силы, а потому он призывает всех благородных лордов предоставить требуемые кредиты.

Граф Фицуильям, виг, находящийся не у дел, протестовал против «утверждения, будто из всех европейских стран наша страна наиболее обременена налогами; следовало бы, наоборот, сказать, что у нас на народ ложится гораздо меньшее бремя, чем в какой-либо другой части европейского сообщества». Если бы благородный лорд сказал это о лордах, а не о народе, он был бы прав. «Что касается речи моего благородного коллеги, возглавляющего правительство», то никогда еще в подобных случаях не было произнесено речи, «о которой с большим основанием можно было бы сказать, что она не сообщила палате почти ни одной новой идеи», а благородный лорд должен был бы лучше знать, каковы потребности палаты по части идей. Граф Фицуильям хотел бы узнать у лорда Абердина, кто эти «другие державы», о совместных действиях с которыми он так хлопочет? Может быть, Австрия? Он опасается, как бы эта держава не склонила английское правительство к мысли, что некоторые второстепенные вопросы, вроде эвакуации Дунайских княжеств или свободы судоходства на Дунае, могут явиться достаточным поводом для заключения мира. (Смехотворное опасение, потому что никто, конечно, не склонит лорда Абердина к предъявлению таких чрезмерных требований.) Граф хотел бы также знать, что следует понимать под целостностью Турции, то ли, что под этим термином понимает Адрианопольский договор, или нечто другое? В заключение он заметил, что палата находится в чрезвычайно странном положении, так как парламент не получил никаких сведений о намерениях правительства. Ввиду всех этих соображений он будет голосовать за кредиты.

Маркиз Кланрикард, настроение которого становится все более мрачным, по мере того как с каждым днем он все больше от-

даляется от министерского поста, потребовал в награду за беспримерную терпимость, проявленную им до сих пор к правительству, хотя бы некоторых разъяснений относительно того, какие успехи достигнуты и какой курс был принят со времени затребования предыдущих кредитов; он хотел бы хоть что-нибудь узнать об условиях и перспективах войны и о взаимоотношениях страны с ее союзниками. Некоторые успехи достигнуты турками, но не британским правительством и не британским оружием, что впрочем не помешает ему произнести похвальное слово мужеству английских моряков в Балтийском и Черном морях. Что касается отношений с союзниками, то он намерен внести предложение об оглашении последнего договора, заключенного между Турцией и Австрией, а также других документов, могущих пролить свет на настоящее положение.

«Из получивших широкое распространение слухов явствует, что благодаря давлению и настояниям британского правительства Диван, который прежде был против этого, и турецкий посланник недавно заключили с Австрией соглашение, в силу которого австрийские войска должны войти в Дунайские княжества и занять часть Турецкой империи».

Как же случилось, что в минуту опасности Австрия вместо того, чтобы спешно двинуть свои силы, воздержалась от этого и начала новые переговоры? Оратор хотел бы также знать, продолжаются ли венские совещания и какие вопросы на них обсуждаются. В общем он находит, что Англия слишком зависима от германских держав.

В доказательство того, что Австрия «должна» быть наилучшим союзником, лорд Кларендон показал, как Россия окружает различные ее территории и запугивает ее. Австро-турецкий договор не мог быть предъявлен палате, так как до сих пор еще не получен его ратифицированный экземпляр. Лорд Кларендон считает возможным заверить палату, что недалеко то время, когда Австрия будет действовать совместно с Англией, но, «впрочем, он ни за что не ручается». Тем не менее, исходя из общей характеристики Австрии и из того факта, что Кларендон управляет министерством иностранных дел, благородные лорды могут сделать самые утешительные заключения. Лорд Кларендон, дважды уличенный в самой бесстыдной лжи, естественно ожидает теперь абсолютного доверия к своему заявлению, что

«правительство не намерено вернуться к status quo и не намерено также удовлетвориться наскоро состряпанным миром, который был бы только гнилым перемирием и сделал бы неизбежной новую войну».

Показав такой блистательный образец своей собственной высокой просвещенности, лорды естественно перешли к вопросам народного образования — и на этом мы с ними расстанемся.

Во время прений в палате лордов палата общин занималась какими-то, незначительными вопросами, пока ей не было сообщено о речи лорда Абердина, которая произвела «неприятное впечатление». Лорд Джон Рассел тотчас же почувствовал, что необходимо произвести обратное впечатление.

Когда правительство собиралось потребовать первой чрезвычайной субсидии, оно пустило в ход «великолепный» балтийский флот; поводом для второй субсидии должна была явиться знаменитая бомбардировка Одессы; теперь в качестве пароля был выбран Севастополь.

Лорд Джон начал с того, что отдал должное «патриотическому» духу палаты, проявившемуся в ее щедром отклике на первые просьбы правительства о субсидиях, и поблагодарил палату за то, что она до сих пор воздерживалась от того, чтобы ставить правительству затруднительные вопросы. Это дало возможность достигнуть многого, очень многого—обеспечено большое количество судов и людей. Англия имеет теперь 17 пароходов первого, второго и третьего ранга вместо одного, которым она располагала к 1 января 1853 г., 17 парусных линейных судов, вместо 11, и морские военные силы численностью в 57200 человек, вместо 33910. Кроме того, на турецком побережье высажен корпус, насчитывающий свыше 30000 солдат, «многие из которых были недавно в Варне». Так обстоит дело с военными ресурсами. Что же касается военных операций, то они еще

«только начались, и пока можно только сказать, что турецкая армия совершила чудеса храбрости. Теперь никто не скажет, что русский император может одним щелчком ниспровергнуть всю оттоманскую державу. Наряду с блестящими подвигами турок славу этой войны составляет полное единение и гармония французской и английской армий».

Перейдя затем к вопросу об испрашиваемых кредитах, лорд Джон заявил, что он не может в точности объяснить депутатам, на что именно требуются деньги. Какие-нибудь два миллиона могут понадобиться на интендантство, артиллерию и транспорты; кроме того, к британской армии, может присоединиться крупное подразделение турецких войск, жалованье которому будет выплачиваться британским правительством. В общем, однако, деньги испрашиваются у палаты не на основании каких-нибудь подробных смет, но для использования правительством «по мере необходимости».

Австрия, заявил благородный лорд, еще больше заинтересована в защите Турции, чем даже Франция или Англия. Утвердив свое господство над Дунайскими княжествами и приобретя преобладающее влияние в Турции, царь целиком бы подчинил себе австрийское правительство. Но чтобы правильно судить

об Австрии, необходимо помнить, в каких трудных условиях она находится. Русские войска в нескольких пунктах могут близко подойти к австрийской столице, а, с другой стороны, в некоторых подчиненных Австрии областях положение настолько тревожно, что вступить в войну было бы для нее опасно. Поэтому она и старалась, пока это было возможно, добиться разрешения этих вопросов путем переговоров. Но недавно она отправила послание императору Россия, ответ которого нельзя назвать уклончивым.

«Во-первых, Россия не изъявляет готовности назначить какой-либо срок для эвакуации Дунайских княжеств. Она полагает, что коль скоро война объявлена, коль скоро Англия и Франция приняли участие в ней и превосходят Россию силами в Черном и Балтийском морях, в то время как русский военный флот не покидает своих портов, — в качестве театра военных действий остаются только Дунайские княжества и судоходство на Дунае, где Россия может надеяться восстановить равновесие и успехами своего оружия добиться победы. Поэтому она отказывается эвакуировать Дунайские княжества на подобных условиях».

Россия была готова принять принципы, изложенные в протоколе от 9 апреля, за исключением пункта о допущении Турции в содружество европейских держав. Что касается дальнейшего поведения Австрии, то лорд Джон думает, что ее нынешняя политика ошибочна, но в то же время он не может поверить, чтобы она изменила принятым на себя обязательствам. Согласно этим обязательствам, заключенным с западными державами и Турцией, Австрия обязалась принять участие в попытке дать отпор России. Возможно, однако, что она попытается снова добиться более благоприятного ответа из С.-Петербурга. Союзники. конечно, не могут контролировать правительственные органы Австрии, так же как и Австрия не может контролировать прусского короля. Ясно, таким образом, что для всех держав имеются самые благоприятные условия для совместного выступления против России.

Затем лорд Джон перешел к подробному и восторженному изложению того, что намерены предпринять Англия и: Франция. Целостность Турции несовместима с возвращением к status quo в Дунайских княжествах. Лорд Джон заявил:

«Но, милостивый государь, еще и с другой стороны позиция России угрожает независимости и целостности Турции. Я имею в виду создание сильной крепости, оборудованной по всем правилам искусства, неприступной, насколько это возможно для военного искусства, и имеющей в своем порту крупнейший флот из линейных судов, готовых в любую минуту отплыть с попутным ветром к Босфору. Я считаю такое положение настолько угрожающим для Турции, что никакой мирный договор не мог бы быть признан удовлетворительным, если бы он оставил за русским императором эту угрожающую позицию. (Шумные аплодисменты.) Мы

будем готовы и впредь, как мы были готовы до сих пор, обсудить этот вопрос с правительством Франции, и я имею все основания думать, что правительство императора французов вполне солидарно с нами в этом пункте». (Аплодисменты.)

Относительно предложения г-на Дизраэли об осенней сессии лорд Джон сказал, что он «отказывается принимать от членов этой-палаты какие-либо условия, ограничивающие свободу министров».

Было бы утомительно и излишне передавать все соображения, высказанные по этому поводу Юмами, Банксами, Найтами, Алкоками и tutti quanti*.

Г-н Кобден, поверив словам лорда Джона и вообразив, что он превратил палату в военный совет, весьма усердно старался показать, почему Севастополь и Крым ни в коем случае не должны быть взяты. Более интересную тему он затронул, поставив вопрос, не находится ли Англия в союзе с правительствами против народов; глубоко заблуждаются люди, воображающие, будто война была предпринята в защиту угнетенных национальностей; в действительности она ведется для того, чтобы сделать еще крепче цепи, которые удерживают Венгрию и Италию под властью Австрии. В палате есть почтенные, но введенные в заблуждение депутаты, которые

«заявляют, что правительство ведет войну не так, как следовало бы, что оно должно было бы поставить другого человека во главе военного ведомства, иногда даже говорили — во главе правительства. Таким человеком они считают лорда Пальмерстона. И все это делается якобы в интересах Венгрии и итальянцев. А между тем оратор слышал из уст двух крупнейших вождей венгерского и итальянского народов, что не только они не возлагают надежд и упований на этого лорда, но им, напротив, известно, что, когда он имел возможность оказать им моральную поддержку, он не пожелал даже шевельнуть пальцем в их защиту. Если есть в нынешнем английском правительстве человек, которому эти вожди склонны доверять меньше, чем кому бы то ни было, то это как раз и есть благородный лорд. Кобден не думает, чтобы благородный лорд сознавал тот великий обман, который творился от его имени, но теперь иллюзия, к счастью, развеялась».

Г-н Лейард и лорд Дадли Стюарт ограничились повторением своих прежних речей; лорд Дадли прибавил только, что его вера в магическую силу имени «Пальмерстон» теперь «более крепка, чем когда-либо».

Г-ну Дизраэли выпало на долю одним дуновением уничтожить весь мыльный пузырь речи лорда Джона. Вкратце обосновав свое предложение об осенней сессии ссылкой на Синоп и другие подвиги, имевшие место во время последних осенних

* — им подобными. *Ред.*

каникул, он заявил, что сообщение о предстоящем разрушении Севастополя и завоевании Крыма изумило, ошеломило и встревожило его до крайности. Лорд Джон что-то возразил, не вставая с места; но г-н Дизраэли, сев в свою очередь, однако, заставил его дать объяснения. Тогда лорд Джон заявил робким и смущенным голосом:

«Я могу только сказать, что я только сказал, что России, на мой взгляд, нельзя позволить дольше сохранять ту угрожающую позицию, которую она заняла, содержа такой обширный флот в Севастополе».

Исторгнув у лорда Джона это признание, г-н Дизраэли разразился одной из своих самых резких и саркастических речей, которую весьма стоит прочитать in extenso* и которую он закончил следующими словами:

«В самом деле, после того, что мы слышали, было бы весьма несправедливо проводить, как это иногда делают, тонкое различие между политикой лорда Абердина и политикой некоторых из его коллег. Я не поклонник и не сторонник лорда Абердина, но я не поклонник и той парламентской политики, которая считает нужным обелять одних членов кабинета за счет других. После объяснения, данного благородным лордом относительно того, что именно он сказал, видно, что его политика в русском вопросе по существу ничем не отличается от политики лорда Абердина, и это в конце концов должно дать некоторое удовлетворение английскому народу. Значит, у нас нет раскола в кабинете; настоящая сессия заканчивается, по крайней мере, при полном единодушии министров по этому вопросу. И в том, что война должна вестись ради малых целей, что великие политические замыслы должны привести к жалким и ничтожным результатам, — в. этом пункте коалиционное правительство оказывается единодушным».

Шутки лорда Пальмерстона не произвели никакого впечатления. После речи г-на Дизраэли и выступлений многих других членов палаты, заявлявших, что они были введены в заблуждение первой речью лорда Джона, предложение о предоставлении средств было утверждено, -но с тем условием, что прения будут продолжены сегодня вечером. В то же время лорд Дадли Стюарт сообщил, что он намерен предложить обратиться с адресом к королеве, «прося ее всемилостивейше отложить роспуск парламента до того момента, когда она сможет дать палате более полную информацию о взаимоотношениях с иностранными державами и о своих взглядах и планах в той борьбе, в которую ее величество вовлечено».

Написано К. Марксом 25 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4150, 7 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — полностью. *Ред.*

К. МАРКС

* ПОЛИТИКА АВСТРИИ. — ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ В ПАЛАТЕ ОБЩИН

Лондон, пятница, 28 июля 1854 г.

В одной из моих предыдущих статей* я дал вам анализ австро-турецкого договора от 14 июня и указал, что целью этой любопытной дипломатической сделки является, во-первых, дать повод армии союзников не переходить Дуная и не приходить в соприкосновение с русскими; во-вторых, помешать туркам снова занять всю Валахию и вытеснить их из уже завоеванной ее части; в-третьих, восстановить в Дунайских княжествах прежний реакционный режим, навязанный румынам Россией в 1848 году. Сейчас мы действительно узнаем из Константинополя, что Австрия заявила протест против намерений Омер-паши перейти Дунай; что она претендует на исключительное право оккупации Дунайских княжеств и на право закрыть туда доступ не только англо-французских войск, но даже и турок. В ответ на этот протест Порта якобы приказала Омер-паше в настоящее время не переходить Дунай, но в принципе отказалась признать исключительное право Австрии на оккупацию Дунайских княжеств; злополучный Решид-паша, кое-чему уже научившийся у своего учителя и покровителя лорда Пальмерстона, конечно, не имеет серьезных возражений против того, чтобы допустить на деле то, что он отвергает в принципе. Можно подумать, что Австрия уже нарушила и фактически аннулировала договор 14 июня тем, что не вступила в Валахию в тот момент, когда русская армия в беспорядке отходила в трех различных направлениях и, не отступив сразу за Серет, была с фланга и с тыла открыта для австрийского нападения. Но нужно вспомнить,

* См. настоящий том, стр. 305—306. *Ред.*

что по условиям этого знаменитого договора Австрия не обязана ни вступить немедленно в Дунайские княжества, ни очистить их к определенному сроку, ни даже заставить русских эвакуировать их в течение какого-либо установленного срока. Теперь сообщают, что австрийцы действительно вступают в Малую Валахию, а русские отзывают свои войска с Карпатских перевалов и концентрируют их в Фокшанах. Это, однако, только означает, что австрийцы, вместо того чтобы вытеснить русских из Большой Валахии, решили прогнать турок из Малой Валахии и помешать таким образом их действиям у берегов Алюты. Нельзя было придумать лучшего плана для того, чтобы вызвать восстание в турецкой армии, чем удаление ее из области, завоеванной ею, и занятие Болгарии англо-французскими войсками, которые, тщательно уклоняясь от столкновения с русскими, держат Турцию чуть ли не в осадном положении. Это ясно из совместного воззвания английского и французского командования к населению Болгарии, — воззвания, почти дословно списанного у Будберга, Горчакова и tutti quanti*. Я уже давно предсказывал вам, что западные державы окажут делу прогресса одну услугу — они революционизируют Турцию, этот краеугольный камень устаревшей европейской системы.

Австрия не только оспаривает стремление турок оккупировать турецкие области, но и требует восстановления в правах обоих господарей, которые сейчас проживают в Вене и вместе с австрийскими войсками должны возвратиться в Молдавию и Валахию, о чем г-н фон Брук довел до сведения Порты. Решид-паша отвечает, что Порта обсудит, насколько уместно восстанавливать их в правах, по г-н фон Брук, со своей стороны, настаивает на соблюдении 3-й статьи договора, оговаривающей восстановление старого правительства. Читатели, может быть, помнят, что я обратил в свое время их внимание на двусмысленную редакцию этой статьи**. Решид-паша на это возражает, что восстановление господарей в правах не может иметь места, пока Порта не убедится в том, что они не нарушили своего верноподданнического долга. Против молдавского князя Гики Порта не имеет серьезных возражений, но поведение Штирбея, валашского господаря, носило очень вызывающий характер: он самым скандальным образом выступал как сторонник России, и его изгнание стало для Порты обязательным. Тогда г-н Брук апеллировал к султану. Последний созвал чрезвычайный совет, выработавший компромисс, согласно которому оба господаря

* — им подобных. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 306. *Ред.*

временно возвращаются на свои посты, а Порта назначает верховного комиссара для расследования их поведения, после чего будет принято окончательное решение. Князь Гика, против которого Решид якобы не имеет серьезных возражений, разумеется, лишь номинально возвращается к власти, поскольку Молдавия остается в руках русских. Напротив, возвращение князя Штирбея, которого Порта сама прогнала и заклеймила как русского агента, является реальным фактом, так как часть Валахии уже эвакуирована русскими, а остальная часть будет, по-видимому, эвакуирована в скором времени.

Но деятельность австрийской дипломатии этим не ограничивается. Во вчерашней «Morning Post» мы читаем следующую телеграмму из Белграда от 19 июля:

«Вчера из Константинополя получен приказ немедленно прекратить дальнейшее вооружение и все военные учения. Конфиденциально сообщают, что последует другой приказ — о разоружении. Эти сведения были немедленно переданы князю Александру».

Итак, вот ответ Порты на сербский протест против австрийской оккупации. Так жалкое турецкое правительство лишается возможности оказать сопротивление своему открытому врагу и одновременно вовлекается во враждебные и узурпаторские действия по отношению к своим собственным, оставшимся лояльными вассалам. Договором 14 июня турецкое правительство разорвало свое соглашение с Дунайскими княжествами, а приказом о разоружении нарушило основные законы Сербии. Так один и тот же политический ход создает угрозу восстания в турецкой армии и толкает Сербию и Дунайские княжества в объятия России. Австрийские требования об эвакуации Дунайских княжеств превращаются в запрет туркам вступить в эти княжества, а пресловутые военные приготовления Австрии — в разоружение Сербии.

Глупая Австрия, являясь простым орудием в руках царя и его английских сообщников, лишь подготовляет элементы всеобщей революции, первой жертвой которой явится она сама и сожалеть о наступлении которой могут только утопические реакционеры вроде Давида Уркарта.

Читатели уже знают о начавшемся движении в Италии. Газеты сообщают о волнениях в Генуе, Модене, Парме и др. Но, по моему мнению, больше, чем все остальное, напоминают всеобщее восстание 1848 года события, происшедшие в Ферраре.

Насколько я с самого начала правильно охарактеризовал «патриотический добровольный» заем надменного и терпящего банкротство австрийского правительства, читатели увидят из

недавнего воззвания барона Бургера к верноподданным Ломбардии. В нем сообщается, что доля добровольного займа, которую должна выложить Ломбардия, определяется в 40000000 флоринов, что соответствует 104400000 франков; если эту сумму разделить на число населения, то на каждого человека придется 40 франков.

«Этот добровольный заем», — пишет «Unione», — «превращается в гигантскую контрибуцию: каждая провинция, каждый муниципалитет, каждое отдельное лицо *должны* уплачивать определенную долю *добровольно»*.

Для того чтобы более не оставалось никакого сомнения в истинном характере этого «добровольного» займа, воззвание барона Бургера заканчивается следующими словами:

«Каждому должно быть ясно, что в случае неуспеха добровольного займа будет наложена чрезвычайная и принудительная контрибуция, которая ляжет соответственным образом на различные виды доходов с земли, капитала, торговли и промышленности».

На заседании палаты общин в понедельник председатель Тайного совета и лидер палаты* взял слово, якобы с целью подробно изложить намерения кабинета, а шестью часами позже, — факт небывалый в летописях парламента, — с того же самого места полностью все взял обратно. В 7 часов вечера он заявил, что Севастополь, подвергшийся бомбардировке, разрушен и отторгнут от России; в 1 час 15 мин. пополуночи — что русский флот в Севастополе потерял одно или два линейных судна, а «Россия в настоящее время сохраняет весь свой престиж и свое положение». В течение шести часов маленький Джонни* бранился, важничал, хвастался, шумел, буянил, поздравлял и врал перед членами палаты общин. В продолжение шести часов он заставлял их носиться в эмпиреях, но достаточно было острого словечка г-на Дизраэли, чтобы этот пузырь лопнул и мнимый лев вынужден был снова покрыть свои плечи привычной телячьей шкурой. Для министерства это был «день унижения», но свое предложение о трех миллионах фунтов оно провело.

На заседании во вторник происходили дебаты по внесенному лордом Стюартом предложению об отсрочке роспуска парламента. Ассигнования уже были утверждены голосованием; что же еще оставалось делать, как не принять вотум доверия министерству? Так как достопочтенные члены палаты все это понимали, то на заседании присутствовало мало членов палаты, дебаты были вялые, министерство вело себя более вызывающе,

* — Джон Рассел. *Ред.*

чем когда-либо, и предложение Дадли Стюарта было отвергнуто единогласно. Министерство ухитрилось превратить свой собственный позор в победу над членами палаты общин. Это был «день унижения» для парламента. И все же заседание оказалось заслуживающим внимания благодаря защите военного ведомства, представленного г-ном Гербертом, британским секретарем по военным делам и шурином Воронцова, благодаря нескромности лорда адмиралтейства Беркли и благодаря высокомерным тирадам маленького Джонни о положении внутри английского министерства.

Г-н Герберт, человек с изящной головкой, бывший «молодой тори», ответил на жалобы относительно неудовлетворительной организации интендантства восхвалением главного интенданта Филдера, который, бесспорно, является самым подходящим человеком для занятия этой должности, потому что пятьдесят лет тому назад пользовался доверием «железного герцога»* и занимал при нем высокие посты. Неприятным письмам газетных корреспондентов он противопоставил приукрашенные отчеты «лучших казначеев армии» и вынужденные комплименты нескольких французских офицеров. Он ни слова не сказал по поводу полного отсутствия транспортных средств армии, в которой не было ни мулов, ни лошадей для перевозки багажа и запасов воды, необходимых для армии, совершающей переход из Варны и Девни к Дунаю, и многого другого, что необходимо в походе. Он ни слова не сказал о недостатке средств для продовольственного снабжения армии. Он не оспаривал факта, что интендантство было создано лишь после отправки многочисленных дивизий и после прибытия флота в Константинополь. Он не осмелился оспаривать утверждение, что по собственным словам лорда Раглана его войска в течение двух месяцев простояли на одном месте, не имея возможности продвигаться вперед из-за плохой работы интендантства, хотя они находились чуть ли не на расстоянии пушечного выстрела от почти изнемогшего от голода противника.

Точно так же изобретательный шурин князя Воронцова отвечал на жалобы по поводу материальной части артиллерии. Он пространно отвечал на упрек, выдвинутый им самим, а именно, что армия имела с собой в Турции лишь шестифунтовые орудия. Зато он упорно обходил молчанием тот факт, что в армии нет осадных орудий и что для поддержки пехоты почти нет кавалерии, самого необходимого рода войск для операций в равнинах Валахии, и что армия в 40 000 солдат в Варне не могла

* — Веллингтона. *Ред.*

противопоставить русским и 40 орудий, тогда как у русских корпус в 40000 человек располагает 120 орудиями.

На обвинения в адрес правительства по поводу проявленной им халатности в деле снабжения армии необходимым боевым снаряжением шурин Воронцова ответил возмущенной защитой военного командования, которое якобы ни в чем нельзя было упрекнуть.

Что касается несчастных случаев и монополии англичан на такие случайности, которых никогда не бывает во французской экспедиции, достопочтенный г-н Герберт заявил, во-первых, что действительно одно судно, на борту которого находилась часть 6-го драгунского полка, стало жертвой пожара, но что капитан, «благородный старый моряк, находясь перед лицом самой ужасной смерти, какая только возможна, отказывался, несмотря на просьбы экипажа, покинуть судно, пока, увы! не стало слишком поздно, и он погиб на своем посту». Одураченные члены палаты общин встретили этот бессмысленный ответ возгласами одобрения. Что касается потери «Тигра»[194], то ее нужно отнести к числу случайностей. «А печальное происшествие в Балтийском море, — ну, оно лишь доказывает безрассудную храбрость наших моряков».

Господин с изящной головкой перешел затем к поставленному ему вопросу: «были ли достигнуты какие-либо практические результаты нашим флотом и нашей армией?» и хвастался «полной, успешной и непреодолимой блокадой русских портов». Эта блокада столь успешна, что, например, восемь русских военных паровых судов пришли из Севастополя в Одессу, несмотря на бомбардировку, бои и всякие преграды. Она столь успешна, что русская торговля в Балтийском море продолжается в широком масштабе, и русские товары продаются в Лондоне по ценам, лишь незначительно превышающим довоенные; что в Одессе торговля производится точно так же, как и в прошлом году, и что даже номинальная блокада Черного и Белого морей всего несколько дней назад была навязана англичанам Бонапартом.

Но, утверждает благородный молодой человек по фамилии Герберт, английское правительство сделало еще больше. Разве оно но лишило Россию возможности перевозить подкрепления Черным морем и не отрезало России всякий доступ к морю? При этом он совершенно забывает, что в течение четырех месяцев английское правительство предоставляло русским господствовать на Дунае; что оно позволило им лишь с 15000 человек занять европейские житницы — Молдавию и Валахию, захватить у него под носом богатые стада Добруджи и что

оно помешало турецкому флоту уничтожить русскую эскадру у Синопа. Англичане оказали не малое содействие военным успехам турок, так как, являясь резервом турецкой армии, они таким образом дали ей возможность использовать каждого солдата и каждое орудие против вторгнувшейся армии.

Нужно ли напоминать читателям, что пока русские не могли сосредоточить в княжествах превосходящих сил, английское правительство запретило Омер-паше использовать численный перевес его армии и плоды его первых побед? Что же еще было сделано английскими войсками?

«Сколько фунтов стерлингов было затрачено Россией на сооружение линии фортов вдоль черкесского побережья? И в течение одной короткой кампании все эти сильные крепости, сковывавшие Черкесию как цепи, за исключением одного форта перешли в руки англичан или их союзников».

Воронцов! Воронцов! Разве ты забыл, что когда в начале сессии тебе советовали взять эти форты, ты отказался это сделать, предоставив, таким образом, русским возможность перевести гарнизоны этих фортов в Севастополь? Ты взял лишь те форты, которые русские сами захотели оставить, и единственное «исключение», которое не было ни разрушено, ни взято и даже не подверглось нападению, это как раз тот единственный форт, который стоил того, чтобы его взять, и который русские считали заслуживающим того, чтоб его удержать, это единственный форт, открывающий сообщение с черкесами, — Анапа.

Пошлая болтовня г-на Герберта достигла своего апогея, когда он заявил, будто в славной обороне Силистрии, которую Англия не только сама не поддержала, но и не позволила Омер-паше поддержать, Англия участвовала, так как в числе убитых был один молодой человек по имени капитан Батлер. Об оставшемся в живых лейтенанте Несмите, конечно, не было сказано ни слова. Должен сказать, что капитан Батлер отправился в Силистрию только после того, как правительство отказалось послать его туда, и маршал Герберт тем более имеет все основания одобрить его образ действий. Что касается лейтенанта Несмита, то он относится к тому сорту людей, которому предстояло вскоре быть изгнанным из английского лагеря, и он отправился в Силистрию в качестве военного корреспондента.

Поскольку лорд Дадли Стюарт напал на правительство за то, что оно не приобрело паровых судов, с осадкой не более трех футов и оснащенных одним-двумя тяжелыми орудиями, адмирал Беркли, говоривший после генерала Герберта, просил благородного лорда «научить инспектора кораблестроения, как

строить такие суда». Таков был ответ отважного адмирала из вигов на вопрос, сможет ли адмиралтейство снарядить флот для операций в Балтийском море, не обеспечив сооружения большого числа канонерских лодок. Храбрый Беркли и его ученый инспектор кораблестроения лучше бы обратились за инструкциями в шведское и русское адмиралтейства, чем искать совета у бедного осмеянного лорда Дадли Стюарта.

Не будем останавливаться больше на защите британского командования элегантным Гербертом и отважным Беркли и перейдем к откровениям, выболтанным тем же Беркли. Если накануне вечером маленький Джонни проколол севастопольский мыльный пузырь, то в этот день лопнул кронштадтский мыльный пузырь в результате выступления Беркли. Поскольку вся борьба в Дунайских княжествах будет вестись исключительно австрийцами, то для «сильнейших армии и флота, какие только были когда-либо снаряжены и посланы какой-либо страной», с их винтовыми пароходами, пушками Пексана и прочими чудовищами разрушительной силы не остается поля деятельности. Из письма доблестного командующего балтийским флотом* доблестный Беркли приводит такую фразу:

«Я не смог ничего предпринять с этим сильным флотом, так как всякое нападение на Кронштадт или Свеаборг означало бы верную гибель».

Но мало того. Доблестный Беркли, упиваясь мыслью о том, чего не мог сделать этот сильнейший флот, продолжает лепетать:

«Адмирал Чадс, более чем кто бы то ни было обладающий обширными научными знаниями, также писал об этом следующее: после двухдневного наблюдения с маяка и подробного осмотра фортов и судов я убедился, что форты слишком массивны для нашей судовой артиллерии. Это — огромные глыбы гранита. О возможности нападения на неприятельские суда там, где они стоят, нечего и думать».

Относительно Нейпира бравый Беркли делает такое заключение:

«Никогда еще ни одному британскому офицеру не была так предоставлена carte blanche** по части военных операций. Правительство не только не связывало ему рук, но, напротив, всячески поощряло его в продвижении вперед» — из Бомарсунда в Кронштадт и из Кронштадта в Бомарсунд.

На замечание тори г-на Хилдьярда, что «еще ни разу за всю свою жизнь он не слышал, чтобы так все разбалтывали», что Беркли говорил как явный агент России и что все хвастливые

* — адмирала Чарлза Нейпира. *Ред.*
** — буквально: «чистый бланк», здесь — «свобода действий». *Ред.*

разглагольствования о Кронштадте тем не менее имели его молчаливое одобрение, храбрый Беркли взял частично свои нескромные сообщения назад, заявив, что Нейпир имел ввиду только свое нынешнее положение, когда он располагает только судами и не имеет поддержки сухопутных сил. О том, что без сухопутных войск и без союза с Швецией ничего нельзя добиться в Балтийском море, я твержу с тех пор, как Нейпир покинул английские берега, и это мнение разделяют все научно мыслящие военные.

Теперь перейду к последнему пункту этих незабываемых дебатов, к высокомерным заявлениям лорда Джона Рассела. Добившись своего чека на три миллиона, он стал таким же бесстыдным, каким он был стыдливым двадцатью часами раньше, когда извивался под ударами сарказма Дизраэли.

«Он отнюдь не считал необходимым вдаваться в дальнейшие разъяснения относительно сделанных им вчера вечером заявлений». По поводу «досадных разногласий», которые кое-кто пытается создать между Абердином и его коллегами, он скажет:

«Что касается общих мероприятий в отношении войны, эти мероприятия обсуждались изо дня в день теми советниками ее величества, которые составляют так называемый кабинет, и ответственность за вынесенные решения несут перед парламентом и страной в равной мере как лорд Абердин, так и все его коллеги по кабинету».

Он решился даже, не подвергаясь, впрочем, никакому риску, сказать палате:

«Если нас считают достойными быть министрами королевы, то мы должны обладать правом по своему усмотрению созывать или не созывать парламент; если же нас считают недостойными пользоваться этим правом, значит мы тем более не можем оставаться министрами».

Побывав на заседаниях английского парламента в понедельник и во вторник, я понял, насколько заблуждался в 1848 г., когда в «Neue Rheinische Zeitung» клеймил берлинское и франкфуртское Национальные собрания, как самые жалкие проявления парламентской жизни[195].

Вашим читателям будет интересно сопоставить с декларациями британского шурина Воронцова, с плоским хвастовством Рассела и рыканием передовых статей «Times» следующие выдержки из последнего сообщения корреспондента «Times» в британском лагере в Варне, 13 июля:

«Вчера вечером все были убеждены, что скоро будет заключен мир, поскольку сообщалось, будто с генералом Брауном обедал австрийский посланник, а этот посланник едет из Шумлы, где он имел длительные переговоры с Омер-пашой, в Варну, где он будет совещаться с лордом Рагланом и маршалом Сент-Арно. Сообщалось, будто герцог Кембриджский

заявил, что кавалерия вернется в Англию к ноябрю, а пехота к маю. Положительно нельзя сказать, находимся ли мы в состоянии воины и союзные армии действительно являются воюющей стороной, или же они только совершали видимость военных действий с момента своей высадки в Турции. Наши парады, смотры, учения и ревизии носят такой: же безобидный характер, как если бы они происходили в Сатори и Чобеме, и все наши операции на суше ограничиваются: первая — разведывательной экскурсией лорда Кардигана, вторая — посылкой нескольких инженеров и саперов в Силистрию и Рущук, третья — отправкой туда же нескольких французских понтонеров, четвертая — посылкой еще одной группы саперов и 150 матросов в Рущук для сооружения моста между одним берегом и островами и далее до другого берега».

В Англии нет Бастилии, но есть больницы для умалишенных, в которые можно на основе lettre de cachet просто заключить любого человека, неугодного королевскому двору или мешающего уладить какие-нибудь семейные дела. Во время дебатов, происходивших в среду по делу д-ра Пейтмана*, это было полностью доказано г-ном Отуэем, поддержанным г-ном Хенли. Достаточно было нескольких слов лорда Пальмерстона, этого civis romanus[196] и известного защитника «прав и привилегий британского подданного», чтобы замять вопрос. Пальмерстон даже не утверждал, что Пейтман является действительно умалишенным, а лишь, что «он, по-видимому, вообразил себя в праве предъявить какой-то иск правительству» и предполагает весьма назойливым образом предъявить этот иск королеве или, вернее, анонимному персонажу — принцу Альберту. Кобурги проникли повсюду; в данный момент они претендуют на то, чтобы прибрать к рукам Испанию,

«Это», — говорит правительственная «Globe», — «вопрос о правах доктора и королевы и мы уверены, что ни один человек в парламенте или вне его не может колебаться в суждении об этих правах».

Не приходится удивляться, если «Права человека» Томаса Пэйна были публично сожжены в этой свободной и благословенной стране.

Еще одна маленькая парламентская комедия разыгралась в ту же среду вечером. На заседании в прошлую пятницу г-н Батт внес предложение о запрещении британским подданным под страхом наказания торговать ценными бумагами русского правительства, но с тем, чтобы этот билль относился только к русским займам, выпущенным во время настоящей войны. Британское правительство не вносило такого билля, но и :не могло решиться выступить против него, так как Бонапарт уже опубликовал в «Moniteur» ложное сообщение, будто английское правительство разделяет его точку зрения, рассматривая

---

* См. настоящий том, стр. 333—335. *Ред.*

подписку на русский заем как незаконную. Пальмерстон поэтому поддержал предложение Батта, но встретил довольно нелюбезные возражения со стороны г-на Уилсона, мудрого издателя журнала «Economist» и секретаря казначейства. И вот тот же Пальмерстон, который в понедельник защищал коалиционное министерство, во вторник воздержался от выступления и этим фактически обеспечил успех коалиции, все же не мог в среду упустить случая снова выступить в роли «беззащитной женщины» кабинета. Он вещал тоном и с важностью Сивиллы. мужского пола, как бы всецело во власти своих патриотических чувств, которые ему, бедняге, скованному железной дисциплиной своего официального положения, приходилось подавлять в течение предыдущих двух вечеров. Неизбежный бурный восторг достопочтенных обманутых слушателей покрыл его слова:

«Этот билль только подтверждает принцип, что британские подданные не должны предоставлять русским средства для ведения войны. Доводы, представленные секретарем казначейства, клонят к тому, чтобы заставить нас отменить законы о государственной измене. Подобные аргументы — чистейшая бессмыслица».

Нужно заметить, что это тот самый человек, который в течение двадцати четырех лет навязывал Англии русско-голландский заем, а в настоящий момент является самым влиятельным членом кабинета, все еще выплачивающего и капиталы и проценты по этому займу и предоставляющего таким образом ему, Пальмерстону, «средства для ведения войны».

Написано К. Марксом 28 июля 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4152, 9 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СКУЧНАЯ ВОЙНА

Скоро год, как небольшому отряду турок в составе двух батальонов удалось перейти Дунай под Туртукаем, против Олтеницы, воздвигнуть там ретраншементы, и когда русские на них напали, отбросить их после непродолжительной, но энергичной схватки, получившей — в качестве первого столкновения в этой войне — громкое название сражения у Олтеницы. Здесь турки одни противостояли русским, за ними не стояли в качестве резервов английские или французские войска, и они не могли даже рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны союзного флота. И все же они удерживали свои позиции на валашском берегу Дуная у Олтеницы в течение двух недель, а у Калафата в течение всей зимы.

С тех пор Англия и Франция объявили войну России; неоднократно была проявлена доблесть, правда с сомнительным эффектом. Черноморская эскадра, балтийская эскадра и доходящая уже до ста тысяч англо-французская армия готовы поддержать турок или отвлечь на себя силы противника. А в результате всего этого мы видим лишь повторение дела у Олтеницы в большем масштабе, но пожалуй с еще меньшим успехом, чем в прошлом году.

Русские обложили Силистрию. Они действовали при этом не разумно, но смело. Изо дня в день, из ночи в ночь они терпели поражение; и не из-за большего искусства противника, не из-за присутствия капитана Батлера и лейтенанта Несмита, двух английских офицеров, которые, по словам «Times», спасли Силистрию. Нет, они потерпели поражение в силу полнейшего невежества самих турок, которые даже не знали, что в определенный

момент форт или вал уже нельзя дольше удерживать, и продолжали цепко держаться за каждую пядь земли, за каждый бугорок, который противник пытался занять. Русские, кроме того, потерпели поражение из-за тупости своих собственных генералов, из-за холеры и лихорадки, наконец, из-за морального воздействия, которое оказывала на них армия союзников, угрожавшая их левому флангу, и австрийская армия, угрожавшая их правому флангу. Когда война началась, мы отмечали, что русская армия никогда не умела вести правильные осады, а плохое руководство военными действиями под Силистрией только подтверждает, что она с тех пор ничему по научилась. Итак, русские потерпели поражение; им пришлось ретироваться самым постыдным образом; им пришлось прекратить осаду весьма несовершенной крепости в самое благоприятное время года, в момент, когда осажденный гарнизон не мог рассчитывать ни на какую помощь извне. Такое случается раз в сто лет. И что бы русские ни попытались предпринять осенью, эта кампания ими проиграна и проиграна с позором.

Взглянем теперь на оборотную сторону медали. Силистрия освобождена. Русские отступают на левый берег Дуная; Они готовятся даже к эвакуации Добруджи и постепенно ее осуществляют. Гирсова и Мэчин разрушены. Река Серет, по-видимому, является тем рубежом, который русские избрали для обороны не своих завоеваний, а своей собственной территории. Хитрый старый хорват Омер-паша, который не хуже другого умеет придержать язык или соврать «во имя долга», одновременно посылает один корпус в Добруджу, другой на Рущук, охватывая, таким образом, сразу оба фланга русских. Тогда возможны были другие, гораздо более удачные маневры, но старый Омер, по-видимому, лучше знает турок и союзников, чем мы. С военной точки зрения правильнее было бы двинуть войска через Добруджу или Калараш на коммуникации противника, но после всего того, что мы видели, нельзя даже обвинить Омера в том, что он упустил удобный случай. Известно, что его армия очень плохо обеспечивается продовольствием, почти ничем не снабжена и поэтому но может совершать быстрых передвижений, которые отдалили бы ее от ее базы или открыли бы новые операционные линии. Такие передвижения являются решающими по своим результатам, когда они предпринимаются с достаточными силами; но они не под силу. армия, которая кормится впроголодь и проходит по бесплодной стране. Известно, что Омер-паша ездил в Варну просить помощи у союзных генералов, которые находились тогда с 75000 превосходных солдат в четырех переходах от Дуная; но ни Сент-Арно,

ни Раглан не считали нужным отправиться туда, где можно было встретиться с неприятелем. Поэтому Омер и не мог сделать больше того, что он сделал. Он послал 25000 человек на Добруджу и с остальными войсками направился на Рушук. Здесь его войска переходили с острова на остров, пока не перебрались через Дунай, затем внезапным маршем влево взяли с тыла Журжево и изгнали оттуда русских. На следующий день русские расположились на высотах к северу от Журжева, где их атаковали турки. Произошло кровопролитное сражение, замечательное по количеству английских офицеров, которые с редким успехом состязались за честь быть убитыми в числе первых. Каждый из них получил пулю, но без всякой пользы для кого бы то ни было: нелепо было бы предполагать, что один вид убитого британского офицера может сделать турецкого солдата непобедимым. Как бы то ни было, русские, имевшие тут только, авангард — одну бригаду, Колыванский и Томский полки, — были. разбиты, и турки упрочили свое положение на валашском берегу Дуная. Они немедленно принялись за укрепление местности и несомненно превратили ее в грозную позицию, так как с ними были английские саперы, да и сами они показали в Калафате, что превосходно справляются с делом. Но им дозволено было дойти только до сих пор и ни шагу дальше. Тот же самый австрийский император, который в течение восьми месяцев так старательно разыгрывал роль незаинтересованного человека, внезапно вмешивается в дело. Ведь Дунайские княжества были обещаны ему для прокормления его армий, и он намерен их получить, Что турки там делают? Пусть они возвращаются в Болгарию. Поэтому из Константинополя приходит приказ оттянуть турецкие войска с левого берега Дуная и оставить «весь этот небольшой участок» на произвол австрийских солдат. Дипломатия выше стратегии. Что бы из этого ни вышло, Австрия намерена защищать свои границы путем оккупации нескольких ярдов земли за этими границами; и перед этой важной целью должны отойти на второй план даже самые необходимые с точки зрения ведения войны мероприятия. Да разве Омер-паша не австрийский дезертир? А Австрия никогда ничего не забывает. В Черногории она помешала его победоносной карьере, теперь она повторяет то же самое, чтобы отступник чувствовал, что он еще не перестал быть подданным своего законного государя.

Совершенно бесполезно детально разбирать военные операции на данном этапе. Боевые действия не представляют большого интереса с точки зрения тактики; это несложные. прямолинейные, фронтальные атаки, при передвижении войск обе стороны руководствуются больше дипломатическими, чем

стратегическими мотивами. Очень возможно, что кампания закончится без каких-либо крупных военных операций, так как на Дунае ничто не подготовлено для большого наступления, что же касается взятия Севастополя, о котором мы так много слышим, то дело, вероятно, будет откладываться, пока близость зимы не заставит перенести его на будущий год.

Все приверженцы консерватизма в Европе должны были бы, казалось, изменить свои взгляды под впечатлением неразрешимости восточного вопроса. Вся Европа вот уже шестьдесят лет оказывается явно неспособной уладить этот ничтожный спор. Франция, Англия и Россия, наконец, вступают в войну. Они шесть месяцев ведут войну, но до сих пор еще не сражались, разве что по ошибке или в очень мелких масштабах. Под Варной стоят от восьмидесяти до девяноста тысяч английских и французских солдат во главе с бывшим военным секретарем старого Веллингтона* и французским маршалом** (наиболее выдающиеся подвиги которого совершены были, впрочем, в лондонских ломбардах); французы ничего не делают, а англичане по мере своих сил помогают им в этом; и так как подобный образ действий кажется им, возможно, не совсем почетным, то эскадры приходят на рейд в Балчик, чтобы взглянуть на них и выяснить, какая из двух армий с большим достоинством наслаждается этим dolce far niente***. И хотя союзные армии до сих пор только поедали запасы, на которые рассчитывала турецкая армия, да в течение двух месяцев день за днем бездельничали под Варной, они все еще не готовы к выполнению своих обязанностей. Если бы к ним обратились, они освободили бы Силистрию в мае будущего года. Те самые войска, которые завоевали Алжир и изучили теорию и практику войны на одном из самых сложных театров военных действий[197], те солдаты, которые сражались против сикхов на песчаных берегах Инда и против кафров в колючих кустарниках Южной Африки[198], странах, значительно более диких, чем Болгария, — теперь эти солдаты беспомощны, бесполезны, ни на что неспособны и притом в стране, которая даже экспортирует хлеб!

Но если союзники не могут похвастаться своими подвигами, не лучше обстоит дело и у русских. Русские имели вполне достаточно времени, чтобы подготовиться. Они и делали все, что могли, так как с самого начала знали, какое встретят сопротивление. И все же, на что они оказались способны? Ни на что. Они не смогли отнять у турок ни пяди оспариваемой ими тер-

* — Рагланом. *Ред.*
** — Сент-Арно. *Ред.*
*** — блаженным ничегонеделанием. *Ред.*

ритории; они не смогли взять Калафат; они ни в одном сражении не смогли разбить турок. А ведь это те самые русские, которые, под командованием Миниха и Суворова, завоевали черноморское побережье от Дона до Днестра. Но Шильдер не Миних, а Паскевич не Суворов, и хотя русский солдат больше чем какой-либо другой в состоянии выдержать порку, но и он, как и всякий другой, теряет свою стойкость, если постоянно должен отступать.

Истина такова, что консервативная Европа — Европа «порядка, собственности, семьи и религии», — Европа монархов, феодалов, капиталистов, как ни различны их взаимоотношения в различных странах, — снова обнаруживает свое полное бессилие. Пусть Европа прогнила, но война должна была пробудить в ней здоровые элементы, должна была вновь выявить скрытые силы. И уж, конечно, в числе двухсот пятидесяти миллионов людей нашлось бы кому вести настоящую борьбу, в которой обе стороны могли бы обрести ту славу, которую ум и сила приносят на поле боя. Но нет, не только буржуазная Англия и бонапартистская Франция неспособны вести настоящую, энергичную, упорную войну; но даже Россия, та европейская страна, которая менее всего заражена «безбожной и расслабляющей цивилизацией», неспособна на это. Турки хороши для внезапных наступательных действий и пригодны к упорному сопротивлению при обороне; но они, по-видимому, не созданы для обширных и сложных комбинаций с большими армиями. Вот почему все сводится к такой степени бессилия, к такому обоюдному признанию собственной слабости, которые, кажется, уже не удивят ни одну из сторон. При таких правительствах, как нынешние, эта восточная война может вестись еще тридцать лет и все же ни к чему не привести.

Но в то время как официальные круги во всей Европе демонстрируют свою бездарность, в юго-западной части этого континента пробуждается движение, которое сразу показывает, что существуют все же другие, более действенные силы. Каковы бы ни были действительный характер и результат восстания в Испании, можно сказать с уверенностью, что оно так будет относиться к грядущей революции, как швейцарское и итальянское движения 1847 г. к революции 1848 года[199]. Два важных момента выявляются в этом восстании. Во-первых, армия, с 1849 г. фактически правящая на континенте, внутренне раскололась и отказалась от своего призвания поддерживать порядок, чтобы в противовес правительству провести в жизнь свое собственное мнение. Дисциплина научила армию сознавать свою власть, но эта же власть привела к ослаблению дисциплины. Во-вторых,

мы были свидетелями успешной баррикадной борьбы. С июня 1848 г.[200], где бы ни воздвигались баррикады, они до сих пор оказывались бесполезными. Баррикады, как форма сопротивления войскам со стороны населения большого города, казалось, совсем не достигали цели. Это предубеждение теперь развеяно. Мы снова увидели победоносные, неприступные баррикады. Заклятие снято. Новая революционная эра становится возможной; и характерно, что в то самое время, когда войска официальной Европы обнаруживают свою непригодность в настоящей войне, им наносит поражение восставшее население города.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
29 июля — 1 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4159, 17 августа 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЭСПАРТЕРО

Отличительной чертой всех революций является то, что именно тогда, когда народ, кажется, стоит на пороге великих начинаний, когда ему предстоит открыть новую эру, он дает увлечь себя иллюзиями прошлого и добровольно уступает всю свою с таким трудом завоеванную власть, все свое влияние представителям — подлинным или мнимым — народного движения минувшей эпохи. Эспартеро — один из таких людей прошлого, которых народ в моменты социальных кризисов привык сажать себе на спину и от которых потом ему так же трудно избавиться, как Синдбаду-мореходу от злого старика, зажавшего его шею ногами. Спросите испанца, принадлежащего к так называемой прогрессистской школе, каково политическое значение Эспартеро, и он, не задумываясь, ответит вам, что

«Эспартеро воплощает в себе единство великой либеральной партии; Эспартеро популярен, потому что вышел из народа; его популярность служит исключительно делу прогрессистов».

Он, действительно, сын ремесленника, поднявшийся до поста регента Испании; вступив в армию простым солдатом, он ушел из нее фельдмаршалом. Но если он и символизирует единство великой либеральной партии, то, пожалуй, лишь как посредственность, в которой нейтрализуются все крайности. Что же касается популярности прогрессистов, то без преувеличения можно сказать, что ей наступил конец в тот момент, как со всей массы партии она была перенесена на эту отдельную личность.

Тот факт, что до сих пор никто не сумел раскрыть секрет успеха Эспартеро, является лучшим доказательством двусмысленного и исключительного характера этого успеха. В то время

как его друзья отделываются неопределенными аллегориями, его враги, намекая на некую черту его частной жизни, объявляют его попросту счастливым игроком. Видно, ни тем, ни другим не удается установить какую-либо логическую связь между человеком, с одной стороны, его славой и именем — с другой.

Военные заслуги Эспартеро в такой же мере спорны, в какой его политические промаха неоспоримы. В объемистой биографии Эспартеро, составленной г-ном де Флорес[201], много говорится о боевой доблести и полководческом искусстве, проявленных им в провинциях Чаркас, Ла-Пас, Арекипа, Потоси и Кочабамба, где он сражался под командой генерала Морильо, которому было поручено вернуть южноамериканские государства под власть испанской короны. Однако об общем впечатлении, которое его американские подвиги оставили в легко возбудимых головах его земляков, достаточно говорит прозвище «вождя аякучизма», данное ему самому, и кличка «аякучосы», данная его приверженцам, — намек на проигранную при Аякучо битву, в которой Перу и Южная Америка были окончательно потеряны для Испании[202]. Слов нет, весьма оригинален тот герой, который получил свое историческое прозвище не от победы, а от поражения. За семь лет войны против карлистов он ни разу не отличился каким-либо смелым ударом вроде тех, которые быстро доставили его сопернику Нарваэсу репутацию воина железной закалки. Он, несомненно, обладал даром наилучшим образом использовать мелкие успехи, но если Марото выдал ему последние силы претендента, то это было чистейшей случайностью, а восстание Кабреры в 1840 г. представляло всего лишь запоздалую попытку гальванизировать труп карлизма[203]. Сам г-н де Марлиани, историк современной Испании и почитатель Эспартеро, вынужден признать, что эта семилетняя война может сравниться только с феодальными войнами мелких владетелей Галлии в X веке, когда успех не являлся результатом победы[204]. Кроме того, к несчастью, оказывается, что из всех подвигов Эспартеро в Испании самое яркое впечатление оставило если не поражение в полном смысле слова, то по меньшей мере дело, весьма странное для героя свободы: он прославился бомбардировкой городов, а именно — Барселоны и Севильи. Если бы испанцы, — говорит один писатель[205], — захотели его изобразить в образе Марса, они придали бы этому богу вид «сокрушителя стен».

Когда в 1840 г. Кристину принудили отречься от регентства и бежать из Испании, Эспартеро, вопреки желанию весьма значительной части прогрессистов, принял высшую власть в рамках парламентского режима. Он окружил себя чем-то вроде

камарильи и разыгрывал из себя военного диктатора, в сущности не пытаясь подняться выше уровня рядового конституционного монарха. Его милостями пользовались скорее модерадос[206], чем старые прогрессисты, которые, за редкими исключениями, были отстранены от должностей. Не умиротворив своих врагов, он постепенно оттолкнул своих друзей. Не найдя в себе мужества разбить оковы парламентского режима, он не смог ни принять его, ни использовать, ни превратить в орудие для действия. За три года его диктатуры революционный дух постепенно был сломлен в результате бесконечных компромиссов, а раздоры в прогрессистской партии, никем не сдерживаемые, достигли такой остроты, что модерадос смогли посредством coup de main* вернуть себе всю полноту власти. Таким образом, Эспартеро настолько утратил свой авторитет, что им же назначенный посол в Париже вступил против него в заговор с Кристиной и Нарваэсом; он стал настолько беспомощным, что не смог парировать эти жалкие интриги и мелкие плутни Луи-Филиппа. Он настолько не понимал собственного положения, что неосмотрительно пытался пойти против общественного мнения, которое только и ждало повода, чтобы уничтожить его.

В мае 1843 г., когда он уже утратил всякую популярность, он удерживал Линахе, Сурбано и других членов своей военной камарильи на их постах., хотя от него настойчиво требовали их отставки; он распустил министерство Лопеса, располагавшее значительным большинством в палате депутатов, и упорно отказывал изгнанным модерадос в амнистии, за которую в то время стояли все — парламент, народ и сама армия. Требование амнистии попросту означало, что его управление опротивело всем. Тогда-то внезапно целый ураган пронунсиаменто против «тирана Эспартеро» потряс полуостров из конца в конец; это движение по быстроте распространения можно сравнить только с нынешним. Модерадос и прогрессисты соединились для общей цели — избавиться от регента. Кризис захватил его врасплох, роковой час застал его неподготовленным.

Нарваэс в сопровождении О'Доннеля, Кончи и Песуэлы высадился в Валенсии с горстью людей. С их стороны с самого начала были проявлены быстрота действий, рассчитанная отвага, энергия и решимость. Со стороны Эспартеро — беспомощные колебания, гибельные промедления, вялая нерешительность, беспечная слабость. В то время, когда Нарваэс снял осаду Теруэля и направился в Арагон, Эспартеро покинул Мадрид и потратил несколько недель в Альбасете на необъяснимое

* — внезапного удара. *Ред.*

бездействие. Когда Нарваэс привлек на свою сторону корпуса Сеоане и Сурбано у Торрехона и пошел на Мадрид, Эспартеро соединился, наконец, с Ван-Халеном и подверг Севилью бесполезной и возмутительной бомбардировке. Затем он стал стремительно отступать с одной позиции на другую, на каждом-этапе теряя все новые отряды, пока, наконец, не очутился на морском берегу. Когда он сел на корабль в Кадисе, то этот город — последний, где у него еще оставались приверженцы, — послал своему герою последнее прости, также высказавшись против него. Один англичанин, находившийся во время этой катастрофы в Испании, дает яркое изображение «скользящей шкалы» успехов Эспартеро:

«Это не было мгновенное и ужасное падение после честной битвы, это был медленный спуск, шаг за шагом, без всякой борьбы, от Мадрида к Сьюдад-Реаль, от Сьюдад-Реаль к Альбасете, от Альбасете к Кордове, от Кордовы к Севилье, от Севильи к Пуэрто-де-Санта-Мариа, а оттуда в широкий океан. Он падал от обожествления к восторженной преданности, от преданности к привязанности, от привязанности к уважению, от уважения к безразличию, от безразличия к презрению, от презрения к ненависти, а ненависть выбросила его в море».

Каким же образом Эспартеро мог снова стать спасителем страны и «мечом революции», как его называют? Это событие было бы совершенно непонятно, если бы не десять лет реакции, в течение которых Испания страдала под беспощадной диктатурой Нарваэса и под ярмом сменивших Эспартеро фаворитов королевы. Длительные периоды жестокой реакции имеют изумительное свойство восстанавливать престиж павших вождей, потерпевших неудачу в революции. Чем большим воображением одарен народ, — а где оно больше, чем на юге Европы, — тем сильнее его стремление противопоставить лицу, воплощающему деспотизм, лицо, воплощающее революцию. Так как он не может создать сразу такое лицо из ничего, народ воскрешает отживших героев своих прошлых движений. Разве сам Нарваэс не был на шаг от того, чтобы стать популярным за счет Сарториуса? Тот Эспартеро, который с триумфом вступил в Мадрид 29 июля, не был реальным лицом; это был призрак, имя, воспоминание.

Справедливость требует напомнить, что Эспартеро никогда не выдавал себя ни за кого, кроме конституционного монархиста; если на этот счет когда-либо существовало сомнение, оно должно было рассеяться при виде того восторженного приема, который в годы изгнания он встретил в Виндзорском замке и у правящих классов Англии. Когда он прибыл в Лондон, вся аристократия с Веллингтоном и Пальмерстоном во главе устремилась к нему. Абердин в качестве министра иностранных

дел прислал ему приглашение на прием к королеве; лорд-мэр и олдермены Сити устроили в. его честь гастрономическое чествование в Мэншен-хаусе[207]; когда же стало известно, что испанский Цинциннат проводит свой; досуг в занятиях садоводством, то не было такого ботанического, садоводческого или земледельческого общества, которое не поспешило бы предложить ему почетное членство. Он был настоящим львом столицы. В конце 1847 г. амнистия вернула на родину испанских изгнанников, а Эспартеро декретом королевы Изабеллы был назначен сенатором. Однако он не покинул Англию, прежде чем королева Виктория не пригласила его и его герцогиню к столу и не оказала при этом ему небывалую честь, предложив провести ночь под кровлей Виндзорского замка. Правда, надо полагать, этот блеск, окруживший его особу, был отчасти вызван мнением, будто Эспартеро и раньше и теперь являлся представителем британских интересов в Испании. Верно и то, что демонстрации в честь Эспартеро были в некотором роде демонстрациями против Луи-Филиппа.

По возвращении в Испанию ему не давали прохода депутации и поздравления, а город Барселона отрядил к нему специального посла с поручением оправдать свое дурное поведение в 1843 году. Однако слышал ли кто-нибудь упоминание его имени в роковой период между январем 1846 г. и последними событиями? Поднял ли он сам голос во время этого мертвого молчания униженной Испании? Известно ли хотя бы об одном акте патриотического сопротивления с его стороны? Он преспокойно удаляется в свое имение в Логроньо, сажает капусту и цветы и дожидается своего часа. Он даже не пошел к революции, пока она сама не пришла за ним. Он сделал больше, чем сам Магомет. Он ждал, чтобы гора пришла к нему, и она действительно пришла. Впрочем, надо упомянуть об одном исключении. Когда разразилась февральская революция[*], а за ней последовало всеобщее потрясение Европы, он побудил г-на де Принсипе и нескольких друзей опубликовать брошюру под заглавием «Эспартеро, его прошлое, настоящее и будущее»[208], с целью напомнить Испании, что она все еще служит приютом человеку прошлого, настоящего и будущего. Поскольку революционное движение во Франции вскоре пошло на убыль, человек прошлого, настоящего и будущего был снова предан забвению.

Эспартеро родился в Гранатуле, в Ламанче, и, подобно своему знаменитому земляку[**], он тоже имел свою навязчивую

[*] — 1848 года. *Ред.*
[**] — Дон-Кихоту Ламанчскому. *Ред.*

идею — конституцию, и свою Дульсинею Тобосскую — королеву Изабеллу. 8 января 1848 г., когда он вернулся в Мадрид из своего английского изгнания, он был принят королевой и, прощаясь с ней, сказал:

«Прошу ваше величество призвать меня, когда бы вам ни понадобилась рука, чтобы вас защищать, или сердце, чтобы вас любить».

И вот теперь ее величество призвала его, и ее странствующий рыцарь тут как тут, смиряет волны революции, парализует энергию масс своим обманчивым спокойствием, дает Кристине, Сан-Луису и присным убежище во дворце и громко проповедует свою нерушимую веру словам невинной Изабеллы.

Как известно, эта весьма достойная королева, черты которой, как говорят, с каждым годом обнаруживают все более поразительное сходство с чертами недоброй памяти Фердинанда VII, была объявлена совершеннолетней 15 ноября 1843 года. 21 ноября того же года ей исполнилось всего 13 лет. Олосага, которого Лопес на три месяца назначил ее опекуном, образовал министерство, неугодное камарилье и кортесам, избранным незадолго перед тем под впечатлением первого успеха Нарваэса. Он хотел распустить кортесы и добился королевского декрета с непроставленной датой обнародования за подписью королевы, дающего ему на это полномочия. Вечером 28 ноября королева собственноручно передала Олосаге этот документ. Вечером 29-го он снова беседовал с ней; но едва он покинул ее, как один из заместителей министра явился к нему на дом, сообщил ему о его отставке и потребовал обратно декрет, к подписанию которого он якобы принудил королеву. Олосага, адвокат по профессии, был слишком хитер, чтобы так просто попасться в ловушку. Он возвратил документ лишь на следующий день, после того как показал его, по крайней мере, сотне депутатов, чтобы доказать, что подпись королевы была сделана ее обычным, нормальным почерком. 13 декабря Гонсалес Браво, назначенный премьером, вызвал к королеве председателей палат, главных мадридских нотаблей, Нарваэса, маркиза де ла Санта-Круса и других, дабы ее величество могла сделать заявление относительно происшедшего между ней и Олосагой вечером 28 ноября. Невинная крошка-королева привела их в комнату, где она принимала Олосагу, и, в назидание им, очень живо, но несколько утрированно разыграла маленькую драматическую сцену. Вот так Олосага запер дверь на задвижку, так он схватил ее за платье, так заставил ее сесть, так водил ее рукой, так вынудил у нее подпись под декретом — словом, так совершил насилие над ее королевским достоинством. Во время этой сцены

Гонсалес Браво записывал ее заявления, а присутствующие осматривали упомянутый декрет, подпись которого, казалось, была сделана с помарками и дрожащей рукой. Таким образом, на основании торжественного заявления королевы Олосага подлежал осуждению по обвинению в laesa majestas*, т. е. либо растерзанию на части четырьмя конями, либо, в лучшем случае, пожизненной ссылке на Филиппины. Но, как мы видели, Олосага принял свои меры предосторожности. Последовали семнадцатидневные дебаты в кортесах, вызвавшие еще большую сенсацию, нежели знаменитый процесс королевы Каролины в Англии[209]. Защитительная речь Олосаги в кортесах содержит между прочим такие слова:

«Если нам говорят, будто слову королевы должно верить без всякого сомнения, то я отвечаю: нет! Обвинение либо есть, либо его нет. Если оно есть, то слово королевы, как и всякое другое, представляет свидетельское показание, и ему я противопоставляю свое».

При обсуждении этого вопроса в кортесах слову Олосаги было придано больше веса, нежели слову королевы. Позже он бежал в Португалию, спасаясь от подосланных к нему убийц. Таково было первое entrechat** Изабеллы на политической сцене Испании и первое доказательство ее честности. И это та самая крошка-королева, верить словам которой Эспартеро теперь призывает народ и которой он, «меч революции», предлагает, после одиннадцатилетней «Школы злословия»***, «руку помощи» и «любящее сердце»[210].

Написано К. Марксом 4 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4161, 19 августа 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — оскорблении величества. *Ред.*
** — антраша, балетное па. *Ред.*
*** — название известной комедии Шеридана. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

НАПАДЕНИЕ НА РУССКИЕ КРЕПОСТИ [211]

Наконец-то союзники — французы и англичане — собрались, кажется, действительно напасть на Россию. Нападению должны подвергнуться один за другим, если не одновременно, наиболее выдвинутые вперед укрепленные пункты империи — на Аландских островах и в Севастополе на Черном море. В Западной Европе даже ходят слухи, что первый из этих пунктов уже взят после короткой бомбардировки, но эти сведения нуждаются в подтверждении и вероятно являются преждевременными. О предполагающемся нападении на Севастополь нет официальных сведений, по лондонская газета «Times» положительно утверждает, что оно будет предпринято, и в столице этому верят. До сих пор в Варне были погружены на суда всего две-три дивизии французских и английских войск, и, хотя и предполагают, что они войдут в состав крымских экспедиционных сил, вполне возможно также, что они предназначаются для осады русской крепости Анапы в Азии. Все сомнения на этот счет, вероятно, рассеются с прибытием ближайшего парохода.

Нападение на Бомарсунд будет представлять большой интерес с военной точки зрения. Оно явится первым испытанием для казематированных городских укреплений системы Монталамбера. Судя по рисункам и планам, эти форты, хотя и в значительно меньшей мере, чем форты Гельсингфорса, Кронштадта и Севастополя, защищены от нападения с суши не хуже, чем от обстрела с кораблей, и сооружены в строгом соответствии с принципами Монталамбера. Основным оборонительным сооружением против кораблей является длинный, непробиваемый для бомб форт, который имеет около ста орудий и прикрыт от

огня с флангов временными земляными сооружениями; над ним господствуют и прикрывают его с тыла две большие башни, на одной из которых установлено тридцать, а на другой десять орудий. Корабли обычно действуют преимущественно против главного форта, тогда как сухопутные войска ведут наступление на башни. Судя по последним данным, гарнизон Бомарсунда гораздо слабее, нежели мы предполагали раньше: он насчитывает немногим более трех тысяч человек. Из имеющихся сведений не совсем ясно, насколько действия с моря и с суши могут не просто совпадать во времени, а действительно осуществляться согласованно и при взаимной поддержке, ибо наступление с моря по необходимости осуществляется de vive force*, судьба которого должна решиться в очень короткий срок, тогда как любое нападение с суши на каменные укрепления предполагает проведение подготовительных работ, закладку хотя бы одной параллели и сооружение батарей, а следовательно требует времени. Во всяком случае, такого рода вопрос может быть разрешен только на месте. Так или иначе, взятие Бомарсунда представит гораздо больший интерес с военной точки зрения, чем даже захват Севастополя, поскольку оно помогло бы разрешить неоднократно обсуждавшуюся проблему, в то время как овладение Севастополем было бы просто удачным осуществлением на практике давно выработанных военных правил.

Предполагаемое нападение на Севастополь должно быть осуществлено главным образом сухопутными войсками, а действия флота сведутся почти исключительно к полной блокаде гавани. Таким образом, вся операция сведется к блокаде — с суши и с моря — морского порта, недостаточно укрепленного со стороны суши. Мы, разумеется, не можем знать, какие укрепления русские могли возвести на южной стороне города и бухты; но в том, что они построили редуты и оборонительные линии, которые потребуют правильной осады, если только союзники не пожелают пойти на особенно большие жертвы, в этом едва ли можно сомневаться. Во всяком случае мы знаем, что долговременное и, судя по всему, хорошо построенное укрепление — большой четырехугольник с широкими и глубокими рвами вдоль каждой из его сторон и с мортирными батареями на всех выступающих углах — увенчивает возвышенность на севере от Большой бухты, прямо против города. Эта возвышенность является единственной точкой вблизи города, которая недосягаема для артиллерии с других высот и сама господствует над бухтой и противоположным склоном. Конечно, здесь-то и

* — приступом. *Ред.*

будет оказано главное сопротивление; но едва ли окажется возможным удержать город и порт даже при условии захвата всех береговых укреплений на Южной стороне, если это укрепление не будет взято. По меньшей мере здесь потребуются правильные осадные работы. Длина Большой бухты от мыса Константина до ее восточного конца составляет около восьми миль; и даже если считать, что город и укрепления занимают небольшое пространство, чтобы обеспечить блокаду с суши, союзным войскам придется окружить их полукольцом общей протяженностью в двадцать две-двадцать четыре мили. При этом во всех пунктах союзники должны быть достаточно сильны, чтобы противостоять вылазкам гарнизона и атакам тех войск, которые могут быть сосредоточены у них в тылу. Хотя нам и неизвестно, какие силы Россия сможет использовать непосредственно или косвенно для обороны своей черноморской крепости, все же эти детали показывают, что для захвата ее потребуется немало войск. Кроме того, опасного противника союзники встретят в смертоносном климате крымской степи. То обстоятельство, что в предстоящих операциях береговые батареи едва ли смогут принести русским большую пользу, сильно снижает военный интерес всей операции, которая сведется к осаде в очень большом, но отнюдь не небывалом масштабе. До сих пор самая большая цифра, какую называют, определяя количество экспедиционных войск, — это 100000 человек, включая отряд турок. Если учесть все вышеизложенные обстоятельства, такая армия нам кажется недостаточной для достижения намеченной цели.

Написано Ф. Энгельсом 7 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4162, 21 августа 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ЭВАКУАЦИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ. — СОБЫТИЯ В ИСПАНИИ. — НОВАЯ ДАТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ. — ЧАРТИСТЫ

Лондон, вторник, 8 августа 1854 г.

28 июля князь Горчаков с главными силами своей армии прошел через Шлаву, селение, расположенное приблизительно в шести милях от Кэлугэрени, чтобы 29-го двинуться дальше по направлению к Фокшанам. Авангард под командой генерала Соймонова состоит из восьми батальонов 10-й пехотной дивизии, Томского и Колыванского стрелковых полков и гусарского полка великого князя-цесаревича. Авангард этот должен был 1 августа перейти Яломицу у Урешти и Урзичени, где были наведены мосты. Рассчитывают, что он достигнет Фокшан к середине месяца.

Турецкая армия движется тремя колоннами. Центр ее 29 июля находился в Кэлугэрени; 30-го разведчики ее авангарда были замечены под Глиной, в двух милях от Бухареста, где, по предположениям, должна была к 1 августа расположиться главная квартира Омер-паши. Правое крыло двигалось вдоль Арджеша, в направлении от Олтеницы к Бухаресту. Левое, находившееся 28-го у Мочины, должно держать путь от Слатины к Бухаресту.

«Отход русской армии», — говорит «Moniteur de l'Armée», — «носит, по-видимому, скорее стратегический, чем политический характер. Московитский генерал выгадывает при этом, получая возможность сосредоточить свои войска на хорошей позиции, где они смогут передохнуть после страданий, перенесенных в Добрудже и причиненных им турками на левом берегу Дуная. Он будет ближе к своей продовольственной базе, продолжая в то же время оккупацию значительной части территории, занятой в прошлом году. Наконец, он приобретает позицию, грозную даже перед лицом превосходящих сил».

26 июля барон Будберг обратился со следующим воззванием к жителям Валахии:

«Его величество император всероссийский, царь польский, покровитель княжеств Молдавии и Валахии и покровитель всех исповедующих православную веру, постановил отозвать на весьма короткое время императорские войска из нездоровых придунайских местностей, чтобы расквартировать их в более здоровой возвышенной местности. Неприятель по своей близорукости вообразил, что мы отступили в страхе перед ним, и попытался поэтому атаковать наши отходящие войска. Но едва верховный главнокомандующий князь Горчаков отдал приказ об отражении атакующих, как они позорно бежали, оставив оружие и боевые припасы, захваченные нашими доблестными солдатами. С наступлением более благоприятного времени года мы возвратимся к вам с оружием в руках, чтобы навсегда освободить вас от варваров-турок. Наше отступление будет выполнено с предосторожностями, без поспешности, дабы противник не мог вообразить, что мы бежим перед ним».

Интересно, что в 1853 г., в этом же месяце июле, русские вовсе не находили это время года неблагоприятным для оккупации Валахии.

«Эмиграция болгарских семей из Добруджи», — сообщает письмо из Галаца, опубликованное в одной немецкой газете, — «непрерывно продолжается. Около 1000 семей с 150000 голов скота переправились у Рени».

Эта «добровольная эмиграция», к которой русские призывают жителей, якобы для того, чтобы спасти их от мести со стороны турок, по своему характеру весьма сходна с «добровольным» австрийским займом. Венский корреспондент «Morning Chronicle» рассказывает, что те же самые семьи,

«узнав, что они предназначаются для фортификационных работ в Молдавии, пожелали возвратиться по домам; но казаки силой принудили их отправиться в Фокшаны, где они в настоящее время заняты на работах по рытью траншей».

Еще не были убраны по требованию Эспартеро баррикады в Мадриде, а контрреволюция уже принялась за работу. Первым шагом контрреволюции было оставить безнаказанными королеву Кристину, Сарториуса и их сообщников. Затем последовало образование министерства с участием члена партии модерадос О'Доннеля в качестве военного министра, причем вся армия была отдана в распоряжение этого старого друга Нарваэса. В списке стоят имена Пачеко, Лухана, дон Франсиско Санта-Круса, все —заведомые сторонники Нарваэса, а Пачеко кроме того еще и член недоброй памяти министерства 1847 года[212]. Другой, Саласар, назначен единственно потому, что был другом детства Эспартеро. В награду за кровавое избиение народа на баррикадах, на площадях бесчисленные ордена посыпались на генералов, сторонников Эспартеро, и на модерадос — друзей О'Доннеля. Чтобы подготовить почву для окончательного

усмирения прессы, был восстановлен закон о печати 1837 года. Вместо созыва учредительных кортесов Эспартеро, говорят, намеревается созвать только палату на основе конституции 1837 г. и даже, по словам некоторых, в измененном Нарваэсом виде. Для более полного обеспечения успеха всех этих мероприятий и других, которые должны последовать, большие массы войск концентрируются в окрестностях Мадрида. Во всем этом особого внимания заслуживает та неожиданность, с какой реакция водворилась.

В первый момент командующие баррикадами явились к Эспартеро, чтобы высказать ему несколько замечаний по поводу выбора министерства. Эспартеро пустился в долгие объяснения по поводу затруднений, подстерегающих его со всех сторон, и пытался защищать сделанные им назначения. Но представители народа, по-видимому, остались мало удовлетворенными его объяснениями. В то же время поступили «очень тревожные» сведения о республиканских волнениях в Валенсии, Каталонии и Андалузии. Растерянность Эспартеро явствует из его декрета, санкционирующего дальнейшее функционирование провинциальных хунт. Он также еще не осмелился распустить мадридскую хунту, хотя министерство уже сформировано и приступило к исполнению своих обязанностей.

По требованию Наполеона Малого полковник Шаррас изгнан из Бельгии. Парижский корреспондент «Indépendance belge» сообщает о памфлете, написанном и опубликованном принцем Мюратом, претендентом на престол короля-бомбы* как на законное наследие Мюратов. Памфлет был переведен на итальянский язык.

Датское министерство все еще упорно отказывается предоставить западным державам порты и места высадки, которые дали бы возможность их силам зимовать в Балтийском море. Это, однако, не единственный способ, которым датское правительство проявляет свое пренебрежение к державам, поднявшимся против его покровителя, русского, императора. Оно не поколебалось произвести свой давно задуманный исключительно в интересах России coup d'état под самым носом у флотов и армий западных держав. 26 июля в Копенгагене был обнародован государственный документ, озаглавленный: «Конституция датской монархии в области ее общих дел». Странно, что английская пресса почти вовсе не обратила внимания на это мероприятие. Привожу поэтому наиболее важные пункты этой новой датской конституции:

* — Фердинанда II. *Ред.*

Раздел 1. Порядок наследования Датской монархии устанавливается законом 31 июля 1853 года.

Раздел 5. Общими делами монархии являются все дела, относительно которых точно не указано, что они относятся к какой-либо определенной отрасли дел.

Раздел 6. Общие расходы монархии сверх ее доходов покрываются в следующей пропорции: 60% — за счет Дании, 17% — за счет Шлезвига, 23% — за счет Гольштейна.

Раздел 7. Общие дела монархии находятся в ведении ригсрада.

Раздел 8. Настоящий ригсрад составляется исключительно из членов, назначенных королем. В будущем ригсрады должны *частично* избираться.

Раздел 10. Ригсрад тогда будет состоять из пятидесяти членов; из двадцати, назначенных королем, и тридцати, избранных в следующей пропорции: 18 — датским сеймом, 5 — провинциальными штатами Шлезвига, 6 — штатами Гольштейна и 1 — дворянством Лауэнбурга.

Раздел 11. Основной закон королевства Дании от 5 июня 1849 г. будет касаться только внутренних дел этого королевства.

Раздел 15. Члены ригсрада получают вознаграждение в размере 500 талеров в год.

Раздел 16. Ригсрад созывается не реже одного раза в течение каждых двух лет на срок, устанавливаемый декретом короля.

Раздел 17. Заседания ригсрада происходят в Копенгагене, но король может перевести его в другое место.

Раздел 18. Работой ригсрада руководит президент, назначаемый королем. Дебаты могут вестись на немецком или датском языках; резолюции же должны быть сформулированы на датском языке.

Раздел 19. Заседания ригсрада — закрытые.

Раздел 21. Ни один налог, общий для всей монархии, не может быть введен, изменен или отменен, ни один общегосударственный заем не может быть заключен без согласия ригсрада.

Раздел 22. Во всех делах, кроме финансов объединенной монархии, ригсрад имеет лишь совещательный голос.

Декрет от того же числа назначает созыв ригсрада на 1 сентября 1854 г., а в другом декрете содержатся королевские назначения, причем в числе назначаемых—все сплошь придворные, высшие чиновники и кавалеры ордена Данеброга.

Главными пунктами, которых удалось достичь при помощи этого нового coup d'etat, являются отмена основного закона и представительных учреждений Дании и создание удобного механизма для получения любого количества денег, необходимого двору и правительству.

Эрнест Джонс снова отправился в агитационную поездку по промышленным округам, чтобы вовлечь их в движение за хартию. В Галифаксе, Бейкепе и других местностях, которые он уже посетил, была принята следующая петиция к парламенту:

«Достопочтенным общинам Великобритании и Ирландии, заседающим в парламенте — почтительная петиция жителей Бейкепа, собравшихся на публичный митинг в воскресенье 30 июля 1854 г., указывает, что:

Ваши петиционеры в течение долгого времени внимательно наблюдали за действиями нынешних королевских министров в области внутренней и внешней политики и на основании беспристрастного наблюдения

пришли к убеждению, что как в той, так и в другой области министры решительно не заслуживают доверия страны.

Ваши петиционеры убеждены в невозможности ни улучшить внутреннее управление, ни проявить свою мощь вовне, пока подобные люди управляют делами страны.

Ваши петиционеры поэтому просят вашу досточтимую палату представить королеве адрес, чтобы ее величество соблаговолила дать отставку своим нынешним советникам и призвала себе в помощь людей, более соответствующих прогрессивному духу века и более отвечающих требованиям нашего времени.

И ваши петиционеры будут настаивать на своей петиции».

В воскресенье на Дирпли-Муре, в Бейкепе, состоялся большой митинг, на котором агитатор* выступил с одной из наиболее сильных речей, когда-либо произнесенных им; некоторые выдержки из нее заслуживают того, чтобы быть помещенными в вашей газете:

«Наконец-то наступило время действовать, и мы вступаем теперь в период возрождения чартизма в Англии, небывалого с периода его упадка. Наконец-то близится час, когда мы добьемся хартии...

Вы боролись против падения заработной платы и боролись тщетно; голод привел вас к восстанию. Но если голод научил вас вести войну, то бедность просветила вас, и после каждого нового поражения ваше сознание росло и опыт накапливался. Первым средством, к которому вы прибегли, были союзы и стачки. Вы думали, что они принесут вам избавление, и забывали, что, поскольку средства труда не принадлежат вам, у вас нет возможности выдержать конкуренцию капиталиста, чья мошна может преспокойно лежать, пока вы голодаете, и ждать, чтобы выяснилось, кто дольше продержится. Затем вы надеялись на неполный рабочий день, и вам говорили, что, если каждый рабочий будет работать на два часа меньше, то найдется на два часа работы для безработных. Но вы забыли, что, пока вы добились сокращения рабочего времени на один процент, применение машинного оборудования монополистами возросло на сто процентов.

Затем вы обратились за помощью к кооперации. Вы постигли великую истину, что освобождение труда должно зависеть от кооперации, но вы проглядели средства для обеспечения этого освобождения. Кто производит, тот нуждается в рынке; если у вас есть что продать, вам нужен некто, кто захочет это купить, — и вы забыли, что этот «некто» у вас отсутствует. Начинается кооперативное производство, но где рынок? Где же вы найдете рынок? Как превратить бедных в богатых, чтобы они могли стать покупателями продуктов кооперативного производства? При помощи находящихся в самой Англии калифорнийских россыпей, золото которых вы видите на поверхности земли, в волнах колосящейся нивы. Взгляните себе под ноги! Здесь, на этих покрытых травой склонах, на которых вы сидите; здесь, в этом широком поле, где вы стоите, — в них таится свобода, в них — кооперация, в них — высокая заработная плата, в них — процветание и мир! В пятнадцати миллионах наших общественных земель, в двадцати семи миллионах невозделанных лугов, имеющихся у нас в Англии. По греческому преданию, когда Геркулес боролся с гигантом Антеем, которому земля приходилась матерью, и несколько раз валил

* — Эрнест Джонс. *Ред.*

его наземь, Антей каждый раз, как падал на материнскую грудь, черпал в ней новые силы и вскакивал более сильным, чем раньше. Геркулес, обнаружив это, поднял его и держал в воздухе до тех пор, пока не одолел его.

Точно также гигант-труд, по воле монополии-Геркулеса, оторван от породившей его земли и, захваченный когтями конкуренции, слабый, беспомощный, висит подобно гробнице Магомета между раем и адом — только гораздо ближе к последнему!

Но как пробиться к земле? Кое-кто скажет вам, что политическая власть вовсе не нужна для этого. Кто же это говорит? Уж не лидеры ли движения за сокращение рабочего дня на 10%, или движения за 10-часовой рабочий день, или движения за неполный рабочий день, или движения за ограничение времени работы машин, или движения за создание похоронных обществ, или движения за отделение церкви от государства, или движения за народное образование, или движения за муниципальное самоуправление, или каких-либо иных движений? Какое множество «движений», а мы все еще не *сдвинулись* с места. Не нужна политическая власть! А почему же эти самые люди так обхаживают политического Тидта Пратта, почему они шлют слезные депутации к политику Пальмерстону и петиции к политическому парламенту, почему раболепствуют перед политическим троном? Если так, то, следуя их собственному примеру, мы именно и должны добиваться политической власти! Только эти люди советуют вам добиваться политической власти для ваших *врагов.* Я же говорю вам: добивайтесь своей *собственной* политической власти. Предлагаю вам следующую великую истину:

Хартия является средством от всех ваших бед.

Кто противостоит нам? Во-первых, коалиционное министерство. Что это такое? Лидеры отдельных группировок, из которых ни одна не может удержаться самостоятельно. С десяток людей, слишком слабых, чтобы стоять на собственных ногах, — вот они и опираются друг на друга, и все вместе взятые не стоят одного настоящего человека. Вот что такое коалиция. Кто еще противостоит нам? Оппозиция тори, которая выгнала бы министерство вон, да не решается, ибо знает, что сама, в свою очередь, будет выгнана, а затем наступит такой потоп, в котором сам Ной не мог бы спасти господствующие классы. Кто еще? Землевладельческая аристократия, три четверти имений которой заложено приблизительно за две трети их цены, — великолепная сила, способная раздавить народ! 38000 обанкротившихся лендлордов и 300000 фермеров, изнывающих под бременем Высокой арендной платы, законов об охоте и тирании лендлордов. Кто еще? Фабриканты на пороге банкротства вследствие своей собственной подлой страсти к конкуренции — скоро они окажутся не в состоянии удержать за собой свои фабрики. Достойная сила, призванная выбить пьедестал свободы из-под ваших ног! И кто же остается? Рабочий и лавочник. Не раз делались попытки объединить их путем какого-нибудь компромисса. Я лично всегда противился такому союзу, так как компромисс в области избирательных прав лишь усилил бы представителей денежных интересов и усовершенствовал бы классовое законодательство. Но теперь, наконец, пришло время для такого союза — и пришло так, что не требуется ни компромисса, ни предательства. Мелкие лавочники очень быстро становятся демократами. Говорят, что путь к мозгу рабочего лежит через его желудок. Пусть так! Зато путь к сердцу лавочника лежит через его карман. За каждый недополученный им шиллинг он приобретает новую мысль. Банкротство раскрывает перед лавочником истину ... Так уничтожается моральная сила наших врагов — и к нам присоединяются новые союзники. Физическая сила их также исчезает. Об этом позаботился царь!

В Ирландии осталось не более 1000 английских солдат! В самой Англии нет больше частей регулярной армии, но зато существует милиция! О эта милиция, в которой дезертирство, согласно лондонской газете «Times», достигает таких огромных размеров, что «воплей и криков» уже недостаточно, и специальные циркуляры рассылаются в каждый приход, в каждое местечко, где дезертир когда-либо провел хоть одну неделю, чтобы попытаться насилием и запугиванием вернуть его в ряды армии. Можно поздравить правительство с таким новым войском. Итак, поле чисто — для народа наступило благоприятное время. Не делайте из этого вывод, что я имею в виду насилие. Нет! Отнюдь нет! *Мы имеем в виду широкое мирное моральное движение.* Но из того, что *мы* имеем в виду моральную силу, вовсе не следует, что наши *враги тоже* имеют ее в виду.

Англия начала мыслить и слушать. До сих пор она слышала дробь польских барабанов и топот венгерской конницы. До сих пор она слышала крики Милана и ликования Парижа! Но в наступившем затишье она начинает слышать биение своего собственного гордого сердца — и восклицает: «И мне тоже предстоит выполнить одно дело — и мне надо разбить врага и завоевать поле сражения»»[213].

Председатель митинга указал на присутствие надзирателя и других чинов полиции, выражая надежду, что никаких искажений того, что было сказано, не будет допущено в донесениях этих слуг правительства. По поводу этого предостережения Эрнест Джонс сказал:

«Что касается меня, я не забочусь о том, что они скажут, — пусть говорят, что им угодно. Я отношусь к агитации как солдат к битве, — иду навстречу своей судьбе среди летящих пуль, чтобы пасть и может быть погибнуть или же остаться в живых и победить, ибо я — солдат демократии».

Написано К. Марксом 8 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4162, 21 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЭВАКУАЦИЯ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ. —ПОЛЬША. — ТРЕБОВАНИЯ ИСПАНСКОГО НАРОДА

Лондон, пятница, 11 августа 1854 г.

По сообщению, появившемуся во вчерашнем номере газеты «Moniteur»,

«русский посол в Вене уведомил австрийский кабинет о том, что император Николай отдал приказ о полной эвакуации Молдавии и Валахии. Несмотря на это заявление, граф Буоль 8 августа обменялся с бароном де Буркене и лордом Уэстморлендом нотами, из которых следует, что Австрия разделяет мнение Франции и Англии о необходимости потребовать от России *гарантий* во избежание возобновления конфликтов, нарушающих спокойствие Европы, и обязуется до восстановления всеобщего мира не вступать ни в какие соглашения с петербургским кабинетом, пока эти *карантин* не будут получены».

Какого рода должны быть эти гарантии, можно узнать из сегодняшнего номера «Times». Во-первых, эвакуация княжеств; во-вторых, замена русского протектората общеевропейским протекторатом; в-третьих,

«пересмотр договора о проливах и принятие мер к тому, чтобы преобладание России на море было сведено к пределам, менее опасным для существования Турции и свободы судоходства по Черному морю и в устьях Дуная».

Сообщение «Moniteur» в основном нашло себе подтверждение в заявлении лорда Кларендона на вчерашнем заседании палаты лордов. Из других источников нам также стало известно, что главная квартира русской армии перенесена в Бузэу, что четыре русских полка перешли Прут и что австрийское правительство, с своей стороны, отменило приказ об усилении некоторыми воинскими частями тех армий, которые рассредоточены эшелонами на границах Трансильвании и Галиции.

История войн едва ли знает более странную операцию, чем эта эвакуация Дунайских княжеств русской армией. Дело в том,

что ей можно найти объяснение лишь с дипломатической, а отнюдь не с стратегической точки зрения. Как уже говорилось в «Tribune», Австрия и Россия составили план, согласно которому австрийцы должны были оккупировать Дунайские княжества, как только честолюбие царя будет удовлетворено взятием Силистрии; возможность поражения России была предусмотрена в особой статье, по которой и в этом случае тоже должна иметь место австрийская оккупация. Соответственно, за день до снятия русскими осады Силистрии, между Турцией и Австрией был заключен договор, предоставивший Австрии право вступить в Валахию[214]. Договор преследовал троякую цель: во-первых, не допустить Турцию в Дунайские княжества; во-вторых, «создать кордон против революционной заразы вдоль всей австрийской границы» и, наконец, обеспечить русской армии безопасное отступление. Этот договор, как можно с достоверностью заключить из признаний лорда Кларендона, был навязан Порте лордом Стратфордом де Редклиффом, английским послом в Константинополе; одновременно Диван издал постановление, по которому русским должна была быть предоставлена возможность отвести свои части, не подвергаясь преследованиям. Поспешное отступление русских от Дуная остается, следовательно, необъяснимым, если оно не было предусмотрено соглашением России с Австрией. Австрийцы первоначально назначили вступление своих войск в Валахию на 3 июля. Почему же они медлили? Они добивались от Порты одной уступки за другой: во-первых, относительно формы правления, которую надлежало установить в Валахии; во-вторых, относительно вытеснения турок из их собственных владений. Затем они заявили, что оккупация ими Валахии не означает объявления войны. Лорд Кларендон говорит:

«В конце июня, когда русские собирались эвакуировать Валахию, австрийское правительство послало офицера из штаба генерала Хесса к союзным главнокомандующим с сообщением, что оно намерено занять часть Валахии от имени султана и в целях восстановления там его власти; но что австрийцы появятся там не в качестве воюющей стороны, *ибо* Австрия не находится в состоянии войны с Россией и не получила пока еще ответа на требования, которые она ей предъявила».

Эта неразумная откровенность Австрии вызвала замешательство, и понадобилась новая отсрочка. Затем последовал протест Пруссии, которая ревниво относилась к расширению сферы австрийского влияния на Дунае. Хотя обе эти державы и являются орудием России, это не мешает им, однако, всегда ревниво относиться друг к другу, как это ясно обнаружилось во время «картофельной войны» 1850 года[215]. Если бы г-н Уркарт

внимательно прочитал варшавский протокол этого же года, ему бы никогда не пришла в голову сумасбродная мысль вдруг превратить Пруссию в оплот Европы против России.

Видя, что Австрия упускает благоприятный момент, русские, уже начавшие отступление, повернули обратно и снова стали продвигаться к Дунаю, так как, если бы эвакуация Валахии закончилась раньше, чем Австрия предприняла действия, всякий предлог для ее последующего вступления в это княжество был бы утрачен. Между тем турецкий генерал в Рущуке*, «вообразив», как говорит «Times», что русские полностью отступают, направился в Журжево и основательно побил их, чем сделал для них невозможной всякую попытку вновь овладеть линией Дуная. В результате этого поражения русские были вынуждены всерьез подумать об отступлении; к этому решению побуждало их еще и понимание того, что так называемые союзники Турции не смогут больше оставаться пассивными и что английское правительство, вынужденное считаться со своей армией и с общественным мнением, должно будет предпринять какие-то действия против России. Отступление из Дунайских княжеств увеличило оборонительные силы русских в Бессарабии и в Крыму. Так, из телеграфного сообщения мы узнали, что предстоит срочная переброска русских полков из Бессарабии и Херсона в Крым, с тем чтобы их место могли занять полки, расположенные в Молдавии.

Можно было предвидеть, что турки не замедлят воспользоваться благоприятным случаем. 6 августа их авангард под командованием Искандер-бека вступил в Бухарест, и турецкий генерал принял депутацию от столицы Валахии в годовщину вступления врагов Турции в этот город в 1853 году.

Австрийцы, таким образом, снова упустили благоприятный момент и лишили себя мнимого предлога для вступления в Валахию. В настоящее время оккупация неизбежно привела бы их к столкновению с турками. И тогда как австрийские газеты клеймят турок за их вступление в Бухарест, расценивая это как нарушение договора, правительственная пресса Англии клеймит самих австрийцев за их медлительность и глупость, благодаря которым был сведен на нет так искусно разработанный план. Вот, например, что пишет «Times» от четверга:

«Австрийцы из-за своей медлительности утратили всю выгоду положения, которое могли занять в Дунайских княжествах. Омер-паша воспользовался этим обстоятельством и следует по пятам отступающего противника. Валахия теперь в большей своей части занята войсками султана. Дунай

* — Омер-паша. *Ред.*

от Оршовы до Галаца находится в их руках и нет никаких оснований предполагать, что какая-либо иностранная держава сможет потребовать, чтобы турецкий командующий ушел из провинции, которой он владеет по праву хозяина и в силу храбрости своей армии».

Все, что остается теперь для австрийцев, — это оккупация Молдавии.

Сообщения из Константинополя от 30 июля говорят почти исключительно о предполагаемой экспедиции в Крым. 27 июля возвратилась обратно эскадра из двадцати судов, которая под командованием адмирала Брюа и в сопровождении генералов Брауна и Канробера отплыла 21 июля из Балчика, чтобы рекогносцировать берег от Анапы до Севастополя. Сейчас же по возвращении Канробер и Браун отправились в Варну, чтобы доложить Сент-Арно и лорду Раглану о результатах своей миссии. Англо-французские войска были рассредоточены в различных портах между Варной и Кюстенджи, чтобы облегчить их посадку на суда. Эта посадка, по-видимому, состоялась 29 или 30 июля. Турецкий флот уже вошел в Черное море, а все англо-французские морские силы были, очевидно, собраны к 1 августа в районе Варны, так как к этому времени там скопилось большое количество военных транспортов. О назначении этих сил «Gazette du Midi» сообщает следующее:

«Одни говорят об Анапе и стоящей поблизости крепости, в которой находится около 20000 человек и захват которой сразу обеспечил бы коммуникации между Абхазией, Черкесией и Крымом; так что черкесы могли бы легко принять участие в любом наступлении против Крыма. По словам других, наступление предполагается на Одессу, гарнизон которой в настоящее время насчитывает около 40000 человек; союзные войска могли бы укрепиться там, с тем чтобы остаться на зиму и держать под ударом с одной стороны Бессарабию, а с другой — Крым. Третий вариант указывает в качестве пункта нападения Николаев, где находятся арсеналы русской армии; этот город занимает треугольник, образованный с востока Днепром, а с запада — Бугом».

Добруджа совершенно оставлена русскими и ее занимают теперь 36000 турок и французов. Турки находятся в Бабадаге н, как передают, получили приказ атаковать Тулчу, французам же приказано наступать на Галац.

По слухам, 16 июля небольшой, выстроенный русскими, городок в Сулинском устье, уже частично разрушенный раньше, был полностью уничтожен английскими паровыми судами «Спитфайер» и «Везувий», которые, за исключением маяка и церкви, якобы не пощадили ни одного сооружения.

В Белом море англичане высадились в одном пункте на берегу Онеги и разрушили деревню.

Дело с «Владимиром» в Черном море[216] вызвало резкие нападки «Times» на адмирала Дандаса, на что газета «Herald» ответила следующим образом:

«Сэр Чарлз Нейпир в Балтийском море мог позволить флоту Свеаборга беспрепятственно пройти к своей якорной стоянке, мог разрешить Гангуту хорошо укрепиться, а затем подвергнуть его совершенно бесполезной бомбардировке, мог допустить, чтобы буи были удалены и суда вследствие этого терпели аварии, и по поводу всего этого газета «Times» не высказала ни слова упрека. Однако с адмиралом Дандасом дело обстоит совершенно иначе».

Из писем из Парижа от 9 августа мы узнаем, что восточная армия будет увеличена на 50000 человек. Если война не принесет никаких других плодов, она хоть избавит Францию от армии декабрьского переворота.

Вы, может быть, заметили, что после провала своих планов в Турции русский император стал снова пользоваться титулом царя польского, от которого он отказался, как от ненужного, после своей победы в Венгрии, поскольку считалось, что присоединение Польши — совершившийся факт. В письме из Варшавы от 1 августа, опубликованном в венской «Presse», мы читаем:

«Предстоящий приезд царя в Варшаву будет, как говорят, отмечен некоторыми уступками полякам в отношении национальных прав. Ожидается созыв нотаблей, о которых упоминалось еще в органическом статуте Царства Польского 1832 года. Предполагают, что вновь будут открыты учебные заведения, что будет издан приказ об употреблении польского языка в официальных документах, об ежегодном опубликовании расходов и доходов и о предоставлении полякам права на утверждение прямых налогов. Ходят также слухи, что польская армия будет восстановлена, но под командованием русских офицеров. Четвертый рекрутский набор закончен. Никогда еще население не несло такого бремени».

В «Dusseldorfer Zeitung» от 7 августа мы также читаем:

«По сообщениям из Варшавы, генерал Ридигер, наместник Царства Польского, созвал предводителей польского дворянства и предложил обратиться к короне с петицией о восстановлении независимого польского королевства».

Немало было предложено решений польского вопроса различными партиями, но такое решение, какое предложено и предписано русским генералом, никогда никому не приходило в голову.

Из Копенгагена нам сообщают, что слабоумный датский король в сопровождении министра внутренних дел г-на де Тил-

лиша отплыл в Карлскруну для встречи с королем Швеции. Тиллиш — один из самых фанатичных приверженцев России, и предполагается, что встреча двух королей имеет целью возобновление дружественного союза с Россией, известного под названием северного Вооруженного нейтралитета[217]. Если Дания и Швеция намерены соблюдать нейтралитет по отношению к России, то отсюда не следует, что они имеют те же намерения в отношении Англии и Франции, как это явствует из следующего факта. Несколько дней тому назад генерал Меса, начальник артиллерии датской армии, производя смотр артиллерии национальной гвардии, произнес необычайно пламенную речь, в которой намекнул, что близится день, когда, возможно, артиллерия национальной гвардии, наряду с артиллерией армии, будет призвана королем к совместной защите скандинавского отечества.

Завтра будет объявлен перерыв в работе парламента.

«Нынешняя сессия примечательна своими отложенными решениями не менее, чем крымская кампания своими отсроченными военными операциями».

Несколько дней тому назад журнал «Charivari»[218] напечатал карикатуру, изображающую испанский народ в разгаре сражения и двух кавалеристов — Эспартеро и О'Доннеля, обнявшихся над головами людей. «Charivari» ошибочно принял за конец революции то, что является лишь ее началом. Борьба между О'Доннелем и Эспартеро уже началась, и не только между ними, но и между военными предводителями и народом. Правительству мало помогло назначение тореадора Пучеты главным управляющим скотобоен, учреждение комитета по награждению участников баррикадных боев и, наконец, назначение двух французов, Пюжоля и Дельма, в качестве историографов данной революции. О'Доннель желает, чтобы кортесы избирались на основе закона 1845 г., Эспартеро — на основе конституции 1837 г.[219], а народ — на основе всеобщего избирательного права. Народ отказывается сложить оружие раньше, чем будет опубликована программа правительства, ибо программа, провозглашенная в Мансанаресе*, уже не удовлетворяет его требованиям. Народ требует аннулирования конкордата 1851 г.[220], конфискации имений контрреволюционеров, представления отчета о финансах, отмены всех контрактов на постройку железных дорог и других мошеннических контрактов на общественные работы и, наконец, назначения особого

* См. настоящий том, стр. 340. *Ред.*

трибунала для суда над Кристиной. Две ее попытки к бегству потерпели неудачу благодаря вооруженному противодействию народа. «El Tribuno» предъявляет следующий счет, по которому Кристина должна вернуть в государственную казну: двадцать четыре миллиона, незаконно полученных ею в качестве регентши с 1834 по 1840 год, двенадцать миллионов, полученных ею по возвращении из Франции после трехлетнего отсутствия, и тридцать пять миллионов, полученных из казны Кубы. Счет этот весьма умеренный. Ведь когда Кристина покидала Испанию в 1847 г., она увезла с собой крупные суммы и почти все драгоценности испанской короны.

Написано К. Марксом 11 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4166, 25 августа 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

* ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС. — РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ.—МАДРИДСКАЯ ПЕЧАТЬ

Лондон, вторник, 15 августа 1854 г.

В «Kolnische Zeitung» сообщается, что

«после многолетних переговоров американское правительство заявило о своем отказе возобновить существующий договор с Данией, если статья V не будет заменена статьей, предоставляющей всем американским судам свободный проход через Зунд. В то же время правительство Соединенных Штатов отказалось предложить какую-либо компенсацию. Дания, напуганная поведением американцев, обратилась к другим державам, и прусское правительство якобы выразило готовность послать 20000 солдат для защиты Зунда».

Поскольку пошлины, взимаемые в Зунде, ни на кого так тяжело не ложатся, как на самое Пруссию, то приписываемое ей мероприятие как нельзя лучше будет соответствовать духу прусской политики. В общем, se non e vero, e ben trovato*.

Франкфуртский сейм после длительного обсуждения опубликовал новые законы о печати и о коалициях. Закон о коалициях просто-напросто запрещает какие бы то ни было политические собрания или заседания, а закон о печати устанавливает крупные суммы залога,, ставит выпуск каких-либо печатных изданий в зависимость от разрешения правительства и изымает дела о нарушении законов о печати из ведения суда присяжных.

Прусское правительство прекратило затянувшееся дело о заговоре революционеров в Берлине[221], ввиду того что прокурор объявил главного свидетеля обвинения — г-на Хенце —

* — если это и не правда, то хорошо придумано. *Ред.*

«подозрительным». Этот Хенце—то самое лицо, по показаниям которого на кёльнском процессе ряд моих друзей был приговорен в 1852 г. к тюремному заключению[222]. Но 1852 год уже миновал и прусское правительство, возможно, не захотело подвергаться риску, что все его полицейские агенты будут вторично заклеймлены и оживится память о Кёльне в самой столице в такое время, когда контрреволюционный террор уже не может удержать народ в страхе.

1 августа сербское правительство послало курьера в Брестовац, где князь Александр лечится на водах, с проектом ответа на предписания Высокой Порты. Ответ был подписан князем и немедленно направлен в Константинополь. В нем содержится ссылка на невозможность провести разоружение из-за многих опасностей, угрожающих Сербии, но указывается, что из уважения к пожеланиям Австрии и приказу Порты военные учения приостановлены. Изет-паша, губернатор Белграда, отозван по собственной просьбе. Его преемник еще неизвестен.

Сообщают, что Бухарест занят десятью тысячами турок: но в то же время мы читаем в сегодняшнем «Moniteur», что Австрия только ждет ответа Омер-паши на последнее сообщение полковника Калика, чтобы отдать приказ о вступлении австрийского корпуса в Дунайские княжества. Когда граф Буоль получил от князя Горчакова извещение об уходе русских из Дунайских княжеств, он ответил, что «Дунайские княжества будут заняты австрийскими войсками, но в этом нет ничего враждебного по отношению к России».

Перерыв в работе парламента в 1854 г. снова вернул восточный вопрос к той стадии, на. которой он находился во время парламентских каникул в 1853 году. Венское совещание снова примется за дело, чтобы парализовать активные действия, сбить с толку общественное мнение и предоставить сэру Джемсу Грехему новую возможность сказать при возобновлении работы парламента, что благородный ум не склонен к подозрительности. Следует заметить, что мошенничество на этот раз исходит не от Австрии, а от самой Англии, как вы увидите из сообщения венского корреспондента газеты «Times»:

«Английские и французские министры сообщили графу Буолю, что получили от своих правительств инструкцию *предложить* созвать венское совещание. Ответ якобы гласил, что ничто не могло быть более приятным для имперского двора».

В основу новых переговоров на совещании ляжет некий новый вариант Венской ноты[223], а именно — ответ г-на Друэн де Люиса на последнее сообщение г-на Нессельроде; основные

пункты этого сообщения весьма мало отличаются от того, что можно было ожидать из опубликованных в «Times» условий, анализ которых я дал в одной из своих последних статей. Там нет ни слова о контрибуции ни туркам, ни даже союзникам. Узурпированный Россией протекторат над Молдавией, Валахией и Сербией должен превратиться в европейскую узурпацию; то же самое предполагается сделать с «протекторатом» над христианами в Турции; плоды турецких побед должны ограничиться свободной навигацией на Дунае для Австрии и изменением договора 1841 г.[224], но не в пользу Порты, а в пользу держав.

Речь лорда Кларендона в четверг, главные пункты которой я уже сообщал, содержала весьма важное признание относительно политики, которую проводило английское правительство в восточном вопросе. Кларендон открыто заявил:

«Хочу напомнить вам, что война была объявлена 29 марта, немного более четырех месяцев тому назад, и все считали, —когда я говорю все, то я подразумеваю не правительство ее величества, а лиц, принадлежащих к самым способным и опытным офицерам, как английским, так и французским, — что тогда Россия замышляла агрессивную войну. Никто не думал, что, сконцентрировав крупные силы на север от Дуная, затратив столько усилий и накопив здесь все необходимое в таком количестве, она не намерена предпринять поход в южном направлении; напротив, все считали, что она именно это и намерена сделать. Хотя мы и не сомневались в хорошо известной храбрости турок, но мы не могли заставить себя поверить, что они будут в состоянии оказать сопротивление хорошо дисциплинированным и численно превосходящим их русским войскам, действующим под командованием самых опытных генералов, в то время как единственному турецкому генералу, известному нам хотя бы по имени — Омер-паше, тогда еще не представилось случая, которым он столь доблестно воспользовался с тех пор, закрепить за собой прочную славу и известность. Французское правительство и мы придерживались столь определенного взгляда в этом вопросе, что в Константинополь были посланы сэр Дж. Бёргойн и один опытный французский офицер инженерных войск для изыскания средств обороны этого города и Дарданелльского пролива; их миссии придавалось столь большое значение, и весь план кампании считали до такой степени неразрывно связанным с результатами этой миссии, что лорд Раглан и маршал Сент-Арно задержались, дабы иметь возможность лично переговорить с офицерами, посланными с этим заданием. Тогда объединенные армии союзников направились в Галлиполи, где возводились большие укрепления. Они направились в Константинополь, все время имея в виду необходимость защищать Дарданеллы».

Итак, весь план союзных держав в то время сводился к тому, что Россия продвинется и займет турецкие владения в Европе, а союзные войска — столицу Оттоманской империи и Дарданеллы. Вот причина отсрочек и всех неправильно истолкованных передвижений англо-французских войск. Отвага

турецких войск, расстроившая этот хитроумный русско-англо-французский план, была, конечно, «неожиданной».

За несколько месяцев до начала нынешней испанской революции я сообщал читателям «Tribune», что русские влияния были пущены в ход, чтобы вызвать волнения на полуострове. Для этого Россия не нуждалась в непосредственных агентах. К ее услугам была газета «Times», защитник и друг короля-бомбы, «юной надежды» Австрии*, Николая, Георга IV, внезапно воспылавшая негодованием по поводу ужасной безнравственности королевы Изабеллы и испанского двора. Имелись, сверх того, дипломатические агенты английского министерства, которых русофил министр Пальмерстон без труда мог водить за нос, рисуя им картины кобургского королевства на полуострове[225]. Теперь достоверно известно, что не кто иной, как британский посол, спрятал О'Доннеля в своем дворце и уговорил банкира Кольядо, нынешнего министра финансов, авансировать суммы, нужные О'Доннелю и Дульсе для их пронунсиаменто. Тому, кто не верит, что Россия действительно приложила руку к испанским делам, я позволю себе напомнить события на острове Леон. В 1820 г. значительные военные силы были стянуты в Кадисе для отправки в южноамериканские колоний. Внезапно армия, расположенная на острове, высказалась за конституцию 1812 г., ее примеру последовали войска в других местах. От Шатобриана, французского представителя на конгрессе в Вероне, мы теперь знаем[226], что Россия подбивала Испанию предпринять экспедицию в Южную Америку, а Францию завлекала в поход в Испанию. С другой стороны, из послания президента Соединенных Штатов** мы узнаем, что Россия обещала ему предотвратить экспедицию против Южной Америки[227]. Таким образом, не требуется большой сообразительности, чтобы обнаружить зачинщика восстания на острове Леон. Но я приведу и другой пример нежного внимания России к волнениям на испанском полуострове. В своей «Политической истории современной Испании» (Барселона, 1840) г-н де Марлиани, в доказательство отсутствия у России оснований противодействовать конституционному движению в Испании, рассказывает следующее :

«На Неве можно было видеть испанских солдат, присягавших конституции (1812 г.) и принимавших свои знамена из рук самого императора. В своем необычайном походе против России Наполеон сформировал

* — Франца-Иосифа. *Ред.*
** — Монро. *Ред.*

из испанских военнопленных, интернированных во Франции, особый легион, который после поражения французской армии перешел на сторону русских. Александр принял испанцев чрезвычайно благосклонно, расквартировал их в Петергофе, где императрица часто навещала их. Однажды Александр приказал им собраться на льду Невы и привел их к присяге на верность испанской конституции, пожаловал им при этом знамена, вышитые собственноручно императрицей. Этот корпус, именовавшийся с тех пор корпусом «императора Александра», был посажен на суда в Кронштадте и привезен в Кадис. Свою верность присяге, принесенной на Неве, этот корпус доказал в 1821 г. в Оканье, подняв восстание за восстановление конституции»[228].

Интригуя на Пиренейском полуострове через посредство Англии, Россия в то же время оговаривает Англию перед Францией. Так, в «Neue Preusische Zeitung» мы читаем, что Англия устроила испанскую революцию за спиной у Франции.

Какой же интерес России вызывать волнения в Испании? Ее цель — произвести диверсию на западе, возбудить разногласия между Англией и Францией и в конце концов вовлечь Францию в интервенцию. Русофильская печать в Англии уже сообщает, что баррикады в Мадриде воздвигли французские июньские инсургенты. Нечто подобное было сказано в свое время Карлу X на конгрессе в Вероне:

«Прецедент, созданный испанской армией, вызвал подражание в Португалии, распространился на Неаполь и Пьемонт и всюду дал опасный пример того, как армии вмешиваются в дело реформы и диктуют законы своей стране силой оружия. Немедленно после восстания в Пьемонте во Франции — в Лионе и других местах— произошли движения, преследовавшие ту же цель. В заговоре Бертона в Ла-Рошели приняли участие 25 солдат 45-го полка. Революционная Испания возвратила обратно во Францию уродливые элементы раздора, и демократические фракции обеих стран объединились против монархической системы».

Мы вовсе не хотим сказать, что испанская революция — дело рук англичан и русских. Отнюдь нет. Россия содействует беспорядкам лишь в те моменты, когда знает о наличии революционного кризиса. Но возникающее затем подлинное народное движение всегда оказывается не менее враждебным интригам России, чем деспотическим действиям своего правительства. Так было в Валахии в 1848 г., так обстоит дело в Испании в 1854 году.

Коварство Англии полностью обнаруживается в поведении ее посла в Мадриде, лорда Хаудена. Направляясь на свой служебный пост, он перед отъездом из Англии собрал держателей испанских ценных бумаг и призвал их потребовать от правительства оплаты своих претензий и заявить, что в противном случае они полностью откажут испанским купцам в кредите. Таким образом, он создал затруднения для нового

правительства, а по прибытии в Мадрид он пожертвовал в пользу погибших на баррикадах, вызвав этим одобрение испанского народа.

«Times» обвиняет г-на Суле в том, что именно он вызвал восстание в Мадриде в интересах нынешнего американского правительства. Однако г-н Суле не писал статей в «Times» против Изабеллы II и партия, заинтересованная в аннексии Кубы, ничего не выиграла от революции. В этом отношении характерно назначение на пост военного губернатора острова Кубы генерала де ла Кончи, бывшего одним из секундантов герцога Альбы на его дуэли с сыном г-на Суле. Было бы ошибкой предполагать, что испанские либералы сколько-нибудь разделяют взгляды английского либерала г-на Кобдена относительно отказа от колоний[229]. Одной из главных задач конституции 1812 г. было удержать господство над колониями путем введения в новый кодекс единой системы представительства[230]. В 1811 г. испанцы предприняли даже обширные вооружения в виде набора нескольких полков в Галисии — единственной испанской провинции, в то время не занятой французами, — чтобы сочетать свою южноамериканскую политику с насилием. Едва ли не важнейшим принципом этой конституции было сохранение всех принадлежавших Испании колоний, и нынешние революционеры разделяют эту позицию.

Ни в одной революции поведение общественных деятелей не представляло столь скандального зрелища, как в этой начатой в интересах «нравственности» испанской революции. Коалиция старых партий, образовавшая нынешнее испанское правительство (сторонники Эспартеро и сторонники Нарваэса), главное свое внимание обратила на дележ добычи — должностей, назначений, жалований, титулов и орденов. Дульсе и Эчагуэ уже прибыли в Мадрид, Серрано просил разрешения прибыть, чтобы обеспечить себе долю в грабеже. Между модерадос и прогрессистами разгорелась великая ссора: первые обвиняются в том, что назначили всех генералов, а вторые — в том, что назначили всех политических лидеров. Чтобы утихомирить страсти «черни», тореадор Пучета повышен с должности начальника скотобоен на должность начальника полиции. Даже очень умеренная газета «Clamor Publico» не скрывает своего разочарования.

«Поведение генералов и лидеров было бы более достойным, если бы они отказывались от повышений, показав благородный пример бескорыстия и преданности принципам нравственности, провозглашенным революцией».

Бесстыдство при дележе добычи отразилось и на назначении послов. Не говоря уж о назначении в Париж сеньора Олосаги, который, будучи послом Эспартеро при этом самом дворе в 1843 г., конспирировал с Луи-Филиппом, Кристиной и Нарваэсом, не говоря о назначении в Вену Алехандро Мона, бывшего министра финансов Нарваэса в 1844 г., ни о назначении Риос-и-Росаса в Лиссабон и Пастора Диаса в Турин, двух членов партии модерадос с весьма посредственными дарованиями, достаточно привести пример Гонсалеса Браво, этого воплощения испанской коррупции, назначенного послом в Константинополь. В 1840 г. Браво издавал журнал «El Guirigay» («Болтовня»), своего рода мадридский «Punch»[231], в котором с яростью нападал на Кристину. Через три года погоня за должностью превратила его в шумного приверженца модерадос. Нарваэс, который нуждался в гибком орудии, использовал Браво в качестве премьер-министра Испании, а затем выбросил его вон, как только смог обойтись без него. Между тем, будучи премьером, Браво назначил своим министром финансов некоего Карраско, который просто грабил испанскую казну. Заместителем секретаря казначейства он сделал своего отца, человека, уже раньше изгнанного за взятки из казначейства, где он занимал незначительную должность; своего зятя, завсегдатая театра Принсипе, Браво сделал камердинером королевы. Когда его упрекали в изменах и продажности, он отвечал: «Не смешно ли постоянно оставаться тем же?» И вот этот человек оказался избранным на пост посла «революции нравственности».

Как контраст этим гнусностям официальных кругов, позорящим испанское движение, отрадно услышать, что народ заставил, наконец, этих молодцов предать Кристину суду кортесов и согласиться на созыв национального учредительного собрания без сената, следовательно не созываемого на основе избирательного закона 1837 или 1845 годов. Правительство еще не отважилось навязать избирательный закон собственного изготовления, народ же единодушно высказывается в пользу всеобщего избирательного права. На выборах в национальную гвардию в Мадриде избраны были исключительно прогрессисты.

В провинциях парит полнейшая анархия; повсюду учреждены и действуют хунты, и каждая из них публикует декреты в интересах своей местности: одна — отменяет табачную монополию, другая — пошлины на соль. Контрабандисты развили обширную деятельность с тем большим успехом, что в Испании они — единственная сила, не подверженная дезорганизации. В Барселоне солдаты дерутся то между собой,

то с рабочими. Это состояние анархии в провинциях весьма благоприятно, так как не дает столице прибрать к рукам дело революции.

Мадридская печать представлена в настоящее время следующими газетами: «Espana», «Novedades», «Nacion», «Epoca», «Clamor Publico», «Diario espanol», «Tribuno», «Esperanza», «Iberia», «Catolico», «Miliciano», «Independencia», «Guardia Nacional», «Esparterista», «Union», «Europa», «Espectador», «Liberal», «Eco de la revolucion». Газеты: «Heraldo», «Boletin del pueblo» и «Mensajero» перестали выходить.

Написано К. Марксом 15 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4172, 1 сентября 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском, языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

* РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ. — БОМАРСУНД

Лондон, пятница, 18 августа 1854 г.

Из передовых статей в «Assemblée nationale», «Times» и «Journal des Débats» видно, что ни чисто русская, ни русско-кобургская, ни конституционная партии не довольны ходом испанской революции. Отсюда, пожалуй, можно сделать вывод, что у Испании есть кое-какие шансы, хотя внешняя обстановка и говорит как будто обратное.

8 августа делегация Союзного клуба[232] посетила Эспартеро, чтобы передать ему адрес с требованием всеобщего избирательного права. Многочисленные петиции того же содержания следуют одна за другой. В связи с этим в совете министров имели место долгие и оживленные прения. Однако сторонники всеобщего избирательного права, равно как сторонники избирательного закона 1845 г., потерпели поражение. Мадридская «Gaceta» публикует декрет о созыве кортесов на 8 ноября; декрету предпослано exposé*, адресованное королеве. Выборы будут проводиться на основе закона 1837 г. с некоторыми изменениями. Кортесы должны быть единым учредительным собранием, поскольку законодательные функции сената отменяются. Остаются в силе два пункта закона 1845 г., а именно пункты, касающиеся способа формирования избирательных mesas (органы, проводящие голосование и публикующие результаты выборов) и числа депутатов: один депутат избирается от каждых 5000 человек. Таким образом, собрание будет насчитывать от 420 до 430 членов. Согласно циркуляру министра внутренних дел Санта-Круса, регистрация избирателей

* — разъяснение. *Ред.*

должна быть закончена к 6 сентября. После проверки списков провинциальными муниципалитетами регистрация будет прекращена 12 сентября. Выборы состоятся 3 октября в главных пунктах избирательных округов. Подсчет голосов начнется 16 октября в главном городе каждой провинции. В тех случаях, когда результаты выборов окажутся спорными и понадобится новое голосование, оно должно быть проведено до 30 октября. В разъяснении недвусмысленно говорится, что

«кортесы 1854 г., подобно их предшественникам 1837 г., должны спасти монархию; они должны завязать новые узы между троном и нацией; эти цели пе могут быть предметом ни обсуждения, ни запросов».

Иначе говоря, правительство запрещает обсуждение вопроса о династии; отсюда «Times» делает обратное заключение, предполагая, что вопрос будет поставлен так, что либо быть нынешней династии, либо вообще никакой; нужно ли подчеркивать, что эта последняя перспектива бесконечно огорчает газету «Times» и путает все ее расчеты.

Избирательный закон 1837 г. дает право голоса только тем гражданам, которые являются владельцами или арендаторами дома или участка, платят mayores cuotas (корабельную подать, взимаемую государством) и достигли двадцати пяти лет. Кроме того, правом голоса пользуются члены испанских академий истории и свободных искусств, доктора, лиценциаты богословского, юридического и медицинского факультетов, члены церковных капитулов, приходские викарии с подчиненным им духовенством, судьи и адвокаты с двухлетним стажем, офицеры армии определенного срока службы, состоящие на действительной службе или в резерве, врачи, хирурги, аптекари с двухлетним стажем, архитекторы, живописцы и скульпторы, состоящие членами какой-либо академии, профессора и преподаватели казенных учебных заведений. Тот же закон лишает права голоса неплательщиков государственных и местных налогов, банкротов, лиц, лишенных прав по причине нравственной или гражданской несостоятельности, наконец, всех, состоящих под судом и следствием.

Итак, декрет не дает всеобщего избирательного права и изымает вопрос о династии из ведения кортесов. И все же представляется мало вероятным, что даже такое собрание окажется приемлемым. В 1812 г. испанские кортесы не касались вопроса о монархии лишь потому, что она существовала только номинально, поскольку король уже ряд лет находился за пределами Испании. В 1837 г. они не касались этого вопроса,

потому что в первую очередь надо было покончить с абсолютной монархией, а потом уже думать об отношении к конституционной монархии. Что касается общего положения в стране, то «Times» вполне резонно сетует на то, что в Испании отсутствует французская централизация и что вследствие этого даже победа над революцией в столице ничего не решает в отношении провинции, пока там продолжается состояние «анархии», без которого никакая революция не может иметь успеха.

Само собой разумеется, в испанских революциях бывают некоторые моменты, свойственные только им. Так, например, сочетание разбоя с бунтарской деятельностью — особенность, проявившаяся впервые в герилье, войне против французского нашествия, затем подхваченная «роялистами» в 1823 г. и карлистами с 1835 года. Поэтому нет ничего удивительного в сообщении о крупных беспорядках, происшедших в Тортосе, в Нижней Каталонии. В воззвании от 31 июля Junta popular* этого города говорит:

«Банда презренных убийц, прикрываясь требованием отмены косвенных налогов, захватила город и попрала все общественные законы. Свое выступление она ознаменовала грабежом, убийствами и поджогами».

Впрочем, хунта быстро восстановила порядок: граждане вооружились и подоспели на выручку слабому гарнизону города. Заседает военная комиссия, уполномоченная преследовать и наказывать виновников событий 30 июля. Разумеется, это дало реакционным газетам повод к добродетельным разглагольствованиям. Насколько они мало оправданы, видно из сообщения «Messager de Bayonne», что карлисты подняли знамя в провинциях Каталонии, Арагоне и Валенсии, и именно в тех окрестных горах, где во время карлистских войн были главные их гнезда. Как раз у карлистов впервые появился ladro faccioso, то есть разбойник, выдающий себя за приверженца преследуемой правительственной властью партии. Со времени Вириата испанские герильерос всегда имели в себе что-то от разбойника; но чтобы самый простой разбойник присваивал себе титул герильерос, это уже новость карлистского изобретения. Участники тортосских событий несомненно принадлежат к этой категории.

В Лериде, Сарагосе и Барселоне положение серьезное. Два первых города отказались объединиться с Барселоной, потому что там верховодят военные. Однако, по-видимому,

* — народная хунта. *Ред.*

даже там Конча не в состоянии справиться с бурей, и его место должен занять генерал Дульсе, так как предполагают, что недавно приобретенная этим генералом популярность даст больше гарантий в деле устранения трудностей.

Тайные общества возобновили свою деятельность в Мадриде; они руководят демократической партией так же, как в 1823 году[233]. Первое требование, предъявленное народом по их настоянию, состоит в том, чтобы все бывшие министры, начиная с 1843 г., представили свои отчеты.

Правительство скупает обратно оружие, захваченное народом в дни баррикадных боев. Таким путем оно получило 2 500 ружей, находившихся раньше в руках повстанцев. «Аякучо» дон Мануэль Сагасти, бывший jefe politico* Мадрида в 1843 г., восстановлен в своей должности. Он издал два воззвания — к населению и к национальной милиции, — в которых объявляет свое намерение решительно подавлять всякие беспорядки. Устранение ставленников Сарториуса с различных должностей осуществляется очень быстро. Это, быть может, единственное дело, которое в Испании совершается быстро. Тут все партии проявляют одинаковое проворство.

Саламанка, вопреки прежним сообщениям, не находится в заключении; он был арестован в Аранхуэсе, но вскоре освобожден и сейчас находится в Малаге.

Доказательством того, что народ своим давлением держит под контролем правительство, — факт, не слыханный в истории Испании, — служат произведенные военным министром, министром внутренних дел и министром общественных работ многочисленные перемещения в личном составе и упрощения в управлении соответствующих ведомств.

Унионистская партия, или партия Кобург-Браганса[234], очень слаба. Иначе зачем ей было поднимать такой шум но поводу единственного адреса, присланного из Португалии мадридской национальной гвардии? Если присмотреться поближе, то видно, что адрес (исходящий от лиссабонской газеты «Journal de Progrès») не имеет никакого отношения к вопросу о династии и является попросту братским приветствием, столь знакомым нам по движению 1848 года.

Главной причиной испанской революции было состояние финансов, в частности декрет Сарториуса, предписывающий уплату налогов за шесть месяцев вперед. Когда вспыхнула революция, все государственные кассы были пусты, несмотря на то обстоятельство, что ни в одном из ведомств не была

* — губернатором. *Ред.*

произведена выплата; более того, в течение ряда месяцев суммы, предназначенные для каких-либо определенных целей, не были использованы по назначению. Так, например, дорожные сборы, взимаемые у застав, вовсе не шли на содержание дорог. То же было с суммами, специально выделенными для общественных работ. При ревизиях касс общественных работ вместо счетов за выполненные работы в них находили расписки придворных фаворитов. Известно, что финансовые операции уже давно были самым выгодным занятием в Мадриде. Испанский бюджет на 1853 г. выглядел следующим образом:

Цивильный лист и королевские земли	47 350 000	реалов
Законодательство	1 331 685	»
Проценты государственного долга	213 271 423	»
Председатель совета министров	1 687 860	»
Иностранное ведомство	3 919 083	»
Ведомство юстиции	39 001 233	»
Армия	278 646 284	»
Флот	85 165 000	»
Ведомство внутренних дел	43 957 940	»
Полиция	72 000 000	»
Ведомство финансов	142 279 000	»
Пенсии	143 400 586	»
На церковь	119 050 508	»
Чрезвычайные расходы	18 387 788	»
Итого	1 209 448 390	реалов

Несмотря на такой бюджет Испания из всех европейских стран взимает меньше всего налогов и нигде экономический вопрос не является столь простым, как здесь. Поскольку муниципалитеты в Испании по традиции сами управляют собственными делами, то сокращение и упрощение бюрократического аппарата представляет здесь наименьшие трудности, точно так же, как и реформа таможенных пошлин и справедливое использование еще не отчужденных bienes nacionales*. Социальный вопрос в современном смысле слова не имеет почвы в Испании — стране с еще столь слабо развитыми ресурсами и столь малочисленным населением — всего 15000000 жителей.

Из английских газет вы узнаете о первых подвигах английской армии у Бомарсунда. Бедная пресса, не имевшая еще ни разу случая сообщить о чем-либо действительно выдающемся,

* — государственных земель. *Ред.*

преисполнена восторга по поводу успехов, которых достигли 10000 французов против 2000 русских. Не будем останавливаться на этих подвигах и лучше рассмотрим последствия, которые будет иметь взятие острова, являющегося faubourg* Стокгольма, а не С.-Петербурга. Французская газета «Siеcle» сообщила, и многие газеты подхватили это сообщение, что Швеция немедленно присоединится к западным державам в их активных мероприятиях против России. О правдоподобии такого сообщения можно судить по тому факту, что Швеция заключила договор о вооруженном нейтралитете как раз тогда, когда могла успешно вести операции в болотах и лесах Финляндии. Изменит ли она свою политику теперь, когда благоприятное для этих операций время миновало? Англия и Франция отказали королю Оскару в тех денежных и территориальных гарантиях, которых он требовал за свое согласие. Более того, чем объяснить распоряжение шведского правительства о демобилизации целой эскадры, если Швеция действительно собирается выступить в поход? Эта демобилизация распространяется на линейные корабли «Карл XII», «Принц Оскар», фрегат «Дезире» и корветы «Гефле» и «Тор».

Взятие Бомарсунда сейчас, когда море в этих широтах скоро покроется льдом, не может иметь значения. В Гамбурге преобладает мнение, что за этим последует взятие Риги. Это мнение основывается на письме, которое капитан Хиткот, командир «Арчера», послал английскому консулу в Мемеле г-ну Хертолету и в котором сообщалось, что все иностранные суда должны уйти из рижской гавани до 10 августа.

Пруссия, видимо, энергично поддерживает военную контрабанду на своих границах с Россией и одновременно подготовляет разрыв с западными державами. Начальники портов в Кёнигсберге, Данциге, Кольберге и Свинемюнде получили приказ укрепить соответствующие крепости.

Наиболее влиятельные газеты Норвегии и Швеции заявляют:

«Было бы более чем безумием присоединиться к союзникам и пойти на огромные жертвы, не имея определенной и безусловной уверенности, что Россия будет разбита наголову и Польша восстановлена. В противном случае даже передача Финляндии Швеции была бы лишь обманом и ловушкой».

Нужно при этом помнить, что все эти северные правительства находятся в конфликте со своими собственными народами. В Копенгагене, например, дела обстоят так: шлезвиг-голь-

* — предместьем. *Ред.*

штейнцы постановили совершенно воздержаться от выборов в ригсрад, а в это же время копенгагенские избиратели обратились к д-ру Мадвигу, члену ландстинга, с адресом, в котором они предлагают ему не принимать мандата в ригсрад, так как указ короля явился нарушением датской конституции и прав датского народа.

Написано К. Марксом 18 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4174, 4 сентября 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЗЯТИЕ БОМАРСУНДА[235]

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Армии союзников предприняли, наконец, решительные действия. Они взяли Бомарсунд. 3 и 4 августа французские войска и английская морская пехота высадились на Аландских островах; 10-го крепость была обложена; за три следующих дня были сооружены батареи и установлены орудия; 14-го был открыт огонь; 15-го были взяты штурмом обе круглые башни, одна — французами, другая — англичанами; 16-го, после короткого боя, в котором союзники почти не понесли потерь, сдался большой казематированный форт. Безусловно, такая быстрота действий свидетельствует об известной смелости. Судя по всем имевшимся у нас сведениям, следовало ожидать, что для взятия крепости потребуется правильная осада, сооружение по меньшей мере одной параллели и около двух недель апрошных работ. Даже лондонская газета «Times», уже давно писавшая в таком тоне, будто достаточно союзной пехоте пойти на каменные стены в штыки, как они рассыпятся прахом, — даже она вынуждена была признать, что без осады все же не обойтись и что эта утомительная операция вероятно займет две недели.

Поэтому, если атака увенчалась успехом примерно через неделю после обложения крепости и на шестой день после начала рытья траншей, естественно сделать вывод, что трудности, с которыми столкнулись осаждающие, были гораздо меньше, чем они ожидали. Что же именно облегчило их задачу — об этом мы до получения подробных отчетов об осаде можем, конечно, только догадываться; однако имеется ряд обстоятельств, которые, возможно, благоприятствовали им. Значительную

часть гарнизона составляли финны, а часть даже уроженцы Аландских островов. Они, разумеется, не очень-то были воодушевлены русским патриотизмом и, по словам дезертиров, даже приняли решение вообще не драться, если это окажется возможным. По-видимому, население островов, убедившись, что союзники всерьез решили атаковать Бомарсунд, встретило их как избавителей от русского ига и конечно снабжало их всякого рода информацией и оказывало им всестороннюю помощь. Но суть дела, должно быть, в том, что в конструкции самой крепости имелся какой-то серьезный изъян. Поскольку план крепости достать невозможно и все наши сведения о ней основаны на видах и схемах, а также на описаниях, сделанных непрофессионалами (во всяком случае не инженерами) и поэтому весьма туманных, и поскольку в видах и описаниях есть ряд противоречащих друг другу деталей, мы не беремся сказать, в чем именно заключается этот изъян.

Однако, судя по схемам, обе круглые башни до известной степени фланкируют друг друга своим огнем; но так как во всяком круглом укреплении орудия должны быть расположены радиально и огонь их должен быть чрезвычайно рассеянным, то чем меньше размеры укрепления, а следовательно и количество орудий, тем больше рассеянность огня и тем менее действенным он становится. Поэтому Монталамбер тщательно предостерегает от применения таких башен, кроме случаев, когда рассеянность огня компенсируется сильной поддержкой, которую каждая башня получает от своих соседей справа и слева и от расположенной у нее в тылу главной крепости. Если пять или шесть таких башен могут сосредоточить свой огонь на одной точке, этот огонь становится столь же концентрическим и действенным, сколь рассеянным и слабым он был раньше. Кроме того, Монталамбер отлично знал, что на последних этапах осады, когда дело доходит до штурма, самым эффективным огнем по атакующим является огонь пехоты. Поэтому он не только предусматривал в своих башнях приспособления для обороняющейся пехоты, но обычно еще соединял отдельные башни своего рода укрытым ходом или траншеей, служившей не только для безопасного сообщения, но и для ведения огня пехотой. В пользе такой траншеи мы только что имели случай убедиться на примере Араб-Табиа, где вся оборона фланка ограничивалась такой траншеей, позволившей горсти арнаутов раз за разом отразить атаки русских. И, наконец, Монталамбер стремился вполне обезопасить свои башни от coup de main*.

* — внезапного удара. *Ред.*

Он окружал их рвом, с укрытым ходом, и иногда рассматривал их просто как reduit, то есть как последнюю, запасную позицию большого и сильного редута. Это была самая зрелая его конструкция и, по-видимому, самая правильная. Она принята с большими или меньшими поправками почти во всех укреплениях последнего времени, включающих малые башни Монталамбера. В добавление к такому затрудненному доступу к башне он очень остроумно приспособил весь ее нижний этаж или погреб для обороняющейся пехоты.

И вот, во всех этих отношениях русские, очевидно, допустили серьезные промахи. Продолжительность штурмового огня, то есть двадцать — тридцать часов, была явно мала для того, чтобы пробить достаточно широкую брешь даже тридцатидвухфунтовыми пушками, разве только что каменная кладка крепости была не такого качества, как обычно применяется для укреплений. Поэтому можно полагать, что башни были взяты с помощью штурмовых лестниц солдатами, которые вошли через амбразуры и открыли ворота, взорвав их. Это предполагает весьма слабый фланкирующий огонь, а так как у главного форта, по-видимому, не было в тылу батарей для поддержки башен, то каждую из башен фланкировал только огонь другой башни. Ошибка эта тем серьезнее, что, как явствует из схем, местность, весьма пересеченная в районе форта, позволяла штурмующим отрядам подойти довольно близко, укрываясь в ее складках. Далее, судя по схемам и по фактам, не было принято никаких мер против coup de main. Вокруг башен, по-видимому, вовсе не было редутов, а те редуты, которые русские построили впереди башен, были сданы почти без сопротивления. Говорят, что каждая башня была окружена рвом; но он очевидно был очень неглубок и не приспособлен для обороняющейся пехоты. Стоило союзникам взять башни, и главный форт, над которым эти башни господствовали, неизбежно оказался бы у них в руках. И поэтому он пал, оказав, весьма вероятно, только видимость сопротивления.

Если судить об этих укреплениях по непродолжительности их осады, то можно подумать, что их строители вовсе не рассчитывали на возможность серьезного нападения с суши. Строя эти башни, они, должно быть, имели в виду лишь отражение атак отрядов морской пехоты, которые могли насчитывать от силы две тысячи человек и не были бы достаточно многочисленны для штурма или для сколько-нибудь успешной правильной осады. Поэтому наиболее сильным был фронт, обращенный к морю, а сила сухопутного фронта, образованного башнями, являлась более показной, нежели реальной. А между

тем из опыта явствует, что даже 1000 солдат морской пехоты вероятно могли бы уже много месяцев назад взять башни штурмом и тем самым вынудить к сдаче главный форт!

Что касается самого штурма, то, по-видимому, и французы и англичане провели его очень хорошо. Англичане — известные специалисты по части штурмов; это их излюбленный метод, и он почти всегда им удается. Французы предпочитают атаку в открытом поле; а при осадах они, по математическому складу своего ума, предпочитают следовать методичной и специфически-французской науке, разработанной Вобаном. Но и их, очевидно, увлекла энергия английского ветерана. В армии при Бомарсунде находился старый полковник по фамилии Джонс — человек, который перещеголял Вобана, когда, воюя против храбрых и упорных гарнизонов Бадахоса, Сьюдад-Родриго и Сан-Себастьяна, ухитрился с явно недостаточными средствами сократить осаду почти на треть положенного срока. Полковник Джонс незаурядный инженер. В противоположность своим собратьям он не считает осаду учебным праздником, на котором главный инженер сдает экзамен и должен доказать перед всей армией, насколько он запомнил и уложил в голове все правила и предписания регулярной осады и все положения вобановской «Осады крепостей»[236]. Он не считает, что вся армия собралась на месте ради одних инженеров, которых она должна охранять, пока они демонстрируют свои фокусы. Полковник Джонс прежде всего воин, а потом уж инженер. Он хорошо знает английского солдата и знает, на что он способен. И быстрое, решительное и без лишнего шума взятие Бомарсунда в срок, вдвое короче положенного, так напоминает брешированне и штурм испанских крепостей, что руководить им не мог никто, кроме старика Джонса. Французы — те никогда не могли бы додуматься до такого способа взятия крепости. Он противоречит всему их складу, он слишком прямолинеен, в нем слишком отсутствуют вежливость и хорошие манеры. Но они не могли оспаривать авторитет человека, который пятьдесят лет назад испытал на них самих свой неправильный способ взятия крепостей и убедился, что этот способ неизменно достигает цели. А когда дело дошло до штурма, они в своей решимости, по-видимому, не уступали англичанам.

Любопытно, что русские, которые так гордились своими способностями к штурмам, от Перекопа и Очакова до Варшавы и Быстрицы, — получали отпор при всех своих попытках взять штурмом полевые укрепления, а в боях за Силистрию не смогли даже взять полевое укрепление правильной осадой и были вынуждены отойти, хотя турецкий гарнизон крепости не получил

никакой поддержки; с другой же стороны, в самом начале нынешней войны турки взяли штурмом долговременное укрепление русских — форт св. Николая, а знаменитая крепость Бомарсунд была взята, едва удостоившись такой чести, как открытая траншея. Следует еще отметить, что, судя по всему, в этой победе флот не сыграл сколько-нибудь важной роли. По-видимому, корабли, как и всегда, стремились держаться подальше от казематированных батарей.

Однако характер этого успеха союзников таков, что они, по всей вероятности, больше ничего не предпримут в течение предстоящей осени. Во всяком случае части, предназначенные для большой экспедиции в Севастополь, еще не отплыли, и уже объявлена отсрочка еще на несколько недель. А там будет уже слишком поздно, и таким образом зимний отдых и передышка, столь необходимые после всех лишений, перенесенных в лагере у Варны, будут обеспечены бравым солдатам союзной армии.

Написано Ф. Энгельсом 21 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4174, 4 сентября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЗЯТИЕ БОМАРСУНДА

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Появившиеся в печати подробности о взятии Бомарсунда все еще носят туманный и неделовой характер. Мы фактически так и не знаем, на каком расстоянии от фортов были расположены брешь-батареи и где стояли на якоре корабли во время атаки с моря. Вопреки ожиданиям, мы не узнали ничего нового о конструкции фортов, даже после того, как ими овладели войска союзников. Почти все важные вопросы обходятся молчанием, а публику развлекают скорее живописными, чем техническими деталями. Даже официальные сообщения состряпаны столь небрежно, что нет возможности толком разобрать, пришлось ли или нет штурмовать взятый французами форт Изее (по местному написанию), в котором никто, кроме начальника, по-видимому, не оказывал сопротивления.

Те ограниченные сведения, которые нам удалось добыть, заключаются в том, что, как мы и предполагали, судя по схемам, обе башни были воздвигнуты на столь пересеченной местности, что овраги, склоны и скалы образовали естественны» апроши, подводившие почти до самых их рвов. Союзники могли с удобством расположиться в этих оврагах, не опасаясь русской картечи, которая пролетала над их головами; и получив, таким образом, возможность соорудить свои батареи у самой цели, они с первого дня осады применили тот тип батарей, который обычно в таких случаях используется в последнюю очередь, а именно — брешь-батареи. Судя по тому обстоятельству, что русские построили свои укрепления на такой местности и не выровняли се по крайней мере на 600—800 ярдов перед этими укреплениями, они не учитывали возможности

серьезного нападения с суши. Брешь-батареи, по-видимому, были установлены не более, чем в 500—600 ярдах от фортов, потому что французы стреляли из 16-фунтовых пушек, которые вообще считаются недостаточно тяжелыми для пробития бреши в стене даже с расстояния в 100—150 ярдов. Между тем, в результате тридцатишестичасового обстрела башне были нанесены такие повреждения, что еще через двенадцать часов был бы разрушен целый фронт. Англичане обстреливали форт Нотич из шестидесяти 32-фунтовых пушек, весивших 45 английских центнеров каждая.

Эти орудия, согласно «Морской артиллерии» сэра Говарда Дугласа[237], используются с уставным зарядом в семь фунтов пороха, и выпущенное из них ядро с расстояния в 400—500 ярдов проникает в массивный дуб на два — два с половиной фута. Ядра французских 16-фунтовых пушек при пятифунтовых зарядах с расстояния в 400—500 ярдов проникают в сооружения из дуба на полтора — два фута. Если англичане, как можно, предположить, увеличили заряд по меньшей мере до восьми фунтов, то неудивительно, что, имея вдвое больше орудий и притом двойного калибра, они меньше чем за двенадцать часов открыли одну сторону укрепления.

Что касается нападения с моря, то оно было не более как диверсией. Один только капитан Пелхем воспользовался случаем, чтобы произвести научный эксперимент. Он стрелял из своего длинного восьмидюймового основного орудия со всем упорством и равномерностью, присущими огню на пробитие бреши, стремясь по возможности попадать все время в одну и ту же точку. Эти длинные восьмидюймовые орудия — лучшие, какие есть в английском военном флоте. Их большой вес (95 английских центнеров) допускает 16-фунтовый пороховой заряд при сплошном ядре весом в 68 фунтов. Действие такого выстрела, даже с расстояния в 500—600 ярдов, несравненно более разрушительно, чем действие 18- или 24-фунтовых ядер, которые до сих пор обычно применялись на брешь-батареях; и при умелом применении такой огонь неизбежно дает огромный эффект. И упорный огонь капитана Пелхема очень скоро раскрыл секрет русских гранитных крепостей. Нескольких выстрелов было достаточно, чтобы отделить от стены то, что ранее выглядело как монолитная гранитная глыба, но на деле оказалось лишь облицовочной плитой, толщина которой отнюдь не соответствовала ее высоте и ширине. Еще несколько выстрелов — и отвалились соседние плиты, и тут со стен с грохотом посыпалась лавина мусора, обнажившая самое сердце крепости. Стало ясно, что «гранит» был лишь видимостью; что лишь только

сравнительно тонкие плиты, которыми был облицован эскарп, были сбиты снарядами, за ними не оказалось никакой прочной каменной кладки, которая могла бы преградить путь снарядам. Фактически стены представляли собой попросту обшивку, промежутки которой были заполнены битым камнем, песком и прочими материалами, не обладающими ни прочностью, ни силой сцепления. Если так была сложена основная крепость, то, без сомнения, кладка башен была не лучшего качества, и быстрота, с которой в них были пробиты бреши, становится вполне понятной. И эти стены, обладавшие столь малой сопротивляемостью, своим внушительным видом почти четыре месяца держали в страхе весь англо-французский флот! Впрочем, разочарование сэра Чарлза Нейпира, когда он увидел, из чего в действительности были построены эти укрепления, едва ли может сравниться с разочарованием, которое испытал царь, узнав, из чего состоит «гранит», за который он заплатил так много денег. В атаке с суши заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Мы уже говорили о пересеченной местности, окружавшей укрепления на расстоянии не только артиллерийского, но даже и ружейного огня. Этим воспользовались стрелки Венсенского полка, которые, укрываясь за пнями, валунами, скалами и т. д., подползли очень близко и открыли сильнейший огонь по амбразурам казематов. С расстояния в 400— 500 ярдов их винтовки били без промаха; к тому же, раз уж попав в амбразуру, как в туннель, каждая пуля, направляемая покатыми стенами, достигает центрального отверстия, расположенного в самой глубине; поэтому легко себе представить, как это беспокоило прислугу, занятую зарядкой крепостных орудий.

Русские, по-видимому, не приняли самых простых мер предосторожности против этого ружейного огня. У них тоже были стрелки. Почему они не расположили их на башнях, за парапетом крыши, откуда они держали бы под огнем вражеских стрелков? Но, как видно, финские стрелки в Бомарсунде не были склонны драться за славу святой Руси. И, наконец, французы использовали, кроме осадных орудий, несколько мортир и три гаубицы. Мортиры вели навесной огонь по непробиваемой бомбами крыше башни для того, чтобы сокрушить ее сочетанием силы падения с силой взрыва. Однако эта стрельба, очевидно, была малоэффективной. Французские же гаубицы вели настильный огонь и направляли его на амбразуры. С такого близкого расстояния, как 400—500 ярдов, из длинной 24-фунтовой бронзовой гаубицы, стреляющей снарядами диаметром в шесть дюймов, на три выстрела вполне можно добиться

одного попадания по такой цели, как амбразура; а каждый снаряд, попавший в цель, означал выход из строя одного орудийного расчета и самого орудия. Так что этот огонь был, должно быть, очень эффективным.

Итак, мы видим, что гранитные стены Бомарсунда не что иное, как обман русских, — куча мусора под тонкой каменной облицовкой, которая не смогла сколько-нибудь долго противиться меткому и упорному огню. Если люди, строившие их, обманули Николая, то ему все же удалось с помощью этих фиктивных укреплений обмануть союзников и заставить их отказаться от целой кампании. Защищались русские в общем неважно; возможно, что причиной этого были весьма открыто проявлявшиеся настроения финских частей. Атака союзников характеризовалась доселе небывалой в их действиях решительностью, которой они по всей вероятности обязаны генералу Джонсу. Трудности, которые пришлось преодолевать при передвижении и установке орудий, хотя и преувеличенные сэром Чарлзом Нейпиром, без сомнения, были велики. Французы использовали при атаке осадные орудия слишком малого калибра и мортиры, которые в данных условиях не могли принести большой пользы, но их настильный огонь по амбразурам из орудий и винтовок заслуживает всяческой похвалы. Англичане, как всегда, пустили в ход самые тяжелые орудия, какие они смогли доставить на поле боя, вели открытый, прямой и эффективный огонь, преодолевали трудности и держались под огнем со свойственным им упорством и добились своего без лишней суеты, но и без особой оригинальности.

Но Бомарсунд взят, и теперь возникает вопрос, что с ним делать? Судя по последним известиям из Гамбурга, на созванном адмиралами военном совете командующие экспедиционными силами и старшие командиры постановили разрушить все укрепления и покинуть остров, если Швеция не захочет занять его, заплатив за него объявлением войны России. Если эти сообщения правильны, то экспедиция на Аландские острова была ходом отнюдь не стратегическим, как утверждал «Moniteur», а чисто дипломатическим, предпринятым с целью вовлечь Швецию в опасный союз с теми самыми державами, дружба которых, по словам г-на Брайта, «за один год принесла Турции такие бедствия, которые не снились России даже в ее самых необузданных честолюбивых мечтах». Шведский двор колеблется, шведская пресса призывает народ остерегаться «Danaos et dona ferentes»*, но шведские крестьяне уже приняли пети-

* —«Данайцев, даже дары приносящих» (Вергилий. «Энеида»). *Ред.*

цию, гласящую, что палата должна просить короля позаботиться о том, чтобы Аландские острова больше никогда не вернулись к России. Петиция крестьян едва ли будет принята во внимание, и скоро мы, вероятно, получим известия о том, что крепость взорвана.

Написано Ф. Энгельсом 28 августа 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4182, 13 сентября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСПАНИЯ [238]

Написано К. Марксом в августе — ноябре 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» 9 и 25 сентября; 20, 27 и 30 октября; 24 ноября, 1 и 2 декабря 1854 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

I

В настоящее время революция в Испании приобрела, по-видимому, столь затяжной характер, что представители имущих и консервативных классов, как сообщает наш лондонский корреспондент, начинают покидать страну и искать безопасности во Франции. И не удивительно: ведь Испания никогда не придерживалась новейшей французской моды, столь широко распространившейся в 1848 г., проделывать революцию от начала до конца в трехдневный срок. Ее усилия в этой сфере более сложны и более длительны. Три года — вот, по-видимому, кратчайший срок, которым она ограничивается, хотя ее революционные циклы иногда растягиваются и на девять лет. Так, первая испанская революция нынешнего столетия продолжалась с 1808 до 1814, вторая — с 1820 по 1823, а третья — с 1834 по 1843 год. Сколько времени продлится и чем кончится нынешняя революция, этого не предугадает и самый проницательный политик; однако можно сказать без преувеличения, что нет другой страны в Европе, включая даже Турцию и Россию с ее войной, которая бы представляла для вдумчивого наблюдателя такой глубокий интерес, как Испания наших дней.

Восстания в Испании такое же древнее явление, как и власть придворных фаворитов, против которых они обычно бывают направлены. Так, в середине XV века аристократия возмутилась против короля Хуана II и его фаворита дон Альваро де Луна. Еще более серьезные волнения произошли в XV веке против короля Генриха IV и главы его камарильи дон Хуана де Пачеко маркиза де Вильена. В XVII веке народ в Лиссабоне разорвал на куски Васконсельоса, этого

Сарториуса при испанском вице-короле в Португалии, и та же участь постигла в Сарагосе Санта-Колому, фаворита Филиппа IV. В конце того же века, при Карле II, народ в Мадриде восстал против камарильи королевы, состоявшей из графини де Берлепш и графов Оропесы и Мельгара, наложивших на все продукты, ввозимые в столицу, обременительный налог, доход с которого они делили между собой. Народ явился к королевскому дворцу, заставил короля выйти на балкон и публично отречься от камарильи королевы. Затем толпа направилась к дворцам графов Оропесы и Мельгара, разграбила их и сожгла, причем пыталась захватить также и самих владельцев, которым, однако, удалось спастись ценой вечного изгнания. Причиной восстания в XV веке был предательский договор, заключенный фаворитом Генриха IV маркизом де Вильена с французским королем Людовиком XI, в силу которого Каталонию предполагалось уступить Франции. Спустя три столетия договор, заключенный в Фонтенбло 27 октября 1807 г., представлявший сделку между фаворитом Карла IV и возлюбленным его жены дон Мануэлем Годоем, «князем мира», с одной стороны, и Бонапартом — с другой, о разделе Португалии и вступлении в Испанию французских армий вызвал в Мадриде народное восстание против Годоя, за которым последовали: отречение Карла IV, вступление на престол его сына Фердинанда VII, вторжение французской армии в Испанию и, наконец, война за независимость. Так испанская война за независимость началась с народного восстания против камарильи в лице дон Мануэля Годоя совершенно так же, как в XV веке гражданская война началась восстанием против камарильи в лице маркиза де Вильена. И точно так же началом революции 1854 г. было восстание против камарильи в лице графа Сан-Луиса.

Несмотря на эти постоянно повторявшиеся восстания, в Испании вплоть до нашего столетия не было серьезных революций, если не считать войны Священной лиги[239] при Карле I, или Карле V, как его называют немцы. Непосредственным предлогом этих последних событий, как обычно, явилось поведение придворной клики, которая, пользуясь покровительством вице-короля Испании, фламандца кардинала Адриана, довела до отчаяния кастильцев своей наглой алчностью, продавала государственные должности тем, кто больше даст, и открыто торговала судебными приговорами. Сопротивление фламандской камарилье было лишь внешней стороной движения. В основе движения лежала защита вольностей средневековой Испании против притязаний современного абсолютизма.

(Temporaneo. Italiano)

London. 1854. May. June. July.

1) Davies (W. W.) Dissertation [illegible] History of the Monarchy of Spain. London. 1838.
2) Thierry (A.) Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers État. 2d ed. 2 vol. Paris 1853.
3) Una Mirada sobre la [illegible] y [illegible] de la Revolucion de España, Madrid. 1846.
4) Rivoluzione d'Espagna Esame critico 1820–36. Parigi. 1836.
5) ~~The War of Spain~~ 2d edit. London. 1823.
6) Revelations on Spain in 1845. 2 vol. London. 1845.
7) Manuel de Marliani. Historia Política de la España Moderna. Barcelona. 1849.
8) [illegible] [illegible] [illegible] Madrid. 1848.

Титульный лист одной из тетрадей Маркса
с выписками по истории Испании [240]

После того как объединение Арагона, Кастилии и Гранады под властью Фердинанда Католика и Изабеллы I создало материальную основу испанской монархии, Карл I попытался преобразовать эту все еще феодальную монархию в абсолютную монархию. Он повел наступление сразу на оба столпа испанской свободы, на кортесы и на аюнтаментос[241]; кортесы представляли собой преобразованную форму древних готских concilia[*], аюнтаментос почти непосредственно шли от римской эпохи, обладая свойственной римским муниципиям чертой — сочетанием наследственного и избирательного начала. Что касается муниципального самоуправления, то города Италии, Прованса, Северной Галлии, Великобритании и отчасти Германии представляют большое сходство с испанскими городами в их тогдашнем виде; но ни Генеральные штаты во Франции, ни британский парламент в средние века нельзя сравнить с испанскими кортесами. При формировании испанского королевства были условия, исключительно благоприятные для ограничения королевской власти. С одной стороны, в течение длительной борьбы с арабами небольшие части территории были в разное время отвоеваны и превращены в особые королевства. В ходе этой борьбы возникали народные законы и обычаи. Постепенные завоевания, совершавшиеся главным образом дворянством, чрезвычайно усиливали его могущество, в то же время ослабляя власть короля. С другой стороны, населенные пункты и города внутри страны приобрели крупное значение, ибо жители вынуждены были селиться вместе в укрепленных местах и искать там защиты от непрерывных вторжений мавров; в то же время положение Испании как полуострова и постоянные сношения с Провансом и Италией способствовали образованию первоклассных торговых приморских городов на побережье. Уже в XIV столетии представители городов составляли самую могущественную часть кортесов, в состав которых входили также представители духовенства и дворянства. Следует также отметить, что медленное освобождение от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы придало полуострову к тому времени, когда его территория полностью очистилась,. черты, совершенно отличные от тогдашней Европы; в эпоху европейского Возрождения на севере Испании господствовали нравы и быт готов и вандалов, а на юге — арабов.

Когда Карл I вернулся из Германии, где он был возведен в императорский сап, кортесы собрались в Вальядолиде, чтобы

[*] — советов. *Ред.*

принять его присягу в верности древним законам и возложить на него корону[242]. Карл, отказавшись приехать, послал своих уполномоченных, с тем чтобы они приняли от кортесов присягу на верность королю. Кортесы отказались допустить этих уполномоченных в свое собрание и поставили монарха в известность, что, если он не явится и не присягнет законам страны, он никогда не будет признан королем Испании. Карл уступил этому требованию; он предстал перед кортесами и принес присягу, по словам историков, с очень кислой миной. При этом кортесы заявили ему: «Государь, вы должны знать, что король является только платным слугой нации». Таково было начало вражды между Карлом I и городами. В результате его интриг в Кастилии начались многочисленные восстания, была образована Священная лига Авилы, и объединенные города созвали собрание кортесов в Тортесильясе. 20 октября 1520 г. отсюда был отправлен королю «протест против злоупотреблений», в ответ на который Карл лишил личных прав всех депутатов, собравшихся в Тортесильясе. Гражданская война стала неизбежной; восставшие горожане бросили призыв к оружию; их солдаты под командой Падильи захватили крепость Торрелобатон, но в конце концов были разбиты превосходящими силами в сражении при Вильяларе 23 апреля 1521 года. Главные «заговорщики» сложили головы на плахе, а старинные вольности Испании перестали существовать.

Различные обстоятельства благоприятствовали укреплению зарождавшегося абсолютизма. Недостаток единства между провинциями парализовал их разрозненные усилия; однако главную услугу Карлу оказал резкий классовый антагонизм между дворянами и горожанами, который помог ему ослабить тех и других. Мы уже упоминали, что с XIV века влияние городов в кортесах было весьма значительно, а со времени Фердинанда Католика Святое братство (Santa Hermandad)[243] оказалось в руках городов мощным орудием против кастильского дворянства, обвинявшего их в нарушении древних дворянских привилегий и юрисдикции. Вот почему дворянство так усердно поддерживало Карла I в его намерении уничтожить Священную лигу. Сломив вооруженное сопротивление Лиги, Карл принялся за сокращение муниципальных привилегий городов; города, население которых уменьшалось, быстро теряли в богатстве и значении и вскоре утратили и свое влияние в кортесах. Тогда Карл повернул оружие против дворянства, которое помогало ему в подавлении городских свобод, но само сохранило еще немалое политическое значение. Мятеж армии из-за неуплаты жалованья принудил Карла в 1539 г.

собрать кортесы, чтобы добиться от них согласия на получение денег. Возмущенные тем, что прежние субсидии были неправильно истрачены на цели, чуждые интересам Испании, кортесы отказали в ассигновании. В бешенстве Карл распустил их; когда же дворяне стали настаивать на своем освобождении от налогов в силу привилегии, он заявил, что требующие такого права не имеют основания участвовать в кортесах, и действительно исключил их из этого собрания. Для кортесов это был смертельный удар; их заседания свелись в дальнейшем к выполнению чисто придворной церемонии. Третья составная часть древних кортесов — духовенство — еще со времени Фердинанда Католика стало под знамя инквизиции и давно уже не отождествляло свои интересы с интересами феодальной Испании. Напротив, благодаря инквизиции церковь превратилась в самое несокрушимое орудие абсолютизма.

Если после правления Карла I политический и социальный упадок Испании обнаруживал все симптомы позорного и продолжительного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи, то при этом императоре прах древних вольностей по крайней мере покоился в пышной гробнице. Это было время, когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции.

Как же объяснить то странное явление, что после почти трех столетий владычества династии Габсбургов, а вслед за ней династии Бурбонов — каждой из этих династий в отдельности было бы достаточно, чтобы раздавить народ, — муниципальные вольности Испании до известной степени сохранились? Как объяснить, что в той стране, где раньше, чем где-либо в другом феодальном государстве, возникла абсолютная монархия в самом чистом виде, централизация так и не смогла укорениться? Ответить на это не трудно. Именно XVI век был эпохой образования крупных монархий, которые повсюду возникли в связи с ослаблением враждовавших между собой феодальных классов: аристократии и горожан. Но в других больших государствах Европы абсолютная монархия выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества. Там она была горнилом, в котором различные элементы общества подвергались такому смешению и обработке, которое

позволило городам променять свое средневековое местное самоуправление на всеобщее господство буржуазии и публичную власть гражданского общества. Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам.

Со времени установления абсолютной монархии эти города прозябали в состоянии непрерывного упадка. Здесь не место определять политические или экономические условия, разрушившие испанскую торговлю, промышленность, мореплавание и земледелие. Для настоящей нашей задачи достаточно указать на самый факт. По мере упадка торговой и промышленной жизни городов внутренний обмен становился реже, взаимное общение жителей разных провинций слабее, средства сообщения забрасывались, большие дороги пустели. Таким образом, местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, отсутствие единообразия в развитии общества, — первоначально обусловленное географическим обликом страны, а затем развившееся исторически благодаря тому, что различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства, — все эти явления теперь окончательно закрепились и утвердились в силу переворота, происшедшего в экономике и иссушившего источники национальной деятельности. Абсолютная монархия не только нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, но она сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления. Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе. Деспотизм принимал различный характер в различных провинциях, где общее законодательство произвольно толковалось вице-королем и губернаторами; но при всем своем деспотизме правительство не мешало провинциям сохранять свои различные законы и обычаи, различные монетные системы, военные знамена разнообразных цветов и свою особую систему налогового обложения. Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда

оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением.

И так случилось, что Наполеон, который — подобно всем людям своего времени — считал Испанию безжизненным трупом, был весьма неприятно поражен, убедившись, что если испанское государство мертво, то испанское общество полно жизни, и в каждой его части бьют через край силы сопротивления. По договору в Фонтенбло он добился того, что его войска оказались в Мадриде; заманив королевскую фамилию для переговоров в Байонну, он принудил Карла IV взять обратно свое отречение и затем уступить ему свои владения; запугав Фердинанда VII, он вынудил его сделать такое же заявление. Карл IV с королевой и «князем мира» были отправлены в Компьен, Фердинанд VII с братьями заключены в замок Валансе, а трон Испании Наполеон отдал своему брату Жозефу, после чего собрал испанскую хунту в Байонне и наделил ее одной из своих готовых конституций[244]. Не видя ничего живого в испанской монархии, кроме жалкой династии, которую он прочно засадил под замок, Бонапарт был совершенно уверен, что ему удалось прибрать к рукам Испанию. Но через каких-нибудь несколько дней после своего coup de main[*] он получил весть о восстании в Мадриде. Правда, Мюрат подавил этот взрыв возмущения, умертвив около 1000 человек, но когда об этой бойне стало известно в стране, восстание вспыхнуло в Астурии и вскоре затем охватило всю монархию. Заметим, что это первое самопроизвольное движение зародилось в народе, между тем как «лучшие» классы спокойно подчинились чужеземному игу.

Так Испания прошла подготовку к своему новейшему революционному поприщу и вступила в борьбу, характеризующую ее развитие в нынешнем столетии. Факты и влияния, которые мы кратко перечислили выше, все еще определяют ее судьбы и направляют порывы ее народа. Мы указали, что они необходимы для оценки не только нынешнего кризиса, но всего, что она свершила и претерпела с момента захвата ее Наполеоном, — почти пятидесятилетнего периода трагических эпизодов и героических усилий, — поистине, одной из самых волнующих и поучительных глав современной истории[245].

[*] — смелого удара. *Ред.*

II

Мы уже кратко ознакомили наших читателей с прошлой революционной историей Испании, чтобы помочь им лучше понять и оценить события, которые в настоящее время привлекают к этой стране взоры всего мира. Еще больший интерес и, пожалуй, не меньшее значение для понимания современности представляет великое национальное движение, обеспечившее изгнание Бонапартов и вернувшее на испанский трон ту династию, которая занимает его по сей день. Но чтобы правильно судить об этом движении с его героическими эпизодами и незабываемым проявлением жизнеспособности у народа, считавшегося чуть ли не отжившим уже свой век, мы должны вернуться к первым дням наполеоновского нападения на испанскую нацию. Действительная причина всего происшедшего, по-видимому, впервые была сформулирована в Тильзитском договоре, заключенном 7 июля 1807 г. и как будто получившем свое завершение в секретной конвенции, подписанной князем Куракиным и Талейраном. Договор был опубликован в мадридской «Gaceta» 25 августа 1812 года; в нем содержались, в числе прочих, следующие условия:

«*Статья I.* Россия должна получить во владение Европейскую Турцию и распространить свои владения в Азии настолько, насколько она найдет это нужным.

Статья II. Династия Бурбонов в Испании и дом Браганса в Португалии перестанут царствовать. Обе короны будут переданы принцам дома Бонапартов».

Этот договор, если только он подлинный, — а подлинность его мало кем оспаривается, как явствует даже из недавно опубликованных мемуаров короля Жозефа Бонапарта[246], — является настоящей причиной французского нашествия в Испанию в 1808 г., а бурные события этого времени в Испании, в таком случае, связаны тайными нитями с судьбами Турции.

Когда вслед за резней в Мадриде и байоннским соглашением одновременно вспыхнули восстания в Астурии, Галисии, Андалузии и Валенсии, а французская армия заняла Мадрид, то Бонапарт под фальшивыми предлогами захватил четыре северных крепости — Памплону, Сан-Себастьян, Фигерас и Барселону; часть испанской армии была ранее перевезена на остров Фюнен для участия в операциях против Швеции; наконец, все существующие власти — военные, духовные, судебные и административные, — а также аристократия призывали народ подчиниться иностранному захватчику. Было, однако, одно обстоятельство, которое компенсировало все трудности положения. Благодаря Наполеону страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Таким образом, были разбиты оковы, которые в противном случае могли помешать испанскому народу проявить свою врожденную энергию. Насколько он был неспособен сопротивляться французам под верховенством своих королей и в обычных условиях, доказали бесславные кампании 1794 и 1795 годов[247].

Наполеон вызвал к себе в Байонну самых знатных лиц Испании, чтобы собственноручно вручить им нового короля и конституцию. За весьма немногими исключениями явились все. 7 июня 1808 г. король Жозеф принял в Байонне депутацию грандов Испании, от имени которых герцог Инфантадо, ближайший друг Фердинанда VII, обратился к нему с такими словами:

«Государь, гранды Испании всегда славились верностью своему королю; и теперь ваше величество найдет в них такую же преданность и привязанность».

Королевский совет Кастилии уверял бедного Жозефа, что «он является главным отпрыском фамилии, самим небом предназначенной для трона». Не менее низки были приветствия герцога дель Парке, возглавлявшего депутацию от армии. На следующий день те же лица опубликовали воззвание, предписывавшее всем покорность династии Бонапартов. 7 июля 1808 г. под новой конституцией поставили свои подписи 91 испанец из самых родовитых семей; среди них были герцоги, графы и маркизы, а также главы различных духовных орденов. При обсуждении этой конституции возражения с их стороны вызвала только отмена их древних привилегий и льгот. В состав первого министерства и первого придворного штата Жозефа вошли все лица, входившие раньше в министерство и придворный штат Фердинанда VII. Некоторые представители высших

классов видели в Наполеоне человека, посланного провидением для возрождения Испании, другие смотрели на него, как на единственный оплот против революции; никто не верил в возможность успеха национального сопротивления.

Таким образом, с самого начала испанской войны за независимость высшее дворянство и члены бывшей администрации утратили всякое влияние на буржуазию и народ, так как покинули их в начале борьбы. На одной стороне были Affrancesados (офранцуженные), на другой — нация. В Вальядолиде, Картахене, Гранаде, Хаэне, Санлукаре, Ла-Каролине, Сьюдад-Родриго, Кадисе и Валенсии наиболее известные деятели бывшей администрации — губернаторы, генералы и другие видные лица, рассматривавшиеся как французские агенты и препятствие национальному движению, — пали жертвой разъяренного народа. Власти повсюду были смещены. Уже за несколько месяцев до восстания 19 марта 1808 г. в Мадриде происходили волнения, направленные к тому, чтобы El Chorizero (колбасник — прозвище Годоя) и его ненавистные приспешники были удалены с их постов. Эта цель была теперь достигнута в общенациональном масштабе; тем самым внутренняя революция в том плане, в каком ее желали народные массы, и вне всякой связи с борьбой против чужеземного нашествия, совершилась. В целом движение, казалось, было направлено скорее *против* революции, чем *за* нее. Будучи национальным, поскольку оно провозгласило независимость Испании от Франции, оно было в то же время династическим, так как противопоставляло «возлюбленного» Фердинанда VII Жозефу Бонапарту, — реакционным, так как противопоставляло древние учреждения, обычаи и законы рациональным новшествам Наполеона, — суеверным и фанатичным, так как противопоставляло «святую религию» так называемому французскому атеизму, или уничтожению особых привилегий римской церкви. Священники, устрашенные участью своих французских собратьев, из чувства самосохранения, возбуждали народные страсти.

«Священный елей суеверия», — говорит Саути, — «придавал патриотическому пламени еще больше силы»[248].

Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности, но нигде эта двойственность не проявлялась так ярко, как в Испании. В воображении народа король был окружен поэтическим ореолом сказочного принца, угнетаемого и плененного великаном-разбойником. Самые захваты-

вающие и любимые эпохи национального прошлого были связаны со священными и чудесными преданиями о войнах креста против полумесяца; к тому же множество людей из низов привыкло носить рясу нищего монаха и кормиться за счет церкви. Один испанский писатель, дон Хосе Клементе Карнисеро, напечатал в 1814 и 1816 гг. следующие произведения: «Наполеон, истинный Дон-Кихот Европы», «Главные события славной испанской революции», «Законное восстановление инквизиции»[249]. Одного заглавия этих книг достаточно, чтобы уловить ту специфическую черту испанской революции, которая проявляется также в манифестах провинциальных хунт; все они славят короля, святую религию и родину, а некоторые даже говорят народу о том, что

«их надежды на потусторонний мир ставятся на карту и находятся под неминуемой угрозой».

Однако если крестьянство, жители маленьких городов, расположенных вдали от морей, и многочисленная армия нищих в рясах и не в рясах, глубоко проникнутые религиозными и политическими предрассудками, составляли огромное большинство национальной партии, то в нее входило, с другой стороны, деятельное и влиятельное меньшинство, которое видело в борьбе народа против французского нашествия сигнал 1; политическому и социальному возрождению Испании. Это меньшинство состояло из жителей портовых, торговых городов и некоторых провинциальных центров, где при Карле V до известной степени развились материальные условия современного общества. Их поддерживали лучшие элементы дворянства и буржуазии, писатели, врачи, адвокаты и даже священники, которых Пиренеи не спасли от вторжения философии XVIII века. Подлинной декларацией этой группы можно считать опубликованный в 1795 г. знаменитый меморандум Ховельяноса об улучшении сельского хозяйства и аграрном законе, составленный по приказу королевского совета Кастилии[250]. Наконец, имелась еще буржуазная молодежь, например, студенты университета, горячо воспринявшие стремления и принципы французской революции и одно время даже питавшие надежду возродить родину при поддержке Франции.

Пока дело шло только о совместной защите родины, две крупные составные части национальной партии пребывали в полном согласии. Антагонизм между ними не выступал наружу, пока они не встретились в кортесах, на арене борьбы за новую конституцию, которую предстояло выработать. Революционное меньшинство, стремясь поддержать в народе

патриотический дух, без колебаний апеллировало к национальным предрассудкам старых народных верований. Если для непосредственных целей национального сопротивления такая тактика могла представляться уместной, то все же она неизбежно должна была оказаться роковой для меньшинства в тот момент, когда консервативная часть старого общества начала бы использовать те же предрассудки и народные страсти для того, чтобы защитить свои собственные интересы против истинных и конечных планов революционеров.

Покидая Мадрид по требованию Наполеона, Фердинанд учредил высшую правительственную хунту под председательством инфанта дон Антонио. Но уже в мае эта хунта перестала существовать. Центрального правительства тогда не было, и восставшие города создавали свои собственные хунты под руководством хунт, созданных в столицах провинций. Эти провинциальные хунты являлись, собственно говоря, независимыми правительствами, каждое из которых организовало свою собственную армию. Хунта представителей в Овьедо заявила, что суверенитет полностью перешел к ней, объявила войну против Бонапарта и отправила делегатов в Англию для заключения перемирия. Позже то же самое сделала хунта Севильи. Любопытно, что под давлением обстоятельств эти фанатичные католики пошли на союз с Англией, державой, в которой испанцы привыкли видеть воплощение наихудшей ереси, немногим лучше самого турецкого султана. Спасаясь от нападения французского атеизма, они бросились в объятия британского протестантизма. Поэтому не удивительно, что Фердинанд VII, по возвращении в Испанию, объявил в декрете, восстанавливавшем святую инквизицию, что одной из причин,

«исказивших чистоту религии в Испании, было пребывание в ней иноземных войск, принадлежащих к различным сектам, одинаково зараженным ненавистью к святой римской церкви».

Провинциальные хунты, которые появились столь внезапно, совершенно независимо друг от друга, признавали некоторый, — правда, весьма незначительный и неопределенный, — авторитет верховной хунты в Севилье, поскольку этот город считался столицей Испании, с тех пор как Мадрид попал в руки чужестранцев. Так было установлено весьма анархическое подобие федерального правительства, которое вследствие столкновений противоположных интересов, местных взаимных подозрений и соперничающих влияний представляло мало пригодное орудие для централизации военного командования и совместных боевых операций.

Воззвания этих отдельных хунт к народу отражают всю героическую мощь народа, внезапно воспрянувшего от долгого сна и словно под действием электрического тока ринувшегося в лихорадочную деятельность; в то же время они не смогли избежать той чрезмерной напыщенности стиля, того паясничества и болтливости, того многословного велеречия, которые дали Сисмонди повод охарактеризовать испанскую литературу эпитетом «восточной»[251]. В неменьшей степени эти воззвания проникнуты ребяческим тщеславием, свойственным испанскому характеру, и недаром члены хунт украшали себя, например, титулом «высочества» и наряжались в яркие мундиры.

В связи с этими хунтами надо отметить два обстоятельства: одно из них показывает низкий уровень сознания народа ко времени начала восстания, другое принесло ущерб развитию революции. Хунты избирались всеобщим голосованием; однако «истинное усердие низших классов проявлялось в их покорности». Обычно они выбирали своих естественных повелителей — провинциальную знать и мелкопоместное дворянство, за которыми стояло духовенство, и очень редко — выдающихся представителей буржуазии. Народ был до того проникнут сознанием своей беспомощности, что инициативу он проявлял только в том, что принуждал высшие классы к сопротивлению французам, не претендуя сам на участие в руководстве этим сопротивлением. Например, в Севилье «первой мыслью народа было потребовать, чтобы приходское духовенство и главы монастырей собрались для избрания членов хунты». Таким образом, хунты были переполнены людьми, избранными на основании их прежнего социального положения и всего менее походившими на революционных вождей. С другой стороны, народ, назначая этих представителей, не думал ни об ограничении их власти, ни об определении срока. А хунты, конечно, думали только о расширении первой и о продлении второго. Вот почему эти первые детища народного порыва в начале революции, сохраняясь на протяжении всего ее развития, вставали как плотины против революционного потока, всякий раз как он грозил выйти из берегов.

20 июля 1808 г., в тот самый день, когда Жозеф Бонапарт вступил, в Мадрид, Кастаньос принудил 14000 французов, под командой генералов Дюпона и Веделя, сложить оружие при Байлене, а еще через несколько дней Жозефу пришлось удалиться из Мадрида в Бургос. Сверх того произошли еще два события, сильно поднявшие дух испанцев: генерал Палафокс выгнал Лефевра из Сарагосы, а в Ла-Корунью прибыла армия маркиза де ла Романа численностью в 7000 солдат, которая,

не считаясь с французами, отплыла с острова Фюнен, чтобы подать помощь своей родине.

После битвы при Байлене революция достигла кульминационного пункта, и та часть высшей знати, которая либо признала династию Бонапарта, либо мудро воздерживалась от выступлений, присоединилась теперь к народному делу, что для последнего явилось преимуществом весьма сомнительного свойства.

III

Разделение власти между провинциальными хунтами спасло Испанию от первой волны наполеоновского нашествия не только тем, что во много раз усиливало способность страны к сопротивлению, по и тем, что оставляло нападающих в неведении относительно того, куда им следовало направлять удары; в самом деле, французы были в полном недоумении, обнаружив, что центр сопротивления испанцев находится всюду и нигде. Тем не менее, вскоре после капитуляции Байлена и эвакуации Мадрида Жозефом потребность в создании какого-либо правительственного центра начала ощущаться повсюду. После первых успехов раздоры между провинциальными хунтами настолько усилились, что, например, генералу Кастаньосу лишь с трудом удалось удержать Севилью от похода против Гранады. В результате французская армия, которая — за исключением корпуса маршала Бесьера — отступила в полнейшем беспорядке на линию Эбро и легко могла быть рассеяна или, во всяком случае, оттеснена обратно за границу, если бы ее энергично преследовали, получила возможность оправиться и занять сильную позицию. Но общенациональный протест против мелкого соперничества хунт и беспечной laissez faire* командиров был вызван, главным образом, зверским усмирением восстания в Бильбао генералом Мерленом[252]. Настоятельная необходимость координировать военные операции; уверенность в том, что Наполеон не замедлит появиться во главе победоносной армии, набранной на берегах Немана и Одера и в Прибалтике; потребность в центральной власти для заключения договоров о союзе с Великобританией и другими державами, а также для поддержания связи с испанской Америкой и взимания с нее налогов; наличие в Бургосе французской центральной власти и необходимость противопоставить

* — нерадивости. *Ред.*

чужой святыне свою — таковы были обстоятельства, под давлением которых севильская хунта, скрепя сердце, отказалась от своего неопределенного и в сущности номинального верховенства и предложила различным провинциальным хунтам избрать из своей среды по два депутата, собрание которых образовало бы *Центральную хунту,* причем провинциальные хунты должны были сохранить за собой внутреннее управление соответствующими областями,

«однако при условии надлежащего подчинения центральному правительству».

Таким образом, Центральная хунта в составе 35 депутатов от провинциальных хунт (34 собственно испанских и один с Канарских островов) собралась в Аранхуэсе 25 сентября 1808 г., как раз накануне того дня, когда властители России и Германии пали ниц перед Наполеоном в Эрфурте[253].

В условиях революционного времени судьбы армии еще ярче отражают подлинную природу гражданского правительства, нежели в обычной обстановке. Центральная хунта, призванная изгнать неприятеля из Испании, сама была силой французского оружия изгнана из Мадрида в Севилью, а из Севильи в Кадис, где ее ждал бесславный конец. Ее правление ознаменовалось рядом позорных поражений, уничтожением испанских армий и, наконец, превращением регулярных военных действий в отдельные операции герильи. Вот что заявил испанский дворянин Уркихо командующему военным округом Кастилии Куэсте 3 апреля 1808 года:

«Наша Испания представляет собой готическое здание, сложенное из разнородных элементов; в ней столько же различных сил, привилегий, законодательств и обычаев, сколько провинций. В ней решительно нет того, что в Европе называют общественным духом. Эти причины всегда будут препятствовать установлению у нас какой-либо центральной власти, достаточно прочной, чтобы объединить наши национальные силы».

Итак, если фактическое положение Испании в эпоху французского нашествия ставило величайшие препятствия на пути создания революционного центра, то самый состав Центральной хунты делал ее неспособной справиться с тем ужасным кризисом, в котором очутилась страна. Слишком многочисленная и слишком случайная по составу, чтобы стать исполнительным органом, хунта в то же время была слишком малочисленна, чтобы претендовать на авторитет национального конвента[254]. Уже то обстоятельство, что она получила свою власть от провинциальных хунт, делало ее неспособной преодолеть честолюбие, злую волю и капризный эгоизм этих собраний. Провинциальные хунты,

члены которых, как мы показали в предыдущей статье, выбирались сообразно своему положению в старом обществе, а не своей способности создать новое общество, в свою очередь посылали в Центральную хунту испанских грандов, прелатов, сановников Кастилии, бывших министров, высших гражданских и военных чиновников вместо лиц, выдвинутых революцией. Испанская революция с самого начала была обречена на неудачу из-за стремления держаться в границах законности и хорошего тона.

Двумя самыми выдающимися членами Центральной хунты, под знаменами которых сгруппировались имевшиеся там две большие партии, были Флоридабланка и Ховельянос; оба в свое время пострадали от преследований Годоя, оба в прошлом были министрами, а теперь стали инвалидами, состарились в размеренной и педантичной рутине косного испанского режима, торжественная и обстоятельная медлительность которого вошла в пословицу уже во времена Бэкона, который как-то воскликнул: «Пусть смерть придет за мной из Испании, в таком случае она явится в поздний час»[255].

Флоридабланка и Ховельянос являли собой противоположность, которая, однако, вела свое начало от того периода XVIII столетия, который предшествовал эпохе французской революции; первый был плебей-чиновник, второй — аристократ-филантроп. Флоридабланка — сторонник и деятель просвещенного абсолютизма, представителями которого были Помбал, Фридрих II и Иосиф II; Ховельянос — «друг народа», надеявшийся привести его к свободе путем тщательно обдуманной смены экономических законов и литературной пропаганды возвышенных доктрин; оба были противниками феодальных традиций, поскольку один стремился освободить от них монархию, а другой — избавить от их оков гражданское общество. Роль каждого из них в истории страны соответствовала различию их взглядов. Флоридабланка осуществлял высшую власть в качестве премьер-министра Карла III, и его правление становилось деспотично в той мере, в какой он наталкивался на сопротивление. Ховельянос, министерская карьера которого при Карле IV была кратковременной, приобрел свое влияние на испанский народ не в качестве министра, а в качестве ученого, не декретами, а книгами. Флоридабланка, когда политическая буря поставила его во главе революционного правительства, был восьмидесятилетним стариком, сохранившим в неприкосновенности только свою веру в деспотизм и неверие в творческие силы народа. Отправляясь в Мадрид, Флоридабланка оставил в муниципалитете

Мурсии тайный протест, гласивший, что он уступает только силе из боязни покушений со стороны народа и подписывает этот протокол специально, чтобы оправдать себя в глазах короля Жозефа за то, что принял мандат из рук народа. Не довольствуясь возвратом к традициям своих прежних лет, он исправлял те мероприятия своего прошлого правительства, которые теперь находил слишком неосмотрительными. Так, в свое время он изгнал иезуитов из Испании[256]; теперь же, едва став членом Центральной хунты, он добился для них разрешения вернуться «в качестве частных лиц». Если он и признавал, что со времени его правления произошла какая-нибудь перемена, то только в том, что Годой, изгнавший и лишивший великого графа Флоридабланку его всемогущества, был сам теперь заменен на своем посту тем же графом Флоридабланкой и в свою очередь подвергнут изгнанию. Таков был человек, которого Центральная хунта избрала своим президентом и которого ее большинство признавало своим непогрешимым вождем.

Ховельянос, стоявший во главе влиятельного меньшинства Центральной хунты, тоже уже состарился и утратил значительную часть своей энергии в длительном и тяжком заключении, которому в свое время подверг его Годой. Но даже в свои лучшие годы он не был человеком революционного действия, а скорее благонамеренным реформатором, слишком разборчивым в средствах и потому неспособным доводить дело до конца. Во Франции он пошел бы вместе с Мунье или Лалли-Толландалем, но ни шагу дальше. В Англии он фигурировал бы в качестве популярного члена палаты лордов. В повстанческой Испании он мог снабжать идеями пылкую молодежь, но в сфере практических действий ему было далеко даже до смиренного упорства Флоридабланки. Не чуждый аристократических предрассудков и потому весьма склонный к англомании в духе Монтескье, этот благородный человек был, казалось, воплощенным свидетельством того, что если в Испании и мог появиться ум, способный к общим идеям, то лишь как исключение и в ущерб личной энергии, которая у испанцев обнаруживается лишь в местных делах.

Впрочем, в Центральной хунте было несколько человек во главе с делегатом Сарагосы дон Лоренсо Кальво де Росасом, которые, разделяя реформаторские воззрения Ховельяноса, в то же время толкали к революционным действиям. Однако при их малочисленности и отсутствии среди них известных имен им было не под силу вытащить тяжелую государственную колесницу Хунты из глубокой колеи испанского церемониала.

И этот орган власти, составленный столь примитивно, внутренне столь вялый, возглавляемый живыми воплощениями прошлого, был призван совершить революцию и победить Наполеона. Если язык его манифестов был столь же силен, сколь были слабы его действия, то виной этому был испанский поэт дон Мануэль Кинтана, которому Хунта, проявив литературный вкус, поручила как секретарю составление своих манифестов.

Как напыщенные герои Кальдерона, которые, принимая условные титулы за подлинное величие, докладывают о себе утомительным перечислением своих титулов, так и Хунта прежде всего занялась присвоением себе почестей и отличий, соответствующих ее выдающемуся положению. Ее президент получил титул «высочества», прочие члены — «превосходительства», а всей Хунте in corpore* был присвоен титул «величества». Ее члены нарядились в маскарадный мундир, похожий на генеральский, украсили грудь значком, изображающим Старый и Новый свет, и назначили себе годовое содержание в 120000 реалов. Вполне в духе старой непанской традиции вожди восставшей Испании считали, что могут величественно и достойно вступить на историческую сцену Европы, лишь закутавшись в театральные плащи.

Изложение внутренней истории Хунты и деталей ее управления не входит в задачу настоящих очерков. Мы ограничимся здесь ответом на два вопроса. Каково было влияние Хунты на развитие революционного движения Испании и на оборону страны? Ответ на эти два вопроса разъяснит многое из того, что до сих пор казалось таинственным и непонятным в испанских революциях XIX века.

Вначале большинство членов Центральной хунты видело свой долг прежде всего в подавлении первых революционных порывов. Сообразно этому Хунта усилила прежние строгости против прессы и назначила нового великого инквизитора, которому, к счастью, французы не дали приступить к исполнению своих обязанностей. Хотя большая часть недвижимой собственности в Испании была тогда изъята из оборота в силу права «мертвой руки» — в виде дворянских майоратов и неотчуждаемых церковных земель, — Хунта распорядилась приостановить уже начавшуюся продажу имений «мертвой руки», угрожая даже аннулировать частные сделки по продаже церковных земель. Она признала национальный долг, но не приняла никаких финансовых мер ни для того, чтобы освободить бюджет

---

* — в полном составе. *Ред.*

от множества обязательств, обременивших его в результате векового хозяйничания сменявших друг друга продажных правительств, ни для того, чтобы преобразовать свою фискальную систему, несправедливость, нелепость и тягость которой вошли в пословицу, ни для того, наконец, чтобы, разрушая оковы феодализма, открыть нации новые источники производительной деятельности.

IV

Уже во времена Филиппа V Франсиско Бенито Соледад говорил: «Все беды Испании происходят от ее togados (юристов)»[257]. Во главе пагубной судебной иерархии Испании стоял Королевский совет [Consejo Real] Кастилии. Рожденный в бурную эпоху дон Хуанов и Генрихов, усиленный в своем значении Филиппом II, который открыл в нем достойное дополнение Santo officio*, этот Совет воспользовался бедствиями тех времен и слабостью последних королей для того, чтобы захватить и сосредоточить в своих руках самые разнообразные полномочия и к своим функциям верховного судилища присоединить функции законодателя и высшего административного органа всех королевств тогдашней Испании. Таким образом, по своей власти он превзошел даже французский парламент, на который во многом походил, — за исключением того, что он никогда не становился на сторону народа. Поскольку Королевский совет являлся в свое время наиболее могущественным органом власти в старой Испании, он был, конечно, самым непримиримым врагом новой Испании и всех недавно возникших народных властей, угрожавших ослабить его верховное влияние. Возглавляя сословие юристов, воплощая в себе гарантию всех их злоупотреблений и привилегий, Совет, естественно, располагал всей совокупностью многочисленных и влиятельных интересов, связанных с испанской юстицией. Таким образом, он представлял силу, с которой революция не могла вступить в компромисс; революция должна была уничтожить эту силу, чтобы самой не быть уничтоженной ею. Как мы видели в одной из предыдущих статей, Совет продался Наполеону и благодаря этой измене утратил весь свой авторитет в глазах народа. Однако в день вступления в исполнение своих обязанностей Центральная хунта имела глупость сообщить Совету о своем конституи-

* — инквизиционного трибунала. *Ред.*

ровании и потребовать от него присяги на верность; при этом Хунта объявила, что по принесении присяги Советом она разошлет текст присяги всем прочим властям королевства. Этот неосмотрительный шаг, вызвавший открытое осуждение всей революционной партии, показал Совету, что Центральная хунта нуждается в его поддержке; он воспрянул духом и после нескольких дней притворных колебаний с затаенным недоброжелательством выразил свое подчинение Хунте, сопроводив свою присягу выражением своих собственных реакционных сомнений, вылившихся в рекомендацию Хунте самораспуститься, сократив свой состав до трех-пяти членов, согласно закону 3, разделу 2, титулу 15[258], и отдать приказ о закрытии провинциальных хунт. После того как французы, вернувшись в Мадрид, разогнали Королевский совет, Центральная хунта, не довольствуясь своим первым промахом, имела безрассудство воскресить Совет, создав Consejo Reunido, т. е. объединение Королевского совета с остальными обломками древних королевских советов. Таким образом, сама же Хунта создала для контрреволюции центральный орган, который, конкурируя с ее собственным влиянием, все время чинил ей затруднения и препятствия интригами и заговорами, провоцируя ее на самые антинародные действия, чтобы затем с видом благородного негодования выставлять се на позор перед возбужденным народом. Нужно ли говорить, что сначала признав, а затем и восстановив Королевский совет, Центральная хунта оказалась не в состоянии провести какую-либо реформу ни в устройстве испанских судов, ни в совершенно негодном гражданском и уголовном законодательстве.

Несмотря на то, что в испанском восстании преобладали национальные и религиозные элементы, в течение первых двух лет в нем были налицо самые решительные тенденции к социально-политическим реформам; это видно из всех манифестов провинциальных хунт того времени, которые, даже будучи составлены в своем большинстве из представителей привилегированных классов, не упускали случая осудить старый порядок и обещать радикальные реформы. Это видно также из манифеста Центральной хунты. В своем первом обращении к нации от 26 октября 1808 г. Хунта говорит:

«Тирания, осуществляемая в течение двадцати лет самым бездарным образом, привела страну на край гибели; ненависть и раздоры оторвали нацию от ее правительства. Еще недавно угнетенный и униженный, не сознавая собственной мощи, не находя ни в учреждениях, ни в законах защиты против злоупотреблений правительства, народ считал чужеземное владычество менее ненавистным, нежели эту губительную тиранию. Господство воли, всегда капризной и почти всегда несправедливой, дли-

лось слишком долго; терпением народа, его любовью к порядку и великодушной лояльностью слишком долго злоупотребляли; пришло время, когда закон, основанный на общем благе, должен вступить в свои права. Реформа, следовательно, необходима во всех областях жизни. Хунта образует различные комитеты по каждому ведомству, и к ним должна направлять все письменные предложения по части правительства и администрации».

В своем обращении от 28 октября 1809 г., изданном в Севилье, Хунта говорит:

«Слабый и дряхлый деспотизм расчистил путь тирании французов. Допустить в государстве повторение прежних злоупотреблений было бы столь же чудовищным преступлением, как предать вас в руки Бонапарта».

В Центральной хунте, по-видимому, произошло самое оригинальное разделение труда: партии Ховельяноса разрешалось провозглашать и заносить в протоколы революционные стремления нации, а партия Флоридабланкн оставляла за собой право непосредственно опровергать их и противопоставлять революционным химерам контрреволюционные действия. Как бы то ни было, для нас важно, на основании признаний провинциальных хунт, сделанных Центральной хунте, доказать часто отрицаемый факт существования революционных стремлений в эпоху первого испанского восстания.

О том, как Центральная хунта использовала благоприятную обстановку для реформ, сложившуюся благодаря доброй воле нации, давлению обстоятельств и наличию непосредственной опасности, можно судить по влиянию, которое оказывали со комиссары в различных провинциях, куда их направляли. Один испанский автор[259] простодушно сообщает нам, что Центральная хунта, не страдая избытком талантов, старательно удерживала выдающихся своих членов в центре, а ни на что не способных отправляла на окраины. Эти комиссары были облечены полномочием председательствовать в провинциальных хунтах и представлять Центральную хунту во всей полноте ее функций. Приведем лишь несколько примеров их деятельности: генерал Романа, которого испанские солдаты прозвали маркизом де лас Ромериас[*] за его вечные марши и контрмарши, причем сражения происходили только тогда, когда ему случалось быть в отлучке, — этот Романа, разбитый Сультом и выгнанный из Галисии, явился в Астурию в качестве комиссара Центральной хунты. Первым его шагом было найти повод для ссоры с провинциальной хунтой Овьедо, энергичные революционные меры которой возбудили ненависть привилегированных классов. Он не задумался распустить ее и заменить

[*] — от слова «romerias» — «паломник». *Ред.*

собственными ставленниками. Маршал Ней, узнав об этих раздорах в провинции, где до тех пор сопротивление французам было всеобщим и единодушным, немедленно повел свои силы в Астурию, прогнал маркиза де лас Ромериаса, вступил в Овьедо и подверг этот город трехдневному грабежу. Когда же в конце 1809 г. французы очистили Галисию, наш маркиз и комиссар Центральной хунты вступил в Ла-Корунью, присвоил себе всю государственную власть, уничтожил окружные хунты, появившиеся в большом числе в ходе восстания, на их место назначил военных губернаторов, угрожая членам этих хунт преследованием, да и в самом деле преследуя патриотов и нарочно выказывая высшую благосклонность лицам, ставшим на сторону врагов, наконец, во всех отношениях проявлял себя как зловредный, бессильный и капризный болван. В чем же заключались проступки провинциальной и окружных хунт Галисии? Они издали приказ о всеобщем рекрутском наборе среди всех классов и лиц без исключения; они взимали налоги с капиталистов и земельных собственников; они снизили жалованье государственным чиновникам; они приказали духовным корпорациям предоставить в распоряжение хунт наличность своих касс. Словом, они приняли революционные меры. С появлением знаменитого маркиза де лас Ромериаса Астурия и Галисия, две провинции, наиболее отличившиеся своим общим сопротивлением французам, стали уклоняться от участия в войне за независимость, лишь только им перестала грозить непосредственная опасность нашествия.

В Валенсии, где, казалось, открывались новые перспективы, пока народ был предоставлен самому себе и своим выборным вождям, революционный дух был сломлен влиянием центрального правительства. Не довольствуясь тем, что доставила эту провинцию под начало некоего генерала дон Хосе Каро, Центральная хунта направила туда «собственного» комиссара, барона Лабасору. Этот барон вменил провинциальной хунте в вину то, что она не подчинилась некоторым приказам сверху, и отменил ее декрет, в силу которого назначения на вакантные каноничества, церковные бенифиции и командорства были справедливо приостановлены, а доходы с них предназначены для военных госпиталей. Отсюда ожесточенные споры между Центральной хунтой и хунтой Валенсии; отсюда бездействие Валенсии в дальнейшем, когда она находилась под либеральным управлением маршала Сюше, а после возвращения Фердинанда VII — ее старание провозгласить последнего королем в противовес тогдашнему революционному правительству.

В Кадисе, наиболее революционном пункте Испании того времени, присутствие комиссара Центральной хунты, глупого и тщеславного маркиза де Вильеля, вызвало восстание 22 и 23 февраля 1809 г., которое имело бы самые гибельные последствия, если бы не удалось своевременно превратить его в войну за независимость.

Самым ярким примером благоразумия Центральной хунты в назначениях своих комиссаров является отправка делегатом к Веллингтону сеньора Лосано де Торрес, который, унижаясь до раболепной лести перед английским генералом, тайно уведомлял Хунту, что жалобы генерала на недостаток продовольствия совершенно неосновательны. Обнаружив двуличие этого подлеца, Веллингтон с позором выгнал его из своего лагеря.

Центральная хунта находилась в самых благоприятных условиях для выполнения того, что она провозгласила в одном из своих обращений к испанской нации:

«Провидению было угодно, чтобы среди этого ужасного кризиса вы не могли подвинуться ни на шаг к независимости, не приближаясь в то же время к свободе»[260].

Когда Хунта взяла бразды правления, французы еще не захватили и третьей части испанской территории. Прежние власти либо отсутствовали, либо подчинились неприятелю, либо были распущены по его приказу. Не было такой социальной реформы, имеющей целью переход имущества и власти из рук церкви и аристократии в руки буржуазии и крестьянства, которую Хунта не могла бы провести во имя спасения общего отечества. На долю Хунты, как в свое время на долю Comite du salut public во Франции[261], выпал счастливый случай: внутренние потрясения совпали с необходимостью защищаться от нападения извне; мало того, Центральная хунта имела перед глазами пример смелой инициативы, проявленной некоторыми провинциальными хунтами под давлением обстоятельств. Но Центральная хунта не только повисла мертвым грузом на испанской революции, она фактически действовала на руку контрреволюции, восстанавливая прежние власти, снова выковывая уже разбитые цепи, гася пламя революции всюду, где ему удавалось пробиться, оставаясь сама в бездействии и мешая действовать другим. Во время пребывания Хунты в Севилье даже английское правительство тори сочло нужным 20 июля 1809 г. обратиться к ней с нотой, содержащей решительный протест, против взятого ею контрреволюционного курса, «из опасения, как бы Хунта не подавила общественный энтузиазм». Кем-то уже было замечено, что Испании пришлось претерпеть все бедствия революции, не приобретя революционной

силы. Если в этом замечании есть доля правды, то оно звучит уничтожающим приговором Центральной хунте.

Мы тем более сочли необходимым остановиться на этом вопросе, что ни один европейский историк еще не понял его решающего значения. Только под властью Центральной хунты можно было сочетать решение насущных вопросов и задач национальной обороны с преобразованием испанского общества и с раскрепощением национального духа, без чего любая политическая конституция неизбежно разлетается в прах при малейшем столкновении с реальной жизнью. Кортесы находились в совершенно противоположных условиях: оттесненные на крайнюю точку Пиренейского полуострова, отрезанные в течение двух лет от основной части монархии оккупационной французской армией, они представляли воображаемую Испанию, в то время как действительная Испания была завоевана или сражалась. Во время правления кортесов страна была разделена на две части. На острове Леон — идеи без дел, в остальной Испании — дела без идей. Напротив, при Центральной хунте понадобилась исключительная слабость, неспособность и злая воля верховного правительства, чтобы оторвать испанскую войну от испанской революции. Вопреки утверждению французских и английских авторов, кортесы потерпели неудачу не потому, что они действовали революционно, а потому, что их предшественниками были реакционеры, которые упустили подходящий момент для революционного действия. Новейшие испанские авторы, хотя и обижаются на английских и французских критиков, оказались, однако, неспособными их опровергнуть; они все еще морщатся от bon mot* аббата де Прада: «Испанский народ похож на жену Сганареля, которая любит, чтобы ее били»[262].

* — остроты. *Ред.*

V

Центральная хунта не смогла защитить отечество, потому что не смогла выполнить свою революционную миссию. Сознавая свою собственную слабость, неустойчивость своей власти и свою чрезвычайную непопулярность, могла ли она прибегать к другим средствам, чем недостойные уловки и мелочные интриги, когда пыталась положить конец соперничеству, ревности и чрезмерным претензиям генералов, свойственным всем революционным эпохам? Поскольку Хунта относилась с чувством постоянного страха и недоверия к своим военным командирам, у нас нет оснований не верить Веллингтону, который писал своему брату маркизу Уэлсли 1 сентября 1809 года:

> «Наблюдая действия Центральной хунты, я начинаю опасаться, что в использовании своих сил она руководствуется не столько задачами военной обороны и боевых операций, сколько политическими интригами и мелкими политическими целями».

В революционные периоды, когда все узы субординации ослабевают, военную дисциплину можно восстановить только строгим подчинением генералов гражданской дисциплине. Так же как Центральной хунте с ее нелепым устройством никогда не удавалось подчинить себе генералов, так и генералам не удавалось добиться повиновения от солдат, и до самого конца войны испанская армия не смогла достигнуть даже обычного уровня дисциплины и повиновения. Распущенность в армии поддерживалась вечной нуждой в продовольствии, одежде и всех предметах, необходимых для армии, ибо моральное состояние армии, употребляя выражение Наполеона, зависит всецело от ее материальных условий. Центральная хунта была неспособна регулярно снабжать армию, ибо поэтические манифесты бедняги Кинтаны для этого не годились, а применить принуждение наряду с декретами означало бы прибегнуть к тем самым революционным мерам, которые Центральная

хунта осудила в провинциях. Даже провозглашение всеобщего набора без привилегий и изъятий и предоставление всем испанцам доступа к любому чину в армии были заслугой провинциальных хунт, а не Центральной хунты. Но если поражения испанских армий были обусловлены бездарностью и контрреволюционностью Центральной хунты, то эти катастрофы в свою очередь оказывали угнетающее действие на правительство и, навлекая на него презрение и подозрения народа, усиливали его зависимость от притязательных, но бездарных военных начальников.

Испанская регулярная армия, хотя и терпела везде поражение, тем не менее была повсюду. Рассеянная более двадцати раз, она всегда была готова снова встретить неприятеля и нередко после поражения вновь появлялась с возросшими силами. Бить ее было бесполезно, ибо, быстро обращаясь в бегство, она терпела ничтожные потери людьми, а потеря поля боя ее не тревожила. В беспорядке отступая в горные ущелья, отряды твердо знали, что они соберутся опять и появятся в самый неожиданный момент, получив новые подкрепления и способные если не сопротивляться французским армиям, то, по крайней мере, держать их в постоянном напряжении и заставлять растрачивать свои силы. Более счастливые, чем русские, испанцы даже не должны были умирать, чтоб воскреснуть из мертвых.

Разгром при Оканье 19 ноября 1809 г. был последним большим правильным сражением, которое дали испанцы; с этого момента они ограничились исключительно ведением герильи. Уже самый факт отказа от регулярной войны свидетельствует, что общенациональный правительственный центр стушевался перед местными центрами. Когда поражения регулярной армии стали постоянным явлением, повсюду появились отряды герильерос и народная масса, не задумываясь над поражениями в национальном масштабе, восхищалась местными успехами своих героев. В этом пункте по крайней мере Центральная хунта разделяла всеобщие иллюзии: «Gaceta» «давала более подробные отчеты о какой-нибудь стычке герильерос, чем о сражении при Оканье».

Как Дон-Кихот своим копьем выражал протест против применения пороха, так и герильерос протестовали против Наполеона, только с неодинаковым успехом.

«Эти герильерос», — говорит «Oestreichische militarische Zeitschrift» (т. 1, 1821), — «свою операционную базу носили, так сказать, в себе самих, и всякая военная операция против них оканчивалась тем, что самый объект ее исчезал».

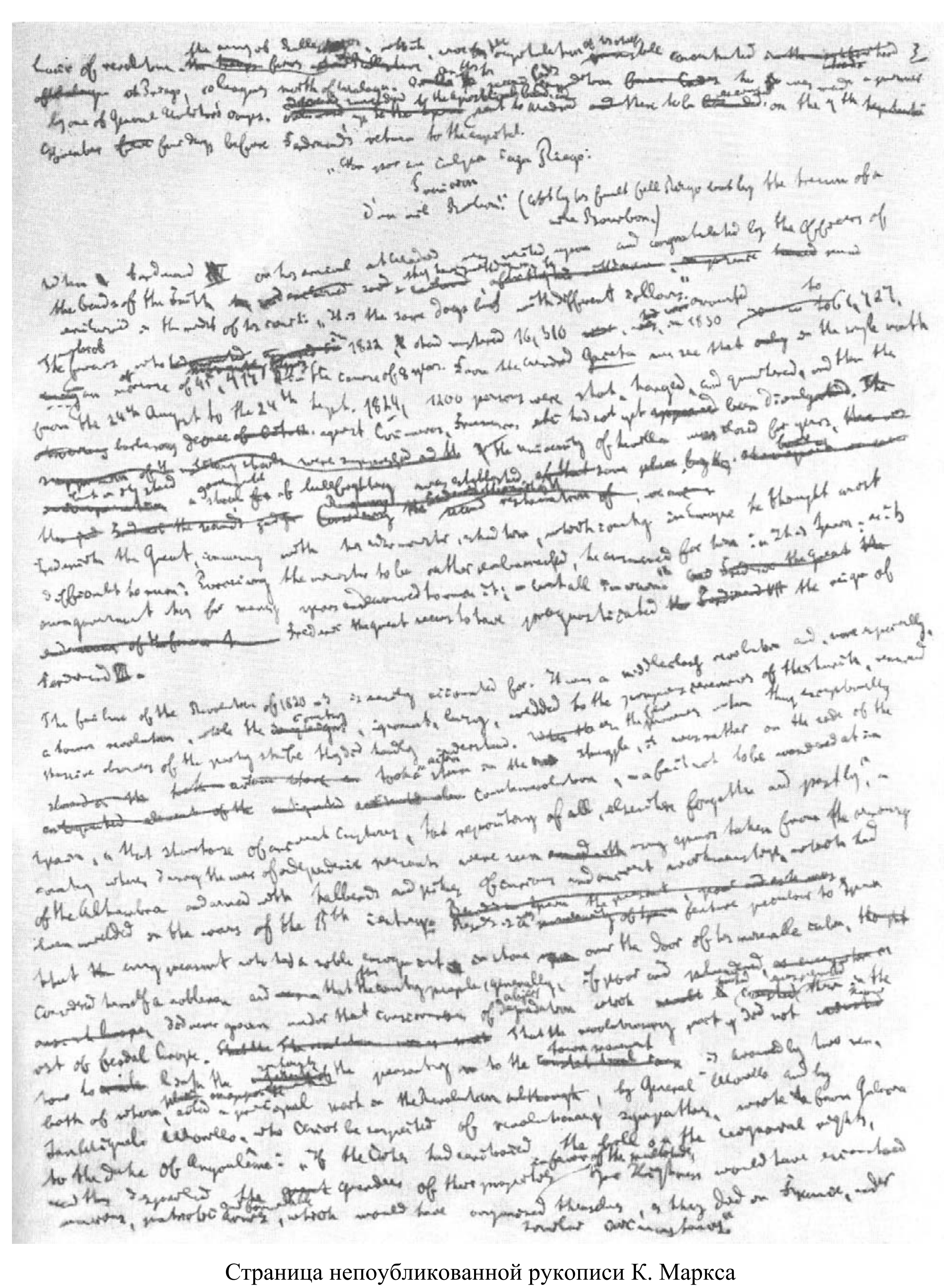
В истории герильи надо различать три периода. В первый период население целых провинций бралось за оружие и вело партизанскую войну, как, например, в Галисии и Астурии. Во второй период отряды герильерос, в которые вошли остатки разбитых испанских армий, дезертировавшие из французских армий испанцы, контрабандисты и т. д., вели войну на свой риск и страх, независимо от каких-либо иностранных влияний и в соответствии с собственными непосредственными интересами. Счастливый случай и стечение обстоятельств нередко собирали под их знаменами целые округа. Пока организация герильерос оставалась такой, они не производили устрашающего впечатления в целом, но тем не менее были чрезвычайно опасны для французов. Они создавали основу для фактического вооружения народа. Всякий раз, как представлялся случай захватить трофеи или была задумана сложная операция, из народной массы выходили наиболее активные и смелые элементы и присоединялись к герильерос. Отряды герильеров стремительно бросались на свою добычу или располагались в боевом порядке, в зависимости от стоявших перед ними задач. Нередко можно было видеть, как они целый день подстерегали осторожного врага с целью перехватить курьера ила отбить обоз. Именно таким образом Мина-младший захватил вице-короля Наварры, назначенного Жозефом Бонапартом, а Хульян взял в плен коменданта Сьюдад-Родриго. Как только дело было закончено, каждый шел своей дорогой, и вооруженные люди рассеивались во всех направлениях; а принимавшие участие в деле крестьяне спокойно возвращались к своим обычным занятиям, так «что даже их отсутствие проходило незамеченным». В результате сообщение по всем дорогам было прервано. Врагов было тысячи, хотя их невозможно было обнаружить. Нельзя было ни отправить курьера, чтобы он не попал в руки врага, ни послать продовольствие, чтобы его не перехватили; одним словом, за каждым движением французов следили сотни глаз. В то же время покончить сразу с такой формой организации было невозможно. Французам приходилось ежеминутно быть наготове против врага, который, беспрестанно скрываясь, появлялся вновь и, оставаясь невидимым, находился всюду, ибо каждая гора служила ему прикрытием. .

«Силы французов», — говорит аббат де Прад, — «истощались не сражениями и стычками, а беспрестанными мелкими атаками невидимого неприятеля, который, подвергаясь преследованию, тут же исчезал в массе народа и немедленно снова появлялся с обновленными силами. Лев из басни, замученный насмерть комаром, — вот верная картина французской армии».

В третий период герильерос подражали приемам регулярной армии, их отряды возросли до 3000—6000 человек, утратили свою тесную связь с целыми округами и попали в руки нескольких вожаков, которые использовали их для достижения своих собственных целей. Эти изменения в ведении герильи дали французам значительные преимущества в борьбе. Выросшие численно отряды уже не могли, как прежде, прятаться и внезапно исчезать, избегая сражения, герильерос теперь часто бывали захвачены врасплох, разбиты, рассеяны и на долгое время теряли способность тревожить французов.

Сопоставляя три периода герильи с политической историей Испании, можно увидеть, что они соответствуют различным этапам, через которые прошел народный энтузиазм под охлаждающим воздействием контрреволюционно настроенного правительства. Партизанская война началась с восстания целых масс населения, затем продолжалась силами опиравшихся на целые округа отрядов герильерос и, наконец, привела к формированию иррегулярных воинских частей, которые, в свою очередь, превращались либо в разбойничьи банды, либо в регулярные полки.

Утрата связи с верховным правительством, ослабление дисциплины, постоянные поражения, беспрестанные формирования, расформирования и переформирования кадров на протяжении шести лет неизбежно должны были придать испанской армии в целом преторианский характер и сделали ее одинаково способной превратиться в руках руководителей в орудие избавления или в кнут. Сами генералы в силу обстоятельств либо входили в состав центрального правительства, либо боролись и конспирировали против него и при этом всегда бросали свой меч на чашу политических весов. Так, Куэста, доверие к которому со стороны Центральной хунты, казалось, возрастало по мере того, как он проигрывал сражения, решавшие судьбу родины, начал с того, что вступил в заговор с Королевским советом и арестовал представителей Леона в Центральной хунте. Сам генерал Морла, член Центральной хунты, перешел в лагерь бонапартистов, предварительно сдав Мадрид французам. Нахал маркиз де лас Ромериас, тоже член Центральной хунты, строил ей козни вместе с хвастуном Франсиско Палафоксом, негодяем Монтихо и беспокойной хунтой Севильи. Генералы Кастаньос, Блаке, Лабисбаль (один из О'Доннелей) попеременно играли видную роль в качестве регентов и интриговали во времена кортесов, а командующий военным округом Валенсии дон Хавьер Элио кончил тем, что предал Испанию на милость Фердинанда VII. Преторианский элемент, несом-

Страница непоубликованной рукописи К. Маркса
из серии статей «Революционная Испания»

ненно, был гораздо ярче выражен среди генералов, нежели в их войсках.

С другой стороны, если во время войны герильерос получили часть своих командиров, таких как Порльер, Ласи, Эролес и Вильякампа, из среды отличившихся офицеров линейных войск, то регулярная армия, в свою очередь, получила в качестве командиров бывших руководителей герильерос, — как Мина, Эмпесинадо и других; так армия и герильерос являлись наиболее революционной частью испанского общества, ибо они рекрутировались из всех слоев без разбора, в том числе **из** среды пылкой, стремящейся вперед патриотической молодежи, свободной от расслаблявшего влияния центрального правительства, сбросившей с себя оковы старого режима; часть этой молодежи, подобно Риего, уже побывала несколько лет в плену во Франции. Поэтому нас не должно удивлять влияние, которое испанская армия оказывала на события в последующих движениях — как в тех случаях, когда она брала на себя революционную инициативу, так и в тех, когда своим преторианским характером она вредила делу революции.

Что касается герильерос, то, разумеется, проведя много лет на поле кровавой борьбы, усвоив себе привычки к бродяжничеству, склонные к страстной ненависти, мстительности и грабежу, они должны были в мирное время превратиться в самый опасный сброд, по первому знаку готовый во имя любой партии или любого принципа поддержать того, кто мог щедро заплатить или доставить случай для грабительских походов.

VI

24 сентября 1810 г. на острове Леон собрались чрезвычайные кортесы; 20 февраля 1811 г. они перенесли свои заседания в Кадис; 19 марта 1812 г. они обнародовали новую конституцию и 20 сентября 1813 г. закончили свои заседания, три года спустя с момента их открытия.

Обстоятельства, при которых открылось это собрание, были исключительными в истории. Ни одно законодательное собрание еще не имело в своих рядах представителей столь различных частей света, ни одно не претендовало на контроль над столь обширными территориями в Европе, Америке и Азии и столь разнообразным населением с таким переплетом сложных интересов; но почти вся Испания была оккупирована французами, и само собрание, фактически отрезанное от страны неприятельской армией и оттесненное на крохотный язычок земли, должно было издавать законы пред лицом окружающей его осаждающей армии. Из отдаленного уголка на острове Леон кортесы должны были заложить основы новой Испании, как их предки в свое время с горных высот Кавадонги и Собрарбе[263]. Как объяснить тот любопытный факт, что конституция 1812 г., позже заклейменная на конгрессе в Вероне коронованными особами всей Европы как самое мятежное изобретение якобинства, была порождением древней монашеской и абсолютистской Испании в момент, когда она, казалось, была целиком поглощена священной войной против революции? И как объяснить внезапное исчезновение этой конституции, испарившейся подобно призрачной тени — «sueno de sombra», по выражению испанских историков — при первом столкновении с живым представителем Бурбонов? Если рождение этой конституции загадка, то смерть ее не меньшая загадка. Чтобы разрешить ее, мы начнем с краткого рассмотрения самой конституции 1812 г., которую испанцы еще дважды пытались

воплотить в жизнь — сначала в период с 1820 по 1823 г. и потом в 1836 году.

Конституция 1812 г. состоит из 384 статей и содержит следующие 10 разделов: 1) об испанской нации и испанцах; 2) о территории Испании, ее религии, правительстве и испанских гражданах; 3) о кортесах; 4) о короле; 5) о судах и судебном ведомстве, гражданском и уголовном; 6) о внутреннем управлении провинций и общин; 7) о налогах; 8) о национальных вооруженных силах; 9) о народном просвещении; 10) о соблюдении конституции и порядке внесения в нее изменений.

Исходя из того принципа, что

> «носителем верховной власти по существу является нация, которой одной поэтому принадлежит исключительное право устанавливать основные законы»,

конституция, тем не менее, провозглашает принцип разделения властей, в силу которого «законодательная власть принадлежит кортесам совместно с королем», «исполнение законов вверяется королю», а

> «применение законов в гражданских и уголовных делах принадлежит исключительно судебным учреждениям, причем ни кортесы, ни король ни в коем случае не уполномочиваются отправлять судебные функции, вмешиваться в подлежащие решению дела или назначать пересмотр решений, уже состоявшихся».

Основой национального представительства является численность населения из расчета: 1 депутат на каждые 70000 жителей. Кортесы состоят из одной палаты, а именно палаты депутатов, выборы в которую производятся всеобщим голосованием. Избирательным правом пользуются все испанцы за исключением домашней прислуги, несостоятельных должников и преступников. После 1830 г. избирательным правом не могут пользоваться те граждане, которые не умеют читать и писать. Однако порядок выборов — косвенный, так как выборы имеют три ступени: приходские, окружные и провинциальные. Определенного имущественного ценза для депутата не требуется. Правда, согласно статье 92, «чтобы быть избранным в кортесы, необходимо обладать соответствующим годовым доходом ©т личной недвижимой собственности», но статья 93 откладывает введение в действие предыдущей статьи до момента, пока кортесы в своих будущих собраниях не объявят, что время для ее применения наступило. Король не обладает правом ни распускать кортесы, ни откладывать их заседания; кортесы ежегодно собираются в столице 1 марта, без предварительного созыва, и заседают не менее трех месяцев подряд.

Новые кортесы избираются каждые два года, и ни один депутат не может заседать в кортесах двух созывов подряд, то есть депутат может быть снова избран лишь после двухлетнего перерыва. Депутат не имеет права ни добиваться, ни принимать от короля награды, пенсии или почетные отличия. Государственные секретари, государственные советники и все должностные лица королевского двора не могут быть депутатами кортесов. Государственный чиновник, состоящий на службе правительства, не может быть избран депутатом в кортесы от той провинции, в которой он выполняет свою должность. Для возмещения расходов депутатов каждая провинция должна уплачивать им суточные в размере, который будет определен для депутатов следующего состава кортесами данного состава на втором году их деятельности. Дебаты кортесов не могут происходить в присутствии короля. Если министры хотят сделать кортесам какое-либо сообщение от имени короля, они могут присутствовать при дебатах, когда и как кортесы сочтут это удобным, могут также участвовать в них, но не могут присутствовать при голосованиях. Король, принц Астурийский и регенты обязаны принести присягу конституции в присутствии кортесов, которые определяют все фактические и юридические моменты, могущие возникнуть в связи с порядком престолонаследия, а в случае необходимости назначают регентство. Кортесы одобряют, до ратификации, все договоры, касающиеся наступательных союзов, субсидий и торговли, разрешают или воспрещают допущение иностранных войск на территорию королевства, предписывают создание или упразднение должностей в судебных учреждениях, установленных конституцией, а также создание или упразднение государственных должностей; они определяют на каждый год по предложению короля состав сухопутных и морских сил во время мира и во время войны, издают распоряжения по армии, флоту и национальной милиции во всех их ведомствах; определяют расходы государственного управления, ежегодно устанавливают налоги, в случае надобности заключают государственные займы, решают обо всем, касающемся монет, мер и весов; устанавливают общий план народного образования, охраняют политическую свободу печати, принимают меры к тому, чтобы ответственность министров действительно осуществлялась и т. д. Король имеет лишь право суспенсивного вето, которое он может применить в течение двух сессий подряд, но если тот же законопроект будет предложен в третий раз и одобрен кортесами следующего года, то согласие короля предполагается полученным, и он обязан его дать. До окончания каждой сессии

кортесы назначают постоянную комиссию из семи членов, заседающую в столице до следующей сессии кортесов и имеющую полномочия наблюдать за строгим соблюдением конституции и выполнением законов; эта комиссия должна доложить очередной сессии кортесов о всяком замеченном нарушении, а в критические моменты уполномочена созвать чрезвычайную сессию кортесов. Король не может покинуть страну без согласия кортесов. Для вступления в брак он тоже должен получить их разрешение. Кортесы назначают сумму ежегодных доходов королевского двора.

Единственным личным советом при короле является Государственный совет, в котором министры не участвуют и который насчитывает сорок членов, из них четыре представителя духовенства, четыре испанских гранда, а остальные — видные администраторы, причем все они выбираются королем из списка в сто двадцать лиц, намеченных кортесами; но ни один депутат не может быть советником, и никакой советник не может принимать от короля должностей, почетных отличий или назначений. Государственные советники по могут быть смещены без оснований, признанных достаточными высшей судебной палатой.. Кортесы определяют жалованье этих советников, мнение которых по всем важным вопросам король обязан выслушивать и которые намечают кандидатов на церковные и судебные посты. В судебном ведомстве упраздняются все старые consejos* и вводится новая организация судебных учреждений, создается Высшая судебная палата для суда над министрами в случае их обвинения, для разбора всех случаев увольнения или отстранения от должности государственных советников и членов судебных палат и т. д. Ни один процесс но может быть начат без предварительного подтверждения, что была сделана попытка примирения. Пытка, принудительное взимание и конфискация имущества отменяются. Все чрезвычайные суды упраздняются, за исключением военных и церковных, однако на их решения допускается апелляция в Высшую судебную палату.

Для внутреннего управления городов и коммун (там, где коммун нет, они должны быть образованы из округов, насчитывающих не менее 1000 душ населения) создаются аюнтаментос из одного или более магистратов, муниципальных должностных лиц и советников под председательством начальника полиции (corregidor), причем все избираются всеобщим голосованием. Ни один государственный чиновник, находящийся на

* — советы. *Ред.*

королевской службе, не может быть избран магистратом, муниципальным должностным лицом или советником. Муниципальные должности считаются общественной службой, от которой никто не может быть освобожден без уважительных причин. Муниципальные учреждения выполняют свои обязанности под наблюдением провинциальных депутаций.

Политическое управление провинций поручается губернатору (jefe politico), назначаемому королем. Губернатор связан с депутацией, в которой он является председателем и которая избирается округами во время всеобщих выборов в очередные кортесы. Эти провинциальные депутации состоят из семи членов, к услугам которых имеется секретарь, оплачиваемый кортесами. Депутации ежегодно собирают сессии длительностью не более девяноста дней. Характер их прав и обязанностей позволяет рассматривать их как постоянные комиссии кортесов. Все члены аюнтаментос и провинциальных депутаций при вступления в должность присягают на верность конституции. Что касается налогов, то все без изъятия испанцы обязаны пропорционально своим средствам участвовать в покрытии государственных расходов. Все таможни упраздняются за исключением портовых и пограничных. Все без исключения испанцы подлежат воинской повинности, и наряду с регулярной армией в каждой провинции образуются отряды национальной милиции из жителей провинции соответственно численности населения и обстоятельствам. Наконец, конституция 1812 г. не может быть изменена, расширена или исправлена даже в мелочах до истечения восьмилетнего срока со дня ее вступления в силу.

Составляя этот новый план испанского государства, кортесы, разумеется, сознавали, что столь современная политическая конституция окажется совершенно несовместимой со старой социальной системой, и, соответственно этому, они обнародовали целую серию декретов для органического преобразования гражданского общества. Так, они уничтожили инквизицию. Они уничтожили сеньориальную юстицию со всеми ее феодальными привилегиями, изъятиями, запретами и лишениями, как то: правом охоты, рыбной ловли, пользования лесом, мельницами и т. д., за исключением тех прав, которые были приобретены в свое время в порядке купли и подлежали выкупу. Они уничтожили десятины по всему королевству, прекратили назначения на все церковные должности, не связанные с отправлением церковных служб, и предприняли шаги в целях упразднения монастырей и конфискации их земель.

Они намеревались превратить в частную собственность обширные пустоши, королевские домены и общинные земли

Испании путем продажи половины их для погашения государственного долга и раздачи другой части мелкими участками в качестве патриотического вознаграждения демобилизованным участникам войны за независимость и предоставлением третьей части бесплатно и тоже участками бедным крестьянам, которые желали бы иметь землю, но не в состоянии ее купить. Они разрешили огораживание пастбищ и прочей земельной собственности, прежде запрещенное. Они отменили нелепый закон, запрещавший превращать пастбища в пахотную землю, а пахотную землю в пастбище, и вообще освободили земледелие от прежних произвольных и нелепых правил. Они отменили все феодальные законы об арендных договорах, а также •закон, согласно которому наследник майората мог не подтвердить арендные контракты, заключенные его предшественником, поскольку контракты считались утратившими силу поело смерти того, кто дал на них свое согласие. Они уничтожили так называемое voto de Santiago, древнюю подать в виде определенного количества лучшего сорта хлеба и вина, взимаемую с землепашцев некоторых провинций главным образом на содержание архиепископа и капитула Сантъяго. Они издали декрет о введении большого прогрессивного налога и т. д.

Так как одной из главных целей кортесов было сохранение владычества над американскими колониями, в которых уже начинались восстания, они признали полное политическое равенство американских и европейских испанцев, объявили общую амнистию без всяких исключений, издали декреты против угнетения местных уроженцев Америки и Азии, упразднили так называемые mitas, repartimientos[264] и т. д., уничтожили ртутную монополию и первыми в Европе отменили работорговлю.

Конституция 1812 г. подверглась нападкам с разных сторон. Одни, — например, сам Фердинанд VII (см. его декрет от 4 мая 1814 г.), — обвиняли ее в том, что она чистейшее подражание французской конституции 1791 г.[265], пересаженное на испанскую почву мечтателями, не считавшимися с историческими традициями Испании. Другие же, — например, аббат де Прад в книге «О современной революции в Испании»[266], — утверждали, что кортесы без всякой надобности цеплялись за устаревшие формулы, заимствованные из старинных фуэрос[267] и принадлежавшие феодальной эпохе, когда королевская власть была ограничена чрезвычайными привилегиями грандов.

Истина заключается в том, что конституция 1812 г. представляет воспроизведение старинных фуэрос, понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам современного общества. Например, право на восстание обыкно-

венно рассматривают как одно из самых смелых нововведений якобинской конституции 1793 г.[268], а между тем оно встречается в старинных фуэрос Собрарбе, где оно носит название Privilegio de la Union*. Имеется оно также в древней конституции Кастилии. Согласно фуэрос Собрарбе, король не имеет права без предварительного согласия кортесов ни объявить войну, ни заключить мир или союзный договор. Постоянная комиссия из семи членов кортесов, которой надлежит следить за строгим соблюдением конституции в промежутках между сессиями законодательного собрания, издавна существовала в Арагоне и была введена в Кастилии, когда главные кортесы королевства были объединены в одно собрание. Ко времени французского нашествия подобная комиссия еще существовала в королевстве Наварра. Что касается образования Государственного совета, члены которого отбираются королем из списка в 120 человек, представленного кортесами, и кортесами же оплачиваются, то сама идея этого своеобразного детища конституции 1812 г. была внушена его авторам воспоминаниями о роковом влиянии придворных камарилий во все эпохи испанской монархии. Государственный совет мыслился как замена камарильи. Кроме того и в прошлом существовали аналогичные учреждения. Во времена Фердинанда IV, например, при короле всегда находились двенадцать депутатов, назначенных городами Кастилии в качестве тайных советников, а в 1419 г. делегаты городов жаловались, что их уполномоченных больше не допускают в Королевский совет. Исключение из кортесов высших чиновников и лиц придворного штата, равно как воспрещение депутатам принимать от короля почетные отличия или должности на первый взгляд кажется заимствованным из конституции 1791 г. и естественно вытекающим из современного принципа разделения властей, санкционированного конституцией 1812 года. На деле мы не только встречаем соответствующие прецеденты в древней конституции Кастилии, но знаем, что восставший народ не раз убивал депутатов, которые принимали отличия или должности от короны. Что же касается права кортесов назначать регентство в случае малолетства короля, то древние кортесы Кастилии постоянно пользовались им в течение долгого периода в XIV веке, когда трон занимали несовершеннолетние монархи.

Правда, Кадисские кортесы отняли у короля всегда принадлежавшую ему власть созывать и распускать кортесы и откладывать их заседания, но так как кортесы фактически сошли на нет в результате тех именно приемов, которые короли пускали

* — право союза. *Ред.*

в ход, стараясь расширить свои привилегии, то необходимость отмены этого королевского права стала очевидна. Приведенных фактов достаточно, чтобы показать, что тенденция тщательно ограничить королевскую власть, самая яркая черта конституции 1812 г., полностью оправдываемая свежими и отвратительными воспоминаниями о презренном деспотизме Годоя, вела свое происхождение от древних фуэрос Испании. Кадисские кортесы только передали этот контроль из рук привилегированных сословий в руки национального представительства. Какой страх внушали испанским королям древние фуэрос, видно из того, что когда в 1805 г. понадобилось составить новое собрание испанских законов, было издано королевское предписание — удалить из него все следы феодальных прав, включенные в предшествующее издание и относящиеся к периоду, когда слабость монархии заставляла королей вступать со своими вассалами в сделки, подрывавшие их суверенную власть.

Если избрание депутатов всеобщим голосованием было новостью, то не следует забывать, что кортесы 1812 г., равно как и все хунты, были сами избраны всеобщим голосованием; что, следовательно, ограничение его было бы нарушением уже завоеванного народом права; наконец, не следует забывать, что введение имущественного ценза в эпоху, когда почти вся недвижимая собственность в Испании была связана правом «мертвой руки», фактически лишило бы избирательных прав большую часть населения.

Соединение народных представителей в одну-единственную палату отнюдь не является копией французской конституции 1791 г., как это хотят доказать ворчливые английские тори. Наши читатели уже знают, что со времени Карла I (германского императора Карла V) аристократия и духовенство потеряли свои места в кортесах Кастилии. Но даже в те времена, когда кортесы разделялись на brazas (ветви), представлявшие различные сословия, они собирались в одном общем зале, только в разных местах, и голосовали вместе. Из немногих провинций, в которых ко времени французского нашествия кортесы еще обладали действительным значением, Наварра, правда, сохраняла древний обычай созывать кортесы по *сословиям,* но в баскских провинциях вполне демократические собрания не имели в своей среде даже представителей духовенства. Кроме того, если духовенство и аристократия еще сохраняли свои ненавистные привилегии, то они уже давно не составляли независимых политических корпораций, существование которых лежало в основе структуры древних кортесов.

Отделение судебной власти от исполнительной, установленное Кадисскими кортесами, еще в XVIII веке было предметом требований наиболее просвещенных государственных деятелей Испании; и общая ненависть к Королевскому совету с начала революции порождала повсюду понимание того, что необходимо ограничить деятельность судебных учреждений рамками специфической им сферы.

Раздел конституции, относящийся к муниципальному самоуправлению, представляет, как мы показали в одной из предыдущих статей, чисто испанский продукт. Кортесы только восстановили старую муниципальную систему, однако вытравив ее средневековые черты. Что касается провинциальных депутаций, облеченных такими же полномочиями во внутреннем управлении провинций, как аюнтаментос — в управлении муниципалитетов, то кортесы создали их в подражание подобным же учреждениям, еще бытовавшим в эпоху французского нашествия в Наварре, Бискайе и Астурии. Уничтожая освобождение от воинской повинности, кортесы только санкционировали то, что стало общей практикой во время войны за независимость. Уничтожение инквизиции тоже представляло лишь санкционирование совершившегося факта, ибо инквизиционный суд хотя и был восстановлен Центральной хунтой, не решался возобновить свои функции,, и его члены довольствовались получением жалованья, благоразумно выжидая лучших времен. Что касается отмены феодальных злоупотреблений, то кортесы не провели ее даже в объеме той реформы, которой требовала знаменитая докладная записка Ховельяноса, представленная им в 1795 г. Королевскому совету от имени мадридского экономического общества.

Уже министры просвещенного деспотизма конца XVIII века, Флоридабланка и Кампоманес, предпринимали некоторые шаги в этом направлении. Кроме того, не следует забывать, что одновременно с кортесами действовало французское правительство в Мадриде, которое во всех провинциях, занятых армиями Наполеона, смело с лица земли все монастырские и феодальные учреждения и ввело современную систему управления. Бонапартистские газеты изображали восстание исключительно как результат козней и подкупов со стороны Англии, пользовавшейся поддержкой монахов и инквизиции. В какой степени соперничество с чужеземным правительством оказало благотворное влияние на решения кортесов, видно из того, что даже Центральная хунта в своем сентябрьском декрете 1809 г., возвещавшем о созыве кортесов, обращалась к испанцам с такими словами:

«Наши хулители утверждают, будто мы защищаем старые злоупотребления и закоснелые пороки развращенного правительства. Докажите им, что вы боретесь за счастье и за независимость отечества, что отныне вы не хотите подчиняться произволу и изменчивым прихотям одного человека» и т. д.

С другой стороны, мы можем проследить в конституции 1812 г. несомненные признаки компромисса между либеральными идеями XVIII века и мрачными традициями эпохи клерикального засилья. Достаточно привести статью 12, согласно которой

«религия испанской нации есть и будет во все времена католическая, апостолическая и римская, единственная истинная вера. Нация охраняет ее мудрыми и справедливыми законами и воспрещает исповедание какой-либо иной».

Статья 173 повелевает королю при вступлении на престол принести перед кортесами следующую присягу:

«Я, милостью божьей и по конституции испанской монархии король Испании, клянусь всемогущим и святым евангелием, что буду защищать и охранять католическую, римскую и апостолическую веру и не потерплю никакой другой в испанском королевстве».

Итак, более тщательный анализ конституции 1812 г. приводит нас к выводу, что она отнюдь не является рабским подражанием французской конституции 1791 г., а представляет собой самобытное и оригинальное порождение умственной жизни Испании, возрождающее древние и национальные учреждения, вводящее преобразования, которых громким голосом требовали наиболее видные писатели и государственные деятели XVIII века, и делающее необходимые уступки народным предрассудкам.

VII

Ряд обстоятельств благоприятствовал тому, что в Кадисе собрались наиболее прогрессивные люди Испании. Когда происходили выборы, движение еще не улеглось, и сама непопулярность Центральной хунты заставила избирателей обратить взор на ее противников, которые в значительном числе принадлежали к революционному меньшинству нации. На первом собрании кортесов были представлены почти исключительно наиболее демократические провинции — Каталония и Галисия, поскольку депутаты от Леона, Валенсии, Мурсии и Балеарских островов прибыли не раньше чем через три месяца. В наиболее реакционных провинциях, расположенных внутри страны, за отдельными исключениями, проведение выборов в кортесы не было разрешено. Для представительства различных королевств, городов и местечек старой Испании, где французские армии не допустили проведения выборов, а также для представительства заокеанских провинций Новой Испании, депутаты которых но могли прибыть вовремя, были избраны дополнительные представители из многочисленных лиц, бежавших в Кадис от бедствий войны, а также из многих южноамериканских купцов, уроженцев испанских колоний, и других лиц, прибывших в этот город из любопытства или ради личных своих дел. Таким образом, представителями этих провинций оказались люди, более склонные к новшествам и более проникнутые идеями XVIII века, чем было бы, если бы выборы были проведены на местах. Наконец, то обстоятельство, что кортесы собрались в Кадисе, имело решающее влияние, поскольку этот город заведомо был самым радикальным в королевстве и скорее походил на американский город, чем на испанский. Местное население заполняло галереи в зале заседаний кортесов, обуздывая реакционеров, когда их оппозиция становилась слишком назойливой, своим моральным воздействием и давлением извне.

Было бы все же весьма ошибочно предполагать, что большинство в кортесах состояло из сторонников реформ. Кортесы распадались на три партии: сервилес, либералы (эти партийные названия из Испании распространились по всей Европе) и «американцы»[269]; последние голосовали то с той, то с другой партией в зависимости от своих более узких интересов. Сервилес, наиболее сильные численно, были увлечены активностью, рвением и энтузиазмом либерального меньшинства. Депутаты от духовенства, составлявшие большинство партии сервилес, были всегда готовы пожертвовать прерогативами короля, отчасти памятуя об антагонизме между церковью и государством, отчасти же чтобы приобрести популярность и, таким образом, спасти привилегии и права своей касты. В дебатах по вопросам о всеобщем избирательном праве, об однопалатной системе, об отмене имущественного ценза и о суспенсивном вето церковная партия всегда присоединялась к самой демократической части либералов против сторонников английской конституции. Один из членов церковной партии, каноник Каньедо, впоследствии архиепископ бургосский и беспощадный гонитель либералов, обратился к сеньору Муньос Торреро, тоже канонику, но члену либеральной партии, с такими словами:

«Вы допускаете, чтобы у короля оставалась огромная власть, однако, как духовное лицо, вы обязаны защищать интересы церкви, а не короля».

Либералам пришлось идти на компромиссы с церковной партией, как мы уже видели из некоторых статей конституции 1812 года. Когда обсуждалась свобода печати, священники объявили ее «враждебной религия». После весьма бурных дебатов, после провозглашения принципа, что всякий имеет право без особого разрешения высказывать публично свои убеждения, кортесы единогласно приняли поправку о добавлении слова «политические», в результате чего эта свобода была урезана наполовину и все сочинения на религиозные темы остались в ведении церковной цензуры, согласно постановлениям Тридентского собора[270]. 18 августа 1813 г., после того как был принят декрет против всех, посягающих на конституцию, прошел другой декрет, объявляющий, что всякая заговорщическая деятельность, имеющая целью заставить испанскую нацию отказаться от римско-католической веры, будет рассматриваться как измена и караться смертной казнью. Когда voto de Santiago было уничтожено, в виде компенсации была принята резолюция, объявляющая св. Терезу-де-Хезу покровительницей Испании. Кроме того, либералы позаботились о том, чтобы предложить и провести декреты об упразднении

инквизиции, десятин, монастырей и т. д. лишь после того, как конституция была провозглашена. Но именно с этого момента оппозиция сервилес внутри кортесов и духовенства вне их стала неодолимой.

Уяснив себе обстоятельства, которые обусловили происхождение и характерные черты конституции 1812 г., мы должны теперь разрешить загадку ее внезапного и не встретившего сопротивления исчезновения при возвращении Фердинанда VII. Редко мир был свидетелем столь унизительного зрелища. Когда Фердинанд 16 апреля 1814 г. вступил в Валенсию,

«ликующие люди впряглись в его экипаж, словами и жестами выражая свою готовность нести старое иго. Раздавались крики: «Да здравствует неограниченная власть короля! Долой конституцию!»»

Во всех больших городах так называемая Пласа Майор, Большая площадь, во время революции была переименована в Пласа де ла Конститусион; причем слова эти были высечены на каменной плите. В Валенсии эта плита была заменена «временной» деревянной плитой с надписью: Пласа Реал де Фернандо VII. В Севилье толпа сместила всех представителей власти, выбрала вместо них на старые должности других и потребовала от новых властей восстановления инквизиции. От Аранхуэса до Мадрида экипаж Фердинанда тащил народ. Когда король вышел, толпа подхватила его на руки, торжественно показала его скопившимся в огромном количестве перед дворцом людям и отнесла в королевские апартаменты. Над входом в здание кортесов в Мадриде красовалась большая бронзовая надпись «Свобода»; толпа бросилась к зданию, чтобы сорвать эту надпись; притащили лестницы и стали срывать буквы со стены, сбрасывая их одну за другой на мостовую под восторженные крики присутствовавших. Затем была собрана масса протоколов кортесов, либеральных газет и памфлетов и образовалась процессия во главе с религиозными братствами и черным и белым духовенством; все эти бумаги были сложены в кучу на одной из городских площадей и сожжены в виде политического аутодафе, после чего отслужили торжественный молебен с пением «Te Deum»[*] в знак благодарности за победу церкви. Но, пожалуй, более важным моментом, чем эти наглые демонстрации городской черни, отчасти подкупленной и, подобно неаполитанским лаццарони[271], предпочитавшей пышное господство короля и монахов скромному режиму буржуазии, надо признать решительную победу сервилес на вторых общих выборах; уже 20 сентября 1813 г.

[*] — «Тебя, бога, хвалим». *Ред.*

учредительные кортесы были заменены обычными, которые перенесли 15 января 1814 г. свои заседания из Кадиса в Мадрид.

В предшествующих статьях мы показали, как сама революционная партия содействовала возбуждению и усилению старых народных предрассудков, рассчитывая использовать их как оружие против Наполеона. Мы видели, далее, как Центральная хунта в тот единственный период, когда возможно было сочетать социальные преобразования с мерами национальной обороны, делала все от нее зависящее, чтобы помешать этому и подавить революционные стремления провинций. Кадисские кортесы, напротив, лишенные на протяжении большей части своего существования всякой связи с Испанией, не имели даже возможности довести свою конституцию и свои органические декреты до сведения народа, пока французские армия не удалились. Кортесы явились, так сказать, post factum*. Они нашли общество в состоянии усталости, истощения, немощи — естественный результат затянувшейся войны, которая велась исключительно на испанской территории, — войны, в которой армии были все время в движении, а сегодняшнее правительство редко доживало до завтра, тогда как кровь не переставая лилась почти шесть лет по всей Испании, от Кадиса до Памплоны и от Гранады до Саламанки. Нельзя было ожидать, что общество в таком состоянии окажется особенно чувствительным к абстрактным достоинствам какой бы то ни было политической конституции. И все же, когда конституция 1812 г. была впервые обнародована в Мадриде и других провинциях, очищенных от французов, ее приняли с «восторгом и ликованием», так как народные массы всегда надеются, что простая перемена правительства принесет им мгновенное исчезновение их социальных бедствий. Когда же обнаружилось, что конституция не обладает такой чудодейственной силой, напряженное ожидание превратилось в разочарование, а у этих страстных южан от разочарования до ненависти всего лишь один шаг.

Были также некоторые частные обстоятельства, особенно содействовавшие охлаждению народных симпатий к конституционному режиму. Кортесы издали строжайшие декреты против affrancesados, или josephites**. Они отчасти вынуждены были пойти на эту меру под давлением жаждавших мести народных масс и реакционеров, которые затем, лишь только

* — с опозданием. *Ред.*
** — сторонники французского влияния, или хозефиты (сторонники Жозефа Бонапарта). *Ред.*

декреты, вырванные ими, начали проводиться в жизнь, мгновенно обернулись против кортесов. Более 10000 семей, таким образом, отправились в изгнание. Целая туча мелких тиранов набросилась на провинции, оставленные французами, учредила в них свою произвольную власть, начались следствия, преследования, аресты, инквизиторские процессы против каждого, кто скомпрометировал себя связью с французами, принял от них должность, купил у них национальное имущество и т. д. Вместо того, чтобы попытаться всячески облегчить переход от французского режима к национальному, регентство сделало все от него зависящее, чтобы увеличить трудности и разжечь страсти, неизбежные при таких переменах власти. Но почему регентство действовало таким образом? Чтобы иметь повод потребовать от кортесов прекращения действия конституции 1812 г., которая, говорили они, оказывает столь вредное действие. Заметим, en passant[*], что все регентства, эти высшие исполнительные органы, назначаемые кортесами, неизменно состояли из самых отъявленных врагов кортесов и их конституции. Этот любопытный факт весьма просто объясняется: депутаты от американских колоний Испании всегда объединялись с сервилес при назначении исполнительной власти, так как ослабление этой власти они считали необходимым условием завоевания независимости американских колоний от метрополии. Они полагали, что для достижения этой цели простых разногласий между исполнительным органом и суверенными кортесами будет недостаточно. Введение кортесами единого прямого налога на земельную ренту, а также на доход от промышленности и торговли тоже вызвало большое недовольство в пароде. Еще большее недовольство вызвал нелепый декрет, запрещавший обращение всей испанской монеты, чеканенной при Жозефе Бонапарте, и предписывавший ее держателям обмен на национальные деньги; одновременно воспрещалось обращение французской монеты и объявлялся курс, по которому она подлежала обмену на деньги национального чекана. Так как этот курс сильно отличался от прежнего, установленного французами для сравнительной оценки французских и испанских монет в 1808 г., то множество частных лиц потерпело значительный материальный ущерб. Эта нелепая мора также способствовала росту цен на предметы первой необходимости, которые и так уже значительно вздорожали.

Категории населения, наиболее заинтересованные в ниспровержении конституции 1812 г. и восстановлении старого

[*] — между прочим. *Ред.*

режима, — гранды, духовенство, монахи и юристы, — не упускали случая довести до высшей точки народное раздражение, уже вызванное несчастными обстоятельствами, которые сопровождали введение в Испании конституционного режима. Вот чем объясняется победа сервилес на общих выборах 1813 года.

Сколько-нибудь серьезного сопротивления король мог ожидать только со стороны армии, но генерал Элио со своими офицерами, нарушив присягу, данную ими конституции, провозгласил в Валенсии королем Фердинанда VII без всякого упоминания о конституции. Примеру Элио вскоре последовали другие военные командиры.

В декрете от 4 мая 1814 г., которым Фердинанд VII распускал мадридские кортесы и упразднял конституцию 1812 г., он в то же время декларировал свое отвращение к деспотизму, обещал созывать кортесы в старых законных формах, установить разумную свободу печати и т. д. Он выполнил свое обещание тем единственным способом, какого заслуживал оказанный ему испанским народом прием: он отменил все акты кортесов, восстановил в прежнем виде все учреждения, воскресил святую инквизицию, призвал обратно иезуитов, изгнанных его дедом, осудил наиболее видных членов хунт, кортесов и их приверженцев на галеры, на заточение в африканские тюрьмы или на изгнание из Испании и приказал расстрелять наиболее известных вождей герильерос Порльера и де Ласи.

VIII

В течение 1819 г. в окрестностях Кадиса сосредоточивалась экспедиционная армия, которая должна была вернуть Испании ее восставшие американские колонии. Командование было поручено Энрике О'Доннелю — графу Лабисбалю, дяде теперешнего министра Испании Леопольда О'Доннеля. Прежние экспедиции против испанской Америки, поглотившие с 1814 г. 14000 человек и проводившиеся самыми гнусными и беспощадными методами, внушали армии величайшее отвращение и обычно рассматривались как хитроумный способ отделаться от недовольных полков. Несколько офицеров, в том числе Кирога, Лопес Баньос, Сан-Мигель (нынешний Лафайет Испании), О'Дали и Арко Агуэро, решили воспользоваться недовольством солдат, сбросить иго деспотизма и провозгласить конституцию 1812 года. Лабисбаль, посвященный в тайну заговора, обещал стать во главе движения. Совместно с ним вожди заговора назначили на 9 июля 1819 г. общий смотр экспедиционной армии, во время которого должен был быть нанесен решающий удар. Лабисбаль, действительно, явился на смотр, но вместо того, чтобы сдержать слово, приказал разоружить участвовавшие в заговоре полки, арестовал Кирогу и других вождей и отправил курьера в Мадрид с хвастливым донесением, что предупредил ужаснейшую катастрофу. Он был повышен в чине и награжден орденом, но позже, когда двор получил более точную информацию о событиях, его отставили от командования и приказали вернуться в столицу. Это тот самый Лабисбаль, который в 1814 г. при возвращении короля в Испанию отправил своего штабного офицера к Фердинанду с двумя письмами. Находясь на слишком большом расстоянии, он не мог следить за действиями короля и сообразовывать свое поведение с его поведением, поэтому в одном письме Лабисбаль высокопарно восхвалял конституцию 1812 г. на тот случай, если король принесет присягу на верность ей. Во втором письмо

он, напротив, изображал конституционную систему как режим анархии и хаоса, приветствовал намерение Фердинанда уничтожить ее и предлагал себя и свою армию для борьбы против бунтовщиков, демагогов и врагов трона и алтаря. Офицер передал второе послание, которое было сердечно принято Бурбоном.

Несмотря на симптомы мятежа, обнаружившиеся в экспедиционной армии, мадридское правительство, во главе которого стоял герцог Сан-Фернандо, тогдашний министр иностранных дел и председатель кабинета, упорно пребывало в состоянии необъяснимой апатии и бездеятельности и ничего не предпринимало, чтобы либо ускорить экспедицию, либо разбросать армию по различным портовым городам. Между тем дон Рафаэль дель Риего, командир второго батальона астурийцев, квартировавшего тогда в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан, с одной стороны, и Кирога, Сан-Мигель и другие военные начальники острова Леон, которым удалось бежать из тюрьмы, — с другой, договорились между собой одновременно начать революционное выступление. Положение Риего было наиболее трудное. Местечко Лас-Кабесас с трех сторон соседствовало с главными квартирами экспедиционной армии — в Утрера стояла кавалерия, в Лебрихе находилась вторая пехотная дивизия, а в Аркосе квартировал батальон разведчиков и находился главнокомандующий со штабом. Риего все же удалось 1 января 1820 г. захватить врасплох и арестовать главнокомандующего и его штаб, несмотря на то, что батальон, находившийся в Аркосе, насчитывал вдвое больше людей, чем батальон астурийцев. В тот же день в том же местечке Риего провозгласил конституцию 1812 г., выбрал временного алькальда и, не довольствуясь выполнением порученной ему задачи, привлек на свою сторону разведчиков, захватил врасплох батальон арагонцев, стоявший в Борносе, пошел из Борноса в Херес, а оттуда в Пуэрто-де-Санта-Мариа, всюду провозглашая конституцию, пока 7 января не достиг острова Леон, где сдал арестованных им военных в форт св. Петра. Кирога и его сторонники не захватили, — как было раньше условлено, — посредством такого же внезапного удара моста в Суасо и острова Леон, а спокойно ждали до 2 января, пока посланец Риего, Ольтра, не привез им официальное сообщение о захвате Аркоса и аресте штаба.

Все силы революционной армии, высшее командование которой было поручено Кироге, не превышали 5000 человек, и, после того как ее атаки на ворота Кадиса были отбиты, она сама была заперта на острове Леон.

«Наше положение», — говорит Сан-Мигель,—«было необычно; революция, которая в течение 25 дней топчется на месте, не теряя и не захватывая ни дюйма почвы, представляла одно из самых странных явлений в политике»[272].

Провинции, казалось, погрузились в летаргический сон. Так прошел январь. В конце января Риего, опасаясь, как бы пламя революции не погасло на острове Леон, образовал, вопреки советам Кироги и других вождей, подвижную колонну в 1500 человек и двинулся по Андалузии, находясь все время на глазах у преследовавшей его вдесятеро более сильной армии, и провозгласил конституцию в Альхесирасе, Ронде, Малаге, Кордове и других городах; жители всюду встречали его дружелюбно, но нигде ему не удалось вызвать серьезного восстания. Между том его преследователи, потратив целый месяц на бесплодные марши и контрмарши, казалось, хотели только одного — по возможности избежать столкновения с его маленькой армией. Поведение правительственных войск было совершенно необъяснимо. Экспедиция Риего, начавшаяся 27 января 1820 г., окончилась 11 марта, когда он был вынужден распустить немногочисленных людей, еще следовавших за ним. Его маленький отряд не был рассеян решительной битвой, но растаял, теряя людей в результате истощения, постоянных мелких стычек с неприятелем, болезней и дезертирства. Между тем положение восставших на острове складывалось отнюдь не благоприятно. Их блокада с моря и суши продолжалась, а всякое движение в их пользу в самом городе Кадисе подавлялось гарнизоном. Как же случилось, что Риего распустил свой боровшийся за конституцию отряд в Сьерра-Морене 11 марта, а 9 марта в Мадриде Фердинанд VII был вынужден присягнуть конституции, так что Риего в действительности достиг своей цели ровно за два дня до того, как окончательно отчаялся в успехе?

Поход колонны Риего вызвал новый интерес, приковав к себе всеобщее внимание; провинции были полны ожидания и жадно следили за каждым его движением. Умы, пораженные смелостью Риего, быстротой его действий, энергичным отпором врагу, приписывали ему воображаемые триумфы, прибытие подкреплений и присоединение масс народа, чего в действительности не было. Слухи о походе Риего, достигая самых дальних провинций, приобретали преувеличенные размеры, и эти наиболее отдаленные от места действия провинции первые высказались за конституцию 1812 года. Испания до такой степени созрела для революции, что даже ложных вестей оказалось достаточно, чтобы вызвать ее. Но ведь совершенно так же ложные известия вызвали ураган 1848 года.

В Галисии, Валенсии, Сарагосе, Барселоне и Памплоне одно за другим вспыхнули восстания; Энрике О'Доннель, он же граф Лабисбаль, призванный королем для борьбы с Риего, предложил не только выступить против него с оружием, но и уничтожить его маленькую армию, а его самого захватить. Он только просил назначить его командиром частей, стоявших в Ламанче, и отпустить денег на его личные нужды. Король сам вручил ему кошелек с золотом и соответствующие приказы частям в Ламанче. Но по прибытии в Оканью Лабисбаль стал во главе войск и провозгласил конституцию 1812 года. Весть об его переходе на сторону повстанцев взволновала общественное мнение в Мадриде, где тотчас по получении этого известия вспыхнула революция. Тогда правительство вступило в переговоры с революцией. В декрете от 6 марта король предложил созвать *древние* кортесы, собранные in Estamentos (посословно), но декрет никого не удовлетворил — ни партию старой монархии, ни партию революции. Ведь по возвращении из Франции он дал такое же обещание, но не выполнил его. В течение ночи 7 марта в Мадриде происходили революционные демонстрации. «Gaceta» в номере от 8 марта опубликовала декрет Фердинанда VII с обещанием присягнуть конституции 1812 года. Он гласил:

«Пусть все мы, и я первым, вступим с честными намерениями на путь конституции».

9 марта народ овладел дворцом, и король спасся только тем, что восстановил мадридский аюнтаменто 1814 г. и в его присутствии принес присягу конституции. Он не задумываясь давал ложную клятву, ибо всегда имел под рукой исповедника, готового дать ему полное отпущение всех возможных грехов. В то же время была созвана консультативная хунта, первый декрет которой освободил политических заключенных и призвал обратно на родину политических эмигрантов. Из тюрем, теперь раскрывших свои двери, направилось в королевский дворец первое конституционное министерство. Кастро, Эррерос и А. Аргуэльес, образовавшие первое министерство, были мучениками 1814 г. и депутатами 1822 года[273]. Истинным источником энтузиазма, проявленного при восшествии Фердинанда на престол, была радость, вызванная отречением его отца, Карла IV. Точно так же при провозглашении конституции 1812 г. источником общего ликования была радость по поводу удаления Фердинанда VII. Что касается самой конституции, то, как мы знаем, по окончании ее составления не оказалось территории, где можно было бы ее провозгласить. Для

большинства испанского народа она была подобна тому неведомому богу, которому поклонялись древние афиняне.

В наши дни английские писатели, прямо намекая на нынешнюю испанскую революцию, утверждают, с одной стороны, что движение 1820 г. было только военным заговором, а с другой, — что оно было только результатом русской интриги. Оба утверждения одинаково нелепы. Что касается военного восстания, то мы видели, как, несмотря на то, что оно потерпело неудачу, революция одержала победу; кроме того, загадка, которую надлежит разрешить, заключается не в заговоре 5000 солдат, а в том, что этот заговор одобрили армия в 35000 человек и весьма верноподданная нация в двенадцать миллионов населения. То, что революция началась в рядах армии, весьма просто объясняется; ведь из всех органов испанской монархии только армия подверглась во время войны за независимость коренному преобразованию и революционизированию. Что касается русской интриги, то Россия, этого нельзя отрицать, приложила руку к делам испанской революции: из всех европейских держав Россия первая признала конституцию 1812 г. договором, заключенным 20 июля 1812 г. в Великих Луках[274], она первая поддержала революцию 1820 г., первая предала ее Фердинанду VII, первая зажгла факел контрреволюции в разных местах полуострова, первая торжественно протестовала против революции перед Европой и, наконец, заставила Францию начать вооруженную интервенцию против нее. Русский посол, г-н Татищев, был, несомненно, наиболее выдающейся личностью при мадридском дворе, негласным главой камарильи. Ему удалось ввести в среду придворных Антонио Угарте, негодяя низкого пошиба, и сделать его главой монахов и лакеев, которые на своих келейных совещаниях распоряжались скипетром от имени Фердинанда VII. Благодаря Татищеву Угарте был сделан главным начальником экспедиции против Южной Америки, а благодаря Угарте герцог Сан-Фернандо был назначен министром иностранных дел и председателем кабинета. Угарте устроил покупку у России сгнивших кораблей для южноамериканской экспедиции, за что получил орден св. Анны. Угарте помешал Фердинанду и его брату дон Карлосу явиться к армии в самом начале кризиса. Он был таинственным виновником необъяснимой апатии герцога Сан-Фернандо и тех мероприятий, которые вызвали у одного испанского либерала в Париже в 1836 г. такое замечание[275]:

«Трудно отделаться от впечатления, что правительство само становилось причиной ниспровержения существующего порядка вещей».

Если к этому прибавить любопытный факт, что президент Соединенных Штатов в своем послании[276] восхвалял Россию за то, что она обещала ему не допустить вмешательства Испании в дела южноамериканских колоний, то не останется и тени сомнений касательно роли России в испанской революции. Однако что доказывают все эти факты? Доказывают ли они что Россия вызвала к жизни революцию 1820 года? Ничуть не бывало; они доказывают лишь то, что она помешала испанскому правительству оказать ей сопротивление. Что рано или поздно революция должна была опрокинуть абсолютную и клерикальную монархию Фердинанда VII, это доказывается: 1) рядом заговоров, с 1814 г. следовавших один за другим; 2) свидетельством г-на де Мартиньяка, французского комиссара при герцоге Ангулемском во время легитимистского похода в Испанию; 3) свидетельством, которым нельзя пренебречь, свидетельством самого Фердинанда VII.

В 1814 г. Мина намеревался вызвать восстание в Наварре, дал первый знак к сопротивлению, призвал к оружию, вступил в крепость Памплону, но, не доверяя собственным приверженцам, бежал во Францию. В 1815 г. генерал Порльер, один из самых прославленных герильерос времен войны за независимость, провозгласил конституцию в Ла-Корунье. Он был обезглавлен. В 1816 г. Ричард намеревался силой захватить короля в Мадриде. Он был повешен. В 1817 г. адвокат Наварро с четырьмя сообщниками погиб на эшафоте в Валенсии за то, что провозгласил конституцию 1812 года. За такое же преступление в том же году на Мальорке был расстрелян бесстрашный генерал Ласи. В 1818 г. полковник Видаль, капитан Сола и другие, провозгласившие конституцию в Валенсии, были разбиты и преданы казни. Заговор на острове Леон был лишь последним эпизодом той непрерывной борьбы, в которой столько отважных мужей в 1808—1814 годах сложили головы.

Г-н де Мартиньяк, опубликовавший в 1832 г., незадолго до своей смерти, книгу «Испания и ее революция», говорит так:

«Прошло два года с тех пор, как Фердинанд VII вернул себе абсолютную власть, а все еще продолжались проскрипции по вине камарильи, набранной из отбросов человечества. Вся государственная машина перевернута вверх дном: царит полный беспорядок, застой и путаница — налоги, распределенные самым неравномерным образом, финансы в ужасающем состоянии, займы без кредита, невозможность удовлетворить самые настоятельные нужды государства, армия без жалованья, судьи, оплачивающие сами себя взятками, продажная и бездельничающая администрация, неспособная что-либо улучшить или даже что-либо предохранить от гибели. Отсюда всеобщее недовольство в народе. Новая конституционная система была встречена с энтузиазмом большими городами, торговым п промышленным классами, людьми свободных профессий,

армией и пролетариатом. Ей противились только монахи, а крестьянство она приводила в недоумение»[277].

Таковы предсмертные признания человека, который послужил одним из главных орудий разрушения этой новой системы. Фердинанд VII в своих декретах от 1 марта, 11 апреля, 1 июня 1817 г. и 24 ноября 1819 г. и других буквально подтверждает слова г-на Мартиньяка и заканчивает свои сетования так:

«Народные жалобы, стон которых стоит у нас в ушах, покрывают одна другую».

Это показывает, что не требовалось никаких Татищевых, чтобы вызвать революцию в Испании.

К. МАРКС

РЕАКЦИЯ В ИСПАНИИ [278]

Лондон, пятница, 1 сентября 1854 г.

Прибытие в Мадрид полков Викальваро воодушевило правительство на более активную контрреволюционную деятельность. Восстановление закона о печати 1837 г., приукрашенного всеми строгостями дополнительного закона 1842 г., прикончило ту часть «зажигательной» прессы, издатели которой не смогли представить требуемый cautionnement*. 24 августа вышел последний номер «Clamor de las Barricades» под заглавием «Ultimas Barricades», поскольку оба издателя этого издания арестованы. На его место в тот же день появилась новая реакционная газета под заглавием «Las Cortes».

«Его превосходительство военный губернатор дон Сан-Мигель», — говорится в программе этой газеты, — «который удостаивает нас своей дружбой, милостиво предложил нашей газете свое сотрудничество. Его статьи будут подписаны инициалами. Лица, стоящие во главе газеты, будут энергично защищать революцию, победившую злоупотребления и эксцессы развращенной власти, но свое знамя они водрузят лишь в лоне учредительного собрания. Только там и может быть дан великий бой».

Имеется в виду великий бой за интересы Изабеллы II и Эспартеро. Вспомним, что тот же Сан-Мигель на банкете представителей прессы объявил, что у печати нет иных критериев, кроме ее самой, здравого смысла и просвещения народа, что она представляет учреждение, которое не могут уничтожить ни меч, ни каторга, ни ссылка, ни какая-либо другая сила в мире. И в тот самый день, когда он предлагает свое сотрудничество прессе, он не находит ни слова возражения против декрета, уничтожающего столь милую ему свободу прессы.

За отменой свободы печати вскоре последовала отмена свободы собраний, тоже в силу королевского декрета. В Мадриде

* — залог. *Ред.*

были распущены клубы, а в провинциях хунты и комитеты общественной безопасности, за исключением тех, которые министерство признало «депутациями». Союзный клуб был закрыт декретом министерства, несмотря на то, что Эспартеро лишь за несколько дней перед этим принял звание его почетного председателя, — факт, который лондонская газета «Times» тщетно пытается отрицать. Этот клуб послал депутацию министру внутренних дел с требованием увольнения сеньора Сагасти, губернатора Мадрида, обвиняя его в нарушении свободы печати и права собраний. Г-н Санта-Крус ответил, что не может выносить порицание государственному чиновнику за моры, принятые с одобрения совета министров. В результате началось серьезное волнение; однако Пласа де ла Конститусион была занята национальной гвардией, и тем дело кончилось. Едва лишь небольшие газеты были закрыты, как более крупные, до тех пор оказывавшие покровительство Сагасти, начали с ним спорить. Чтобы заткнуть рот газете «Clamor Puhlico», ее главный редактор, г-н Корради, был назначен министром. Но этой меры будет недостаточно, так как нельзя ввести в состав министерства всех редакторов.

Однако наиболее смелым шагом контрреволюции является разрешение королеве Кристине выехать в Лиссабон, после того как совет министров обязался передать вопрос о ее судьбе учредительным кортесам, это — измена, которую пытаются прикрыть, объявив до решения суда конфискацию испанских имений Кристины, составляющих, как известно, наименее значительную часть ее состояния. Таким образом, Кристина дешево отделалась, а теперь мы узнаем, что и Сан-Луис благополучно добрался до Байонны. Самое интересное во всем деле — это способ, каким было достигнуто упомянутое решение. 26 августа несколько патриотов и национальных гвардейцев собрались, чтобы обсудить меры охраны общественной безопасности, осудили правительство за его колебания и полумеры и решили отправить депутацию в совет министров с требованием удалить Кристину из дворца, где она строит козни против народной свободы. Весьма подозрительно, что к этому предложению присоединились два адъютанта Эспартеро и сам Сагасти. В результате совет министров собрался на заседание, итогом которого явилось тайное бегство Кристины.

25 августа королева в первый раз показалась публично, на прогулке в Прадо*, в сопровождении своего так называе-

* — бульвар в Мадриде. *Ред.*

мого мужа и принцессы Астурийской. Но приняли ее, по-видимому, крайне холодно.

Комитет, назначенный для составления отчета о состоянии финансов в момент падения министерства Сарториуса, опубликовал этот отчет в «Gaceta», где ему предпослан доклад сеньора Кольядо, министра финансов. Согласно отчету, текущая задолженность Испании равна 33000000 долларов, а весь дефицит — 50000000. По-видимому, даже чрезвычайные средства правительства были взяты вперед за целые годы и растрачены. Доходы Гаваны и Филиппин были взяты за два с половиной года вперед. Суммы, полученные от принудительного займа, исчезли бесследно. Ртутные рудники Альмейды заложены на много лет вперед. Наличных остатков, подлежащих внесению в депозитную кассу, не существует. Равным образом не существует фонда по военному заместительству. 7485692 реала подлежат уплате за полученный, но не оплаченный табак. Также подлежат уплате 5505000 реалов по счетам за общественные работы. Согласно заявлению г-на Кольядо, сумма обязательств самого неотложного характера равняется 252980253 реалам. Меры, предложенные им для покрытия этого дефицита, характерны для настоящего банкира; он предлагает восстановить спокойствие и порядок, взимать дальше все старые налоги и заключить новые займы. В соответствии с этим советом Эспартеро получил от главных мадридских банкиров 2500000 долларов на основании обещания строго придерживаться политики партии модерадос. Насколько он намерен выполнить свое обещание, показывают его последние мероприятия.

Не следует думать, что эти реакционные меры совсем не вызвали противодействия в народе. Когда 28 августа стало известно об отъезде Кристины, снова возникли баррикады; но, если верить телеграфному сообщению из Байонны, напечатанному во французском «Moniteur»,

«войска вместе с национальной гвардией штурмовали баррикады и подавили движение».

Таков cercle vicieux*, в котором обречены двигаться революционные правительства-недоноски. Они признают долги, сделанные их контрреволюционными предшественниками, как национальные обязательства. Чтобы быть в состоянии платить по ним, им приходится продолжать взимать старые налоги и заключать новые займы. Чтобы иметь возможность заключить новые займы, они должны гарантировать «порядок», то есть самолично проводить контрреволюционные меры. Таким образом,

* — порочный круг. *Ред.*

новое народное правительство сразу превращается в служанку крупных капиталистов и в угнетателя народа. Таким же точно образом временное правительство Франции в 1848 г. было принуждено ввести пресловутый 45-сантимный налог и конфисковать фонды сберегательных касс, чтобы уплатить капиталистам следуемые им проценты.

«Революционное испанское правительство», — говорит английский автор книги «Правда об Испании», — «по крайней мере не пало так низко, чтобы усвоить себе позорную доктрину отказа от платежей, практикуемую в Соединенных Штатах»[279].

Дело в том, что если бы какая-либо прежняя испанская революция хоть раз позволила себе такой отказ, то позорное правительство Сан-Луиса не нашло бы ни одного банкира, который согласился бы дать ему авансы. Но, может быть, наш автор придерживается того взгляда, что делать долги есть привилегия контрреволюции, в то время как платить по ним — привилегия революции.

По-видимому, Сарагоса, Валенсия и Альхесирас не согласны с этой точкой зрения, ибо они отменили все тягостные для них налоги.

Не довольствуясь назначением Браво Мурильо послом в Константинополь, правительство отправило Гонсалеса Браво на тот же пост в Вену.

В субботу, 27 августа, состоялись предвыборные собрания мадридского округа, созванные для того, чтобы всеобщим голосованием назначить уполномоченных для наблюдения за выборами в столице. В Мадриде существуют две избирательные комиссии — Либеральный союз и Союз торговли.

Лицам, знакомым с историей испанских революций, приведенные выше симптомы реакций покажутся менее пугающими, нежели поверхностному наблюдателю, поскольку вообще испанские революции начинаются только с созывом кортесов, служащим обычно сигналом для роспуска правительства. Кроме того, в Мадриде мало войск и, самое большее, 20000 национальных гвардейцев, но из них не более половины вооружены, между тем как известно, что народ но последовал призыву сдать оружие.

Невзирая на слезы королевы О'Доннель распустил ее лейб-гвардию, так как регулярная армия питала зависть к привилегиям этой воинской части, из рядов которой Годой, обративший на себя внимание хорошей игрой на гитаре и исполнением seguidillas graciosas y pycantes*, поднялся до положения

* — грациозных и пикантных сегедилий. *Ред.*

супруга королевской племянницы, а Муньос, известный только своими индивидуальными качествами, сделался супругом королевы-матери.

В Мадриде группа республиканцев пустила в обращение следующую *Конституцию Федеральной Иберийской республики.*

ГЛАВА I. ОРГАНИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИБЕРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья 1. Испания с ее островами и Португалия объединяются и образуют Федеральную Иберийскую республику. Цветами флага становится сочетание двух нынешних флагов Испании и Португалии. Ее девизом будет Свобода, Равенство, Братство.

Статья 2. Верховная власть принадлежит совокупности граждан. Она неотчуждаема и неотъемлема. Никакое отдельное лицо, никакая часть народа не может присвоить себе пользование ею.

Статья 3. Закон есть выражение национальной воли. Судьи назначаются народом посредством всеобщего голосования.

Статья 4. Все граждане, достигшие 21 года, пользуются правами избирателей.

Статья 5. Смертная казнь отменяется как за политические, так и за уголовные преступления. Все дела подлежат суду присяжных.

Статья 6. Собственность неприкосновенна. Имения, отнятые у политических эмигрантов, возвращаются им.

Статья 7. Налоги уплачиваются пропорционально доходам. Существует только один налог, прямой и всеобщий. Все косвенные налоги, городские пошлины и налоги на потребление отменяются. Равным образом отменяются правительственные монополии на соль и табак, гербовый сбор, патентный сбор и конскрипция.

Статья 8. Свобода печати, собраний, союзов, неприкосновенность жилища, свобода обучения, торговли и совести гарантируются. *Верующие каждого вероисповедания сами оплачивают своих священников.*

Статья 13. Управление республики распадается на федеральное, провинциальное и муниципальное.

ГЛАВА II. ФЕДЕРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Статья 14. Федеральное управление вверяется Исполнительному совету, назначаемому и распускаемому Центральным федеральным конгрессом.

Статья 15. Международные и торговые сношения, обеспечение единообразия мер, весов и монетной системы, почта и вооруженные силы находятся в ведении Федерального управления.

Статья 16. Центральный федеральный конгресс составляется из девяти депутатов от каждой провинции, избранных всеобщим голосованием и связанных полученными от избирателей инструкциями.

Статья 17. Центральный федеральный конгресс является постоянным органом.

Статья 20. Всякий раз, когда должен быть издан закон, администрация, признающая его необходимым, вносит проект на усмотрение конфедерации за шесть месяцев для конгресса и за три месяца для провинциального законодательства.

Статья 21. Всякий народный депутат, не придерживающийся полученных им инструкции, предается суду.

Глава III касается провинциального и муниципального управления; в ней подтверждаются те же принципы. Последняя статья этой главы гласит:

«Колоний впредь не должно существовать; они преобразуются в провинции и управляются на одинаковых с ними принципах. *Рабство уничтожается».*

ГЛАВА IV. АРМИЯ

Статья 34. Весь народ будет вооружен и организован в Национальную гвардию, частью в мобильную гвардию, частью в местную милицию.

Статья 35. Мобильная гвардия составляется из холостых мужчин в возрасте от 21 до 35 лет; ее офицеры назначаются посредством выборов из числа учеников военных школ.

Статья 36. Местная милиция состоит из всех граждан в возрасте между 35 и 56 годами; офицеры назначаются путем выборов. Их служба состоит в местной обороне.

Статья 38. Артиллерийские и инженерные войска набираются из добровольцев; они являются постоянными и стоят гарнизонами в крепостях вдоль побережья и на границах. Существование крепостей внутри страны не допускается.

Статья 39 относится к флоту и содержит аналогичные постановления.

Статья 40. Штабы в провинциях и военные округа упраздняются. *Статья 42.* Иберийская республика отказывается от всех завоевательных войн и будет передавать конфликты на арбитраж правительств, не заинтересованных в вопросе.

Статья 43. Не допускается существование постоянных армий.

Написано К. Марксом 1 сентября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4185, 16 сентября 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* СЛУХИ ОБ АРЕСТЕ МАДЗИНИ. — АВСТРИЙСКИЙ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЕМ. — ИСПАНИЯ. — ПОЛОЖЕНИЕ В ВАЛАХИИ

Лондон, вторник, 12 сентября 1854 г.

Газеты передают различные слухи по поводу ареста Мадзини в Базеле. Я получил от одного друга следующую информацию: Мадзини действительно был арестован в Цюрихе двумя жандармами, но лишь на несколько часов, после чего бежал. В этом побеге помог другой итальянец, который одновременно позволил арестовать себя в другом месте, выдавая себя за Мадзини. Этим маневром власти были сбиты с толку, и сам г-н Дрюэ телеграфировал из Берна в Женеву, чтобы прекратили дальнейшие поиски, так как Мадзини в тюрьме. Предполагают, что арестованным вместо Мадзини лицом является Саффи, но существует мнение, что это венгерский офицер по имени Тюрр.

«Gazzetta di Milano» от 31 августа с удовлетворением отмечает, что муниципальный совет Павии в своем заседании от 28 августа решил принять участие в подписке на национальный заем в размере 200000 флоринов. В противоположность этому сообщению одна неофициальная газета дает следующий текст постановления этого совета:

«Муниципалитет Павии подписался на сумму, *в обязательном порядке установленную* для города Павии, но сделал это не в качестве представителя муниципалитета и не просто в качестве подписчика, а лишь как орган управления, зависимый от исполнительной власти, которой он по циркуляру 1830 г. обязан безоговорочно повиноваться, а также во исполнение приказа, переданного ему 7 августа генерал-губернатором».

В Тревизо тоже подписка на добровольный заем состоялась только под воздействием прямой угрозы. Из сообщения Триестского совета явствует, что даже в этом преисполненном верноподданнических чувств по отношению к Австрии городе

подписка на заем не была ни добровольной, ни столь всеобщей, как это изображают австрийские газеты:

«Наш муниципалитет подписался еще на один миллион национального займа. Настоящим магистрат объявляет, что эта сумма будет распределена между подписчиками, которые до сих пор либо совсем не принимали участия в подписке, либо подписались на сумму, не соответствующую их имущественному положению. В то же время 6 сентября устанавливается как последний срок для добровольной подписки. Совет надеется, что все поспешат воспользоваться выгодами, предоставленными займом, тем более, что после вышеуказанного срока совет будет поставлен в тяжелую необходимость пустить в ход принуждение».

Реакционная пресса все еще недовольна последними мероприятиями испанского правительства; она брюзжит по поводу того, что снова вступают в компромисс с революцией. Так, в «Journal des Débats» мы читаем:

«Еще 7 августа Эспартеро заявил, «что в соответствии с пожеланиями мадридского народа герцогиня Риансарес не будет отлучаться из столицы ни днем, ни ночью, ни каким-нибудь тайным образом». И только 28 августа королева Кристина после двадцати одного дня ареста получила разрешение уехать средь бела дня и даже с некоторой помпой. Однако правительство проявило такую слабость, что одновременно отдало приказ о конфискации ее имений».

Газета «Débats» теперь надеется на отмену этого приказа. Однако упованиям газеты на этот раз, пожалуй, еще меньше суждено сбыться, чем тогда, когда она выражала слабую надежду, что конфискация имений Орлеанов[280] не будет приведена в исполнение Бонапартом. Губернатор Овьедо уже приступил к секвестру угольных копей, принадлежавших Кристине в провинции Астурия. Директора копей в Сьеро, Лангрео и Пьеро-Корриль уже получили приказ представить отчет и в административном отношении подчиниться правительству.

Что касается «бела дня», среди которого, согласно «Debats», будто бы состоялся отъезд Кристины, то тут газета оказалась весьма плохо осведомлена. Покинув свои апартаменты, королева Кристина прошла по коридорам среди гробовой тишины, ибо были приняты все меры, чтобы никто не попался ей навстречу. Национальная гвардия, занимавшая казарму во дворе королевского дворца, даже не подозревала о ее отъезде. Весь план был составлен в такой тайне, что сам Гарриго, которому было поручено эскортировать королеву, получил приказ лишь в самый момент отъезда. Эскорту же сообщили о характере данного ему поручения уже в двенадцати милях от Мадрида, и тут Гарриго с великим трудом удалось удержать своих людей от оскорбления королевы и немедленного возвращения в Мадрид. Командиры национальной гвардии узнали о

происшедшем только спустя два часа после отъезда г-жи Муньос. Как утверждает газета «Espana», Кристина достигла португальской границы утром 3 сентября. Ее настроение в пути, говорит газета, было отличное, но ее герцог был несколько triste*. Отношения между Кристиной и этим Муньосом можно понять, лишь вспомнив ответ Дон-Кихота на вопрос Санчо Пансы, почему он, Дон-Кихот, любит Дульсинею, последнюю из деревенских девок, когда он мог бы иметь у своих ног принцесс.

Одну даму, ответил достойный рыцарь, окруженную толпой высокородных, богатых и остроумных поклонников, спросили, почему она взяла себе в любовники простого крестьянина. Знайте, ответила дама, что для того, для чего я использую его, у него больше философии, нежели у самого Аристотеля**.

О взгляде реакционной прессы на положение в Испании вообще можно судить по некоторым извлечениям из «Kolnische Zeitung» и «Independance belge». Первая газета пишет:

«По словам хорошо осведомленного и надежного корреспондента, к тому же приверженца О'Доннеля и партии модерадос, положение дел внушает тревогу, так как между партиями не прекращается глубокий конфликт. Рабочие классы под влиянием агитаторов пребывают в состоянии непрерывного возбуждения».

«Independance» пишет:

«Будущее испанской монархии под большой угрозой. Все истинные испанские патриоты единодушны в том, что революционным оргиям необходимо положить конец. Ярость пасквилянтов и баррикадных борцов против Эспартеро и его правительства не меньше, чем против Сан-Луиса и банкира Саламанки. Но, по правде сказать, нельзя возлагать на эту рыцарскую нацию ответственность за подобные эксцессы. Народ Мадрида нельзя отождествлять с чернью, вопившей: «смерть Кристине!», нельзя делать его ответственным за гнусные пасквили, распространяемые среди населения под заглавием «Хищения Сан-Луиса, Кристины и их сообщников». 1800 мадридских баррикад и крайние коммунистические манифестации в Барселоне выдают роль чужеземной демократии в испанских сатурналиях. Так, не подлежит сомнению, что много французских, немецких и итальянских эмигрантов принимало участие в достойных сожаления событиях, ныне волнующих полуостров. Не подлежит сомнению, что в Испании вот-вот вспыхнет социальный пожар; непосредственным его следствием станет потеря жемчужины Антильи, богатого острова Кубы, ибо Испания будет не в состоянии бороться против американских происков или патриотизма каких-нибудь Суле и Сандерсов. Пора Испании прозреть, а всем порядочным людям цивилизованной Европы общими усилиями ударить в набат».

---

* — печален. *Ред.*

** Сервантес. «Дон-Кихот», том I, глава 25. *Ред.*

Конечно, вовсе не требуется участия иностранной демократии, чтобы вызвать возмущение мадридского населения, когда его правительство нарушает 28 августа слово, данное 7 августа, когда оно отменяет свободу собраний и возобновляет закон о печати 1837 г., требующий от каждого издателя внесения залога в 40000 реалов и уплаты 300 реалов прямых налогов. Если в провинциях продолжаются волнения неопределенного и нерешительного характера, то чем же другим еще это объясняется, как не отсутствием центра революционного действия? С тех пор, как так называемое революционное правительство попало в руки Эспартеро, не появилось ни единого декрета в интересах провинции. В провинциях видят, что это правительство окружено той же атмосферой лести, интриг, карьеризма, какая была при Сан-Луисе. Вокруг правительства все так же вертится стая прихвостней — бич, терзающий Испанию с эпохи Филиппов[281].

Заглянем в последний номер мадридской «Gaceta» от 6 сентября. В нем помещен доклад О'Доннеля, в котором сообщается, что, ввиду огромного количества военных званий и титулов, из каждых трех генералов лишь один может быть использован на активной службе. Такое перепроизводство генералов — настоящее бедствие — было наказанием для Испании с 1823 года. Можно было ожидать, что последует декрет, устраняющий это зло. Ничуть не бывало. Декрет, изданный после этого доклада, созывает консультативную военную хунту, назначенную правительством из числа генералов, не занимающих в настоящее время никаких должностей в армии. Помимо их обычного жалованья эти господа должны получать: генерал-лейтенанты 5000, а генерал-майоры — 6000 реалов. Генерал Мануэль де ла Конча был назначен президентом этой военной хунты-синекуры. Тот же номер «Gaceta» сообщает о новом дожде наград, пенсий и т. п., словно первая щедрая раздача не выполнила своего назначения. Сан-Мигель и Дульсе получили большой крест ордена Карла III; все награды и предварительные отличия, намеченные сарагосской хунтой, подтверждаются и пополняются. Однако самой замечательной частью этого номера «Gaceta» является объявление о том, что выплата государственным кредиторам возобновится 11 сентября. Как безрассуден испанский народ, если не чувствует себя удовлетворенным такими достижениями своего революционного правительства!

Путешественники, недавно вернувшиеся из Валахии, сообщают о весьма тяжелом положении в этом княжестве. Как известно, Россия обременила Дунайские княжества долгом в 14000000 франков в возмещение расходов по оккупация

1848—1849 года. Во время последней оккупации эта сумма была взыскана русскими генералами. Русские отступили лишь после того, как опустошили все кассы: приходские кассы, монастырские и муниципальные. Содержимым этих касс они воспользовались для оплаты продуктов, полученных ими по договорам от валашских землевладельцев и крестьян. Но транспортные средства, значение которых в аграрной стране очень велико, дрова, уголь, солома и пр. вообще не оплачивались, а просто реквизировались. В результате казначейство Дунайских княжеств истощено до такой степени, что ожидается банкротство некоторых приходов. При этом нужно еще иметь в виду использование помещений, превращенных в госпитали, и множество всякого имущества, переданного на хранение русским из-за страха бояр перед турецкими грабителями.

В письме из Афин от 29 августа мы читаем:

«Король продолжает отказывать Турции в уплате какой бы то ни было компенсации. Ненависть против западных войск растет, и несколько французских солдат уже было избито народом».

Можно было бы рассказать вашим читателям прелюбопытную историю о том, как благодаря английскому влиянию были распущены греческие общины, как им навязали Каподистрию и как весь этот народ был деморализован махинациями лорда Пальмерстона. Честность намерений британского правительства даже в настоящий момент, когда им предпринята интервенция в Грецию, достаточно обнаруживается в поддержке, оказываемой Англией генералу Калергису, который, как и Каподистрия, родился, вырос и постоянно живет в России.

Лорд Стратфорд де Редклифф и британское правительство добились, наконец, того, что они давно уже пытались вызвать,— восстания в Турции, если не в европейской ее части, то, по крайней мере, в Анатолии. Мы уже знали из сообщений с Родоса, что на побережье, против этого острова, произошло восстание воинственного турецкого горного племени цейбеков. «Journal de Constantinople» 20 августа сообщает, что анархия в этой местности растет с каждым днем. Так как регулярные войска отсутствуют, то мятежники все время совершают набеги с гор, врываются в деревни, взимают десятину, грабят жителей и караваны, насилуют женщин и убивают всякого, кто оказывает им сопротивление. Больше всего они бесчинствуют в провинции Мастешак. Губернатор был вынужден бежать из Айдына в Тир. Денизли — в их руках, а муфтий Сахиб-эфенди, отправившийся с донесением к генерал-губернатору, был схвачен и обезглавлен вместе со своими спутниками. Силы повстанцев

исчисляются тысячами. Возникновение этих беспорядков приписывается возвращению из Карса и Баязета башибузуков, которые обвиняют Порту в том, что она притесняет турок и подчиняется России.

Бросая взгляд на Европу, мы видим симптомы революции в Испании, Италии, Дании, Дунайских княжествах, Греции, в Азиатской Турции; и даже в рядах французской армии в Варне вновь раздался клич «A bas les singes!»*

Написано К. Марксом 12 сентября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4197, 30 сентября 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «Долой обезьян!» *Ред.*

К. МАРКС

* ДЕЙСТВИЯ СОЮЗНОГО ФЛОТА. — ПОЛОЖЕНИЕ В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ. — ИСПАНИЯ. — ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ АНГЛИИ

Лондон, пятница, 15 сентября 1854 г.

Во вчерашнем номере «Moniteur» помещена следующая тело-грамма:

«*Терапия,* 7 сентября. Французы и турки отбыли из Варны 5 сентября. Английский флот должен соединиться с ними у Змеиного острова. Погода стоит прекрасная».

Задержка с отправкой этой первой группы экспедиционной армии была вызвана сильными штормами, бушевавшими на Босфоре вплоть до 27 августа. 27 августа, когда ветер, дувший с норд-оста, изменил направление, транспорты смогли выйти из Константинополя, направляясь в Черное море. Змеиный остров (Иладе Адесси) представляет собой небольшой скалистый островок, расположенный на некотором расстоянии от бессарабского берега, почти против устья Дуная. Он имеет в окружности не более трех английских миль. Войска, отправленные только 5 сентября, по-видимому, смогли высадиться не раньше 9 сентября.

Интересное место встречается в «Moniteur», в статье, посвященной анализу перспектив этой экспедиции:

«В случае», — пишет «Moniteur», — «в *случае,* если количество русских войск в Крыму окажется более *внушительным,* чем мы можем полагать, основываясь на полученных до сих пор сообщениях; если находящиеся в Севастополе силы смогут вести *затяжную оборону;* если встретятся затруднения, связанные с осенним сезоном; если, наконец, в Крым смогут быть переброшены значительные подкрепления из России, то нам на этот раз просто придется снова погрузиться на суда, а наступление на Севастополь возобновить весной».

Короче говоря, если эта «мощная армада, располагающая тысячами средств разрушения», встретит на своем пути сколько-

нибудь серьезные препятствия, она не замедлит возвратиться в Босфор. Как бы там ни было, если такие препятствия не встретятся, то виноваты в этом будут не союзники, так как до сведения царя уже много месяцев тому назад было доведено о готовящейся экспедиции, которую оттянули до самых последних дней благоприятного времени года. О доверии моряков к своему командиру можно судить по следующему отрывку из письма из Константинополя, напечатанного в «Augsburger Zeitung»:

«Во флоте Сент-Арно обычно называют Флоривалем — это псевдоним, под которым он дебютировал в театре *Амбигю комик* в Париже».

Согласно последним сообщениям из Гамбурга и Копенгагена, часть французских боевых кораблей и транспортов с солдатами прошла через Бельт, направляясь обратно во Францию. Бонапартистская газета «Constitutionnel» печатает следующие разоблачения по поводу боя при Бомарсунде:

«Его величество император Наполеон III *не пожелал* лишить преданный ему флот *награды,* которую он заслужил после столь длительною и тяжелого плавания в Балтийском море».

Бомарсунд, следовательно, подвергся бомбардировке исключительно для забавы матросов и как уступка нетернению и жажде развлечений офицерского состава. Эти два коротких намека в «Moniteur» и в «Gonstitutionnel» лучше раскрывают характер войны, чем все хвастливые передовые официальной английской прессы.

По приказу царя арестованы все инженеры, работавшие на строительстве бомарсундских фортов. Они должны предстать перед судом. Одним из выдвинутых против них обвинении является то, что укрепления должны были быть целиком построены из гранитных глыб, а после падения фортов оказалось, что стены были попросту засыпаны внутри песком и битым камнем. Начальники всех крепостей, расположенных вдоль побережья Финского залива, получили из С.-Петербурга приказ подробнейшим образом обследовать способ их постройки и немедленно доложить о результатах своего расследования. В настоящее время установлено, что форт Густавсвэрн на мысе Гангут был взорван самими русскими, когда в виду его появились производившие рекогносцировку Бараге д'Илье и генерал Джонс. Русские опасались нападения на Або, и форт Густавсвэрн разрушили, чтобы использовать гарнизон для обороны этого города.

Прежде чем перейти от Балтики к другой теме, хочу привести здесь следующее сообщение из газеты «Aftonbladet»:

«Корреспондент из Копенгагена утверждает, что датское правительство 16 августа разрешило г-ну Т. П. Шаффнеру установить линию электрического телеграфа из Северной Америки в Копенгаген через Гренландию, Исландию, Фарерские острова и Норвегию. 26 августа из Стокгольма в Мальмё открыта линия, протяжением в 68670 ярдов».

Часть лондонских газет печатает сегодня телеграфные сообщения о победе, одержанной Шамилем где-то недалеко от Тифлиса. Французские и немецкие газеты об этом факте не упоминают. 4 сентября турки перешли Дунай у Мэчина и заняли остров, расположенный между этой крепостью и Браиловым. Значительная часть турецкой флотилии на Дунае тоже бросила якорь близ Мэчина. Занятие Браилова турками должно было произойти 5 сентября. Заслуживает внимания прокламация генерала Крузенштерна, расклеенная в Одессе 30 августа; в ней предупреждают жителей, что они но должны, под страхом сурового наказания, препятствовать поджогу города, если армия сочтет необходимым пойти на этот шаг для защиты страны. Кроме того, русские власти во всех уездах Бессарабии издали приказ сжигать города и деревни при приближении противника. Этот приказ тем более смехотворен, что, как русским очень хорошо известно, бессарабские румыны будут жалеть об их уходе не больше, чем румыны из Валахии и Молдавии.

Я уже писал об обстоятельствах, при которых проходит зачисление валашского и молдавского ополчения на службу в русскую армию. Сегодня английские газеты печатают подробное описание того, что произошло 28 августа между г-ном Будбергом и офицерами румынского ополчения; в заключение разговора капитан Филиппеско заявил русскому генералу в лицо, что валахи рассматривают султана как своего единственного сюзерена. Он, разумеется, был арестован, а с ним еще два офицера, которые осмелились протестовать подобным же образом. Ниже мы даем помещенный сегодня в парижской «Presse» отчет о событиях 29 августа, когда русская кампания в Дунайских княжествах завершилась столь славным образом:

«Арест капитана Филиппеско и двух других офицеров, осмелившихся ослушаться приказаний генерала Будберга, вызвал сальное возмущение в рядах молдавского ополчения и усилил нежелание служить в русской армии. 29 августа незадолго до часа, назначенного для смотра, гетман Маврокордато отправился в кавалерийские казармы, расположенные против правительственного дворца. Каково же было его изумление и ужас, когда он не нашел в них ни одного человека. Солдаты, вместо того чтобы седлать коней для смотра, ухитрились все до одного сбежать из конюшен, бросив иа месте оружие и имущество. Незадачливый, гетман спешит в артиллерийские казармы, — там его ждет новый сюрприз. Орудия стоят по своим местам на плацу, но люди исчезли. В отчаянии Маврокордато уже видит себя сосланным в Сибирь. Однако ему удается собрать десятка

три артиллеристов, которым он, дрожа от ярости и страха, приказывает запрягать лошадей и вывозить орудия на площадь, где назначен смотр. «Пусть нас тащат туда силой, — кричат они, — мы не повинуемся приказам русских». С этими словами они запирают двери казарм. В эту минуту на площади раздается дробь барабанов. Это вся дивизия Остен-Сакена в составе двенадцати батальонов, одного драгунского полка и трех дивизионов артиллерии. Установив заставы на всех улицах, дивизия выстраивается на площади и полностью блокирует правительственный дворец и казармы молдавской конницы. Шестьдесят кавалеристов-молдаван, которых успели вернуть, построились перед казармой. Напротив них — 12000 русских — пехота, конница и артиллерия. Появляется Остен-Сакен в сопровождении генерала Будберга и многочисленной свиты. Войска московитов развернулись колоннами и с примкнутыми штыками, с криками «ура» продефилировали перед своими генералами. Затем они построились в каре в 150 ярдах от молдавских кавалеристов. Раздалась команда заряжать. Русские солдаты, перекрестившись, выполнили команду. Затем им было приказано целиться в шестьдесят молдаван. Когда и это было выполнено, Остен-Сакен со своей свитой подъехал к кучке молдавских ополченцев и стал призывать их следовать за его армией, в случае отказа угрожая им всем расстрелом. Ответом на его призыв было долгое молчание. Ужасное волнение охватило собравшуюся на площади толпу. Но вот один из молдаван выезжает из строя и спокойным голосом обращается к русскому генералу. «Мы — молдавские солдаты, — говорит он, — и наш долг — защищать свою родину, а не сражаться за чужеземцев. Делайте с нами, что хотите. Мы с вами не пойдем». «Можете нас убить, но мы с вами не пойдем», в один голос повторяют шестьдесят солдат. Услышав этот смелый ответ, Остен-Сакен приказывает им спешиться и сложить оружие, словно намереваясь немедленно отдать приказ о казни. Они повинуются, готовые умереть. Мгновенно тысячи солдат окружают их, набрасываются на них и берут их в плен. Совершив этот бранный подвиг, они направляются к казармам молдавских артиллеристов, где за запертыми воротами все еще отсиживаются тридцать человек. Солдаты, выломав ворота, проникают внутрь здания; происходит схватка, и превосходящие силы противника берут и артиллеристов в плен. Их поспешно уводят прочь, осыпая оскорблениями и угрожая смертью. Они остаются невозмутимы. Только один из них, молодой 22-летний корнет, с горящими от гнева глазами подходит к генералу Врангелю и, обнажив грудь, восклицает: «Вот моя грудь. Пробейте ее своими пулями, если посмеете». Генерал не посмел. Корнета и его товарищей разоружили и между двумя рядами штыков отправили в лагерь Остен-Сакена, за воротами Ясс. Что с ними стало — никому не известно. Что касается трех офицеров, арестованных накануне вечером, то многие опасаются, что их ждет расстрел. В тот же вечер русские окружили поле, где стоял лагерем полк молдавской пехоты, но застали там только 150 человек — остальные успели скрыться. Население Ясс во всеуслышание поносит своих покровителей. Шестьдесят кавалеристов, тридцать артиллеристов и сто пятьдесят пехотинцев захвачены в плен и разоружены 12000 русских с тремя батареями. — Этой единственной победой отмечена кампания русских в Дунайских княжествах».

В одной из предыдущих статей я упоминал о приказе Омер-паши, запрещающем распространение австрийского манифеста генерала Хесса. Сейчас стала известна причина этого запрещения: в этом манифесте валашским властям предлагалось по

всем делам обращаться исключительно к австрийскому командованию. Омер-паша дал знать генералу Хессу, что ему не следовало бы вмешиваться в вопросы гражданского управления Валахией, входящие в его (Омер-паши) компетенцию. Так как генерал Хесс выпустил свою прокламацию только для того, чтобы прощупать, как далеко ему можно зайти, он извинился за вызвавшее возражения место и чтобы доказать Омер-паше, что произошла ошибка, показал ему подлинный немецкий текст, в котором валашским властям предлагалось обращаться к его адъютанту лишь по вопросам, связанным с австрийскими войсками. Омер-паша одернул также и австрийского генерала Поповича, который 3 сентября вошел в Бухарест с австрийским авангардом и тотчас же начал вести себя там на манер Гайнау. В какой мере население Валахии приветствует австрийскую оккупацию, можно судить по следующей выдержке из сегодняшнего номера «Daily News»:

«Многие деревни, расположенные на пути следования австрийцев, покинуты жителями, которые унесли с собой все свое имущество, опасаясь, что им придется поставлять продовольствие или перевозочные средства в обмен на бумажные деньги, стоящие ровно половину своего номинала. В результате хлеб для австрийских войск приходится доставлять из Бухареста — за двадцать или даже тридцать миль».

Несомненно, именно гнусности, совершенные в Дунайских княжествах, — *плоды английской дипломатии,* — подсказали трезвому «Economist» статью, автор которой по поводу каких-то сравнительно незначительных ошибок американской дипломатии в Европе проводит следующее различие между английской и американской дипломатией:

«Мы не сомневаемся в том, что в Америке, так же как и у нас, ног недостатка в людях, способных проявлять благородные чувства, строго соблюдать правила поведения и ясно понимать свои обязанности по отношению к другим людям Разница между нами, и гора наших братьев-американцев, заключается в том, что по ту сторону Атлантического океана такие люди не выбирают правительства, не задают тон всей нации и *не определяют язык прессы.* У нас власть находится в руках образованных и *высших классов.* В Соединенных Штатах правят массы; там чернь узурпировала право говорить от имени нации; чернь диктует слова и поступки, она выбирает правительство, и это правительство должно служить ей; она поддерживает прессу, и пресса должна угождать ей; короче говоря, все, что делается и пишется, должно соответствовать вкусам и желаниям черни».

Так пишет лакей английских биржевых дельцов, как будто английская дипломатия — не сплошная гнусность, как будто «джентльмены», получившие назначение благодаря редактору «Economist» г-ну Уилсону и его шефу г-ну Гладстону, не были перед лицом парламента уличены в мошенничестве, шулерстве и краже.

Из Испании имеются лишь самые скудные известия. 8 сентября мадридская консультативная хунта окончательно распустила себя. Севильская хунта перед роспуском выразила энергичный протест против реакционной политики центрального правительства. Демократы Каталонии выпустили манифест против генерала Прима, который, не желая упустить свою долю в дележе добычи, дал знать из Турции о своем переходе на сторону нынешнего правительства. Прим навлек на себя ненависть каталонцев в 1843 г. осадой замка Фигерас, сопровождавшейся возмутительными зверствами, продиктованными исключительно яростью осаждающих в связи с отважной обороной крепости сравнительно небольшим отрядом под командованием Аметльера. О Приме тогда говорили, как о «человеке смехотворного тщеславия, которому вскружила голову случайная удача и полученные им титул графа и чин генерал-лейтенанта».

«Ероса» сообщает, что 7 сентября при Аранхуэсе произошло вооруженное столкновение между национальной гвардией и отрядом не то карлистов, не то республиканцев. Как ни быстры и ни решительны на первый взгляд успехи реакции, контрреволюционные газеты не перестают выражать свои опасения по поводу того, что дела в Испании все еще, возможно, не улажены.

Из только что опубликованного отчета о торговле и навигации интерес представляют следующие данные[282]:

Общая объявленная ценность экспорта английских и ирландских продуктов и фабричных изделий в 1831, 1842 и 1853 годах
(в фунтах стерлингов)

	1831	1842	1853
Экспорт в иностранные государства			
Россия, северные и черноморские порты	1 195 565	1 885 953	1 228 400
Швеция и Норвегия	115 707	334 017	556 183
Дания	92 294	194304	569 733
Пруссия	192 816	376 651	579 588

Продолжение

	1831	1842	1353
Ганновер и Ганзейский союз …………	3 642 952	6 202 700	7 565 493
Голландия		3 573 362	4 482 955
и } …………………………	2 082 536		
Бельгия		1 099 490	1 371 817
Франция …………………………………	602 688	3 193 939	2 636 330
Португалия.....…………………………..	975 991	947 855	1 210 411
Азорские острова и Мадейра	80 698	64 909	124 971
Испания и Балеарскио острова……….	597 848	322 614	1360719
Канарские острова………………………	33282	54 554	107 638
Италия:			
Сардиния			1 112 447
Герцогство Тосканское			639 794
Папская область } ……………..	2 490 376	2 494 197	207 491
Неаполь и Сицилия			639 544
Австрийские владения			637 353
Греция			135 315
Турция } …………..	899 100	1 489 826	2 029 305
Валахия и Молдавия			179 510
Сирия и Палестина ………………..........	—	375 551	306 580
Египет …………………………………..	122 832	221 003	787 111
Марокко ....…………….......	426	41 952	75 257
Французские владения в Сенегамбии ...	—	—	1 725
Западный берег Африки……………….	234 768	459 685	617 764
Ява и Суматра………………………....	285 296	306 132	558 212
Филиппины............……………............	39 513	47 019	386 552
Китай.........................…………...........	519 443	969 381	1 373 689
Куба ……………………………………….	663 531	711 938	1 124 864
Гаити…………………………………….	376 103	141 896	133 804
Соединенные Штаты и Калифорния.....	9 053 583	3 585 381	23 558 427
Мексика.....…………………………….	728 858	374 969	791 940

Продолжение

	1831	1842	1853
Новая Гранада } ……………………..	248 250	231 711	450 804
Венесуэла }			248 190
Бразилия ……………………………….	1 238 371	1 756 805	3 186 407
Уругвай } …………………….	339 870	969 791	529 883
Буэнос-Айрес }			551 035
Чили ..………………………………….	654 617	950 468	1 264 942
Перу.....................................…………..	409 003	684013	1 246 730
Прочие страны …………………………	215	7 223	912 662
Общий экспорт в иностранные государства……………………………….	26 909 432	34 119 587	65 551 579
Экспорт в британские владения			
Нормандские острова....…………….....	324 634	364 350	470 107
Гибралтар……………………..............	367 285	937 719	670 840
Мальта....................……………..............	134 519	289 304	297 906
Ионические острова …………………..	50 883	83 600	116 567
Южная Африка...……………………….	257 245	369 076	1 212 630
Остров Маврикий ....………………......	148 475	244 922	385 879
Ост-Индия……………………………..	3 857 969	5 169 888	8 185 695
Гонконг ....………..............	—	—	357 908
Австралия-……………………………..	403 223	998 952	14 513 700
Североамериканские колонии ....…..	2 089 327	2 333 525	4 898 544
Вест-Индия ..…………………………...	2 583 949	2 591 425	1 906 639
Прочие владения ………………………	39 431	18 675	347 787
Общий экспорт в британские владения…………….…………	10 254 940	13 261 436	33 382 202
Общий экспорт в британские владения и в иностранные государства ………………….	37 164 372	47 381 023	98 933 781

«Economist» выбрал 1842 год, чтобы подчеркнуть преимущества введенной с этого года свободы торговли[283]; но с присущей ему наивностью он забыл, что 1842 г. был годом торговой депрессии, а 1853 г. — годом величайшего процветания. Если английский экспорт обязан своим ростом волшебным чарам свободы торговли, то лучшим доказательством этого должно быть сравнение цифр экспорта в страны, которые придерживаются системы строгого протекционизма, например в Россию и во Францию, тем более что первая из этих стран больше других увеличила свой экспорт в Англию и больше других испытала на себе влияние английской свободной торговли. Но оказывается, что экспорт в обе эти страны сократился.

Экспорт в Россию	за 1853 г.	составил	1 106 776	ф.	ст.
	за 1831 г.	»	1 195 565	»	»
Во Францию	в 1853 г.	»	2 636 330	»	»
	в 1842 г.	»	3 193 933	»	»

Общая ценность британского экспорта за семь месяцев, кончая 5 августа 1854 г., выросла по сравнению с тем же периодом 1853 г., потому что возросли в цене металлы; но экспорт других важнейших изделий британской промышленности значительно сократился, как явствует из следующей таблицы:

	1853 (в ф. ст.)	1854 (в ф. ст.)
Льняные изделия………………………..	2 650 150	2 456 953
Льняная пряжа…………………………..	646 578	581 752
Шелковые изделия………………………	965 345	834 275
Шелк крученый.....………...…………...	132 689	120 890
Шерстяные изделия…………………….	3 741 261	3 731 453
Хлопчатобумажные изделия	15 515 224	14 762 981
Бумажная пряжа………………………...	3 897 080	3 838 393

Цифры, касающиеся хлопчатобумажных товаров, тем более убедительны, что количество вывезенных товаров возросло, в то время как вырученные за них суммы уменьшились. В 1854 г. вывезено 981994130 ярдов хлопчатобумажных товаров, не считая кружев и тюля, в то время как в 1853 г. было вывезено всего 969293663 ярда.

Написано К. Марксом 15 сентября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4198, 2 октября 1854 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

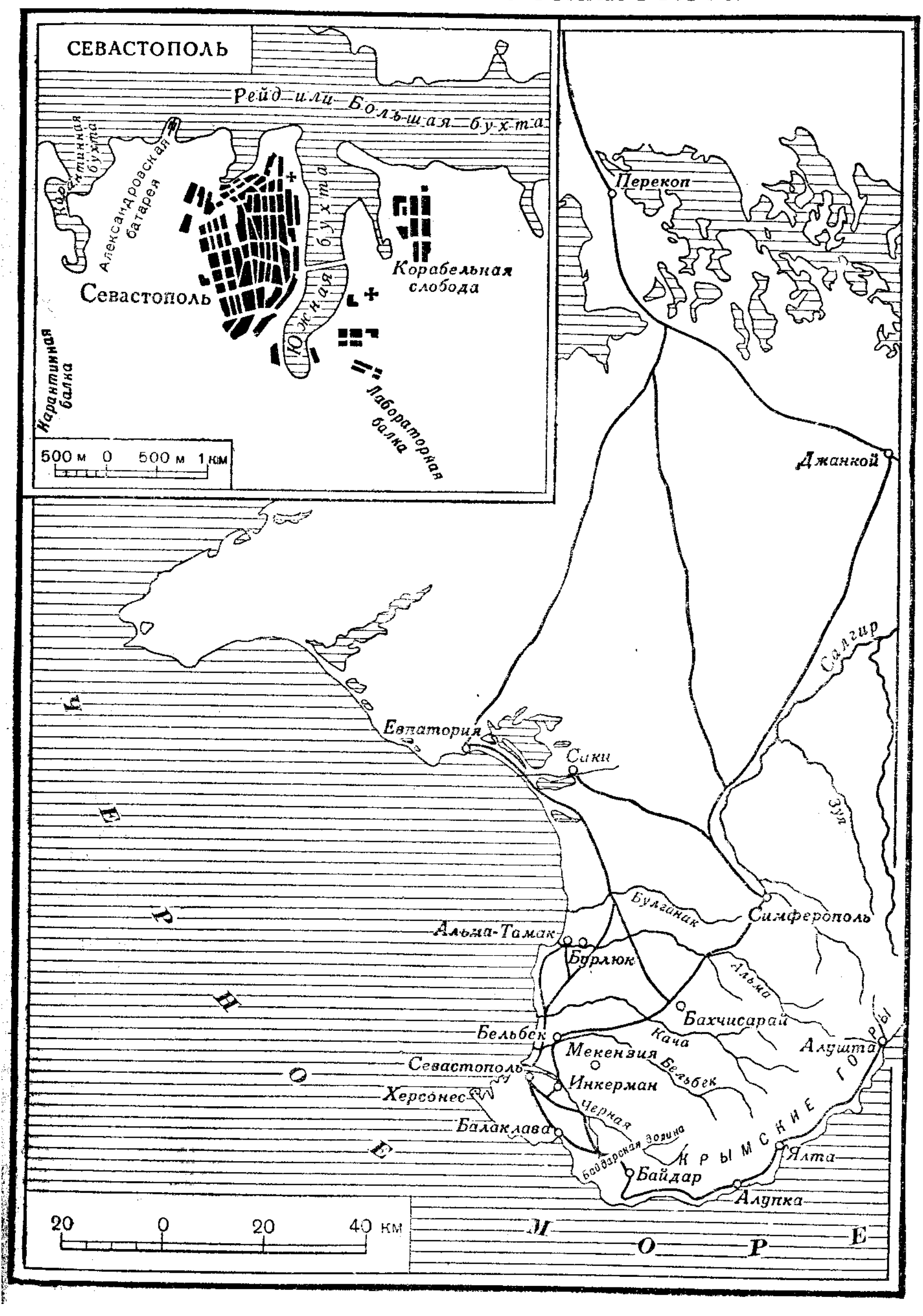
Ф. ЭНГЕЛЬС

НАСТУПЛЕНИЕ НА СЕВАСТОПОЛЬ

По-видимому, французам и англичанам представляется, наконец, возможность нанести серьезный удар могуществу и авторитету России, и поэтому мы с новым интересом следим за продвижением к Севастополю, последние сообщения о котором помещены в этом же номере газеты. Разумеется, французские и английские газеты всячески распространяются об этом предприятии, и, если им верить, история военного искусства еще никогда не знала ничего более величественного; но тех, кто знаком с фактами, кто наблюдал непонятную медлительность и бессмысленные отговорки в начале этой экспедиции, а также все предшествовавшие ей и сопровождавшие ее обстоятельства, того нельзя обмануть. Пусть конец этого предприятия будет достоин славы, начало его носило скорее позорный характер.

Бросим взгляд на историю деятельности союзных войск в Турции. Сначала эти весьма героические, но также и крайне осторожные воины хотели высадиться в Эносе, по эту сторону Дарданелл, и приблизиться к полуострову лишь тогда, когда выяснится, что это совершенно безопасно. Однако прежде чем они совершили этот геройский подвиг, храбрость их превзошла всякие ожидания и они рискнули высадиться на Галлиполи, у Херсонеса Фракийского. Но это было сделано лишь для того, чтобы в кратчайший срок возвести поперек полуострова оборонительные сооружения и создать для себя таким образом то, что им было более всего необходимо — операционную базу. Турки, между тем, все это время стояли на Дунае лицом к лицу с тем страшным противником, присутствие которого в Валахии

КРЫМСКИЙ ТЕАТР ВОЙНЫ в 1854 г.

и явилось поводом для ученых маневров союзников, и противостояли ему, надо сказать, довольно успешно. Но по мере того, как приходили суда и войска, выяснялось, что Дарданеллы и полуостров не: могут их всех вместить. Таким образом, в ученом проекте, выработанном Лондоном и Парижем, появилась новая прореха. Части войск теперь пришлось подвергнуться опасностям и риску высадки в самом угрожаемом пункте — в Константинополе! Чтобы поправить дело, немедленно началось укрепление этого города. На все это ушло, к счастью, немало времени, и, таким образом, была достигнута главная цель: не выиграть время, а потерять его. Затем-выяснилось, что можно-без большого риска послать дивизию в Варну в качестве гарнизона, так как турки, столь славно защищавшие Варну в 1828 г., наверное сделали с тех пор такие успехи в усвоении европейской дисциплины, что им уже нельзя было доверить защиту такого пункта. Дивизия была соответственно послана в Варну, а за ней последовали еще одна или две. Наконец, когда уже не было никакого предлога держать войска в Босфоре, вся большая союзная армия не торопясь сконцентрировалась в Варне. Это произошло как раз тогда, когда австрийская армия, как грозовая туча, появилась на фланге и в тылу русских, и когда, таким образом, в результате политических комбинаций база союзных операции внезапно была перенесена из Константинополя в Трансильванию и Галицию. Не будь этого, можно с уверенностью сказать, что Болгария так бы никогда и не увидела союзной армии. Подтверждением может служить поведение союзников во время осады Силистрии. Как всем известно, там был поворотный пункт всей кампании; в такой момент, когда обе стороны до крайности напрягли все свои силы, в девяти случаях из десяти ничтожный перевес на одной стороне может решить вопрос в ее пользу. Между тем во время этой решающей осады 20000 английских и 30000 французских солдат — «цвет обеих армий» — стояли на расстоянии лишь нескольких дневных переходов от этой крепости, готовились к борьбе с холерой, благодушно раскуривая свои трубки. И если бы не ужасные опустошения, произведенные этой болезнью в рядах русских, и не горстка арнаутов, окопавшихся и засевших во рву, со всех сторон осыпаемом снарядами, и совершивших чудеса храбрости, Силистрия попала бы в руки неприятеля. Нет другого примера в военной истории, чтобы армия, которая так легко могла бы прийти на помощь своим союзникам, настолько трусливо бросила их на произвол судьбы. Никакой поход на Крым, никакие победы не смоют этого пятна с французских и английских военачальников. Что было бы

с британцами под Ватерлоо, если бы старый Блюхер после поражения, которое за два дня до того было нанесено ему у Линьи, проявил не больше добросовестности, чем Раглан и Сент-Арно[284]?

Горстка арнаутов, сражавшихся в окопах Араб-Табиа, оказалась вполне на уровне русских по ловкости, сообразительности и военной доблести. Русские были отброшены за Дунай не какой-нибудь армией, пришедшей на выручку крепости. Их собственная глупость, мужество защитников, болотная лихорадка, пассивное давление австрийцев на Днестре и союзников на Девненске (ибо кто мог предвидеть, что они так поведут себя?) — вот что заставило русских в конце концов снять осаду и отказаться от всей кампании, от Дунайских княжеств и от Добруджи. После такого крупного успеха союзным генералам, разумеется, захотелось использовать его -для дальнейших операций, однако в соответствии с требованиями той стратегической системы, которую они до этого момента столь эффективно применяли. Поэтому лорд Кардиган повел британскую кавалерию на Дунай в разведывательный поход, во время которого она не видела русских, потеряла много лошадей и ничего не заработала, кроме болезней и насмешек. А генерал Эспинас, известный главным образом тем, что он изменил Национальному собранию 2 декабря 1851 г.[285], повел свою дивизию в Добруджу, причем весь успех его свелся к тому, что несколько превосходных полков были наполовину уничтожены холерой и занесли заразу в лагерь союзников. Итак, последовавшая затем большая эпидемия холеры в лагере союзников в Варне явилась заслуженной расплатой за их тонкие стратегические комбинации. Солдаты погибали тысячами еще раньше чем увидели в глаза неприятеля; они умирали как мухи в лагере, где спокойно и мирно вели сравнительно роскошную жизнь. Следствием этого был упадок духа, недоверие к командирам и дезорганизация, — не столько у англичан, которые страдали меньше и обладают большей силой сопротивления, сколько у французов, национальный характер которых делает их более восприимчивыми по отношению к таким влияниям, особенно если их военачальники держат их в состоянии бездействия. Но то, что обнаружилось в бунтах, возникших теперь среди французских войск, было естественным результатом ненормальных условий, в которых армия существовала с 1849 года. Буржуазия научила французского солдата, освободившего ее от ужасов революции, считать себя спасителем нации и общества вообще. Лук Бонапарт баловал его, видя в нем ту силу, которая восстановила империю. С солдатом все время обращались так, что он научился приказывать, и

забыл, что должен подчиняться. Ему внушили, будто он стоит выше штатских, и вот он скоро возомнил, что он, по меньшей мере, ни в чем не уступает своим начальникам. Не жалели никаких усилий, чтобы превратить его в преторианца, а история всегда учила, что преторианцы — это выродившиеся солдаты. Они начинают с того, что командуют штатскими, затем пытаются диктовать свою волю собственным генералам, и кончают тем, что получают основательную взбучку.

Но посмотрим, что произошло в Варне. Когда целые батальоны начали валиться на раскаленный песок, корчась в муках холеры, старые солдаты стали сравнивать авантюристов, которые ими теперь командуют, со старыми военачальниками, столь успешно проведшими их в свое время через те самые африканские походы, на которые с таким презрением смотрят теперь герои сегодняшней империи времен упадка[286]. Африка более жаркая страна, чем Болгария, и Сахара гораздо менее приятное место, чем даже Добруджа. Но в течение всего периода африканских завоеваний смертность не достигла таких размеров, как во время спокойной стоянки на Девненске или легких рекогносцировочных переходов вокруг Кюстенджи. Кавеньяк, Бедо, Шангарнье, Ламорисьер командовали ими в гораздо более опасной обстановке, но с гораздо меньшими потерями; правда, это было тогда, когда Эспинас и Леруа Сент-Арно еще скрывались во мраке неизвестности, из которого могла их извлечь только политическая подлость. Зуавы, главные представители африканской армии, люди, которые воевали лучше всех и больше всех нюхали пороха, возмутились поэтому, как один человек, и кричали: «A bas les singes! Il nous faut Lamoriciere!» — «Долой обезьян! Дайте нам Ламорисьера!». Узнав об этом, его императорское величество Наполеон III, который является главным творцом этой официальной карикатуры на великое прошлое, вероятно, почуял в крике зуавов «начало конца» для себя. В Варне этот крик произвел волшебное действие. Можно сказать, что он явился главной причиной экспедиции в Крым.

После опыта этой летней кампании, или, вернее, экскурсии из Галлиполи в Скутари, из Скутари в Варну, из Варны в Девню, Аладин и обратно, нельзя ожидать, что мы отнесемся серьезно к тем отговоркам, которыми союзное командование объясняет, почему экспедиция, так долго откладывавшаяся, была в заключение предпринята так поспешно. Одного примера достаточно, чтобы показать, чего стоят их доводы. Как утверждалось, отсрочка была вызвана тем, что не прибыла французская осадная артиллерия. Но когда начались холерные бунты

и Леруа Сент-Арно увидел, что ему сейчас, без промедления, надо пускать в ход срой главный козырь, он послал в Константинополь за турецкой осадной артиллерией и снаряжением, и все это в кратчайший срок было приведено в готовность и погружено на суда; и если бы за это время не прибыл французский осадный парк, то отплыли бы и без него. Но ведь турецкая осадная артиллерия была наготове уже не один месяц, что доказывает, что все имевшие место задержки были не нужны.

Таким образом, выясняется, что эта широковещательная экспедиция в Крым с шестьюстами пароходов и шестьюдесятью тысячами солдат, тремя осадными парками и бог знает каким количеством полевых орудий является вовсе не хорошо продуманным результатом искусных операций, заблаговременно и научно обоснованных, а лишь поспешным coup de tete[*], предназначенным спасти Леруа Сент-Арно от расправы со стороны его собственных солдат. Добрый и мягкий старый лорд Раглан тем менее мог дать отпор этому плану, что всякое дальнейшее промедление могло привести и его армию в то же состояние недисциплинированности и отчаяния, которое уже овладело французскими войсками.

Ирония истории, о которой говорит один немецкий писатель[**], сказывалась не только в прошлом, она сказывается и в современных событиях, и в данный момент бедный лорд Раглан является ее жертвой. Что касается Леруа Сент-Арно, то его и так никто никогда не рассматривал как главнокомандующего. Он слишком давно был известен как представитель полусвета, как завсегдатай притонов, где встречался, с воровками и аферистами, достойный сообщник человека, которого «долги, но не долг» толкнули на Булонскую экспедицию[287]. Вопреки цензурным запретам парижские сплетники хорошо осведомлены об его личности и прошлом. Дважды разжалованный лейтенант, капитан, ограбивший в качестве казначея полковую кассу в Африке, слишком хорошо известен, и что бы он ни сделал в Крыму, его самым славным подвигом все же навсегда останется успешная экспедиция в лондонский ломбард с одеялами квартирной хозяйки и последовавшее искусное отступление в Париж. Но бедный Раглан, генерал-адъютант герцога Веллингтона, человек, поседевший в теоретических трудах и тонкостях штабного руководства, несомненно, действительно верит в те доводы, которыми объясняет свои действия. И на него со всей тяжестью падает ответственность за

[*] — опрометчивым поступком. *Ред.*
[**] — Гегель. *Ред.*

то, что вся кампания, разработанная на таком научном уровне, так искусно проведена, что десять тысяч человек, то есть чуть ли не один из семи, умерли раньше, чем увидели неприятеля, и что все эти тщательно продуманные операции привели лишь к поспешной экспедиции в Крым перед самым наступлением неблагоприятного времени года. Поистине, нет ничего более едкого, чем эта «ирония истории».

И все же экспедиция может оказаться успешной. Союзники почти заслужили это, так как ничто не могло бы вызвать большего презрения к тому способу ведения войны, который они до сих пор применяли. Столько шума, столько предварительных шагов, такой избыток учености против врага, который терпит поражение в кампании, предпринятой не для его уничтожения, а для сохранения нападающей армии! Это было бы ужасным приговором, который союзники вынесли бы себе сами. Но они еще не в Севастополе. Они высадились в Евпатории и у Старого форта. Отсюда им нужно пройти до Севастополя — соответственно — пятьдесят и двадцать миль. Их тяжелая артиллерия должна быть выгружена вблизи последнего из указанных мест, чтобы избежать трудностей перевозки по суше; выгрузка, следовательно, еще далеко не закончена. Хотя точные данные о силах русских еще неизвестны, но эти силы достаточно велики, в этом можно не сомневаться, чтобы во многих пунктах в окрестностях Севастополя дать им перевес над силами союзников. Холмистая местность и почти на десять миль врезывающаяся в материк бухта заставят союзников весьма растянуть свои линии, как только они попытаются обложить крепость. Решительному военачальнику будет не трудно прорвать эти линии. Мы, конечно, не знаем, что собой представляют сухопутные оборонительные сооружения крепости; но то, что мы знаем о старом Меншикове, заставляет думать, что он не потерял времени даром.

Отчеты британских газет и избранное союзниками операционное направление позволяют предполагать, что первое нападение будет произведено на форт, стоящий на холме на северной стороне и господствующий над городом. Русские называют его Северная крепость, то есть Северный форт.

Если он построен хоть сколько-нибудь капитально, то сможет сопротивляться долго. Это — большой четырехугольный редут устроенный в соответствии с полигональной системой Монталамбера, или системой капонир; при этой системе фланки защищены низкими казематами, которые расположены в глубине рва у середины каждой стороны четырехугольника и простреливают его вправо и влево. Такие укрепления имеют

то преимущество, что не подвергаются непосредственному воздействию неприятельского огня, пока неприятель не подвел свои траншеи к самому краю рва. Расположение такого укрепления в непосредственной близости с главной крепостью позволяет использовать его для наступательных целей в качестве опорного пункта и базы для сильных вылазок, и уже самое существование такого укрепления заставит союзников ограничить свои главные операции северным побережьем бухты.

Опыт Бомарсунда научил нас тому, что о русских крепостях нельзя сказать ничего определенного, прежде чем они фактически не подверглись испытанию. Поэтому сейчас нельзя с какой-либо степенью вероятности определить шансы крымской экспедиции на успех. Но одно можно сказать довольно определенно: если операции примут затяжной характер, если наступление зимы вызовет новый взрыв эпидемии, если войска будут тратить силы на необдуманные и неподготовленные нападения, как это было с русскими под Силистрией, то французская и, по всей вероятности, турецкая армии дойдут до такого же состояния разложения, какое первая испытала в Варне, а вторая испытывала неоднократно в Азии. Англичане, наверное, будут держаться дольше, но наступает момент, когда и наиболее дисциплинированные войска не выдерживают. В этом заключается подлинная опасность для союзников, и если, благодаря сопротивлению русских, обстоятельства сложатся именно так, то обратная посадка на суда перед лицом победоносного врага будет очень рискованным делом. Экспедиция может, очень возможно, оказаться успешной, но, с другой стороны, она может обернуться и вторым Валхереном[288].

Написано Ф. Энгельсом 18 сентября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4209, 14 октября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЕСТИ ИЗ КРЫМА

Наш сегодняшний номер заполнен потрясающими известиями о кровопролитных боях в Крыму, о взятии Севастополя, разрушении его важнейших фортов, уничтожении большей части русского флота, о полной капитуляции князя Меншикова и о захвате в плен остатков его разбитой и почти уничтоженной армии. Если эти сообщения соответствуют истине, то за последние почти сорок лет мир не видел ни столь страшного кровопролития, ни военных событий, чреватых такими важными последствиями. Что касается точности этих сообщений, то постараемся разобраться в этом вопросе, тщательно отделяя то, что мы узнали из официальных и достоверных источников, от того, что мы узнали из источников неофициальных и сомнительных.

Поэтому мы должны разбить сообщения на две группы — сообщения, касающиеся сражения на Альме 20 сентября, и сообщения о взятии самого Севастополя. Согласно донесениям лорда Раглана и маршала Сент-Арно, союзные войска 20 сентября атаковали русский укрепленный лагерь на высотах к югу от реки Альмы и заставили русских отступить. Англичане захватили два орудия. Французы же в своем донесении ничего не говорят о трофеях. Французы потеряли около 1400 человек, англичане — столько же. Численность русских войск определяется в 45000—50000 человек, а их потери в 4000—6000 человек. Эти донесения явно написаны под непосредственным впечатлением только что одержанной победы. Сообщение о 50000 русских, участвовавших в сражении на Альме, сильно противоречит более ранним сведениям о том, что вообще в Крыму

находится самое большее 45000 человек. Два орудия, захваченные в укрепленном лагере, оснащенном «многочисленными тяжелыми орудиями», кажутся весьма незначительными трофеями, если учесть, что спасти орудия при взятии полевых у креплений почти невозможно. Однако еще более знаменательным является тот факт, что маршал Сент-Арно не упоминает о взятии орудий французами.

Допустим, что Меншиков сосредоточил от 45000 до 50000 человек в укрепленном лагере на Альме, что это доказывает? Либо, что он располагал гораздо большим количеством войск, чем можно было ожидать, и смог поэтому вывести так много людей в открытое поле; либо севастопольские укрепления со стороны суши так слабы, что у него не было другой возможности оборонять крепость, кроме как нанося поражение союзникам в открытом поле; либо, наконец, он совершил огромную ошибку, допустив сражение в открытом поле и подвергнув свои войска деморализующему влиянию решительного поражения.

Согласно более ранним сообщениям, русский лагерь на Альме насчитывал не более 10000 человек. Эти войска могли получить подкрепления, но для того, чтобы довести их численность до 25000 или 30000 человек, русские должны были сделать значительные усилия. Если у них было 50000 человек поблизости от Альмы, то есть на расстоянии 15 миль от места высадки, то чем объяснить, что они не напали на союзников в тот самый момент, когда те высаживались на берег?

Местность между Старым фортом, где высадились союзники, и Севастополем пересекается тремя речками, образующими со своими оврагами важные военные позиции. Ближе всего к Севастополю расположена Черная, впадающая в восточную часть Севастопольской бухты. Северный форт защищает северный берег бухты, а эта речка, или, вернее, ее глубокое русло, образует нечто вроде естественного рва на востоке от города. И там, разумеется, находится последняя важная позиция обороны. Следующая речка — Кача — протекает с востока на запад в нескольких милях к северу от Северного форта; и, наконец, почти в 12 милях севернее отсюда протекает Альма. Из этих трех линий обороны, независимо от тактических преимуществ, которые они могут представлять и о которых нельзя судить на расстоянии, трудно предположить, чтобы русские выбрали первую и наиболее отдаленную линию для решительного сражения, от которого могла зависеть судьба Севастополя. Однако отсутствие главных кавалерийских частей союзников могло побудить русских послать большой отряд в укрепления на Альме, так как в силу своего временного превосходства в этом

виде войск они могли не опасаться нападения вражеской конницы на свои фланги. К этому могло их также побудить и соображение о невозможности использовать кавалерию после обложения Севастополя.

Русское поражение на Альме при ближайшем рассмотрении еще более утрачивает свое тактическое значение. Русские не любят незамкнутых окопов. Они предпочитают там, где у них есть на это время и где они предполагают оказывать ожесточенное сопротивление, закрытые квадратные редуты. Спасти артиллерию из таких редутов невозможно, раз уж проведена атака. Но даже в тех видах укреплений, технически называемых люнетами, которые открыты со стороны горжи*, почти нет возможности спасти артиллерию перед лицом штурмующего неприятеля. Ибо, если пушки отводить в самый момент атаки, то оборона лишается своего оружия, а если ров уже форсирован, то некому перетаскивать пушки через насыпь и площадку, запрягать лошадей и вывозить пушки под ближним огнем неприятеля.

«Пушки, расположенные в укреплениях, следует считать потерянными, как только сами укрепления не могут быть дольше удержаны. Единственное, что можно сделать, — это заставить заплатить за них самую дорогую цену».

Так говорит генерал Дюфур в своем учебнике полевой фортификации. Тот факт, что русские потеряли только два орудия, показывает, что лагерь не защищали до последнего и что не более одного или двух укреплений были действительно взяты штыковой атакой. Остальные едва ли оборонялись штыками и, по-видимому, были оставлены до того, как штурмующая колонна дошла до рва. Отступление русских, очевидно, происходило в полном порядке под прикрытием их кавалерии и они располагали тем преимуществом, что конные части союзников не могли быстро переправиться через Альму и овраги. Но в таком случае тот факт, что они сохранили всю свою кавалерию, является достаточным доказательством того, что они прервали сражение раньше, чем сильный удар внес смятение в их ряды.

Вот все, что нам известно об одержанной на высотах южнее Альмы победе, о которой было возвещено в Англии 1 октября под залпы салютов и звон колоколов, победе, о которой лорд-мэр, под звуки фанфары, сообщил на бирже в субботу 30 сентября в 10 часов вечера; победе, которую приветствовали в театральных залах и которую лондонская газета «Times»

* — обращенного к тылу выхода. *Ред.*

объявила результатом молебна, отслуженного архиепископом Кентерберийским уже после сражения. Корреспонденты сообщают, что Сент-Арно не смог взобраться на лошадь. Историки рассказывают то же самое о Наполеоне во время битвы при Ватерлоо. Возможно, что победа на Альме вызвана была теми же обстоятельствами, что и поражение при Ватерлоо.

Переходим теперь ко второй группе еще более потрясающих известий, касающихся захвата Севастополя. Первое сообщение об этом событии, полученное в Лондоне из Бухареста по телеграфу, было отправлено оттуда 28 сентября. В нем говорилось, что Севастополь захвачен союзниками в результате комбинированной атаки с моря и с суши. Это сообщение якобы поступило с французского парохода, отправленного из Севастополя в Константинополь с этим известием и повстречавшего в море другой французский пароход, шедший в Варну. Если, как утверждают, захват крепости имел место 25 сентября, известие об этом могло достигнуть Варны в ночь с 26-го на 27-е и быть доставленным в Бухарест 28-го к полудню, поскольку расстояние между Варной и Бухарестом, представляющее приблизительно 100 миль, покрывается курьером за 24 часа. На этом сообщении и было построено обращение Бонапарта к Булонскому лагерю, которое мы приводим в другом месте. Но оказывается, что до 30 сентября в Бухарест не прибыл ни один курьер. Второе сообщение о падении Севастополя, хотя и отличающееся некоторым правдоподобием с географической точки зрения, было отправлено из Бухареста лишь в тот день, когда Бонапарт читал свое обращение. Эта телеграмма, полученная австрийским правительством 1 октября в 6 часов вечера и переданная в «Times» австрийским послом в Лондоне 3 октября, опубликована в «Moniteur» от того же числа с таким комментарием:

«Это сообщение передано французскому правительству г-ном де Буолем, который поручил г-ну Гюбнеру поздравить французского императора от имени австрийского императора со славной победой, одержанной французским оружием в Крыму».

Следует отметить, что это важное сообщение целиком построено на устном заявлении курьера, посланного из Константинополя к Омер-паше, каковой курьер, не застав Омер-паши в Бухаресте, выехал в Силистрию, где находился тогда штаб Омер-паши. По словам этого курьера, Севастополь взят, 18000 русских убито, 22000 в плену, форт Константина разрушен, остальные форты и 800 орудий захвачены, шесть русских военных кораблей потоплены, а князь Меншиков отошел в глубь бухты с уцелевшими кораблями и заявил, что он скорее взор-

вет их, чем сдастся. Союзники якобы дали ему 6 часов на размышление. В Константинополе в течение десяти дней будет иллюминация.

Судя по тому, что мы узнали о русских фортификациях на Аландских островах и после успехов союзников на Альме, сдача Севастополя за такой короткий срок, как одни сутки, не представляется невероятной. Но можно ли себе представить, что армия в 50000 человек, которой счастливо удалось, потерпев поражение, сохранить почти всю свою артиллерию и во главе которой стоит один из наиболее отважных русских командиров, проявивших себя за время этой кампании, можно ли себе представить, что такая армия сложит оружие после первого нападения на город? И все же эта война отмечена такими невероятными и необычными чертами, что мы должны быть так же готовы «идти от неожиданности к неожиданности», как сам Наполеон, когда он получил в 1807 г. донесение Себастиани из Константинополя. Союзники сделали все, что могли, на протяжении этой войны, чтобы подготовить себе неслыханное поражение. Почему же судьбе не преподнести им ни с чем не сравнимый триумф? История никогда не обходится без иронии; она может быть захотела преподнести миру такое любопытное зрелище, как заточение в скромной башне на Босфоре того старого московитского Родомонта[289], который только год назад покинул столицу «умирающего человека», в гордой уверенности, что он сможет проглотить всю его империю. Какое жестокое наказание для гордого и надменного Меншикова, зачинщика и инициатора этой войны, вернуться в Константинополь в качестве пленного!

Если турецкий курьер говорил правду, история крымской кампании может быть выражена в весьма немногих словах: 14 и 16 сентября армия, не встречая сопротивления, высадилась у Старого форта; 19-го она двинулась в поход; 20-го она выиграла сражение на Альме и 25-го захватила Севастополь.

Очередной пароход из Ливерпуля, «Африка», направляется прямо в Нью-Йорк, не заходя в Галифакс. Едва ли он прибудет раньше пятницы и до этого дня у нас нет надежды получить какие-либо достоверные сведения по этому в высшей степени интересному вопросу. Пока что, может быть, будет наиболее уместным принять за истину всю историю турецкого курьера, и мы надеемся, что те, кто так сделает, не попадут в такое унизительное положение, в какое попал в Булони в связи с этим наш друг Луи Бонапарт. Как наши читатели смогут увидеть на других столбцах нашей газеты[290], император на состоявшемся на днях смотре объявил об этом событии в весьма мелодраматическом стиле ясными и категорическими словами: Sebastopol est

prise*. При этом он, вероятно, казался самому себе подлинным Наполеоном, объявляющим своим войскам о большой победе. К сожалению для племянника, его дяде никогда не приходилось объявлять о своих победах: он сам сражался во главе своих войск, и его солдаты, видя, как враг бежит, не нуждались ни в каких подтверждениях. К еще большему сожалению, сообщение, от которого Луи Бонапарт не мог воздержаться, подверглось вечером переоценке со стороны булонского су-префекта, расклеившего на стенах бюллетень, в котором говорилось, что получено донесение о взятии Севастополя, но за достоверность его, мол, поручиться нельзя. Таким образом, императорский су-префект в Булони поправил самого императора французов! Весьма примечательно также, что последний полученный нами номер официальной газеты французского правительства от 3 октября не дает подтверждения сообщениям о великом событии. И все же, это может оказаться правдой, и мы с напряженным интересом ждем точной информации.

Написано Ф. Энгельсом 2 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4211, 17 октября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — Севастополь взят. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

«Поймай татарина!» — говорят англичане. Оказалось, что не только англичане, но и французы и австрийцы с таким же успехом дали татарину поймать себя*. Да простят нам, если мы выразим теперь некоторое удовлетворение по поводу того, что «Tribune» и те из ее читателей, которые внимательно следят за ходом нынешней кампании в Крыму, не оказались пойманными вместе с остальными.

Когда до нас впервые дошел неправдоподобный рассказ о захвате Севастополя, мы попытались показать**, проследив каналы, по которым поступила эта информация, а также исходя из данных военной науки, что за победой на Альме, какое бы решающее значение она ни имела, едва ли могла так скоро последовать капитуляция укрепленного города, являвшегося главным объектом всей кампании. В то же время мы, как нам кажется, установили тот факт, что никакой решающей победы союзники вообще не одержали, поскольку русские отступили в полном порядке, сохранив все свои орудия. И наконец, мы особенно подчеркивали то обстоятельство, что все подробности этого сообщения, не содержащиеся в официальном донесении о сражении на Альме, основаны исключительно на устном рассказе курьера, посланного к Омер-паше с секретными депешами. Таким образом, для нас вовсе не оказалось неожиданным, что потрясающее известие о «падении Севастополя» — не что иное,

* Игра слов: «Catch a Tartar» — «оказаться жертвой того, на кого сам охотишься»; «tartar» — «татарин», так турки называли военных или дипломатических курьеров. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 511—516. *Ред.*

как искаженное воображением сообщение о победе на Альме, которое было доставлено в Бухарест шутливым курьером, провозглашено в Булони склонным к театральным эффектам Луи-Наполеоном и слепо принято на веру английским лавочником, этим выдающимся образцом человеческого рода. Английская печать вообще показала себя достойной представительницей этого класса, и можно подумать, что в Англии достаточно произнести слово Севастополь, чтобы всех привести в восторг. Наши читатели, возможно, помнят, как в конце последней сессии парламента лорд Джон Рассел заявил, что разрушение Севастополя входит в планы английского правительства; хотя это заявление и было взято назад на том же заседании, но благодаря ему в продолжение пяти часов, — выражаясь словами г-на Дизраэли, произнесенными по этому поводу, — достопочтенные депутаты были в восторге. Лондонская газета «Times» опубликовала уже не менее девяти передовых статей, составленных, bona fide или mala fide*, все в том же восторженном духе; и все это, по-видимому, с единственной целью — толкнуть сэра Чарлза Нейпира на опрометчивые действия против Кронштадта или Свеаборга. Как бы окрыленная славой и достигнутыми успехами, эта газета уже начала осыпать ядрами, — разумеется, воображаемыми, — прусские берега Балтийского моря, а также короля-бомбу в Неаполе и великого герцога Тосканского в Ливорно. Поистине эта газета готова воевать со всем миром, в том числе, конечно, и с «остальным человечеством».

О действительном состоянии береговых укреплений Севастополя известно слишком мало, чтобы можно было с какой-нибудь степенью вероятности предвидеть, как долго продержится эта крепость. Успех на Альме дает серьезные основания считать, что Севастополь будет взят; ведь этот успех должен был поднять боевой дух союзных войск и послужить хорошим профилактическим средством от болезни, — этого опаснейшего врага союзников в Крыму, с которым, как сообщают, им уже пришлось столкнуться. Но было бы нелепо предполагать, что союзники смогут войти в Севастополь так же легко, как зашли бы в кофейню.

После грандиозной мистификации с сообщением о завоевании этой крепости, о 30000 убитых и раненых и 22000 пленных — мистификации, не имеющей равных себе в истории, — можно было надеяться, что подлинные официальные документы, по мере своего появления, будут хотя бы содержать ясную и полную информацию. Однако донесение, опубликованное

* — искренне или неискренне. *Ред.*

в Лондоне 5 октября в экстренном выпуске «Gazette» и сегодня перепечатанное на столбцах нашей газеты, в конце концов, не свободно от двусмысленных выражений. И в самом деле, в нем очень многое вызывает недоумение, обстоятельство, которое следует объяснить тем, что оно исходит от лорда Стратфорда де Редклиффа, выученика пальмерстоновской дипломатической школы. Во-первых, в донесении указано, что оно было отправлено в Англию из Бухареста 30 сентября в $3^1/_2$ часа дня, в то время как лорд Редклифф датирует его Константинополем, 30 сентября в $9^1/_2$ часов вечера; выходит, что донесение было получено в Бухаресте за шесть часов до того, как его отправили из Константинополя. Далее, в сообщении ни слова не говорится о том, что происходило в Крыму между 20 и 28 сентября, а лишь сообщается, что

«армии союзников 28 сентября утром расположили свою операционную базу в Балаклаве и готовились к немедленному походу на Севастополь. «Агамемнон» (имеющий на борту адмирала Лайонса) и другие военные суда находятся в Балаклавской бухте. Это место представляет большие удобства для выгрузки осадного парка».

Считая это сообщение достоверным, английская пресса, естественно, сделала вывод, что союзные войска, пройдя Бельбек и Северный, преодолели высоты позади Севастопольской бухты и по прямой линии прошли к Балаклавской бухте. Здесь следует заметить, что с военной точки зрения недопустимо, чтобы армия, овладевшая господствующими над Севастополем высотами, спокойно спустилась по другому склону и отправилась за одиннадцать миль к другой бухте с единственной целью «расположить там свою операционную базу». С другой стороны, вполне допустимо, что адмирал Лайонс с частью эскадры обогнул мыс Херсонес, имея в виду обеспечить союзникам гавань для стоянки судов, расположенную близко от Севастополя и в то же время приспособленную для выгрузки осадной артиллерии, которая, как мы все время утверждали, все еще не была выгружена. Разумеется, орудия нельзя было выгрузить без прикрывающего отряда, который либо мог быть выделен из главных сил армии после высадки у Старого форта, либо мог состоять из части резерва, прибывшего морем из Константинополя и Варны.

Далее в донесении сообщается, что

«князь Меншиков находится в действующей армии во главе 22000 войск и ожидает подкреплений».

Английские газеты из этого заключают, что русские с 20 по 28 сентября потеряли в боях от 25000 до 30000 человек,

считая, вместе с лордом Рагланом, что в битве на Альме у них было от 45000 до 50000 войск. Мы уже и раньше заявляли[*], что prima facie[**] не поверили этим цифрам и все время считали, что в распоряжении князя Меншикова для полевых действий имелось не более 25000 солдат; и теперь выясняется, что наша оценка сходится с той, какую приводят в своих сообщениях русские.

В донесении еще говорится, что «крепость Анапа сожжена русскими. Ее гарнизон направляется к театру военных действий». Мы отказываемся верить в правильность этого сообщения. Если князь Меншиков хочет надеяться, что к нему вовремя подойдут подкрепления, гораздо целесообразнее вызвать их из Перекопа, а не из Анапы, от которой до Крыма без малого двести миль; если же он не может рассчитывать на получение подкреплений из Перекопа, то с его стороны было бы большой опрометчивостью вызвать из-за моря анапский гарнизон и, таким образом, пожертвовать, в дополнение к Севастополю, еще и последним оплотом русских на Кавказе. Итак, мы видим, что невзирая на всю «информацию», содержащуюся в этом официальном донесении, нам все же следует рассматривать сражение на Альме, как главное событие, достоверность которого установлена. Подробное описание этого события, однако, тоже еще отсутствует, и герцог Ньюкасл уже предупредил британскую публику, что такого описания не следует ожидать раньше понедельника 9 октября. Все, что мы узнали в дополнение к официальному телеграфному донесению лорда Раглана, сводится к следующему: герой лондонского ломбарда маршал Сент-Арно в день сражения был «нездоров» (случалось ли что-либо подобное с другими героями?), — главное командование было в руках лорда Раглана, — англичане потеряли не 1400, а 2000 человек, в том числе 96 офицеров, и в Константинополь уже прибыло шесть пароходов с ранеными.

Передвижения армии Омер-паши, направляющейся из Бухареста и Валахии к черноморскому побережью через Рущук, Силистрию и Олтеницу, очевидно, подтверждают слухи о том, что командование союзников в Крыму потребовало подкреплений. Но этот отход турок из Валахии можно также объяснить желанием Австрии держать их подальше от всех путей к Бессарабии, кроме непроезжей дороги через Добруджу.

При всей неслыханной доверчивости, столь убедительно продемонстрированной английской публикой, следует отметить,

[*] См. настоящий том, стр. 511—512. *Ред.*
[**] — сразу же. *Ред.*

что всеобщий энтузиазм очень мало коснулся лондонской биржи, повышение акций ни разу не превысило $^{5}/_{8}$ процента. Между тем в Париже государственные бумаги поднялись сразу на $1^{1}/_{2}$ процента, но и это повышение ничтожно по сравнению с 10-процентным повышением, последовавшим за поражением при Ватерлоо. Таким образом, если эта мистификация была придумана для спекуляции, что вполне возможно, она отнюдь не оправдала тех радужных надежд, которые, вероятно, возлагали на нее ее инициаторы.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
5—6 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4215, 21 октября 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ. — ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Лондон, пятница, 6 октября 1854 г.

Возбуждение и напряжение, пережитые англичанами за эту неделю, не поддаются описанию. В субботу перед биржей под звуки фанфары было оглашено лорд-мэром донесение о победе на Альме, а по всей стране распространилась ложная весть о падении Севастополя. Весь мир оказался обманутым. Наполеон объявил об этом счастливом событии своей армии в Булони, английские и французские газеты опубликовали передовые о нем, австрийский император поздравил императора Франции и английскую королеву с победой, но осмотрительно не упомянул Севастополя; праздничные огни были зажжены и пушки палили. Мы вскоре узнали, какое сообщение послужило поводом для такой радости и ликования; в действительности его источники, как оказалось, весьма сомнительного характера. В Бухарест прибыл «татарин», как турки называют курьеров, с донесениями из Константинополя для Омер-паши, но ввиду отсутствия этого генерала пакет был переслан ему нераспечатанным — поэтому мы и не знаем его содержания. Но курьер рассказал, что в момент его отъезда из Константинополя в городе устроили иллюминацию и было отдано распоряжение продолжать ее в течение десяти дней. Из этого он сделал вывод, что Севастополь взят, и сообщил тотчас же такие подробности, какие может сообщить только турецкий или лондонский курьер в кабаке. Он упомянул о 18000 убитых русских и о захвате 200 пушек — хотя в фортах их было свыше 500; 22000 русских, разумеется, были взяты в плен — поскольку известно, что всего гарнизон насчитывал около 40000. Сперва флот был захвачен, затем часть

его уничтожена и князь Меншиков собирается взорвать себя с остальной частью и т. д. и т. д.

Но казалось довольно странным, что о таком важном событии не было сообщено лордом Редклиффом консулу в Бухаресте и что французское правительство не получило никакого донесения. Тем не менее новость была слишком хороша, чтобы ей не поверить, и поэтому ей поверили. Правда, на следующий день из С.-Петербурга пришло сообщение, упоминающее донесение князя Меншикова от 26 сентября о том, что после битвы на Альме он отступает по направлению к Симферополю. Однако газеты, вместо того чтобы сразу отказаться от приятного заблуждения относительно падения Севастополя, решили, что это опечатка и что в действительности донесение датировано 20 сентября. Сегодня английское общественное мнение отрезвилось: неправдоподобное сообщение о захвате большой крепости без осады оказалось жестокой мистификацией, которая заставит газеты в будущем быть более осмотрительными.

В Испании беспорядки имели место не только в Малаге, где республиканская партия, как я отмечал в одной из своих последних статей, очень сильна, но даже в Логроньо, где многие годы жил Эспартеро; телеграф сообщает, что в Хаэне был раскрыт республиканский заговор и инфант дон Энрико, брат слабоумного супруга королевы, выслан на Балеарские острова. Однако возбуждение, вызванное известием о Севастополе, так велико, что никто не обращает внимания на события в Испании.

В Дании 2 октября открылся парламент. Тронная речь короля прозвучала вызовом собранию. Она была встречена свистками и возгласами в честь конституции. «Frankfurter Journal» вторично сообщает, что союзные державы решили пересмотреть пресловутый договор от 8 мая 1852 г.[291], по которому наследование датского престола в конце концов достается императору России. Уркарт непрестанно привлекал внимание публики к этому дискредитирующему европейскую дипломатию документу, и его усилия, очевидно, теперь, наконец, увенчались успехом. Этот маневр западных держав, если вообще такому слуху можно верить, имеет следующую цель: путем возобновления переговоров добиться присоединения к союзникам Пруссии, которая в свое время не согласилась с вышеупомянутым договором. Заслуживает внимания тот факт, что Пальмерстон называл этот договор, как и договор 1840 г., мерой, направленной против России, тогда как его пересмотр в данный момент следует понимать как враждебный акт по отношению к России.

Сообщают, что Австрия послала в С.-Петербург ноту, предлагая еще раз четыре условия в качестве основы для мирных переговоров и указывая, что отказ царя принять их будет рассматриваться Францем-Иосифом как casus belli*. Таков один из результатов побед, одержанных в Крыму.

Следующие замечания, по поводу статьи, недавно появившейся в «Economist», приводятся, нами из торгового циркуляра гг. Смита и Чарлза:

«Из всех заявлений или намеков, сделанных с тех пор, как началась война, наиболее важным с точки зрения торговли с Россией является положение, выдвинутое «Economist» в прошлую субботу. *Нужно принять во внимание, что этот еженедельник является собственностью одного из секретарей казначейства* (г-на Уилсона) *и поэтому замечания, к которым мы хотим привлечь внимание, должны, рассматриваться как полуофициальные.* Изложив положение на петербургской бирже и показав, что в результате нашей торговли с Пруссией последняя неизбежно будет предоставлять британское золото России для ее военных целей; заявив, что все это наше правительство предвидело, но сочло такое положение вещей меньшим из двух зол, «Economist» далее сообщает, что после падения Севастополя «мы будем безраздельно владеть Черным морем и его берегами и станем хозяевами Дуная. Но за это время Россия, пожалуй, займет такую недосягаемую для нашего оружия позицию, благодаря которой сможет испытывать терпение Англии, так как окажется уязвимой только через свою торговлю. Может встать вопрос о том, не потребуют ли наши национальные интересы в ближайшее время иной политики, чем та, которой мы придерживались до сих пор. Мы, возможно, обнаружим, что зря блокируем порты, поскольку наши товары доходят до рынка через посредство соседних стран и Пруссия может наживаться на посредничестве, в результате которого наша блокада русского побережья может быть настолько легко обойдена, и т. д. и т. д. Если поэтому, по соображениям высшей политики»,—заключает «Economist» весьма торжественным предупреждением, — «возникнет необходимость снова рассмотреть вопрос об усилении блокады и ограничении торговли как сухопутной, так и морской, и т. д..., то не плохо было бы тем, кто склонен пускаться в такие рискованные предприятия» (как снабжение русских капиталом для покупки в течение зимы товаров, подлежащих доставке туда в будущем году), «учесть, что, может быть, на втором году русской кампании надо будет придерживаться совсем иной политики, чем та, которая признавалась наиболее разумной и подходящей в течение первого года».

Едва ли необходимо подчеркивать вывод из всего этого (и мы серьезно рекомендуем нашим друзьям тщательно рассмотреть содержание всей статьи), а именно, что союзные державы решили в качестве единственного пути для доведения войны до конца — запретить в будущем году сухопутную торговлю, а чтобы помешать капиталистам пуститься в торговлю, которая впоследствии будет запрещена, правительство весьма заботливо разрешило одному из секретарей казначейства достаточно своевременно ознакомить со своими намерениями наших торговцев, чтобы предотвратить серьезные последствия, к которым это могло бы их привести. В субботу цены на сало стабилизировались несколько ниже по сравнению с це-

* — повод к войне. *Ред.*

нами в пятницу. Вероятно, если бы не упомянутая нами статья в «Economist», цены сегодня упали бы под влиянием известий о Севастополе. Существует мнение, что падение этой важной крепости приведет, императора к соглашению, наше же мнение прямо противоположное: эта катастрофа может только ожесточить царя и заставить его искать реванша в каком-либо другом направлении. Совершенно очевидно, что, пока его не заставили отступить из его собственных больших городов, он может считать себя не вполне побежденным и он слишком многое ставит на карту, чтобы уступить, пока его не доведут до крайности. Мы поэтому считаем, что эта война может затянуться на несколько лет, если только не будет действительно проводиться в жизнь тот курс, который, по мнению «Economist», намерены осуществлять союзники».

«Moniteur» от 5 октября сообщает, что Барбес, последние три года находившийся в заточении в Бель-Иле, выпущен без всяких условий по приказу Бонапарта в связи с письмом, в котором он выражает горячие надежды на победу цивилизации декабрьского переворота над московитской цивилизацией[292]; первая из них, кстати сказать, недавно проявила себя в Афинах воспроизведением июньских дней 1848 г. — когда французская солдатня схватила там «неблагонадежного» издателя газеты, спалила его книги и бумаги и бросила его самого в тюрьму. Отныне Барбес перестал быть одним из революционных вождей Франции. Заявив о своих симпатиях к французским войскам независимо от того, за какое дело и под каким командованием они сражаются, он бесповоротно приравнял себя к самим московитам, разделяя их неразборчивое отношение к целям своих кампаний. Барбес и Бланки долгое время оспаривали друг у друга первенство в подлинном руководстве революционной Францией. Барбес непрестанно клеветал на Бланки и бросал на него тень, обвиняя в сговоре с правительством. Факт его письма и приказ Бонапарта решают вопрос о том, кто из этих двух людей — человек Революции, а кто нет[293].

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
5—6 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4215, 21 октября 1854 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ НА АЛЬМЕ

Официальные сообщения о сражении на Альме, наконец, получены, и в сегодняшнем номере нашей газеты мы печатаем донесения командующих, подробные корреспонденции английских журналистов-очевидцев и нескольких морских офицеров. Все эти данные подтверждают в основном те выводы, к которым мы пришли на основании первых переданных по телеграфу известий об этой битве. По-видимому, факты были таковы:

Приблизительно в трех милях от моря река Альма делает изгиб в виде полумесяца, рога которого обращены к северу. Южный берег реки, большей частью образуемый утесами высотой около 300 футов, представляет здесь амфитеатр, спускающийся более или менее отлого к воде. Этот склон, защищенный справа и слева отвесными скалами, образующими края плато, русские избрали для своих позиций. В случае надобности их обладающая превосходством конница во всяком случае прикрыла бы отступление по ровной поверхности плато, по которой к тому же почти повсюду можно было бы отвести и артиллерию. На полпути от плато к реке склон образует подобие террасы, на которой русские расположили главные силы своей пехоты, защищенные слева крутыми утесами, считавшимися неприступными, а справа столь же крутыми утесами, редутом на террасе и тяжелой анфиладной батареей на командующих высотах. Адмирал Гамелен утверждает, что эта батарея состояла из двенадцати 32-фунтовых орудий; но каким образом столь тяжелые орудия могли быть увезены при отступлении, — а это несомненно произошло, — остается тайной, которую этот офицер не разъясняет.

Пересеченная виноградниками и скалами местность впереди русских позиций была выгодной для обороны, задачи которой еще облегчались благодаря abattis* и другим искусственным заграждениям; впрочем, ввиду недостатка леса в этой местности последние едва ли были особенно грозными. На высоком плато позади русских войск и на обоих их флангах были расположены их резервы и кавалерия. С фронта их застрельщики расположились за рекой Альма, заняв деревни Альму и Бурлюк.

Союзники двинулись против этой сильной позиции 20 сентября, причем французы находились на правом, а англичане на левом крыле. Рано утром французская дивизия генерала Боске (2-я дивизия) с восемью турецкими батальонами была послана вдоль берега моря с заданием взобраться оттуда на утесы под прикрытием пушек паровых судов и таким образом обойти левый фланг русских войск. Англичане должны были произвести аналогичное движение против правого крыла неприятеля. Но корабли не могли их прикрывать, а на плато им противостояла главная масса неприятельской кавалерии, так что эта часть плана атаки не была выполнена. Между тем французам под командой Боске удалось забраться на скалистый край плоскогорья, и в то время как русские войска на этой возвышенности подвергались обстрелу тяжелых орудий с паровых судов, 3-я французская дивизия под командованием принца Наполеона двинулась против левого крыла русских. Несколько дальше центр и правое крыло русской армии были атакованы англичанами. Рядом с дивизией принца Наполеона шла 2-я английская дивизия под командованием сэра де Лейси Эванса, возглавлявшего британский легион в Испании во время карлистской войны[294]. Его поддерживал генерал Ингленд (3-я дивизия), а на крайне левом фланге войск союзников находилась английская легкая дивизия под командованием сэра Дж. Брауна, которую поддерживала гвардейская дивизия под командованием герцога Кембриджского. Резерв (4-я дивизия, сэр Дж. Каткарт, и кавалерийская дивизия, граф Лукан) маневрировал в арьергарде левого крыла, чтобы воспрепятствовать всякой попытке неприятеля обойти фланг.

Отличительной чертой этого сражения было, по-видимому, то, что его начальный период — период перестрелки вдоль всей линии, под прикрытием которой производились маневры, действительно имевшие решающее значение, — оказался очень непродолжительным. В самом деле, позиция русских была очень ясно определена, и их сильная артиллерия установлена

* — засекам, завалам. *Ред.*

таким образом, что сколько-нибудь более длительная перестрелка была бы не только бесполезна, но и прямо вредна для союзников. Французам, по-видимому, пришлось некоторое время пробыть под этим беспокоящим огнем, поскольку англичане шли последними; но затем колонны французов и стрелковая цепь англичан начали медленно, но верно продвигаться по труднопроходимой местности, лежавшей перед ними, вытеснили русских из деревень Альма и Бурлюк (последняя была сожжена отступавшими войсками, чтобы союзники не могли ее использовать как укрытие), перешли реку и без всяких лишних проволочек устремились на высоты. Здесь сражение, протекавшее во многих местах, среди виноградников, между скалами и завалами, напоминало бои на участке между Вероной и Кастильоне в 1848 году[295]. Правильное продвижение вперед было невозможно; густая беспорядочная масса стрелков, большей частью действовавших независимо друг от друга, прокладывала себе путь на первую террасу, где стояли русские войска. Между тем генералу Боске удалось закрепить одну из своих бригад на плато, откуда он угрожал левому крылу русской армии; на помощь ему была послана бригада 4-й дивизии (Форе), между тем как 2-я бригада форе поддерживала дивизию Наполеона. Так французы завладели позицией, представлявшей серьезную угрозу для левого крыла русской армии. На правом фланге русских сэр Джордж Браун взял русский редут, являвшийся ключом этой части их позиции на террасе; хотя наступление русского резерва с высот на некоторое время оттеснило англичан, атака шотландцев (дивизия герцога Кембриджского) окончательно закрепила за ними это укрепление. Таким образом, левое крыло русской армии было обойдено, а ее правое крыло прорвано. Центр, подвергшись сплошной фронтальной атаке, мог только отступать вверх по склону по направлению к плато; достигнув последнего, русские могли уже не бояться серьезного нападения, благодаря присутствию конницы и конной артиллерии на местности, чрезвычайно удобной для действий этих двух родов войск. Тем не менее на левом фланге русских войск, по-видимому, возникло некоторое замешательство в тот момент, когда Боске обходил его; французские сообщения единодушны в этом вопросе, и тот факт, что экипаж Меншикова попал там в руки французов, вполне подтверждает их слова. С другой стороны, то, что русские смогли увезти всю свою артиллерию, включая даже тяжелые осадные орудия батареи правого крыла (французы не взяли ни одной пушки, а англичане только три, да и те, вероятно, подбитые), показывает, что отступление в общем было произведено

в полном порядке, а также свидетельствует о мудром решении Меншикова прекратить борьбу, как только перевес оказался на стороне противника.

По-видимому, войска союзников сражались очень храбро. История знает мало сражений, в которых, как в этом, движение вперед было бы почти непрерывным, медленным, но неуклонным, при полном отсутствии тех неожиданных и случайных эпизодов, которые обычно придают драматический интерес большинству крупных битв. Один этот факт в достаточной степени подтверждает, во всяком случае, значительное -численное превосходство союзников и доказывает, что союзные генералы в своих донесениях крайне преувеличивали численность русских. Мы сейчас вернемся к этому вопросу.

Полководческое искусство союзников было неплохим, но они надеялись не столько на изобретательность своих генералов, сколько на храбрость своих войск и поддержку флота. Это было, так сказать, простое, рядовое сражение, имевшее чисто тактический характер, на редкость лишенное всяких стратегических черт. Фланговый маневр Боске являлся весьма естественной мыслью и был хорошо выполнен солдатами африканского легиона, научившимися совершать такие маневры в ущельях Атласа. Британцы прорвали русское правое крыло, сражаясь бесхитростно и упорно, и их задача, вероятно, облегчалась хорошим маневрированием полков и бригад; но однообразие британского наступления двумя последовательными стрелковыми цепями нарушалось лишь естественными препятствиями, а не сложными маневрами, имеющими целью обмануть противника или застигнуть его врасплох.

Князь Меншиков хорошо выбрал свою позицию. Однако он, по-видимому, не настолько использовал свою конницу, как мог бы это сделать. Почему не было конницы на левом фланге, чтобы сбросить с утесов изолированную бригаду Боске, как только она начала выстраиваться? Прекращение битвы, вывод войск из зоны огня, отвод артиллерии и отступление в целом, по-видимому, были произведены весьма умело, и они делают больше чести его полководческому мастерству, чем победа — полководческому мастерству союзных генералов.

Что касается участвовавших в сражении боевых сил, то у союзников было на поле боя три французских и четыре английских дивизии, кроме артиллерии, причем одна французская и одна английская дивизия и вся кавалерия оставались в резерве, не считая восьми турецких батальонов, посланных на поддержку Боске, но прибывших уже после боя. А так как французы оставили в Варне более сильные подразделения и

понесли там большие потери, чем британцы, то можно считать дивизии почти равными в день битвы — в каждой французской дивизии было около 6000, а в каждой британской около 5500 человек. В таком случае фактически сражалось около 40000 пехотинцев при резерве около 16000 человек, включая в это число турок, что, по-видимому, соответствует сообщениям относительно сил экспедиции, за вычетом больных и откомандированных отрядов. По утверждению маршала Сент-Арно, русская армия состояла из двух линейных дивизий — 16-й и 17-й — с двумя бригадами резерва (солдаты, отозванные из отпуска) — 14-й и 15-й — и, кроме того, 6-го батальона стрелков. Это составило бы сорок девять батальонов, если бы в бригадах было полное число батальонов. При наличии 700 человек в каждом батальоне (в этой войне их бывало не больше, хотя в венгерской кампании батальон насчитывал на пятьдесят человек больше) получилось бы в общем 34300 человек. Но эта цифра представляет приблизительно то количество регулярных сухопутных войск, которое, по нашим сведениям, вообще находится в Севастополе и его окрестностях, и весьма вероятно, что, по крайней мере, пять или шесть батальонов было оставлено в качестве гарнизона в этой крепости. Итак, силы русских свелись бы к 30000 человек пехоты, и эту цифру можно считать приблизительно верной. Говорят, что конница их насчитывала 6000 сабель, но, конечно, многие из них были просто казаки. Это явное превосходство сил союзников лишает победу той чрезмерной славы, которую, как наши читатели увидят из приводимых нами выдержек из английских газет, пытаются ей приписать. Храбрость, по-видимому, была проявлена обеими сторонами одинаковая, и, конечно, как ни кичились союзные генералы своей победой, им и в голову не приходило, что они смогут после своих успехов идти прямо на Севастополь, не встречая ни задержки, ни сопротивления, с развевающимися знаменами и с военной музыкой.

Результат сражения, хотя и имел в моральном отношении большое значение для союзников, вряд ли может вызвать глубокое уныние в русской армии. Это отступление похоже на то, которое было после Лютцена или Бауцена; если Меншиков со своей фланкирующей позиции в Бахчисарае сумеет завлечь союзников за собой так же ловко, как Блюхер сделал это перед битвой на Кацбахе[296], то союзники еще смогут убедиться в том, что такие бесплодные победы не приносят большой пользы победителю. Меншиков все еще угрожает их тылу большими силами, и пока они не нанесут ему поражения еще раз и окончательно не оттеснят его, он останется грозным про-

тивником. Теперь почти все будет зависеть от того, прибудут ли подкрепления из резерва союзников, с одной стороны, и из русских войск в Перекопе, Керчи и Анапе, с другой. Кому удастся *первому* получить численный перевес, тот сможет нанести серьезный удар. Но у Меншикова то преимущество, что он может в любое время уклониться от нападения, отступив, между тем как союзники прикованы к тому месту, где находятся их склады, лагери и обозы.

В настоящий момент Севастополю, хотя он и обложен с одной стороны, по-видимому, не угрожает опасность, так как превосходство сил союзников не настолько велико, чтобы позволить им сражаться на два фронта. Но если, — а это представляется почти достоверным, судя по доставленным «Ниагарой» сообщениям, полученным нами по телеграфу вчера вечером из Галифакса*, — союзники получат подкрепление в 20000 человек скорее, чем придут пополнения к Меншикову, многое может решиться в течение нескольких дней. Нельзя ожидать, чтобы такая крепость, как Севастополь, будь она серьезно и энергично атакована, могла продержаться две недели против открытых траншей. Весь резерв отплыл из Варны и должен был прибыть 4 или 5 октября, но телеграмма из Галифакса не упоминает о его прибытии, следовательно, во всяком случае, вряд ли можно ждать, что Севастополь падет раньше 16 или 18 октября. Возможно, что активные боевые действия в открытом поле позволят ему продержаться несколько дольше; но если Меншиков со своей подвижной армией, находящейся в тылу союзников, не одержит над ними какой-нибудь решительной победы и если союзные войска не станут жертвой эпидемии, Севастополь непременно должен пасть. Судя по приготовлениям русских и по их настроению, можно быть уверенным, что Севастополь будет взят только после отчаянного сопротивления и ужасного кровопролития; кровавые картины сражения на Альме, конечно, будут превзойдены в своем роде ужасами штурма и взятия Севастополя.

Написано Ф. Энгельсом 9 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4219, 26 октября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — в Канаде; вставка принадлежит редакции газеты. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ

Мы вполне можем на время предоставить Джону Булю и Жаку Боному[297] ликовать по поводу «славной победы» при Альме и предвкушать падение Севастополя. Военные действия на Дунае и в Крыму, как бы много они ни значили для союз-пиков и для лагеря европейского буржуазного либерализма, для России не имеют большого значения. Центр тяжести этой страны никак не может быть затронут исходом этих военных действий, между тем как для союзников поражение в Крыму и вынужденное отступление означали бы длительный перерыв в сухопутных операциях и моральный урон, оправиться от которого они могли бы лишь в результате крайнего напряжения сил.

В последнее время мы получили достоверные сообщения о распределении и последних передвижениях русских войск; пожалуй, стоит свести их воедино, чтобы показать, насколько мала, по сравнению с общим числом русских войск, та часть их, которая уже ведет военные действия, и чего можно еще ожидать от остальной части.

Как известно, русская армия состоит из следующих частей:

I. *ГЛАВНАЯ ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ*

2 корпуса отборных войск — гвардии и гренадеров, в составе 76 батальонов, 92 эскадронов, 228 орудий,

6 линейных корпусов, в составе 300 батальонов, 192 эскадронов, 672 орудий,

3 кавалерийских корпуса, в составе 176 эскадронов и 96 орудий.

Всего 376 батальонов, 460 эскадронов, 996 орудий.

II. *ОТДЕЛЬНЫЕ КОРПУСА*

Финляндский корпус, в составе 12 батальонов.

Оренбургский корпус, в составе 10 батальонов.

Сибирский корпус, в составе 15 батальонов.

Кавказский корпус, в составе 55 батальонов, 10 эскадронов, 180 орудий.

Резерв Кавказского корпуса, в составе 36 батальонов, 2 эскадронов. Кавказский линейный корпус, в составе 47 батальонов. Всего 175 батальонов, 12 эскадронов, 180 пушек.

III. *КАЗАКИ И ПРОЧИЕ ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА*

Около 700 эскадронов, 32 батальона и 224 орудия.

IV. *РЕЗЕРВЫ*

1. Около 50 батальонов внутренней стражи, кроме инвалидов, и штрафных команд — 77.

2. Резервы главной армии, или 4-й, 5-й и 6-й батальоны гвардии и гренадеров, 5-й и 6-й линейные батальоны, а именно: по три батальона для 24 полков и по два батальона для 72 полков, всего 216 батальонов.

Все эти резервы уже призваны на военную службу и полностью сформированы, настолько, что из последнего набора в 300000 человек уже начали *формировать 7-й и 8-й батальоны* для каждого полка; следовательно, указанные выше 216 батальонов могут быть включены в общий итог, что дает 726 батальонов, 472 эскадрона регулярной и 700 эскадронов иррегулярной кавалерии и значительно более тысячи орудий. Так как об организации резервов для кавалерии и артиллерии за пределами России мало что известно, то последние не включены в этот итог.

К счастью, этот итог выглядит более грозным, чем есть на самом деле. Чтобы определить численность войск, которыми Россия действительно может располагать для европейской войны, следует вычесть из общей суммы сибирские корпуса, внутреннюю стражу и по крайней мере половину казаков; тогда остается около 650 батальонов, 472 эскадронов регулярной кавалерии, 350 эскадронов иррегулярной и около 1200 орудий. Эти войска составляют, самое меньшее, 520000 человек пехоты, 62000 кавалерии и 30000 казаков, то есть несколько более 600000 человек, рассредоточенных вдоль всей границы от Каспийского моря вдоль Черного и Балтийского до Белого моря.

С начала войны против Турции на южной границе империи были последовательно введены в действие против союзников следующие войска:

1. 3-й, 4-й и 5-й линейные корпуса с частью своих резервов, большинство которых, однако, еще находится в пути.

2. Все три Кавказских корпуса.

3. Две дивизии (две трети) 1-го линейного корпуса, без резервов.

4. Часть 3-го кавалерийского корпуса (драгуны) в Крыму.

Это дает итог в 240000 человек *перед началом* кампании, но теперь это число сократилось во всяком случае до 184000 человек; из них можно считать 84000 на бессарабскую армию, 54000 находятся в Крыму или направляются туда, и 46000 на Кавказе.

На Балтийском море к концу августа имелось:

В Финляндии, резервы 6-го корпуса	16 800 чел.
Финский корпус	12 000 »
Гвардия и ее резервы	66 800 »
Часть гренадерского корпуса в Ревеле	10 000 »
Всего	105 600 чел.

В Польше находились или направлялись туда:

Остальная часть гренадеров и их резервы	55 000 чел.
1-й и 2-й корпуса и их резервы	120 000 »
Казаки и кавалерия различных корпусов	30 000 »
Различные резервы	25000 »
Всего	230 000 чел.

Складывая все эти итоги, мы получаем приблизительно 575000 человек, что вместе с Оренбургским корпусом (в Астрахани), резервным кавалерийским корпусом и отрядами, находящимися на Белом море и в других местах, и дает в целом общий итог, указанный выше. Из войск, стоявших в Польше, около 30000 находилось на марше, приблизительно 20000 составляли гарнизон Варшавы, около 100000 занимали правый берег Вислы в бывшем Царстве Польском и около 80000 оставались в качестве резерва на Волыни и в Подолии, на Буге и Днестре. Таким образом, главные силы русской армии, в том числе и щегольские гвардейские и гренадерские полки, были сконцентрированы на линии Петербург — Хотин, то есть вдоль западных границ империи. Но и при этом показалось, что части стоят не на самых важных позициях. Гренадеры, которых сменила одна гвардейская дивизия, покинули Ревель и отправились в Польшу вместе с остальными двумя гвардейскими дивизиями; последние имели в своем составе по четыре батальона в полку, причем в Петербурге оставались только 5-е и 6-е батальоны. Таким образом, армия на западе уже стала насчи-

тывать свыше 270000 человек, и на соединение с ней идут три резервных кавалерийских корпуса, *которые еще совсем не участвовали в действиях;* это доведет Западную армию до 300000 человек.

Сейчас расположение войск изменилось. 100000 человек, занимавшие юго-восточную часть Царства Польского, перешли Вислу и заняли позиции вдоль австрийской границы. 80000 человек, стоявшие на Волыни, направлены в Польшу и образуют непрерывную линию войск вдоль этой границы. Гвардия, гренадеры, — и возможно также кавалерийские корпуса, по мере прибытия, — занимают центральную позицию в тылу. На зиму можно временно высвободить дополнительные войска за счет замерзающего Балтийского моря. К маю новый набор, из которого формируются 7-е и 8-е, или новые, батальоны для различных полков, всего 192 батальона (от 130000 до 140000 человек), уже будет достаточно обучен, чтобы занять их место.

Итак, ясно, что Николая довольно мало волнует то, что происходит на юге его империи, поскольку он смог сосредоточить 300000 человек на великолепной стратегической позиции в Польше. И это действительно великолепная позиция. Как клин она врезается между Пруссией и Австрией, охватывает их с флангов, тогда как сама прикрыта наилучшими из средств сопротивления, какие может создать военное искусство в сочетании с природой. Наполеон хорошо знал военное значение территории, охваченной Вислой и ее притоками. В кампании 1807 г. он сделал ее своей операционной базой, пока не взял Данцига. Но он все время не уделял внимания ее укреплению и дорого поплатился за это при отступлении 1812 года. Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Ново-Георгиевск), Варшава, Иван-город, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире. Благодаря этой системе разбитая армия может оказывать сопротивление вдвое более сильному противнику, если она обеспечена продовольствием, а перерезать коммуникации целой страны — это задача, которой никто еще не пытался разрешить. Вся эта сложная система крепостей, говорит немецкий военный писатель, знающий эту страну, свидетельствует скорее о наступательных, чем оборонительных намерениях. Она создана не столько для обороны территории, на которой стоит, сколько как база для наступательных операций в западном направлении.

И все же есть люди, которые верят, что Николай запросит мира, если Севастополь возьмут! Но Россия еще не пустила

в ход и трети своих козырей, и временная утрата Севастополя и флота едва ли будет ощутима для этого колосса, для которого и Севастополь и флот — безделушки. Россия отлично знает, что решающий для нее театр военных действий лежит не вдоль морских берегов, в районах, доступных для высадки вражеских войск, а, напротив, в глубине материка, где можно осуществлять концентрированные действия больших армейских масс, не распыляя своих сил в бесплодной береговой обороне против всегда готового скрыться неприятеля. Россия может потерять Крым, Кавказ, Финляндию, С.-Петербург и другие окраинные территории, но пока ее тело, сердце которого—Москва, а правая рука — укрепленная Польша, не тронуто, она может не уступать ни на йоту.

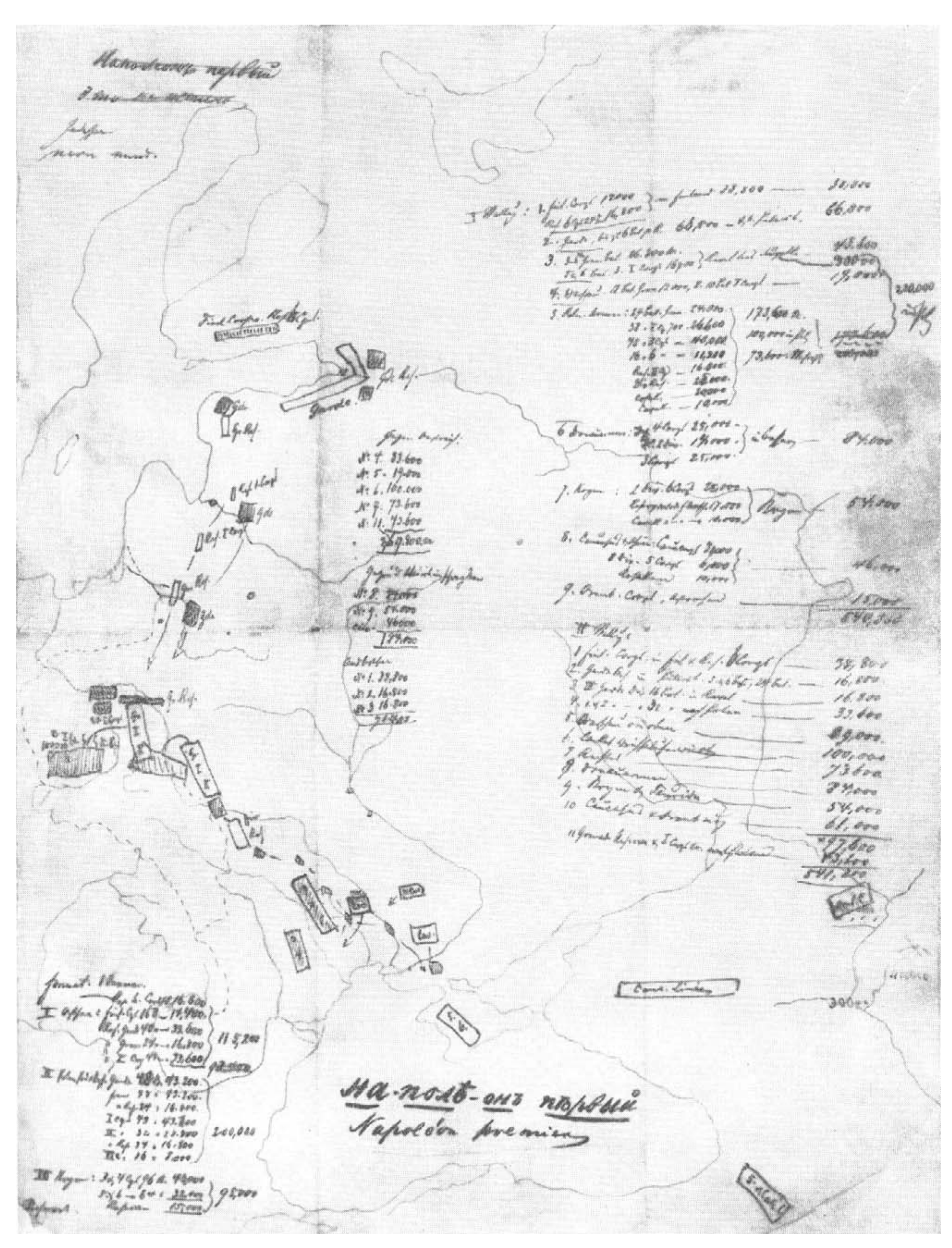
Главные военные действия 1854 года являются, можно сказать, лишь маленькой прелюдией к битвам народов, которые будут отмечены в летописях 1855 года. Когда на сцену выступят. главная русская Западная армия и австрийская армия, друг ли против друга или совместно, только тогда мы увидим настоящую войну в большом масштабе, нечто похожее на большие войны Наполеона. И, может быть, эти битвы явятся только прелюдией для других, еще более жарких, еще более решающих боев,—боев европейских народных масс против сейчас победоносных и чувствующих себя прочно европейских деспотов.

Написано Ф. Энгельсом 16 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4223, 31 октября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Страница из подготовительных материалов Ф. Энгельса
к статье «Военные силы России»

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ

Главным достижением союзников в Крыму, после сражения на Альме, был знаменитый фланговый марш лорда Раглана из Альмы на Балаклаву; этим маршем очевидная задача кампании — захват и оккупация Севастополя — оказалась сведенной к осуществлению coup de main* против одной части, — и к тому же наиболее слабой части, —русских укреплений; правда, операция предполагает разрушение русского флота, верфей и арсеналов, но предусматривает необходимость отступления союзных войск, как только это будет выполнено. Что дело обстояло именно так, показывает вся операция. Это был отказ от атаки на северный фронт крепости, который является командующим и единственным, где атака может иметь решающее значение; это было, следовательно, открытое признание экспедиционными войсками своей неспособности выполнить то, что было записано в их плане — окончательный захват и оккупация Севастополя. Между тем, как мы писали, именно этот марш превозносится в бесконечных столбцах, наполненных пышными фразами и невразумительной риторикой, как особенно блестящее проявление искусства военного руководства; даже большие лондонские газеты, имеющие своих корреспондентов на местах, открыли истину лишь через месяц, по-видимому, после того, как получили намек от правительства. Так, у лондонской газеты «Times» лишь 28 октября открылись глаза на действительное положение, и она осторожно намекает, что до сих пор разрешена, видимо, лишь меньшая часть задачи всей кампании и что форты на

* — внезапного удара. *Рвд.*

северной стороне бухты, если они добровольно не сдадутся, едва ли смогут быть взяты. «Times», конечно, надеется, что они поведут себя прилично и сдадутся, поскольку все зависимые укрепления должны сдаваться, когда бывает взята главная часть крепости. На деле же не Северный форт зависит от города Севастополя, а наоборот, Севастополь зависит от Северного форта, и мы очень опасаемся, что одних соображений нашего собрата окажется недостаточно, чтобы взять такую сильную крепость.

Во всяком случае, со времени «славного марша», о котором идет речь, союзники не сделали ничего, чем можно было бы сколько-нибудь похвалиться, и мы не можем поэтому упрекать наших английских собратьев в том, что они так раздувают этот марш. Что касается истории самой осады, то она пока что относится к темам, о которых они, вероятно, сами предпочитают говорить возможно меньше. Но поскольку мы прежде всего обязаны быть беспристрастными, то не будем проявлять такой деликатности. Факт тот, что в этой и без того странной войне данная осада является одним из наиболее странных моментов. Характерной чертой этой войны, по-видимому, является уверенность в том, что полевые укрепления взять невозможно. Начать с того, что в Олтенице в течение нескольких часов применяли старомодный метод обстрела из орудий и после этого тщетно пытались взять укрепления штурмом. В Калафате русские даже не решились пойти в атаку. В Силистрии простое земляное укрепление выдержало главный удар нападавших и, когда его уже почти сравняли с землей, продолжало противостоять яростному натиску неприятеля. Наконец, теперь, в Севастополе, простая линия полевых укреплений удостоилась чести видеть перед собой многочисленные брешь-батареи и значительно больше тяжелых орудий, чем когда-либо было выдвинуто против самой совершенной крепости. Эта осада является поразительным доказательством того факта, что в области военного дела, в той мере, в какой за длительный период мира благодаря промышленному прогрессу улучшилась *материальная, часть,* в той же мере деградировало *искусство* воевать. Если бы Наполеон увидел батареи перед Севастополем, ощетинившиеся восьми- и десятидюймовыми орудиями, он бы, наверное, расхохотался. Но это еще далеко не все.

Союзники заняли свои позиции около 1 октября, но траншею начали рыть только 8 или 9 октября и до 17 октября по было сделано ни одного выстрела. Причина этого промедления та, что орудия не могли быть ранее доставлены на место. Нужно было преодолеть всего четыре или пять миль расстояния по

хорошему твердому грунту с незначительными волнообразными возвышенностями, частью по проложенной сносной дороге. Но не было упряжных животных. Не было упряжных животных в Крыму — в краю, где больше скота, чем где бы то ни было! В Байдарской долине, с вершины Черной, можно увидеть больше волов, чем понадобилось бы для того, чтобы перетащить через горы весь союзный флот. Но Байдарская долина открыта для казаков, и союзная кавалерия, совершая налет, могла бы столкнуться с этими грозными противниками. Кроме того, союзники должны сохранять хорошие отношения с местными жителями и не посягать на их собственность. Такими отговорками английские газеты пытаются избавиться от необходимости признать ту правду, что Раглан и Канробер, блокировав Севастополь с юга, сами оказались блокированными боевым охранением Меншикова на Черной. Дело обстоит именно так, и это подтверждается хотя бы тем фактом, что союзные войска, по всем сообщениям вплоть до самых последних, вынуждены питаться солониной, так как у них нет возможности достать свежее мясо.

3 октября пять русских батальонов перешли у Инкермана Черную, и им позволили войти в крепость с юга, «так как для союзников это могло быть только выгодно». Какой оригинальный способ ведения войны! Враг, о котором нам сообщают, что он разбит, деморализован, уничтожен, посылает 3000 человек в Севастополь под самым носом союзников. Были же у него какие-то основания это сделать? Но если враг имел свои основания, чтобы послать их в крепость, то и Раглан имел свои основания, чтобы с поклоном пропустить их туда. Он считал, что город переполнен; на каком основании — это остается неясным. Во всяком случае, кроме четырех квадратных миль внутри русских линий имеется еще весь северный берег и вся лежащая позади него местность, куда в течение десяти минут можно направить любой излишек войск. Называть переполненным город, который блокирован только с одной стороны, это во всяком случае — верх бессмыслицы.

Когда впервые было сообщено о высадке, мы предсказывали, что эпидемии будут худшим врагом союзников, если кампания затянется. И вот эпидемия свирепствует в своей худшей форме и усугубляется, по крайней мере, поскольку речь идет о британцах, из рук вон плохо поставленным обслуживанием. Действительно, о больных по этой причине так мало заботятся, что лорд Раглан был вынужден сделать медицинскому персоналу энергичное внушение. Но и этого мало. Врачи находятся в Константинополе, запасы медикаментов в Варне, а больные в Балаклаве. Разве это не великолепная иллюстрация к новой

военной доктрине, недавно изложенной Луи Бонапартом в Булони, согласно которой каждая армия, для того чтобы занимать хорошую позицию, должна находиться в треугольнике? По мере того как время года становится более суровым, заболевания усиливаются, полки тают, — британский полк, насчитывавший при отправке 1000 человек, может теперь выставить не более 600 боеспособных солдат, — а операции продолжаются все таким же медленным темпом. Рутина верховного командования — плод сорокалетнего обучения в мирных условиях — не может быть поколеблена такими мелочами. Пусть погибнет армия, лишь бы Севастополь был взят согласно уставу ее величества!

При обычных осадах осаждающие всегда стремятся придвинуть свои передовые батареи возможно ближе к вражеским укреплениям, и шестьсот или семьсот ярдов считаются уже большим расстоянием. Но при большой осаде, как эта, тем более, если она направлена преимущественно против простых полевых укреплений, должно действовать, по Раглану, противоположным образом. Враг позволяет нам подойти на семьсот ярдов, но мы никогда не должны делать того, что желает враг. Так говорит Раглан, и он ставит свои батареи на расстоянии 2500— 3000 ярдов, — факт, который мы сочли бы невероятным, если бы сводки в этом отношении оставляли место хоть для малейшего сомнения. Затем он подходит на 1500—1200 ярдов, и на вопрос, почему он не открывает огня, он, наконец, заявляет, что брешь-батареи, чтобы вести эффективный огонь, должны находиться на расстоянии 300 или 400 ярдов от тех укреплений, в которых должны пробить бреши! В отдаленных батареях обязательно имеются ланкастеры[298] и дальнобойные десятидюймовые орудия, так как британские артиллеристы, по-видимому, придерживаются того мнения, что эти орудия, как телескопы, годны к употреблению лишь на большом расстоянии. Действительно, вопрос о стрельбе на дальние дистанции, вполне уместный в отношении морских орудий, в применении к сухопутной артиллерии внес больше путаницы и беспорядка, чем принес пользы; примером могут служить эти смехотворные батареи.

Обращенные к суше укрепления Севастополя, вызвавшие все эти гениальные и хитроумные маневры, состоят из следующих сооружений: на западной стороне (против которой ведут атаку французы) выдвигаются один или два фаса Карантинного форта. Позади него находится стена с бойницами, которая тянется до конца Карантинной бухты и заканчивается на холме круглой башней, которая служит внутренним опорным пунктом для земляных укреплений, возведенных вокруг нее. Отсюда до верхнего конца гавани проведена стена приблизительно

в три фута толщины, охватывающая, таким образом, Севастополь с юго-запада. Эта стена, говорят, вовсе непригодна для обороны, хотя ее легко можно было бы привести в порядок; она поэтому защищена небольшими, расположенными впереди ее земляными укреплениями. От конца гавани на восток до Корабельной бухты (фронт британского наступления) вообще нет каких-либо регулярных оборонительных средств, если не считать двух башен, окруженных и защищенных люнетами, наподобие той, которая описана выше. Кроме того, здесь есть несколько земляных укреплений неправильной формы, и все это образует защищенный лагерь без особых претензий, если верить сделанным на месте эскизам, опубликованным капитаном Биддалфом. Во всяком случае, на эскизах нанесена только одна оборонительная линия, состоящая из сооружений, открытых с тыла; здесь не видно закрытых редутов, которые русские вообще очень любят. Но трудно поверить, чтобы все было именно так. Если бы действительно нужно было взять только одну эту линию, англичане давно должны были это сделать штыковым боем. Надо думать, что позади имеется вторая линия редутов.

Все русские укрепления вооружены тяжелыми морскими орудиями; это лучшее применение, какое русские могли им дать. Но стреляют они из них из рук вон плохо. Целыми днями и ночами русские палят из этих орудий по неприятелю, и из ста снарядов попадает в цель один. Возможно, что именно эта плохая стрельба побудила лорда Раглана открыть свои траншеи на безопасном расстоянии в 3000 ярдов. После трехдневной бомбардировки, проведенной флотом и армиями союзников, сообщают, что англичане пробили со своей стороны одну брешь; французам с их стороны еще не удалось это сделать. Как только они пробьют брешь, должен начаться штурм. Что при 200 орудиях такого огромного калибра понадобится три или четыре дня, чтобы сломить сопротивление этих оборонительных сооружений, показалось бы невероятным, если бы мы не знали из достоверного источника, на каком почтительном расстоянии были поставлены батареи союзников.

Вот все, что мы можем сообщить о достигнутых до сих пор результатах; чем бы ни увенчались эти операции, можно сказать с достоверностью, что осада Севастополя останется единственной в своем роде в военной истории.

Написано Ф. Энгельсом 30 октября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4236, 15 ноября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАМПАНИЯ В КРЫМУ [299]

Наши читатели несомненно будут поражены тем новым настроением, которым пронизаны сообщения с крымского театра военных действий, доставленные вчера пароходом «Балтик» и публикуемые сегодня на наших столбцах. До сих пор комментарии британской прессы и отчеты британских и французских корреспондентов о ходе и перспективах войны отличались высокомерием и надменной самоуверенностью. Теперь в них сквозит чувство тревоги и даже смятение. Теперь все признают, что такого превосходства союзных армий над их противниками, какое ранее провозглашалось, не существует. Севастополь оказывается сильнее, Меншиков как генерал — более способным, а его армия — гораздо значительнее, чем предполагалось. Вместо верной и решительной победы французам и англичанам теперь возможно предстоит позорное поражение. Это настроение рисует и наш ливерпульский корреспондент, англичанин, склонный ко всем патриотическим увлечениям и предрассудкам своих соотечественников, и это же настроение проявляется в весьма энергичных действиях обоих правительств, французского и английского. Делаются отчаянные усилия, чтобы ускорить переброску подкреплений к Севастополю. Из Соединенного королевства уже отправлены все солдаты до последнего; много пароходов отдано под транспорты. Вперед отправили 50000 французских солдат, и все это в надежде поспеть на театр военных действий вовремя, чтобы принять участие в последней, решающей битве.

В субботу мы поместили большое количество документов, относившихся главным образом к более ранним стадиям осады

и частично успешному, но все же в общем незадачливому сотрудничеству флотов; сегодня мы их дополняем официальными донесениями о кровопролитной атаке Липранди на союзников под Балаклавой и отчетами о дальнейшем ходе боевых действий, которые, надо признаться, все были весьма неблагоприятны для союзников. Тщательное ознакомление с этими документами показывает, что сложившееся положение хотя и затруднительно для союзников и даже вызывает опасения, как мы уже не раз указывали, все же едва ли так тяжело, как это представляется нашему ливерпульскому корреспонденту. Мы не думаем, чтобы им угрожало что-нибудь худшее, чем вынужденное отступление и посадка на корабли. С другой стороны, для них все еще не исключена возможность захватить город в результате отчаянного и кровопролитного штурма. Но как бы то ни было, вопрос, по нашему мнению, должен решиться значительно раньше, чем подкрепления, отправленные из Франции и Англии, смогут прибыть в Крым. Кампания явно подошла к поворотному пункту; в результате уже осуществленных маневров, а также допущенных промахов и оплошностей ее характер определился и исход предрешен. Располагая достоверной и неоспоримой информацией об основных событиях, мы можем теперь сжато и кратко изложить весь ход борьбы.

Теперь установлено, что ко времени высадки союзников у Старого форта под командованием Меншикова в действии находилось всего сорок два батальона и два полка кавалерии, не считая некоторого количества казаков; а гарнизон Севастополя составляли морская пехота и матросы. Эти сорок два батальона принадлежали к 12-й, 16-й и 17-й пехотным дивизиям. Допуская, что каждый батальон, полностью укомплектованный, насчитывал 700 человек, мы получим в общем 29400 человек пехоты; с 2000 гусар, с казаками, артиллерией, саперами и минерами это составит армию в 32000 человек. С такими силами Меншиков не мог помещать высадке союзников, так как иначе подставил бы свои войска, без достаточного резерва, под огонь союзных кораблей. Большая армия, имеющая возможность пожертвовать частью своих сил, может выделить отряды для малой войны, выражающейся в налетах и ночных атаках против высаживающихся частей неприятеля; русские же в данном случае нуждались в каждом солдате для предстоящего генерального сражения. Кроме того, русский пехотинец менее всего пригоден для ведения малой войны; его сила — в действиях колоннами в сомкнутом строю. Что же касается казаков, то мм свойственны операции более мелкого масштаба, успех которых обычно выражается в захвате какой-либо добычи. Вместе

с тем крымская кампания, по-видимому, показывает, что превращение казаков в регулярные части, последовательно проводившееся в течение последних тридцати лет, сломило у них дух индивидуальной предприимчивости и настолько подавило их, что они уже не пригодны для иррегулярной службы и еще не приспособились к регулярной службе. Они, кажется, теперь одинаково неспособны и к службе на аванпостах или в отдельных отрядах, и к атаке неприятеля в строю. Русские поэтому правильно делали, что приберегали каждую саблю и каждый штык для сражения на Альме.

На берегах этой реки 32000 русских были атакованы 55000 союзников. Соотношение сил было почти один к двум. Когда было введено в действие почти 30000 союзников, Меншиков дал приказ об отступлении. Русских к тому времени было занято не более 20000. Дальнейшие попытки удержать за собой позиции потребовали бы введения в действие всех русских резервов и превратили бы русское отступление в разгром. Когда выяснилось, что успех союзников, при их огромном численном превосходстве, предрешен, Меншиков прекратил сражение, прикрыл свое отступление резервами и, справившись с первым замешательством, вызванным на его левом фланге обходным движением Боске, «в полном порядке» оставил поле сражения, никем не преследуемый и не тревожимый. Союзники говорят, что у них не было кавалерии для преследования; но учитывая, что у русских было всего-навсего два полка гусар,— во всяком случае меньше, чем у союзников, —надо признать это оправдание не убедительным. Как и при Цорндорфе, Эйлау, Бородине[300], русская пехота, хотя и разбитая, оправдала характеристику, данную ей генералом Каткартом, который командовал против нее дивизией и объявил ее «не способной к панике».

Но если русская пехота сохранила присутствие духа и спокойствие, сам Меншиков был в полной панике. Большая чиспенность союзников в сочетании с неожиданной решительностью и стремительностью в атаке на время расстроили его планы. Он оставил мысль об отступлении в глубь Крыма и двинулся к югу от Севастополя, рассчитывая удержать рубеж Черной речки. Это было крупной и непростительной ошибкой. Обозревая с высот Альмы все позиции союзников, он имел полную возможность определить силу своих противников с точностью до 5000 человек. Он должен был знать, что, несмотря на свое относительное численное превосходство, союзники не были достаточно сильны, чтобы оставить войска для наблюдения за Севастополем и одновременно последовать за ним в глубь

Крыма. Он должен был знать, что если соотношение его сил и союзников было один к двум на морском побережье, то у Симферополя он мог бы выставить против них войско, превосходящее их вдвое. И все же, согласно его собственному признанию, он двинулся к южной стороне Севастополя. Но совершив этот отход без малейшего препятствия со стороны союзников и дав своей армии передохнуть день-два на холмах за Черной речкой, Меншиков решил исправить свою ошибку. Сделал он это путем рискованного флангового марша от Черной к Бахчисараю. Это противоречило одному из основных правил стратегии, но сулило значительные результаты. Раз уж в стратегии допущен промах, редко удается избежать его последствий. Вопрос при этом заключается лишь в том, что выгоднее —терпеть эти последствия до конца или попытаться избежать их посредством второго, но уже сознательно предпринятого неправильного движения. Мы думаем, что в данном случае Меншиков был совершенно прав, отважившись на фланговый марш в пределах досягаемости противника, чтобы покончить с нелепо «сосредоточенным» вокруг Севастополя расположением.

Но благодаря усилиям посредственных стратегов и скованных рутиной генералов передвижения обеих враждующих армий приняли формы, невиданные до сих пор в военной практике. Пристрастие к фланговым маршам, подобно эпидемии холеры, охватило оба лагеря. В то самое время, когда Меншиков решил предпринять фланговый марш от Севастополя к Бахчисараю, Сент-Арно и Раглан надумали двинуться от Катхи к Балаклаве. Русский арьергард и британский авангард встретились у Мекензиева хутора (по имени шотландца, ставшего впоследствии адмиралом русской службы), и, что в порядке вещей, авангард разбил арьергард. Поскольку мы уже подвергли в «Tribune» критическому разбору с точки зрения стратегической фланговый марш союзников, нам нет надобности теперь возвращаться к нему.

2 или 3 октября Севастополь был обложен, и союзники заняли те самые позиции, которые только что оставил Меншиков. С этого момента началась знаменитая осада Севастополя, а вместе с-ней и новый этап кампании. До этого момента союзники, при их неоспоримом превосходстве, могли делать, что хотели. Их флоты» господствуя на море, обеспечили их высадку. После высадки их численное превосходство и несомненно также более высокие боевые качества обеспечили им победу на Альме. Но теперь начало устанавливаться то равновесие сил, которое рано или поздно неизбежно устанавливается, когда армия действует в отрыве от своей базы в неприятельской стране. Правда, армия

Меншикова все еще не обнаруживала себя, но ее существование делало необходимым расположение резерва на Черной фронтом на восток. Таким образом, собственно осаждающая армия оказалась значительно ослабленной и лишь не намного превосходящей по численности севастопольский гарнизон.

Недостаток энергии, отсутствие системы, особенно по части взаимодействия различных ведомств, ведающих британскими сухопутными и морскими силами, затруднения, обусловленные характером местности, а главное, непреодолимый дух рутины, присущий, как видно, британскому военному ведомству во всех его звеньях, как хозяйственных, так и оперативных, задержали начало действительных осадных операций до 9 октября. В этот день были, наконец, заложены траншеи на огромном расстоянии, в 1500—2500 ярдов от русских укреплений. Этот факт, невиданный и неслыханный в истории осадных операций, доказывает, что русские еще могли отстаивать местность вокруг крепости на расстоянии, по крайней мере, одной мили: и они действительно удерживали ее за собой до 17 октября. К утру этого дня осадные работы были достаточно подвинуты, чтобы позволить союзникам открыть огонь. Скорее всего, это было бы отложено еще на несколько дней, так как союзники в тот день отнюдь не были готовы вести огонь, но их подтолкнуло полученное из Англии и Франции известие о всеобщем ликовании по поводу предстоящего 25 октября взятия Севастополя. Это известие, разумеется, раззадорило войска, и, чтобы успокоить их, пришлось открыть огонь. В результате получилось, что союзники выставили 126 орудий против 200 или 250. Но великая аксиома Вобана, к которой англичане и французы снова и снова обращаются для успокоения общественного мнения, гласит:

«Осада — это операция, успех которой может быть рассчитан с математической точностью и является только вопросом времени, если она не нарушается извне».

Эта великая аксиома основана на другой аксиоме того же инженера, что

«при осаде огонь нападения может быть доведен до превосходства над огнем обороны».

Здесь же, у Севастополя, имело место как раз обратное: огонь нападения, когда его открыли, решительно уступал огню обороны. Последствия не замедлили сказаться: русские за несколько часов заставили замолчать огонь французских батарей и в течение всего дня вели почти равный бой с английскими батареями. Чтобы отвлечь внимание русских, была пред-

принята морская атака. Но она велась не лучше и была не более успешной. Французские корабли, атаковав Карантинный и Александровский форты, поддержали сухопутную атаку этих фортов; без этой поддержки французы несомненно встретили бы гораздо более суровый прием. Английские корабли атаковали северную часть порта, в том числе Константиновский форт и Телеграфную батарею, а также временную батарею, воздвигнутую к северо-востоку от Константиновского форта. Адмирал Дандас, человек осторожный, дал приказ своим кораблям бросить якорь на расстоянии 1200 ярдов от фортов, — он явно является приверженцем стрельбы на дальние дистанции. Но уже давно установлено, что в сражении между кораблями и береговыми батареями корабли терпят поражение, если они не могут подойти на расстояние 200 ярдов и менее от батарей, так чтобы их огонь наверняка попадал в цель и производил наибольший эффект. Итак, Дандас подставил свои корабли под сокрушительный огонь; он потерпел бы изрядное поражение, если бы на помощь ему не пришел сэр Эдмунд Лайонс, который, по-видимому, чуть ли не в нарушение приказа, приблизился, насколько было возможно, с тремя линейными кораблями к Константиновскому форту и причинил ему некоторые повреждения, понеся, в свою очередь, урон от него. Поскольку донесения британского и французского адмиралов до сих пор ни словом не обмолвились о фактических повреждениях, нанесенных фортам, приходится заключить, что и здесь, как и в Бомарсунде, береговые укрепления по Монталамберу — форты и казематированные батареи — смогли выдержать бой против вдвое превосходящего числа орудий на кораблях. Это тем более замечательно, что, как теперь уже довольно достоверно известно и отчасти уже было показано в Бомарсунде, открытая каменная кладка этих фортов не может выдержать двадцатичетырехчасовой огонь на разрушение тяжелых судовых орудий, установленных на берегу.

После этого эпизода французы почти совершенно замолкли на несколько дней. Англичане, батареи которых находились на большем расстоянии от русских линий и располагали более крупными калибрами, чем их союзники, смогли поддерживать огонь и заставить замолчать орудия верхнего яруса одного из каменных редутов. Морская атака не возобновлялась, — факт, лучше всего доказывающий уважение, которое внушили к себе казематированные форты. Защита русских сильно отрезвила победителей в сражении на Альме. На место каждого выведенного из строя орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанав-

ливалась за ночь. В отношении земляных работ положение у обеих сторон было почти равным, пока союзники не приняли мер к тому, чтобы добиться превосходства. Смехотворный приказ лорда Раглана «щадить город» был отменен и началась бомбардировка, которая своим сосредоточенным действием на скопившиеся массы войск и своим изматывающим характером, по-видимому, нанесла большой урон гарнизону. Кроме того, впереди батарей были высланы стрелки, чтобы, используя любое прикрытие, брать на прицел русских канониров. Как и в Бомарсунде, винтовки Минье хорошо работали, за несколько дней тяжелые орудия и эти винтовки вывели из строя большую часть русских артиллеристов. Та же судьба постигла флотских моряков, ту часть гарнизона, которая была наиболее обучена обращению с тяжелыми орудиями. Пришлось прибегнуть к обычному средству осажденных гарнизонов: пехота была поставлена на обслуживание орудий под наблюдением оставшихся артиллеристов. Но их огонь, как легко себе представить, не давал почти никакого эффекта, и осаждающие получали, таким образом, возможность продвигать свои траншеи все ближе и ближе к крепости. Как сообщают, они заложили третью параллель на расстоянии 300 ярдов от внешних укреплений. Нам пока неизвестно, какие батареи установлены в этой третьей параллели; можно только констатировать, что в правильных осадах *третья* параллель всегда проводится у подножия гласиса атакуемых укреплений, то есть на расстоянии около 50 или 60 ярдов от рва. Если эта дистанция была увеличена перед Севастополем, мы можем лишь усмотреть в этом подтверждение мнения некоторых британских газет, гласящего, что неправильность линий защиты, вместо того, чтобы дать британским инженерам простор в применении их изобретательных способностей, лишь сбила с толку этих джентльменов, которые умеют по веем правилам искусства сломить фронт регулярных бастионов, но ужасно теряются каждый раз, как неприятель отступает от принципов, предписанных признанными в данном вопросе авторитетами.

Раз было принято решение произвести атаку с южной стороны, надо было направить параллель и ее батареи на один или, в крайнем случае, на два точно определенных фронта обороны. Надо было атаковать сосредоточенными силами два — в самом крайнем случае три — рядом стоящих внешних форта; если бы удалось их разрушить, все остальные наружные укрепления стали бы бесполезными. Таким путем союзники, сосредоточив действие всей своей артиллерии на одном пункте, сразу легко могли добиться сильного огневого превосходства и значительно сократили бы продолжительность осады. Насколько

можно судить по планам и картам, фронт, идущий от Карантинного форта до самого кончика внутренней бухты, то есть фронт, против которого французы теперь направляют свои усилия, был бы наиболее подходящим для наступления, так как разрушение его совершенно обнажило бы самый город. Сто тридцать орудий, имеющихся у союзников, сразу могли бы обеспечить им превосходство огня на этом ограниченном участке. Вместо этого желание предоставить возможность каждой армии действовать независимо от другой привело к такому, не имеющему прецедента способу осады, при котором весь вал, длиной свыше трех миль, одновременно подвергался обстрелу на всем его протяжении. Такой способ атаки — нечто невиданное и неслыханное. Ведь он дает возможность обороне одновременно ввести в действие, в обычных бастионных укреплениях и люнетах, всю имеющуюся там массу в двести пятьдесят орудий. Ведь один бастионный фронт едва ли может вместить более двадцати орудий, и при обычной осаде участвовать в обороне могут не более трех или четырех фронтов. Может быть, союзные инженеры в дальнейшем смогут привести весьма веские доводы в пользу своего странного образа действий; но пока что мы должны сделать вывод, что они были не в состоянии обнаружить наиболее слабые пункты обороны и, чтобы не пропустить их, открыли огонь по всей линии.

Тем временем к обеим сторонам подошли подкрепления. Стремительные и частично успешные атаки Липранди на аванпосты союзников показывают, что у русских имеются в наличии более крупные силы, чем те, с которыми Меншиков отошел к Бахчисараю. До сих пор, однако, они еще не достаточно сильны для победоносного сражения. Принимая во внимание успехи, достигнутые осаждающими, принимая во внимание, что урон, наносимый обороне, возрастает в геометрической прогрессии по мере приближения осаждающих к валу, принимая во внимание, что внешние укрепления все еще держатся, но внутренняя стена, по-видимому, слаба, — решительного исхода можно ожидать между 9 и 15 ноября: либо южная сторона города падет, либо же союзники потерпят решительное поражение и будут вынуждены снять осаду. Но следует иметь в виду, что подобные предсказания всегда зависят от обстоятельств, которые не могут быть вполне учтены на таком расстоянии от места действия.

Написано Ф. Энгельсом 9 ноября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4246. 27 ноября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПОД БАЛАКЛАВОЙ [301]

Пароход «Африка», прибывший из Европы, доставил нам известия еще за три дня, но в них не содержится никаких существенно новых вестей с театра военных действий, если не считать ужасного случая с госпиталем, в котором заживо сгорело множество больных и раненых, и других описаний неслыханных страданий. О кровопролитном и не давшем определенных результатов сражении 5 ноября, краткое известие о котором пришло с пароходом «Балтик», мы располагаем теперь небольшим донесением лорда Раглана, но еще нет обстоятельных и живых отчетов корреспондентов — участников и свидетелей событий. В Англии, так же как и во Франции, чувствуется большая тревога, — гораздо большая, чем могло бы показаться на первый взгляд, — в связи с возросшими и все продолжающими возрастать трудностями войны; упорная оборона Севастополя, который не желает пасть под натиском союзников, соперничающих в храбрости и самопожертвованиях, расценивается как весьма зловещее обстоятельство. Приведенные в этом же номере выдержки из лондонской газеты «Times» свидетельствуют о перемене настроения, о зародившихся сомнениях, которые можно было бы даже рассматривать как первые признаки отчаяния. Поскольку за отсутствием подробных данных о сражении 5 ноября мы не можем еще высказать о нем суждения, остановимся сегодня на некоторых предшествовавших ему эпизодах осады.

25 октября медлительное однообразие севастопольской осады было впервые прервано драматическим инцидентом. В этот день русские атаковали позиции, прикрывающие осадную

армию союзников, и так как преимущества были на этот раз распределены более равномерно, то и результат получился совсем иной, чем в сражении на Альме: здесь сражалась почти исключительно кавалерия, тогда как на Альме кавалерия в деле совсем не участвовала. Русские были не обороняющейся стороной, а нападающей, союзники же располагали преимуществом хорошо укрепленной позиции. Правда, сражение и на этот раз, почти так же как и на Альме, закончилось вничью, но на этот раз перевес остался за русскими.

Полуостров Херсонес Гераклейский, к югу от Севастопольской бухты, отделен от крымской степи холмистой грядой, которая тянется от устья Черной речки, впадающей в Севастопольскую бухту, к юго-западу. Эта гряда отлого спускается на северо-запад, к Севастополю, юго-восточным же своим склоном, большей частью крутым и обрывистым, она обращена к Балаклаве. Для союзников, занявших Херсонес, эта гряда представляла естественный оборонительный рубеж против любой русской армии, пытающейся снять осаду. На беду «операционная база» англичан, главная гавань для их флота, центральное складочное место для их припасов были в Балаклаве, а Балаклава лежит примерно в трех милях к юго-востоку от этих холмов. Поэтому необходимо было включить Балаклаву в систему обороны. Местность вокруг Балаклавы представляет собой ряд весьма неравномерных возвышенностей, которые тянутся от южного конца упомянутой холмистой гряды почти прямо на восток и на запад вдоль побережья и, подобно почти всем крымским холмам, отлого опускаясь к северо-западу, кончаются на юго-востоке крутым обрывом. В углу, образуемом этими двумя группами возвышенностей, лежит волнистая равнина, которая постепенно поднимается к востоку, заканчиваясь обрывистым спуском в долину Черной речки.

Самой примечательной чертой этой равнины является чередование холмиков и незначительных возвышенностей, которые тянутся на северо-запад и юго-восток, соединяя цепь, которую мы называем Гераклейской, с горами на южном побережье. На этой-то возвышенности, приблизительно в трех милях к востоку и северо-востоку от Балаклавы, союзники и возвели свою первую оборонительную линию, состоявшую из четырех редутов, которые защищали пути от Бахчисарая и от верхнего течения Черной речки. В этих редутах стояли турки. Вторая линия полевых укреплений, возведенная прямо против Балаклавы, доходила до вершины угла, образуемого прибрежными холмами и Гераклейской цепью, причем последняя оборонялась стоявшей близ нее французской дивизией генерала Боске. Таким образом,

если вторая линия, защищаемая английскими солдатами, морской пехотой и матросами, переходила в линию французских редутов, прикрывавших ее с фланга, то первая, турецкая линия, выдвинутая почти на две мили вперед, не только оставалась без всякой поддержки, но еще была расположена, как это ни странно, не перпендикулярно дороге, на которой мог появиться неприятель, а почти на ее продолжении, так что русские могли бы взять все четыре редута один за другим, закрепляясь всякий раз на завоеванном месте и не встречая особенно сильного сопротивления со стороны еще не взятых редутов.

Позиции союзников в сторону Балаклавы были заняты турками, стоявшими в редутах, или первой линии; высоты в непосредственной близости к Балаклаве занимала английская морская пехота; в долине к северу от Балаклавы стоял 93-й шотландский полк и несколько отрядов выздоравливающих. Далее, к северу, располагался лагерь британской кавалерии, а на Гераклейских высотах — авангард дивизии генерала Боске.

В 6 часов утра 25 октября генерал Липранди повел русских в атаку на эти позиции. Он командовал объединенной дивизией в составе шести пехотных полков (Днепровский, Азовский, Украинский, Одесский, Владимирский, Суздальский, 6-й стрелковый батальон и один батальон черноморских казаков — всего 26 батальонов), трех кавалерийских полков (11-й и 12-й гусарские и сводный уланский полк — от 24 до 26 эскадронов), около двух казачьих полков и 70 орудий, в том числе 30 двенадцатифунтовых.

Генерал Липранди послал генерала Гриббе через расположенное слева ущелье, чтобы занять тремя батальонами Днепровского полка деревню Комары, перед которой находится первый и самый сильный редут. Генерал Гриббе занял деревню, и три его батальона, по-видимому, очень спокойно провели там день, во всяком случае, в описаниях последовавшего сражения они не упоминаются ни разу.

Главная колонна, двинувшаяся сначала вдоль Черной речки, по проселочной дороге, вышла на тракт из Бахчисарая в Балаклаву. Здесь она натолкнулась на редуты, занятые турками. Так как первый редут был довольно сильно укреплен, генерал Липранди сперва открыл по нему артиллерийский огонь, а затем выслал вперед штурмующие части. Стрелковая цепь прикрывала наступавшие ротными колоннами первый, второй и третий батальоны Азовского полка, которых, в свою очередь, поддерживали с обоих флангов четвертый батальон Азовского и один батальон Днепровского полка, наступавшие сомкнутыми

колоннами. После энергичного сопротивления редут был взят; то, что турки *потеряли* при этом 170 человек убитыми и ранеными, свидетельствует, вопреки злостным утверждениям английских газет, о мужественной защите этого редута. Зато второй, третий и четвертый редуты, построенные наспех, были взяты русскими почти без боя, и к семи часам утра первая оборонительная линия союзников была уже целиком в их руках.

Оставление этих редутов турками может принести пользу тем, что развеет укоренившееся со времени Олтеницы и Силистрии нелепое представление о чудовищной храбрости турок; но все-таки английские генералы и английская печать в данном случае ведут себя не очень красиво, внезапно обрушив свой гнев на турок. Винить следовало бы не столько турок, сколько инженеров, ухитрившихся так нелепо построить их оборонительную линию и не позаботившихся о ее своевременном окончании, а также командиров, которые подставили первую линию под сокрушительный удар, не обеспечив ей никакой поддержки.

Солдаты 93-го шотландского полка, стойкие, но медлительные, как подобает шотландцам, вступали в действие постепенно и двинулись через холмы на помощь редутам лишь тогда, когда они уже были взяты. Преследуемые и истребляемые русской кавалерией турки смогли, наконец, снова построиться на флангах у шотландцев, которые, стремясь укрыться от русского огня, залегли за гребнем небольшой складки местности, впереди всех позиций, еще занятых союзниками; поддержка у них была только с левого фланга, в виде кавалерийской дивизии. Русские тем временем развернулись в боевой порядок на высотах, на которых были расположены редуты; на левом фланге стоял Азовский полк, вправо от него Украинский, еще правее Одесский пехотный. Эти три полка заполнили собой пространство между редутами и заняли бывшую первую линию союзников. Дальше, вправо от Одесского полка, волнистая равнина благоприятствовала действиям кавалерии. Сюда были посланы оба гусарских полка, которые оказались прямо против подтянутой сюда британской кавалерии, на расстоянии приблизительно в две мили. Суздальский и Владимирский полки, часть артиллерии и только что подошедшие уланы остались в резерве.

Когда 93-й шотландский полк, усиленный батальоном выздоравливающих и турками, стал оказывать сопротивление русским, против него были брошены в атаку гусары. Но прежде чем они успели двинуться вперед, на них обрушилась тяжелая кавалерийская бригада англичан. Семьсот или восемьсот английских драгун ринулись на русских и рассеяли их

в атаке, которая является одной из наиболее блестящих и успешных атак, какие только известны, принимая во внимание численное превосходство русских! Русские гусары, численность которых была вдвое больше, были рассеяны в одно мгновение. Несколько русских эскадронов, высланных против 93-го шотландского полка, были встречены спокойным шотландским залпом на расстоянии пятидесяти шагов и покатились прочь кто как мог.

Если турки бежали, то англичане пока что покрыли себя славой. Смелость шотландцев, которые встретили кавалерию даже не перестроившись в каре, стремительная атака тяжелой кавалерии — этими делами действительно можно было гордиться, тем более, что они совершены до подхода подкреплений. Но вот подошли 1-я (герцога Кембриджского) и 4-я (Каткарта) дивизии, а также французская дивизия Боске и бригада африканских стрелков (кавалерийская). Войска выстроились в боевой порядок, и только теперь можно было говорить о встрече двух армий. После того как дивизия Боске выстроилась на Гераклейских высотах, Липранди выставил Владимирский и Суздальский полки на крайнем правом фланге на холмах, за кавалерией.

Обе армии находились друг от друга дальше, чем на расстоянии выстрела, и поэтому огонь почти прекратился, как вдруг какое-то еще невыясненное недоразумение заставило английскую легкую кавалерию броситься в бессмысленную атаку, окончившуюся поражением. Был получен приказ о наступлении, и через несколько секунд граф Кардиган повел свою легкую бригаду вверх по долине, расположенной против его позиций и защищенной с боков холмами, на которых стояли батареи, сосредоточивавшие свой огонь на лежащей внизу местности. Вся бригада состояла из 700 сабель; подойдя на расстояние выстрела к склонам холмов, она была встречена оттуда артиллерийским и ружейным огнем. Тогда она атаковала батарею, стоявшую в верхнем конце долины, выдержала огонь с двадцати ярдов, сбила с ног артиллеристов, рассеяла русских гусар, предпринявших вторичную, правда, нерешительную, атаку, и уже поворачивала обратно, как вдруг русские уланы атаковали ее с фланга. Они только что подошли и сразу напали на утомленную британскую конницу. На этот раз, несмотря на частичные успехи, англичанам пришлось отступить и русские совершенно разбили их — правда, благодаря своему численному превосходству и оплошности англичан, бросившихся без всякой цели прямо под перекрестный огонь многочисленной артиллерии. Из 700 английских кавалеристов едва ли 200 человек вернулось,

сохранив боеспособность. Впредь до прибытия свежих подкреплений можно считать, что бригада легкой кавалерии уничтожена.

Поражение англичан было бы еще гораздо тяжелее и едва ли вернулся бы хоть один человек, если бы не были предприняты два тактических маневра, поддержавших с обоих флангов атаку легкой кавалерии. Справа лорд Лукан приказал бригаде драгун произвести демонстрацию против русских батарей. Она прогарцовала несколько минут, потеряла от огня русских около десяти человек и поскакала обратно. Но с левого фланга два французских полка африканских егерей, принадлежащих к числу лучших кавалерийских полков в мире, видя, что их союзников бьют, помчались к ним на выручку. Они атаковали батарею, которая, будучи расположена высоко на холме против Владимирского пехотного полка, обстреливала английскую легкую кавалерию с фланга, в одно мгновение прорвались на линию орудий, зарубили шашками артиллерийскую прислугу и затем, выполнив свое задание, отступили, что они сделали бы и в том случае, если бы пехота Владимирского полка не двинулась тотчас же против них.

Вот вам снова британский способ ведения войны, каким он выявился в настоящую кампанию и уже не раз отмечался нами. Англичане сначала допускают ошибку, а затем не решаются на то нарушение тактических правил, которое одно только могло бы исправить последствия этой ошибки. Но французские стрелки тотчас же почувствовали, что нужно делать. На том фланге, где стояли *они,* русская кавалерия не атаковала, потому что они предупредили ее своим стремительным натиском; осторожные же кавалеристы из драгунской бригады Скарлетта только демонстрировали, а этого, конечно, было недостаточно, чтобы помешать русским уланам ударить по флангу гусар. Если бы они бросились в атаку, подобно французам, русские уланы очень скоро повернули бы обратно. Но в то время как легкой английской кавалерии было приказано проявлять отвагу, тяжелой кавалерии было приказано проявлять осторожность, в результате чего легкая бригада погибла.

На этом дело и кончилось. Русские разрушили два редута, наиболее близкие к расположению союзников, и крепко засели в двух остальных. Они удержали за собой завоеванную территорию, а лорд Раглан, не решаясь атаковать их, приказал укрепить вторую линию редутов и ограничился их обороной. Первая линия была сдана.

В этом деле поведение 93-го шотландского полка было выше всяких похвал. Встретить кавалерию, развернувшись в линию,

как они это сделали, лишь отодвинув назад роту en potence* на своем правом фланге, не стрелять до решительного момента и затем открыть огонь с таким беспощадным хладнокровием,— на это способны лишь очень немногие войска, обладающие самыми высокими качествами, требуемыми от пехотинца. Австрийские и английские войска, вероятно, единственные, с которыми можно пойти на такой эксперимент; может быть, к ним следует присоединить еще *некоторые* русские войска, которым долголетняя служба дает нужную тренировку, хотя мы не припомним случая, когда они были бы подвергнуты такому испытанию и с честью вышли бы из него.

Превосходство английской и французской кавалерии над русской неопровержимо доказано описанным сражением. Три бригады союзников были приблизительно так же сильны численно, как три русских полка; и если бы они были посланы в атаку не последовательно, а одновременно, и были бы еще поддержаны выдвинутой вперед артиллерией и наступлением всей пехоты, Липранди и его войскам грозило бы быть сброшенными вниз по крутому спуску к Черной речке и испытать судьбу, уготованную Блюхером французам на Кацбахе.

Численность обеих армий была приблизительно следующая. У русских было 25 батальонов, большинство которых участвовало в сражении на Альме и которые насчитывали самое большее 14000 человек. Кавалерия в составе 24 эскадронов, прошедших по большей части весь путь от Москвы и Калуги, насчитывала наверное не больше 2400 человек. Кроме того, у русских было около 1000 казаков и 70 артиллерийских орудий.

Пехота союзников состояла из основного ядра 1-й и 4-й британских дивизий и французской дивизии Боске; кроме того в нее входило некоторое количество турок, которое можно подсчитать только приблизительно на основании данных о высадившихся турецких батальонах. С самого начала в крымской экспедиции участвовало десять турецких батальонов и, согласно донесению лорда Раглана от 18 октября, было высажено еще шесть батальонов в Балаклаве. Так как эти силы не вошли в состав осаждающей армии и не были уведены далеко от Балаклавы, то все они должны были принять участие в вышеописанном сражении, хотя после их ухода из редутов они больше не упоминаются в донесениях и не считаются достойными упоминания. В общем мы едва ли сильно ошибемся, если примем численность англичан в 6500, французов — в 3500, а турок— по меньшей мере в 6000 человек. Сюда надо еще прибавить

* — в вице буквы Г. *Ред.*

около 1000 английских солдат морской пехоты и матросов в редутах над Балаклавой. Всего пехоты было, таким образом, 17000 или, если не считать турок, 11000 человек. Что касается кавалерии, то две английские бригады составляли около 1400 человек (в английских сводках приводится только число рядовых), африканские егеря — не меньше 800, всего — 2000 человек. Количество артиллерии — неизвестно, но, во всяком случае, она уступала русской численно, хотя далеко превосходила ее по качеству.

В общем и целом мы находим, что в данном случае союзники были никак не слабее русских, что они располагали превосходными позициями для отступления и могли бы смелой атакой, кавалерийской и пехотной вместе, добиться решительной победы, не такой, как на Альме, оставшейся без результата, а победы, которая избавила бы их от необходимости вести кровопролитное сражение, разыгравшееся 5 ноября. Теперь же они даже не окупили всего понесенного ими урона; благодаря странному сочетанию чрезмерной смелости и чрезмерной осторожности, неуместной стремительности и неуместной робости, порыва, пренебрегающего правилами военного искусства, и ученых тонкостей, упускающих благоприятный момент для действия, благодаря этой удивительной манере всегда делать не то, что нужно, и не тогда, когда нужно, характерной для всех действий союзников, они полностью проиграли сражение под Балаклавой.

Из данных о сражении 5 ноября мы можем пока только заключить, что оно явилось началом того кризиса, который, по нашим соображениям, и должен был наступить между 5 и 10 ноября. Как мы уже давно писали — а теперь это утверждает и лондонская газета «Times», — все дело сейчас будет зависеть от подвоза продовольствия и подкреплений.

Написано Ф. Энгельсом 16 ноября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4249, 30 ноября 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИНКЕРМАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ [302]

Это кровопролитное сражение произошло 5 ноября, но донесения союзных военачальников и корреспондентов ведущих газет были получены в Лондоне только 23 ноября. Очень краткие описания битвы были доставлены в Америку двумя последними пароходами, но ни одно из них не было достаточно подробно, чтобы можно было составить себе сколько-нибудь удовлетворительное суждение о характере боя. Но доставленная сегодня с пароходом «Пасифик» почта дает нам возможность напечатать самые подробные отчеты о всем деле, в том числе донесения Раглана, Канробера и Меншикова, а также превосходные и яркие письма специальных корреспондентов лондонских газет «Times» и «Morning Herald», каждая из которых обслуживается на местах очень способными сотрудниками. Располагая всеми этими, а также и другими документами, мы приступаем к разбору хода сражения, чтобы дать нашим читателям возможность составить себе беспристрастное и обоснованное мнение о нем.

Как пруссаки при Йене, английские войска, стоявшие лицом к Инкерману, расположились на высотах, к которым с фронта можно подойти только по нескольким дефиле. Подобно пруссакам, англичане не позаботились о том, чтобы запять возвышенность на своем крайне левом фланге, на которую Меншиков, как Наполеон при Йене, двинул часть своей армии, заняв там до рассвета позицию против фланга неприятеля. Русские, очевидно, намеревались воспользоваться этим обстоятельством, чтобы обрушиться главными силами своей армии на фланг англичан, развернуться на занятых таким образом высотах

и уничтожить, — или, по техническому выражению, «смять» — английские дивизии одну за другой по мере их подхода при совершении рокового, но неизбежного для перемены фронта маневра. Наполеон был обязан этому маневру своей блестящей победой над армией, которая при всей ее неповоротливости, медлительности и при плохом командовании все же была в то Бремя наилучшей из старых континентальных армий. Этому смелому удару способствовали быстрота маневров, осуществленных войсками, освоившимися с новым способом ведения войны, который появился на свет в ходе американской войны за независимость, французских революционных войн и благодаря самому Наполеону. Здесь, при Инкермане, Меншиков попытался с медлительными и неповоротливыми войсками таким же образом застигнуть врасплох деятельные и быстро передвигающиеся британские и французские войска, и соответственно результат оказался противоположным тому, который был достигнут при Йене.

Небрежность, допущенная англичанами при занятии их позиций, чрезвычайно позорна для их командования. Ничем нельзя оправдать ни то, что не был занят холм на южном берегу Черной речки, ни то, что не было полевых укреплений на этой важной позиции, для наступления на которую сосредоточивалось, как было хорошо известно английскому командованию, несколько тысяч русских. Как мы уже сказали, русские не замедлили воспользоваться этой небрежностью, заняв холм на северном краю цепи высот, и подвергли английские позиции обстрелу тяжелой полевой артиллерией. Британские газеты утверждают, что у русских на поле боя были 24- и 32-фунтовые орудия, но это свидетельствует лишь об их крайнем невежество в вопросах артиллерии. Перевозка их собственной артиллерии из Балаклавы в траншеи должна была бы показать им, что 24-и 32-фунтовые пушки нельзя использовать в полевых условиях, а тем более для внезапного ночного нападения. В действительности то, что они называют 24- и 32-фунтовыми орудиями, было гаубицами, калибр которых сходен с калибром 24- и 32-фунтовых пушек, но которые на самом деле представляют собой легкие полевые орудия, не более тяжелые, чем британские полевые гаубицы. Гаубицы, из которых стреляют полыми снарядами с небольшим зарядом и для которых дальность полета снаряда достигается главным образом благодаря увеличению угла прицела, могут иметь больший калибр, чем калибр пушек, из которых стреляют массивными ядрами. 24-фунтовая гаубица соответствует по весу и действию 6-фунтовой пушке, а так называемые 32-фунтовые (приблизительно 6-дюймовые)

гаубицы — 12-фунтовым; эти гаубицы в русской армии приданы батареям пушек этих калибров. Это показывает, что невежество и национальное тщеславие в равной мере способствуют возникновению легенд о героях и о военной славе нации.

До сих пор все благоприятствовало русским. Их военное мастерство оказалось гораздо более высоким, чем мастерство лорда Раглана. Их план был превосходен, и он хорошо выполнялся. Удалось занять важную точку опоры и обойти фланг неприятеля. Огромное численное превосходство войск, готовых начать наступление на растянутую и слабую линию англичан в самом слабом месте, казалось, обеспечивало решающий успех. Но русские еще не знали в полной мере, с какими солдатами им приходится иметь дело. Будучи застигнуты врасплох, англичане хладнокровно переменили фронт, став лицом уже не к востоку, а к северу, и встретили атакующие колонны убийственным огнем. И началось такое сражение, какого Европа но знала со времени битвы при Альбуэре[303], когда стойкость и храбрость британских войск ценой трех четвертей их личного состава решили успех сражения, чуть не проигранного из-за глупой самоуверенности командующего. Установлено, что при Инкермане было больше штыковых схваток, чем на Протяжении всей войны на Пиренейском полуострове, где две храбрейшие армии того времени боролись друг против друга в течение шести лет. С половины седьмого до половины десятого около 8000 англичан выдерживали натиск русской армии, в которой, как сообщают сами русские, было по крайней мере 30000 человек. Стойкость, с которой они снова и снова отражали атаки русских, часто производившиеся свежими войсками, выше всяких похвал, и вряд ли это могли бы сделать какие-либо другие войска в Европе, если не считать лучших батальонов армии Радецкого. Следует отметить, что этой храбрости способствовала выгодная позиция, с фронта, то есть с востока, защищенная неприступными высотами. Холм к северу, занятый русскими, также был отделен от этих высот несколькими оврагами, многочисленные ответвления которых вели к английской позиции. Поэтому любая наступающая колонна русских должна была пройти район, очень сильно обстреливаемый английской артиллерией, и продвигаться в сомкнутом строю до вершины высот и только там она могла бы развернуться. Русские колонны, ослабленные артиллерийским, а также, по мере их приближения, и ружейным огнем, взбирались наверх, и прежде чем они могли развернуться, огонь и штыковая атака снова отбрасывали их вниз. В этой битве обнаружилось, что на близком расстоянии пуля Минье имеет огромное преимущество над

обычной ружейной пулей; последняя своим ударом с трудом убивает одного человека, в то время как пуля Минье часто убивала четыре или пять человек и наносила сильный урон имеющим значительную глубину колоннам русских.

Когда подошли британские дивизии, сражение стало всеобщим и велось на более широком фронте. Русские, которые не могли серьезно продвинуться, атаковали своим левым крылом первоначальный фронт английской позиции, между тем как их правое крыло пыталось пробиться к Севастополю. Им отчасти удалось занять высоты англичан, но они были не в состоянии выстроиться в правильные боевые порядки. Они пытались окружить и отрезать один за другим небольшие отряды британских войск. Борьба была ожесточенная и, хотя англичане сражались великолепно, они были бы уничтожены в этом неравном бою, если бы не подошла французская дивизия Боске. Зуавы и иностранный легион атаковали левое крыло русских и смяли его, а затем африканские егеря получили возможность ринуться в атаку, и русской пехоте пришлось отступить. Итак, четырнадцать тысяч союзников, потеряв треть своего состава, одержали победу над тридцатью тысячами русских, и, однако, все признают, что русские, каждый в отдельности, сражались очень хорошо и, как мы видели, их военное мастерство, поскольку дело шло о плане наступления, значительно превосходило военное мастерство союзников.

Почему же они потерпели поражение? Следует отметить, что большая часть войск, участвовавших в сражении, состояла из разбитых и павших духом остатков войсковых частей, осаждавших Силистрию, и что, конечно, корпус Данненберга, после бывшего корпуса Остен-Сакена, в настоящее время является худшим в русской армии. Но не это обстоятельство имело решающее значение. Сражение было проиграно не только благодаря храбрости англичан, но главным образом благодари тому, как русские его вели. Это была победа европейского способа ведения войны над русским. И в этом заключается характерная черта этого сражения.

Русский командующий начинает с того, что вырабатывает очень хороший план наступления, заимствованный из опыта наиболее прославленных сражений Наполеона (ведь ни у одного русского генерала не было оригинальных мыслей, даже у Суворова, оригинальность которого проявлялась только в непосредственном наступлении). Затем он приступает к осуществлению этого плана самым верным путем. Он занимает позицию на неприятельском фланге. Стратегический маневр закончен. начинаются тактические действия. И тут сразу отвергается

научный, опирающийся на изучение прошлых войн способ ведения войны, способ, выработанный западной цивилизацией, и выступает вперед неприкрытое варварство. Эта блестящая армия с ее старыми воинами, многие из которых прослужили по двадцать пять лет, — этот образец плацпарадной муштры, — оказывается столь неповоротливой, столь неспособной к схваткам рассыпным строем и к борьбе небольшими отрядами, что со офицеры могут только обрушивать эту тяжелую массу на неприятеля. Оставляется всякая мысль о тактическом маневрировании: вперед, вперед, вперед, — вот все, что можно делать. Эта плотная масса живых тел, конечно, уже в силу своей компактности, представляла собой лучшую мишень, которой только мог бы пожелать артиллерист; и в то время как редкие цепи англичан, залегшие за верхушкой холма, были защищены от огня, ядра их производили опустошения в колоннах, имевших значительную глубину, убивая при каждом залпе тридцать — сорок человек, а пули Минье градом летели в противника и вряд ли хоть одна из них могла пролететь мимо мишени таких размеров. Простого натиска этой тяжелой массы должно было быть достаточно, чтобы прорвать ряды союзников. Но здесь русские столкнулись с противником, привыкшим к этому способу ведения войны. Англичане во время своих индийских войн научились выдерживать натиск плотных масс, даже превосходящих их численно. И хотя русские намного выше сикхов или белуджей, но войска, привыкшие побеждать в шесть или восемь раз превосходившие их численно силы сикхов или белуджей, конечно, могли выдержать натиск русских, превосходивших их численно в три раза, коль скоро русские применяли тактику сикхов. Когда русские колонны выходили на вершину холма, их боевые порядки уже были нарушены огнем, и нового залпа с расстояния в пятьдесят ярдов и штыковой атаки оказывалось достаточно, для того чтобы они рассеялись в беспорядке. Позднее, когда русские стали появляться в большем количестве, англичане, по примеру солдат Наполеона, строившихся в каре среди мамелюков у пирамид, стояли среди окружавшей их массы русских. Непоколебимость войск, проникнутых той уверенностью в себе, которой могут обладать лишь солдаты страны, достигшей высокого уровня цивилизации, а также превосходство вооружения и огня англичан решили дело. Русские солдаты стреляют хуже, чем какие-либо другие; они это здесь показали; ведь в противном случае они наверняка уложили бы всех находившихся тут англичан.

Вот в чем особенности инкерманского сражения и его значение. Оно показало, что слава русской пехоты блекнет. Оно

показало, что, как бы Россия ни продвигалась по пути прогресса, Запад движется вперед, во всяком случае, вдвое быстрее и что Россия не может рассчитывать на успех в войне против Запада не только при равенстве сил, но даже имея на своей стороне такие преимущества, какие были при Инкермане. Не будь катастрофической гибели союзных транспортов в Черном море, этого сражения было бы достаточно, чтобы окончательно решить успех союзников в Крыму, при условии, что английские и французские генералы воздержались бы от того, чтобы совершать слишком грубые промахи. Мы еще не знаем подробностей этой тяжелой катастрофы, о которой известно только по телеграмме из Лондона, полученной нашим агентом в Ливерпуле как раз перед отходом парохода «Пасифик». Мы еще не знаем, везли ли последние корабли войска или только продовольствие и военное снаряжение, но из молчания телеграфа можно сделать вывод, что они не имели на борту войск. Но если во время этой бури погибли крупные войсковые соединения, отправленные в Крым, то, право, стихия нанесла союзникам гораздо более тяжелый удар, чем неприятель, и союзные войска у Севастополя могут погибнуть от болезней и изнурительных атак прежде, чем станет возможно послать им новые подкрепления.

Другую — и не менее серьезную — угрозу для них таит позиция, занятая немецкими державами. По-видимому, Австрия сейчас впервые обнаруживает действительную склонность порвать с западными державами и присоединиться к царю, а за ней пойдет вся Германия. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что теперь близок момент, когда война должна принять колоссальные, ужасные размеры и охватит всю Европу своим пламенем.

Написано Ф. Энгельсом 27 ноября 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4261, 14 декабря 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

Со времени ожесточенного и кровопролитного инкерманского сражения на театре военных действий в Крыму не произошло ни одного сколько-нибудь важного с военной точки зрения события; но тот факт, что наступила зима, а Севастополь не взят, изменил весь характер войны, и сейчас уместно будет сделать обзор всего хода войны с момента высадки экспедиционных войск, чтобы определить, при каких обстоятельствах и с какими перспективами она вступает в предстоящую ей новую фазу. Но прежде всего необходимо добавить несколько слов к нашим прежним замечаниям по поводу последней памятной битвы. Официальные сообщения об этом событии, которые все были напечатаны в нашей газете, отличаются необыкновенной противоречивостью и отсутствием проницательности. Донесение лорда Раглана было явно составлено весьма поспешно. Перепутав фронт своей армии, обращенный к Черной, с фронтом, обращенным к Севастополю, он в этом донесении называет один и тот же фланг своей позиции то правым, то левым, так что по этому документу никак нельзя составить себе ясного представления о том, что собственно произошло. Донесение Канробера столь же расплывчато и туманно, сколь кратко, и поэтому совершенно ничего не дает; что *же* касается так называемого донесения Меншикова, опубликованного в «Русском инвалиде»[304], то всякий, кто задаст себе труд сравнить его с прежними сообщениями князя Меншикова, сразу увидит, что его писал другой человек. Николай, очевидно, решил, что допустил уже достаточно свободы печати, и поскольку оказалось, что говорить

правду, как полагается джентльмену, отнюдь не ограждает его армию от поражений, он счел за благо вернуться к прежней системе лжи. Волей императора обычный ход событий подвергается произвольному толкованию; провалившееся наступление его полевой армии против осаждающих превращается в победоносную вылазку осажденных. Причина ясна: любой отряд, производящий вылазку, должен неизбежно отойти за свои укрепления после выполнения задания; благодаря этому отступление можно объяснить и представить естественным, в то время как при правдивом изложении фактов скрыть позор поражения было бы невозможно.

Нужно сказать, что у Николая есть все основания скрывать обстоятельства этого сражения от своего народа. Ни разу еще со времени Нарвской битвы русское оружие не испытало такой крупной неудачи. А если принять во внимание огромную разницу между русскими под Нарвой и русскими под Инкерманом, между необученными полчищами 1700 г. и вымуштрованной армией 1854 г., следует признать, что, по сравнению, Нарва кажется блестящей страницей в военной истории России. Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях. Инкерман представляется некоторым симптомом упадка в тепличном развитии, пережитом Россией со времен Петра Великого. Искусственный рост и постоянные усилия, которые делались, чтобы поддерживать внешний блеск цивилизации при варварском уровне страны, по-видимому, уже истощили се и заразили ее своего рода чахоткой. Во всех битвах нынешнего столетия, от Аустерлица и Эйлау[305] до Силистрии, русские показали себя отличными солдатами. Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти поражения, может быть, накладывали пятно на репутацию полководцев, но отнюдь не на честь армии. Теперь же положение совершенно изменилось. Если Балаклава доказала превосходство кавалерии союзников, если осада Севастополя в целом доказывает огромное превосходство их артиллерии, то русская пехота до последнего времени сохраняла свою добрую славу. *Инкерман внес ясность и в этот вопрос.* Как ни странно, русская пехота утратила свою репутацию в битве, в которой каждый русский пехотинец в отдельности дрался, может быть, храбрее, чем когда-либо. Безграничная посредственность, которая была основной отличительной чертой всех операций этой войны как со стороны русских, так и со стороны союзников, нигде еще не проявлялась столь ярко. Каждый маневр и каждый предпринимавшийся шаг приводил к результату, прямо противоположному тому, на

который он был рассчитан. Затевается coup de main*, но он превращается в целую кампанию, и даже в зимнюю кампанию. Дается сражение, но плоды победы скоротечны и ускользают из рук победителей менее, чем через неделю. Ведется бой за открытый город с использованием тяжелой осадной артиллерии, но прежде чем доставлен осадный парк, открытый город превращается в первоклассный укрепленный лагерь. Начинается осада; и в тот момент, когда она уже близка к успеху, от нее приходится отказаться, потому что подходит полевая армия, армия, которая вместо того, чтобы одержать победу, терпит поражение. Укрепленная позиция, занятая для борьбы с этой полевой армией, в силу своей малой протяженности превращается для полевой армии в средство обращения осаждающих в осажденных! Так уходит десять недель на ряд усилий, боев, земляных работ, планов и контрпланов; наступает зима, и оказывается, что обе армии, особенно же армия союзников, совершенно к ней не подготовлены; и единственный результат всего этого — колоссальные потери с обеих сторон, а исход кампании по-прежнему далек и неясен.

Силы союзников, переброшенные в Крым, начиная с первой высадки войск и до 5 ноября, не превышали 25000 англичан, 35000 французов и 10000 — 15000 турок, то есть от 70000 до 75000 человек в общей сложности. Когда экспедиция началась, из Англии и Франции пополнений больше не ждали; несколько батальонов и эскадронов находилось в пути, но в вышеприведенные данные они уже включены. Если и удалось в короткий срок подтянуть еще какие-либо войска, то это могли быть только турки; а к туркам, несмотря на Четате и Силистрию, ни командиры, ни войска союзников никогда не питали никакого доверия. Таким образом, по-настоящему надежной частью экспедиционных сил являются 60000 французов и англичан, и только их, в сущности, и следует принимать в расчет. Однако для целой кампании эта армия была слишком мала, а для coup de main — слишком велика. Ее невозможно было быстро погрузить на суда; нескольких месяцев, ушедших на приготовления, было достаточно, чтобы насторожить русских; и если присутствие австрийцев гарантировало Дунайские княжества и Болгарию от нападения русских, оно также гарантировало Бессарабию и Одессу от *всякой* серьезной опасности; ведь позиция австрийцев находилась на фланге и в тылу обоих этих операционных направлений, и поэтому никакая армия не могла бы продвинуться вперёд без того, чтобы не оказаться у них под ударом.

* — внезапный удар. *Ред.*

Таким образом, русские, по-видимому, были уверены, что все эти приготовления направлены против Севастополя; помимо него сколько-нибудь серьезная опасность грозила только Херсону и Николаеву — этим верфям русского флота. Поэтому было ясно, что приготовления русских в Крыму наверняка будут шаг за шагом следовать за приготовлениями союзников. И так оно и было, пока, наконец, намечавшийся coup de main не превратился в настоящую кампанию, осуществляемую, впрочем, — это явствовало уже из того, как она была начата, — крайне неправильно.

Союзники впервые начали постигать истинное положение вещей, когда на Альме им пришлось дать русским отойти с поля битвы в полном порядке, несмотря на то, что они были атакованы значительно превосходящими силами; первоначальный план расстроился, внезапный удар сорвался, возникла необходимость подготовиться к случайностям иного порядка. Тут начались колебания; дни растрачивались понапрасну; наконец было решено идти на Балаклаву, и преимущества сильной оборонительной позиции взяли верх над возможностью быстрого овладения Северной стороной Севастополя, господствующей над городом и являвшейся поэтому пунктом решающего значения. В то же самое время Меншиков совершил примерно такие же ошибки, предприняв свой поспешный марш к Севастополю и не менее поспешный контрмарш к Бахчисараю. Затем последовала осада. Прошло девятнадцать дней, прежде чем батареи первой параллели смогли открыть огонь, и с тех пор положение сторон оставалось примерно равным. Осада осуществлялась крайне медленно и все же отнюдь не верно. Тяжелая работа в траншеях, утомительная служба боевого охранения губительно сказывались на людях, уже ослабленных влиянием непривычного для них климата и смертоносной эпидемией, поэтому ряды союзников редели с неимоверной быстротой. Их генералы, которые рассчитывали в худшем случае на обычный урон, неизбежный в военных кампаниях, были обескуражены столь чрезмерными потерями. А медицинская и интендантская службы, особенно у англичан, оказались в полнейшем беспорядке. Со своих позиций союзники видели богатую Байдарскую долину, где в изобилии имелись крайне нужные им припасы; однако проникнуть туда они не решались. Они не могли рассчитывать на быстрое прибытие подкреплений, а русские подходили со всех сторон. Тут произошло сражение 25 октября. Русские одержали верх, треть кавалерии союзников была уничтожена. Затем последовало сражение 5 ноября, в котором русских оттеснили, но союзники понесли такие потери, каких им вторично было

не выдержать. С тех пор и полевая армия русских и осаждающая армия союзников проявляют пассивность. Осада Севастополя, если она вообще осуществляется, ведется pro forma*. Вряд ли кто станет утверждать, что тот вялый, беспорядочный огонь, который союзники ведут с 5 ноября, способен нанести какой-либо ущерб оборонительным сооружениям города или даже помешать русским восстанавливать то, что было разрушено до этого. Если осада будет возобновлена, ее наверняка придется" начинать заново, с той лишь разницей, что батареи союзников, возможно, будут выдвинуты на несколько сот ярдов ближе к укреплениям, чем в начале первой осады, если только огонь из города в сочетании с непрерывными атаками со стороны Инкермана не окажется сильнее огня союзников и не уничтожит их более выдвинутые батареи.

И вот теперь, в начале декабря, союзники оказались в краю холодных зим, плохо снабженные одеждой и оборудованием, которое помогло бы им пережить это ненастное время года; ослабленные, несмотря на все полученные и еще находящиеся в пути подкрепления; понесшие огромные потери людьми; втянутые в борьбу за достижение таких целей и такими методами, о которых они и не предполагали и к которым они совершенно не подготовлены; не добившиеся ничего, ровным счетом ничего, кроме сознания индивидуального и тактического превосходства своих солдат над солдатами противника. В настоящее время они, должно быть, уже получили подкрепление в количестве 20000 солдат, главным образом французских, и ожидают новых пополнений; но если вспомнить, какими трудностями и проволочками сопровождалась первая переброска союзников в Турцию, если вспомнить также, что почти все транспорты, использовавшиеся для перевозки первой армии, были задержаны и что для войск, отправляемых на Восток в настоящее время, нужно найти новые суда, то можно заключить, что в течение некоторого времени после прибытия вышеупомянутых 20000 солдат крымская армия не получит существенных пополнений. Таким образом, силы союзников теперь составляют приблизительно 55000—60000 человек, из которых треть еще совсем недавно вела уютную гарнизонную жизнь и будет вынуждена перенести суровые испытания, прежде чем она привыкнет к лишениям бивачной жизни под зимним крымским небом. На деле, после катастрофы, постигшей английские и французские транспорты во время ужасного шторма 14 ноября, эти пополнения могут оказаться не столько усилением для

* — для вида, формально. *Ред.*

армии, сколько обузой. Однако нельзя утверждать, что эта катастрофа принадлежит к разряду тех роковых непреодолимых бедствий, которые даже при самом тщательном составлении планов нельзя было ни предусмотреть, ни предотвратить. Шторм 14 ноября был вполне, естественным в это время года явлением, и то же можно сказать о бедствии, постигшем флот союзников. Самое время отплытия крымской экспедиции, после трех месяцев томительных и непонятных проволочек, сулило бури и крушения, гибель судов, экипажей, солдат и припасов. Более того, организаторов этой необычайной кампании неоднократно предупреждали о несчастных случаях, неизменно сопровождающих плавание по Черному морю в это время года. Следовательно, они и несут ответственность за все, даже за катастрофу 14 ноября, явившуюся для войск союзников пугающим напоминанием об участи, постигшей армию Наполеона во время его московского похода. Лондонская газета «Times» полагает, что 14 ноября союзники потеряли в разных пунктах Крыма тысячу человек, «не считая тех, которые попали в руки к казакам». По сообщениям той же газеты,

«прекрасный новый винтовой пароход «Принс», водоизмещением в 2700 тонн, отплыл на днях в Балаклаву, имея на борту 46-й полк, всю зимнюю одежду для войск, ведущих осаду, в том числе 40000 шинелей, фланелевые костюмы, белье, носки и перчатки, говядину, свинину и прочие припасы, лазаретное имущество для Скутари и большое количество ядер и снарядов для продолжения осады. Все это погибло. Затонул также «Резолют» с 900 тонн пороха. По-видимому, в один момент было уничтожено все необходимое для продолжения осады и для защиты войск от суровой зимы; и даже если просто удовлетвориться тем, чтобы удержать позицию на высотах перед Севастополем, то все же мы не в состоянии справиться, это совершенно ясно, с нашим злейшим врагом — с наступающей зимой».

Хотя Крым является почти обособленной частью Российской империи и хотя войска, посланные против армии союзников, не смогли их вытеснить, когда их было только 35000, никто не станет утверждать, что эти 60000 союзных войск достаточно сильны, чтобы устоять против всех войск, какие Россия может выставить против них в будущем. У русских в Крыму имеется шесть пехотных дивизий и одна резервная, то есть около 100 батальонов (помимо морской пехоты и матросов, которых мы не принимали в расчет ни для той, ни для другой стороны). Эти 100 батальонов, половина которых провела убийственную 18-месячную кампанию на Дунае, едва ли насчитывают больше, чем 50000—60000 солдат; все русские полевые войска, включая кавалерию, полевую артиллерию и казаков, превосходят силы союзников лишь на каких-нибудь 10000—15000 человек. Но

если правда, что к Перекопу движется корпус Лидерса, или еще 49 батальонов, то есть от 20000 до 25000 солдат (ибо они тоже оставили треть своего людского состава на Дунае), если в том же направлении сосредоточиваются еще какие-нибудь резервы из новых формирований, русским может очень скоро представиться удобный случай нанести решительный удар, а поскольку превосходство моральное, физическое и тактическое лишь недолго остается таковым против численного перевеса при более или менее равносильном командовании, исход кампании можно считать весьма сомнительным. С другой стороны, если необычайно суровая зима прервет всякие военные действия, то армии союзников ее заведомо не смогут выдержать.

Этот обзор положения дел в Крыму только оправдывает сомнение и недоверие, с которым мы встретили известие о том, что Австрия присоединилась к западным державам. Ясно, что подробно изложенные нами обстоятельства не такого порядка, чтобы вывести венский кабинет из обычного для него состояния нерешительности; с другой стороны, непрочное положение британского кабинета и необходимость замаскировать огромную неудачу на Востоке видимостью каких-то других серьезных достижений, являются вполне достаточным основанием для того, чтобы раздуть значение скромного соглашения, превратив его в грандиозный наступательно-оборонительный союз[306]. Возможно, что в этом мы ошибаемся; но нашим читателям известны причины того, почему мы придерживаемся такого мнения, и время покажет, является ли это хваленое присоединение Австрии к союзникам фактом или уловкой, специально предназначенной для использования на ближайшей сессии парламента.

Написано Ф. Энгельсом 4 декабря 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4272, 27 декабря 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Солнце Аустерлица закатилось. Перед Севастополем в день празднования 2 декабря[307] должно было произойти крупное сражение; об этом конфиденциально было сообщено и в Париже этого ждали, но, согласно донесению генерала Канробера от 3 декабря,

«дождь лил ручьями, движение по дорогам было прервано, траншеи наполнились водой, и осадные работы, как и все прочие, были приостановлены».

До сего времени русские наступали, а союзники оборонялись, причем первые имели численное превосходство на Черной речке, а у стен Севастополя было обратное. Другими словами, русские были достаточно сильны на Черной, чтобы удерживать в своих руках инициативу, союзники же нет, хотя и были в состоянии удержать свои позиции; между тем у Севастополя союзники, достаточно сильные, чтобы вести осаду, имели против себя равный по численности гарнизон, так что военные действия, хотя и не были прекращены осаждающими, все же велись с едва заметным успехом. Соотношение сил, по-видимому, скоро изменится; союзники, очевидно, уже скоро будут достаточно сильны, чтобы отбросить русских от Черной. В этом случае русские, которые потеряли свои позиции выше Инкермана, могут действовать двояко. Либо они пойдут в обход и остановятся в защищенном окопами лагере около Северного форта, либо со своими главными силами отступят в глубь страны, куда союзники не смогут далеко за ними следовать. Союзники едва ли успеют раньше февраля накопить необходимые силы,

чтобы обложить северный лагерь или преследовать отступающую армию за Бахчисарай. Едва ли они окажутся в состоянии дать второе сражение армии, окопавшейся где-нибудь в районе Симферополя. И в том и в другом случае им придется отступить обратно на Черную, и это чередование наступления и отступления, вероятно, продолжится всю зиму, если только Севастополь не падет в результате штурма южной стороны. Но так как сведения об осаде, доставленные нам пароходом «Атлантик», весьма скудны, мы только можем сказать по этому вопросу, что это представляется мало вероятным. В самом деле, из донесения от 7 декабря, опубликованного в парижской газете «Moniteur» и перепечатанного в лондонских газетах, известно только, что союзные армии внезапно взяли верх и спустя всего два дня после потопа «почти закончили обложение города». Это подозрительное донесение явно было состряпано, чтобы исправить впечатление от неоправдавшегося пророчества относительно 2 декабря.

Не так давно мы опубликовали сведения об общей численности русской армии и ее расположении*. Мы тогда показали, что из этих почти трех четвертей миллиона солдат едва ли одна треть в настоящее время ведет боевые действия и что гораздо большая часть остальных двух третей используется для того, чтобы держать в страхе Австрию. Несмотря на подкрепления, посланные в Крым, дело с тех пор не изменилось сколько-нибудь значительно; 4-й корпус, корпус Данненберга, который пошел на выручку Севастополю, был взят из Дунайской армии, где он перед этим получил пополнение. Единственная существенная перемена в положении главной русской западной армии, как мы можем назвать армию приблизительно в 300000 человек, сосредоточенную на австрийской границе, состоит в том, что ее левое крыло несколько вытянулось по направлению к Бессарабии и среднему течению Днестра; в этом положении она может, в случае нужды, принять остатки Дунайской армии при отступлении последней из Бессарабии. Главная западная армия, кроме того, возможно, выделила пару дивизии для Крыма и небольшие подкрепления для Дунайской армии, но в общем ее численность осталась прежней; прибытие 3-й гвардейской дивизии из Ревеля и еще некоторых резервов уже, по-видимому, возместило эту убыль.

Дунайскую армию, однако, можно считать совершенно расстроенной и низведенной до положения чисто демонстрационного корпуса, расположенного в Бессарабии для того,

* См. настоящий том, стр. 532—536. *Ред.*

чтобы возможно дольше сохранить видимость русской оккупации. В результате отправки Липранди, а затем Данненберга эта армия лишилась всего четвертого корпуса (10-й, 11-й и 12-й дивизии); если исключить из оставшихся пяти дивизий (7-й, 8-й, 9-й, 14-й и 15-й) войска, необходимые для занятия побережья и несения гарнизонной службы в крепостях от Бендер и Измаила до Херсона и Николаева, и принимая во внимание громадные потери от двух дунайских кампаний, можно предположить, что эти пять дивизий не смогут выставить для ведения боевых действий более 15000 человек. Они расположены близ побережья и какую часть побережья ни взять, русская оборона, столь сильная внутри континента, здесь всюду крайне слаба. Нужно охранять многочисленные крепости и склады от нападений флота противника, и этим объясняется, что из 30000 или 35000 человек, составляющих эти пять дивизий, едва ли половиной можно располагать для боя.

Роспуск Дунайской армии, подобно большинству крупных стратегических мероприятий, предпринимаемых Россией (ибо грубые промахи обычно начинаются лишь при их *выполнении),* является весьма удачным шагом. С тех пор, как англо-французы по уши увязли в Крыму, русским на Дунае не противостоят никакие силы. Армия Омер-паши, едва достигающая 40000 человек в результате ущерба, понесенного в двух кампаниях, ни разу не получившая пополнения, настолько расстроена благодаря деятельности западноевропейской дипломатии, что ее едва хватило на то, чтобы обложить Измаил; тем более она не в состоянии выделить корпус, чтобы создать достаточное прикрытие для этой осады или отразить русских в условиях полевой войны. Кроме того, наступление на Бессарабию, которое явилось бы очень эффективной диверсией несколько месяцев тому назад, в настоящее время было бы беспредметным в военном отношении, поэтому армию Омер-паши сейчас направляют в Крым. Итак, единственной силой, которая могла бы угрожать русским на юго-западе, является австрийская армия численностью примерно в 270000 человек, которая занимает Галицию, Трансильванию и Молдавию. За этой армией нужно особенно пристально следить, ибо если она выступит против России, то придется оставить Бессарабию и даже весь район до Буга и вести боевые действия либо из базы наступательных действий в районе польских крепостей, либо из базы оборонительных действий в районе Киева и Днепра. В обоих случаях находящаяся на Дунае армия была бы отрезана и ей пришлось бы искать себе базу где-нибудь в южных степях, что нелегко сделать в местности, которая может прокормить много

лошадей и овец, но очень мало людей. С другой стороны, если Австрия станет на сторону России или обратит свои нейтральные штыки против Альп и Рейна, тогда или польская армия вступит в Германию в качестве резерва для австрийцев, предварительно послав сильный корпус на Дунай, или же крупные силы австрийцев выйдут на Дунай и отважатся на поход на Константинополь. И в том, и в другом случае излишне было бы держать на Дунае какую-либо отдельную армию, более сильную, чем простой демонстрационный корпус.

Что касается участия Австрии в этой войне, то мы, конечно, можем говорить об этом лишь весьма предположительно. Возвещенный с таким шумом союзный договор, который, как говорят, был заключен Австрией с Францией и Англией 2 декабря, оказывается, является лишь ловушкой, подстроенной для английского парламента, как мы и предупреждали читателей тотчас же, как только об этом договоре было объявлено.

В тронном адресе королевы о договоре сказано в следующих выражениях:

«Я с удовлетворением сообщаю вам, что совместно с французским императором заключила с императором Австрии договор, от которого ожидаю крупных преимуществ для общего дела».

Но Абердин, уступая настояниям лорда Дерби, вынужден был заявить:

«Мы лишь предлагаем отметить, что палата с удовлетворением узнала о заключении ее величеством договора, от которого она» (очевидно, надо иметь в виду старого Абердина) «ожидает важных выгод».

Большего удовлетворения от него добиться не удалось. В палате общин г-н Дизраэли заставил лорда Джона Рассела пойти на шаг дальше и откровенно сознаться, что договор о союзе, которым так хвастались, не является ни договором, ни союзом. Он открыто признал, что этот договор ни к чему не обязывает Австрию, в то же время вовлекая западные державы в наступательный и оборонительный союз с Австрией, *если* она пожелает объявить войну России, и обязывая их, кроме того, не позже конца года предложить России мирные условия на основе знаменитых четырех пунктов. В конце концов Австрия тогда могла бы «без какого-либо вероломства» освободить себя от союза, заявив «в последний момент», что она не согласна с толкованием, которое дают западные державы четырем пунктам. Результатом такого разъяснения знаменитого договора 2 декабря лордом Джоном Расселом было немедленное падение фондов как в Лондоне, так и в Париже.

Год тому назад коалиционное министерство утверждало, будто допустило синопскую бойню для того, чтобы добиться

союза с германскими государствами. Теперь с одним из этих государств заключается мнимый договор в качестве компенсации за гибель не турецкого флота, а британской армии. Нас даже заверяют в последних номерах немецких газет, что открытие британского парламента дало сигнал к новому появлению призрака венского совещания, которое готово еще раз пустить в ход свою громоздкую машину.

Однако поскольку Австрия, по словам лорда Джона Рассела, заявляет, что, возможно, она будет вовлечена в войну с Россией, поскольку на эту возможность указывает и факт расположения русской армии на австрийской границе, — мы можем предположить на минуту, что Австрия и остальная Германия, включая сюда даже Пруссию, намерены присоединиться к западным державам. Насколько готова Россия к подобной возможности?

Если в 1812 г. континентальные войска, брошенные против России, были гораздо слабее, чем те, которые она, возможно, увидит на своих границах в апреле или мае; если тогда Англия была ее союзником, а не противником, — то Россия, в свою очередь, может утешать себя мыслью, что чем многочисленнее армии, проникающие в глубь ее территории, тем больше шансов на их быструю гибель, и что, с другой стороны, она имеет теперь в три раза больше войск под ружьем, чем в то время.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что «святая Русь» несокрушима. Напротив, мы полагаем, что по своим военным ресурсам Австрия одна вполне может с ней помериться, а Австрия и Пруссия вместе, если принять в расчет чисто военные шансы, вполне в состоянии принудить ее к позорному миру. Сорок миллионов человек плотного населения в стране таких размеров, как Германия, с успехом могут состязаться с рассеянными по обширной территории шестьюдесятью миллионами русских подданных. Стратегический план нападения на Россию с запада был вполне ясно определен Наполеоном, и если бы он не был вынужден обстоятельствами нестратегического характера отклониться от этого плана, господству России и ее целостности угрожала бы серьезная опасность в 1812 году. План этот состоял в том, чтобы идти на Двину и Днепр, оборудовать здесь оборонительный рубеж, предусмотрев сооружение укреплений, складов и коммуникаций, захватить русские крепости на Двине, а поход на Москву отложить до весны 1813 года. Уже в конце сезона он был вынужден оставить этот план из политических соображений, вследствие недовольства офицеров, протестовавших против зимних квартир в Литве, и из-за слепой веры

в свою непобедимость. Он пошел на Москву, и результат известен. Катастрофа была чрезвычайно усугублена плохой организацией французского интендантства и недостатком теплой одежды для солдат. Если бы на эти вещи было обращено больше внимания, Наполеон при отступлении оказался бы в Вильно во главе армии по численности в два раза большей чем та, которую могла против него выставить Россия. Его ошибки ясны; они вовсе не из тех, которые по самой своей природе неизбежны. Тот факт, что он дошел до Москвы, поход Карла XII на Полтаву доказывают, что страна доступна, хотя доступ в нее и труден. Что же касается содержания победоносной армии внутри страны, — то все зависит от протяженности операционной линии, а также от отдаленности и безопасности баз. Операционная линия Наполеона от Рейна до Эйлау и Фридланда, если рассматривать се с точки зрения ущерба, который приносят активности армии длинные операционные линии, будет равна линии от Брест-Литовска (допуская, что польские крепости будут взяты в течение первого года) до Москвы. И в этом предположении не принято еще в расчет то обстоятельство, что непосредственная операционная база выдвинется к Витебску, Могилеву и Смоленску; без этих подготовительных действий поход на Москву безусловно был бы рискованным.

Россия безусловно имеет редкое население, но мы не должны забывать, что центральные провинции — самое сердце русской нации и ее оплот — имеют население, равное населению Центральной Европы. В Польше, то есть в пяти губерниях, составляющих русское Царство Польское, в среднем плотность населения та же. Наиболее населенная часть России— Московская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Калужская, Ярославская, Смоленская и другие губернии — составляют сердце Великороссии и образуют компактное целое; продолжением их на юге служат также густо населенные малороссийские губернии — Киевская, Полтавская, Черниговская, Воронежская и другие. Всего таких провинций, или губерний, двадцать девять; плотность населения в них наполовину меньше, чем в Германии. Население очень редко лишь в восточных и северных губерниях и в южных степях, частью также на западе в бывших польских губерниях — Минской, Могилевской и Гродненской — из-за обширных болот, лежащих между Бугом (польским) и Днестром. Но наступающей армии, имеющей в своем тылу хлебородные равнины Польши, Волыни и Подолии, а впереди и на театре военных действий поля Центральной России, нечего опасаться за свое пропитание, если она более или менее хорошо наладит дело снабжения и научится от самих

русских, как использовать местные транспортные средства. Что касается уничтожения отступающей армией всех ресурсов, как это было в 1812 г., такая вещь возможна лишь вдоль одного операционного направления и в непосредственном соседство с ним; если бы Наполеон из-за своего торопливого наступления от Смоленска не связал себя крайне коротким сроком, в течение которого предполагал закончить кампанию, то он нашел бы вокруг себя обилие продовольственных ресурсов. Но так как он спешил, то не мог вследствие этого получить достаточно продовольствия в местности, расположенной на незначительном расстоянии от линии похода, а его команды фуражиров тогда, по-видимому, действительно боялись далеко проникать в глубь громадных хвойных лесов, отделяющих одно селение от другого. Армия, которая сможет выделить сильные кавалерийские части для добычи продовольствия и будет использовать многочисленные местные телеги и повозки, сможет снабдить себя всеми необходимыми видами продовольствия; и едва ли Москва будет сожжена еще раз. Но даже и в таком случае отступлению к Смоленску нельзя было бы помешать, а там армия нашла бы для себя хорошо подготовленную операционную базу, снабженную всем необходимым.

Но не только военные вопросы приходится здесь рассматривать. Подобная война должна быть доведена до конца политическими действиями. Возможно, что объявление Германией войны России явилось бы сигналом к восстановлению Польши самой Россией. Николай не расстался бы, конечно, с литовскими и белорусскими провинциями; но Царство Польское, Галиция, Познань и, может быть, Западная и Восточная Пруссия могли бы образовать королевство вполне приличных размеров. Но кто скажет, насколько долговечным может оказаться такое восстановление Польши? Одно несомненно: со всем тем показным энтузиазмом по отношению к Польше, которым в течение последних сорока лет щеголял всякий и каждый, называвший себя либеральным и прогрессивным деятелем, было бы покончено. Затем последовал бы наверняка призыв России к Венгрии; и если мадьяры будут колебаться, мы не должны забывать, что две трети населения Венгрии состоит из славян, которые смотрят на мадьяр, как на правящую и захватившую власть аристократию. С другой стороны, Австрия в таком случае, не колеблясь, восстановила бы старую венгерскую конституцию, с тем чтобы тем самым стереть Венгрию с карты революционной Европы.

Все это в достаточной мере показывает, какие широкие перспективы военного и политического значения открыло бы

вступление Австрии в западный союз и возможность войны всей Европы против России. Если предположить обратное, то весной, вероятно, можно будет увидеть полтора миллиона солдат, выстроенных против западных держав, и австро-прусскую армию, походным порядком двигающуюся к французской границе. И тогда уж наверняка дело войны будет изъято из рук теперешних ее руководителей.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
14—15 декабря 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4276, 1 января 1855 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ СИЛЫ АВСТРИИ

Любопытно, что английская пресса, за последние шесть месяцев занимавшаяся исключительно позицией Австрии, ни разу не удосужилась сообщить нам какие-либо точные данные о фактических военных силах, которые Австрия сможет бросить на чашу весов в тот момент, когда она сочтет нужным определить свою политическую линию. Мнение лондонских ежедневных газет разделилось по вопросу о том, что предпочтительнее: союз с Австрией или открытый разрыв с ней. Но эти газеты, представляющие общественное мнение нации, которая гордо провозглашает себя самой практичной в мире, ни разу не снизошли до того, чтобы заняться изучением тех деталей и статистических цифр, которые составляют основу всякого разумно принятого решения не только в торговле или в политической экономии, но и в области государственной политики. В самом деле, можно подумать, что английской прессой руководят люди, такие же некомпетентные в своей области, как те британские офицеры, которые полагают, что покупкой офицерского чина они сделали все, чего требует от них воинский долг. Одна газета утверждает, что союз с Австрией необходимо поддерживать во что бы то ни стало и при любых обстоятельствах, потому что Австрия обладает огромной военной мощью. Другая заявляет, что союз с Австрией более чем бесполезен, потому что все ее силы уходят на подавление венгров, поляков и итальянцев. Но ни та, ни другая не потрудились узнать, какова же реальная военная сила Австрии.

В 1849 г. австрийская армия, обладавшая ранее громоздкой и крайне устарелой системой управления, была коренным

образом реорганизована. Этому способствовали в равной степени и поражения в Венгрии и победы в Италии. Управление избавилось от старинных традиционных ограничений. Армия страны, только что подавившей революцию в столице и гражданскую войну в провинции, была буквально переведена на положение военного времени. С успехом было проведено распределение воинских сил на постоянные бригады, дивизии и корпуса, как это было при Наполеоне и как это сейчас имеет место в кадровой армии России. Во время итальянской и венгерской кампаний 77 полков пехоты, не считая стрелковых частей, и 40 полков кавалерии были разбросаны так, что часть батальонов одного полка и даже часть рот одного батальона находилась в Италии, а другая в Венгрии. Теперь их объединили и свели в постоянные части и соединения, чтобы не допустить подобного беспорядка и обеспечить нормальное осуществление управления войсками. По этому новому плану австрийские военные силы, состоящие из двенадцати армейских корпусов и двух кавалерийских корпусов, сведены в четыре армии. Каждая армия имеет не только все три рода войск, но и вполне самостоятельный административно-хозяйственный персонал и снабжена материальной частью в мере, обеспечивающей постоянную готовность к действиям. Первая армия в составе 1-го, 2-го и 9-го армейских корпусов обычно расположена в немецких провинциях империи; вторая армия в составе 5-го, 6-го, 7-го и 8-го армейских корпусов и 2-го кавалерийского корпуса и третья армия в составе 10-го, 11-го и 12-го армейских корпусов и 1-го кавалерийского корпуса обычно занимают венгерские и славянские провинции; а четвертая армия в составе лишь одного 4-го армейского корпуса находится в Италии.

Каждый армейский корпус имеет в своем составе две или три пехотных дивизии, одну или две кавалерийских бригады, четыре батареи артиллерии резерва, а также необходимые подразделения понтоньеров, интендантские и медицинские кадры. Кавалерийский корпус состоит из двух дивизий, что равно четырем кавалерийским бригадам или же восьми кавалерийским полкам, при соответственном количестве батарей легкой артиллерии. Пехотная дивизия состоит из двух бригад по пять батальонов и одной батарее пешей артиллерии в каждой и от двух до четырех эскадронов кавалерии.

Таким образом, все военные силы, как мы говорили выше, состоят из семидесяти семи пехотных полков, не считая стрелковых частей, сорока кавалерийских полков и четырнадцати полков полевой артиллерии, не считая крепостной артиллерии, инженеров, саперов и т. д. Пехота состоит из шестидесяти двух

линейных полков, четырнадцати полков пограничной пехоты, одного полка и двадцати пяти батальонов стрелков. Линейный полк имеет в своем составе пять строевых и один учебно-запасной батальон, или двадцать восемь строевых и четыре учебно-запасных роты. Строевая рота насчитывает двести двадцать, учебно-запасная — сто тридцать человек. Таким образом, линейный полк должен насчитывать в своих пяти строевых батальонах 5964 человека; а в 62 полках, и включая запасные части, должно быть всего 369800 человек. Пограничная пехота насчитывает четырнадцать полков с двумя строевыми и одним запасным батальонами в каждом, что равняется двенадцати строевым и четырем запасным ротам. Строевая рота имеет в своем составе 242 человека, в том числе 22 стрелка. Таким образом, пограничный полк насчитывает 3850 человек, вся численность четырнадцати полков составляет 55200. Стрелки, или егеря, составляют один семибатальонный полк — 32 роты, в том числе учебно-запасные, и 25 батальонов — 125 рот, включая и учебно-запасные; при численности каждой роты в 202 человека общая сумма стрелков достигает 32500. Таким образом, общая численность равняется 470000 человек.

Австрийская кавалерия состоит из 16 тяжелых полков (8 кирасирских и 8 драгунских) и 24 легких полков (12 гусарских и 12 уланских). При комплектовании кавалерии были весьма удачно использованы характерные особенности различных национальностей, населяющих Австрийскую империю. Кирасиры и драгуны почти исключительно являются немцами и чехами; гусары все венгры, а уланы — поляки. В пехоте подобное распределение особых выгод не представляет. Как правило, из немцев и венгров формируются отборные гренадерские батальоны, а из тирольцев (немецких и итальянских) и уроженцев Штирии — стрелковые; пограничная пехота в подавляющем большинстве составляется из хорват и сербов, которые столь же хорошо приспособлены к службе в легкой пехоте.

Тяжелая кавалерия в каждом полку имеет шесть строевых эскадронов при одном учебно-запасном эскадроне, причем эскадрон насчитывает 194 человека. В каждом полку легкой кавалерии имеется восемь строевых и один учебно-запасной эскадрон, а в каждом эскадроне — 227 человек. Во всей кавалерии, не считая учебно-запасных подразделений, насчитывается 62500 человек, а вместе с этими подразделениями — 67000 человек.

Артиллерия состоит из двенадцати полков полевой артиллерии, одного полка береговой артиллерии и одного ракетного полка. Австрийцы не имеют конной артиллерии. В тех артилле-

рийских частях, которые называются у них конными, орудийная прислуга перевозится в повозках. Каждый полк полевой артиллерии имеет четыре батареи конной артиллерии (шестифунтовых орудий) и семь батарей пешей артиллерии (четыре шестифунтовых и три двенадцатифунтовых), не считая запасных рот. В каждой батарее восемь орудий. Полк береговой артиллерии не имеет постоянных батарей, он разделен на батальоны и роты и используется для несения гарнизонной службы в береговых крепостях. Ракетный полк состоит из 18 батарей с восемью станками в каждой. Таким образом, в целом австрийская артиллерия имеет 1056 пушек и 144 ракетных станка. Сверх этого в восьми батальонах гарнизонной артиллерии состоит около 10400 человек и 4500 человек в технических подразделениях. Численность инженерных войск составляет примерно 16700 человек.

Помимо этих строевых, запасных и гарнизонных войск в Австрии существуют отдельные части и подразделения, организованные для выполнения специальной службы; они, хотя и не используются в качестве строевых, делают ненужным привлечение строевых солдат для выполнения подсобных работ, в результате чего батальоны нередко превращались в роты, а кавалерийские полки в эскадроны. Таковы три санитарных батальона, обозные войска и при каждом армейском корпусе отряд кавалерии, солдаты которого используются в качестве ординарцев. Этот порядок совсем недавно введен и в английской армии, когда был сформирован корпус штабной кавалерии. Полная численность строевых частей австрийской армии составляет приблизительно 476000 человек при 1140 орудиях; вместе с учебно-запасными подразделениями, техническими войсками, штабами, гарнизонами и полицейскими силами (жандармерия) численность австрийской армии составляет примерно 620000 человек.

Австрийский солдат служит восемь лет, числясь после этого два года в запасе. При таком порядке всегда имеется наготове резерв, который в случае войны может быть призван в количестве почти 120000 человек. На Военной границе каждый граничар[308] должен служить с двадцати- до пятидесятилетнего возраста. Следовательно, численность пограничной пехоты, кадровые части которой имеют в своих рядах 55000 человек, можно увеличить до 150000—200000 человек. В течение 1849 г. под ружьем находилось по меньшей мере 150000 граничар. Но тогда на Военной границе осталось так мало людей, что женщинам пришлось выполнять все сельскохозяйственные работы.

Подводя итог приведенным данным, за точность которых мы ручаемся, можно сказать, что военная организация Австрии позволяет ей начать кампанию, располагая сразу армией в 600000 человек, из которых 300000 человек, самое большее, могут быть сосредоточены в любом пункте; в то же время под ружье может быть поставлен запас в количестве около 200000 старых солдат без каких-либо экстренных наборов и без особого ущерба для производительных сил страны.

Структура русской армии задумана так, что позволяет вовлечь в ряды армии гораздо большие массы людей. Но население России составляет 60000000, Австрии — 40000000, а мы только что видели, что Австрия, лишь призвав запас, может увеличить свою армию до 800000 и более, в то время как Россия для того, чтобы получить такое же количество, вынуждена была не только ввести в действие все резервы, но и произвести новый набор, равный четырем нормальным годовым призывам.

Написано Ф. Энгельсом 21 декабря 1854 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4281, 8 января 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА КРЫМСКУЮ КАМПАНИЮ [309]

Лондон, 29 декабря.

«Встреча графа Буоля, г-на Буркене и князя Горчакова в доме графа Уэстморленда, английского посла в Вене, имела единственной целью доставить русскому царю *желанную* информацию о значении тройственного союза, заключенного 2 декабря, и о предварительных условиях, при которых три великие державы готовы начать переговоры на основе четырех пунктов. Князь Горчаков тотчас же доложил в Петербург о собранных сведениях. Принятие предварительных условий царем или их отклонение им должно последовать в ближайшие дни. Начало нового года будет отмечено решительным поворотом в ходе событий».

Так пишет «Morning Post», частный moniteur[*] лорда Пальмерстона. А орган тори, газета «Press» пишет:

«Венские переговоры призваны дать Австрии новый предлог для того, чтобы оттянуть окончательный ответ западным державам относительно срока, установленного договором от 2 декабря».

Но решающее значение имеет, пожалуй, тот факт, что, пока политики в передовых статьях ежедневных и еженедельных газет демонстрируют по поводу нового венского совещания[310] свою государственную премудрость, деловые люди в биржевых статьях тех же органов печати просто называют его «фарсом». Так поступает, например, финансовый обозреватель, автор money article[**] в сегодняшнем номере «Morning Post». И в са-

[*] — вестник. *Ред.*
[**] — статьи о денежном рынке. Ред.

ДУНАЙСКИЙ, КРЫМСКИЙ, КАВКАЗСКИЙ ТЕАТРЫ ВОЙНЫ

Границы государств

Границы автономных провинций

75 0 75 150 км

20 30 40

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (ТУРЕЦКАЯ)
ПЕРСИЯ
ГРЕЦИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Ионическое море
БЕССАРАБИЯ
МОЛДАВИЯ
ВАЛАХИЯ
БАНАТ
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
ДОБРУДЖА
ЧЕРНОГОРИЯ
АЛБАНИЯ
МАКЕДОНИЯ
ФРАКИЯ
ЭПИР
ФЕССАЛИЯ
ДЕЛОНИЯ
ЭТОЛИЯ
БЕОТИЯ
АТТИКА
ПЕЛОПОННЕС
КРЫМ
БОЛЬШОЙ КАВКАЗ
ЗАКАВКАЗЬЕ
ПОНТИЙСКИЕ ГОРЫ
ГОРЫ ТАВР
АРМЯНСКИЙ ТАВР
АНАТОЛИЯ
МАЛАЯ АЗИЯ
КАРПАТЫ

Будапешт
Белград
Оршова
Ниш
София
Скопле
Цетинье
Дураццо
Монастир
Салоники
Янина
Арта
Волос
Коринф
Триполис
Афины
Наварин
Хотин
Ботошаны
Яссы
Роман
Кишинев
Бендеры
Фокшаны
Галац
Рени
Измаил
Брайлов
Кымпина
Плоешти
Слатина
Слободзея
Яломица
Бухарест
Крайова
Четате
Видин
Калафат
Карадла
Фрэтешти
Каракал
Журжево
Калараш
Олтеница
Туртукай
Силистрия
Гирсово
Черноводы
Расова
Кюстенджи
Расово
Никопол
Систов
Базарджик
Плевен
Шумла
Тырновиште
Девня
Варна
Тырново
Бургас
Филиппополь
Адрианополь
Константинополь
Родосто
Бейкоз
Скутари
Бруса
Адрамит
Смирна
Айдын
Денизли
Ангора
Сивас
Кайсери
Конья
Адана
Алеппо
Малатья
Муш
Эрзерум
Кепрюкей
Баязет
Карс
Ардаган
Артвин
Батум
Трапезунд
Синоп
Пендерекли
Одесса
Очаков
Херсон
Николаев
Перекоп
Геническ
Евпатория
Симферополь
Севастополь
Балаклава
Феодосия (Кафа)
Керчь
Анапа
Новороссийск
Мариуполь
Бердянск
Таганрог
Азов
Ейск
Екатеринодар
Майкоп
Ставрополь
Моздок
Владикавказ
Сухум-Кале
Редут-Кале
Поти
пост Св. Николая
Кутаис
Озургеты
Ахалцых
Тифлис
Ахалкалаки
Александрополь
Эривань
оз. Севан
оз. Ван
оз. Урмия
о. Андрос
о. Тинос
о. Гидрия
о. Сирос
о. Родос
Тисса
Марош
Дунай
Алюта
Бузэу
Серет
Прут
Днестр
Южный Буг
Днепр
Дон
Маныч
Кубань
Кума
Терек
Кура
Аракс
Морава
Тунджа
Марица
Камчик
Кызыл-Ирмак
Сакарья
Евфрат
Мурат
Тигр
Босфор
Дарданеллы
Галлиполи
Саросский зал.
Эносский зал.
Безикская бухта
Керченский пролив

мом деле, лондонская биржа так безразлично отнеслась к венскому событию, что известие о нем не дало повода даже для самых незначительных сделок ни «медведям», ни «бульдогам», ни пессимистам, ни оптимистам на stock exchange*. Небольшие колебания, наблюдавшиеся в котировке государственных бумаг за последние 3 дня, были связаны не с венской дипломатией, а с парижским бюджетом. Предполагают, что английские капиталисты примут участие в новом парижском займе в 500 миллионов франков и вызовут, таким образом, сокращение денежного рынка, состояние которого и так уже внушает тревогу в результате североамериканского кризиса *(болев значительного по своим размерам, чем кризис 1837* г.), последних неблагоприятных отчетов о положении дел в Ост-Индии, роста цен на хлеб и нескольких неожиданно крупных банкротств в Лондоне и Ливерпуле. Если не русский император, то английское министерство во всяком случае находится в плену мирных иллюзий. В большую войну с Францией в прошлом столетии английский народ был втянут своей олигархией. Нынешнюю войну с Россией английскую олигархию заставил начать народ. Во всех дипломатических, военных и финансовых шагах, предпринимаемых олигархией, сказывается нежелание вести эту навязанную ей войну. Даже последнее мероприятие министерства — билль о создании иностранного легиона[311] — имело целью прежде всего *«отбить охоту»* к этой войне у англичан. Не могло быть и речи о том, что источники вербовки солдат исчерпаны в стране, из которой ежегодно эмигрирует более 100000 здоровых мужчин, причем эта эмиграция оказывает лишь мимолетное влияние на уровень заработной платы. Не могло также быть речи о каком-либо внезапно понадобившемся чрезвычайном подвозе вспомогательных войск, поскольку мероприятия министерства не были рассчитаны ни на внезапную, ни на чрезвычайную помощь. Проведенный через палату в мае билль о милиции[312] давал министерству возможность только в Англии и Уэльсе набрать 80000 солдат милиции, и опыт показал, что во всех сформированных весной полках более четверти добровольцев перешло на действительную службу; между тем до начала декабря правительство сформировало только 18 полков милиции (около 13500 человек). Известно, что англичане всегда — и во времена Карла I, и при Вильгельме III, и при первых Георгах, и, наконец, во время великой антиякобинской войны — протестовали против ввоза в Велико-

* — бирже. *Ред.*

британию иностранных наемных солдат. Но чтобы использование иностранных солдат за пределами Англии вызвало такую бурю негодования — это явление новое и неслыханное в английской истории. Именно этот факт доказывает *совершенно особый характер* нынешней войны, отличающий ее от всех прежних войн, которые Англия вела в современную эпоху. Вот почему правящая аристократия умышленно обращается к призраку прошлого, к практике своих старых вербовщиков, покупавших солдат на *самом дешевом* рынке. Она делает это, хотя совершенно не уверена, — как в этом *признался* Сидни Герберт в палате общин, — в *успехе* предложенного мероприятия. Она делает это, следовательно, не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы подготовить мир. Чтобы создать требуемую *английскую* армию, правительство должно было бы в настоящее время повысить жалованье солдатам, отменить телесные наказания, пообещать продвижение по службе, начиная с рядовых, короче говоря — демократизировать армию и превратить ее из своей собственности в собственность нации.

«До сих пор», — пишет сегодня «Times», — «во время войны, как и в мирное время, армия была лишь органом правительства для продвижения по службе аристократов и для поддержки очередного министерства».

И здесь мы подходим к решающему пункту. *Война с Россией* означает для английской аристократии *утрату ее правительственной монополии.* Вынужденная с 1830 г. проводить внутреннюю политику исключительно в интересах промышленной и торговой буржуазии, английская аристократия, тем не менее, удерживала за собой все правительственные посты, поскольку она сохраняла монополию на *внешнюю* политику и армию. Эту монополию она, однако, может сохранять, лишь пока народная война — а такой войной может быть *только война против России* — не сделает внешнюю политику делом народа. Поэтому вся английская дипломатия в 1830—1854 гг. сводилась к одному принципу: *любой* ценой избежать войны с Россией. Отсюда постоянные уступки, которые делались России в течение последних 24 лет в Турции, в Персии, в Афганистане, в Дании, да и во всех точках земного шара. Что расчеты аристократии были правильны» доказывают факты сегодняшнего дня. Едва началась война с Россией, как сама газета «Times» уже заявляет:

«Аристократия не способна вести наши войны. Олигархическая государственная машина находится в резком противоречии с нашим общественным механизмом».

II

Лондон, 1 января.

«Все ведомства нашего военного управления рухнули под бременем нынешней войны».

Так пишет сегодня «Times». В самом деле, если взглянуть на организацию военного управления или какого-либо другого органа управления в Англии, то кажется, что здесь наглядно хотели показать так называемый принцип конституционного равновесия сил. Различные органы так связаны между собой, что совершенно парализуют друг друга, и весь механизм обречен, таким образом, на бездействие. Поэтому могло случиться, что во время нынешней войны раненые находились в Балаклаве, военные врачи в Константинополе, а медикаменты в Скутари. Вот почему бунтует крымская армия против системы, которой она принесена в жертву; разве мы не можем назвать это бунтом, если военные всех званий, от полковника до рядового, нарушают дисциплину, посылают каждую неделю тысячи писем в лондонские газеты и громко апеллируют к общественному мнению на действия своих начальников? Лорда Раглана при этом несправедливо делают ответственным за положение, обусловленное самой системой. Ответственность он несет, но за военное руководство.

Бросая ретроспективный взгляд на крымскую кампанию, мы видим, что лорд Раглан совершил свою первую ошибку в сражении на Альме, приказав обойти не правый, а упиравшийся в море левый фланг русской армии. Обходом правого фланга часть русских была бы оттеснена к морю, другая часть — к Северному укреплению, в то время как теперь они фактически отброшены к Симферополю, то есть на наиболее выгодную для них линию отступления. Если в сражении на Альме союзники без нужды и цели пытались взять быка за рога, то именно тогда, когда этому благоприятствовали обстоятельства, у них не хватило решительности. Пресловутый «фланговый марш на Балаклаву» был отказом от нападения на северную сторону крепости. Но эта сторона является господствующей и потому представляет решающий пункт; Северное укрепление — ключ к Севастополю. Союзники, следовательно, отказались от более смелого и потому фактически сулящего успех нападения, чтобы обеспечить себе прочное оборонительное положение.

Эту же ошибку совершил Омер-паша, когда укрепился у Калафата, вместо того чтобы идти из Олтеницы на Бухарест и прорвать растянувшуюся линию противника. Затем началась

осада Севастополя, которая, во всяком случае, доказала, что в результате длительного мира военное искусство настолько же пошло назад, насколько — благодаря промышленному развитию — улучшились средства ведения войны. Ни в одной из прежних войн простые земляные укрепления не играли такой большой роли. Сначала у Олтеницы русские прибегли к старой системе — подвергли их канонаде в продолжение нескольких часов, а затем пошли на штурм. Но безуспешно. Под Калафатом земляные укрепления парализовали русских, которые не решились их атаковать. Под Силистрией наполовину разрушенное земляное укрепление свело на нет все усилия русской армии, и наконец в Севастополе линия земляных укреплений удостоилась обстрела из большего количества осадных батарей и более тяжелых артиллерийских орудий, чем это было когда-либо применено против самой совершенной крепости. Но прежде, чем были установлены осадные орудия, открытый город уже превратился в первоклассный укрепленный лагерь. Известно, что 25 октября в сражении под Балаклавой английская кавалерия была без всякой пользы и цели принесена в жертву в нарушение всех установленных правил военного искусства. Наконец, мы доходим до Инкерманского сражения, самого значительного события этой кампании. Как пруссаки при Йене, британские войска под Инкерманом занимали ряд высот, доступных с фронта только по нескольким дефиле. Подобно пруссакам, англичане не позаботились о том, чтобы занять возвышенность на своем крайнем левом фланге, на которую Меншиков, как Наполеон при Йене[313], бросил часть своей армии и таким образом еще до рассвета закрепился на неприятельском фланге. Русские, вообще не сторонники оригинального, заимствовали у Наполеона этот план операции, но лишь только стратегический маневр был закончен и должны были начаться тактические действия, маска западноевропейской цивилизации упала и обнаружился татарин. Эта блестящая русская армия с ее старыми воинами, многие из которых прослужили по двадцать пять лет, — этот образец плацпарадной муштры — оказалась столь беспомощной, неповоротливой, столь неспособной к схваткам рассыпным строем и к борьбе небольшими отрядами, что ее офицеры не могли сделать ничего другого, кроме как сразу обрушить эту тяжелую массу на неприятеля. Простого натиска этой массы должно было быть достаточно, чтобы прорвать плотные ряды англичан; однако, с одной стороны, эти густые колонны живых тел создавали условия для опустошительного действия огня английских ружей и пушек, а, с другой — когда русские, имея численное превосходство,

переходили в штыковую атаку, англичане принимали их удар с таким же превосходством, с каким наполеоновские каре в сражении у пирамид встречали мамелюков. 14000 союзников, потеряв третью часть своих войск, разбили 30000 русских, несмотря на то, что по общему признанию русские проявили в сражении личное мужество и план их нападения имел преимущество перед планом союзников. Ни разу еще со времени Нарвской битвы русское оружие не испытало такой неудачи. А если принять во внимание огромную разницу между русскими под Нарвой и русскими под Инкерманом, между необученными полчищами 1700 г. и вымуштрованной армией 1854 г., то сражение под Нарвой покажется блестящим по сравнению с инкерманским сражением. Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы. Инкерман представляется почти верным симптомом упадка в тепличном развитии, пережитом Россией со времени Петра Великого. Искусственно ускоренный рост и огромные усилия, которые делались, чтобы сохранить видимость блестящей цивилизации при полуварварском уровне страны, по-видимому, уже истощили нацию и вызвали у нее нечто вроде чахотки. Инкерманское сражение означает для русской пехоты то же, что для испанской — сражение при Рокруа[314].

Написано К. Марксом 29 декабря 1854 и 1 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 1 и 5, 2 и 4 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРЕССА И ВОЕННАЯ СИСТЕМА

Лондон, 3 января.

«Русский император», — сообщает корреспондент «Times» из лагеря под Севастополем, — «якобы вызвался отправить обратно в Англию на *одном-единственном* военном корабле все, что останется от нашей армии к началу мая».

Затем следует яркое описание смертности, нужды, беспорядка, разложения, царящих в английском лагере. Состояние армии является сейчас почти единственной темой передовых статей лондонских ежедневных газет.

«Британская армия», — пишет «Times», — «не является армией в военном смысле слова. Это — толпа храбрых людей, причем не более, как простая толпа, и даже хуже, поскольку ею командуют такие люди, которые не должны были бы ею командовать, и поэтому она лишена свойственной ей боеспособности... Командование британской армией под Севастополем носит чисто номинальный характер; более того, отличные офицеры уверяют, что армией могли бы командовать унтер-офицеры с неменьшим успехом, чем те люди, которые считаются ее командующими. Мы сознаем, что не так легко выбросить за борт преданных и честных людей, которые отягощены годами и имеют много почестей».

Но a la guerre comme a la guerre*.

«Если какому-нибудь министерству когда-либо представлялась возможность прибегнуть к такого рода насильственной мере, так это именно нынешнему министерству».

Почему?

«Потому что оно так упорно противилось объявлению войны». Поэтому «ему карты в руки, и оно не должно связывать себя необходимостью считаться с личностями».

* — на войне как на войне. *Ред.*

Хорошо ты рычишь, лев! Так как нынешнее министерство ведет войну против России помимо своей воли, то ошибки в ведении войны должны приписываться не ему, а только главнокомандующему, и публика должна понять, что не министерство мешает лорду Раглану, а лорд Раглан мешает министерству.

В то время как «Times» таким образом нападает на лорда Раглана, чтобы выгородить министерство, «Morning Chronicle», орган пилитов, нападает на «Times» якобы для того, чтобы защитить лорда Раглана, в действительности же для того, чтобы, поблагодарив «Times» за признание непогрешимости министерства, использовать это признание и в то же время произвести диверсию, инсценировав поединок между двумя правительственными газетами.

«Уныние», — пишет добропорядочная газета «Chronicle», — «овладевшее в последние дни общественным мнением, следует приписать, мы с прискорбием это отмечаем, исключительно влиянию «Times». События описываются в мрачных красках, бедствия преувеличены, заслуженная репутация наших генералов опорочена, забыто вошедшее в пословицу великодушие англичан по отношению к отсутствующим, и все это лишь ради сенсации, ради того, чтобы произвести эффект! Между тем вся ненависть, весь яд нападок обрушились главным образом на голову фельдмаршала Раглана... Бедственное положение, в котором с начала декабря находится крымская армия, хотя последние сообщения и звучат несколько более утешительно, должно быть приписано в первую очередь ужасному шторму 14 ноября».

И министерство столь великодушно, что не возлагает на лорда Раглана ответственность за шторм 14 ноября. Таким образом, ничего уже не остается, кроме погони «Times» за эффектом.

Обратимся теперь к той части лондонской прессы, которая представляет определенные, *особые* интересы *внутри* министерства — к газете «Daily News», являющейся с некоторого времени тайным органом *Пальмерстона,* и к газете «Morning Post», которая долгие годы является его официальным органом.

«Наши административные ведомства», — говорит «Daily News», — «почти не меняются, словно они принадлежат к эпохе мидян и персов. Любой непредвиденный кризис застает их врасплох. И даже перед лицом самого ужасного истребления человеческих жизней и имущества они редко преобразуются настолько, чтобы в будущем суметь справиться с подобными катастрофами... Это относится и к военному ведомству. Сколько было ожиданий, когда недавно был назначен главный военный министр! Но дело от этого даже на йоту не улучшилось. Должны ли мы винить в этом герцога Ньюкасла или же скорее нам следовало бы прибегнуть к реформе самой парализующей системы, при которой государственные функции всецело отданы в руки аристократии с ее мертвящим влиянием? — Каковы бы ни были заслуги герцога Ньюкасла, он не является тем *официальным Геркулесом,* который был бы способен покончить с этой системой. Но английский народ сумеет настоять на том, чтобы было сделано то, что герцог не способен сделать».

Газета «Daily Nows» еще новичок в своей роли органа министерства. К тому же она вынуждена считаться со своей буржуазной публикой. Все же, это ясно с первого взгляда, суть статьи в том, что требуется «официальный Геркулес». Но кто же этот официальный Геркулес? И как до него добраться? На это отвечает газета «Morning Post». Она пишет:

«Начать с нападок на лорда Раглана значит начать не с того конца. Лорд Раглан *выше* нападок «Times»... Все же в недостатках деятельности правительства внутри страны не приходится сомневаться... Возьмите, например, военное ведомство. Должно ли оно и впредь вести дела в том же духе и но тому же образцу, как в течение последних девяти месяцев?.. Надо помнить, что армия за пределами страны всецело зависит от администрации, находящейся в самой Англии... Поэтому исключительно важно, чтобы глава военного ведомства был полным хозяином и действовал бы как подобает хозяину... Говорят, этому мешает *старая система.* Но настоящий хозяин уже давно под свою ответственность сломал бы эту систему... На деле секрет заключается в том, что глава нынешнего правительства как свинцовая гиря сковывает все усилия отдельных ведомств. Вялое биение *абердиновского* пульса сообщается всем органам управления и задает тон всей системе... Переделайте всю систему и поставьте ей на плечи настоящую и крепкую голову».

Другими словами: сделайте Пальмерстона премьер-министром. Он и есть тот *официальный Геркулес, о* котором мечтает «Daily News», — тот самый Пальмерстон, которого лорд Мелбурн в 1830 г., по предложению русской княгини Ливен, назначил министром иностранных дел; тот самый, который во время афганской войны[315] так загадочно принес в жертву британскую армию, что сэр Роберт Пиль открыто на заседании парламента угрожал ему «разоблачениями», если он будет продолжать раздражать его своим бахвальством; тот самый Пальмерстон, который сумел предложенный Францией в 1839 г. и как будто уже налаженный наступательный союз *против России* направить так искусно, что в одно прекрасное утро 1840 г. он превратился в англо-русский союз *против Франции*[316]. Хотя Пальмерстон и является *самым влиятельным* членом нынешнего правительства и выступает и *должен* выступать перед всеми парламентскими кругами как его ревностный защитник, в печати он непрерывно пускает в ход все средства дипломатического искусства, чтобы показать, что находится в серьезных неладах с Абердином и спасти таким образом свою популярность в случае крушения коалиционного министерства. В то же время оппозицию удерживают от решительных шагов и продолжают оставлять в состоянии бесплодного напряжения по поводу распрей в министерстве. Так, например, сегодня орган тори «Morning Herald» в сотый раз попадает в ловушку, объявляя крушение коалиции окончательным и всячески распространяется

о патриотическом возмущении Палъмерстона и Рассела Абердином, Ньюкаслом и Гладстоном. Ad vocem* *Гладстона* следует еще отметить, что, как вытекает из передовой статьи сегодняшнего номера «Chronicle» о французском займе, Гладстон не намерен прибегать к займам, а решил вести войну при помощи прямого налогового обложения, то есть прибегая к самой непопулярной, обременительной и неэкономной форме налога.

Написано К. Марксом 3 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 9, 6 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — что касается. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРИТАНСКАЯ КАТАСТРОФА В КРЫМУ

С тех пор как лондонская газета «Times» выступила со своими страстными передовыми, вся британская публика охвачена, по-видимому, сильным волнением и беспокойством по поводу положения войск в Крыму. Действительно, невозможно дальше отрицать или замазывать тот факт, что вследствие неслыханно плохого руководства всеми ведомствами военного управления английская армия быстро приближается к полному разложению. Подвергнутые всем тяготам зимней кампании, страданиям от сырости и холода, обремененные непрерывной тяжелой полевой службой, без обмундирования и продовольствия, без палаток и укрытий, те самые ветераны, которых не могли устрашить ни жгучее солнце Индии, ни бешеные атаки белуджей и афганцев, каждый день умирают сотнями, а подкрепления, по мере своего прибытия, гибнут от смертоносных заболеваний. На вопрос, кто же повинен в таком положении дел, в Англии сейчас весьма распространен ответ, что вина за все ложится на лорда Раглана. Это, однако, неверно. Мы не поклонники способа ведения войны достопочтенного лорда и мы открыто критиковали его грубые промахи, но в интересах истины следует сказать, что причиной ужасных бедствий, вызывающих гибель солдат в Крыму, являются не его ошибки, а пороки всей системы управления британскими вооруженными силами.

В британской армии имеется верховный командующий — фигура, без которой обходятся почти во всех остальных цивилизованных армиях. Но было бы ошибкой думать, что этот верховный командующий действительно командует чем-нибудь. Если

ему в какой-то мере подчиняются пехота и кавалерия, то артиллерия, инженерные войска, саперы и минеры находятся совершенно вне сферы его деятельности. Если он в какой-то степени распоряжается брюками, мундирами и чулками, то шинели вне его ведения. Если он может нагрузить каждого пехотинца двумя патронными сумками, то не может выдать ему ружья. Он может предать всех своих подчиненных военному суду и нещадно выпороть, но не может скомандовать им сделать ни одного шага. Передвижение войск выходит за пределы его компетенции, а снабжение их продовольствием его совершенно не касается.

Кроме того, существует «главный мастер артиллерии». Эта должность является печальным пережитком тех времен, когда наука считалась не солдатским делом и когда все представители специальных родов войск — артиллерии и инженерных войск — были не солдатами, а чем-то неопределенным — не **то** учеными, не то ремесленниками, и объединялись в особый цех, или корпорацию, под началом такого «главного мастера». Этот главный начальник артиллерии, кроме артиллерии и инженерных войск, ведает также шинелями и стрелковым оружием армии. Таким образом, он причастен ко всем военным действиям, каков бы ни был их характер.

Затем следует секретарь по военным делам. Если две предыдущие фигуры равны нулю, то это величина уже меньше нуля. Секретарь по военным делам не может отдать распоряжения ни одной из частей армии, но он может помешать любому действию каждой из этих частей. Так как он возглавляет военно-финансовое ведомство и так как всякие военные действия стоят денег, то его отказ в отпуске средств равносилен абсолютному вето на любую операцию. Но даже когда он согласен предоставить денежные средства, его значение все равно сводится к нулю, потому что он не может кормить армию; это уже вне его сферы. Ко всему этому следует добавить, что интендантство, которое фактически кормит армию и в случае необходимости в любом передвижении должно обеспечивать ее транспортными средствами, подчинено казначейству. Вследствие этого премьер-министр — первый лорд казначейства — может непосредственно повлиять на любую военную операцию и по своему усмотрению ускорить или замедлить ее ход, или вовсе ее прекратить. Всем известно, что интендантство является чуть ли не более важной частью армии, чем сами солдаты; и из этих-то соображений коллективная мудрость Великобритании нашла уместным сделать его совершенно независимым от армии и поставить его под контроль совершенно постороннего ведомства. Наконец, передвижения армии, которыми раньше ведал

министр колоний, поставлены в зависимость от распоряжений военного министра — должности, недавно созданной. Последний ведает дислокацией войск от Англии до Китая и от Индии до Канады. Но как мы уже видели, его власть сама по себе так же мало эффективна, как и власть каждого из предыдущих четырех военных начальников; для того, чтобы осуществить какое-либо самое ничтожное движение, необходимо добиться согласованности действий всех пяти.

Нынешняя война началась под эгидой этой изумительной системы. Британские войска, которых дома хорошо кормили и хорошо снабжали благодаря сорокалетнему периоду мира, бодро выступили в поход в полной уверенности, что, каковы бы ни были действия противника, Англия ни в чем не заставит нуждаться своих отважных сынов. Но едва только они высадились на своей первой стоянке, в Галлиполи, как обнаружился — по сравнению с французской армией — до смешного низкий уровень всей подготовки англичан и плачевная беспомощность всех британских должностных лиц. Несмотря на то, что там сравнительно легко было достать все необходимое, что все нужные указания были сделаны заранее и что высажено было относительно небольшое количество войск, все голо прескверно. Каждый хлопотал по своей части, но никто не хотел брать на себя никаких обязанностей, которых не выполнял в Англии в мирное время. Таким образом, не находилось никого для выполнения тех задач, которые возникали непосредственно в связи с самой войной. Поэтому доставленные на кораблях запасы гнили на берегу, там, где их первоначально выгрузили, а войска пришлось перебросить в Скутари из-за недостатка в квартирах. Налицо были неоспоримые признаки хаоса и беспорядка, но поскольку война только начиналась, можно было еще ожидать, что с приобретением опыта произойдут улучшения.

Войска отправились в Варну. Отдаленность от Англии росла, численность войск росла, росли и непорядки в управлении. Независимые действия всех пяти ведомств военного управления, каждое из которых в Англии было подотчетно особому министру, здесь впервые привели к открытым и явным раздорам. Войска, несшие полевую службу, испытывали острую нужду во всем, в то время как гарнизон Варны пользовался всеми благами. Интендантство, действуя с большой медлительностью, мобилизовало местные перевозочные средства, но поскольку главнокомандующий не распорядился об эскортах для обозов, болгарские возчики разбежались почти сразу после того, как их удалось собрать. В Константинополе был

создан центральный склад — нечто вроде главной операционной базы, но это не принесло никакой пользы, послужив лишь новым источником бесконечных затруднений, проволочек, споров о компетенции, раздоров между армией, службой артиллерийского и технического снабжения, казначейством, интендантством и военным министерством. Как только надо было что-нибудь сделать, каждый старался свалить работу со своих плеч на чужие. Уклониться от всякой ответственности, вот к чему стремился каждый. В результате — все шло плохо и ничего дельного не было предпринято. Отвращение к таким методам работы и сознание того, что армия разлагается от безделья, вероятно сыграли известную роль в решении лорда Раглана рискнуть на крымскую экспедицию.

Эта экспедиция явилась венцом всей военной системы Джона Буля. Именно в Крыму эта система проявилась во всем своем блеске. Пока армия находилась по существу на мирном положении, как это было в Галлиполи, Скутари и Варне, вряд ли можно было ожидать, что беспорядок, путаница и смятение проявятся в полном масштабе. Но теперь, перед лицом неприятеля, во время настоящей осады, дело обстояло иначе. Сопротивление русских дало британским чиновникам полный простор для проявления всех их деловых качеств. И следует признать, что никогда еще усилия, направленные к разложению какой-либо армии, не были так плодотворны, как усилия этих господ. Из более чем 60000 человек, отправленных на Восток с февраля прошлого года, в настоящее время сохранили боеспособность не более 17000; из них каждый день умирает от 60 до 80 человек, а 200—250 выбывают из строя по болезни, причем из заболевших мало кто возвращается в строй. Из 43000 умерших или больных менее 7000 были выведены из строя непосредственно неприятелем!

Когда впервые до Англии дошли вести о том, что армия в Крыму испытывает недостаток в пище, в одежде, в крове, вообще во всем, что нет ни медикаментов, ни хирургических материалов, что больные и раненые солдаты должны либо лежать на сырой и холодной земле в любую погоду, либо отправляться на переполненные суда, стоящие на внешнем рейде, без всякого ухода и при отсутствии самого простого медицинского оборудования; когда стало известно, что сотни людей гибнут из-за нехватки самого необходимого, все решили, что правительство не позаботилось о должном обеспечении действующей армии. Однако вскоре выяснилось, что если сначала действительно так отчасти и было, то в настоящее время дело обстоит иначе. Отправлено все необходимое, даже в избытке, но, к несчастью,

ни один предмет не попал туда, где в нем испытывалась нужда. Медикаменты были в Варне, в то время как больные и раненые находились в Крыму или Скутари; обмундирование и продовольствие подвозилось к крымским берегам, но там некому было их выгружать; то, что случайно удавалось выгрузить, гнило на берегу. Необходимость обеспечить взаимодействие с флотом породила новые поводы для раздоров между и без того раздираемыми противоречиями руководящими органами тех ведомств, распри которых должны были обеспечить триумф британской армии. Бездарность, прикрываемая уставами, годными только для мирного времени, господствовала безраздельно; в одном из богатейших районов Европы, у укрытых берегов которого стояли на якоре сотни груженных продовольствием транспортов, английские солдаты получали половинный паек; питаясь только солониной, они страдали от цынги, тогда как в окрестностях имелись бесчисленные стада скота; корабли были широко снабжены углем и дровами, а на берегу топлива было так мало, что солдатам приходилось съедать свой рацион *в сыром виде* и не удавалось просушить промокшую под дождем одежду. Только подумать, что кофе давали не только не молотое, но и не обжаренное! Запасы продовольствия, напитков, одежды, палаток, боеприпасов тоннами и сотнями тонн лежали на борту судов, мачты которых почти касались обрывов берега, где был расположен лагерь, а британские войска, подобно Танталу, ничего из этого не могли получить. Все ощущали зло, все метались из стороны в сторону, проклиная и обвиняя всех и каждого в пренебрежении своими обязанностями, но никто не знал, выражаясь словами народной поговорки, «что к чему». Ведь но имеющемуся у каждого набору специально для него разработанных и утвержденных соответствующими властями инструкций, именно то, что сейчас надо было делать, не входило в круг *его* обязанностей, и *он,* не имея на то полномочий, не мог навести порядок.

В довершение ко всему этому, погода становилась все более ненастной и холодной, а начавшиеся ливни превратили весь Херсонес Гераклейский в сплошное болото, где слякоть и грязь доходили до колен, если не выше; представьте себе солдат, которые из четырех ночей не менее двух проводят в окопах, а две ночи спят прямо в болоте, промокшие и забрызганные грязью, не имея даже досок в качестве подстилки и едва прикрытые палаткой; представьте себе постоянные тревоги, которые, вдобавок ко всему, делали нормальный отдых и сон совершенно невозможными; судороги, поносы и другие болезни, вызываемые вечной сыростью и холодом; распыленность и без

того немногочисленного медицинского персонала по всему лагерю; госпитальные палатки, в которых размещены 3000 больных, лежащих на сырой земле и чуть ли не под открытым небом, — представьте себе все это, и вам нетрудно будет прийти к заключению, что британская армия в Крыму находится в состоянии полной дезорганизации, превратившись, по словам лондонской газеты «Times», в «толпу храбрецов», и что солдаты готовы приветствовать русскую пулю, избавляющую их от всех этих бедствий.

Но чем здесь можно помочь? Что ж, если вы не хотите ждать, пока — в результате полдюжины парламентских актов, надлежащим образом составленных королевскими юристами, обсужденных, исправленных, вотированных и занесенных в свод законов, — все дела, касающиеся управления армией, будут сосредоточены в руках одного настоящего военного министра, а затем ждать, пока этот новый военный министр, если только он окажется подходящим человеком, заново организует свое ведомство и издаст новые инструкции; другими словами, если вы не хотите ждать, пока исчезнет всякий след от британской армии в Крыму, то имеется только один выход. Он состоит в присвоении главнокомандующим экспедиционной армией, своей собственной властью и под свою ответственность, диктаторских полномочий по отношению ко всем соперничающим и враждующим ведомствам военного управления — полномочий, которыми обладает всякий другой главнокомандующий и без которых он неизбежно должен привести все предприятие к полному краху. Будь это сделано, все можно было бы быстро исправить. Но где тот английский генерал, который согласится действовать в духе древних римлян и, когда его будут судить, сказать в свою защиту словами римлянина: «Да, признаю себя виновным в том, что я спас свое отечество»?

В заключение мы должны задать себе вопрос, кто же изобрел и сохранил эту изумительную систему военного управления? Не кто иной, как покойный герцог Веллингтон*. Он

* В тексте данной статьи, обработанном К. Марксом для «Neue Oder-Zeitung» и опубликованном в этой газете 8 и 9 января 1855 г., имеется следующий абзац, отсутствующий в английском тексте: *«Происхождение* этой системы покоится, очевидно, на конституционных мерах предосторожности против постоянной армии. Вместо *разделения обязанностей,* которое дало бы армии наибольшую гибкость, — *разделение властей,* сводящее до минимума ее способность к маневрированию. Но сохранена была эта система отнюдь не из парламентских или конституционных соображений, а по той причине, что одновременно о реформой военного управления, отвечающей требованиям современности, было бы уничтожено, по крайней мере в этой области, влияние олигархии. На прошлой сессии парламента министры отказались допустить какое-либо новшество, кроме отделения военного министерства от министерства колоний. Веллингтон упорно поддерживал эту систему с 1815 г. до своей смерти, хотя он очень хорошо знал, что при этой системе он никогда не довел бы войну на Пиренейском полуострове до успешного конца, если бы случайно в министерстве не сидел его брат, маркиз Уэлсли. В 1832 и 1836 гг. перед комитетами, созданными парламентом для реформы старой системы, Веллингтон всецело защищал старые порядки. Уж не боялся ли он облегчить своим преемникам путь к славе?» *Ред.*

держался за каждую ее деталь, словно был лично заинтересован в том, чтобы создать как можно больше затруднений своему преемнику, видя в нем будущего соперника своей воинской славы. Веллингтон, выделявшийся своим здравым смыслом, но лишенный каких-либо признаков военного дарования, весьма болезненно сознавал свое несовершенство в этом отношении, будучи не только современником блестящего гения Наполеона, но и его противником на поле боя. Поэтому Веллингтон относился чрезвычайно ревниво к чужим успехам. Хорошо известно, что в умалении заслуг своих помощников и союзников он опускался до подлостей; он так и не простил Блюхеру, что тот спас его при Ватерлоо. Веллингтон отлично знал, что если бы во время Испанской войны министром был не его брат, он не сумел бы успешно завершить ее. Уж не опасался ли Веллингтон, что будущие военные подвиги затмят его славу, и не потому ли он сохранил во всей неприкосновенности эту военную машину, как нельзя лучше приспособленную к тому, чтобы связывать генералов по рукам и ногам и губить армии?

Написано Ф. Энгельсом 4 января 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4293, 22 января 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС

I

Лондон, 8 января. Лондонские клубы и газеты, занятые торжественной болтовней о «министерском кризисе», не находят времени отметить несравненно более важный факт, а именно, что в Англии *вновь наступил один из больших торгово-промышленных кризисов,* причем более сокрушительный по своим масштабам, чем кризисы 1847 и 1836 годов. Если спорадически наблюдавшиеся за последние три месяца банкротства, количество и значение которых в недавнее время еще увеличилось, не приводили к признанию этого факта, то теперь, наконец, после опубликования годовых отчетов о торговле и составленных Board of Trade* статистических бюллетеней об экспорте и импорте за одиннадцать месяцев, наличие кризиса невозможно отрицать. Эти бюллетени показывают, что экспорт сократился на 1710677 ф. ст. по сравнению с соответствующими 11 месяцами 1853 г. и на 1856988 ф. ст., если сравнить только последний месяц того и другого года — с 5 ноября по 5 декабря. Мы заимствуем из таблиц вывоза товаров следующие подробности, показывающие сокращение экспорта изделий некоторых наиболее важных отраслей промышленности:

	1853 г. (в ф. ст.)	1854 г. (в ф. ст.)
Хлопчатобумажные ткани	23 757 155	22 877 050
Хлопчатобумажная пряжа	6 322 639	6 055 640
Полотняные ткани	4 379 732	3 735 221
Льняная пряжа	1 069 812	852 763
Шерстяные ткани	9 470 413	8 566 723
Шелковые ткани	1 492 785	1 144 506
Вывоз машин	1 368 027	1 271 503

* — английским министерством торговли. *Ред.*

В *отчетах о торговле,* разумеется, делается попытка возложить ответственность за кризис 1854 г. на войну, точно так же, как ответственность за кризис, начавшийся еще в 1847 г., возлагали на революцию 1848 года. Однако на этот раз даже лондонский «Economist», — который из принципа всегда объясняет кризисы случайными обстоятельствами, не связанными с торговлей и промышленностью, — вынужден признать, что банкротства и сокращение торговли в 1854 г. являются началом естественной реакции против «судорожного процветания» 1853 года. Другими словами, экономический цикл снова достиг того пункта, когда перепроизводство и чрезмерная спекуляция сменяются кризисом. Лучшее доказательство — *Соединенные Штаты Северной Америки,* которых Восточная война коснулась лишь в том отношении, что она вызвала неслыханный подъем их судостроения и торговли судами и обеспечила им сбыт для некоторых видов сырья, поставлявшихся ранее главным образом или исключительно Россией. В Соединенных Штатах кризис длится вот уже более четырех месяцев и все еще продолжает нарастать, хотя из 4208 банков 109, то есть приблизительно $2^1/_2$%, уже обанкротились, и в восточных промышленных штатах наступил такой застой промышленности, сопровождающийся столь значительным сокращением заработной платы, что в прошлом месяце более 4000 эмигрантов из Европы *«реиммигрировали»* обратно на родину. В 1837 г. американский кризис *последовал* за английским кризисом 1836 года. На этот раз ход событий обратный. Америка захватила инициативу банкротства. Соединенные Штаты и Австралия в одинаковой мере наводнены английскими товарами. Насколько велико значение этого факта для английской торговли, показывает следующее: в 1853 г. Великобритания вывезла приблизительно на 100 миллионов ф. ст. товаров, из них 25 миллионов приходилось на Соединенные Штаты и 15 миллионов на Австралию. После Соединенных Штатов и Австралии важнейшим рынком сбыта была Ост-Индия. Но и ост-индский рынок уже в 1852 г. был настолько переполнен товарами, что лишь совершенно новое расширение торговли через Пенджаб и Синд в Бухару, Афганистан и Белуджистан и оттуда, с одной стороны, в Центральную Азию, а с другой — в Персию позволило с трудом сохранить экспорт на старом уровне — 8 миллионов фунтов стерлингов. Теперь и там все каналы сбыта до такой степени забиты, что недавно товары из Индостана были переправлены в Австралию, и, таким образом, «совы были отвезены в Афины»[317]. Единственным рынком, куда вследствие Восточной войны товары в течение некоторого времени посылались «с ос-

мотрительностью», был *левантийский* рынок. В Сити, однако, ни для кого не является секретом, что с тех пор, как кризис в Соединенных Штатах и застой в Австралии заставил купцов старательно высматривать, не осталось ли где-нибудь непереполненных рынков, Константинополь стал складочным местом для всех товаров, нуждающихся в реализации, и теперь также должен считаться «закрытым». Точно так же и недавние волнения в Испании были использованы для того, чтобы путем контрабанды ввезти туда столько английских товаров, сколько она могла поглотить. Новейшая попытка такого рода предпринимается теперь в южноамериканских государствах, хотя малая покупательная способность этих стран не нуждается в доказательствах.

Ввиду решающего значения английского кризиса для социального и политического положения всего мира необходимо более подробно и обстоятельно остановиться на истории английской торговли до 1854 года.

II

Лондон, 9 января. О росте английской торговли и английской промышленности в период с 1849 по 1853 г. можно судить по следующим данным. В 1846 г. тоннаж зафрахтованных судов, вышедших из британских портов и прибывших в эти порты, составлял 9499000 тонн; в 1850 г. этот тоннаж возрос до 12020000 тонн и в 1853 г. составил уже не менее 15381000 тонн, то есть в два раза больше, чем в 1843 году. В 1846 г. стоимость экспорта британских промышленных изделий и сырья составляла 57786000 ф. ст., в 1850 г. уже 71367000 ф. ст., в 1853 г. свыше 98000000 ф. ст., то есть более чем вдвое превышала общую стоимость экспорта 1842 года. Какую же роль в этом увеличении экспорта играют Соединенные Штаты Северной Америки и Австралия? В 1842 г. стоимость британского экспорта в Австралию не составляла даже одного миллиона ф. ст.; в 1850 г. она достигала почти 3 миллионов, а в 1853 г. даже 14513000 фунтов стерлингов. В 1842 г. в Соединенные Штаты было вывезено на 3582000 ф. ст., в 1850 г. почти на 15 миллионов, в 1853 г. не менее чем на 23658000 фунтов стерлингов.

Из этих данных следует, во-первых, что 1854 г. такой же поворотный год в истории современной торговли, какими были 1825, 1836, 1847 годы; во-вторых, что кризис в Соединенных Штатах является лишь одним из моментов английского кризиса и, наконец, что война 1854 г., — которую «Patrie», Journal

de l'Empire*, совершенно правильно называет une guerre pacifique**, — отнюдь не оказала влияния на это общественное бедствие, а если и оказала, то разве только сдерживающее, как тормоз. Отдельные отрасли промышленности, как, например, производство кожи, железа, шерстяных изделий, а также судостроение, получили прямую поддержку благодаря обусловленному войной спросу. Испуг, вызванный объявлением войны после 40-летнего мира, на короткое время парализовал размах спекуляции. Благодаря займам, заключенным различными европейскими государствами в связи с войной, процентная ставка была настолько высокой, что являлась препятствием для чрезмерного развития промышленной деятельности и, таким образом, оттягивала кризис. Но разве, говорит Общество мира[318], война не подняла хлебные цены? Разве повышение хлебных цен не равносильно сокращению domestic trade***, то есть сокращению потребления промышленных изделий внутри Англии? И разве это сокращение *внутреннего* рынка не является главным элементом кризиса? Прежде всего следует вспомнить, что 1853 г., то есть год наивысшего английского процветания, был годом *высоких* хлебных цен и что цены на хлеб в 1854 г. были в среднем *ниже* цен 1853 года; следовательно, ни процветание в 1853 г., ни симптомы кризиса в 1854 г. не могут быть объяснены состоянием хлебных цен. Оставим. однако, в стороне вопрос о влиянии хлебных цен на промышленность; но каково было влияние войны на хлебные цены? Другими словами: объясняется ли повышение цен на хлеб сокращением подвоза из России? Из всего количества зерна и муки, ввозимого в Великобританию, на долю России приходится приблизительно 14%; а так как весь импорт удовлетворяет лишь около 20% национального потребления, то выходит, что импорт из России составляет примерно $2^1/_2$% этого потребления.

Последний официальный отчет, содержащий сравнительные данные о ввозе зерна и муки из различных частей света и стран в Великобританию, был опубликован в начале ноября 1854 г. и дает сравнительную таблицу за первые девять месяцев 1853 и 1854 годов. Согласно этому отчету, весь импорт пшеницы в 1853 г. составлял 3770921 квартер, из которых 773507 было доставлено из России и 209000 квартеров из Молдавии и Валахии. Весь импорт муки составлял 3800764 центнера, из которых на долю России приходится 64 и вовсе ничего не приходится на долю Дунайских княжеств. В 1854 военном году Ве-

* — орган империи. *Ред.*
** — мирной войной. *Ред.*
*** — внутренней торговли. *Ред.*

ликобритания получила из России 505000 квартеров пшеницы, из Молдавии и Валахии — 118000 квартеров. Никто не отважится утверждать, что *подобное* сокращение ввоза (к тому же компенсированное усиленным ввозом муки из других стран) подняло цены на зерно в 1854 г., который выделялся своим *отличным* урожаем, почти до уровня цен *неурожайных* годов — 1852 и 1853. Напротив, даже *полное* прекращение ввоза русского хлеба не оказало бы такого влияния. Загадкой остается сокращение ввоза из *Дунайских княжеств,* хотя с экономической точки зрения этот факт не имеет *существенного значения;* но загадка эта разрешается просто. Если союзники блокировали *русские* порты в Черном море только *номинально,* то Босфор, а затем устье Дуная они, напротив, блокировали *фактически;* вместо того чтобы блокировать Россию, они блокировали Турцию и Дунайские княжества. Кто не знает, что крестовые походы России против Полумесяца — 1812, 1828[319], 1848 (в последний раз под предлогом подавления *мятежников* в Яссах и Бухаресте) и 1854 гг. — отчасти были вызваны торговой конкуренцией южнорусских областей с Дунайскими княжествами, а также с Боснией, Сербией и Болгарией, которые вели торговлю по Дунаю. Какая же *гениальность* была проявлена *английским* министерством, когда, желая таким образом наказать Россию, оно предоставило Одессе и Таганрогу свободно торговать, но зато подавило *русских конкурентов* на Дунае, блокировало их и лишило самое Англию подвоза!

III

Лондон, 16 января. По поводу нынешнего торгово-промышленного кризиса лондонский «Economist» замечает:

«Каково бы ни было сокращение экспорта прочих товаров, — оно не распространяется на машины. Стоимость вывезенных машин, вместо того чтобы сократиться, выросла в 1854 г. по сравнению с 1853 годом. Таким образом, другие страны пользуются теперь нашими машинами. В этом отношении мы уже не имеем никаких преимуществ перед ними. Франция, Германия, Бельгия, Голландия, Швейцария и Соединенные Штаты — все являются теперь крупными промышленными странами, а некоторые из них имеют даже преимущества перед нами. Нам предстоит соревнование, но мы не сможем победить, если будем связывать себе руки. Все теперь убедились на опыте, что ограничения, введенные в интересах крупных землевладельцев, им же принесли вред; что ограничения, проведенные в интересах фабрикантов, обратились против них же; понемногу и фабричные рабочие обнаружат, что ограничения, установленные законом в их интересах, могут принести им только вред. И надо надеяться, что они это обнаружат раньше, чем упомянутые выше страны смогут, благодаря достигнутым ими успехам, вытеснить Англию со своих внутренних рынков и с рынков третьих стран и ввергнуть наших фабричных рабочих в крайнюю нищету».

Г-н *Уилсон,* издатель журнала «Economist» и фактотум министерства финансов миропомазанного и елейного Гладстона, сочетает в одном лице апостола свободы и карьериста; этот человек на одной странице своего журнала отрицает необходимость государства вообще, а на другой доказывает, что, в частности, никак нельзя обойтись без коалиционного министерства. Итак, г-н Уилсон начинает свою проповедь с преднамеренного искажения факта. Таблицы экспорта 1854 г. содержат две графы, относящиеся к вывозу машин. Первая — касающаяся локомотивов для железных дорог — показывает, что в 1853 г. их было вывезено на 443254 ф. ст., а в 1854 г. на 525702 ф. ст., что составляет, действительно, увеличение на 82488 фунтов стерлингов. Напротив, вторая графа, в которую включены машины, применяемые на фабриках, и вообще все другие виды машин, кроме локомотивов, показывает для 1853 г. сумму в 1368027 ф. ст., для 1854 г. — 1271503 ф. ст., что составляет сокращение экспорта на 96524 фунта стерлингов. При сопоставлении обеих цифр обнаруживается, следовательно, сокращение экспорта на 14076 фунтов стерлингов. Эта деталь выдает господ из манчестерской школы[320]. Они находят как раз настоящий момент подходящим для того, чтобы уничтожить существующие в интересах фабричных рабочих «ограничения», а именно, отменить законодательное ограничение рабочего времени для женщин, для подростков моложе 18 лет и для детей моложе 12 лет. Для достижения столь высокой цели, разумеется, позволительно фальсифицировать несколько цифр. Но, по данным газеты «Manchester Examiner»[321], частного органа квакера Брайта, и по данным всех торговых обзоров, поступающих из фабричных округов, внешние рынки, которые являются обычными каналами сбыта для излишков нашего производства, стонут под тяжестью нашего перепроизводства и чрезмерной спекуляции.

Если такое переполнение мирового рынка товарами произошло, несмотря на непредвиденное появление двух новых золотых рынков — Австралии и Калифорнии, несмотря на электрический телеграф, превративший всю Европу в одну огромную фондовую биржу, несмотря на железные дороги и пароходы, благодаря которым невероятно расширились пути сообщения, а следовательно и обмен, то позволительно спросить: долго ли пришлось бы ждать наступления кризиса, если бы фабрикантам позволили вместо 11-часового рабочего дня ввести 18-часовой? Подсчет слишком прост, чтобы над ним ломать голову. Но это не только соответственно ускорило бы наступление кризиса. Целое поколение рабочих на 50% утратило бы физические силы,

возможность духовного развития, жизнеспособность. И эта самая манчестерская школа, которая на такое рассуждение возможно ответит нам:

Если мука — ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?*

оглашает Англию сентиментальными жалобами по поводу тех человеческих жертв, которых требует война с Россией, как и всякая война! Через несколько дней мы услышим в Лидсе, как г-н Кобден будет протестовать против взаимного истребления христиан. Через несколько недель мы услышим его протест в парламенте против тех «ограничений», которые не дают слишком быстро сжигать жизнь детей на фабриках. Уж не считает ли он, что из всех героических подвигов единственным оправданным является лишь подвиг Ирода?

Мы согласны с манчестерской школой в том, что законодательные ограничения рабочего времени отнюдь не свидетельствуют о высоком уровне развития общества. Но корень зла мы усматриваем не в законах, а в тех условиях, которые делают их необходимыми.

IV

Лондон, 22 января. В связи с торгово-промышленные кризисом стоит напомнить, что канцлер казначейства Робинсон открыл парламент в 1825 г. восторженной речью по поводу неслыханного подъема торговли и промышленности. А несколько недель спустя Английскому банку грозила необходимость прекратить платежи наличными. С тех пор Робинсон, с легкой руки Коббета, получил прозвище «Процветающего Робинсона». Так как в Англии в почете исторические прецеденты, то Процветающий Робинсон не мог не иметь последователей. В тронной речи, которой открылась последняя чрезвычайная сессия парламента, страну поздравили с исключительным процветанием в области сельского хозяйства, промышленности и торговли. Между тем уже нет даже тех *внешних признаков,* которые в какой-то мере могли ослепить Робинсона. Министерские поздравления относятся, по-видимому, к тем традиционным формам, в которых принято в Англии оповещать о потрясениях мирового рынка. Однако еще более удивительным, чем речи министров, является в данный момент молчание прессы. Уж не полагает ли она, что ей удастся «замять» торговый кризис, подобно тому как литературные клики в Париже «душат» негодные им книги посредством заговора молчания? Но о

* Гёте. «К Зулейке». *Ред.*

кризисе говорят прейскуранты, говорят списки банкротств, опубликованные в «Gazette», об этом говорят письма «деловых корреспондентов». Скоро заговорят и газеты. За последнюю неделю очень многие торговые фирмы Сити приостановили свои платежи; в числе наиболее значительных фигурирует фирма Лонерган и К°, занимающаяся торговлей с Испанией и Вест-Индией, фирма Роджерс, Лаури и К°, ведущая торговые операции с Манчестером и прилегающим фабричным районом, фирма Котерингтон и К°, ведущая торговлю с Америкой, наконец, фирма братьев Обертиус, одна из старых и солидных фирм. Долговые обязательства этих торговых домов составляют в среднем сумму в 100000—150000 фунтов стерлингов. На этой неделе ожидаются новые объявления о прекращения платежей со стороны по крайней мере семи крупных торговых домов Сити.

В одном деловом письме из Бирмингема от 20 января мы находим следующие подробности о состоянии промышленности в Южном Стаффордшире:

«За исключением предприятий железоделательной промышленности, занятых производством военных материалов по правительственным заказам, лишь очень немногие предприятия имеют заказы, да и то по крайне пониженным ценам. Одну тонну полосового железа можно купить теперь за 8 фунтов 10 шиллингов, тогда как в середине лета ее цена была 12 фунтов стерлингов; но даже по такой пониженной цене едва можно найти покупателей, вследствие чего производство приходится сокращать. В Соединенных Штатах Северной Америки мало какая из крупных отраслей хозяйства пострадала от торгового кризиса больше, чем железоделательная промышленность. Почти все большие железоделательные заводы Соединенных Штатов, на которые были затрачены огромные суммы, выбросили своих рабочих на мостовую, и нет перспективы на скорый прием их обратно. Поэтому следует считать, что потребление железа в Америке почти совершенно прекратилось, и оттуда не приходится больше ожидать новых заказов. — В прошлую субботу много рабочих было уволено с оловянных заводов» (в Бирмингеме) «и еще больше их будет уволено сегодня вечером» (20 января). «Рабочие на меделлавильных и меднолитейных заводах находятся не в лучшем положении, так как здесь большинство, крупных предприятий работает лишь неполное время. — Имеющиеся в наличии заказы на модные товары весьма незначительны, и коммивояжеры, разъезжающие в поисках заказов в этой отрасли на весну, шлют крайне неутешительные сообщения. — Состояние денежного рынка продолжает оказывать вредное влияние на все отрасли торговли. Банки взвинчивают процентную ставку, что оказывает крайне вредное влияние, и в настоящий момент процветает только одно дело—ссуда денег. К мелким ссудным конторам валом валит народ, и на учете векселей собирают богатую жатву».

Написано К. Марксом 8—22 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 17, 19, 33 и 41; 11, 12, 20 и 25 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ЧЕТЫРЕ ПУНКТА

I

Лондон, 9 января. Телеграфное сообщение из Вены о принятии четырех пунктов[322] Россией вызвало, с одной стороны, повышение консолей на здешней бирже — был момент, когда они поднялись на $2^1/_2$% против субботней процентной ставки, а с другой — настоящую панику среди поставщиков сала, растительных масел и зерна, для которых скорое заключение мира означало бы банкротство и потерю огромных сумм. Сегодня в деловых кругах Сити возбуждение снова улеглось, и переговоры относительно четырех пунктов довольно единодушно расцениваются как второе издание переговоров по поводу Венской ноты[323]. По мнению вполне преданной министерству газеты «Morning Chronicle», было бы *преждевременно* говорить о действительном согласии России представить требуемые от нее гарантии. Россия лишь выразила готовность вести переговоры на данной основе, в соответствии с тем как ее понимают три державы. «Times», полагая, что можно праздновать победу западной дипломатии, заявляет по этому поводу:

«Мы категорически отвергаем предположение, будто настоящая война должна повлечь за собой так называемый пересмотр карты Европы в результате завоеваний или революций, в которых наша страна уж во всяком случае совершенно не заинтересована».

«Союзники», — говорит «Morning Post», — «сделали достаточно для того, чтобы с честью удалиться с поля боя, если их условия будут приняты».

По мнению «Daily News», Россия, возобновляя переговоры, ставит себе целью укрепить веру Пруссии в умеренность России, раздуть вражду между немецкими государствами и нарушить

отношения западных держав с Австрией. Значение имеет в этих четырех пунктах, по мнению газеты, лишь дополнительная статья, согласно которой договор о Дарданеллах от 13 июля 1841 г.[324] должен быть пересмотрен «в смысле ограничения морских сил России на Черном море»; в Сити уже поговаривают о том, что правительство якобы готово отказаться от этой статьи. Наконец, «Morning Advertiser» утверждает, что свой последний шаг Россия согласовала с Австрией, чтобы дать ей возможность освободиться от обязательств по отношению к западным державам. Из вновь полученной телеграммы явствует, что переговоры не должны означать перерыв в военных действиях.

II

Лондон, 12 января. Слух о безусловном принятии «четырех пунктов» Россией — именно «четырех» пунктов в толковании «трех» держав—оказался теперь просто hoax*, пущенной «Morning Post» и «Times». Мы были тем более склонны поверить этой утке, что, как мы узнали из секретной, но ставшей известной вследствие варшавского восстания депеши Поццо-ди-Борго[325], этот мастер дипломатии устанавливает следующий принцип

«Россия должна добиваться того, чтобы при любых коллизиях европейские державы *диктовали ей ее же собственные условия».*

Поэтому в упомянутых «четырех» пунктах мы можем усмотреть только «четыре» русских *тезиса.* Если же Россия тем не менее их не принимает, то объяснение этому мы находим также у мастера дипломатии Поццо-ди-Борго. Россия, толкует он, может идти на такие мнимые уступки Западу только из осененного победой лагеря. Это необходимо для сохранения престижа, на котором покоится ее мощь. Однако до сих пор Россия, хотя и развернула «лагерь», но «победы» еще не добилась. Если бы пала Силистрия, то «четыре пункта» были бы давно предъявлены. Как уверяют «Times» и «Morning Post», эти «четыре пункта» по замыслу «трех держав» были положены в основу переговоров в качестве минимума, от которого можно оттолкнуться. Теперь же выясняется, что князь Горчаков понимает их как некий условный максимум, по поводу снижения которого еще надо будет основательно поторговаться, или вообще считает, что они предназначены лишь послужить поводом для второго «венского совещания». В leader**, написанной в широко-

* — мистификацией. *Ред.*
** — передовой статье. *Ред.*

вещательном тоне дипломатического прорицания, «Morning Post» заверяет нас сегодня, что созываемые время от времени совещания дипломатов в Вене являются лишь подготовкой к действительной конференции, которая соберется только 1 февраля и, конечно, не преминет в той или иной мере поразить мир.

Вчера в здании Ллойда было вывешено следующее объявление адмиралтейства:

«В соответствии с последним параграфом моего письма от 8 ноября» (1854 г.), «и котором сообщалось, что французский и английский адмиралы в Черном море получили от своих правительств предписания распространить блокаду, которой подверглись устья Дуная, на все гавани Черного и Азовского морей, находящиеся еще в руках противника, лорд адмиралтейства поручил мне поставить вас в известность, дабы довести об этом до сведения коммерческих кругов, что правительства Англии и Франции решили начать упомянутую блокаду с 1 февраля» (1855 г.) «и что в «London Gazette» будет сообщаться особо о блокаде каждой гавани, как только таковая будет установлена. — Подпись: В. А. Б. *Гамильтон»*.

Здесь, следовательно, открыто признается, что союзные флоты до сих пор блокировали в устьях Дуная только своих собственных союзников, а отнюдь не русские гавани на Черном и Азовском морях. Между тем министерство неоднократно заявляло в парламенте — в апреле, в августе и в октябре, — что оно дало «строжайшие предписания» блокировать русские берега и гавани. Еще 21 декабря лорд Гранвилл от имени министерства заявил в палате лордов:

«Одессу блокируют пять военных кораблей, которые постоянно крейсируют у входа в гавань, о чем правительство регулярно получало донесения».

В письме, адресованном в ежедневную газету, известный английский памфлетист следующим образом подводит итог принятым или, вернее говоря, *не* принятым коалицией мерам по осуществлению блокады:

«1) Английское правительство снабжает из Англии противника Англии денежными средствами для продолжения войны против Англии. 2) Дунай блокируется для того, чтобы разорить Дунайские княжества и лишить нас самих подвоза хлеба. 3) Одесса, Таганрог, Керчь и другие пункты остаются в неприкосновенности, получая возможность снабжать русские войска в Крыму подкреплениями, боевыми припасами и продовольствием. 4) Мнимая блокада разоряет наших купцов, обогащая в то же время греческих, русских и австрийских купцов».

«Times» тоже использует заявление г-на Гамильтона для резких нападок на «блокадную дипломатию» министерства. Для

громовержца с Принтинг-хаус-сквера[326] характерно, что его громы разражаются всегда post factum*. С 26 марта 1854 г. и по сей день газета «Times» защищала «блокадную дипломатию». Теперь же, когда поднимаемый ею шум уже не может помешать мероприятиям министерства, а в то же время приносит ей популярность, она вдруг становится ясновидящей.

Морской министр, или, как его здесь называют, первый лорд адмиралтейства, сэр *Джемс Грехем* достаточно известен на континенте в связи с громкими делами в черном кабинете, в результате которых братья Бандьера были отправлены на эшафот[327]. Менее известен, по-видимому, тот факт, что этот же сэр Грехем в 1844 г., когда царь Николай вступил на английский берег, не осмелился пожать протянутую ему царскую руку, а лишь отважился ее поцеловать. (См. «Portfolio», вторая серия, 1844 г.)

III

Лондон, 15 января. К вопросу о значении «четырех пунктов»:

«В области дипломатии до 1 февраля» (до 5 или 6 февраля, говорит венский корреспондент «Times») «ничего нового не произойдет. Итак, в распоряжении царя оказался целый месяц, в течение которого он сможет перебросить свои войска куда захочет. Месяц, который Россия выиграла, приняв четыре пункта, может растянуться и на два месяца, если по поводу каждого из пунктов будут вестись мелочные препирательства, о чем русский посол, вероятно, получил надлежащие инструкции; и в то же время весьма возможно, что будут сделаны самые настойчивые попытки удовлетворить Австрию условиями, неприемлемыми для Франции и Англии. Расстроить союз трех держав — вот в чем, по-видимому, заключается преследуемая цель».

Так говорит «Morning Post».

Однако более важным, чем все эти гадания британской печати о тайных намерениях России, является откровенное признание английских газет (за исключением, разумеется, министерских органов) в том, что положенные в основу переговоров четыре пункта не заслуживают обсуждения.

«Когда борьба началась», — пишет «Sunday Times»[328], — «пытались убедить весь свет в том, что она ведется для того, чтобы сокрушить русскую империю, или по меньшей мере для того, чтобы добиться материальных гарантий, обеспечивающих сохранение мира в Европе. Если мир должен быть заключен на основе так называемых *четырех пунктов,* значит для достижения как одной, так и другой цели ничего еще не сделано и не будет сделано. Если здесь и может идти речь о победе, то лишь о победе, которой удалось добиться России».

* — с опозданием, задним числом. *Ред.*

«Министерство всех бездарностей», — говорится в «Leader»[329], — «не может выйти за рамки этих четырех пунктов; оно заслуживает того, чтобы войти в историю как министерство четырех пунктов. Покончить с этой скучной комедией бесцельной войны — не более! Мир на основе четырех пунктов может быть заключен только из страха, как бы в шуме войны сами народы не приобрели слишком большое влияние, а, возможно, и для того, чтобы помешать англичанам вернуть себе те права, которые завоевал для них Кромвель. Только этим и можно объяснить, что старый заговор с Россией снова подштопан и что ей позволяют под предлогом мирных переговоров возобновить свои притязания в Европе».

«Examiner»[330], бесспорно занимающий первое место среди буржуазных еженедельников, поместил обстоятельную статью об «основе» для мирных переговоров; сущность этой статьи сводится к следующему:

«Если те уступки», — говорится, между прочим, в этой статье, — «которые могут быть сделаны даже на основе самого осторожного и придирчивого толкования четырех пунктов, должны рассматриваться как нечто эквивалентное огромным расходам, понесенным Англией в этой борьбе, и всей пролитой ею крови, то русский царь, когда начинал войну, поступил как выдающийся государственный деятель. Россия не должна даже возместить те крупные суммы, которые она ежегодно выжимала из нас, нарушая Венский договор... Устье Дуная, которое она, как это явствует из недавно опубликованной официальной переписки, всеми средствами стремилась закрыть для английской торговли, останется в ее руках. Пункт относительно свободы судоходства по Дунаю практически приводит к ранее существовавшему status quo, так как Россия никогда не отрицала, что условия Венского договора, касающиеся речного судоходства, также относятся и к Дунаю. Уничтожение Кайнарджийского и Адрианопольского договоров не меняет положения, так как, по общему признанию, эти договоры отнюдь *не* дают основания для тех требований, которые Россия предъявляет Турции. Если, с другой стороны, мы примем во внимание, что Россия должна быть одной из тех пяти держав,которые призваны совместно осуществлять протекторат над Дунайскими княжествами и христианскими подданными султана, то мы полагаем, что ожидаемые от такого изменения преимущества совершенно иллюзорны, ибо проискам России, направленным на *раздел Турции,* это изменение придаст *легальный* характер, а это обстоятельство, бесспорно, принесет лишь огромный вред. Нам могут, конечно, напомнить, что четыре пункта включают, между прочим, положение о пересмотре договора 1841 г. — и именно о перс-смотре его в интересах равновесия европейских держав. Но формулировка довольно неопределенна и загадочна, и кроме того, после всех событий недавнего времени мы отнюдь не убеждены в том, что предполагаемое изменение будет меньшей угрозой для независимости вашего союзника» (Турции), «чем для верховенства нашего противника... Мы отвергли бы, как абсолютно невероятную, всякую возможность такой «основы», какая, по-видимому, в настоящее время дебатируется в Вене, если бы лорд Джон Рассел, в ответ на речь Кобдена, торжественно не заявил в парламенте, что правительство отнюдь не намерено лишать Россию какой бы то ни было из ее территорий».

Последний пункт является по существу решающим, так как, например, даже свобода судоходства по Дунаю могла

быть обеспечена лишь в том случае, если бы Россия лишилась в устьях Дуная «территории», которой она завладела отчасти в силу Адрианопольского договора и в нарушение Лондонского договора 1827 г., отчасти же в силу февральского указа 1836 г. и в нарушение Адрианопольского договора[331]. Тот пункт, который «Examiner» обходит молчанием, относится к договору 1841 г. о Дарданеллах. Этот договор отличается от договора 1840 г., заключенного лордом Пальмерстоном, только тем, что в нем в качестве договаривающейся стороны выступает и *Франция.* Содержание же у них одинаковое. Еще несколько месяцев тому назад лорд Пальмерстон провозгласил договор 1840 г., а стало быть и договор 1841 г. о Дарданеллах, победой Англии над Россией, а себя — *автором* этого договора. Каким же образом *уничтожение* договора, знаменовавшего победу Англии над Россией, вдруг может превратиться в поражение России, нанесенное той же Англией? А если Англия была тогда введена в заблуждение своими собственными министрами и полагала, что действует *против* России, тогда как она действовала *за* нее, то почему же не считать, что это же самое имеет место теперь? На последней чрезвычайной сессии парламента Дизраэли воскликнул: «Никаких четырех пунктов!» Из приведенных выше высказываний прессы явствует, что восклицание Дизраэли нашло отклик и в либеральной прессе. Удивление по поводу того, что Россия приняла четыре пункта, с оговорками или без них, начинает уступать место удивлению по поводу того, что Англия их предложила.

Написано К. Марксом 9—15 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 20, 23 и 29; 13, 15 и 18 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Пгревод с немецкого

К. МАРКС

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

Торгово-промышленный кризис в Англии, первые предвестники которого уже давно отмечались на страницах нашей газеты, стал теперь фактом; о нем открыто говорят самые авторитетные источники в данной области — ежегодные обзоры британских торговых палат и крупнейших торговых фирм королевства; о нем свидетельствуют также многочисленные банкротства, переход фабрик на неполную рабочую неделю и таблицы, показывающие сокращение экспорта. Согласно последнему официальному «Отчету о торговле и судоходстве», заявленная стоимость перечисленных предметов экспорта за месяц, истекший 5 декабря, составляла:

1853 г. (в ф. ст.)	*1853 г.* (в ф. ст.)	*1854 г.* (в ф. ст.)
6 033 030	7 628 760	5 771 772

Сокращение в 1854 г. против 1852 г. составляло 261258 ф. ст., против 1853 г. — 1856988 фунтов стерлингов.

Нет ничего удивительного в том, что официальные теоретики английского фритредерства изо всех сил пытаются доказать, будто нынешний кризис является не порождением нормального функционирования существующего в Англии строя и не имеет ничего общего с теми кризисами, которые приблизительно с конца XVIII века наблюдались через определенные промежутки времени, а, напротив, порожден случайными и исключительными обстоятельствами. Согласно догмам фритредерской школы, о торгово-промышленных кризисах не может быть

и речи, коль скоро хлебные законы отменены и английские законодательные органы признали принципы свободной торговли. Однако теперь фритредерам приходится иметь дело не только с высокими ценами на хлеб при наличии богатого урожая, но и с торгово-промышленным кризисом. И это в такой момент, когда к имеющимся уже мировым рынкам прибавились Калифорния и Австралия, изливающие свои золотые потоки; когда электрический телеграф превратил всю Европу в единую фондовую биржу, а железные дороги и пароходы во сто крат расширили средства сообщения и обмена. Если фритредерская панацея должна была подвергнуться испытанию, то вряд ли можно было найти для этого более благоприятные условия, чем те, которыми отмечен в истории промышленности и торговли период с 1849 по 1854 год.

Фритредеры не сдержали своих обещаний и, естественно, теперь пытаются сделать войну козлом отпущения, совершенно так же, как в 1848 г. они сделали козлом отпущения революцию. Тем не менее они не могут отрицать, что, во-первых, восточный конфликт до известной степени оттянул наступление кризиса, обуздав дух безудержного предпринимательства, а часть свободных капиталов устремилась в займы, заключенные за последнее время большинством европейских держав; что, во-вторых, некоторые отрасли промышленности, например железоделательная, кожевенная и шерстяная, получили известную поддержку благодаря вызванному войной необычному спросу на их продукцию; и, наконец, что такие отрасли промышленности, как судостроение, производство красок и другие, в которых преувеличенное представление о последствиях объявления войны породило очень сильную спекуляцию по обе стороны Атлантического океана, отчасти послужили отдушиной для уже проявившейся общей тенденции к чрезмерному развитию торгово-промышленной деятельности. Однако основной довод фритредеров заключается в том, что война вызвала повышение цен на все виды зерна и что именно эти высокие цены и породили кризис.

Между тем следует вспомнить, что цены на хлеб в 1853 г. были в среднем выше, чем в 1854 году. И если эти высокие цены не могут объяснить небывалое процветание 1853 г., то столь же мало они объясняют и кризис 1854 года. 1836 год был отмечен торгово-промышленным кризисом, хотя хлебные цены в этом году были низкие; 1824 г., так же, как и 1853 г., были годами исключительного процветания, хотя цены на все виды продовольствия были высокие. Дело в том, что хотя высокие хлебные цены, приводя к сокращению внутреннего рынка, и

могут нанести ущерб процветанию промышленности и торговли, конъюнктура на внутреннем рынке в такой стране, как Великобритания, никогда не может быть решающим фактором, если все внешние рынки не завалены уже товарами до отказа. Следовательно, в такой стране высокие цены на хлеб могут углубить и затянуть кризис, но вызвать его они не могут. Впрочем, не надо забывать, что, согласно правоверной доктрине манчестерской школы, высокие хлебные цены, когда они вызваны естественным ходом вещей, а не мерами протекционизма, запретительными законами и скользящей шкалой, совершенно утрачивают свою губительную силу и могут даже оказывать благотворное влияние, принося выгоду фермерам. Так как невозможно отрицать, что недороды 1852 и 1853 гг. были естественным явлением, фритредеры и обращаются к 1854 г. и утверждают, что Восточная война, оказывая такое же действие, как покровительственные пошлины, вызвала высокие цены несмотря на богатый урожай. Оставим поэтому в стороне вопрос об общем влиянии хлебных цен на промышленность и рассмотрим вопрос о влиянии нынешней войны на эти цены.

Импорт пшеницы и муки из России составляет приблизительно 14% всего импорта хлеба Соединенного королевства; поскольку весь импорт хлеба удовлетворяет лишь около 20% национального потребления, то Россия доставляет Англии лишь немногим больше $2^1/_2$% этого потребления. По последним официальным отчетам, касающимся лишь первых девяти месяцев 1853 г., весь импорт пшеницы в Великобританию составил 3770921 квартер, из которых 773507 квартеров было импортировано из России и 209000 из Валахии и Молдавии. Весь импорт муки составил 3800764 центнера[*], из которых 64 центнера было доставлено из России и ни одного из Дунайских княжеств. Так обстояло дело до того, как началась война.

За те же месяцы 1854 г. импорт пшеницы непосредственно из русских портов составил 505000 квартеров против 773507 в 1853 г., а из Дунайских княжеств — 118000 квартеров против 209000, то есть уменьшился на 359507 квартеров. Если принять во внимание, что урожай 1854 г. был богатый, а урожай 1853 г. очень плохой, никто не станет утверждать, что такое уменьшение могло сколько-нибудь заметно повлиять на цены. Напротив, из официальных недельных отчетов о продаже пшеницы отечественного производства на английском рынке, — а эти отчеты охватывают лишь небольшую часть всех сделок в стране, — видно, что за октябрь и ноябрь 1854 г. было

[*] — английский центнер равняется 112 фунтам, или 50,8 *кг. Ред.*

продано 1109148 квартеров против 758061 квартера за те же месяцы 1853 г., что с избытком возмещает то сокращение импорта, которое якобы вызвала война с Россией. Можно также отметить, что если бы по милости английского кабинета большие запасы турецкой пшеницы не гнили в амбарах Дунайских княжеств, вследствие того что по глупости или в результате предательства союзники блокировали Сулинский рукав в устье Дуная и лишили Англию снабжения, то война с Россией не вызвала бы сокращения, импорта пшеницы даже в тех незначительных размерах, в каких это имеет место. Поскольку из всего количества муки, поступающего в лондонский порт, почти две трети ввозится из Соединенных Штатов, то следует признать, что недостаточный привоз из Америки в последнем квартале 1854 г. был куда более ощутимым для торговли продовольственными товарами, чем война с Россией.

Если нас спросят, почему в Великобритании несмотря на богатый урожай держатся высокие цены на хлеб, мы напомним, что, как не раз отмечалось в течение 1853 г. на страницах газеты «Tribune»[332], фритредерские заблуждения привели к серьезнейшим перебоям и ошибкам в британской торговле зерном, к снижению цен в летние месяцы ниже их нормального уровня, тогда как только их повышение могло обеспечить создание необходимых запасов и достаточное количество заказов на будущую поставку зерна. Благодаря этому получилось, что импорт за июль, август, сентябрь и октябрь месяцы 1854 г. составил лишь 750000 квартеров против 2132000 квартеров за те же месяцы 1853 года. К тому же в результате отмены хлебных законов в Англии были обращены в пастбища столь большие пространства пахотной земли, что даже обильный урожай может при таком порядке вещей оказаться сравнительно недостаточным.

«Итак», — гласит обзор Гулльской торговой палаты, — «Соединенное королевство начинает 1855 г. с очень небольшими запасами привозной пшеницы, при ценах почти столь же высоких, как в начале 1854 г., и до весны оно почти целиком будет зависеть от поставок своих фермеров».

Причина английского торгово-промышленного кризиса 1854 г., который едва ли достигнет своих полных размеров ранее весны текущего года, кроется в следующих немногих цифрах: стоимость экспорта британского сырья и готовых изделий, составлявшая в 1846 г. 57786000 ф. ст., достигла в 1853 г. огромной суммы в 98000000 фунтов стерлингов. Из этих 98000000 ф. ст. Австралия, которая в 1842 г. приобрела товаров на сумму меньше миллиона, а в 1850 г. приблизительно на три миллиона, в 1853 г. поглотила товаров почти на 15 мил-

лионов; Соединенные Штаты, которые в 1842 г. потребили английских товаров на сумму лишь в 3582000 ф. ст., а в 1850 г. — несколько менее чем 15000000 ф. ст., в 1853 г. закупили их на огромную сумму в 24000000 фунтов стерлингов. Не приходится и говорить о неизбежности обратного воздействия на английскую торговлю американского кризиса и переполнения до предела возможного австралийского рынка. В 1837 г. американский кризис наступил вслед за английским кризисом 1836 г., теперь же английский кризис следует за американским; но в том и другом случае кризис является неизбежным порождением той же причины — функционирования существующего промышленного строя Англии, который неизбежно ведет к перепроизводству в самой Великобритании и к чрезмерной спекуляции во всех других странах. Австралийский и североамериканский рынки отнюдь ли являются исключением; будучи в равной мере зависимы от Англии, они являются лишь наиболее ярким показателем общего состояния рынков всего мира.

«Мы стоим перед фактом переполнения внешних рынков и — за некоторыми исключениями — малых доходов», — говорится в одном манчестерским отчете о хлопчатобумажной промышленности. «Большинство внешних рынков», — говорится в другом отчете, касающемся шелковой промышлености, — «обычно поглощавших избыточную продукцию нашей промышленности, испытывают тяжелые последствия затоваривания». «Производство было неимоверно расширено», — гласит отчет о брадфордской камвольной промышленности, — «и в течение некоторого времени товары находили спрос на иностранных рынках. Было заключено много рискованных сделок, вызвавших безрассудную отправку товаров за границу, что, разумеется, в большинстве случаев дало крайне неудовлетворительные результаты».

Таких цитат из обзоров крупных торговых фирм, полученных нами с пароходом «Пасифик», мы могли бы привести множество.

Революция в Испании и последовавшее усиление контрабанды в этом районе создали исключительно выгодный рынок для британских сельскохозяйственных товаров. В связи с опасениями, вызванными Восточной войной, ближневосточный рынок довольно длительное время был единственным непереполненным рынком, но, как нам стало известно, Ланкашир месяца три назад взялся наверстать упущенное в этой области; и в настоящее время мы располагаем сведениями, что Константинополь тоже ломится от огромного количества хлопчатобумажных, шерстяных, скобяных, ножевых и прочих английских товаров. Единственной страной, в которой, вероятно,

политические события действительно заметно повлияли на развитие торгового кризиса, является Китай.

«Надежды, возлагавшиеся на постепенный рост нашей экспортной торговли с Китаем», — пишет одна манчестерская фирма, — «почти окончательно рухнули, и развертывающееся в настоящее время в этой стране восстание, которое вначале казалось благоприятным для внешних связей, теперь представляется начатым для разорения страны и полного расстройства торговли. Экспортная торговля с Китаем, на рост которой возлагались большие надежды, почти совершенно прекратилась».

Наши читатели, вероятно, помнят, что когда китайская революция[333] впервые начала принимать серьезные размеры, мы предсказали те разрушительные последствия, на которые жалуются теперь английские экспортирующие фирмы.

Отрицая всякую связь между войной и торгово-промышленным кризисом, симптомы которого появились, когда о войне никто еще и не думал, мы, конечно, понимаем, что война может весьма усугубить тяжелое испытание, через которое Великобритании предстоит пройти. Затяжка войны означает увеличение налогов, а увеличение налогов отнюдь не является средством против сокращения доходов.

Написано К. Марксом 11 января 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4294, 26 января 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется, впервые

К. МАРКС

ВЛАДЕЛЬЦЫ ПИВНЫХ И СОБЛЮДЕНИЕ ВОСКРЕСНОГО ДНЯ. — КЛАНРИКАРД

Лондон, 19 января. В настоящий момент на страницах газеты «Morning Advertiser» весьма оживленно обсуждается вопрос о том, справедливо ли обвиняют коалиционное министерство в «тупости»? Уркарт, который исходит из убеждения в наличии тайного сговора министерства с Россией, удачно защищает министерство от упрека в бездарности.

Газета «Morning Advertiser» — своеобразное явление в лондонской прессе. Являясь собственностью «Общества взаимопомощи патентованных трактирщиков», созданного в благотворительных целях, а именно для поддержки сирот, престарелых и банкротов, эта газета, из всех ежедневных лондонских газет после «Times», бесспорно имеет наибольшее распространение. Этим она обязана отнюдь не заслугам редакции, во главе которой стоит некий *Грант,* бывший стенограф. Этот Грант женился на дочери одного из видных деятелей «Общества взаимопомощи», а именно, на дочери Гомера, или великого Гомера, как его прозвали объединенные трактирщики, и великий Гомер сделал своего маленького зятя главным редактором «Morning Advertiser». Так как от этого общества зависело продвижение «Advertiser» во все трактиры и даже в большую часть parlours*, то и материальная база для процветания газеты была заложена. Но своим влиянием газета обязана тому обстоятельству, что она собственно не редактируется, а скорее представляет собой нечто вроде дискуссионного

* — гостиных. *Ред.*

клуба, где каждый читатель может сказать свое слово. Так как представители лондонской «респектабельной» прессы не допускают редакцию «Morning Advertiser» на свои сборища, считая ее недостойной этого, то редакция в отместку предоставляет время от времени свои страницы, наряду с читателями, также и тем более значительным писателям, которые не продали себя никакой партии.

От «Morning Advertiser» естественно переходим к *пиву* и к последнему *пивному закону* Уилсона-Паттена. Этот недавно произведенный *церковниками государственный переворот* вызвал немало шуток и показал, что шекспировские прообразы пышным цветом расцвели во второй половине XIX века. Однако серьезной стороной этого дела является то *недоумение,* которое вызвала в народных массах дерзкая попытка церкви вмешаться в гражданскую жизнь и регулировать ее. Массы настолько уже охладели к церкви, что они считают такого рода попытки с ее стороны лишь practical jokes*, которым, однако, следует положить конец, когда они приелись. Церковная партия, не понимая своего положения, имела дерзость организовать вчера в Ноттингеме публичный митинг, на котором выдвинула предложение внести в парламент петицию о закрытии трактиров по воскресеньям не только в часы, установленные недавно актом Уилсона-Паттена, но в течение всего дня. Огромная рабочая аудитория после бурного обсуждения приняла значительным большинством голосов следующую поправку, предложенную фабричным рабочим по имени Хаттон:

«Войти в парламент с петицией о закрытии по воскресеньям всех церквей и часовен».

Как уверяют, лорд Линдхёрст намерен вскоре после возобновления заседаний парламента выступить в палате лордов с речью, в которой изложит по пунктам все обвинения, выдвигаемые против правительства. В период сессии 1853—1854 гг. роль вожака антирусской оппозиции среди пэров, как известно, разыгрывал маркиз Кланрикард. Но письма, с которыми он и его сын, лорд Данкеллин, обратились — по случаю освобождения последнего из русского плена — к царю Николаю, не позволят, конечно, дальше вести эту игру. По поводу письма Данкеллина Дуглас Джерролд, известный юморист, замечает в «Lloyd's Paper»:

«Лорд Данкеллин объявляет Николая действительно великим человеком на том поразительном основании, что он освободил его, лорда Дан-

* — грубыми шутками. *Ред.*

келлина! Великим я называю его потому, что он даже меня покорил, говорит великанша про Tom Thumb*, здесь же карлик провозглашает царя великим человеком».

Кто знаком с Синими книгами, опубликованными в 1841 г. в связи с турецко-египетскими делами[334], и знает из них, какое место занимал маркиз Кланрикард при петербургском дворе и бытность свою там послом, тот знает также, что его антирусские тирады в палате лордов целиком относятся к той категория оппозиционной деятельности, которой предается каждый истый виг, если бог не дал ему правительственной должности.

Написано К. Марксом 19 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 35, 22 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Переeод с немецкого

* — Мальчика с пальчик. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

К КРИТИКЕ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Лондон, 19 января. Сэр Говард Дуглас выпустил новое издание своей известной книги «Морская артиллерия»[335], дополнив ее критическим обзором событий последней войны. Опираясь на новейшие данные и на официальный одному ему доступный материал, он, между прочим, доказывает, что одного флота недостаточно для борьбы против казематированных фортов, если последние правильно построены и должным образом обороняются; что бомбы бесполезны против прочной каменной кладки; наконец, что пробить бреши в таких бастионах и казематированных фортах, какими располагают Бомарсунд и Севастополь, можно только обстрелом из тяжелых, по меньшей мере 32-фунтовых осадных орудий и притом старым способом, между тем как с борта корабля, вследствие трудности прицеливания, невозможно пробить бреши, не обрекая корабль на неминуемое уничтожение. Что же касается, в частности, крымской кампании, то Дуглас, несмотря на пристрастное отношение к командующим в Крыму и со всеми оговорками, к которым обязывает занимаемое им официальное положение, приходит к выводу, что крымская экспедиция в конце концов окажется ошибкой. Но разве громовержец «Times» не возвестил сенсационную новость о том, что после 40-часовой канонады Севастополь будут *брать штурмом?*

«Сведения получены из надежного источника, и лишь для того, чтобы эта информация не дошла до русских, газета не сообщает все подробности о событии, которое должно произойти как раз в эти дни (см. «Times» с 26 до 31 декабря). Не подлежит сомнению, что Севастополь на этих днях будет взят».

В действительности дело заключается в следующем. Газета «Times», как известно, яростно выступала против билля об ино-

странном легионе, потому что узнала об этом мероприятий лишь в одно время с остальной, непосвященной публикой. Газета начала ворчать, и роптать, и досаждать министерству. Последнее оказалось довольно трусливым и, чтобы заткнуть ей рот, бросило ей — в качестве подачки — новость о штурме Севастополя, причем министерство превратило в окончательный план кампании намерение, высказанное генералами лишь применительно к определенным условиям и обстоятельствам. Тот факт, что французские газеты — также являющиеся полуофициальными органами — поместили аналогичные сообщения, не вызывает удивления, так как это было накануне выпуска 500-миллионного займа[336]. И то, что газета «Times» попалась на удочку, также понятно. Она верит любому сообщению, которое ей удается получить на сутки раньше чем другим газетам.

Положение в Крыму улучшилось не намного. В то время как у французов потери от болезней сравнительно незначительны, кавалерия хорошо обеспечена лошадьми, а пехота полна сил и боеспособна, у англичан по-прежнему ежедневно 150 человек ложится в госпиталь, а 40—50 человек умирает; их артиллерия не имеет лошадей и кавалерию пришлось спешить для обеспечения перевозки тяжелых орудий из Балаклавы, в результате чего лошади пришли в полную негодность. Погода меняется каждые два-три дня, дожди сменяются небольшими морозами и грязи нисколько не стало меньше. Так как почти все транспортные средства заняты перевозкой продовольствия, доставка которого в армию остается первоочередной задачей, то ни орудия, ни боевые припасы не могут быть доставлены на огневые позиции. Между тем траншеи приблизились к неприятельским укреплениям; сооружена третья параллель, которую нельзя вооружить, но в то же время необходимо защищать против вылазок противника. На каком расстоянии траншеи находятся от ближайших объектов атаки, сказать невозможно, так как сообщения на этот счет противоречивы, и, конечно, не носят официального характера. По одним сведениям это расстояние составляет 140 или 150 ярдов, в то время как согласно одному из французских сообщений ближайший пункт находится еще на расстоянии 240 ярдов. Между тем французские батареи, которые теперь уже полностью оборудованы и приведены в боевое состояние, вынуждены бездействовать, поскольку, в результате беспорядочной и совершенно бесполезной ноябрьской канонады, боеприпасы сильно истощились и повторять такой беспорядочный обстрел было бы нелепо. Таким образом, русские имели и имеют достаточно времени для того, чтобы не только восстановить все разрушения,

причиненные прежними атаками, но и возвести новые укрепления, — и они это делают с таким рвением, что в настоящее время Севастополь укреплен лучше, чем когда-либо. Теперь, когда различные оборонительные линии одна за другой заняты войсками, когда все большие каменные здания города, находящиеся за последней обводной стеной, превращены в редуты, возможность решительного *штурма* совершенно исключается. Если осадные операции все-таки возобновятся, придется начинать все сначала, — с той лишь разницей, что батареи теперь значительно приближены к городу и, следовательно, могут действовать более эффективно. Но какой ценой куплено это преимущество! Ведь именно напряжение, связанное с необходимостью обеспечить охрану траншей такой большой протяженности, явилось причиной большинства заболеваний в британской армии, поскольку солдатам оставалось слишком мало времени для сна. К тому же русские довольно часто производили вылазки, которые, пусть не всегда успешные, тем не менее в достаточной мере изнуряли и без того уже переутомленного противника.

Между тем турецкая армия постепенно прибывает в Евпаторию, откуда она должна предпринять действия против Симферополя, одновременно ведя наблюдение за Северной стороной Севастополя. Эта операция, — в результате которой турецкие и англо-французские войска совершенно отрываются друг от друга, образуя две совершенно обособленные армии, — является новой стратегической ошибкой, которая создает для русских возможность разбить каждую армию в отдельности. Но ошибка эта была неизбежной. Еще большей ошибкой было бы продолжать сосредоточивать так много войск на небольшом полуострове Херсонесе Гераклейском.

Таковы последствия знаменитого «балаклавского флангового марша»*.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
19 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung»
№ 37, 23 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* В английском тексте данной статьи, опубликованном в «New-York Daily Tribune» 3 февраля 1855 г., эта мысль изложена более подробно: «Таким образом, мы видим, как последствием знаменитого флангового марша на Балаклаву являются все новые и новые ошибки. Весьма возможно, что туркам будет нанесено серьезное поражение; ведь у них уже не та армия, которая сражалась при Калафате и Силистрии. Дезорганизация, пренебрежение обязанностями, нехватка всех видов снаряжения совершенно деморализовали эту армию, а другой армии, которая могла бы заменить эту, у Турции нет. При таком положении дел нет никаких шансов на то, что мирные переговоры будут прекращены падением Севастополя. За все время с момента высадки союзников это событие никогда еще не было столь маловероятно, как сейчас. Можно без преувеличения сказать, что во всей истории войн не было кампании более неудачной, чем крымская». *Ред.*

К. МАРКС

ПОДЛИННАЯ ЦЕЛЬ ВЕНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ. — ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ПРУССИИ. — СНЕЖНЫЙ БУНТ

Лондон, 23 января. Западные державы заявили, что венские переговоры ни на мгновение не приостановят их военных операций. Какую же *чисто военную выгоду* Россия могла получить от этой видимости переговоров? На этот вопрос, поставленный газетой «Sun»[337], можно дать вполне определенный ответ. Первоначально гарнизон Крыма состоял из 6-го и части 5-го (русских) армейских корпусов. 4-й корпус прибыл за несколько дней до сражения под Балаклавой; в настоящий момент на полуострове находится и 3-й корпус; 8-я дивизия прибыла в Бахчисарай 18 декабря; и 1-я, и 8-я дивизии вместо с 1-й дивизией драгун и приблизительно с 240 орудиями и четырьмя казачьими полками расположились у Перекопа. Легкая кавалерийская дивизия, входящая в состав 3-го армейского корпуса, выдвинута к Евпатории, которая и находится под се наблюдением. Таким образом, примерно половина русской *действующей* армии (не считая резервов) расположена в Крыму или в гарнизонах Одессы, Херсона и Николаева, а части 2-го корпуса (Панютина) должны подойти, чтобы оказать ей поддержку. Какова действительная численность этих 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий после потерь, понесенных ими в неудачной кампании и в результате огромных переходов, установить нельзя, разумеется, так как неизвестно, были ли эти потери восполнены новыми подкреплениями. Во всяком случае, они должны насчитывать не менее 100000 человек, годных к военной службе, не считая солдат морской пехоты и матросов, которые могут находиться в Севастополе. Концентрация в Крыму такой большой массы войск, составляющей по меньшей мере четвертую часть всех вооруженных сил России, показывает, как важно для царя Николая вовлечь Австрию в новые переговоры, пока снова не будут восполнены все потери, явившиеся результатом последних операций его волыно-подольской армии.

Опубликование последних прусских, австрийских и французских донесений используется накануне очередной сессии парламента точно так же, как договор 2 декабря был использован накануне чрезвычайной сессии парламента[338]. Министерские органы печати получили удобный случай отразить нападки на английский способ ведения войны нападками на прусскую дипломатию. Две наиболее ревностные правительственные газеты, «Globe» и «Morning Chronicle», взяли особенно резкий тон в полемике против Пруссии.

«Снежный бунт», имевший здесь место в прошлое воскресенье, является лишним примером того, какую задорную, резкую, насмешливую форму принимает протест английского народа против назойливых притязаний церковной партии и против контрабандой проведенного ею через парламент билля о более строгом соблюдении воскресного дня. В прошлое воскресенье во время утренней церковной службы на Трафальгар-сквере, близ церкви св. Мартина, собралось около полутора тысяч человек; толпа забавлялась тем, что бросала снежками в омнибусы, в извозчичьи коляски, в пешеходов. Из-за шума, поднятого у дверей церкви, службу пришлось приостановить. Когда явилась полиция, констебли стали главным объектом нападения, и через несколько минут многие из них уже не могли повернуть голову ни вправо, ни влево, из-за снега, который лежал у них на плечах, шапках и пр. Солдаты, пытавшиеся выйти из церкви, чтобы направиться в казармы, вынуждены были немедленно отступить, и их английская флегматичность подверглась серьезному испытанию. На место сражения пришлось дополнительно выслать 100 констеблей. Наконец, полиция пустила в ход дубинки, и началась жаркая схватка. Четверо главных вожаков были схвачены и доставлены в полицейский участок, несмотря на неоднократные попытки вырвать их из рук блюстителей порядка, предпринятые на Чандо-стрит и Рассел-стрит. Вчера эти люди предстали перед полицейским судом на Боу-стрит. Представители церковного совета св. Мартина также явились, чтобы свидетельствовать против них. Герои приговорены каждый к 40 шиллингам штрафа или к тюремному заключению на две недели, и на этом кончается летопись «снежного бунта». Во всяком случае, он опроверг утверждение князя де Линь, который во время нидерландского восстания отказал Иосифу II в содействии под том предлогом, что стоит зима, а снег и восстание друг друга взаимно исключают.

Написано К. Марксом 23 января 1855 г.

Напечатано о «Neue Oder-Zeitung» № 43, 26 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА
и
Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ СЕРИИ СТАТЕЙ «РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСПАНИЯ» [339]

... [вернуть под] знамя революции армию Бальестероса, которая после капитуляции своего начальника все еще оставалась сосредоточенной в Приего, на 10 лье севернее Малаги.

Во время этой своей второй Кадисской экспедиции[340] он[*] был взят в плен бойцом из отряда генерала Молитора, передан апостолической банде и отправлен в Мадрид, где был казнен 7 ноября, за четыре дня до возвращения Фердинанда в столицу.

«Non por suo culpa caja Riego,
Por traicion D'un vil Borbon»

(«Не по своей оплошности пал Риего, он был предан подлым Бурбоном»).

Когда Фердинанд прибыл в Мадрид, его посетили и приветствовали офицеры банд «армии веры»[341]; после их ухода он воскликнул, обращаясь к своим придворным: «Это те же псы, только ошейники другие».

Число монахов, доходившее в 1822 г. до 16310, увеличилось в 1830 г. до 61727, что означает прирост за 8 лет на 45417[**]. Из мадридской «Gaceta» мы видим, что за один месяц с 24 августа по 24 сентября 1824 г. было расстреляно, повешено и четвертовано 1200 человек, причем варварский декрет против комунерос[342], франкмасонов и т. д. тогда еще не был

[*] — Риего. *Ред.*
[**] Далее в рукописи зачерннуто; «профессиональных нищих». *Ред.*

обнародован. Университет в Севилье был закрыт на долгие годы, но вместо него была открыта государственная школа для обучения бою быков.

Фридрих Великий, беседуя со своим военным министром, спросил его, какую из европейских стран, по его мнению, труднее всего было бы разорить? Видя, что министр находится в некотором замешательстве, он ответил за него:

«Это Испания, так как испанское правительство уже многие годы старается ее разорить, но все тщетно».

Фридрих Великий как будто предвидел царствование Фердинанда VII.

Поражение революции 1820—1823 гг. легко объяснить. Это была буржуазная революция, точнее, городская революция, в которой деревенское население, невежественное, косное, приверженное к пышному церемониалу богослужений, оставалось пассивным наблюдателем борьбы между партиями, едва ли понимая ее смысл. В немногих провинциях, где в виде исключения деревенское население принимало активное участие в борьбе, оно выступало чаще на стороне контрреволюции— факт, вполне понятный в Испании, в этом «складе старинных обычаев, в этом хранилище всего, что в других местах уже давно изжито и позабыто», в этой стране, где во время войны за независимость встречались крестьяне, носившие шпоры, взятые из арсенала Альгамбры, и вооруженные алебардами и пиками тонкой старинной работы, которыми пользовались еще в войнах XV века. Кроме того, характерной особенностью Испании было то, что каждый крестьянин, который имел над входом своей жалкой хижины высеченный на камне дворянский герб, считал себя дворянином и что, вследствие этого, деревенское население вообще, хотя и ограбленное и нищее, никогда не испытывало того чувства глубочайшего унижения, которое ожесточало крестьян во всех других странах феодальной Европы. Тот факт, что революционная партия не сумела связать интересы крестьянства с движением городов, признается двумя лицами, игравшими виднейшую роль в революции, — генералом Морильо и Сан-Мигелем. Морильо, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к революции, писал из Галисии герцогу Ангулемскому:

«Если бы кортесы приняли закон о сениориальных правах и таким образом отняли у грандов их земельные владения в пользу черни, ваше высочество столкнулось бы с многочисленными патриотически настроенными, грозными армиями, которые организовались бы стихийно, как это произошло во Франции при аналогичных обстоятельствах».

С другой стороны, Сан-Мигель (см. его «Гражданскую, войну в Испании», Мадрид, 1836[343]) говорит:

«Крупнейшая ошибка либералов состояла в том, что они не учитывали безразличия и даже враждебности огромного большинства народа по отношению к новым законам. Многочисленные декреты, изданные кортесами для улучшения материального положения народа, не могли принести плоды так скоро, как того требовали обстоятельства. Ни сокращение наполовину церковной десятины, ни продажа монастырских поместий не способствовали улучшению материального положения низших слоев земледельческого населения. Напротив, последнее мероприятие, передав землю из рук снисходительных монахов в руки расчетливых капиталистов, ухудшило положение старых арендаторов, вызвав повышение арендной платы, так что суеверные предрассудки этого многочисленного класса, уже оскорбленные в связи с отчуждением церковных имуществ, еще более усилились под влиянием затронутых материальных интересов».

Революционные горожане, оторвавшись, таким образом, от основной массы народа, поневоле стали поэтому зависеть от армии и ее руководителей в своей борьбе против грандов, сельского духовенства, монашества и короля, представлявшего все эти отжившие элементы общества. Уже *само по себе* положение, узурпированное таким образом армией в революционном лагере, наряду с оторванностью этой армии от масс, превратило ее в орудие, опасное для тех, кто им пользовался, но безвредное для врага, которому оно должно было нанести удар. Наконец, высшие слои буржуазии, так называемые модерадос, вскоре охладели к революции, а затем и изменили ей, теша себя надеждой, что смогут прийти к власти в результате французской интервенции и таким образом — не затратив усилий на установление нового общества — воспользуются его плодами, не допуская к ним плебеев.

Положительные результаты революции 1820—1823 гг. не сводятся только к тому великому процессу брожения, который способствовал расширению кругозора значительных слоев народа и придал им новые характерные черты. Продуктом революции явилась и сама вторая реставрация[344], при которой отжившие элементы общества приняли такие формы, что стали уже нетерпимыми и несовместимыми с существованием Испании как нации. Ее главным делом было довести антагонизм до такой степени остроты, когда уже никакие компромиссы невозможны и война на истребление становится неизбежной. По словам самого лорда Ливерпула, никогда еще ни одна значительная политическая перемена не осуществлялась с меньшей жестокостью и кровопролитием, чем испанская революция 1820—1823 годов. Поэтому, когда мы видим, что гражданская война 1833—1843 гг.[345] истребила огнем и мечом

отжившие элементы* испанского общества и запятнала себя актами каннибализма, свирепую жестокость этой эпохи мы должны приписать не каким-либо особенностям испанской нации, а той же силе обстоятельств, какая вызвала во Франции господство террора. В то время как французы централизовали и тем самым сократили срок господства террора, испанцы, верные своим традициям, децентрализовали и поэтому затянули его. В силу испанских традиций революционная партия едва ли одержала бы победу, если бы она ниспровергла трон. У испанцев сама революция, чтобы победить, должна была выступить в качестве претендента на трон. Борьба двух общественных систем должна была принять форму борьбы противоположных династических интересов. Испания XIX века проделала свою революцию с легкостью, когда смогла придать ей форму гражданских войн XIV века. Именно Фердинанд VII дал революции монархическое знамя — имя Изабеллы, в то время как он завещал контрреволюции своего брата дон Карлоса, этого Дон-Кихота святой инквизиции. Фердинанд VII остался верен себе до конца. Если в течение всей своей жизни он обманывал либералов ложными обещаниями, мог ли он отказать себе в удовольствии обмануть сервилес на своем смертном ложе[346]? По части религии он всегда был скептиком! Он не мог заставить себя поверить, что кто бы то ни было — будь то хоть дух святой — может оказаться настолько глупым, чтобы говорить правду.

Написано К. Марксом 21 ноября 1854 г.

Впервые опубликовано на русском языкв в журнале «Новая и новейшая история» № 3, 1957 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

---

* Далее зачеркнуто: «власть феодалов и монахов». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРОНШТАДТСКАЯ КРЕПОСТЬ [347]

С тех пор, как сэр Чарлз Нейпир отплыл в Балтийское море, получив от первого лорда адмиралтейства «безусловное разрешение объявить войну», более оптимистически настроенная часть английского общества не перестает надеяться, что скоро придет сообщение о бомбардировке Кронштадта, захвате подступов к Санкт-Петербургу, а может быть (кто знает?) даже о водворении британского государственного флага на сверкающем шпиле русского Адмиралтейства.

В основе этих надежд лежит очень правильная мысль; она заключается в том, что Кронштадт — ключ к успеху для любого нападения на Россию с моря в районе Балтики. Захватите Кронштадт, и Санкт-Петербург у ваших ног, русский флот перестал существовать, а Россия низведена до положения, которое она занимала до Петра Великого. Если Англия, *располагая* на Балтийском море силами, необходимыми для совершения такого подвига, будет их растрачивать по мелочам больше, чем это абсолютно необходимо для наступления на пункты, имеющие второстепенное значение, она допустит крупнейшую ошибку, губительное действие которой может сказаться на двух-трех ближайших кампаниях. Но если мы понимаем решающее значение Кронштадта, то понимают его и русские, которые действовали соответствующим образом. Этот ключ к России окружен двойной и тройной броней, ощетинившейся почти тысячей орудий.

Общеизвестно, что Кронштадт занимает юго-восточный угол небольшого острова, имеющего около пяти миль в длину; этот остров прикрывает вход в сужающуюся часть Финского залива

и расположен примерно в 16 милях от устья Невы. Море по обеим сторонам острова почти всюду очень мелкое, и для морских судов имеется только два фарватера. Один, проходящий к северу от острова, в двух-трех милях от его северного побережья, имеет не менее четырех морских саженей* глубины; в четырех милях от восточной оконечности острова он делает изгиб, приближаясь к ней на расстояние в 1400 ярдов, но при этом теряет одну морскую сажень глубины. Таким образом, все северо-восточное побережье острова недосягаемо для орудий какого-либо военного корабля, идущего этим фарватером; исключение составляют лишь западная и восточная оконечности острова. Поэтому только эти оконечности укреплены, первая — фортами Екатерины, Александра и Михаила, вторая — крепостной стеной самого города и двумя батареями, воздвигнутыми на песчаной отмели приблизительно в 1000 ярдов впереди этой стены; однако более крупная из этих батарей, как передают, представляет собой развалины. На уровне северного побережья острова, между его восточными и западными оборонительными сооружениями, в доброй миле от берега, на песчаной отмели сооружена еще одна батарея, которая, однако, все же остается вне предела досягаемости огня судов, находящихся в четырехсаженном фарватере.

Итак, из-за его отдаленности от оборонительных сооружений, из-за больших навигационных трудностей, которые он представляет, и из-за значительного сокращения глубины в его юго-восточной части, этот северный фарватер следует считать непригодным для сколько-нибудь серьезной атаки Кронштадта. При условии, что известное распыление сил не повлечет за собой губительных последствий, им можно воспользоваться для отправки нескольких более легких судов в обход острова; подавив не столь уж грозную восточную батарею, они могли бы занять удобную позицию для бомбардировки города Кронштадта, в котором находятся не только главные шкиперские магазины и верфи русского военного флота на Балтике, но и много принадлежащего частным лицам строевого леса, и который поэтому набит легко воспламеняющимися материалами, так что несколько удачных попаданий артиллерийских снарядов могут вызвать огромный пожар, который за одну ночь уничтожит военно-морские склады, заполнявшиеся в течение многих лет. Есть ли реальная возможность занять такую позицию достаточным количеством легких военных кораблей? Об этом можно судить, только опираясь на тщательное обсле-

* Морская сажень = 182 см. *Ред.*

дование положения на месте в сочетании с новыми промерами глубины. Стоит ли предпринимать такой шаг? Это будет зависеть от соотношения сил. Здесь мы должны ограничиться теми выводами, которые могут быть сделаны даже на расстоянии, из сопоставления наиболее достоверных сведений, имеющихся в нашем распоряжении.

Итак, главное направление атаки проходит только по южному фарватеру, ведущему к Большому и Малому рейдам, иначе называемым теснинами. Здесь четырехсаженный фарватер, имеющий у северо-западного конца острова несколько миль в ширину, в двух милях от внутренней гавани внезапно сужается до мили и затем образует очень острый угол, вершина которого приходится против Военной гавани. В этом месте узкая отмель, проходящая от ораниенбаумской песчаной банки до острова, пересекает фарватер и уменьшает его наибольшую глубину до 3,5 морской сажени. Русские старательно сохранили это естественное укрепление своей Военной гавани, хотя для его устранения достаточно было бы немного поработать землечерпалкой. Следовательно, этот четырехсаженный фарватер, центральная часть которого имеет повсюду глубину не менее 4,5 морской сажени и обеспечивает проход крупнейших военных кораблей, является основным подступом к Кронштадту, причем решающая борьба должна развернуться у вершины острого угла, там, где на протяжении полутора миль проток имеет в ширину не более четырехсот ярдов.

Фортификационные сооружения, прикрывающие этот фарватер, являются самыми разнообразными — от допотопных строений времен Петра Великого до новейших и весьма внушительных сооружений с двумя-тремя ярусами орудий один над другим. Знаменательно, что наиболее важные пункты защищены фортификационными сооружениями, устаревшими и к тому же крайне несовершенными: *это уязвимое место Кронштадта.* Эти старинные укрепления представляют собой небольшие бастионные сооружения; орудия установлены за открытыми парапетами, а казематированные орудия малочисленны или вовсе отсутствуют; бастионы крайне малы и узки, и поэтому количество установленных на них орудий крайне мало по отношению к ширине их фронта. Кроме того, следует Отметить, что половина этих орудий в основном направлена на мелкие места, откуда можно было ожидать нападения, самое большее, канонерок. Но для таких укреплений даже канонерки опасны.

В отличие от этого современные сооружения построены в соответствии с принципами, впервые провозглашенными

Монталамбером, — принципами, которые в более или менее измененном виде получили всеобщее признание и особенно широко используются при строительстве сооружений береговой обороны. Помимо Кронштадта, примером широкого их применения для этой цели могут служить Шербур и Севастополь. Для этих сооружений характерны два-три яруса орудий, расположенных один над другим, причем орудия нижнего яруса установлены в казематах — а именно, в небольших сводчатых помещениях, в которых орудия и прислуга укрыты от огня противника самым надежным образом. Лишь орудия верхнего яруса установлены за неперекрытыми парапетами, но благодаря тому, что они расположены выше верхних палуб крупнейших трехпалубных судов, они хорошо защищены от ядер. Первая атака покажет, были ли эти форты сооружены достаточно прочно, чтобы выдержать сотрясение при стрельбе своих собственных орудий и разрушительную силу огня противника; если это так, то они будут весьма твердым орешком.

Можно считать, что в районе кронштадтского фарватера проходят три линии укреплений.

Первая, или внешняя, линия в виде полукруга прикрывает устье Большого рейда, или той части четырехсаженного фарватера, которая имеет в ширину от одной до полумили. Правое, или северное, крыло этой позиции образовано *фортом Петра* — незначительным люнетом, расположенным на острове примерно в 1400 ярдах от глубокого фарватера; *мортирной батареей,* также расположенной на острове, на полмили восточное, и которую можно считать почти бесполезной, и *фортом Константина,* — мощным, закрытым с тыла люнетом, построенным на песчаной отмели, в 1000 ярдов от края фарватера, прямо перед мортирной батареей. Это современный форт, имеющий в двух ярусах пятьдесят орудий. Его назначение — прикрытие внешних подступов; он может принести много беспокойства флоту, перестраивающемуся в боевой порядок; но раз уж этот форт пройден, половина его орудий становится бесполезной.

В середине первой линии находится *форт Александра* (не тот, который расположен на северной оконечности острова и упомянут нами выше); это — полукруглое здание, заложенное в море на глубине трех морских саженей в четырехстах ярдах от того места, где фарватер сужается до полумили. В результате этот форт простреливает весь фарватер, от края до края, и каким он ни кажется маленьким на планах и картах, он насчитывает не более не менее, как семьдесят два орудия, расположенные тремя ярусами. Если этот башневидный форт построен достаточно прочно и если его казематы хорошо венти-

лируются и не задерживают дыма, то потребуется не менее двух трехпалубных судов, чтобы справиться с ним.

За этим фортом расположена старая *Цитадель* — люнет, о маловажности которого свидетельствует само наличие нового форта, который перекрывает половину сектора обстрела его орудий.

Наконец, левое, или южное, крыло образовано *фортом* и *батареей Рисбанка,* расположенными южнее входа в Большой рейд. Этот форт, построенный в прошлом веке, подвергся модернизации, в результате чего часть его орудий теперь расположена двумя ярусами, а общее число орудий увеличилось до пятидесяти. Но, несмотря на это, он занимает гораздо большую площадь, чем современные форты, а его фронт со стороны рейда имеет в ширину около 300 ярдов и к тому же простреливается продольным огнем, частично из района фарватера и полностью с позиции, которую могут занять корабли с меньшей осадкой в водах глубиной в 3—3,5 морской сажени на полмили западнее. Чтобы компенсировать этот недостаток, на шестьсот ярдов дальше в тылу была сооружена *батарея Рисбанка,* но ее позиция мало пригодна для этой цели. Форт Рисбанка расположен ровно на милю южнее *форта Александра,* и оба эти форта перекрестным огнем простреливают вход в Большой рейд.

Эта первая линия укреплений сама по себе не была бы столь трудно преодолимой, если бы ей не оказывалась огневая поддержка со второй линии, расположенной за первой. Вторая линия прикрывает весь Большой рейд, а также вход в Малый рейд. Она состоит из двух фланговых оборонительных сооружений — *форта Петра I* (устаревшего, плохо построенного, своего рода кронверка, расположенного в полумиле к востоку от форта Александра и имеющего на фронте в 250 ярдов всего лишь 24 орудия), *Кроншлота* (устаревшего бастионного укрепления, имеющего пять фронтов, два из которых обращены к мелким водам и потому бесполезны, и имеющего, несмотря на то, что самая длинная диагональ равна 400 ярдам, не более 36 орудий) и, наконец, западной оборонительной стенки *Купеческой гавани* в центре. Эта стена выходит за пределы собственно острова Кронштадта и доходит до самого фарватера, с которым она образует прямой угол и который здесь имеет в ширину лишь 300 ярдов. На этой стенке установлено 70 пушек и 12 мортир, часть которых, однако, повидимому, демонтирована и поэтому мало может беспокоить суда. В сочетании с основными фронтами форта Петра Первого и двумя фронтами Кронштадта орудия этой стены перекрестным огнем весьма эффективно прикрывают внутреннюю часть Большого

рейда; из-за огня с первой'линии и узости фарватера каким-либо кораблям, кроме винтовых пароходов, будет, по-видимому, крайне трудно занять хорошую позицию с достаточными силами.

Третья линия, непосредственно прикрывающая Малый, или Внутренний, рейд, образована на южной стороне фарватера третьим (северо-восточным) фронтом Кроншлота, а на северо-восточной стороне — укрепленными стенами Купеческой, Средней и Военной гаваней. Последняя, образующая тупой угол с восточным концом Средней гавани, простреливает продольным огнем весь Малый рейд, а южные стены Купеческой и Средней гаваней прикрывают его фронтальным огнем. На флангах обеих стен расположено несколько бастионов, укрепленных ворот и других выступов. Поскольку здесь ширина фарватера ни в одном месте не превышает 250 ярдов, сражение было бы весьма жестоким, но нет никакого сомнения в том, что раньше, чем корабли могли бы проникнуть так далеко, Кронштадт вынужден был бы капитулировать.

Центральным укреплением этой третьей линии и единственным, которое когда-либо может принести практическую пользу, является *форт Меншикова* — первый бастион с запада на южной стенке Купеческой гавани. Этот бастион был перестроен в башню внушительных размеров, 44 орудия которой расположены *четырьмя ярусами* (один ярус над другим), причем одна половина этих орудий продольным огнем простреливает большую часть Малого и Большого рейдов, а вторая половина вследствие направления, приданного амбразурам, почти ни на что не пригодна. Вопрос о том, не окажутся ли четыре яруса орудий слишком большой тяжестью для непрочного фундамента этого здания, остается открытым.

Следует также отметить, что со стороны суши Кронштадт прикрыт правильными бастионными фронтами, для овладения которыми потребовалась бы организация осады по всей форме; а такая осада на болотистой местности маленького острова, если операционной базой служит только флот, представляет большие трудности. Овладеть Кронштадтом можно только с моря.

Само собой разумеется, что мы могли описать долговременные сооружения лишь на основании данных последних топографических съемок и военных донесений. За последние несколько лет могли иметь место кое-какие изменения, но едва ли они были значительными.

Суммируем сказанное. Судьбы любой атаки на Кронштадт должны решаться на Большом рейде, а на этом участке един-

ственными укреплениями, способными успешно отразить атаку флота, являются форты Александра, Петра **I**, Рисбанка, два фронта Кроншлота, западная стена гавани и форт Меншикова. По совокупности они могут открыть огонь по атакующему противнику одновременно из 350 орудий, большинство которых хорошо защищено стенами и сводами и ведут огонь через узкие амбразуры. Другие батареи либо направлены на другие участки района атаки, либо не имеют особого значения, либо же нужные объекты будут находиться вне пределов досягаемости их огня. Вопрос стоит следующим образом:

Можно ли по этому узкому и запутанному фарватеру перебросить достаточное количество кораблей, чтобы устоять против северного и южного фронтов обороны и подавить их огонь, если сами эти корабли подвергаются фланкирующему огню со стен гавани, из форта Меншикова и Кроншлота? Военно-морские специалисты, возможно, ответят на этот вопрос, если они не предпочтут подождать, чтобы на него ответила жизнь. Опираясь на свои скромные познания в области тактики флота, мы бы сказали, что здесь именно тот случай, где преимущества винтовых линейных судов могут привести к результатам, которые показались бы недосягаемыми для парусных кораблей и колесных пароходов.

Повторяем: самое уязвимое место Кронштадта — это устаревшие форты. Они расположены на наиболее выгодных позициях и занимают большую часть наличного пространства, далеко не обеспечивая необходимой эффективности огня. Если форт Рисбанка был модернизирован, то форт Петра I и Кроншлот остались на весьма низком уровне. Возможно, что их довольно легко подавить и даже занять и в таком случае использовать для бомбардировки города. Но как только корабли прорвутся до уровня фортов Александра и Рисбанка, они смогут обстреливать город и нанести огромный ущерб, если только их внимание не будет достаточно отвлечено фортами.

Написано Ф. Энгельсом
в конце марта 1854 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ПРИЛОЖЕНИЯ

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ [348]

В связи с ростом влияния буржуазных элементов в Англии естественно предположить, что постепенно изменится и прежнее их положение по отношению к аристократии и что ныне существующие между обоими классами отношения фактически станут неприемлемыми. Это предположение подтверждается некоторыми достойными внимания фактами, относящимися к последним пяти годам. Лет пять тому назад богатый банкир Джонс Ллойд был возведен в пэры с титулом лорда Оверстона. Часть своего огромного богатства он употребил на покупку поместья в графстве Нортгемптон. Аристократия, верная своей старой политике, решила допустить его в свою среду; но это было сделано не потому, что он миллионер, а потому, что он крупный землевладелец. Какие же, однако, условия предъявили Джонсу Ллойду? Он должен был порвать всякую связь с банковским делом и с торговлей. И Джонс Ллойд принял эти условия. Таким образом очевидно, что аристократия ни на йоту не изменила своих традиционных взглядов относительно того, что требуется, чтобы стать пэром. Но все ли представители *высшей буржуазии* будут так же сговорчивы, как Джонс Ллойд? Вероятно, не все. Более того: мы знаем случай, когда важное должностное лицо в течение всей своей жизни отказывалось от звания пэра и запретило своим сыновьям принять это звание и после своей смерти. Мы имеем в виду памятный пример покойного сэра Роберта Пиля. Сын и внук ланкаширского промышленника и фабриканта, он в последние годы своей жизни претендовал на роль лидера крупной буржуазии; и хотя он давно мог бы стать пэром, но он предпочитал оставаться

первым в палате общин и не желал отстраняться от общественной деятельности, заняв место в палате лордов. Его жизнь является убедительным доказательством того, что центр тяжести политической власти находится где-то в недрах класса буржуазии. Каким примером революционности и каким прецедентом является тот пункт его завещания, — если воспринимать его в свете еще живых в памяти народа событий 1848 г., — в котором Роберт Пиль запрещает своим детям принять титул пэра, если он когда-либо будет им предложен за общественные заслуги их отца! На смертном одре он жестоко отомстил потомственной аристократии за все насмешки, которыми она награждала его за его плебейское происхождение и от которых так страдала его чувствительная душа с тех пор, как он еще мальчиком приехал в Харроу. Лорд Джон Рассел также последовал примеру сэра Роберта Пиля. Хотя он был сыном и братом герцогов Брэдфордских и давно мог бы стать пэром, он тоже отказался от этого. Много времени спустя это его решение подверглось серьезному испытанию. Должность председателя Тайного совета почти всегда замещается пэром, и когда во время последней смены кабинета Рассел принял этот пост, все были уверены, что он получит титул пэра. Но нет! Он предпочел остаться членом палаты общин, отказался от нового поста, обратился к избирателям города Лондона и снова был единогласно избран в палату общин. Когда про сэра Уильяма Молсуорта стали распространяться слухи, будто его вводят в палату лордов, он счел это оскорбительным для себя как для политического деятеля и опубликовал решительное опровержение, заявив, что он вовсе не намерен *принять* титул пэра.

Это все касалось титула пэра. Но может показаться, что рыцарское звание — поскольку оно не влечет за собой приобщение к политической власти — было введено для удовлетворения выскочек из буржуазии. Так можно объяснить возведение в этот ранг сэра Джозефа Пакстона, главного садовника герцога Девонширского, и подрядчика сэра Джона Фокса. Но может ли рыцарское звание во всех случаях удовлетворить чувство собственного достоинства буржуазии? По-видимому, нет. Инженер Стефенсон с презрением отверг это мишурное звание, и совсем недавно его примеру последовал железнодорожный подрядчик Дэргэн, полагая, без сомнения, что принятие этого звания поставит его в ложное положение. Напрасно королева наносит ему визит в его великолепном особняке, — честь, какой ранее удостаивались только представители высшей аристократии. Скромный бюргер отказывается склониться перед королевским величеством, и королева Виктория, схватив

упирающегося гражданина под руку, позволяет себе заявить, что в настоящее время феодализм нуждается в поддержке промышленных главарей эпохи.

Но если буржуазия отвоевывает понемногу власть у аристократии, естественно будет спросить, каким путем она использует свое вновь приобретенное влияние? Это дело следует рассматривать но с классовой точки зрения, а с широких гуманитарных позиций. Важнейший встающий в связи с этим вопрос следующий: в какой мере перемена отразится на судьбе и социальных условиях миллионов трудящихся Англии.

Некоторые политики, принадлежащие к так называемой либеральной школе, много наговорили о «союзе буржуазии с рабочим классом», но эта идея нелепа и химерична. Широка пропасть, отделяющая работодателя от рабочего, хозяина от слуги.

Что касается домашних слуг, то последняя сентенция Тал-форда говорит сама за себя:

«Как печально думать», — говорит он, — «что рядом с нами обретаются мужчины и женщины, заботящиеся о нашем комфорте и нуждах, постоянные обитатели наших жилищ, с чьими *чувствами и характером* мы так же мало знакомы, как если бы они *являлись обитателями другой планеты».*

И чтобы нельзя было спутать «обитателей двух планет», буржуазные дамы, забыв о том, что сами еще сравнительно недавно принадлежали к низшему сословию, заставляют свою женскую прислугу носить «чепцы», подчеркивающие их низкое происхождение, и редко разрешают служанкам одеваться нарядно, боясь, как бы не были утрачены отличительные признаки собственников, если не *земли,* то *денег.*

Что касается различного рода поденщиков, то их отношения с работодателями таковы: всем известно, какое сопротивление предприниматели оказали биллю о десятичасовом рабочем дне. Тори, раздосадованные ущербом, который им нанесла недавняя отмена «хлебных законов», помогли рабочему классу добиться этого билля; но когда закон прошел, его стали обходить, цинично пуская в ход всевозможные хитрости, мелкие уловки и тайное предательство, о чем свидетельствуют отчеты окружных инспекторов. В парламенте представители буржуазии встречали воплями о коммунизме все дальнейшие попытки добиться более человеческих условий существования для трудящихся. Г-н Кобден поступал таким образом очень много раз. На предприятиях целью работодателей уже много лет является удлинение рабочего дня сверх всяких пределов человеческой выносливости и снижение заработка квалифицированного

рабочего до заработка чернорабочего путем бессовестного применения системы контрактов и натравливания одних рабочих на других. Эта система заставила, наконец, взбунтоваться общество Объединенных механиков. И грубость выражений, которая стала в эти дни обычным явлением у предпринимателей, показывает, как мало можно ожидать от них человеческих чувств. Их грубое невежество обнаружилось далее и в том, что Ассоциация предпринимателей наняла третьеразрядного литератора Сидни Смита, которому она поручила выступить в печати в свою защиту и вести словесную войну против взбунтовавшихся рабочих. Стиль этого наемного писаки вполне соответствовал задаче, которую он должен был выполнить; когда битва окончилась, предприниматели, не нуждаясь больше ни в литературных произведениях, ни в печати, дали своему наймиту по шапке. Если буржуазия не ставит себе целью прохождение классической программы обучения, то это не значит, что она изучает современные науки и современную литературу. Гроссбух, конторка, торговая деятельность — вот образование, которое она считает достаточным. Хотя на образование буржуазных барышень и затрачиваются большие деньги, но получают они лишь обрывки «светского образования», а о подлинном воспитании интеллекта или об обогащении ума наукой здесь нет и речи.

Блестящая плеяда современных английских романистов, которые в ярких и красноречивых книгах раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики, публицисты и моралисты вместе взятые, дала характеристику всех слоев буржуазии, начиная с «весьма благородного» рантье и капиталиста, который считает, что заниматься каким-либо делом — вульгарно, и кончая мелким торговцем и клерком в конторе адвоката. Какими изобразили их Диккенс и Теккерей, мисс Бронте и мистрис Гаскелл? Как людей, полных самонадеянности, лицемерия, деспотизма и невежества; а цивилизованный мир подтвердил этот приговор убийственной эпиграммой: «они раболепствуют перед теми, кто выше их, и ведут себя как тираны по отношению к тем, кто ниже их».

Скованность и ограниченность сферы, в которой они вращаются, в известной степени объясняется социальной системой, частицу которой они составляют. Подобно тому, как русское дворянство с одной стороны ощущает над собой гнет царя, а с другой — страх перед порабощенными массами, находящимися внизу, так английская буржуазия стиснута между аристократией, с одной стороны, и рабочим классом — с дру-

гой. Со времени заключения мира в 1815 г. каждый раз, когда буржуазия хотела выступить против аристократии, она уверяла рабочий класс, что причиной его бедствий является та или иная привилегия или монополия аристократии. Так буржуазия побудила рабочий класс помочь ей в 1832 г. добиться билля о реформе, а добившись этого билля *для себя,* с тех пор отказывает рабочему классу в подобном билле для него; более того, в 1848 г. она выступила против рабочего класса, вооружившись дубинкой специального констебля. Далее, очередной панацеей от всех бедствий рабочего класса была провозглашена отмена хлебных законов. Это удалось отвоевать у аристократии, но «хорошие времена» еще не наступили, и в прошлом году, как бы для того, чтобы отнять последнюю возможность повторения подобной политики в будущем, аристократия вынуждена была согласиться на введение налога на наследуемое недвижимое имущество, от которого эта аристократия сама себя эгоистически освободила в 1793 г., переложив его на наследуемое движимое имущество. Вместе с этой последней незначительной привилегией аристократии исчезла и последняя возможность обманывать рабочий класс, уверяя его, что причиной его тяжелого положения является законодательство, созданное аристократами. У рабочего класса теперь широко раскрылись глаза, он начинает говорить: «Наш Санкт-Петербург — в Престоне!» Действительно, за последние восемь месяцев этот город был свидетелем странных событий: постоянная армия в 14000 мужчин и женщин, пользуясь материальной поддержкой тред-юнионов и фабричных рабочих во всех концах Соединенного королевства, начала против капиталистов великую социальную битву за власть, а капиталисты Престона, в свою очередь, получают помощь от капиталистов Ланкашира.

Какие бы новые формы эта социальная борьба ни приняла в дальнейшем, мы видим только ее начало. Ей суждено, по-видимому, стать борьбой в национальном масштабе и пройти через такие фазы, которых история еще не знала. Ведь надо иметь в виду, что хотя рабочему классу еще могут предстоять временные поражения, уже вступили в действие великие социальные и экономические законы, которые обеспечат его конечную победу. То же развитие промышленности, которое заставило буржуазию выступить против аристократии, в настоящее время — отчасти этому способствует и будет способствовать эмиграция — толкает рабочий класс на выступление против буржуазии. Подобно тому, как буржуазия наносит удары аристократии, так и она будет получать удары от рабочего класса. Инстинктивное понимание этого факта уже сковывает

выступления буржуазии против аристократии. Недавние политические выступления рабочего класса научили буржуазию ненавидеть открытое политическое движение и бояться его. Говоря на ее жаргоне, «порядочные люди не участвуют в нем, сэр». Высшие слои буржуазии по-обезьяньи перенимают образ жизни аристократии и стремятся породниться с ней. Вследствие этого в Англии феодализм не погибнет, а сохранится под покровом уже начинающей загнивать буржуазии. Честь окончательной победы над феодализмом достанется рабочему классу. Когда назреет момент, на арену политической борьбы открыто выступят три мощных противостоящих друг Другу класса: один из них будет представлять землевладение, второй — деньги, третий — труд. И так же, как второй одерживает верх над первым, так ему, в свою очередь, придется уступить место своему преемнику на арене политической и социальной борьбы.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4145, 1 августа 1854 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью
публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья Ф. Энгельса «Европейская война» написана в связи с вхождением англо-французского флота в Черное море в ночь с 3 на 4 января 1854 года. Этому событию предшествовало в октябре 1853 г. объявление Турцией войны России после оккупации русскими войсками Дунайских княжеств (июнь 1853 г.); первое значительное сражение между русскими и турецкими войсками произошло у Олтеницы 4 ноября (23 октября) 1853 г. (см. примечание 31); затем последовал разгром турецкой эскадры русскими кораблями в морском бою при Синопе 30 (18) ноября 1853 года. Появление англо-французского флота в Черном море фактически означало начало военных действий Франции и Англии против России.

Статья «Европейская война» является одним из многочисленных военных обзоров, написанных Энгельсом по просьбе Маркса для американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), выходившей с 1841 по 1924 год. Эта газета, основанная видным американским журналистом Хорасом Грили, до середины 50-х годов XIX в. была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В ней принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для этой газеты было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых

противоречий, а также для показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась с присланными Марксом статьями, печатая некоторые статьи без подписи автора в виде редакционных передовых и допуская вторжение в текст статей. При этом наиболее интересные и важные статьи появлялись в газете без подписи Маркса. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. В конце марта 1854 г. Маркс категорически предложил редакции либо печатать в качестве передовых только военные обзоры, либо печатать весь поступающий от него материал без подписи. Редакция «Tribune» стала систематически использовать военные обзоры, которые писались преимущественно Энгельсом, в качестве передовых статей. Осенью 1854 г. почти все статьи, посылаемые Марксом, стали печататься без подписи, и многие из них — в качестве передовых.

С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, редакция предложила Марксу сократить число корреспонденции. Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса о рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *1.*

[2] Маркс имеет в виду политику французского правительства, использовавшего во время походов Наполеона Бонапарта в Италию в 1796— 1799 гг. республиканское и национально-освободительное движение итальянского народа против австрийского ига для создания ряда итальянских государств, фактически зависимых от Франции; некоторые итальянские области были непосредственно присоединены к Франции. — *2.*

[3] Речь идет об уничтожении Римской республики и восстановлении светской власти папы в июле 1849 г. в результате французской интервенции, предпринятой по решению правительства Луи Бонапарта.

В качестве претендента на неаполитанский престол Луи Бонапарт имел в виду Наполеона Люсьена Шарля Мюрата, сына наполеоновского маршала Иоахима Мюрата, бывшего неаполитанским королем в 1808—1815 годах. — *2.*

[4] Во время войны за баварское наследство (1778—1779 гг.) между Австрией и Пруссией последняя, рассчитывая на помощь царского правительства, избегала решительных сражений. Это привело к усилению позиций России, выступившей в роли арбитра при заключении мира и получившей право вмешиваться во внутренние дела Германского союза. Заключенный вслед за этим (1780 г.) оборонительный союз между Россией и Австрией нанес сильнейший удар по всем планам Пруссии. В 1800 г., во время австро-французской войны, Пруссия пыталась взять на себя роль арбитра, но результатом явилась ее же собственная изоляция.

В 1805 г., во время войны третьей коалиции (Австрия, Англия и Россия) с наполеоновской Францией, Пруссия, выжидая развития событий, занимала нейтральную позицию. После разгрома коалиции наполеоновские войска в 1806 г. разгромили и Пруссию. — *3.*

[5] *Отцеживать комаров и глотать верблюдов* — английская поговорка, заимствованная из библии, означающая обращать внимание на мелочи, пренебрегая основным. — *3.*

[6] *Пушки Пексана* — применявшиеся во флоте пушки, изобретенные в 1822 г. французским генералом Пексаном; стреляли разрывными бомбами. — *4.*

[7] Разгром прусской армии под Йеной 14 октября 1806 г. повлек за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией и показал всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *5.*

[8] После поражения венгерской революции 1848—1849 гг. Кошут и его сторонники спрятали в районе Оршовы регалии короля Стефана, в том числе и его корону, которой австрийские императоры короновались на царство в качестве венгерских королей. Австрийское правительство 8 сентября 1853 г. обнаружило тайник, в связи с чем распространилось множество слухов относительно того, кто выдал его местонахождение. Редакция «New-York Daily Tribune» 19 октября 1853 г., со слов своего лондонского корреспондента А. Пульского, несправедливо обвинила в этом венгерского революционера Б. Семере. Первый абзац статьи на русском языке публикуется впервые. — *7.*

[9] *Кабинет всех талантов* — ироническое название коалиционного министерства Абердина (1852—1855), в которое вошли представители вигов и пилитов. Существование этого министерства, в условиях, когда правящая партия и находившиеся в оппозиции тори численно уравновешивали друг друга в палате общин, зависело от поддержки так называемой ирландской бригады — фракции ирландских депутатов в английском парламенте, насчитывавшей более 60 человек. При формировании министерства Абердин предоставил трем ирландским депутатам министерские посты, что вызвало раскол ирландской бригады (см. примечание 116). — *8.*

[10] 6—9 января 1854 г. в нескольких городах Девоншира начались вызванные резким повышением цен на хлеб продовольственные волнения, которые в последующие дни распространились почти на все графство. В них участвовали, главным образом, женщины и дети, которые громили продовольственные лавки. Выступления были подавлены вооруженной силой. — *8.*

[11] *«La Patrie»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *8.*

[12] Речь идет о ноте Англии, Франции, Австрии и Пруссии, подписанной 12 декабря 1853 г. послами этих четырех держав в Константинополе и врученной Турции 15 декабря 1853 года. Четыре державы предлагали турецкому правительству свое посредничество для восстановления мира между Россией и Турцией, выдвигая в качестве основы для переговоров следующие важнейшие пункты: эвакуация Россией Дунайских княжеств, возобновление действия прежних договоров между Россией

и Турцией, гарантия особых прав христиан в Турции фирманами. — *8.*

[13] Имеется в виду Лондонская конвенция о черноморских проливах от 43 июля 1841 г., подписанная с одной стороны Россией, Англией, Францией, Австрией, Пруссией, с другой стороны Турцией. Конвенция устанавливала, что Босфор и Дарданеллы будут закрыты в мирное время для военных судов всех держав. Конвенция аннулировала выгодный для России Ункяр-Искелесийский договор 1833 года. — *9.*

[14] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *9.*

[15] *«The Standard»* («Знамя») — ежедневная английская газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — *9.*

[16] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *10.*

[17] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *10.*

[18] *«The Press»* («Пресса») — английский еженедельник, орган тори; издавался в Лондоне с 1853 по 1866 год. — *10.*

[19] Имеется в виду секретная статья русско-турецкого договора о дружбе и взаимной обороне, заключенного в Ункяр-Искелеси 8 июля (26 июня) 1833 года; по этой статье Турция фактически обязывалась по требованию России закрыть доступ иностранных военных судов в Черное море. — *10.*

[20] *«Neue Preusische Zeitung»* («Новая прусская газета») — крайне реакционная немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»), так как на ее заголовке изображен крест. — *10.*

[21] Английский публицист и бывший дипломат Давид Уркарт с начала 30-х годов XIX в. публиковал в своем журнале «Portfolio» (см. примечание 40) и в виде отдельных брошюр документы, касающиеся тайной дипломатии европейских держав, в том числе ряд документов, изобличавших дипломатическую деятельность Пальмерстона — фактического руководителя внешней политики Англии на протяжении многих лет.

Маркс, который вел неустанную борьбу по разоблачению тайной дипломатии правящих классов, в 1853 г. в своей серии обличительных статей «Лорд Пальмерстон» (см. настоящее издание, том 9, стр. 357— 425) наряду с другими источниками использовал документы, опубликованные Уркартом. С другой стороны, некоторые статьи Маркса о Пальмерстоне были перепечатаны Уркартом в виде отдельных выпусков. В то же время Маркс резко критиковал Уркарта и решительно отвергал клеветнические заявления буржуазной печати, объявлявшей

его «уркартистом». Маркс постоянно подчеркивал принципиальное отличие своей позиции от позиции Уркарта. В то время как последний требовал сохранения и укрепления феодальной Турецкой империи, Маркс и Энгельс стремились к разрешению так называемого восточного вопроса революционным путем и считали необходимым предоставление национальной независимости славянским и другим народам, находившимся под турецким игом. В ряде статей, публикуемых в настоящем томе (стр. 263 и др.), Маркс характеризует самого Уркарта как реакционера, больше всего боящегося революции, как человека, коренным образом расходящегося с пролетарской партией, — единственной партией, способной устранить прогнившую парламентскую основу олигархического правления Англии. — *10.*

[22] Речь идет о кратковременном уходе Пальмерстона с поста министра внутренних дел (16—24 декабря 1853 г.). Этот демагогический шаг Пальмерстон предпринял, рассчитывая вернуться к власти в качестве главы кабинета (см. статью Маркса «Отставка Пальмерстона», настоящее издание, том 9, стр. 565—568). — *16.*

[23] Статья «Восточная война» была написана К. Марксом специально для газеты «Zuid Afrikaan» («Южноафриканец»), выходившей в Капштадте (Кейптауне) и печатавшейся одновременно на английском и голландском языках. Предложение сотрудничать в этой газете Маркс получил в декабре 1853 г. через своего зятя И. К. Юта. Из трех статей, посланных Марксом, была напечатана только одна. — *17.*

[24] Сообщение о потоплении турками русского линейного корабля «Ростислав» было помещено в «Times» 9 января 1854 года. Согласно русским официальным документам («Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о Синопском морском сражении» и «Ведомости повреждений, полученных кораблями эскадры П. С. Нахимова в Синопском бою») «Ростислав» после синопского сражения благополучно прибыл на Севастопольский рейд, где был поставлен на ремонт. — *20.*

[25] Речь идет об одной из предпринятых после смерти Луи-Филиппа в 1850 г. попыток слияния легитимистов — сторонников старшей ветви французской династии Бурбонов — со сторонниками младшей ветви — орлеанистами. В конце 1853 г. состоялась встреча претендента на французский престол легитимиста графа Шамбора с представителем орлеанистов — герцогом Немурским, а в начале 1854 г. последовал визит Шамбора к вдове Луи-Филиппа. — *23.*

[26] *«Entente cordiale»* («сердечное согласие»)—выражение, принятое в XIX в. для обозначения сближения между Францией и Англией после июльской революции 1830 года. Несмотря на «entente cordiale», как в 30-х годах, так и в последующее время неоднократно имело место обострение англо-французских противоречий в ряде международных вопросов, в частности, в восточном вопросе.—*23.*

[27] Имеется в виду протокол, подписанный 5 декабря 1853 г. на совещании в Вене представителями Англии, Франции и Пруссии совместно с австрийским министром иностранных дел Буолем. В этом протоколе, как и в последовавших за ним нотах, четыре державы предлагали свое посредничество для урегулирования конфликта между Россией и Турцией.

В упомянутом Марксом письме французского и английского послов в Константинополе от 12 декабря 1853 г. министру иностранных дел Турции Решид-паше указывалось, что присутствие французского и английского флотов в Босфоре является доказательством дружественных намерений правительств Англии и Франции по отношению к Турции и что в случае попыток царского правительства высадить свои войска на территории Турции флоты этих держав выступят в защиту Оттоманской империи. — *24.*

[28] По *Кючук-Кайнарджийскому договору* (1774 г.) Россия получила часть северного побережья Черного моря между Южным Бугом и Днепром с крепостью Кинбурн, а также Азов, Керчь и Еникале и добилась признания независимости Крыма. Русским торговым судам предоставлялось право свободного плавания через Босфор и Дарданеллы. По договору султан должен был предоставить ряд привилегий православной церкви, в частности, в статье 14 предусматривалось сооружение православной церкви в Константинополе.

По *Адрианопольскому договору* (1829 г.) к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. По этому договору Турция обязывалась признать автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению протектората царя над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством и узаконить фирманом автономию Сербии.

По *Ункяр-Искелесийскому договору* (1833 г.) Россия и Турция обязались помогать друг другу в случае войны с каким-либо государством. О секретной статье договора— см. примечание 19.—*25.*

[29] *«Augsburger Zeitung»* («Аугсбургская газета») — так называли немецкую ежедневную реакционную газету «Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), основанную в 1798 году; с 1810 по 1882 г. газета выходила в Аугсбурге. — *29.*

[30] *Ландвер* — часть вооруженных сил Пруссии, охватывавшая военнообязанных старших возрастов, отслуживших свой срок в постоянной армии и резерве. По прусским законам призыв ландвера возможен был только в случае войны. — *33.*

[31] 1 ноября (20 октября) 1853 г. турецкие войска переправились из Туртукая (правый берег Дуная) на один из островов, откуда угрожали Олтеницкому карантинному посту, занятому русскими войсками. Воспользовавшись затем бездействием генерала Данненберга, командовавшего корпусом русской армии на Дунае, турецкие войска переправились с острова на левый берег Дуная, заняли Олтеницкий карантин и создали сильное предмостное укрепление, прикрываемое огнем батарей, расположенных на острове и на правом берегу реки. Попытки русских войск 4 ноября (23 октября) выбить турок с захваченных ими позиций кончились неудачей. — *35.*

[32] Речь идет о ноте четырех держав, врученной Турции 15 декабря 1853 г. (см. примечание 12). В ответной ноте 31 декабря 1853 г. Турция сообщила условия, на основе которых она соглашалась вести переговоры о мире при посредничестве Англии, Австрии, Франции и Прус-

сии: 1) сохранение и гарантия целостности ее территории, 2) эвакуация Дунайских княжеств, 3) возобновление и соблюдение договора 1841 г., 4) уважение суверенитета султана. Эти условия были одобрены новым венским совещанием послов 13 января 1854 г. и переданы затем царскому правительству. — *37.*

[33] Имеются в виду требования, предъявленные Турции от имени царского правительства Меншиковым во время его пребывания в Константинополе в качестве чрезвычайного посла (28 февраля — 21 мая 1853 г.). Царь требовал признания своего права покровительства над всеми православными подданными Турции, добиваясь, чтобы это было оформлено соответствующим внешнеполитическим договором (сенедом). — *38.*

[34] *«The Spectator»* («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходил в Лондоне с 1828 года. — *39.*

[35] Маркс использует для характеристики кампании против принца-консорта Альберта материал из еженедельного чартистского органа «The People's Paper» («Народная газета») от 21 января 1854 года.

«People's Paper» была основана в мае 1852 г. в Лондоне одним из вождей революционного чартизма, другом Маркса и Энгельса Э. Джонсом. С октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных Марксом и Энгельсом специально для «People's Paper», в газете перепечатывались важнейшие их статьи из «New-York Daily Tribune». В этот период «People's Paper» последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному разрыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *40.*

[36] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 50-х годах XIX в. орган радикальной буржуазии. — *40.*

[37] Имеется в виду декларация Швеции и Дании (декабрь 1853 г.) о нейтралитете в случае военных действий на Балтийском море. — *43.*

[38] *Манчестерская школа* — направление в английской экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую впоследствии в английскую либеральную партию. — *43.*

[39] Имеется в виду указ царского правительства от 2 марта (19 февраля) 1836 г. об учреждении в Сулинском гирле Дуная русского карантинного поста, который фактически играл роль таможни, контролирующей движение судов на этом участке реки. — *44.*

[40] *«Portfolio»* — сокращенное название собрания дипломатических документов и материалов, издававшегося Д. Уркартом в Лондоне. Серия «The Portfolio; or a Collection of State Papers» («Портфель, или Собрание государственных документов») выходила в 1835—1837 годах; новая серия выходила в 1843—1845 гг. под названием «The Portfolio. Diplomatic Review» («Портфель. Дипломатическое обозрение»). — *44.*

[41] A. Somerville. «Cobdenic Policy the Internal Enemy of England. The Peace society, its combativeness. Mr. Cobden, His secretiveness. Also, a Narrative of Historical Incidents». London, 1854, p. 36 (А. Сомервилл. «Кобденовская политика — внутренний враг Англии. Общество мира, его воинственность. М-р Кобден, его скрытность. Также рассказ об исторических эпизодах». Лондон, 1854, стр. 36). — *44.*

[42] Имеется в виду анонимный памфлет Кобдена «Russia. By a Manchester manufacturer; author of «England, Ireland, and America»», Edinburgh, 1836 («Россия. Написано манчестерским фабрикантом, автором книги «Англия, Ирландия и Америка»», Эдинбург, 1836). — *44.*

[43] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. После отмены хлебных законов в 1846 г. Лига прекратила свое существование. — *45.*

[44] По существовавшей в Англии традиции из имевшихся примерно 100 ирландских пэров (английские помещики, получившие в Ирландии землю до унии 1801 г.) 26 избирались в палату лордов, остальные могли быть избраны в палату общин. — *46.*

[45] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. — *46.*

[46] *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник»), официального правительственного органа; выходила в Париже с 1789 года. — *48.*

[47] В конце января — начале февраля 1854 г. А. Ф. Орлов вел в Вене по поручению Николая I переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом. Миссия Орлова состояла в том, чтобы добиться дружественного нейтралитета Австрии в Крымской войне, взамен чего Россия ручалась за полную неприкосновенность австрийских владений и бралась побудить Пруссию и весь Германский союз присоединиться к этому ручательству. Кроме того царь предлагал Австрии совместный протекторат над государствами, которые образовались бы на Балканах в случае распада Турции. В силу противоречий между Россией и Австрией в восточном вопросе миссия Орлова не увенчалась успехом. — *50.*

[48] Имеются в виду переговоры, которые А. Ф. Орлов вел в мае — июле 1833 г. в Константинополе в качестве чрезвычайного посла и главнокомандующего русскими силами, прибывшими для оказания помощи

турецкому султану Махмуду II против восставшего египетского паши Мухаммеда-Али. В результате переговоров был подписан 8 июля (26 июня) 1833 г. Ункяр-Искелесийский договор (см. примечание 28). Дипломатический успех России обострил англо-русские противоречия. — *50.*

[49] Маркс имеет в виду свою статью, опубликованную в «New-York Daily Tribune» 22 июня 1853 г. (см. настоящее издание, том 9, стр. 120—129). — *51.*

[50] Речь идет об обсуждавшемся в начале 1854 г. и обнародованном в июле 1854 г. новом основном законе Датского королевства (см. настоящий том, стр. 385—386). Закон усиливал подчинение датской короне составных частей королевства (собственно Дании, Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга) за счет их автономии. Закон встретил сильную оппозицию, а в 1863 г. в связи с принятием новой конституции был упразднен. Последний абзац статьи на русском языке публикуется впервые. — *54.*

[51] *Синие книги* — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны.

В данном случае Маркс имеет в виду издание: «Correspondence respecting the Rights and Privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey». Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. London, 1854 («Переписка, касающаяся прав и привилегий католической и православной церквей в Турции». Представлена обеим палатам парламента по повелению ее величества. Лондон, 1854). — *55.*

[52] В 1839 г. в парламент были представлены отчеты о переговорах между английским уполномоченным в Кабуле Бёрнсом и эмиром Афганистана Дост-Мухаммедом, на основании которых в 1838 г. по требованию Пальмерстона была объявлена английским правительством война Афганистану. Как выяснилось впоследствии, из подборки документов были изъяты наиболее важные бумаги, что позволило изобразить политику Дост-Мухаммеда, как явно враждебную Англии. — *55.*

[53] В 1839 г. началась турецко-египетская война, результатом которой явилось в начале 40-х годов обострение восточного вопроса и усиление противоречий между великими державами. Войска султана в 1839 г. вступили в Сирию, завоеванную в 1831—1833 гг. египетским правителем Мухаммедом-Али, но были разбиты. Западные державы, опасаясь сепаратного вмешательства России в турецко-египетский конфликт, настояли на обращении к султану с коллективной нотой 27 июля 1839 г., в которой Порте предлагалось содействие всех великих держав. Однако борьба между Англией и Францией из-за сфер влияния на Ближнем Востоке, в частности в Египте, привела к тому, что Лондонская конвенция от 15 июля 1840 г. о мерах военной помощи держав султану была подписана Англией, Россией, Австрией и Пруссией без Франции. Франция, делавшая фактическую ставку на Мухаммеда-Али, вскоре вынуждена была уступить, покинув Мухаммеда-Али на произвол судьбы. — *56.*

[54] Речь идет о гибели английского корабля «Тейлор», направлявшегося в Мельбурн; катастрофа произошла 21 января 1854 г, у острова Ламбей (близ Дублина); как показало следствие, команда «Тейлора» была набрана из случайных, малоквалифицированных матросов. — *60.*

[55] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция английского правительства.

Ирландская бригада — фракция ирландских депутатов в парламенте Великобритании. В 30—50-е годы XIX в. значительная часть ее состояла из представителей правого, соглашательского крыла национального движения, отражавшего интересы верхушки ирландской буржуазии, лендлордов и клерикально-католических кругов. В то же время в ее состав входили ирландские либеральные деятели, опиравшиеся на зажиточных арендаторов. В условиях равновесия, установившегося между тори и вигами, ирландская бригада, наряду с манчестерцами, имела возможность колебать соотношение сил в парламенте, оказывать влияние на ход внутрипарламентской борьбы и иногда решать судьбу правительства. — *60.*

[56] Речь идет о соглашении, подписанном в феврале 1835 г. лидером ирландского буржуазно-национального движения О'Коннелом, возглавлявшим ирландскую бригаду в парламенте, с лидерами партии вигов. Так как переговоры происходили в доме лорда Личфилда в Лондоне, это соглашение получило название Личфилдхаусского соглашения. — *60.*

[57] *«Обществом искусств и надувательств»* Маркс называет основанное в 1754 г. буржуазно-просветительное и филантропическое Общество искусств и ремесел; в 50-х годах XIX в. это общество возглавлял принц Альберт. Общество широковещательно объявляло своей целью «поощрение искусств, ремесел и торговли» и награждение тех, кто способствует «предоставлению беднякам занятии, расширению торговли, обогащению страны и т. п.». В 1853 г., стремясь воспрепятствовать развитию массового забастовочного движения в Англии и подготовке чартистами Рабочего парламента (см. примечание 92), Общество искусств и ремесел попыталось выступить в роли посредника между рабочими и предпринимателями. В январе 1854 г. состоялось собрание Общества, на котором присутствовало около 200 человек, принадлежащих к самым различным направлениям. Э. Джонс пытался предложить резолюцию, в которой признавалось право рабочих на стачки и осуждались локауты, но Джонсу не дали говорить. После этого он и его товарищи покинули зал. Собрание вылилось в бесплодную дискуссию по вопросам локаутов, стачек, уровня заработной платы и т. д. — *61.*

[58] Речь идет о так называемой Люксембургской комиссии — Правительственной комиссии по рабочему вопросу, заседавшей в Люксембургском дворце под председательством Луи Блана. Комиссия была создана временным правительством Франции 28 февраля 1848 г. под давлением рабочих, требовавших создания министерства труда. Практическая деятельность комиссии, состоявшей из представителей рабочих и предпринимателей, свелась к посредничеству в трудовых конфликтах, зачастую к выгоде хозяев, чему способствовала соглашательская тактика Луи Блана. После выступления народных масс 15 мая 1848 г. правительство 16 мая 1848 г. ликвидировало Люксембургскую комиссию.— *61.*

[59] Требование о выдаче бежавших в Турцию после подавления революции 1848—1849 гг. венгерских и польских революционеров было предъявлено правительствами Австрии и России турецкому правительству в 1849 году. Под давлением Англии и Франции (английская эскадра в декабре 1849 г. вошла в Дарданеллы), боявшихся усиления русского влияния в Турции, это требование было тогда взято обратно. — *63.*

[60] *Капитуляции* (от латинского capitulare — договариваться) — документы, предоставлявшие торговые льготы и привилегии подданным европейских государств в странах Востока, в том числе и в Турции (см. статью К. Маркса «Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса», настоящий том, стр. 168—169). — *64.*

[61] Маркс иронически применяет здесь титул, данный папой королю Арагона Фердинанду (1479—1516) за изгнание мавров из Испании и затем обычно употреблявшийся при обращении римских пап к испанским королям. — *64.*

[62] Имеется в виду книга: L. F. Simpson. «The Eastern Question: a Connected Narrative of Events from the Missions of Count Leiningen and Prince Menschikoff to Constantinople, to the present Day». London, 1854 (Л. Ф. Симпсон. «Восточный вопрос: связный рассказ о событиях, происшедших со времени посещения миссиями графа Лейнингена и князя Меншикова Константинополя до сегодняшнего дня». Лондон, 1854). Ниже Маркс цитирует материалы, касающиеся австро-турецкого конфликта из-за Черногории, приведенные на страницах 3—6 и 8—10 этой книги. — *65.*

[63] Речь идет о греческом восстании, начавшемся весной 1821 года. Восстание было подготовлено тайными обществами греческих патриотов — гетериями. Сигналом к нему послужил переход в марте 1821 г. отряда Александра Ипсиланти — греческого офицера на русской службе, возглавлявшего в Одессе одну из гетерий, — через Прут в Дунайские княжества с целью проникновения в Грецию. Поход отряда Ипсиланти закончился неудачей, но он дал толчок массовому восстанию, охватившему вскоре всю страну. В январе 1822 г. Национальное собрание, созванное в Эпидавре, провозгласило независимость Греции и приняло конституцию. Турецкий султан, будучи не в состоянии справиться своими силами с восставшими греками, призвал на помощь своего вассала, египетского правителя Мухаммеда-Али, войска которого под командованием Ибрагим-паши вторглись в Морею (Пелопоннес), учиняя повсюду зверскую расправу над греческим населением. В начале восстания отношение к нему держав Священного союза, в частности царской России, было резко отрицательным. Однако огромное сочувствие, которое вызвала повсюду борьба греков, а главное возможность использовать эту борьбу для упрочения своего влияния на юге Балканского полуострова побудили Англию, царскую Россию и Францию признать Грецию воюющей стороной и оказать ей военную помощь. Решающее значение для завоевания Грецией независимости имела победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в результате которой Турция вынуждена была признать Грецию самостоятельным государством. Однако по решению правящих кругов европейских держав греческому народу был навязан реакционный монархический режим. — *66.*

[64] Речь идет о письме Наполеона III к императору Николаю от 29 января 1854 г., опубликованном в газете «Moniteur universel» 14 февраля; письмо воспроизведено в «New-York Daily Tribune» 6 марта 1854 года. — *69.*

[65] *Первой Венской нотой* Энгельс называет проект компромиссного соглашения между Россией и Турцией, который был подготовлен австрийским министром Буолем и принят на совещании послов Франции, Англии и Пруссии в Вене в конце июля 1853 года. Нота предусматривала обязательство султана соблюдать Кючук-Кайнарджийский (1774) и Адрианопольский (1829) договоры и сохранять неприкосновенными права и преимущества православной церкви в Оттоманской империи. Согласно решению совещания, ноту следовало направить сначала царю, а затем, в случае положительного к ней отношения с его стороны, — султану. Николай I одобрил содержание ноты, оставив в то же время за собой право истолковывать ее по своему усмотрению, но турецкий султан обусловил свое согласие подписать ее включением в эту ноту ряда изменений и оговорок, которые царское правительство признало для себя неприемлемыми. — *70.*

[66] Энгельс имеет в виду войны Англии против Франции, продолжавшиеся с 1793 по 1815 год. — *71.*

[67] Далее следует заключительный абзац, добавленный редакцией «New-York Daily Tribune»: «В другом месте наш лондонский корреспондент дает понять, что он не хочет верить в такое предательство, но факты — упрямая вещь и ум должен, в конце концов, признать их. После того, как западные державы предприняли такие отчаянные шаги, чтобы избежать войны, трудно представить себе, перед чем они вообще могут остановиться». В данном случае под лондонским корреспондентом редакция подразумевала А. Пульского. — *73.*

[68] Опубликованные в данной статье сведения были сообщены Марксу Ф. Лассалем в письме от 10 февраля 1854 года. Маркс считал, что предание гласности планов прусского правительства, в частности его намерений арестовать демократов, может помешать осуществлению этих планов. — *74.*

[69] В данной статье, как и в последующих статьях, посвященных анализу дебатов о войне в английском парламенте, Маркс пользовался стенографическими отчетами газеты «Times», содержавшими иногда фактические неточности и опечатки. Для анализа парламентских дебатов за предыдущие годы Маркс большей частью использовал выходившее в Лондоне издание Хансарда «Парламентские дебаты» (Hansard's Parliamentary Debates).

Первый абзац статьи на русском языке публикуется впервые. — *77.*

[70] В соответствии с процедурой, принятой в английском парламенте, палата общин при обсуждении некоторых важных вопросов объявляет себя заседающей в полном составе в качестве комитета (Committee of the whole House), что равносильно закрытому заседанию; обязанности председательствующего (Chairman of the Committees) на таких заседаниях исполняет одно из состоящих в списке председателей лиц, которое специально назначается спикером палаты общин для проведения данного заседания. При обсуждении ряда важных вопросов,

касающихся покрытия государственных расходов, палата общин заседает в качестве комитета по изысканию средств (Committee of Ways and Means). — *77.*

71 В 1844 г. министр внутренних дел Англии Грехем в угоду австрийскому правительству отдал приказ почтовому ведомству выдавать полиции для перлюстрации письма итальянских революционеров-эмигрантов. В числе прочих были вскрыты письма братьев Бандьера к Мадзини, в которых они излагали план своей экспедиции в Калабрию. При осуществлении этой экспедиции участники ее были арестованы, братья Бандьера были расстреляны. — *78.*

72 В мае 1851 г. в Константинополь прибыл французский посол Лавалет, который вручил султану требования президента Французской республики Луи-Наполеона о соблюдении всех прав и преимуществ католической церкви в Иерусалиме. Фирманом (указом) от 9 февраля 1852 г. султан признал права Франции, определенные в ряде прежних франко-турецких договоров. Но таких же преимуществ добивалась и русская дипломатия для православной церкви; борьба по этому вопросу, фактически являвшаяся борьбой за преобладание русского или французского влияния на Востоке, привела к резкому обострению русско-французских отношений, послужившему в дальнейшем одной из причин Крымской войны. — *79.*

73 При Наварине (совр. Пилос — город и порт в Греции) 20 октября 1827 г. произошло сражение между турецко-египетским флотом и соединенными английской, французской и русской эскадрами под командованием английского адмирала Э. Кодрингтона, направленными европейскими державами в греческие воды с целью вооруженного посредничества в войне между Турцией и греческими повстанцами. Сражение, начавшееся после отказа турецкого командования прекратить расправу с греческим населением, привело к полному разгрому турецко-египетского флота и ускорило начало успешной для России русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Выдающуюся роль в сражении при Наварине сыграла русская эскадра, особенно флагман «Азов», командиром которого являлся М. П. Лазарев. — *83.*

74 *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *93.*

75 Речь идет о депеше русского посла во Франции Поццо-ди-Борго канцлеру графу Нессельроде от 16(4) октября 1825 года. Депеша являлась ответом на циркуляр, составленный Нессельроде по указанию Александра I 18 (6) августа 1825 г., в котором запрашивалось мнение русских послов за границей о сущности политики, проводимой западными державами по отношению к России в восточном вопросе, и о линии поведения русской дипломатии. В своей депеше Поццо-ди-Борго на основе анализа позиции держав в восточном вопросе рекомендовал прибегнуть к прямым военным действиям России против Турции. Депеша была опубликована в «Recueil des documents relatifs a la Russie pour la plupart secrets et inedits utiles a consulter dans la crise actuelle», Paris, 1854 («Собрание документов о России, большой частью секретных и неопубликованных, с которыми полезно ознакомиться в связи

с современным кризисом», Париж, 1854), Первый выпуск этой публикации вышел в Париже в июле 1853 г. под заглавием «Recueil des documents pour la plupart secrets et inedits et d'autres pieces historiques utiles a consulter dans la crise actuelle (juillet 1853)» («Собрание документов, большей частью секретных и неопубликованных, и других исторических документов, с которыми полезно ознакомиться в связи с современным кризисом (июль 1853)»). — *94.*

[76] См. Карамзин, «История Государства Российского», т. XI, Спб. 1835, гл. I, стр. 23. — *94.*

[77] Под священным союзом против Франции Маркс подразумевает изоляцию Франции, осуществленную английской дипломатией в 1840 г. (см. примечание 53).

Договор о Дарданеллах — см. примечание 13. — *96.*

[78] Имеется в виду начавшееся в январе 1854 г. восстание греческого населения, охватившее ряд греческих областей, входивших в состав Турецкой империи. Повстанцы добивались воссоединения с Грецией, которая послала свои войска в районы восстания. Турецкое правительство, опираясь на поддержку Англии и Франции, в июне 1854 г. подавило восстание. — *98.*

[79] Во время австро-турецкой войны 1788—1790 гг. австрийские войска оккупировали Сербию (1789). Под давлением Англии и Пруссии Австрия в 1791 г. заключила в Систове (Свиштове) мирный договор с Турцией, по которому обязалась очистить все захваченные ею области. — *98.*

[80] *Nervus belli* — сокращенная римская поговорка: pecunia est nervus belli — деньги — нерв войны. — *100.*

[81] Имеется в виду Societe generale du Credit Mobilier — крупный французский акционерный банк, основанный в 1852 г. братьями Перейра. Банк был тесно связан с правительством Наполеона III, под покровительством которого занимался спекулятивными махинациями; в 1867 г. банк обанкротился и в 1871 г. был ликвидирован. — *100.*

[82] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы. Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее восстание было сорвано и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Краковской республике, подчиненной с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене. феодальных повинностей. Одновременно развернулось восстание украинских крестьян в Галиции. Восстание в Кракове было подавлено в марте 1846 **г.**, после чего австрийское правительство подавило движение галицийских крестьян. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *104.*

[83] По мирному договору Австрии с Сардинским королевством (Пьемонтом) от 6 августа 1849 г. Пьемонт должен был уплатить Австрии контрибуцию в размере 75 млн. флоринов.

В 1853 г. австрийское правительство конфисковало в Ломбардии и Венеции имущество эмигрировавших участников революции 1848— 1849 годов. — *105.*

[84] *Военная граница* — так назывались в XVI—XIX вв. южные области Австрийской империи (Словения, Хорватия, Славония и Банат), жители которых — граничары — обязаны были нести военную пограничную службу за пользование землей. — *105.*

[85] В 1789 г. в Австрийских Нидерландах (Бельгия) произошло национальное восстание против австрийского господства, так называемая Брабантская революция. Восстание было подавлено австрийскими войсками в 1791 году. — *106.*

[86] См. примечание 26. — *107.*

[87] Chateaubriand. «Cougres de Veronne. Guerre d'Espagne. Negociations. Colonies espagnoles». T. I—II. Bruxelles, 1838 (Шатобриан. «Веронский конгресс. Война в Испании. Переговоры. Испанские колонии». Тт. I— II. Брюссель, 1838). — *112.*

[88] Имеется в виду договор, заключенный в апреле 1834 г. между Англией, Францией, Испанией и Португалией (так называемый четверной союз). Формально направленный против абсолютистских «северных держав» (России, Пруссии и Австрии), этот договор на деле позволил Англии под предлогом оказания военной помощи испанскому и португальскому правительствам в борьбе против претендентов на престол, дон Мигела в Португалии и дон Карлоса в Испании, укрепить свои позиции в этих двух странах. Это явилось причиной ухудшения англо-французских отношений. — *112.*

[89] Речь идет о состоявшихся в 1846 г. браках испанской королевы Изабеллы II с дон Франсиско де Асис и инфанты Луизы-Фердинанды с сыном французского короля Луи-Филиппа герцогом Монпансье. При отсутствии у Изабеллы прямых наследников герцог Монпансье становился, таким образом, одним из первых претендентов на испанский престол. Эта победа французской дипломатии вызвала резкое недовольство Англии, которая поддержала во Франции буржуазную оппозицию правительству Луи-Филиппа. — *112.*

[90] В 1838 г. в связи с отказом афганского эмира Дост-Мухаммеда заключить союз с Англией против Ирана и России Англия, не сумев превратить Афганистан в орудие своей политики, решила путем военной интервенции свергнуть Дост-Мухаммеда и посадить на престол своего ставленника шаха Шуджу. Английские войска вторглись в Афганистан, захватили и опустошили почти всю страну, взяли в плен Дост-Мухаммеда; однако господство англичан оказалось непродолжительным. В результате народного восстания в ноябре 1841 г. английские войска были разгромлены и истреблены. В 1842 г. англичане предприняли еще одну попытку завоевать Афганистан, окончившуюся также полным провалом. — *113.*

[91] В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны. В ходе войны повстанцами было создано «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тянь-го»), откуда все движение и получило название тайпинского движения. Тайпины уничтожали маньчжурских феодалов, господствовавших в Китае, отменяли налоги, ликвидировали крупную феодальную собственность. Восстание приобрело также характерную для крестьянских движений, особенно на Востоке, религиозную окраску, нанося удар буддийскому духовенству и монастырям, являвшимся опорой маньчжурской династии. Тайпинская революция, положившая начало широкой борьбе китайского народа против феодального строя и иноземных захватчиков, оказалась, однако, не в состоянии ликвидировать феодальный способ производства в Китае. В тайпинском государстве сформировалась своя феодальная верхушка, которая шла на компромисс с господствовавшими классами, что явилось одной из причин упадка движения. Основной удар революции был нанесен открытой интервенцией Англии, США и Франции, вооруженные силы которых вместе с войсками китайских феодалов подавили в 1864 г. тайнинское восстание. — *113.*

[92] В связи с подъемом массового забастовочного движения английского пролетариата в 1853 г. группа чартистов во главе с Джонсом выдвинула идею создания широкой рабочей организации «Массовое движение», которая должна была объединить и тред-юнионы, и неорганизованных рабочих, в первую очередь с целью координации забастовок в различных районах страны. Организацию должен был возглавлять периодически созываемый Рабочий парламент из делегатов, избранных на митингах неорганизованных рабочих и на собраниях тред-юнионов, примкнувших к «Массовому движению». Рабочий парламент был созван в Манчестере 6 марта 1854 г. и заседал до 18 марта 1854 года. Он обсудил и принял программу «Массового движения» и создал Исполнительный комитет из 5 человек. Маркс, избранный почетным делегатом Парламента, прислал письмо (см. настоящий том, стр. 122—123), которое было зачитано 10 марта. В нем Маркс сформулировал как первоочередную задачу английского рабочего движения — задачу создания самостоятельной пролетарской массовой политической партии. Придавая большое значение созыву Рабочего парламента, Маркс видел в этом попытку вывести рабочее движение Англии из узких рамок тред-юнионизма, шаг к соединению экономической борьбы с политической.

Попытка организовать «Массовое движение», однако, не удалась, так как большинство лидеров тред-юнионов, отрицательно относившихся к политической борьбе, не поддержало идею создания единой массовой рабочей организации. Спад забастовочного движения к лету 1854 г. также отрицательно сказался на участии в движении широких рабочих масс. После марта 1854 г. Рабочий парламент больше не собирался. — *114.*

[93] См. примечание 58. — *114.*

[94] *Национальная чартистская ассоциация* была основана в июле 1840 года, Ассоциация была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъема чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказывалось отсутствие идейного и тактического единства среди ее членов и мелкобуржуазная

идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартистов в 1848 г. передовые, тяготевшие к научному коммунизму представители революционного чартизма, в первую очередь Э. Джонс, пытались в начале 50-х годов реорганизовать чартистское движение на социалистической основе. Это нашло отражение в программе, принятой чартистским конвентом в 1851 году. Во второй половине 50-х годов в связи с временной победой оппортунизма в английском рабочем движении в упадком чартизма Ассоциация фактически прекратила свою деятельность. — *115.*

95 Речь идет о манифесте Николая I от 21 (9) февраля 1854 г. о разрыве дипломатических отношений с Францией и Англией; в письме к Наполеону III 9 февраля (28 января) 1854 г. Николай I отказывался пойти на какой-либо компромисс в восточном вопросе. — *117.*

96 *Компания Южных морей* была создана в Англии около 1712 г. под предлогом торговли с Южной Америкой и островами Тихого океана; подлинной ее целью была спекуляция государственными бумагами. Компания получила от правительства ряд привилегий и монопольных прав, в частности право выпуска государственных ценных бумаг, и развернула гигантскую спекулятивную деятельность, которая завершилась в 1720 г. банкротством компании. В результате банкротства образовался большой государственный долг, часть которого Гладстон в 1853 г. пытался ликвидировать путем скупки обесцененных акций этой компании. — *121.*

97 *Греческая война за независимость* — см. примечание 63. — *129.*

98 Статья Ф. Энгельса «Отступление русских от Калафата» принадлежит к числу тех статей Маркса и Энгельса, которые публиковались одновременно в двух печатных органах. Как и в других аналогичных случаях за неимением рукописи в основу русского перевода взят наиболее полный и достоверный из имеющихся печатных текстов, а важнейшие разночтения помещены под строкой. В данном случае статья печатается по тексту, появившемуся в чартистском органе «People's Paper». — *132.*

99 Бунцельвицкий (или Вербенский) укрепленный лагерь был создан по приказу прусского короля Фридриха II в 1761 г. во время Семилетней войны.

Укрепления под Торрес-Ведрасом (в Португалии, между рекой Тахо и Атлантическим побережьем) были сооружены в 1810 г. по приказу Веллингтона для прикрытия Лиссабона от французских войск.

Укрепления, сооруженные войсками австрийского эрцгерцога Карла во время войны третьей коалиции (1805 г.) с наполеоновской Францией, находились недалеко от Вероны.

Во всех трех случаях укрепленные позиции не были взяты неприятелем. — *134.*

100 Речь идет о секретной переписке английского посланника в Петербурге лорда Сеймура с министром иностранных дел Англии, касающейся переговоров Сеймура с Николаем I по турецкому вопросу в начало 1853 года. Ход этих переговоров и двусмысленная позиция, занятая в них английским правительством, подробно проанализированы

Марксом в данной статье и в непосредственно примыкающей к ней статье «Секретная дипломатическая переписка» (см. настоящий том, стр. 149—164). — *137.*

[101] *«Journal de Saint-Pétersbourg»* («Санкт-Петербургская газета») — орган русского министерства иностранных дел, под данным названием выходила на французском языке с 1825 по 1914 г. в Петербурге.

Речь идет о статье, опубликованной в «Journal de Saint-Pétersbourg» 2 марта (18 февраля) 1854 г. в связи с выступлением Джона Рассела 17 февраля 1854 г. в палате общин (см. настоящий том, стр. 79). Статья намекала на существование сговора в турецком вопросе между царским правительством и правительством Англии, ссылаясь в подтверждение на секретную переписку Сеймура в 1853 г. и на меморандум 1844 года. — *137.*

[102] Маркс имеет в виду слежку, которая систематически проводилась за ним прусским правительством. Одним из организаторов этой слежки в 50-х годах был прусский посол в Лондоне Бунзен, пользовавшийся известным содействием английских властей. В переписке Маркса и Энгельса неоднократно встречаются упоминания о том, что их письма подвергались перлюстрации. — *147.*

[103] Дата написания этой статьи установлена по записной книжке Маркса. В «New-York Daily Tribune» статья ошибочно датирована «пятница, 24 марта 1854 года», — *165.*

[104] По существовавшему в Англии с 1662 г. законодательству пауперы, обращавшиеся за помощью в попечительство о бедных какого-либо прихода, могли быть решением суда насильно возвращены по месту своего основного жительства. 10 февраля 1854 г. в палату общин был внесен билль, запрещающий проводить в Англии и Уэльсе принудительное переселение бедных. — *166.*

[105] 12 марта 1854 г. в Константинополе между Францией, Англией и Турцией был заключен договор, по которому союзники обязались оказывать Турции военную помощь морскими и сухопутными силами, а Турция обязалась не вступать с Россией в мирные переговоры и не заключать мира без согласия Англии и Франции. — *166.*

[106] *Улемы* — высшее сословие богословов и законоведов в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, которое сосредоточивало в своих руках судопроизводство и управление всеми религиозными учреждениями и школами; улемы пользовались большим влиянием в политической жизни Оттоманской империи.

Фетва — в странах Востока решение высшего мусульманского духовного лица о допустимости того или иного мероприятия или действия с точки зрения корана и шариата. — *166.*

[107] *Берберские государства* — принятое в литературе XIX в. обозначение государств, расположенных в Северной Африке вдоль Средиземного моря (Алжир, Тунис, Марокко и др.). — *167.*

[108] C. Famin. «Histoire de la rivalité et du protectorat des églises chrétiennes en Orient», Paris, 1853 (С. Фамен. «История соперничества христианских

церквей на Востоке и протектората над ними», Париж, 1853), стр. 13; далее цитируются стр. 15, 49, 50 и 54—55. — *167.*

[109] «Capitulations, ou Traites anciens et nouveaux entre la cour de France et la Porte ottomane, renouvel<u>e</u>s et augment<u>e</u>s l'an de J. C. 1740, et de l'h<u>e</u>gire 1153; traduits <u>a</u> Constantinople par le sieur Deval, secr<u>e</u>taire-interpr<u>e</u>te du roi et son premier drogman <u>a</u> la cour ottomane, 1761». — *169.*

[110] В предисловии к трагедии «Семирамида» (1748), озаглавленном «Рассуждение о древней и современной трагедии», Вольтер пишет о трагедии Шекспира «Гамлет»: «Можно подумать, что это произведение является порождением фантазии пьяного дикаря. Но среди этих грубых нарушений форм, которые еще и сейчас делают английский театр таким абсурдным и варварским, в «Гамлете» находишь, наряду с еще большими странностями, возвышенные мысли, достойные величайшего гения». — *174.*

[111] *Панталоне* — один из персонажей народной итальянской комедии масок, изображал купца-венецианца, богатого, скупого и глупого старика. — *174.*

[112] *Ящик Пандоры* — вместилище зла и раздоров; литературный образ, сложившийся на основе древнегреческого мифа о Пандоре, из любопытства открывшей сосуд, в котором были заключены всевозможные бедствия, и выпустившей их наружу. — *177.*

[113] *Даунинг-стрит* — см. примечание 55. — *178.*

[114] Речь идет о передовой статье газеты «Times» от 3 апреля 1854 г., в которой редакция, резко критикуя выступление Лейарда в палате общин, ставила под сомнение и его деятельность как археолога-ассироведа. Наиболее крупными работами Лейарда в области археологии являлись «Nineveh and its Remains» («Развалины Ниневии»), вышедшая в Лондоне в 1848—1849 гг., и «Nineveh and Babylon» («Ниневия и Вавилон»), вышедшая в Лондоне в 1853 году. — *179.*

[115] Подробный анализ внешней политики Пальмерстона Маркс дает в написанном в октябре — начале декабря 1853 г. памфлете «Лорд Пальмерстон» (см. настоящее издание, том 9, стр. 357—425). — *183.*

[116] В декабре 1852 г. при формировании коалиционного министерства премьер-министр Абердин предоставил министерские посты трем членам ирландской бригады: Кьоу, Садлеру и Монселлу, что вызвало резкий протест ряда ирландских депутатов и привело к расколу внутри бригады. За спиной поддерживавших правительство ирландских депутатов стояли высшее католическое духовенство, ирландская буржуазия и лендлорды, боявшиеся подъема национально-освободительного движения в Ирландии. Другая часть бригады во главе с Даффи опиралась на прослойку зажиточных ирландских арендаторов, добивавшихся от правительства нового закона об аренде в Ирландии. — *186.*

[117] Ошибочные сведения об эвакуации русскими Аландских островов были опубликованы в газете «Times» 7 апреля 1854 года. — *186.*

[118] Речь идет о ряде совещаний, проведенных в Вене в 1853—1854 гг. представителями Англии, Франции и Пруссии (послами этих держав

в Австрии) и австрийским министром иностранных дел Буолем. Первое совещание, созванное в июле 1853 г., на которое был приглашен также и русский посол, отказавшийся, однако, принять в нем участие, имело своей официальной целью осуществление посредничества между Россией и Турцией в связи с обострением русско-турецких отношений. На этих неоднократно созывавшихся совещаниях постепенно согласовывались и вырабатывались требования четырех держав к России и Турции; эти требования затем легли в основу работы Венской конференции 1855 г. и Парижского мирного договора 1856 г., закончившего Крымскую войну. — *191.*

[119] В начале 1853 г. австрийское правительство выселило из Ломбардии более 5000 уроженцев швейцарского кантона Тессин. Эту меру оно мотивировало тем, что восстание в Милане в феврале 1853 г. было подготовлено итальянскими революционерами-эмигрантами, проживавшими в Тсссине. Лишь в марте 1855 г., после длительных дипломатических переговоров, австрийское правительство разрешило изгнанным тессинцам вернуться обратно. — *197.*

[120] Под итальянской конституционной партией Маркс подразумевает либеральную партию (так называемые moderatti — умеренные), возглавлявшуюся Кавуром; эта партия представляла интересы крупной либерально-монархической буржуазии и обуржуазившегося дворянства, которые добивались объединения Италии сверху, под эгидой Савойской династии; опасаясь революционного движения народных масс, она строила свою тактику на использовании благоприятной международной обстановки и помощи других государств. В 1853—1854 гг. эта партия добивалась участия Пьемонта в Крымской войне на стороне Англии и Франции, надеясь обеспечить таким образом поддержку этих держав в деле объединения Италии. Пьемонт вступил в войну в 1855 году.

Туринская газета «Unione» («Союз») являлась органом левого крыла этой партии. — *199.*

[121] Речь идет о передовой статье в «Times» от 19 апреля 1854 г., в которой газета критиковала нерешительность министерства в вопросах, связанных с ведением войны. — *203.*

[122] *«Lloyd»* — сокращенное название английской либеральной газеты «Lloyd's Weekly London Newspaper» («Лондонский еженедельник Ллойда»), выходившей под данным названием в 1843—1918 гидах. — *205.*

[123] Договор между Австрией и Пруссией был подписан 20 апреля 1854 г. в Берлине. — *206.*

[124] Имеется в виду протокол очередного совещания, проведенного в Вене представителями Англии, Франции, Пруссии и Австрии, подписанный 9 апреля 1854 года. Подписавшие протокол державы отказывались от сепаратных действий по урегулированию конфликта между Россией и Турцией. В качестве основы для будущего соглашения намечалось: целостность Турецкой империи, эвакуация русскими войсками Дунайских княжеств, предоставление христианским подданным султана таких

религиозных и гражданских свобод, которые были бы совместимы с независимостью и суверенитетом султана, а также изыскание необходимых гарантий, обеспечивающих европейское равновесие при урегулировании политических отношений Турции. — *209.*

[125] Как видно из записной книжки Маркса, 2 и 5 мая 1854 г. он отправил в редакцию «New-York Daily Tribune» две статьи. Однако редакция газеты объединила эти статьи в одну, напечатав ее 16 мая 1854 г. за подписью Маркса. В настоящем томе эта статья воспроизводится в том виде, как она была напечатана в газете. Часть присланного Марксом материала — о прусской политике — редакция использовала в сильно искаженном виде в своей передовой, напечатанной в газете 19 мая 1854 года. — *212.*

[126] *«L'Independance belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — *213.*

[127] *«Die Presse»* («Пресса») — австрийская ежедневная буржуазная газета либерального направления, издавалась в Вене с 1848 по 1894 год; в 1861—1862 гг., когда газета занимала антибонапартистскую позицию, в ней публиковались статьи и корреспонденции Маркса.— *216.*

[128] *«Agramer Zeitung»* («Аграмская газета») — ежедневная газета, выходившая в Аграме (Загребе) с 1826 г., официоз австрийского правительства. —*217.*

[129] Речь идет о национально-освободительной борьбе германского народа против французского господства, развернувшейся после разгрома наполеоновских войск в России. Во время этой борьбы господствующие классы и правящие династии стремились разжечь шовинистические настроения и использовать борьбу народа для укрепления феодально-реакционных порядков в Германии. — *217.*

[130] *Treubund* (Союз верных) — реакционно-шовинистическая организация, созданная прусскими монархистами в Берлине в конце 1848 года. — *217.*

[131] Маркс имеет в виду серию своих статей о финансовом бюджете Гладстона, написанную весной 1853 г. (см. настоящее издание, том 9, стр. 44—85). — *220.*

[132] Речь идет о соглашении, подписанном между представителями России, Англии и Нидерландов 19 (7) мая 1815 г. в Лондоне о возмещении России военных издержек, связанных с изгнанием наполеоновских войск из голландских и бельгийских провинций. По этому соглашению правительства Англии и Нидерландов обязывались уплатить в качестве компенсации часть русского долга голландским банкирам Гопе и К° (по 25 млн. голландских гульденов) и непогашенные до 1 января 1816 г. проценты по этому долгу. Специальная статья соглашения оговаривала, что уплата долга прекращается в случае отпадения от Нидерландов бельгийских провинций. После революции 1830 г. и образования

независимого бельгийского государства правительство Нидерландов прекратило платежи. Однако Пальмерстон от имени английского правительства подписал с Россией 16 (4) ноября 1831 г. новое соглашение, подтверждавшее прежние финансовые обязательства Англии. — *225.*

[133] Здесь фактическая неточность: генерал Д. Е. Остен-Сакен командовал третьим армейским корпусом на Дунае, а затем (с декабря 1853 г.) он же командовал войсками, охранявшими побережье от Буга до Дуная; штаб его находился в Одессе. — *227.*

[134] *Бой при Эккернфёрде* 5 апреля 1849 г. — одна из операций в шлезвиг-гольштейнской войне, происходившей между Данией и Пруссией в 1848—1850 годах. — *229.*

[135] Статьи К. Маркса об очистке имений в Шотландии и Ирландии см. настоящее издание, том 8, стр. 521—528 и том 9, стр. 161—167.

Далее Маркс приводит фактические данные, опубликованные Э. Джонсом в передовой статье газеты «People's Paper» от 13 мая 1854 года. — *232.*

[136] Речь идет об одной из крупнейших стачек английских рабочих в 50-х годах XIX века. В августе 1853 г. забастовали ткачи и прядильщики хлопчатобумажных фабрик Престона и его окрестностей, потребовавшие повышения заработной платы на 10%; их поддержали рабочие других профессий. В ответ Ассоциация предпринимателей в сентябре 1853 г. объявила локаут. Из 30000 престонских рабочих не работало около 25000 человек. Характерной чертой забастовочного движения 1853 г. являлась помощь, оказываемая рабочими других городов бастующим, благодаря этому престонские рабочие смогли продержаться более 36 недель. Локаут был прекращен в феврале 1854 г., но стачка продолжалась. Для того, чтобы сорвать ее, Ассоциация предпринимателей начала ввозить в Престон рабочих из Ирландии и работных домов Англии. В марте 1854 г. были арестованы руководители стачки. По мере того как иссякали денежные фонды, рабочие были вынуждены возвращаться на работу. В мае стачка закончилась. О начале престонской стачки см. настоящее издание, том 9. — *235.*

[137] Данная статья, печатаемая по «People's Paper», была опубликована и в «New-York Daily Tribune» под заглавием «Военные действия в Балтийском и Черном морях. Англо-французская система ведения войны». Редакция «People's Paper» предпослала тексту статьи следующий абзац: «Чтобы предоставить место нижеследующей талантливой статье, написанной известным европейским политическим деятелем, находящимся в настоящее время в Англии, мы вынуждены отказаться от обычной сводки событий». — *236.*

[138] Имеются в виду донесения адмирала Гамелена французскому правительству, 1 и 5 мая 1854 г., о действиях союзных эскадр в Черном море после бомбардировки Одессы; донесения были опубликованы в сокращенном виде в газете «Moniteur universel» 21 мая 1854 года. — *239.*

[139] Речь идет о большом лагерном сборе и военных маневрах, проведенных близ города Чобема, недалеко от Лондона, с 21 июня по 20 августа 1853 г. в связи с готовившейся войной против России. — *246.*

[140] *Мейферские радикалы* — прозвище группы псевдорадикалов (Молсуорт, Бернал Осборн и др.), в действительности представлявших ту часть английской аристократии, которая заигрывала с демократическими кругами. Слово «мейферский» происходит от названия одного из фешенебельных районов Лондона — Мейфера, в котором расположены особняки аристократов. — *248.*

[141] Имеется в виду протокол очередного совещания представителей Англии, Франции, Австрии и Пруссии в Вене 23 мая 1854 года. — *250.*

[142] *«The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах. — *256.*

[143] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной вечерней газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды их правления — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. — *258.*

[144] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году. — *261.*

[145] Имеется в виду разгром турецкой армии под Веной 12 сентября 1683 г. австро-немецко-польскими войсками, в котором решающую роль сыграли польские войска под командованием Яна Собеского. Это сражение остановило продвижение турок в Центральную Европу. — *262.*

[146] J. Hammer. «Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenutzten Handschriften und Archiven». Bd. 1—10, Pest, 1827—1832 (Й. Гаммер. «История Османской империи, составленная преимущественно на основе ранее неиспользованных рукописей и архивов». Тт. 1—10, Пешт, 1827—1832). — *262.*

[147] *Пилиты* — группа умеренных тори, объединившихся вокруг Р. Пиля и поддерживавших его политику уступок торгово-промышленной буржуазии в области экономической политики при сохранении политического господства крупных землевладельцев и финансистов. В 1846 г. Пиль в интересах промышленной буржуазии провел отмену хлебных законов, что вызвало резкое недовольство тори-протекционистов и привело к расколу партии тори и обособлению группы пилитов. Со времени смерти Пиля в 1850 г. пилиты являлись политической группировкой, не имевшей определенной программы. Пилиты участвовали в коалиционном правительстве Абердина (1852—1855). В конце 50-х — начале 60-х годов пилиты вошли в состав либеральной партии. — *263.*

[148] В записной книжке Маркса отмечено, что 6 июня 1854 г. в редакцию «New-York Daily Tribune» была отправлена статья о Сент-Арно. Эта статья не была напечатана. — *265.*

[149] Речь идет об июльской буржуазной революции 1830 года во Франции. — *265.*

[150] *«Помоги себе сам и небо тебе поможет»* — так называлось политическое общество умеренно-либерального направления, основанное во Франции в 1827 г. при участии ряда будущих деятелей Июльской монархии (Гизо, Барро, Лафайет и др.); в общество входила также группа буржуазных республиканцев (Флокон, Годфруа Кавеньяк и др.).

Общество 10 декабря — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г., состояло преимущественно из деклассированных элементов. Подробная характеристика Общества 10 декабря дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, том 8, стр. 167—170). — *265.*

[151] Имеется в виду государственный переворот Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года. — *268.*

[152] Moltke. «Der russisch-turkische Feldzug in der europaischen Turkei 1828 und 1829». Berlin, 1845, S. 206 (Мольтке. «Русско-турецкая кампания в европейской Турции в 1828 и 1829 гг.». Берлин, 1845, стр. 206). —*276.*

[153] *Башибузуки* — название иррегулярных отрядов турецкой армии XVIII—XIX вв., отличавшихся отсутствием дисциплины, жестокостью и склонностью к грабежам. — *279.*

[154] Данная статья была написана Ф. Энгельсом 14 июня 1854 г. по просьбе Маркса, который дополнил ее и отправил в «New-York Daily Tribune» 16 июня. Редакция поместила статью в качестве передовой, приписав к ней следующий вводный абзац: «Корреспонденция из Европы и кипы газет, полученные нами вчера с прибытием парохода «Америка», полностью подтверждают сообщение об изгнании русских из их траншей перед Силистрией и о последовавшем их отступлении из Валахии на линию Серета. Мы узнали, что австрийцы несомненно вступят в эвакуированную Валахию, согласно договору, заключенному в Константинополе 14 числа прошлого месяца. Договор, который при данных обстоятельствах имеет немалое значение для царя, был заключен, как сообщили нам, по непосредственному указанию князя Меттерниха, который фактически снова руководит внешней политикой Габсбургов».

Из записной книжки Маркса видно, что Маркс включил в эту статью и материал о Сент-Арно, которым заканчивал характеристику этого бонапартистского деятеля, данную в статье от 9 июня 1854 г. (см. настоящий том, стр. 265—268). Редакция газеты опустила этот раздел. — *282.*

[155] Речь идет об участии войск царской России в подавлении венгерской революции в 1849 году. — *284.*

[156] *«Wiener Medizinische Wochenschrift»* («Венский медицинский еженедельник»)—журнал, издававшийся в Вене с 1851 года. Маркс, очевидно, имеет в виду ряд корреспонденций из Валахии и одну корреспонденцию из Добруджи, опубликованные без подписи в этом журнале в первой половине 1854 года. — *284.*

[157] Имеется в виду выступление Абердина в ответ на речь Линдхёрста при обсуждении восточного вопроса в палате лордов 19 июня 1854 года. Линдхёрст, представитель торийской оппозиции, выступил с резкой

критикой внешней политики царского правительства в отношении Турции и обвинял коалиционное правительство в нерешительном ведении войны. Абердин в своем выступлении взял под защиту политику царизма. — *295.*

[158] Маркс цитирует депешу русского посла в Англии князя Ливена и графа Матушевича графу Нессельроде от 13 (1) июня 1829 г. по тексту, опубликованному в журнале «Portfolio», № 1, 1843, стр. 17—19, 21. — *297.*

[159] *Четверной союз* — см. примечание 88. — *301.*

[160] Речь идет о военном мятеже (пронунсиаменто), начавшемся в Мадриде 28 июня 1854 года. С весны 1854 г. в Испании нарастало народное недовольство в связи с тяжелым экономическим положением в стране и хозяйничанием реакционных сил; недовольство масс особенно усилилось в связи с роспуском кортесов, пытавшихся противодействовать принятому правительством декрету об уплате налогов за 6 месяцев вперед. Руководители пронунсиаменто генералы О'Доннель и Дульсе, стремившиеся в своих личных целях свергнуть диктатуру Сан-Луиса, пытались использовать это недовольство масс и были вынуждены обещать некоторые буржуазные реформы в области налогообложения; они обещали также устранить камарилью, созвать кортесы, образовать национальную милицию и провести другие преобразования. Вовлечение народных масс в борьбу привело к буржуазной революции 1854—1856 годов, в ходе которой к власти в 1854 г. снова пришла партия прогрессистов во главе с Эспартеро. Однако напуганная активностью широких народных масс, буржуазия перешла на сторону контрреволюции, и в 1856 г. к власти вернулись крайние реакционные круги. — *303.*

[161] Маркс, по-видимому, имеет в виду восстание, происшедшее в частях гарнизона Сарагосы в феврале 1854 года. — *303.*

[162] *«Знаменитым делом под Бронцеллем»* Маркс иронически называет незначительную стычку между прусским и австрийским передовыми отрядами 8 ноября 1850 года. Пруссия и Австрия, боровшиеся за гегемонию в Германии, оспаривали друг у друга право вмешательства во внутренние дела Кургессена для подавления вспыхнувшего там восстания; поскольку Австрия пользовалась дипломатической поддержкой царского правительства, Пруссии пришлось уступить. — *305.*

[163] *Венская нота* — см. примечание 65. — *306.*

[164] По одной из статей Адрианопольского договора между Россией и Турцией (1829 г.) Молдавия и Валахия оккупировались русскими войсками вплоть до уплаты Турцией контрибуции (оккупация продолжалась до 1834 г.). Турция обязывалась признать автономию Дунайских княжеств, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. В 1831 г. собрания бояр и духовенства в Молдавии и Валахии на основе проекта, составленного царским правительством, приняли Органический регламент, по которому законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избранному крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господарям, пожизненно

избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Сохранялись прежние феодальные порядки, в том числе барщина, политическая власть сосредоточивалась в руках крупных помещиков-крепостников. В то же время Регламент вводил ряд буржуазных преобразований: отменялись внутренние таможни, вводилась свобода торговли, суд отделялся от администрации, разрешался переход крестьян от одного владельца к другому, уничтожались пытки. Во время революции 1848 г. Органический регламент был упразднен. — *308.*

165 *Балта-Лиманский договор* — конвенция, заключенная Россией и Турцией 1 мая (19 апреля) 1849 г. в связи с пребыванием их войск в Молдавии и Валахии, куда они были введены с целью подавления революционного движения. Согласно конвенции, оккупационный режим сохранялся вплоть до полного устранения революционной опасности (иностранные войска были выведены из княжеств лишь в 1851 г.), временно вводился принцип назначаемости господарей султаном по согласованию с царем и предусматривался ряд мер со стороны России и Турции, в том числе новая военная оккупация, в случае повторения революции. В княжествах восстанавливался Органический регламент (см. примечание 164). — *310.*

166 Как видно из письма Маркса Энгельсу от 7 июля 1854 г., статья «Война на Дунае» (обозначенная в записной книжке Маркса как «Осада Силистрии. Окончание») была задержана Марксом и отправлена только 11 июля 1854 года. — *312.*

167 Отчет корреспондента газеты «Times» Ч. Несмита «Осада Силистрии», датированный 2 июня, был опубликован в «Times» 3 июля 1854 года. — *213.*

168 *«Gaceta»* — сокращенное название испанской газеты «Gaceta de Madrid» («Мадридская газета»), основанной в 1661 году; являлась официальным органом правительства. — *318.*

169 Буржуазно-либеральная партия прогрессистов образовалась в 30-х годах XIX века; прогрессисты опирались на среднюю и мелкую буржуазию городов, на интеллигенцию и часть офицерства. Основным их требованием являлось требование ограниченной монархии. В 1854 г. с началом буржуазной революции (1854—1856) прогрессисты во главе с Эспартеро пришли к власти. В ходе революции, напуганные развитием массового народного движения, прогрессисты пошли на уступки контрреволюции, расчистив путь к установлению в Испании реакционного режима. — *321.*

170 Речь идет о декрете испанского правительства (май 1854 г.) об уплате поземельного и промышленного налогов за 6 месяцев вперед. — *322.*

171 *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии; вела ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *322.*

[172] Речь идет о депеше прусского министра-президента и министра иностранных дел Мантёйфеля посланнику в Петербурге барону Вертеру от 12 июня 1854 года. — *322.*

[173] *«Spenersche Zeitung»* («Шпенерская газета») —так называли по имени ее издателя газету «Berlinische Nachrichten von Staats-und gelehrten Sachen» («Берлинские известия по вопросам политики и науки»), выходившую в Берлине с 1740 по 1874 год. Газета придерживалась конституционно-монархического направления. — *323.*

[174] *«Le Siecle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ; в 50-х годах — умеренно-республиканская газета. — *324.*

[175] 18 июня 1837 г. в период испанской буржуазной революции 1834—1843 гг. была принята новая конституция, которая являлась компромиссом между частью буржуазных либералов и либеральным дворянством. Конституция 1837 г. предоставила кортесам право собираться самостоятельно, но в то же время сохранила за королем право вето и право роспуска кортесов. Избирательный ценз в нижнюю палату был уменьшен, депутаты в нее выбирались прямым голосованием; сенат назначался королем из предлагаемого ему специальными выборными коллегиями списка. Государственной религией в Испании конституция признавала католическую религию. Конституция 1837 г. просуществовала до 1845 года. — *329.*

[176] Имеется в виду депеша графа Нессельроде русскому представителю в Вене князю Горчакову от 29 (17) июня 1854 года; депеша являлась ответом русского правительства на категорическое требование Австрии об эвакуации Дунайских княжеств, которые должны были быть заняты австрийскими войсками в силу договора Австрии с Турцией от 14 июня 1854 года. Маркс использует сообщение об этой депеше, в то время еще не опубликованной полностью, появившееся в газете «Independance belge» 12 июля 1854 года. — *329.*

[177] Речь идет о договоре между Австрией и Пруссией от 20 апреля 1854 года. Подробный разбор этого договора содержится в статье Маркса «Греческое восстание. — Польская эмиграция. — Австро-прусский договор. — Документы о вооружении России» (см. настоящий том, стр. 205—211). — *330.*

[178] *«Oesterreichische Correspondenz»* («Австрийская корреспонденция») — полуофициальный литографированный орган австрийского правительства; выходил под данным названием в Вене в 1850—1863 годах. — *331.*

[179] Речь идет о «Меморандуме сербского правительства Высокой Порте по вопросу об оккупации этого княжества австрийскими войсками» от 17 (5) апреля 1854 года. Вопрос о меморандуме был поднят в палате общин 20 июня 1854 г., а письменный запрос с требованием опубликовать этот документ был подан 22 июня 1854 года. — *331.*

[180] *Германский союз* был образован по решению Венского конгресса 1815 года. В него наряду с германскими государствами вошли герцогства

Гольштейн, принадлежавший датской короне, и Люксембург, являвшийся владением короля Нидерландов. Датский король в качестве герцога Гольштейнского и нидерландский король в качестве великого герцога Люксембургского входили в Союзный сейм Германского союза. — *333.*

[181] Конец данной статьи, посвященный делу Пейтмана, а также соответствующие разделы статей Маркса на стр. 342 и 365 настоящего тома на русском языке публикуются впервые. — *323.*

[182] Маркс имеет в виду представителей ряда германских государств (Баварии, Саксонии, Ганновера, Вюртемберга, Бадена, Кургессена, Гессен-Дармштадта и Нассау), собравшихся в мае — июне 1854 г. в г. Бамберге на конференцию, на которой было решено присоединиться к австро-прусскому договору от 20 апреля 1854 г. (см. настоящий том, стр. 206—207). — *336.*

[183] *«The Observer»* («Наблюдатель») — английская еженедельная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1791 года. — *327.*

[184] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. После государственного переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. — *338.*

[185] *Уайтхолл* — квартал в Лондоне, где помещается ряд правительственных учреждений. — *341.*

[186] *Скуирс* — персонаж из романа Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби», тип жестокого и алчного невежды и лицемера. — *341.*

[187] Пронунсиаменто 1843 г. — контрреволюционный военный мятеж, поднятый в мае генералами Нарваэсом, Конча и другими против диктатуры лидера партии прогрессистов Эспартеро. Их поддержала часть прогрессистов, недовольная политикой диктатора. 30 июля 1843 г. Эспартеро бежал из Испании; диктатором стал один из лидеров партии модерадос Нарваэс, опиравшийся на крупных землевладельцев. В стране установилось длительное господство реакции, продолжавшееся до революции 1854—1856 годов. — *343.*

[188] Войной на Пиренейском полуострове, или Испанской войной, называют войну между Англией и Францией, которая велась в 1808—1814 гг. на территории Испании и Португалии. Одновременно на всей территории полуострова развернулась война испанского и португальского народов за свою независимость, против французской оккупации. — *343.*

[189] Маркс имеет в виду принятие в 1812 г. Кадисской конституции (см. примечание 191).

1822 год явился кульминационным пунктом в развитии буржуазной революции 1820—1823 годов. В обстановке обострившейся классовой борьбы, после разгрома летом 1822 г. монархического заговора, к власти пришли представители левого крыла революционного движения — эксальтадос (ecsaltados — восторженные), одним из лидеров которых был Риего. Приход к власти эксальтадос, которых поддерживала демократическая часть офицерства, средняя и мелкая городская буржуазия, ремесленники и рабочие, свидетельствовал о дальнейшем развитии революции. О роли революционной армии см. серию статей Маркса «Революционная Испания» (настоящий том, стр. 423—480). — *343.*

[190] *Карлисты* — реакционная, клерикально-абсолютистская группировка в Испании, поддерживавшая претендента на испанский престол дон Карлоса, брата Фердинанда VII. Опираясь на военщину и католическое духовенство, а также используя поддержку отсталого крестьянства некоторых районов Испании, карлисты развязали в 1833—1840 гг. гражданскую войну, которая фактически превратилась в борьбу между феодально-католическими и буржуазно-либеральными элементами и привела к третьей буржуазной революции. В 1872—1876 гг. карлисты снова развязали войну, выдвигая на испанский престол потомка дон Карлоса. Эта война также кончилась их поражением. — *344.*

[191] *Конституция 1812 г.* (Кадисская конституция) была принята кортесами, заседавшими в 1810—1813 годах. Конституция ограничивала монархию, провозглашала нацию носителем верховной власти, передавала законодательные функции однопалатным кортесам, избираемым всеобщим голосованием. Кортесы получали широкие права в области внешней и внутренней политики. Конституция вводила местное самоуправление, прогрессивное налоговое обложение, всеобщую воинскую повинность. В каждой провинции создавалась местная национальная милиция; была перестроена вся судебная система. Проводя демократизацию внутренней жизни Испании, конституция в то же время сохраняла господство Испании над колониями. В 1814 г. в связи с победой реакции Кадисская конституция была отменена. В первой половине XIX в. конституция 1812 г. явилась знаменем либерально-конституционного движения в ряде европейских стран. —*344.*

[192] Сообщения о событиях в Барселоне были напечатаны 19 июля 1854 г. во французской газете «Moniteur universel», являвшейся официальным органом правительства Наполеона III. — *348.*

[193] В марте 1848 г, временное правительство Французской республики, руководящую роль в котором играла партия умеренных, буржуазных республиканцев, группировавшихся вокруг газеты «Le National» («Национальная газета»), организовало в Париже национальные мастерские, пытаясь создать себе из рабочих этих мастерских опору в борьбе против революционного пролетариата. Эта попытка расколоть рабочий класс не удалась, и рабочие национальных мастерских составили основное ядро повстанцев во время июньского восстания 1848 года. — *347.*

[194] Английский паровой фрегат «Тигр», производя рекогносцировку черноморского побережья, 12 мая 1854 г. сел на камни вблизи Одессы; корабль был обстрелян артиллерийской батареей и получил серьезные

повреждения, экипаж вынужден был сдаться в плен, а пароход сгорел. — *361.*

[195] См. статьи Маркса и Энгельса, опубликованные в 5 и 6 томах настоящего издания. — *364.*

[196] Намек на позицию Пальмерстона в англо-греческом конфликте в 1850 г. по делу купца Пасифико, португальца по происхождению, имевшего английское подданство. Дом Пасифико в Афинах был сожжен, в связи с чем Пальмерстон, являвшийся министром иностранных дел, направил в Грецию английский флот и предъявил греческому правительству резкий ультиматум. В агрессивной речи в парламенте Пальмерстон оправдывал свои действия необходимостью поддерживать престиж английских подданных, уподобляя их гражданам Древнего Рима. Употребленное при этом Пальмерстоном выражение «civis romanus sum» («я римский гражданин») служило формулой, обозначавшей привилегии и высокое положение, которое давало римское гражданство. — *365.*

[197] Речь идет о захватнических войнах, которые французские колонизаторы вели в Алжире в 30—40-х годах XIX в. с целью покорения этой страны. Вторжение французов в Алжир вызвало длительное и упорное сопротивление арабского населения. С французской стороны война велась с исключительной жестокостью. К 1847 г. завоевание Алжира в основном было завершено, но борьба алжирского народа за свою независимость не прекращалась. — *370.*

[198] *Сикхи* — религиозная секта, возникшая в XVI в. на территории Пенджаба (Северная Индия). Учение сикхов о равенстве людей стало идеологией развернувшейся с конца XVII в. борьбы крестьян против индийских феодалов и афганских захватчиков. В дальнейшем среди самих сикхов выделилась феодальная верхушка, представители которой стояли во главе государства сикхов, включавшего в начале XIX в. весь Пенджаб и ряд соседних областей. В 1845—1846 и 1848— 1849 гг. Англия вела кровопролитные захватнические войны с сикхами, закончившиеся установлением английского господства в Пенджабе, что завершило превращение всей Индии в английскую колонию.

С 1811 г. с перерывами Англия вела в Капской земле захватнические «кафрские войны» (кафры — принятое в XIX в. собирательное название племен, населяющих юго-восточную Африку) против племен коса. По мирному договору 1853 г. племена коса вынуждены были уступить английским колонизаторам часть своих земель. — *370.*

[199] Имеются в виду движения 1847 г. в Швейцарии и Италии, явившиеся предвестниками революции 1848—1849 гг. в Европе. См. статью Ф. Энгельса «Движения 1847 года» (настоящее издание, том 4, стр. 460— 470). — *371.*

[200] Речь идет о героическом восстании парижского пролетариата 23—26 июня 1848 **г.**, жестоко подавленном французской буржуазией. Поражение июньского восстания явилось сигналом к наступлению контрреволюции в европейских странах. — *372.*

[201] «Espartero. Historia de Su vida Militar y Politica y de los grandes Sucesos contemporaneos» («Эспартеро. История его военной и политической деятельности и больших успехов, достигнутых в настоящее время»); 4-томная работа испанского буржуазно-либерального историка Хосе Сегундо Флореса, вышедшая в Мадриде в 1843 году. Маркс пользовался вторым изданием этой работы, 1 и 2 тома которой вышли в 1844 г., 3 и 4 — в 1845 году. — *374.*

[202] Битва на равнине Аякучо (Перу) — одно из крупнейших сражений войны за независимость испанских колоний в Америке (1810—1826) — произошла 9 декабря 1824 года. В этом сражении колумбийские и перуанские войска почти полностью уничтожили испанскую армию. Результатом явилось создание независимой республики Боливии и обеспечение независимости Южной Америки. — *374.*

[203] 31 августа 1839 г. между главнокомандующим силами карлистов генералом Марото и Эспартеро, командовавшим королевскими войсками, было подписано в Вергаре соглашение, которое положило конец гражданской войне в Испании. Карлистские воинские части были распущены, а дон Карлос 14 сентября 1839 г. эмигрировал во Францию. Попытка карлистского генерала Кабрера продолжать борьбу привела в июле 1840 г. к полному разгрому карлистов. — *374.*

[204] Маркс, очевидно, имеет в виду книгу Марлиани «Historia polltica de la Espana moderna» («Политическая история современной Испании»), вышедшую в 1840 г. в Барселоне. — *374.*

[205] Маркс цитирует вышедшую анонимно книгу Хьюза: «Revelations of Spain in 1845. By an English resident». London, 1845, v. **I**, p. 14 («Правда об Испании в 1845 г. Сочинение англичанина, постоянно проживавшего в этой стране». Лондон, 1845, т. **I**, стр. 14). Далее Маркс приводит цитату со стр. 15—16 этой же книги. — *374.*

[206] *Модерадос* (moderados — умеренные) — партия сторонников конституционной монархии, представлявшая интересы крупной буржуазии и либерального дворянства, возникла в начале буржуазной революции 1820—1823 годов. В 40—50-х годах одним из лидеров партии являлся генерал Нарваэс — организатор контрреволюционного военного мятежа в 1843 г. (см. примечание 187), затем фактический диктатор Испании. Во время четвертой буржуазной революции (1854—1856) модерадос выступали против каких-либо буржуазных преобразований и шли на соглашение с самыми реакционными силами. — *375.*

[207] *Олдермены* — члены советов городов или графств в Англии.

Мэншен-хаус — здание в Лондоне, резиденция лондонского лорд-мэра. — *377.*

[208] M. A. Principe, R. Giron, R. Satorres, A. Ribot. «Espartero: su pasado, su presente, su porvenir». Madrid, 1848. — *377.*

[209] Имеется в виду происходивший в Англии в 1820 г. процесс о расторжении брака между королем Георгом IV и королевой Каролиной, обвинявшейся в супружеской неверности. — *379.*

[210] Далее следует фраза, принадлежащая редакции «New-York Daily Tribune»: «Пусть наши читатели судят, можно ли ожидать положительных результатов от испанской революции». О том, что эти слова были добавлены редакцией, Маркс сообщил Энгельсу в письме от 10 ноября 1854 года. — *379.*

[211] Данная статья представляет собой военный обзор, написанный Энгельсом по просьбе Маркса, и является частью большой статьи, отправленной Марксом в Нью-Йорк 8 августа 1854 года. Однако редакция «New-York Daily Tribune» поместила этот обзор в качестве передовой 21 августа, а остальную часть статьи напечатала в этом же номера газеты за подписью К. Маркса (см. настоящий том, стр. 383—389). В настоящем издании обе статьи приводятся в том виде, в каком они появились в газете. — *280.*

[212] Речь идет о созданном в октябре 1847 г. крайне реакционном министерстве, которое возглавил фактический диктатор Испании, лидер партии модерадос Нарваэс. — *384.*

[213] Маркс цитирует речь Эрнеста Джонса по «People's Paper» от 5 августа 1854 года. — *389.*

[214] Австро-турецкий договор, предоставлявший Австрии право оккупировать на время войны Молдавию и Валахию после эвакуации из них русских войск, был подписан 14 июня 1854 года. — *291.*

[215] «Картофельной войной» иронически называли австро-прусскую войну за баварское наследство (1778—1779), во время которой почти все военные операции свелись к маневрам, рассчитанным на то, чтобы лишить противника продовольственных припасов.

Здесь Маркс называет «картофельной войной» конфликт между Австрией и Пруссией, возникший осенью 1850 г. на почве их борьбы за гегемонию в Германии (см. примечание 162). — *391.*

[216] Речь идет о действиях в Черном море русского военного корабля «Владимир». В начале августа 1854 г. «Владимир», совершая рейс из Севастополя по направлению к Босфору, напал на английский пароход «Циклоп», потопил несколько турецких судов и, не встретив сопротивления со стороны англо-французского флота, вернулся в Севастополь без повреждений. — *394.*

[217] *Декларация относительно вооруженного нейтралитета,* сделанная Екатериной II 11 марта (28 февраля) 1780 г., была направлена против Англии в период американской войны за независимость (1775—1783 гг.). В ней провозглашалось право нейтральных судов в море защищать себя оружием от нападения воюющих государств, право нейтральных государств свободно торговать с воюющими державами, принцип неприкосновенности неприятельской собственности, выступающей под нейтральным флагом, действительность блокады только в том случае, если вход в блокируемый порт фактически закрыт военно-морскими силами. Эта декларация легла в основу конвенции, заключенной между Россией и рядом государств. К декларации в 1780—1783 гг. присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. — *395.*

[218] *«Le Charivari»* («Шаривари») — французская сатирическая газета буржуазно-республиканского направления; издавалась в Париже с 1832 года; при Июльской монархии выступала с едкими нападками на правительство; в 1848 г. перешла в лагерь контрреволюции. — *395.*

[219] В 1845 г. кортесы утвердили закон о пересмотре конституции 1837 года (см. примечание 175); по новому закону значительно повышался избирательный ценз, королевская власть получила неограниченное право назначать сенаторов, отменялось право кортесов собираться без специального разрешения монарха и круг рассматриваемых ими вопросов определялся короной. — *395.*

[220] Конкордат между римским папой Пием IX и испанской королевой Изабеллой II был заключен 16 марта 1851 г. и утвержден кортесами в октябре 1851 года. По этому договору испанская корона обязалась оплачивать католическое духовенство из казны, прекратить конфискации церковных земель и возвратить монастырям ту часть земель, конфискованных у них во время третьей буржуазной революции (1834— 1843), которая еще не была распродана. — *395.*

[221] Так называемый «заговор революционеров в Берлине» являлся полицейской провокацией (см. настоящее издание, том 9, стр. 27—30). — *397.*

[222] *Кёльнский процесс коммунистов* (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс, организованный прусским правительством. Суду было предано 11 членов международной коммунистической организации Союза коммунистов (1847—1852) по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре». В качестве обвинительного материала фигурировали сфабрикованная прусскими полицейскими агентами «подлинная книга протоколов» заседаний Центрального комитета и другие фальшивки, а также документы, выкраденные полицией у авантюристской фракции Виллиха—Шаппера, исключенной из Союза коммунистов. Семеро подсудимых, на основании подложных документов и лжесвидетельств, были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. Провокационные действия организаторов процесса и подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против международного рабочего движения, были полностью разоблачены Марксом и Энгельсом (см. статью Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, том 8, стр. 416—422, 423—491). — *398.*

[223] *Венская нота* — см. примечание 65. — *398.*

[224] Речь идет о Лондонской конвенции 13 июля 1841 года (см. примечание 13). — *399.*

[225] Намек на выдвинутый в 1845 г. проект женитьбы принца Леопольда Саксен-Кобург-Готского — двоюродного брата супруга английской королевы принца Альберта — на испанской королеве Изабелле II, что привело бы к усилению позиции Англии на Пиренейском полуострове. Пальмерстон, ставший в 1846 г. министром иностранных дел, активно поддерживал этот план. Проект не был осуществлен (см. примечание 89). — *400.*

226 Chateaubriand. «Congres de Verone. Guerre d'Espagne. Negociations. Colonies espagnoles». Bruxelles, 1838, t. I, pp. 112, 119—120, 132—133; t. II, pp. 220—221, 225. — *400.*

227 Речь идет об известном послании президента США Джемса Монро американскому конгрессу от 2 декабря 1823 г., в котором провозглашалась так называемая доктрина Монро, направленная против посягательства европейских держав на американские страны. В дальнейшем доктрина Монро использовалась американскими экспансионистами для установления гегемонии США на американском континенте. — *400.*

228 Marliani. «Historia politics de la Espana moderna». Barcelona, 1840. — *401.*

229 Фритредеры, одним из лидеров которых был Кобден, выдвигали в интересах промышленной буржуазии Англии требование сокращения всех непроизводительных расходов по управлению государством. К числу таких расходов они относили и расходы, связанные с завоеванием колоний и их управлением. Кобден и другие считали, что Англия, являвшаяся самой развитой промышленной державой, может завоевать любые рынки, вытесняя своих конкурентов более дешевыми товарами. — *402.*

230 Согласно главе IV испанской конституции 1812 г. население испанских колоний, за исключением негров, получало испанское гражданство и равные политические права с населением самой Испании, в том числе и право выбирать своих представителей в кортесы. Создавая видимость равноправия колоний и метрополии, испанские либералы, составлявшие конституцию, пытались помешать развертывавшейся в то время в испанских колониях в Америке войне за независимость. — *402.*

231 *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»), выходит в Лондоне с 1841 года. — *403.*

232 *Союзный клуб* — одна из наиболее демократических организаций, возникших в начале буржуазной революции 1854—1856 гг. в Испании. В нее входили республиканцы, а также представители утопического социализма: Фигерас, Пи-и-Маргаль, Оренсе и др. Организация выдвигала требования всеобщего избирательного права, свободы совести, печати, собраний, петиций, отмены косвенных налогов и смертной казни, а также требовала всеобщего вооружения народа. В то же время эта программа полностью игнорировала аграрный вопрос. С наступлением реакции в конце 1854 г. клуб был закрыт (см. настоящий том, стр. 482). — *405.*

233 Во время буржуазной революции 1820—1823 гг. в Испании наряду с демократическими клубами возникло множество тайных обществ, объединявших городскую буржуазию, офицерство и представителей городских низов. Эти общества, обладавшие хорошо законспирированной организацией с разветвлениями в различных районах страны, оказывали значительное влияние на политику правительства и кортесов; в числе наиболее видных их деятелей были Риего, Сан-Мигель, Алпуенте и др. — *408.*

[234] *Кобург-Браганса* — правящая королевская династия в Португалии.

Под Унионистской партией подразумеваются сторонники создания единой монархии на Пиренейском полуострове. — *408.*

[235] Как отмечает сам Энгельс, при написании своих статей о взятии Бомарсунда он располагал лишь ограниченными сведениями о ходе операций и крайне несовершенными описаниями этой русской крепости на Аландских островах. Поэтому ряд обстоятельств, связанных с взятием Бомарсунда, не нашел отражения в статьях Энгельса.

Несмотря на то, что сооружение крепости не было закончено (была выполнена только $^{1}/_{5}$ всех запроектированных работ), и несмотря на почти десятикратное превосходство противника в живой силе и артиллерии, осада крепости продолжалась около месяца. В течение 6 суток гарнизон крепости отбивал все ожесточенные атаки и сдался только по приказанию командования, нанеся огромные потери осаждавшим англо-французским войскам. Операции против этой крепости свидетельствовали об отказе английских военных кругов от плана непосредственного нападения на Кронштадт. Взятие Бомарсунда 16 (4) августа 1854 г. явилось временным тактическим успехом, не оказавшим серьезного влияния на ход военных действий в Балтийском море, которые в общем остались безрезультатными.

Данная статья и следующая были опубликованы в «New-York Daily Tribune» под одинаковым заглавием. Подзаголовки к ним даны Институтом марксизма-ленинизма. — *412.*

[236] Vauban. «Traite̱ de l'attaque des places» (Вобан. «Трактат об атаке крепостей»). Работа эта была выпущена в Париже в 1739 г. как первая часть двухтомного издания «Traite̱ de l'attaque et de la de̱fense des places» («Трактат об атаке и защите крепостей»). — *415.*

[237] Douglas. «A Treatise on naval gunnery» (Дуглас. «Трактат о морской артиллерии»), первое издание вышло в Лондоне в 1820 году. — *418.*

[238] Серия статей *«Революционная Испания»* была написана Марксом для «New-York Daily Tribune» в августе — декабре 1854 года. Маркс, следивший за всеми симптомами революционного движения в Европе, уделял большое внимание развернувшимся летом 1854 г. событиям в Испании; он считал, что революционная борьба в Испании может послужить толчком к развитию революционного движения и в других европейских странах. Для того чтобы лучше понять специфический характер и особенности новой испанской революции, Маркс тщательно изучил историю испанских революций первой половины XIX века; сохранились 5 тетрадей Маркса с выписками из работ английских, французских, испанских авторов. Из записной книжки Маркса видно, что он послал в «New-York Daily Tribune» 11 статей, охватывавших период первой (1808—1814), второй (1820—1823) и третьей (1834—1843) испанских буржуазных революций. Из этих статей в «New-York Daily Tribune» были напечатаны только первые 8 (до 1820 года). Остальные три статьи, посвященные событиям 1820—1822 и 1833 гг., остались неопубликованными. Из неопубликованных статей сохранился лишь отрывок рукописи о причинах поражения второй буржуазной революции, который публикуется в настоящем томе, стр. 631—634. — *423.*

[239] *Война Священной лиги* (1520—1522) — восстание кастильских городов (комунерос) против абсолютизма Карла I. Восстание, носившее вначале характер борьбы за сохранение феодальных привилегий городов, с 1521 г. в связи с вовлечением в движение городских низов и части крестьянства приобрело антифеодальный характер. В июле 1520 г. в Авиле была образована Священная лига (или хунта) восставших городов, в сентябре Лига была вынуждена перенести свое местопребывание в Тортесильяс, а в ноябре в Вальядолид, где были созваны кортесы, в которых приняли участие представители от 10 городов. — *426.*

[240] На титульном листе одной из тетрадей с выписками Маркса об Испании его рукой сделана надпись, являющаяся перечнем части просмотренной им литературы. Ниже приводится расшифровка этой надписи на языке оригинала и ее перевод на русский язык:

(Campomanes. Jovellanos)

London. 1854. May. June. July.

1) *Parish* (H. H.) Diplomatic History of the Monarchy of Greece. London, 1838.

2) *Thierry.* (A.) Essai sur l'histoire de la formation et du progres du Tiers Etat. 2nd ed. 2 vol. Paris 1853.

3) *Una Plumada sobre la Indole y Tendencia de la Revolucion en Espana. Madrid. 1846.*

4) *Revolution d'Espagne. Examen critique. 1830—36. Paris. 1836.*

5) *The Crisis of Spain.* 2d edit. *London. 1823.*

6) *Revelations on Spain in 1845. 2 vol. London. 1845.*

7) *Senor de Marliani.* Historia Politica de la Espana Moderna. Barselona. 1849.

8) *Principe. Espartero, su Passado* etc. Madrid. 1848.

(Кампоманес. Ховельянос)

Лондон. 1854. Май. Июнь. Июль.

1) *Париш* (X. X.) Дипломатическая история греческой монархии. Лондон, 1838.

2) *Тьерри.* (О.) История образования и развития третьего сословия. 2-е изд. 2 тома. Париж 1853.

3) *Записки о характере и тенденции революции в Испании. Мадрид. 1846.*

4) *Революция в Испании. Критический разбор. 1820—36. Париж. 1836.*

5) *Испанский кризис.* 2-е изд. *Лондон. 1823.*

6) *Правда об Испании в 1845 г. 2 тома. Лондон. 1845.*

7) Господин де Марлиани. Политическая история современной Испании. Барселона. 1849.

8) *Принсипв. Эспартеро, его прошлое* и т. д. Мадрид. 1848. — *427.*

[241] *Аюнтаментос* — органы местного самоуправления в Испании, сыгравшие большую политическую роль в период реконкисты — борьбы за освобождение Испании от арабского господства (VIII—XV вв.). После подавления восстания комунерос в XVI в. (см. примечание 239) аюнтаментос были в основном ликвидированы. Восстановление аюнтаментос являлось одним из демократических требований, выдвигавшихся во время буржуазных революций в начале XIX века. Аюнтаментос были временно восстановлены конституцией 1812 г. и кортесами в 1820 году. — *429.*

[242] Речь идет о состоявшихся в январе — феврале 1518 г. в Вальядолиде Кастильских кортесах, которые должны были утвердить Карла королем Кастилии, принести ему присягу на верность, а также принять в свою очередь от него присягу в соблюдении фуэрос (см. примечание 267).

У Маркса здесь описка: кортесы собрались до выборов Карла императором (1519) и до его поездки в Германию на коронацию (1520). — *430.*

[243] *Святое братство,* или *святая германдада* — союз испанских городов, созданный в конце XV в. королевской властью, стремившейся использовать буржуазию в борьбе против крупных феодалов, в интересах абсолютизма. С середины XVI в. вооруженные силы святой германдады выполняли полицейские функции. — *430.*

[244] Конституция, выработанная Наполеоном I для Испании, была принята на совещании представителей испанской знати во французском городе Байонне (Байоннские кортесы) в июле 1808 года. Согласно конституции король (Жозеф Бонапарт) получал почти неограниченную власть, Он назначал представителей испанской знати в учреждаемый сенат и около половины депутатов кортесов. По конституции вводилось гласное судопроизводство, отменялись пытки, уничтожались внутренние таможни. Единственной государственной религией признавалась католическая религия. Принятие Байоннской конституции, закреплявшей господство Бонапартов в Испании, вызвало усиление освободительной борьбы испанского народа против французской оккупации и дальнейшее развитие буржуазной революции (1808—1814). В ходе этой революции Кадисскими революционными кортесами в 1812 г. была принята буржуазно-либеральная конституция (см. примечание 191). — *433.*

[245] Далее следует фраза, принадлежащая редакции «New-York Daily Tribune»: «Будем надеяться, что новые страницы, которые испанский народ вписывает в свою летопись, окажутся достойными его и принесут благие плоды как ему, так и всему миру» (см. письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 10 ноября 1854 года). — *433.*

[246] «Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph». Paris, 1853—1854 («Мемуары и переписка по политическим и военным вопросам короля Жозефа». Париж, 1853—1854). Текст секретного договора, якобы заключенного в Тильзите между Александром I и Наполеоном I, приведен в томе четвертом, стр. 246—247, по мадридской «Gaceta» от 25 августа 1812 года.

Ни в самом Тильзитском договоре между Россией и Францией от 7 июля (25 июня) 1807 г., ни в секретных конвенциях, дополняющих договор, подобных пунктов нет. — *434.*

[247] Имеется в виду участие Испании в войне первой коалиции против республиканской Франции (1793—1795). После некоторых успехов в 1793 г. испанские войска потерпели полное поражение, и Испания была вынуждена заключить с Францией в июле 1795 г. сепаратный мир. — *435.*

[248] R. Southey. «History of the Peninsular War», 3 vol., London, 1823—1832 (Р. Саути. «История войны на Пиренейском полуострове», 3 тома, Лондон, 1823—1832). Маркс цитирует том 1, стр. 301. — *436.*

[249] Carnicero. «Napoleon o El verdadero D. Quixote de la Europa, o sean Comentarios critico-patriotico-burlescos a varios decretos de Napoleon y su hermano Jose, distribuidos en dos partes y cincuenta capitulos y escritos por un espanol amante de su patria». V. 1—6. Madrid, 1813 (Карнисеро. «Наполеон, или истинный Дон-Кихот Европы, или критически-патриотически-сатирические комментарии к различным декретам Наполеона и его брата Жозефа, в двух частях и пятидесяти главах, сочинение испанца, любящего свою родину». Тт. 1—6, Мадрид, 1813); «Historia razonada de los principales sucesos de la gloriosa revolucion de Espana». V. 1—4, Madrid, 1814—1815 («Разбор истории главных событий славной испанской революции». Тт. 1—4, Мадрид, 1814—1815); «La Inquisicion justamente restablecida e impugnacion de la obra «Anales de la Inquisicion en Espana» por Llorente». V. 1—2, Madrid, 1816 («Законное восстановление инквизиции и опровержение работы «Хроника инквизиции в Испании» Льёренте». Тт. 1—2, Мадрид, 1816). *—437.*

[250] Речь идет о составленном Ховельяносом докладе: «Informe de la sociedad economica de esta corte al real y supremo Consejo de Castilla en el expediente de ley agraria» («Меморандум Мадридского экономического общества высшему Королевскому совету Кастилии по поводу аграрного закона»), изданном впервые в Мадриде в 1795 году. Маркс пользовался седьмым томом восьмитомного собрания сочинений Ховельяноса, изданного в Барселоне в 1839—1840 годах. — *437.*

[251] Sismondi. «De la Litterature du Midi de l'Europe», t. 4, Paris — Strasbourg, 1813, p. 258—259 (Сисмонди. «О литературе юга Европы», т. 4, Париж — Страсбург, 1813, стр. 258—259). — *439.*

[252] Народное восстание в Бильбао против французских оккупантов произошло в августе 1808 года. Восстание было жестоко подавлено генералом Мерленом, войска которого взяли город штурмом. — *441.*

[253] В Эрфурте 27 сентября — 14 октября 1808 г. произошло свидание между Наполеоном и Александром I. На празднествах, сопровождавших переговоры, присутствовали короли Баварии, Саксонии, Вюртемберга и ряд других немецких государей, раболепствовавших перед Наполеоном. — *442.*

[254] Маркс имеет в виду представительное собрание типа Национального конвента во Франции, созданного в период французской буржуазной революции конца XVIII в. в результате народного восстания 10 августа 1792 года. Национальный конвент, избранный всем мужским населением страны (за исключением домашней прислуги), насчитывал 750 депутатов. В период якобинской диктатуры (2 июня 1793 — 27 июля 1794) Конвент, поддерживаемый народными массами, ликвидировал во Франции феодальные отношения и решительно боролся с внутренней и внешней контрреволюцией, проводя политику революционного террора. После контрреволюционного переворота 27 июля 1794 г. Конвент превратился в орудие буржуазной контрреволюции. В октябре 1795 г. Конвент был распущен. — *442.*

[255] Эти слова, приписываемые Бэкону, приводятся в книге испанского историка Торено «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de Espana», t. I, Paris, 1838, p. 278 («История восстания, войны и революции в Испании», т. I, Париж, 1838, стр. 278). — *443.*

[256] Иезуиты были изгнаны из Испании в 1767 году; это решение было принято по предложению Флоридабланки, являвшегося прокурором Королевского совета Испании. — *444.*

[257] Маркс цитирует книгу испанского монаха Бенито Соледада «Memorial historico y politico, que descubre las ideas del Christianissimo Luis XIV, para librar a Espana de los infortunios, que experimenta por medio de su legitimo Rey Don Carlos III» («Исторический и политический мемориал, раскрывающий мысли христианнейшего Людовика XIV, с целью избавления Испании от тех бедствий, которые она испытывает из-за своего законного короля Карла III»), изданную в Вене в 1703 году. — *447.*

[258] Маркс имеет в виду соответствующий раздел свода законов, составленного в Испании в XIII веке и делившегося на 7 частей (las Partidas); с XIV в. его стали называть «Партидами». — *448.*

[259] Toreno. «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de Espana», Paris, 1838, t. I, p. 374. — *449.*

[260] Маркс цитирует обращение Центральной хунты к испанскому народу от 28 октября 1809 года. — *451.*

[261] *Comite de salut public* (Комитет общественного спасения) — центральный орган революционного правительства Французской республики» созданный в апреле 1793 года. В период якобинской диктатуры (2 июня 1793—27 июля 1794 г.) Комитет сыграл исключительно важную роль в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, в разрешении плебейским путем задач буржуазной революции; после контрреволюционного переворота 9 термидора Комитет утратил свое руководящее значение и в октябре 1795 г. был распущен. — *451.*

[262] Pradt. «Memoires historiques sur la revolution d'Espagne», Paris, 1816, p. 224 (Прад. «Мемуары по истории революции в Испании», Париж, 1816, стр. 224). Далее цитируются стр. 202—203 той же книги. — *452.*

[263] В долине Кавадонги (в горах Астурии) в 718 г. испанские войска нанесли поражение арабам. Эта победа способствовала возникновению в горных районах Астурии небольшого независимого государства, ставшего одним из оплотов борьбы с арабскими завоевателями.

В Собрарбе, небольшой территории в горах на севере Арагона, несколько позже, чем в Астурии, возник еще один район сопротивления арабским завоевателям. — *458.*

[264] *Mita* — принудительное назначение индейцев на работы в золотых и серебряных рудниках в испанских колониях в Южной Америке.

Repartimiento — периодическое перераспределение по жребию общинных земель; отмена repartimiento декретом от 4 января 1813 г. превратила общинные земли в частную собственность. — *463.*

[265] *Конституция 1791 г.,* принятая буржуазным Учредительным собранием, устанавливала во Франции конституционную монархию и обеспечивала интересы крупной буржуазии и либерального дворянства. Конституция предоставляла королю всю полноту исполнительной власти и право вето; посредством деления граждан на активных и пассивных она фактически лишала политических прав большинство населения.

Эта конституция была уничтожена народным восстанием 10 августа 1792 г., в результате которого королевская власть была свергнута. — *463.*

[266] Pradt. «De la revolution actuelle de l'Espagne, et de ses suites». Paris— Rouen, 1820, p. 177—178 (Прад. «О современной революции в Испании и ее последствиях». Париж—Руан, 1820, стр. 177—178). —*463.*

[267] *Фуэрос* — грамоты, в которых в средневековой Испании фиксировались особые права и привилегии, даруемые городам и сельским общинам в области самоуправления, юрисдикции, налогового обложения, военной службы и т. д. Фуэрос ограничивали феодальный произвол, но в то же время способствовали развитию местного партикуляризма. — *463.*

[268] Имеется в виду 35-я статья принятой в апреле 1793 г. Декларации прав человека и гражданина — введения к якобинской конституции 1793 года. Эта статья гласила: «Когда правительство нарушает права народа, то восстание является священнейшим правом и необходимейшей обязанностью всего народа и каждой отдельной его части». — *464.*

[269] *Сервилес* (serviles — раболепные) — прозвище реакционной, клерикально-абсолютистской группировки в Испании, выступавшей во время первой буржуазной революции (1808—1814) против всяких буржуазных реформ и защищавшей абсолютную монархию; позднее сервилес составили придворную камарилью Фердинанда VII, а в последние годы его жизни связали свои интересы с его братом дон Карлосом.

Либералы, представлявшие интересы испанской буржуазии и либерального дворянства, выдвигали в качестве программы конституцию 1812 г. (см. примечание 191).

«Американцами» называли небольшую группу, представлявшую в кортесах испанцев, проживавших в испанских колониях в Латинской Америке. «Американцы» поддерживали в кортесах то сервилес, то либералов и не играли какой-либо значительной роли. — *469.*

[270] *Тридентский собор* католической церкви заседал в городах Триденте (Триенте) и Болонье в 1545—1563 годах. Собор осудил протестантизм и принял ряд решений, касающихся католической церкви, в частности провозгласил власть папы выше власти соборов и усилил власть епископов. Решения собора стали программой сторонников феодально-католической реакции, выступившей против реформаторского движения. — *469.*

[271] *Лаццарони* — кличка деклассированных, люмпен-пролетарских элементов в Италии; лаццарони неоднократно использовались реакционно-монархическими кругами в борьбе против либерального и демократического движения. — *470.*

[272] E. San Miguel. «De la guerra civil en Espana», Madrid, 1836 (Э. Сан-Мигель. «О гражданской войне в Испании», Мадрид, 1836). — *476.*

[273] В Испании, после возвращения Фердинанда VII, с мая 1814 г. установилось господство реакции, уничтожившей все завоевания буржуазной революции 1808—1814 годов; революционные деятеля были брошены в тюрьмы, часть из них казнена.

1 марта 1822 г. в ходе буржуазной революции 1820—1823 гг. открылась сессия кортесов, избранных на основании конституции 1812 года; большинство в них получили представители эксальтадос (см. примечание 189). — *477.*

[274] 20 (8) июля 1812 г. в Великих Луках был заключен договор между русским правительством и представителями Кадисских кортесов о дружественных союзных отношениях России и Испании в войне против наполеоновской Франции, а также о восстановлении и развитии торговых отношений между двумя странами. Подписав этот договор, Россия тем самым признавала законность Кадисских кортесов и выработанной ими конституции. — *478.*

[275] Имеется в виду автор анонимной книги «Examen critique des révolutions d'Espagne de 1820 à 1823 et de 1836» («Критический анализ революций в Испании в 1820—1823 и 1836 гг.»), вышедшей в Париже в 1837 г. в 2-х томах. — *478.*

[276] См. примечание 227. — *479.*

[277] Приведенная цитата взята из т. I книги: Martignac. «Essai historique sur la révolution d'Espagne et sur l'intervention de 1823», Paris, 1832 (Мартиньяк. «Исторический очерк испанской революции и интервенции 1823 года», Париж, 1832). Книга «Испания и ее революция» была написана Марлиани. — *480.*

[278] Заглавие данной статьи воспроизводится по «New-York Daily Tribune». В записной книжке Маркса эта статья отмечена как «Испанская революция». — *481.*

[279] Маркс цитирует книгу Хьюза (см. примечание 205). — *484.*

[280] Конфискация имущества Орлеанского дома была декретирована Луи Бонапартом 22 января 1852 года. — *488.*

[281] Эпохой Филиппов Маркс называет время царствования испанских королей Филиппа II (1556—1598), Филиппа III (1598—1621), Филиппа IV (1621—1665). — *490.*

[282] Статистические данные взяты из журнала «Economist» № 576, 9 сентября 1854 года. — *498.*

[283] Имеется в виду проведенная в 1842 г. в Англии в интересах промышленной буржуазии тарифная реформа, по которой были понижены ввозные пошлины на хлеб и на ряд других импортируемых товаров. — *501.*

[284] 16 июня 1815 г. при Линьи (Бельгия) произошло сражение между армией Наполеона и прусскими войсками, которыми командовал прусский фельдмаршал Блюхер. Несмотря на поражение, понесенное пруссаками, Блюхер сумел уйти со своей армией от преследовавших его войск и присоединился к англо-голландским войскам, которые у Ватерлоо вели ожесточенное сражение с главными силами французской армии. Успех сражения, первоначально клонившийся на сторону французов, был решен появлением прусских войск. — *506.*

[285] В ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. одному батальону из полка, которым командовал Эспинас, было поручено нести охрану Национального собрания; Эспинас, подкупленный бонапартистами, 2 декабря занял своими войсками здание, где заседало Собрание, чем способствовал государственному перевороту Луи Бонапарта. — *506.*

[286] В оригинале Lower Empire — употреблявшееся в исторической литературе наименование Византийской империи, а также поздней Римской империи; стало нарицательным для обозначения государства, находящегося в стадии упадка и разложения. — *507.*

[287] Речь идет о попытке Луи Бонапарта совершить 6 августа 1840 г. государственный переворот. Используя некоторое оживление бонапартистских настроений во Франции, он высадился с кучкой заговорщиков в Булони и пытался поднять мятеж среди войск местного гарнизона. Эта попытка окончилась полным провалом. Бонапарт был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но в 1846 г. бежал в Англию. — *508.*

[288] Имеется в виду экспедиция английского флота в устье реки Шельды, предпринятая в 1809 г. во время войны пятой коалиции против наполеоновской Франции. Захватив остров Валхерен, англичане не сумели развить военных действий и, потеряв от голода и болезней из 40-тысячного десанта около 10 тысяч человек, были вынуждены эвакуировать остров. — *510.*

[289] *Родомонт* — один из героев поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», отличался своими хвастливыми россказнями. — *516.*

[290] В этом же номере газеты было опубликовано сообщение о выступлении Наполеона III перед войсками. Данный абзац свидетельствует о вмешательстве редакции «New-York Daily Tribune» в текст статьи, написанной Энгельсом. — *515.*

[291] Речь идет о Лондонском протоколе от 8 мая 1852 г. о целостности Датской монархии, подписанном представителями России, Австрии, Англии, Франции, Пруссии, Швеции совместно с представителями Дании. В основу договора был положен принятый 4 июля 1850 г. упомянутыми участниками Лондонской конференции (за исключением Пруссии) протокол, который устанавливал принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн. В Лондонском протоколе император России упоминался как один из законных претендентов на датский престол (в качестве потомка герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петра-Ульриха, царствовавшего в России под именем Петра III), отказавшихся от своих прав в пользу герцога Кристиана Глюксбургского, который был объявлен наследником короля Фредерика VII. Это создавало прецедент для притязаний русского царя на датский престол в будущем, в случае прекращения Глюксбургской династии. — *523.*

[292] Имеется в виду приказ Наполеона III от 3 октября 1854 г., по которому А. Барбес, французский мелкобуржуазный демократ, приговоренный за участие в революционном выступлении парижских народных масс 15 мая 1848 г. к пожизненному тюремному заключению (с 1850 г. Барбес находился в тюрьме на острове Бель-Иль), был освобожден из тюрьмы

без всяких условий. Поводом для этого приказа послужило перехваченное частное письмо Барбеса от 18 сентября 1854 г., в котором тот приветствовал войну с Россией и «во имя цивилизации», желал успеха французским войскам. Текст приказа и выдержка из письма были приведены в «Moniteur universel» от 5 октября 1854 года. После освобождения Барбес обратился 11 октября 1854 г. с письмом в редакцию газеты «Moniteur», в котором, признавая подлинность своего письма, заявил, что «величие Франции всегда было его религией», но что он всегда был и остается врагом бонапартистского режима. Письмо было напечатано в демократической прессе, в том числе 18 октября 1854 г. в еженедельной газете «L'Homme. Journal de la democratie universelle» («Человек. Газета всемирной демократии»), издававшейся в 1853—1855 гг. на острове Джерси, затем в Лондоне мелкобуржуазными эмигрантами. Вскоре после этого Барбес эмигрировал из Франции и отошел от политической деятельности. — *525.*

[293] Статья «Севастопольская мистификация. — Общее обозрение» является частью статьи, написанной Марксом и Энгельсом 5—6 октября 1854 года; другая ее часть была опубликована в том же номере «New-York Daily Tribune» в качестве передовой (см. настоящий том, стр. 517—521). Статья «Севастопольская мистификация. — Общее обозрение» опубликована без подписи, так как с сентября 1854 г. редакция газеты стала печатать все статьи Маркса без подписи, о чем Маркс писал Энгельсу 29 сентября 1854 года.

Заключительный абзац статьи, добавленный редакцией «New-York Daily Tribune», гласил: «Сообщения об американском флоте, о двух фрегатах, трех корветах и двух пароходах, которые вошли в Саманский залив, чтобы добиться уступок для Соединенных Штатов, и о другом флоте, который направляется из Нью-Йорка в Грейтаун, были получены в Англии с Ямайки и опубликованы в лондонской газете «Times». Две сотни русских заключенных, офицеров и солдат, с их женами и семьями, были посланы в одну из тюрем в Девоншире. Солдатам морской пехоты, на море и на суше, теперь разрешено носить усы. Королева и ее двор находятся в Балморале, в горах Шотландии. Специальный посыльный прибыл в Балморал 4 октября и привез телеграфное сообщение о падении Севастополя, которое произвело большую сенсацию в королевском дворе. Вооружение для двух тысяч солдат, взятое при Бомарсунде, передано в тауэровский арсенал». — *525.*

[294] *Британским легионом в Испании* называли отряд, навербованный в Англии для помощи правительству Марии-Кристины во время карлистской войны (см. примечание 190). Этот отряд, насчитывавший около 10000 человек, под командованием генерала Эванса участвовал в военных действиях в 1835—1837 годах. — *527.*

[295] Имеются в виду бои пьемонтской армии с австрийскими войсками в Северной Италии в период революции 1848—1849 годов. — *528.*

[296] Сражение при Лютцене (Саксония) между войсками Наполеона I и русско-прусскими войсками произошло 2 мая (20 апреля) 1813 г., сражение армии союзников с французами при городе Бауцен (Саксония) — 20—21 (8—9) мая того же года; в обоих этих сражениях Наполеону ценою больших потерь удалось принудить русско-прусские войска к отступлению; как в том, так и в другом случае отступление происходило в полном порядке.

Сражение на реке Кацбах между французской армией и русско-прусскими войсками произошло 26 (14) августа 1813 года. Благодаря удачному маневру Блюхеру удалось нанести тяжелое поражение французским войскам. — *530.*

[297] Употребляя здесь иронические прозвища английского буржуа и французского крестьянина, Энгельс имеет в виду обывательски настроенные слои населения Англии и Франции. — *532.*

[298] *Ланкастерами* назывались по имени изобретателя английские 8-дюймовые орудия с витым эллиптическим каналом. Ланкастеры впервые были применены англичанами во время Крымской войны; в дальнейшем эти орудия не получили широкого распространения. — *540.*

[299] Начало данной статьи, как и ряда других, носит следы прямого вмешательства редакции «New-York Daily Tribune», стремившейся придать военным статьям Энгельса, печатавшимся в газете в качестве передовых, характер статей, написанных в США. Это отмечал еще раньше Маркс, который писал Энгельсу 22 апреля 1854 года: «Саморекламирование твоими военными статьями вошло в «конституционную» практику редакции». — *543.*

[300] Здесь перечислены примеры некоторых наиболее ожесточенных битв, в которых русские войска показали высокое мужество и стойкость.

Сражение у Цорндорфа 25 (14) августа 1758 г. между русской и прусской армиями было одним из крупных сражений Семилетней войны (1756—1763). Многочисленные атаки прусских войск разбились о стойкость русской армии, нанесшей врагу своими контратаками и действиями артиллерии серьезные потери.

Сражение у Прёйсиш-Эйлау (Восточная Пруссия) 7—8 февраля (26—27 января) 1807 г. между французскими и русскими войсками явилось одним из самых кровопролитных сражений в войне четвертой коалиции против Франции. Несмотря на огромные потери Наполеон не смог добиться решительного успеха.

Бородинское сражение 7 сентября (26 августа) 1812 г. — крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г., в котором русские войска проявили высокие боевые качества и нанесли тяжелый урон французской армии; исход сражения подготовил поворот в ходе войны в пользу России и поражение наполеоновской армии, несмотря на вынужденное, но целесообразное в тех условиях оставление Москвы русской армией. — *544.*

[301] Данная статья опубликована в «Now-York Daily Tribune» под заглавием «Война на Востоке».

Первый абзац статьи носит следы вмешательства редакции газеты. — *550.*

[302] Первый абзац и конец статьи носят следы вмешательства редакции газеты. — *560.*

[303] *Битва при Альбуэре* (Испания) произошла 16 мая 1811 г. между английской армией Бересфорда, осаждавшей крепость Бадахос, занятую французами, и французскими войсками маршала Сульта, шедшими на выручку крепости. Эта битва закончилась поражением наполеоновских войск. — *560.*

[304] *«Русский инвалид»* — орган военного министерства, выходил с 1813 по 1917 г. в С.-Петербурге, с 1816 г. — ежедневно. — *564.*

[305] Сражение под Аустерлицем 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русскими и австрийскими войсками (третья коалиция), с одной стороны, и французскими — с другой, закончилась победой Наполеона I. Сражение при Прёйсиш-Эйлау — см. примечание 300. — *565.*

[306] Как видно из записной книжки Маркса, в конце данной статьи имелся раздел, посвященный договору о союзе между Англией, Францией и Австрией, заключенному 2 декабря 1854 года. По этому договору державы обязывались не вступать в сепаратные переговоры с Россией и не допускать оккупации Дунайских княжеств русскими войсками. Основой для переговоров с Россией должны были явиться известные четыре пункта (см. настоящий том, стр. 609—614). — *570.*

[307] 2 декабря 1854 г. исполнялась третья годовщина государственного переворота Луи Бонапарта и вторая годовщина провозглашения его императором; эти события были приурочены Луи Бонапартом к годовщине провозглашения Наполеона Бонапарта императором Франции (2 декабря 1804 г.) и совпадающей с ней годовщине Аустерлицкого сражения (2 декабря 1805 г.). — *571.*

[308] О *граничарах* см. примечание 84. — *582.*

[309] Данной статьей начинается сотрудничество К. Маркса в ежедневной немецкой буржуазно-демократической «Neue Oder-Zeitung» («Новой одерской газете»), выходившей под этим названием в 1849—1855 гг. в Бреславле (Вроцлаве).

Основанная в марте 1849 г. в результате раскола в редакции оппозиционной католической «Allgemeine Oder-Zeitung» («Всеобщей одерской газеты»), выходившей с 1846 г., «Neue Oder-Zeitung» приняла буржуазно-демократическое направление. В 50-х годах она считалась наиболее радикальной газетой Германии и подвергалась преследованиям со стороны правительственных органов.

В начале 50-х годов во главе редакции стояли буржуазные демократы Эльснер, Темме и Штейн, с января 1855 г. одним из редакторов, а с сентября главным редактором «Neue Oder-Zeitung» стал Мориц Эльснер; издателем газеты был Макс Фридлендер, немецкий публицист, двоюродный брат Ф. Лассаля, через посредство которого Маркс был привлечен к сотрудничеству в газете. В 1855 г. Маркс сотрудничал в «Neue Oder-Zeitung» в качестве лондонского корреспондента, посылая две-три корреспонденции в неделю. При почти полном отсутствии рабочей прессы в годы реакции Маркс и Энгельс считали важным использовать буржуазно-демократическую печать для борьбы против реакционных сил; сотрудничество в «Neue Oder-Zeitung» давало Марксу возможность поддерживать связь с Германией, знакомить немецких читателей с важнейшими вопросами международной и внутренней политики, рабочего и демократического движения, экономического развития капиталистических стран, прежде всего Англии и Франции. В связи с Крымской войной Маркс систематически посылал для «Neue Oder-Zeitung» статьи о ходе военных действий; при освещении хода войны он иногда использовал целиком военные обзоры, написанные Энгельсом для «New-York Daily Tribune», переводя их на немецкий язык; иногда Маркс посылал в «Neue Oder-Zeitung» сокращенное

изложение статей Энгельса, в некоторых случаях вносил в них ряд изменений и дополнений.

В данном томе помещено двенадцать статей Маркса и одна статья Энгельса, напечатанные в «Neue Oder-Zeitung»; большая часть статей из этой газеты публикуется в 11 томе настоящего издания.

Данная статья напечатана в «Neue Oder-Zeitung» под заглавием «Ruckblicke» («Ретроспективный взгляд»). — *584.*

310 Имеется в виду открывшееся в Вене в декабре 1854 г. и продолжавшееся в январе 1855 г. совещание представителей Англии, Франции, Австрии и России, созванное после принятия царем предложенных ему четырех пунктов (см. примечание 322). Переговоры потерпели неудачу в связи с тем, что царь отказался принять выдвинутое на совещании требование западных держав об ограничении военно-морских сил России на Черном море. — *584.*

311 Билль о вербовке на военную службу иностранцев, предусматривавший формирование легиона в 15000 человек, был внесен в парламент военным министром Ньюкаслом 12 декабря 1854 г. с целью пополнения английской армии в Крыму. Билль был принят парламентом 22 декабря и получил королевскую санкцию. Однако создать иностранный легион не удалось ввиду поднявшегося в стране протеста против использования в войне иностранных наемных войск. — *585.*

312 Билль о продлении срока службы в милиции до конца войны был принят парламентом в мае 1854 года. Милиция в Англии представляла собой добровольное военное формирование, набиравшееся по графствам сроком на 6 лет. В 1907 г. милиция была реорганизована и превратилась в часть регулярной армии. — *585.*

313 *Сражение при Йене* между прусскими и французскими войсками произошло 14 октября 1806 г. и закончилось разгромом прусских войск. — *588.*

314 В сражении при Рокруа (французская крепость на бельгийской границе) во время Тридцатилетней войны (1618—1648) 19 мая 1643 г. были полностью разбиты испанские войска, осаждавшие крепость. Поражение считавшейся до тех пор непобедимой испанской пехоты создало перелом в ходе войны. — *589.*

315 См. примечания 52 и 90. — *592.*

316 Имеется в виду Лондонская конвенция от 15 июля 1840 г. об оказании помощи турецкому султану против египетского правителя Мухаммеда-Али (см. примечание 53), подписанная Англией, Россией, Австрией и Пруссией. Конвенция была заключена без участия Франции, поддерживавшей Мухаммеда-Али, что заставило ее под угрозой образования антифранцузской коалиции отказаться от поддержки правителя Египта. — *592.*

317 *«Совы были отвезены в Афины»* — греческая пословица, близкая по смыслу русской пословице: «ездить в Тулу со своим самоваром». В Афинах и их окрестностях совы водились в изобилии. — *602.*

318 *Общество мира* — буржуазно-пацифистская организация, основанная в 1816 г. в Лондоне религиозной сектой квакеров. Общество получило

активную поддержку со стороны фритредеров, полагавших, что в мирных условиях Англия сумеет с помощью свободной торговли полнее использовать свое промышленное превосходство и добиться экономического и политического господства. — *604.*

[319] Имеются в виду русско-турецкие войны 1806—1812 и 1828—1829 годов. — *605.*

[320] *Манчестерская школа* — см. примечание 38. — *606.*

[321] Маркс имеет в виду выходившую в Манчестере английскую либеральную газету «Examiner and Times» («Наблюдатель и Времена») Газета была создана в 1848 г. в результате слияния газет «Manchester Times» («Манчестерские времена») и «Manchester Examiner» («Манчестерский наблюдатель»). В 40—50-х годах газета поддерживала фритредеров; под различными названиями издавалась до 1894 года. — *606.*

[322] Речь идет о требованиях, предъявленных западными державами России в ноте от 8 августа 1854 г. в качестве предварительных условий для начала мирных переговоров. Россия должна была отказаться от протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, который заменялся общеевропейской гарантией; предоставить свободу судоходства по Дунаю; согласиться на пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о проливах и отказаться от покровительства христианским подданным в Турции. Царское правительство, первоначально отвергнув эти четыре пункта, вынуждено было в ноябре 1854 г. согласиться положить их в основу будущих мирных переговоров. — *609.*

[323] См. примечание 65. — *609.*

[324] См. примечание 13. — *610.*

[325] Во время польского восстания 1830—1831 гг. польским революционерам удалось захватить в Варшаве архив великого князя Константина, в котором находился ряд секретных документов царской дипломатии. Часть их была опубликована в «Portfolio» в 1835—1836 гг., часть в книге «Recueil de documents relatifs à la Russie pour la plupart secrets et inédits utiles à consulter dans la crise actuelle», вышедшей в Париже в 1854 году. Депеша Поццо-ди-Борго от 16 (4) октября 1825 г. опубликована на стр. 4—47 этой книги. — *610.*

[326] *Принтинг-хаус-сквер* — площадь в Лондоне, местонахождение главной редакции газеты «Times». — *612.*

[327] См. примечание 71. — *612.*

[328] *«The Sunday Times»* («Воскресный Таймс») — английская еженедельная газета, выходит в Лондоне с 1822 года; в 50-х годах XIX в. орган вигов. — *612.*

[329] «*The Leader»* («Лидер») — английская еженедельная буржуазная газета либерального направления; основана в Лондоне в 1850 году. — *613.*

[330] *«The Examiner»* («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне в 1808—1881 годах. — *613.*

[331] Согласно статье V Лондонской конвенции, подписанной Россией, Англией и Францией 6 июля 1827 г. в связи с национально-освободительной войной греческого народа против турецкого ига, договаривавшиеся державы обязывались не добиваться каких-либо расширений территории, исключительного влияния или преимуществ в торговле, которые бы не предоставлялись одновременно каждой из двух других держав.

По Адрианопольскому договору 1829 г., завершившему русско-турецкую войну 1828—1829 гг., Россия получила острова в устье Дуная, этим же договором гарантировалась свобода плавания судов всех держав по Дунаю.

2 марта (19 февраля) 1836 г. указом царского правительства на Сулинском гирле Дуная устанавливался карантинный пост, фактически выполнявший таможенные функции. — *614.*

[332] Речь идет о статьях К. Маркса «Политические события. — Недостаток хлеба в Европе», «Западные державы и Турция. — Симптомы экономического кризиса», «Война. — Забастовки. — Дороговизна жизни», опубликованных в «New-York Daily Tribune» в сентябре — ноябре 1853 года (см. настоящее издание, том 9, стр. 314—322, 334—342, 453—461). — *618.*

[333] См. примечание 91. — *620.*

[334] См. примечание 53. — *623.*

[335] Douglas. «A Treatise on Naval Gunnery», London, 1855. — *624.*

[336] Имеется в виду принятое французским Законодательным корпусом 30 декабря 1854 г. решение о выпуске внутреннего займа в 500 млн. франков, средства от которого предназначались на покрытие расходов по ведению войны. — *625.*

[337] *«The Sun»* («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год. — *627.*

[338] См. примечание 306. — *628.*

[339] Из записной книжки Маркса видно, что он отправил 14, 21 ноября и 8 декабря в «New-York Daily Tribune» три статьи из серии «Революционная Испания», обозначенные как «Испания 1820 — июль 1822», «Испания. Интервенция» и «Испания. 1833 год». Ни одна из этих статей в газете не появилась. Публикуемый отрывок является частью статьи, отосланной 21 ноября 1854 года. — *631.*

[340] *Второй Кадисской экспедицией* Маркс называет поход Риего в 1823 году. В августе 1823 г. Риего, прибывший из осажденного французами Кадиса в Малагу, пытался пробиться отсюда в Каталонию, где в это время вел упорную борьбу против интервентов генерал Мина. Попытка Риего увлечь за собой прекратившую сопротивление армию Бальестероса не удалась, и он во главе небольшого отряда двинулся с боями по на-

правлению к Картахене. Под Хересом его отряды были разбиты значительно более сильной французской армией; 15 сентября Риего был схвачен и выдан французам.

Первой Кадисской экспедицией являлся поход Риего в 1820 г., положивший начало революции (см. настоящий том, стр. 476—477). — *631.*

341 «Армией веры» называли себя организованные католически-абсолютистской группировкой — апостоликами — отряды, поднявшие в 1822 г. в Каталонии, Наварре и Бискайе мятеж против революционного правительства; во время французской интервенции 1823 г. «армия веры» сражалась на стороне интервентов. — *631.*

342 *Комунерос* назывались члены тайного политического союза — Конфедерации испанских комунерос, — созданного во время буржуазной революции 1820—1823 годов. Комунерос представляли интересы наиболее демократических слоев городского населения: ремесленников, рабочих, части интеллигенции, части офицерства, мелкой буржуазии города. Их численность достигала 70000 человек. Комунерос являлись сторонниками самой решительной борьбы с контрреволюцией. После подавления революции комунерос подверглись жесточайшим преследованиям и прекратили свою деятельность. — *631.*

343 E. San Miguel. «De la guerra civil en Espana», Madrid, 1836. — 633.

344 Речь идет о восстановлении абсолютистского режима Фердинанда VII в Испании в результате подавления революции 1820—1823 годов. Первая реставрация власти Фердинанда VII произошла в 1814 г. после поражения Наполеона I. — *633*.

345 Имеется в виду карлистская война 1833—1840 гг. и буржуазная революция в Испании 1834—1843 годов. — *633*.

346 В сентябре 1832 г. тяжело больной Фердинанд VII отменил декрет от 1830 г., по которому испанский престол должен был перейти к его малолетней дочери Изабелле; после выздоровления Фердинанд снова восстановил ее права на престол, чем обманул ожидания сервилес (см. примечание 269), поддерживавших его брата дон Карлоса. — *634.*

347 Рукопись «Кронштадтская крепость», публикуемая впервые в настоящем томе, является одной из военных статей, задуманных Энгельсом для издававшейся в Лондоне газеты «The Daily News» («Ежедневные новости»), которой он в марте 1854 г. предложил свое сотрудничество. Энгельс, рассчитывавший стать корреспондентом газеты, надеялся, что это позволит ему освободиться от работы в торговой конторе в Манчестере и переехать в Лондон к Марксу. Рукопись не была напечатана, и уже в конце апреля Энгельс сообщил Марксу, что «история с «Daily News» провалилась» (см. письмо Энгельса редактору «Daily News» 30 марта 1854 г. и его же письмо Марксу 20 апреля 1854 г.).

Взгляды Энгельса по ряду вопросов: о стратегическом значении Кронштадта для России, о возможностях боевого использования винтового флота при атаках крепостей и другие, представляют большой интерес с военно-теоретической точки зрения. В некоторых случаях приводимые в статье Энгельса цифровые данные об артиллерийском вооружении укреплений Кронштадта расходятся с данными

русского командования, что объясняется отсутствием полной информации, о чем писал и сам Энгельс. — *635*.

[348] Статья «Английская буржуазия», отправленная Марксом в Нью-Йорк, по-видимому, 31 марта 1854 г., печатается в приложениях к настоящему тому, так как она подверглась существенному изменению со стороны редакции «New-York Daily Tribune», напечатавшей ее в качестве передовой. Первая часть статьи явно искажена и содержит ряд положений, противоречащих взглядам Маркса. К ним относится, в частности, утверждение о необходимости рассматривать политику буржуазии не с классовой, а с общегуманитарной точки зрения. С другой стороны, в статье имеется ряд важных мыслей и положений, которые бесспорно принадлежат Марксу. Это, в первую очередь, характеристика английских писателей-реалистов и раздел, посвященный престонской стачке 1853—1854 гг., упоминания о которой встречаются в ряде статей Маркса (см. настоящее издание, том 9 и настоящий том, стр. 235). — *645*.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(январь 1854—январь 1855)

1854

Январь—декабрь Маркс продолжает свои занятия политической экономией, систематически собирает статистические и другие данные по конкретной экономике, часть которых использует в своих статьях для газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»).

Энгельс усиленно работает над вопросами теории военного дела и конкретным анализом военных событий, регулярно освещая их в своих военных обзорах, написанных по просьбе Маркса для «New-York Daily Tribune».

1 января Энгельс, несколько дней гостивший у Маркса в Лондоне, уезжает обратно в Манчестер.

2 января Маркс получает от Ч. Дана, редактора «New-York Daily Tribune», письмо от 16 декабря 1853 г. с извещением, что посланная им статья «Война на Дунае», как и более ранние военные обзоры, напечатана без подписи, в качестве передовой.

5 января Маркс сообщает Энгельсу, что написанные им по просьбе Маркса для «New-York Daily Tribune» обзоры произвели сенсацию в Америке и их авторство приписывается известному генералу Скотту.

8 января В связи с вхождением английской и французской эскадр в Черное море Энгельс пишет статью, в которой анализирует дальнейшие перспективы войны и возможности связанной с ней революции в Европе. Статья под заглавием «Европейская война» публикуется в «New-York Daily Tribune» 2 февраля в качестве передовой. 3—4 февраля статья в немецком переводе печатается в нью-йоркской газете «Die Reform» («Реформа»), органе

объединения немецких рабочих в Америке (Американского рабочего союза).

10 января — Маркс получает предложение от лондонского издателя Такера выпустить второе издание памфлета «Пальмерстон и Россия» в связи с тем, что первое издание оказалось уже распроданным. Маркс дает согласие.

Маркс пересылает Энгельсу письмо от бывшего члена Союза коммунистов А. Клусса, корреспондента газеты «Reform». Систематически переписываясь с Клуссом, Маркс помогает ему советами в его деятельности по распространению идей научного коммунизма в Америке. Маркс получает от Клусса постоянную информацию о немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Америке.

14 января — По предложению своего родственника И. К. Юта Маркс пишет статью «Восточная война» для выходящей в Капштадте (Кейптауне) газеты «Zuid Afrikaan» («Южноафриканец»). Статья публикуется в газете 6 марта. Две Другие статьи, посланные Марксом 14 февраля и 14 марта, в газете опубликованы не были.

Середина января — В Нью-Йорке выходит в свет памфлет Маркса «Рыцарь благородного сознания», в котором Маркс на примере Виллиха разоблачает сектантство, фразерство и демагогическую игру в революцию, свойственные лидерам мелкобуржуазной эмиграции. Памфлет издан немецким эмигрантом в США, бывшим членом Союза коммунистов И. Вейдемейером.

18 января — Маркс сообщает Энгельсу свое мнение по поводу сражения при Четате и просит его написать статью на эту тему для «New-York Daily Tribune».

19 января — Энгельс пишет статью «Последнее сражение на европейском театре военных действий», посвященную сражению при Четате. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 февраля в качестве передовой.

20 января — Маркс пишет статью «Военные действия на Востоке. — Австрийские и французские финансы. — Укрепление Константинополя». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 февраля.

Вторая половина января — Маркс ведет переговоры об издании нового памфлета о Пальмерстоне, составленного из его статей в «New-York Daily Tribune».

27 января — Маркс и Энгельс пишут статью «Укрепление Константинополя. — Датский нейтралитет. — Состав английского парламента. — Неурожай в Европе». В разделе о составе английского парламента Маркс показывает, что существующая в Англии избирательная система обеспечивает господство аристократической олигархии.

Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 16 февраля.

Маркс получает из Америки 100 экземпляров своего памфлета «Рыцарь благородного сознания».

Начало февраля — Выходит в свет второе издание памфлета Маркса «Пальмерстон и Россия». Одновременно в том же издательстве выходит другой памфлет «Пальмерстон и Ункяр-Искелесийский договор», представляющий собой перепечатку статей Маркса, появившихся в конце 1853 г. в чартистском органе «The People's Paper» («Народная газета»).

Начало февраля — 10 февраля — Маркс знакомится с опубликованными в Синих книгах документами по восточному вопросу и пишет статью «Русская дипломатия.—Синяя книга по восточному вопросу. — Черногория», которая публикуется в «New-'York Daily Tribune» 27 февраля.

3 февраля — Маркс пишет статью «Миссия графа Орлова. — Военные финансы России». Статья публикуется в «New-York Dally Tribune» 20 февраля.

6 февраля — 7 марта — Маркс следит за выступлениями в английском парламенте по восточному вопросу и военному бюджету и пишет в связи с этим ряд статей, в которых разоблачает политику английской правящей олигархии. Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 21 февраля, 9, 13 и 24 марта.

7 февраля — Маркс, внимательно следивший за деятельностью Джонса и других революционных чартистов по подготовке — к созыву Рабочего парламента, в своей статье для «New-York Daily Tribune» разоблачает попытку буржуазных радикалов сорвать созыв этой конференции рабочих делегатов. Статья публикуется 21 февраля.

9 февраля — Маркс посылает Энгельсу несколько экземпляров «Рыцаря благородного сознания» и памфлета «Пальмерстон и Россия» с просьбой передать также по экземпляру В. Вольфу и Э. Дронке, с которыми Маркс и Энгельс поддерживают постоянную связь, как и с другими бывшими членами Союза коммунистов.

13 февраля — Энгельс пишет статью «Вопрос о войне в Европе», которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 6 марта в качестве передовой.

Около 17 февраля — Узнав от Ф. Лассаля, что прусское правительство намерено произвести массовые аресты среди демократических деятелей, Маркс решает предать эти планы гласности, чтобы помешать их осуществлению; это он делает в статье «Декларация прусского кабинета. — Планы

Бонапарта. — Политика Пруссии», опубликованной в «New-York Daily Tribune» 9 марта в качестве передовой.

Конец февраля — март

Энгельс, осуществляя свое намерение написать серию статей о военных силах России для лондонской либеральной газеты «The Daily News» («Ежедневные новости»), начинает работать над статьей «Кронштадтская крепость». Он рассчитывает стать постоянным корреспондентом военного отдела этой газеты и надеется, что сотрудничество в этой газете позволит ему избавиться от работы конторского служащего в фирме «Эрмен и Энгельс» в Манчестере и переехать в Лондон к Марксу.

Маркс и Энгельс помогают немецкому демократическому публицисту Г. Гейзе, редактору сатирической газеты «Hornisse» («Оса»), выходившей в Касселе в 1848— 1850 гг., обосноваться в Манчестере.

3 марта

Маркс пишет статью об австрийских финансах. Статья под заглавием «Банкротство Австрии» публикуется в «New-York Daily Tribune» в качестве передовой 22 марта. Маркс посылает в «New-York Daily Tribune» статью «Военные планы Франции и Англии. — Греческое восстание. — Испания. — Китай». Статья публикуется 18 марта.

6 марта

На первом заседании открывшегося в Манчестере Рабочего парламента принимается единогласное решение пригласить доктора Маркса на заседания в качества почетного делегата.

7 и 10 марта

Маркс освещает в своих статьях для «New-York Daily Tribune» деятельность Рабочего парламента. Статьи «Открытие Рабочего парламента. — Военный бюджет Англии» и «Рабочий парламент» публикуются в газете 24 и 29 марта.

9 марта

В ответ на приглашение принять участие в заседаниях Рабочего парламента в Манчестере в качестве почетного делегата Маркс посылает приветственное письмо, в котором формулирует стоящую перед английскими рабочими задачу создания самостоятельной массовой политической партии рабочего класса. Письмо Маркса Рабочему парламенту, зачитанное на заседании 10 марта, публикуется в «People's Paper» 18 марта.

10 марта

Энгельс получает от Джонса приглашение зайти к нему, чтобы ознакомиться с содержанием письма Маркса Рабочему парламенту.

13 марта

Энгельс пишет статью «Отступление русских от Калафата»; статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 30 марта в качестве передовой. Продолжая оказывать поддержку Э. Джонсу в издании и редактировании «People's Paper», Маркс посылает ему эту статью. Статья появляется в газете 18 марта.

21—24 марта Ознакомившись с опубликованной в Синих книгах секретной перепиской английского посла в Петербурге с английским министром иностранных дел в 1853 г., Маркс пишет статьи «Документы о разделе Турции» и «Секретная дипломатическая переписка». Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 5 и 11 апреля.

23 марта В письме к Марксу Энгельс подвергает критике соображения Лассаля по поводу ведения Крымской войны, которые были изложены Лассалем в его письме к Марксу.

27 марта В письме к Дана Маркс протестует против бесцеремонного обращения редакции «New-York Daily Tribune» с его статьями. Он категорически возражает против использования его статей, кроме военных, в качестве передовых, в противном случае предлагает печатать все его статьи без подписи, так как он не хочет, чтобы его фамилия стояла только под малозначительным материалом.

28 марта Маркс пишет статью «Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса», для которой использует официальные документы, а также книгу Фамена «История соперничества христианских церквей на Востоке и протектората над ними». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 15 апреля.

30 марта Энгельс посылает в газету «Daily News» статью «Кронштадтская крепость». Узнав о революционной деятельности и коммунистических убеждениях Энгельса, редакция газеты отклоняет его сотрудничество. Статья остается неопубликованной.

Конец марта— начало апреля Маркс читает книгу Гаммера «История Османской империи» в связи с изучением восточного вопроса.

4 апреля Маркс пишет статью «Парламентские дебаты о войне», в которой подробно останавливается на секретных переговорах 1844 г. между царем и английскими дипломатами по вопросу о разделе Турции. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 апреля и в переводе на немецкий язык в «Reform» 20—22 апреля.

6 апреля — 1 июня В полемике с Лассалем о характере Крымской войны Маркс доказывает, что английские правящие классы, боясь усиления революционного движения в Европе, не хотят военного разгрома царизма и поэтому оказываются неспособными последовательно и энергично вести против него войну.

7 апреля Маркс пишет статью «Россия и немецкие державы. — Цены на хлеб», в которой высказывает мнение, что вступление Австрии и Пруссии в войну придаст войне общеевропейский характер и может ускорить

наступление общеевропейского революционного кризиса. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 21 апреля.

13 апреля Энгельс пишет статью «Положение армий в Турции»), которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 28 апреля в качестве передовой.

18 апреля Маркс пишет статью «Нота Решид-паши.—Итальянская газета о восточном вопросе», в которой указывает, что немецкий, венгерский и итальянский народы особенно заинтересованы в правильном разрешении восточной проблемы; он доказывает, что ни один народ не может завоевать себе свободу, пожертвовав независимостью другого народа. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 2 мая.

20 апреля Получив от редакции «Daily News» отказ печатать его военные статьи, Энгельс сообщает Марксу о своем намерении послать статьи о военных силах России в крупнейшую лондонскую газету «The Times» («Времена»). Статьи Энгельса в «Times» не появились.

28 апреля Маркс пишет статью «Греческое восстание. — Польская эмиграция.—Австро-прусский договор.—Документы о вооружении России». Статья, в которой приводится ряд русских официальных документов, характеризующих феодально-бюрократический строй царской России, публикуется в «New-York Daily Tribune» 15 мая.

Конец апреля Энгельс помогает Гейзе написать статью с критикой авантюристских военных планов А. Шиммельпфеннига, участника баденско-пфальцского восстания 1849 г., связанного с раскольнической группой Виллиха в Америке. Статья, предназначенная для нью-йоркской газеты «Reform», остается неопубликованной вследствие прекращения выхода газеты.

Конец апреля— май Маркс занимается испанским языком — читает в подлиннике Кальдерона, «Дон-Кихота» Сервантеса и другие книги.

Май — начало июня Маркс читает собрание документов, касающихся революции 1848—1849 гг. в Италии, опубликованных в «Трехлетнем архиве итальянских дел со вступления на престол Пия IX до сдачи Венеции»; он считает эту публикацию, содержащую различного рода документы, а также перехваченные письма, весьма ценной для изучения итальянской революции.

Начало мая В связи с восстанием греческого населения Фессалии и Эпира, входящих в Турецкую империю, Маркс изучает историю образования независимого греческого государства в конце 20 — начало 30-х годов XIX в., читает и

конспектирует книгу Париша «Дипломатическая история греческой монархии с 1830 года».

2 и 5 мая Маркс пишет две статьи о текущих событиях для «New-York Daily Tribune». Редакция газеты соединяет статьи в одну. Статья «Бомбардировка Одессы. — Греция. — Воззвание черногорского князя Данилы. — Речь Мантёйфеля», в которой содержится резкая критика прусской политики в восточном вопросе и пруссачества вообще, публикуется 16 мая. Часть материала в сильно искаженном виде редакция использует в своей передовой, напечатанной 19 мая под заглавием «Прусская политика».

9 мая Маркс пишет статью «Британские финансы», в которой разоблачает демагогический характер финансовых мероприятий Гладстона. Статья, опубликованная в «New-York Daily Tribune» 23 мая, производит большое впечатление в Нью-Йорке и перепечатывается 25 мая в газете «The New-York Times» («Нью-йоркский Таймс»).

Около 10 мая Маркс получает письмо от Клусса, в котором тот сообщает, что немецкие эмигранты, живущие в Америке, намереваются выпускать в Лондоне газету на английском языке и предполагают пригласить Маркса в редакцию; этот проект остается неосуществленным.

Около 10 мая— конец мая Маркс тяжело болен. В связи с этим большую часть статей для «New-York Daily Tribune» пишет Энгельс.

Около 12 мая Маркс получает от Клусса сообщение о том, что 26 апреля из-за недостатка средств прекратился выход газеты «Reform».

22 мая Энгельс пишет очередной военный обзор, который публикуется под названием «Война» в «People's Paper» 27 мая, а также в «New-York Daily Tribune» 9 июня в качестве передовой.

24 мая Энгельс дает развернутую критику устаревшей английской военной системы в статье для «New-York Daily Tribune». Статья под заглавием «Современное состояние английской армии, ее тактика, обмундирование, интендантство и т. д.» публикуется в газете 10 июня за подписью Маркса.

30 мая Маркс пишет статью «Договор между Австрией и Пруссией. — Парламентские дебаты 29 мая». Статья, в которой Маркс показывает, что английская дипломатия добивается нейтралитета Австрии и Пруссии, чтобы сохранить локализованный характер Крымской войны, публикуется в «New-York Daily Tribune» 12 июня.

Конец мая — Так как полиция следит за перепиской Маркса, он вынужден пользоваться адресами подставных лиц; он получает два адреса, которые можно использовать для переписки с Германией.

Июнь — июль — В связи с назревающими революционными событиями в Испании Маркс приступает к изучению истории Испании. Он читает книги Флореса, Принсипе, Марлиани, Хьюза и других авторов и делает из них многочисленные выписки.

Июнь — ноябрь — Энгельс изучает историю венгерской революционной войны 1848—1849 гг., рассчитывая написать в течение зимы книгу по этому вопросу.

Около 3 июня — около 21 июня — Жена Маркса больна, у Маркса нет средств, чтобы оплатить счет врача. Энгельс, как обычно, приходит на помощь своему другу.

6 июня — Маркс посылает в редакцию «New-York Daily Tribune» статью, в которой начинает разоблачение одного из представителей бонапартистской клики, французского главнокомандующего Сент-Арно. Статья остается неопубликованной.

9 июня — В статье «Реорганизация английского военного ведомства. — Австрийские требования. — Экономическое положение Англии. — Сент-Арно» для «New-York Daily Tribune» Маркс указывает, что так как правящие классы Франции и Англии, стремясь сохранить реакционные порядки, установленные в Европе Венским конгрессом, боятся окончательного разгрома царизма, войну союзников против России нельзя рассматривать как войну между свободой и деспотизмом. Критикуя позицию английского публициста Д. Уркарта, Маркс подчеркивает, что единственной партией, способной уничтожить прогнившую правительственную систему в Англии, является пролетарская партия. Статья публикуется 24 июня.

10 июня — Энгельс пишет статью в связи с осадой русскими турецкой крепости Силистрии. Эта статья, содержащая большой военно-исторический материал, публикуется под заголовком «Осада Силистрии» в «New-York Daily Tribune» 26 июня.

16 июня — Маркс дополняет написанную Энгельсом для «New-York Daily Tribune» статью «Положение на русско-турецком театре военных действий» и отсылает ее в Нью-Йорк. Статья публикуется в газете 8 июля.

23 июня — Маркс использует присланный ему Энгельсом материал в статье для «New-York Daily Tribune». Статья под заглавием «Отход русских войск» публикуется в газете 10 июля.

27 июня Маркс пишет статью «Война. — Парламентские дебаты». Статья, в которой содержится разоблачение английской тайной дипломатии, публикуется в «New-York Daily Tribune» 10 июля.

6 июля Энгельс пишет очередной военный обзор для «New-York Daily Tribune». Статья под заглавием «Война на Дунае» публикуется 25 июля в качестве передовой.

7 июля Маркс, внимательно следивший за событиями в Испании, пишет статью «Подробности мадридского восстания. — Австро-прусские требования. — Новый заем в Австрии.— Валахия», в которой наряду с освещением других вопросов отмечает, что начавшийся в Испании военный мятеж в обстановке растущего недовольства народных масс может превратиться во всеобщее восстание. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 21 июля.

14 июля Маркс пишет статью «Возбуждение в Италии. — События в Испании. — Позиция немецких государств. — Английские судьи». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 28 июля.

20 июля В письме к Марксу Энгельс со слов Дронке сообщает некоторые сведения о бывших членах Союза коммунистов — Науте, Даниельсе, Беккере и других.

Вторая половина июля Маркс читает вышедшую в 1853 г. книгу «История образования и развития третьего сословия» буржуазного историка О. Тьерри, с другими трудами которого был знаком раньше, и делает из нес многочисленные выписки; в письме к Энгельсу от 27 июля он подвергает критическому анализу эту книгу, автор которой сумел одним из первых подметить в историческом процессе наличие классовой борьбы, хотя и не сделал из этого соответствующих теоретических выводов.

21 июля Маркс пишет статью «Испанская революция. — Турция и Греция», в которой показывает, что революционное движение, начавшееся в Испании, выходит за рамки простого военного мятежа и в результате участия в нем народных масс приобретает демократический характер. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 4 августа.

24—25 июля Маркс присутствует на заседаниях английского парламента, на которых происходят дебаты о войне; свои впечатления он описывает в статьях «Дебаты о войне в парламенте» и «Политика Австрии. — Дебаты о войне в палате общин»; статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 7 и 9 августа.

27 июля Маркс сообщает Энгельсу о предложении Такера опубликовать ряд статей из «New-York Daily Tribune» в виде

отдельных изданий. Маркс намеревается написать совместно с Энгельсом памфлет о дипломатии и военных действиях англичан со времени объявления войны, а также предоставить Такеру для перепечатки статью «Секретная дипломатическая переписка» и памфлет о Пальмерстоне. Он просит Энгельса высказать свое мнение по этому вопросу.

29 июля— 1 августа Маркс и Энгельс пишут статью «Скучная война», в которой указывают, что революционные события в Испании могут положить начало новой революционной эры в Европе. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 августа.

Август — начало декабря Маркс продолжает свои занятия в Британском музее по истории Испании. Он читает большое количество литературы на английском, французском, испанском языках, делая обширные выписки из работ Торено, Прада, Ховельяноса и других авторов.

4 августа Маркс пишет статью «Эспартеро» на основе изученных им материалов по биографии лидера испанской партии прогрессистов. Эта статья, разоблачающая Эспартеро как человека, неспособного возглавить освободительную борьбу народных масс, публикуется в «New-York Daily Tribune» 19 августа в качестве передовой.

8 августа Придавая большое значение ознакомлению американских рабочих с опытом борьбы революционного чартизма, Маркс в очередной статье для «New-York Daily Tribune» приводит материалы об агитационной поездке Джонса по Англии летом 1854 года. Статья публикуется 21 августа.

25 августа — 8 декабря Маркс пишет серию статей «Революционная Испания». Из одиннадцати написанных им статей только восемь были опубликованы в «New-York Daily Tribune» (9 и 25 сентября, 20, 27 и 30 октября, 24 ноября, 1 и 2 декабря). В этих статьях освещена история революционных событий 1808—1814 и 1820 гг. в Испании. Три последние статьи, посвященные событиям 1820—1823 и 1833 гг., остались неопубликованными.

8—13 сентября Маркс получает два письма от Эрнеста Джонса, в которых тот описывает тяжелое положение дел с «People's Paper» и просит Маркса оказать ему возможную помощь.

13 сентября Маркс сообщает Энгельсу о трудном материальном положении немецких коммунистов эмигрантов Пипера и Стеффена, с которыми он систематически поддерживает связь.

15 сентября Маркс пишет статью «Действия союзного флота. — Положение в Дунайских княжествах. — Испания. — Внеш-

няя торговля Англии» для «New-York Daily Tribune» в которой наряду с другими вопросами освещает на основе собранных им статистических материалов динамику внешней торговли Англии. Статья публикуется 2 октября.

18 сентября В связи с началом англо-французского наступления на Севастополь Энгельс пишет статью, в которой подвергает критике военные операции союзников. Статья под заглавием «Наступление на Севастополь» публикуется в «New-York Daily Tribune» 14 октября в качестве передовой.

Не позднее 29 сентября Маркс получает сообщение от редакции «New-York Daily Tribune» о том, что в связи с материальными затруднениями газета вынуждена наполовину сократить гонорар Маркса и просит его присылать только одну статью в неделю, причем эти статьи будут печататься без подписи.

2 октября Энгельс пишет статью «Вести из Крыма», в которой подвергает подробному анализу поступившее известие о падении Севастополя и ставит под сомнение его достоверность. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 октября.

5—6 октября В связи с тем, что известие о падении Севастополя оказалось недостоверным, Маркс и Энгельс пишут статью, в которой разоблачают маневры французского и английского правительств, использовавших ложный слух в демагогических целях. В этой же статье Маркс и Энгельс подвергают критике шовинистическую позицию, занятую французским мелкобуржуазным демократом Барбесом, и указывают, что подлинным руководителем революционной Франции является О. Бланки. Редакция «New-York Daily Tribune» делит эту статью на две части, одна из которых публикуется под заглавием «Севастопольская мистификация» 21 октября в качестве передовой, другая — в этом же номере под заглавием «Севастопольская мистификация. — Общее обозрение» без подписи.

9— 30 октября Энгельс пишет статьи: «Сражение на Альме», «Военные силы России», «Осада Севастополя»; статьи публикуются 26 и 31 октября и 15 ноября в «New-York Daily Tribune» в качестве передовых. Статьи производят большое впечатление в Нью-Йорке.

После 29 октября Маркс получает приглашение принять участие в работе организованного лондонскими чартистами антибонапартистского комитета в связи с предполагаемым визитом Наполеона III в Англию. По предложению Джонса Маркс избран почетным членом этого комитета наряду с такими деятелями буржуазно-демократического движения, как Мадзини, В. Гюго, Луи Блан и др. Маркс отвечает отказом; он разъясняет Джонсу, что такое выступление будет иметь гораздо больший эффект, если оно

будет вносить чисто английский характер; согласившись с Марксом, Джонс руководствуется этим в своей дальнейшей работе в комитете.

9 ноября — 4 декабря

Энгельс продолжает по просьбе Маркса регулярно писать военные обзоры для «New-York Daily Tribune» о ходе операций под Севастополем.. Его статьи «Кампания в Крыму», «Сражение под Балаклавой», «Инкерманское сражение» и «Крымская кампания» публикуются 27 и 30 ноября, 14 в 27 декабря.

22 ноября

Маркс сообщает Энгельсу о попытках Блинда, а также других вожаков мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне организовать митинги протеста против России и против позиции немецких государей в Крымской войне с участием представителей всех фракции немецкой эмиграции, в том числе и Маркса. Не разделяя позиции лидеров мелкобуржуазной демократии в отношении Крымской войны, Маркс отказывается от участия, предполагая, в случае необходимости, организовать контрмитинг с участием английских чартистов.

Декабрь 1854 — январь 1855

Маркс перечитывает свои тетради по политической экономии за предыдущие годы, «если не для того, чтобы переработать их, то, во всяком случае, чтобы овладеть материалом и держать его готовым для обработки». Он составляет краткий конспект, который озаглавливает «Деньги, кредит, кризисы», давая после каждой формулировки ссылку да соответствующую тетрадь с выписками из различных авторов (Джильберта, Торнтона, Тука, Хёббарда, Дж. Ст. Милля, Фуллартона и др.), указывая автора, название произведения и страницы своей тетради. Этот материал впоследствии был использован им в работе «Crundrisse der Kritik der Politischen Okonomie» («Основы критики политической экономии») и в III томе «Капитала».

Энгельс изучает ряд книг и материалов по истории России и славянских народов на немецком, русском и других языках. Он читает книги Гакстгаузена, Герцена («С того берега», «Россия и старый мир», «Былое и думы»), а также Патона, Ранке, Шафарика, Мачейовского, Энгеля и др.

Начало декабря

Энгельс переписывается с Дронке относительно доставки полученных из Германии от бывшего члена Союза коммунистов Наута 65—70 экземпляров последнего, красного номера «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»).

Около 2 декабря

Маркс получает через Лассаля предложение сотрудничать в немецкой буржуазно-демократической «Neue Oder-Zeitung» («Новой одерской газете»), выходившей

в Бреславле (Вроцлаве) при участии буржуазных демократов М. Фридлендера и М. Эльснера.

15 декабря — Маркс дополняет присланную Энгельсом статью, в которой еще раз подчеркивается мысль, что вступление Австрии и Пруссии в войну может способствовать началу революции в Европе. Статья под заглавием «Развитие военных действий» публикуется в «New-York Daily Tribune» 1 января 1855 года.

20 декабря — Маркс сообщает Эльснеру о своем согласии сотрудничать в «Neue Oder-Zeitung».

21 декабря — Энгельс пишет статью «Военные силы Австрии», которая в качестве передовой пубикуется в «New-York Daily Tribune» 8 января 1855 года.

Около 22 декабря 1854— начало января 1855 — Энгельс у Маркса в Лондоне.

29 декабря 1854—1 января 1855 — Маркс пишет две статьи под общим заглавием «Ретроспективный взгляд на крымскую кампанию» («Ruckblicke»), которыми начинается его сотрудничество в «Neue Oder-Zeitung». Статьи публикуются 2 и 4 января 1855 года.

1855

Январь — начало февраля — Маркс продолжает перечитывать свои тетради по политической экономии. Он составляет указатель к этим тетрадям, содержащим выписки из журнала «Economist» («Экономист») за ряд лет, из произведений Девенанта, Алисона, Петти, Буагильбера, Локка, Стюарта и др. главным образом по проблемам земельной ренты и теории народонаселения.

4 января — По возвращении в Манчестер Энгельс пишет статью с резкой критикой всей английской военной системы. Статья под заглавием «Британская катастрофа в Крыму» публикуется в качестве передовой в «New-York Daily Tribune» 22 января.

5—6 января — Маркс переводит на немецкий язык для «Neue Oder-Zeitung» статью Энгельса «Британская катастрофа в Крыму» и вносит в нее некоторые изменения. Статья публикуется в газете 8 и 9 января.

8—22 января — Маркс пишет серию статей в «Neue Oder-Zeitung» под заглавием «Торгово-промышленный кризис», в которой на основе анализа английской торговли приходит к выводу, что экономический цикл снова достиг того пункта, когда «перепроизводство и чрезмерная спекуляция сменяются кризисом». Статьи публикуются 11, 12, 20 и 25 января. Маркс посылает статью на эту же тему в «New-York Daily Tribune», где она публикуется 26 января.

9—23 января Маркс продолжает регулярно посылать в «Neue Oder-Zeitung» статьи о внутренних делах Англии, а также военные обзоры, для которых использует материалы из статей Энгельса, посланных в «New-York Daily Tribune»); статьи публикуются 13, 15, 18, 22, 23 и 26 января.

16 января У Маркса родилась дочь Элеонора.

23 января Маркс в письме к Лассалю отвечает на ряд экономических вопросов, в частности о влиянии отмены хлебных пошлин на цену промышленных продуктов и на величину заработной платы. Маркс обещает при первой возможности подобрать для Лассаля по интересующим его вопросам точный цифровой материал из своих экономических тетрадей, пока же ограничивается общими данными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Ю

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. *Ред.*

Б

В

Г

Л

П

Р

С

Т

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *В. Э. Куниной*
при участии *Е. Ю. Богуша* и *А. К. Воробьевой*

Помощники подготовителя *И. Ю. Колпинский*
и *Л. Р. Миськевич*

В подготовке именного указателя
принимал участие *Г. Б. Ковганкин*

Редактор *И. А. Бах*

*

*Сдано в набор 6/VII 1957 г. Подписано
к печати 19/V 1958 г. Формат* 60X92 $^{1}/_{16}$
Физ. печ. л. $49^{3}/_{4}$ *+ 4 вклейки —* $^{3}/_{4}$ *п. л.
Условн. печ. л. 50,5. Уч.-изд. л. 51,79.*

Тираж 170 000 экз. Заказ № 679.

Цена 10 руб.

*

*Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71,* Ленинский *проспект, 15.*

*

*Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.*

*Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*